

У Н И В Е Р С И Т Е Т С К А Я

Б И Б Л И О Т Е К А

А Л Е К С А Н Д Р А

П О Г О Р Е Л Ь С К О Г О

RICHARD LACHMANN

CAPITALISTS IN SPITE OF
THEMSELVES

ELITE CONFLICT AND ECONOMIC
TRANSITIONS IN EARLY MODERN
EUROPE

OXFORD UNIVERSITY PRESS

2000

РИЧАРД ЛАХМАН

КАПИТАЛИСТЫ ПОНЕВОЛЕ

КОНФЛИКТ ЭЛИТ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В ЕВРОПЕ РАННЕГО НОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»
МОСКВА 2010

ББК 63,3

Л 12

СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ:

В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

В. Л. Глазычев, Г. М. Дерлугьян, Л. Г. Ионин, Р. З. Хестанов

RICHARD LACHMANN. Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe was originally published in English in 2000. This translation is published by arrangement with OXFORD UNIVERSITY PRESS

Впервые опубликовано на английском языке в 2000 году. Настоящий перевод публикуется по согласованию с OXFORD UNIVERSITY PRESS

Л12 ЛАХМАН Ричард

Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / Перевод с английского Андрея Лазарева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). — 456 с.

Ричард Лахман — профессор сравнительной, исторической и политической социологии Университета штата Нью-Йорк в Олбани (США). В настоящей книге, опираясь на новый синтез идей, взятых из марксистского классового анализа и теорий конфликта между элитами, предлагается убедительное исследование перехода от феодализма к капитализму в Западной Европе раннего Нового времени. Сравнивая историю регионов и городов Англии, Франции, Италии, Испании и Нидерландов на протяжении нескольких столетий, автор показывает, как западноевропейские феодальные элиты (землевладельцы, духовенство, короли, чиновники), стремясь защитить свои привилегии от соперников, невольно способствовали созданию национальных государств и капиталистических рынков в эпоху после Реформации.

ISBN 978-5-9129-061-0

© Oxford University Press, Inc., 2000

© Издательский дом «Территория будущего», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Георгий Дерлугьян. Буржуазных революций не бывает!</i>	7
Благодарности	17
Глава 1. Что-то случилось	19
Глава 2. Феодалная динамика	45
Глава 3. Пределы развития городского капитализма	86
Глава 4. Формирование государства	176
Глава 5. Тупик и разворот	268
Глава 6. Защитный механизм элиты и трансформация классовых отношений	312
Глава 7. Религия и идеология	373
Глава 8. Выводы	411
Список литературы	432

БУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ НЕ БЫВАЕТ!

Именно таким нетривиальным утверждением можно подвести краткий итог исследованию Ричарда Лахмана. Вдумайтесь, насколько подрывное это отрицание. Сколько всего почтенного летит вверх тормашками, начиная с марксистской формационной теории и вплоть до недавней либеральной транзитологии.

А что тогда, позвольте, творилось в испанских Нидерландах времен Тиля Уленшпигеля, кто и зачем от имени парламента отрубил голову английскому королю и установили республику при лорде-протекторе (слово президент еще не устоялось) Оливере Кромвеле в 1640–1650 гг., как прикажете понимать французскую Фронду тех же лет, либо полтора столетия спустя жирондистов и якобинцев, да и, ближе к нам, столь же внезапный полуразвал Российской империи в 1905 г., к которому эсеры и большевики, честно говоря, приписали себя только впоследствии? Как объяснить тогда возникновение и бурное распространение идей Коперника и Галилея, Ньютона и Гоббса, Вольтера и Руссо, Адама Смита и Гегеля? Откуда вообще тогда берется европейский рационализм, либеральный парламентаризм, технологично-рыночная цивилизация Нового времени?

Что сказать о неуловимой и для многих вожделенной модернизации? Как быть с нашими современными надеждами и страхами перед призраком «цветных» (но не буржуазных?) революций? Разве сибирский узник Ходорковский – не капиталист? На это Лахман бы тут же возразил: «Да, конечно, но не менее капиталист и сам Путин. Он лишь институционально иначе устроен, возглавляет другой тип властной организации, населенной в верхних эшелонах собственными элитами. В пересечении интересов по-разному устроенных элит, по-разному преследующих свои капиталистические стратегии, и следует искать причину этого достаточно узнаваемого конфликта».

Ричард Лахман отнюдь не относится к волне до недавних пор модных текстуальных нигилистов. Он с самого начала признает: да, несомненно «что-то случилось» в Западной Европе между XV и XVIII вв.

Лахман и сам достаточен скептически настроен по отношению к поколению скептиков и ниспровергателей среди историков Нового времени, которые в последние годы XX в. положили столько вполне добросовестных усилий, развенчивая фактами и подвергая дискурсивной деконструкции основополагающие сюжеты либеральной и марксистской идеологий о якобы переломном значении политической и индустриальной революций эпохи раннего капитализма. Да, конечно, при внимательном и придирчивом рассмотрении судьбоносные события как-то расплываются на мириады социальных микропроцессов, которые слишком нечетки, противоречивы, непоследовательны и нередко просто слишком маргинальны в общей картине своего времени. Конечно, в Англии в 1780–1820 гг. возникает фабричный пролетариат. Но сколько его от основного населения? Процентом 3–5, притом скученные в Манчестере. Да, конечно, подавали петиции и иногда бастовали – но не замордованные пролетарии, а почти исключительно более зажиточные и высококвалифицированные ремесленники, которым как раз было, что терять. Или почитайте густо бытописательские сентиментальные романы Джейн Остин, которыми зачитывались образованные элиты именно в те годы. Есть там хоть намек на осознание эпохальной роли буржуазии и механической прялки? Куда там! В этих романах не найти даже отголосков революции во Франции. Осознание смены эпох приходит лишь задним числом, среди романистов уже вполне промышленного XIX в.: Диккенса, Бальзака, Тrolлопа.

И все-таки, что-то случилось. Неосознанное и никем из современников не предполагавшееся, однако громадное и бесповоротное, пускай и состоящее, как теперь узнаем, из великого множества вполне локальных сюжетов. Из потрясающе эрудированного описания и логически связного анализа локальных сюжетов в основном и состоит данная книга. Читать ее, помимо приобретения здорового скептицизма к традиционным догматам, будет интересно и познавательно. Стоит ли удивляться, что Ричард Лахман писал своих «Капиталистов» долгие 17 лет, в чем искренне раскаивается. Для научной карьеры в жестко конкурентной среде современной Америки такая затяжка с публикацией первой монографии едва ли не смертельна. В этом, собственно, одна из главных причин почти полного исчезновения в последние годы крупных трудов по исторической социологии. Слишком это кропотливое и долгое занятие. Куда быстрее и надежнее делать одно за другим прикладные статистические исследования. Лахман, надо сказать, пережил немало трудностей, но в конечном счете и обрел почет. Американская социологическая ассо-

циация признала его труд лучшей монографией года. Мне же остается только пояснить, из каких теоретических дискуссий возникает шедевр Ричарда Лахмана и каковы его дальнейшие теоретические ходы, подводящие к анализу уже современного кризиса западных обществ.

Отрицая капиталистический характер революций Нового времени, Лахман вовсе не уподобляется консерваторам во гневе, считающих революции вообще не достойными рационального объяснения. «Бунты», согласно классическому консерватизму, суть буйства темной толпы, подстрекаемой смутьянами против нормального порядка вещей. Это, конечно, эмоционально наивное представление, отказывающееся видеть социальные механизмы за проявлениями протестного политического насилия. Напротив, Лахман находится в центре нового поколения (хотя стоит особняком, вне каких-либо школ) исследователей революций, восстаний, протестной политики и исторических демократизаций. Теоретические прорывы Баррингтона Мура, Стайна Роккана, Чарльза Тилли и Теды Скочпол, относящиеся к 1966–1979 гг., открыли целое исследовательское поле. Революции вполне реальны (взгляните хотя бы на последствия), хотя и не означали скачка из одной, предположительно феодальной, в совершенно другую, капиталистическую формацию. Главное в новой парадигме — систематичное изучение вариаций и столь же систематичный поиск причинно-следственных цепочек и связанных с ними социальных сил. Кто и как сумел организовать на конфронтацию или не сумел и в итоге потерпел политическое поражение? Против кого реально шла борьба, какими способами, как видоизменялись в ходе столкновения противоборствующие блоки его участников и какие результаты были достигнуты? Иначе говоря, исследователи вместо иллюстрирования либеральных или марксистских схем исторического процесса решили наконец разобраться с тем, что же происходило на самом деле за завесами идеологических схем, вроде революционного пуританства, якобинства, фашизма, всевозможных национализмов, большевизма либо диссидентского либерализма образца 1989 г.? Учтите также, в большинстве исторических ситуаций исследователи сталкиваются не с трансформативными революциями, а с патовыми и тупиковыми ситуациями (возьмите хотя бы нашу перестройку), когда ни одной из сил не удавалось одержать убедительной победы и добиться концентрации властных ресурсов, открывающей возможность для более устойчивого переустройства политических и экономических институций на условиях победителей. Многие социально-политические конфигурации возникают в исто-

рии, существуют какое-то время — и ведут в никуда. Они держатся какое-то время, потому что соответствуют интересам и, главное, относительной силе каких-то определенных элит или блоков различных элит (религиозных, военных, экономических, административных). Меняется контекст, ослабевает сила прежнего блока, размывается экономическая основа или возникает какая-то неподконтрольная внешняя угроза — и локальная конфигурация приходит к очередному кризису, к Фронде или перестройке, которые могут, в зависимости от вполне поддающихся исследованию обстоятельств и конкретных действий, обернуться либо простым раздраем с последующей реставрацией в более — менее знакомых параметрах элитного контроля, либо же привести к существенным мутациями в способе организации власти. В последнем случае и говорят о революциях.

Если анализировать самого Ричарда Лахмана в перспективе его подхода, то он представляет собой фигуру на пересечении дальнейших траекторий осколков классического марксизма и либерального веберизма. Две классические школы модернизации, веберизм (представленная Талкоттом Парсонсом и структурно-функционалистской школой) и марксистская (конечно, советские академические историки плюс западные марксисты в лице Мориса Добба или Луи Альтюссера) достигли своего пика почти одновременно к середине 1960-х гг. Видимо, не случайно пик обеих школ приходится на вершину успеха двух соответствующих сверхдержав, США и СССР. Обе школы подвергаются внезапной атаке изнутри в конце 1960-х гг. Для марксистов это, например, дебаты об Азиатском способе производства, о феодальном синтезе, абсолютизме или переходе от феодализма к капитализму. Для официального веберизма это дебаты о революциях, где консервативную позицию возглавлял Сэм Хантингтон, а атаку возглавил Чарльз Тилли, либо дебаты о характере западных демократий, восходящие к «Властвующей элите» (1956) Райт Миллса и «Происхождению диктатуры и демократии: помещики и крестьяне в создании современности» (1966) Баррингтона Мура, наконец, дискуссия о причинах и путях преодоления отсталости незападных обществ, вылившаяся в потрясающий воображение проект миросистемного анализа Иммануила Валлерстайна.

Лахман в 1970-е гг. был еще студентом в Принстоне и, по его собственному показательному признанию, плохо тогда понимал разницу между курсами, которые читали профессора веберизма и неомарксистского толка. Однако элитное американское образование — если воспользоваться его возможностями, а Лахман был способным студентом — отличается именно упором на сопоставление

различных точек зрения и их прагматичную рационализацию с возможным общим знаменателем. Собственно, это отражает традиционный стиль американской двухпартийной дискуссии. Молодой Ричард Лахман увидел не только силу Иммануила Валлерстайна, Чарльза Тилли или Перри Андерсона, но и оставленные непроясненными лакуны и попросту слабые места. (Кстати, Лахман обладает редким даром глубокого и цельного видения научного текста. Его рецензии на книги коллег нередко значительно четче самих книг и, пожалуй, могли бы составить отдельный весьма достойный том.) Скажем, из общей теории Валлерстайна, сформулированной, напомним, еще в 1972–1974 гг., никак не вытекает объяснение, почему прорыв к капитализму совершили Нидерланды, а не Венеция и Флоренция. Конечно, Валлерстайн с его эрудицией и интеллектом очень элегантно обходит проблему, просто добавляя к своей теории убедительную пристройку, однако органически не связанную с основным архитектурным планом первого тома его «Современной миросистемы».

Вот это и взялся восполнить Ричард Лахман. Простудировав массив новой (на прорывные 1970-е гг.) литературы о возникновении капитализма на Западе, он отправился в Гарвард со смелым, если не юношески самонадеянным намерением сделать диссертацию, систематически тестирующую на эмпирическом архивном материале и, в итоге, логически обобщающую основные теории происхождения современности. Теперь вы уже знаете, что это заняло у него 17 лет жизни, и это еще не предел. Джек Голдстоун работал 13 лет над своей первой монографией о дестабилизирующей роли демографического давления и «безработице» среди младшего поколения элит, Джон Маркофф и подавно провел 26 лет, статистически обрабатывая массивы документов времен Французской революции. Но в результате появились модные прорывные работы нового поколения, не столько открывшие новые горизонты (как работы поколения Валлерстайна и Тилли), сколько убедительно подчистившие фланги и тылы и по ходу дела закрывшие немало затянувшихся дебатов. А закрыть дебат в науке, согласитесь, куда как труднее, чем открыть.

Как признает сам Лахман, для него самыми интересными и важными оказались вопросы, поставленные марксизмом. Например, как классовая борьба способствовала краху феодализма и формированию капитализма? Однако убедительнее выглядели ответы с позиций Макса Вебера. Не классовая борьба в виде крестьянских восстаний, которая на самом деле была эпизодичной и, главное, редко приводила к ощутимым политическим последствиям, а порою острее соперничество среди различных фракций самого господ-

ГЕОРГИЙ ДЕРЛУГЬЯН

ствующего класса (т. е. элит) шаг за шагом привело к самотрансформации бывших феодалов в новых капиталистов. Мутации из одного исторического вида в другой происходили постепенно, на микроуровнях и в зависимости от локальных организационных контекстов. Отсюда и парадоксальное заглавие книги — «Капиталисты вопреки себе», — которое теперь было бы интересно перенести и на постсоветский контекст.

Это вполне веберовский ответ на марксистский вопрос. Только учтите, что ортодоксальные веберянцы школы Парсонса чурались марксистских подходов почти с таким же квазирелигиозным негодованием, как и почтенные советские ученые относились к «протаскиванию» контрабанды из западной науки. Собственно, так и надо читать Лахмана — американский интеллектуальный контрабандист, познакомившийся в Принстоне и Гарварде с марксизмом, но затем взявшийся за поиск других ответов, более устойчивых к требованиям научной логики и эмпирики реальной истории Европы. Судите сами, чего добились среднее поколение западных историко-сравнительных социологов.

Георгий Дерлугьян

КАПИТАЛИСТЫ
ПОНЕВОЛЕ

Моей матери

ЛОТТЕ БЕККЕР ЛАХМАН

и памяти моего отца

КАРЛА ЭДУАРДА ЛАХМАНА

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга готовилась долго. На протяжении ряда лет многочисленные учителя, коллеги и студенты помогли мне самыми различными способами. Задолго до того, как у меня появились конкретные планы в отношении этой книги, мне давали советы, как разобраться в исторической социологии в целом и в развитии капитализма в Европе раннего Нового времени в частности мои учителя по Принстону и Гарварду, Гилберт Розман, Мэрион Леви-младший, Теда Скопкол, Гаррисон Уайт, Джон Пэджетт, Джордж Хоуманс, Рон Брейгер и Госта Эсприн-Андерсон. Теда Скопкол, Джон Пэджетт и особенно Гаррисон Уайт продолжали советовать и читать мои работы после того, как и они, и я сам покинули Гарвард.

Коллеги по университету штата Висконсин в Мэдисоне и университету штата Нью-Йорк в Олбани давали полезные комментарии по поводу черновиков или ранней разработки моих аргументов в статьях. В Мэдисоне Эрик Олин Райт, Иван Зеленый, Джералд Марвелл, Рон Аминзаде, Пэм Оливер, Энн Орлофф, Вольфганг Штрек и Роберто Франзоси предоставляли мне и свою дружбу, и свои советы, обеспечивали тем самым некоторое расслабление от стесняющей социологической ортодоксии Висконсинского университета. В Олбани Стивен Сейдман, Джон Логан и Рон Джэйкобс вносили предложения, которые помогли мне пересмотреть многие главы в этой книге.

Студенты и в Висконсине, и в Олбани были подходящей критически настроенной аудиторией для тех историй и теорий, которые я рассказывал им на коллоквиумах и семинарах. Их вопросы и возражения побуждали меня многое обдумывать заново и переписывать. Я хочу поблагодарить особо двух замечательных аспирантов. Стивен Петтерсон в течение года изучал Флоренцию периода Ренессанса и помог мне написать первый черновик третьей главы. Хотя окончательный вариант и далек от того, что мы составили со Стивом, его работа стала краеугольным камнем для моих последующих размышлений по поводу итальянских городов-государств. С Джулией Адамс мы вместе написали статью «Антиномии абсолютизма», которая сфокусировала мои мысли на развитии французского государства при старом режиме. Джулия также помогла мне начать исследования по Ни-

дерладам: ее изыскания по этой стране направили мои мысли в нужную сторону. Джулия делала комментарии нескольких глав и была мне прекрасным другом на протяжении двух десятилетий.

Я никогда не стеснялся спросить совета, хотя не всегда, в силу природного упрямства, следовал ему, поэтому я принимаю на себя всю ответственность за ошибки и упущения этой книги, допущенные вопреки советам многих прославленных ученых. Я хочу поблагодарить следующих историков и социологов, с которыми я виделся лично или которые охотно отвечали на мои письменные вопросы, за их полезные библиографические или критические дополнения: Чарльз Тилли, Иммануил Валлерстайн, Майкл Манн, Эрик Хобсбаум, Роберт Бреннер, Доминик Джулия, Мишель Вовель, Уильям Беик, Дэвид Паркер, Джеймс Б. Коллинз, Доменико Селла, Майкл Киммел, Эдгар Кайсер, Ребекка Джин Эмиг, Марк Гулд, Грег Хукс, Мэри Фулбрук и Розмари Хопкрофт.

Прежняя версия вступительной главы выходила под названием «Образование классов без классовой борьбы» в *American Sociological Review* (1990, № 55, с. 398–414). Некоторые соображения, полностью вошедшие в четвертую главу, входили в статьи «Элитный конфликт и образование государства в Англии и Франции XVI и XVII вв.», опубликованной в *American Sociological Review* (1989, № 54, с. 141–162), и, в соавторстве с Джулией Адамс, «Антиномии абсолютизма: образование классов, государственные фискальные структуры и происхождение Французской революции», в *Political Power and Social Theory* (1988, № 7, с. 135–175). Несколько страниц для шестой главы были взяты из моей предыдущей книги «От манора к рынку: структурные изменения в Англии, 1536–1640» (*From Manor to Market: Structural Change in England, 1535–1640*. Madison: University of Wisconsin Press, 1987). Часть седьмой главы была опубликована под названием «Государство, церковь и ликвидация магии» в книге «*The Production of English Renaissance Culture*», под редакцией Дэвида Ли Миллера и других (Ithaca: Cornell University Press, 1994).

Моя жена, Лин Миллер-Лахман, помогала мне всегда, когда мы конфликтовали с компьютером. Ее вера в то, что я сумею закончить эту книгу, меня сильно поддерживала. Мои дети, Деррик и Мадлен, отвлекали мое внимание и замедляли темп работы, за что я им благодарен. И наконец, мой покойный отец, Карл Эдуард Лахман, и моя мать, Лотта Беккер Лахман, повлияли на мое интеллектуальное развитие гораздо значительнее, чем я могу об этом написать. Им я посвящаю эту книгу.

Олбани, штат Нью-Йорк
Август 1998

ГЛАВА 1

ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ

Что-то произошло в Западной Европе в XV–XVIII в. Основатели социологии полагали, что их дисциплина должна определить это что-то и объяснить, почему это случилось именно там. Карл Маркс, Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм – каждый посвятил свои научные изыскания этой задаче. На протяжении последующего столетия социологи и ученые в смежных областях отличались друг от друга и определяли себя именно по тому, как они характеризовали главные черты этой трансформации в Европе¹.

Интеллектуально и духовно изменились европейцы, впрочем, как и материальные условия их существования. Сперва среди католиков, а потом и среди протестантов все больше и больше мыслителей развивали новое понимание природного мира, человеческого тела и разума. Сначала новое знание маскировалось под переоткрытие старой классики, его возрождение началось с переизданий и комментариев греческих и латинских рукописей, которые обнаружались в монастырских и аристократических библиотеках. Интеллектуальное пробуждение христианской Европы черпало источники вдохновения и в капитальных библиотеках и идеях кружков ученых людей, живших в мусульmano-иудейских общинах Ближнего Востока, Северной Африки и Испании.

Темпы интеллектуальных открытий ускорились с изобретением книгопечатных станков, которые позволяли накапливать в личных и институциональных библиотеках работы классиков и современников. «Появление типографий полностью преобразило те условия, в которых тексты производились, распределялись и потреблялись...

¹ Маркс, Вебер и Дюркгейм также рассматривали влияние этой трансформации на свободу, демократию и солидарность. В этой книге говорится только о социальном изменении Европы. Я не хочу присоединяться к основателям социологии в их попытках найти какие-либо нравственные уроки в истории, хотя в восьмой главе я указываю на политические уроки, которые преподносит моя модель.

Оно остановило искажение текстов, зафиксировало их более надежно, а также позволило их накапливать со все возрастающей скоростью. Благодаря ему стали возможны новые формы кросс-культурного обмена и систематического сбора информации в больших масштабах» (Eisenstein, 1969, с. 24).

Открытия, частично навеянные классическими текстами, варьировали в самом широком диапазоне — от фундаментальных научных до бытовых. Коперник, Кеплер и Галилей изменили европейское понимание небесных тел. Их систематические наблюдения ночного неба привели к формулировке гелиоцентрической модели Солнечной системы вместо одобряемой церковью геоцентрической. Знаменательно, что Коперника, который сообщал о своих открытиях в письмах и рукописях избранным читателям, терпели и даже поддерживали высшие иерархи церкви, с которыми он общался. Галилей навлек на себя гнев церкви, опубликовав теории, схожие с коперниковскими, в книгах, доступных всем (Mandrou, 1979, с. 32–40).

Большинство книг касалось менее возвышенных предметов. В XV в. отмечался небывалый подъем в сельском хозяйстве: земледельцы улучшили семенной фонд, вывели новые зерновые культуры, освоили более эффективный севооборот, а также изобрели новые техники ирригации и осушения. Каждое нововведение быстро и широко распространялось с момента его первого успешного внедрения благодаря появлению популярных бюллетеней, которые публиковались на многих языках по всей Западной Европе. Кроме того, как и сейчас, «приложением-убийцей» (killer-app, «программа-приманка») для новой технологии стала порнография. Множество книг касались порнографических сюжетов. Однако порнографические труды имели отношение — иногда прямое, иногда косвенное — к политическим противоречиям. Философы оспаривали королевские, аристократические и церковные привилегии при помощи интеллектуальных и социологических аргументов, а порнографы подрывали социальный порядок, высмеивая его и предлагая картины родства душ иного рода². Новые, все умножающиеся книги, газеты и журналы становились доступными все большему числу людей. Грамотность возросла с ¼ части от взрослого населения в Средние века до более чем ⅓ в Англии и Нидерландах XVII в. и даже ¼ во Франции XVII в.

² Дарнтон (Darnton, 1991) дает ценный обзор недавних исследований истории чтения. Питер Вейсс в своей книге «Marat/Sade» и Мишель Фуко в ряде своих работ по-разному показывают и подрывную роль порнографии, и непристойность власти.

Все литературные, философские, религиозные, научные и политические трактаты опровергали доминирующий социальный порядок. Прогресс превратил существующие социальные отношения в оковы. Карло Гинзбург (Carlo Ginzburg, 1976) проследил превращение средневековой религиозной максимы «Не высокоумствуй» («Не ищи знания высшего») через литературные и народные тексты в лозунг голландских кальвинистов «Осмелся быть мудрым». Средневековая церковь пыталась не допустить простых людей до анализа божьего творения и его планов по поводу загробного существования. И клирики, и светские власти осуждали попытки понять или усомниться в социальном порядке, созданном королями и аристократами. Религиозный скептицизм и политический раскол тесно сотрудничали с научными и технологическими изысканиями.

Европейцы отважно старались познать высшее в самых разных областях. Развитие перспективы в живописи в XIV в. дало художникам и зрителям ощущение, что они видят более глубокую и подлинную реальность, чем раньше. «Зрители [таких картин] внезапно сталкивались с совершенно приемлемым образом мистического Рая Земного, где они могли физически ощущать первичный свет Бога, дышать небесной атмосферой и прикасаться к Источнику Четырех Рек, в котором омывались Праотцы» (Edgerton, 1985, с. 21). Человеческое тело изображалось в деталях и реалистично. (Художникам помогали новые более точные анатомические атласы, которые составляли вскрывавшие тела в нарушение учения церкви.) Зрители учились уважать человека в каждом, ибо, как оказалось, каждый происходит от божественного образца, хотя образы Бога, Иисуса и ангелов у художников и у зрителей, конечно, были основаны на знании человеческого тела. Некоторые художники стали включать в свои картины открытия Галилея, изображая падающие звезды и лунные кратеры, о которых они читали в его трактатах или трудах церковников, осуждающих астронома (Reeves, 1997).

Некоторые европейцы были скептически настроены и в отношении церковных институтов, изыскивая способы, как самим укротить естественные и сверхъестественные силы. В эпоху Ренессанса и особенно в эпоху Постреформации процветали магия, астрология и алхимия. «Желание обрести магическую силу создало интеллектуальную обстановку, благоприятную для опытов и развития индуктивного метода, что означало разрыв с характерным для Средневековья отношением созерцательного смирения» (Thomas, 1971, с. 643).

Открытость в экспериментах перешла от магии к науке. Ньютон всю свою жизнь интересовался алхимией, даже когда разрабатывал

теорию притяжения и одновременно с Лейбницем стал основателем математического анализа. Новые, более точные научные инструменты и научные сообщества обеспечили условия для проведения опытов по физике, химии, физиологии, а также для распространения их результатов. Были идентифицированы и классифицированы естественные разновидности и системы человеческого тела, и, что более важно, именно в XVII в. были заложены основы современной математики. В добавление к математическому анализу Декарт и Ферма формализовали аналитическую геометрию. Ферма и Паскаль заложили основы теории вероятности. Эти открытия в математике подтвердили гипотезы европейцев, что Вселенная живет по законам, которые можно открыть и проанализировать силой человеческой мысли.

А усовершенствования в санитарии к концу XVII в. практически свели к нулю вспышки чумы в Европе. В Северной Европе подобные улучшения произошли только в XVIII в. Но хотя развитие гигиены сильно сократило распространение болезней, стоило человеку заболеть, доктора оказывались практически беспомощны. Прогресса в медицине до конца XVIII в. не было видно по большей части из-за того, что врачи основывали свое лечение на теории жидкостей Галена на протяжении всего раннего Нового времени. Первая вакцина против оспы была разработана только в 1796 г.

Удвоение сельскохозяйственного производства в большинстве районов Западной Европы в XIII–XVIII вв., выведение новых культур и пород уменьшили голод и его смертельные последствия. Однако средняя продолжительность жизни оставалась низкой, а детская смертность не уменьшалась вплоть до XIX в. В 1541 г. в Англии средняя вероятная продолжительность жизни была чуть меньше 34 лет. К 1696 г. она повысилась меньше чем на полгода. Средняя продолжительность жизни достигла 43 лет только в 1830-х гг. (Wrigley, Shofield, 1981, с. 528–529). То же самое наблюдалось во Франции и во всей остальной Европе (Dupaquier, 1979).

Инновации в сельском хозяйстве и развитие санитарии сопровождались развитием инженерного и оружейного дела, мануфактурного производства, кораблестроения и навигации. В XVII–XVIII вв. новые техники пожаротушения уменьшили риск смерти и разрушений от крупных пожаров. Когда жители европейских городов наблюдали, как бригады пожарных сражаются с пламенем, у них возникало ощущение, что социальные силы могут контролировать природные стихии, так же, как в предшествующие столетия призыв церкви жертвовать в пользу пострадавших от пожаров напоминал мирянам о их брэнности и могуществе капризной судьбы (Dupaquier, 1979).

Европейские бронзовые пушки сначала догнали по огневой мощи, а к концу XV в. и перегнали китайские, от которых они произошли. Усовершенствование чугунных пушек в XVI в. позволяло европейским армиям и флотилиям выставлять в бой беспрецедентно сильную артиллерию. Новые пушки способствовали появлению новых правил ведения войны на континенте. Военное преимущество перешло от аристократов в замках-крепостях к государствам, владевшим достаточными ресурсами для создания армий, обеспечения их артиллерией, а это, в свою очередь, заставило аристократов пойти в услужение к государству.

Быстрое развитие кораблестроения и разработка такелажной оснастки в XV в. позволили европейцам как завоевателям привезти новое оружие в Азию, Африку и Америку, а затем воспользоваться плодами военного и торгового господства. «Пушечные суда, разработанные атлантической Европой в ходе XIV и XV столетий, оказались прекрасной выдумкой, которая сделала возможной европейскую сагу... Когда парусные корабли атлантической Европы прибывали куда-либо, мало что могло им противиться» (Cipolla, 1965, с. 137)

Мировосприятие европейцев расширилось от осознания того, что существуют другие страны, населенные народами с иными обычаями и цветом кожи. Путешественники привозили все более точные и подробные карты, а их отчеты о странствиях по другим континентам печатались во многих книгах и газетах. Европейские кошельки разбухли благодаря специям, новым видам продуктов и товаров, драгоценным металлам и рабочей силе со всех частей света. Исследователи, колонизаторы и торговцы сколачивали огромные состояния в Азии, Африке и Америке.

Большая сельскохозяйственная продуктивность позволила многим людям перебраться в города, оставив земледелие, в то время как богатство, полученное от торговли, поддерживало городских работников в новых и все расширяющихся профессиях. Городское население Европы за 1500–1800-е гг. почти учетверилось, а количество европейцев, живущих в городах, увеличилось с 5 до 10%. В 1800 г. в Англии, Нидерландах и Бельгии более 1/3 части населения проживало в городах.

Европейские города трансформировались из разобщенных островков Средневековья в региональные, национальные и даже интернациональные центры торговли и управления. Крупнейшие европейские города в XIV–XV вв. были торговыми складами, они служили посредниками между значительно более богатыми и изысканными центрами Ближнего Востока и Азии и сельскими аристократами, провинциальными городками, духовенством. Великие города XVI и последующих столетий были административными и коммерческими цент-

рами. Горожане превратились из лавочников в правителей крупных государств. Вместе с европейским завоеванием Америки и большей части Азии и Африки горожане обогатились благодаря активному сальдо, получаемому от крестьян, батраков и рабов со всех заселенных континентов.

Европейские города стали центрами массовой культуры. Еще до появления массовой продукции городские мастерские и сети сельских производителей-надомников создали стандартизированные товары широкого потребления для представителей среднего класса. Английские и голландские фермеры-лавочники, ремесленники и специалисты образовали первый массовый сельский рынок промышленных товаров. В XVII–XVIII вв. число и ассортимент этих товаров увеличились, увеличив спрос на еще большее изобилие товаров для покупателей из рабочего и среднего класса XIX–XX вв.

Богатство, возникшее благодаря международному и внутреннему господству и росту продуктивности сельского хозяйства в центре Европы, было инвестировано в институции, которые до сих пор отличают современный мир: государства и компании. Сословия, финансируемые податями и налогами, и коммерсанты инвестировались в государственные службы и займы. Государственные власти использовали доступные им ресурсы для увеличения числа подвластных им людей и территорий. Европа, которая в 1490-х гг. «делилась примерно на 500 государств, зачаточных государств, государствочек и государствовподобных организаций», к 1990-м была «разделена на 25–28 государств» (Tilly, 1990, с. 42–43). В то же время госчиновники присваивали себе все более растущую долю богатства своих подданных и позволяли себе всесторонне регулировать их поведение.

Государственные власти и духовенство соперничали друг с другом за право введения однообразных стандартов действий и веры своих подданных. Сперва Реформация и Контрреформация пытались подавить неофициальные и местные религиозные практики, которые могли бросить вызов правоте каждой из них. Европейские церкви всегда требовали формальной лояльности, регулярного посещения служб и денежных выплат. После Реформации амбиции католических и протестантских церквей стали расти, им все лучше удавалось отслеживать веру своих прихожан и их поведение за пределами религиозной службы.

Мирские власти также все более назойливо и широко предъявляли претензии на умы и тела своих подданных³. Короли побуждали аристо-

³ Для Фуко и многих его последователей трансформация социального контроля и сопротивление, порожденное новыми дисциплинарными проектами, должны

кратов соперничать за государственные должности и почести. Отдельные локальные обычаи и системы права постепенно навязывались провинциальным, а потом и общенациональным судебным органам. Короли сносили замки аристократов и распускали армии магнатов. (Средневековые города-государства делали то же самое с городскими крепостями аристократических кланов.) Дуэли запрещались. Рыцарство было интегрировано в армии, которые приняли новые технологии и формы дисциплины, что делало невозможным аристократам придерживаться рыцарских норм и правил ведения боя.

Атаки на аристократию со стороны городов-государств и монархических правительств шли параллельно с народными выступлениями против власти элиты. Старым и новым системам господства бросили вызов эксперименты с самоуправлением. Философы Ренессанса начали предлагать новые конституции. Города-государства Италии и немецкой Ганзы освободились от своих суверенов и стали осваивать самоуправление и выборность при ограниченном праве голоса. Эти города бросали прямой мощный вызов божественному праву королей, несмотря на узость круга выборщиков.

Английская революция вознесла вызов власти монархии, аристократии и духовенства на новые высоты. В течение одиннадцати лет крупное европейское государство управлялось выборным парламентом и народной армией с выборными офицерами. В это же время радикальные группировки предлагали отменить частную собственность и утверждали, что каждый человек способен общаться с Богом сам, без посредничества духовенства; они обрели много последователей и даже соперничали друг с другом за право формировать английское общество.

быть движущими темами нового исторического нарратива, который может противостоять истории материалистов. В этой книге заботы Фуко по большей части игнорируются. Я упускаю многие возможности затронуть вопросы культурных и символических структур и рассматриваю опыт власти и сопротивления у социальных лишь тогда, когда они открыто проявляются в действии. В этой книге я не следую проекту Фуко обязательно рассказывать о субъективных переживаниях людей при столкновении с семьей, сообществом, государством и гражданским обществом и их сопротивлении. Конечно, эти темы важны и достойны глубокого обсуждения, но задача данной книги рассмотреть, насколько исторические изменения можно объяснить при помощи структуральной модели элитного конфликта, которую я раскрываю в следующем разделе этой главы. Я рассматриваю усовершенствование структуральных теорий социального изменения как необходимый компонент самых различных интеллектуальных задач конструирования множественных нарративов того, как социальное изменение воспринимается и переживается.

Народные восстания вынудили правительства разработать новые методы контроля граждан. В якобы децентрализованной Англии «законы о бедных» (Poor laws) регулируют место жительства и трудовую жизнь большей части граждан. Выявляются и караются случаи добрачной половой жизни и появления незаконнорожденных детей. В последнем столетии Старого режима французы создают национальные полицейские силы. Эту инновацию скопировали и другие монархии на континенте. Полиция создавала сети информаторов, огромные досье на всех подданных, достигнув значительных успехов в разоблачении и наказании религиозного и политического инакомыслия.

Претензии государства и духовенства зависели от систем управления подданными, рассеянными по обширным территориям. И хотя мы не можем назвать полицию и другие учреждения бюрократическими, новые сети часто коррумпированных и наследующих должности чиновников были достаточно эффективны для того, чтобы заставлять подданных прислушиваться и отвечать на идеологии центра, если не принимать их. Координации помогало развитие транспортной системы. Новопроложенные дороги и каналы облегчали путешествия на короткие и длинные расстояния. Благодаря общественным и частным судоходствам перемещения людей, товаров и новостей стали более дешевыми и быстрыми. Эти улучшения в инфраструктуре и организации впервые вводились в Нидерландах и Англии на протяжении XVII в., а в отдельных частях Франции в последующие десятилетия.

Успехи в области накопления и передачи знания, а также организации власти совпали с приходом капитализма. Манориальные земли, выпавшие из обращения (заброшенные, переставшие переходить из рук в руки) из-за перекрестного использования и права на доходы земледельцев, аристократов, клириков и монархов стали частной собственностью, которую можно улучшить и использовать согласно расчетам одного инвестора. Крестьяне, лишившись права на землю, пролетаризировались. В XVI и XVII вв. большинство английских крестьян потеряло свои фермы и стало наемными рабочими. К 1700 г. существование более $\frac{3}{4}$ французских крестьянских семей зависело от наемного труда.

Урожай зерновых в большинстве стран Северо-Западной Европы за три столетия, последовавших за Реформацией, удвоились. Качество сельскохозяйственной продукции улучшилось, во много раз возросло производство мяса, вина, молочных продуктов, овощей, фруктов и зерновых культур, имеющих промышленную ценность. Крестья-

яне, несмотря на свои права землепользования, и работники ничего не получили от увеличения богатства, созданного их трудом: заработки в сельском хозяйстве и промышленности за эти три века либо снизились, либо остались на одном уровне. И потребители не получили выгоду, потому что цены за эти столетия выросли.

Повышение продуктивности сельского хозяйства было на руку только землевладельцам, а во Франции — еще и государственным чиновникам. Кроме того, землевладельцы выиграли от перевода средневековых прав землепользования в частную собственность, вызвавшего гораздо больший приток доходов, нежели сеньориальные и церковные сборы; к тому же эти доходы можно было продать или передать в залог. Хотя много доходов и ресурсов в руках землевладельцев и чиновладельцев растрачивалось на демонстративное потребление или войны, значительная часть их была вполне продуктивно инвестирована. Почвы улучшались. Была организована сельская и городская промышленность, пусть и малого масштаба. Некоторые налоговые поступления были вложены во внутренние инфраструктуры, по большей части дороги и каналы. Государственные вооруженные силы использовались для завоевания иностранных колоний и торговых маршрутов, что сильно повлияло на последующее развитие любой государственной активности капиталистов.

Англия, Нидерланды, часть Франции и отдельные территории в других частях Западной Европы XVIII в. были капиталистическими по любому определению этого термина. Налицо были все условия, необходимые для промышленной революции, которая началась в Англии в конце XVIII в., уже после того периода, о котором идет речь в этой книге. Земля и другие производительные силы находились в частной собственности. Большинство работников пролетаризировались. Государства гарантировали права собственности, регулировали труд и рынки и пытались обеспечить привилегиями внешней торговли избранных граждан и компании.

Итак, в Европе в XV–XVIII вв. случилось многое. Об интеллектуальном, политическом и экономическом развитии, которое преобразовало Европу за эти столетия, подробно рассказано многими историками. Нет нужды еще раз описывать «истоки современного мира». Однако причины этих изменений остаются предметом споров.

Многие ученые, когда рассуждают о причинно-следственной связи, представляют себе некий ведущий процесс, который по мере своего развития преобразовывал остальную часть общества. Из-за трудности выделения ведущей причины большинство споров пред-

ставляют собой некий набор заявлений: «Все эти изменения — это Ренессанс, интеллектуальное пробуждение от глубокого сна Темных веков». «Средневековое общество трансформировалось потому, что новый класс захватил контроль над экономическими и политическими ресурсами и использовал их для продвижения своих интересов». «Современный мир сформировался благодаря веберовскому увеличению целерационального действия в ряде сфер — экономической (капитализм), политической (бюрократическое государство), научной и медицинской (экспериментальный метод) — и систематическому развитию и теоретизации знания в искусствах, теологии и истории». «Перемены изначально накапливались в демографической и политической областях, а затем создалась критическая масса, которая трансформировала и свойства социальных отношений». «Классовые конфликты стряхнули оковы феодального общества и освободили капиталистов для создания новых форм господств». «Возникновение миросистемы было ведущим процессом, который затем рассовал народы мира на их позиции, определявшие их политическим и экономическим опытом».

Ученые предлагают и другой набор теорий, когда пытаются определить мотивы, которые подтолкнули европейцев раннего Нового времени к преобразованию своего социального мира⁴. Для Вебера беспрецедентная практика целерационального действия в Европе XVI в. была вызвана антирациональными страхами, которые спровоцировали новые протестантские концепции Бога и спасения. Теория модернизации видит в соперничестве за материальные блага, научные достижения, национальную силу и престиж, а также бюрократические должности (возможно, мотивированном упрощенным пониманием протестантской этики или происходящей от желания не отстать от все более и более современных соседей «Джонсов») движущую силу всех и каждого типа исторического развития. Иные школы исторической социологии концентрируют свое внимание на мотивациях избранных групп акторов, видя в них ведущие причинные силы исторических перемен. Так, ученые из формации государственников анализируют, как своекорыстная государственная элита использует технические достижения (особенно в военной

⁴ Демографические детерминисты являются исключением, так как они не предпринимают попыток «вернуть людей». Они утверждают, что демографические циклы и долговременный рост населения создают условия для того, чтобы нужда породила некоторые другие формы человеческого поведения. Таким образом, любые мотивации можно допускать, а можно игнорировать.

области) и как она, пересиливая бюрократическое сопротивление, централизует ресурсы и власть в границах национальных государств. Теоретики, которые называют себя сторонниками теории рационального выбора, видят в государствах, организациях и особенно в капиталистических рынках достижения эгоистических индивидуумов, которые научились добиваться максимальной выгоды для себя лично. Некоторые марксисты считают стремление капиталистов получить прибавочную стоимость двигателем общественного прогресса.

Если объяснять социальное изменение в терминах стимулов, нужно либо показать, как и почему возникла такая мотивация именно перед совершением трансформации социального действия, или продемонстрировать, как некогда эффективное действие было заблокировано, а потом разблокировалось, позволив мотивации повлиять на социальную реальность. Вебер воспользовался первым подходом, используя протестантскую Реформацию как стрелку на железной дороге, которая направила людей по пути целерационального действия. Таким образом, его модель происхождения капитализма обладает логической связностью, даже несмотря на то, что она плохо ладит с историческими свидетельствами. Другие модели выбрали второй способ, указывая на помехи, препятствующие образованию государства, целерациональному действию или капиталистическим общественным отношениям, как на причину того, почему извечная человеческая жажда власти, престижа, материальных благ или господства над природой не вызвала к жизни национальные государства и капиталистический рынок до XVI в.

Я написал эту книгу потому, что меня не убедили описания этих помех и анализ их преодоления. В них отсутствует конкретика, способная объяснить различия между странами Европы и их частями, и часто они просто утверждают, что помехи были устранены, даже не указывая на исполнителей или процессы, ответственные за такое социальное изменение. Истинная основа для исторического сравнения скрывается в тумане, когда ученые начинают говорить, что все протестанты разделяли одно понимание пути спасения или что все победители в феодальных конфликтах из буржуа преследовали одни и те же капиталистические интересы, или же что разные жители государствоподобных организаций стремились увеличить общую выгоду.

Следуя за новейшими работами социологов, экономистов и других ученых, я утверждаю, что индивидуумы рациональны и когда они объединяются с другими, заинтересованными в том же, и действуют в рамках организаций или рынков как элиты и классы, они коллективно со-

храняют рациональную ориентацию. Я надеюсь продемонстрировать, что Реформация не ознаменовала начало эры целерационального действия. Средневековые европейцы тоже были рациональными.

Объявление и даже демонстрация рациональности исторических деятелей объясняет немного. Возможности для эффективных действий в то время и в тех местах, которые здесь исследуются, были редкими. В большинстве случаев исторические акторы могли достичь тех же решений или тех же целей, если бы они только следовали традиции, не погружаясь в рациональные расчеты. Редко и на короткое время возникали возможности изменения какой-либо ситуации к лучшему. Целерациональные действия были необходимы для того, чтобы воспользоваться этими возможностями, и исторические акторы в этих обстоятельствах, безусловно, были достаточно рациональны, чтобы ухватить свое.

Как только рациональные акторы видели свои возможности и пользовались ими, они запускали целую последовательность событий, которую нельзя было предугадать. Таким образом, конечный эффект рациональных действий шел их исполнителям так же во вред, как и на благо. Подобные различия в результатах нельзя объяснить различиями в степени рациональности, зато они объяснимы специфическими структурными контекстами, в которых рациональные акторы изменяли историю. Ниже я проиллюстрирую эти утверждения и покажу ограниченность теории рационального выбора для объяснения изменений общественных отношений и других действий в каждом конкретном месте в конкретное время.

Начнем с анализа, кто в средневековой Европе был способен действовать по-новому? Затем сделаем следующий шаг и спросим, как они действовали, чтобы преобразовать всю структуру общественных отношений и какие новые возможности эти трансформации открыли? Затем перейдем к определению и объяснению причинно-следственных связей. Вместо ведущего рычага изменения или эссенциалистского разворачивания государственной систем, или капитализма, мы обнаружим весьма случайное развитие разных политик и экономик. Хотя люди были агентами изменений, они не собирались создать то общественное устройство, которое в результате возникло. Средневековые общественные акторы хотели только улучшить или сохранить свое положение. Индивидуумы и группы шли на изменения, чтобы решить свои проблемы, которые они определяли в рамках существовавшего контекста их обществ, эпохи Средневековья или раннего Нового времени. Все долгосрочные изменения были неожиданными, и агенты этих изменений были капиталистами поневоле.

ЭЛИТЫ И КЛАССЫ КАК АГЕНТЫ ИСТОРИИ

Не все люди способны изменить что-то вокруг себя. Большинство из них практически все время находится в таких точках социальной структуры, в которых они не могут значительно оспорить свои отношения с другими социальными акторами. Структурные изменения можно прогнозировать и анализировать, только помещая агентов изменения в отношения с другими акторами, которые косвенно или неосознанно создают стратегический просвет собственными действиями внутри той же самой общей структурной обстановки. Наша задача определить причинно-следственные связи, по которым акторы в некоем месте преобразуют социальную структуру, создавая дальнейшие стратегические возможности для других акторов в иных местах. В этой книге предпринята попытка отыскать начала таких «цепочек причинно-следственных связей»⁵ в средневековой социальной структуре и проследить разные последовательности действий, создавшие капиталистические общественные отношения.

Мое основное открытие состоит в том, что цепочки случайных изменений начинаются с элит, а не с классов или индивидуумов. Конфликт элит приводит в движение и направляет каждую эпоху трансформаций. Если мы хотим понять, почему капитализм развился в начале в определенный момент в отдельных частях Европы, и если мы хотим понять различия между экономиками и политиками европейских стран, мы должны начать с того, чтобы отследить различия в структуре отношений внутри элит, между элитами и классами по отдельности, в городах-государствах, в империях и в государствах Европы Средних веков и раннего Нового времени.

Элиту можно определить как группу правителей, обладающих возможностями присваивать себе ресурсы неэлит и входящих в обособленный организационный аппарат⁶. Элита сама по себе опре-

⁵ Понятие «цепь благоприятных возможностей» взято из одноименной книги Гаррисона Уайта (Harrison White, 1970).

⁶ Способности элит могут основываться на военной силе, контроле или владении средствами производства или обмена, доступе к средствам спасения души или культурном капитале. Моя теория утверждает, что элиты получают доступ и раскрывают одну или все свои способности при помощи организационных аппаратов. Я согласен с Бурдьё (Bourdieu [1972], 1977), а также Зелени, Зелени и Ковач (Szelenyi, Szelenyi, Kovach, 1995) и другими в том, что культурный капитал—базис контроля элиты, но, в отличие от них, я полагаю, что культурный капитал относится к организациям, которые составляют элиты, а не к индивидуальным представителям элит или их семьям. Семьи и индивидуальные представите-

деляется характеристиками организационного аппарата, в который входит⁷. Однако только некоторые элиты способны защитить и расширить свои автономия и власть, изменяя в свою пользу отношения с соперничающими элитами и классами-производителями, которые являются объектами присвоения. Социальные изменения производятся элитами, действующими для себя.

Общество управляется одиночной элитой, если и только если: 1) все ресурсы, забираемые у производящего класса (классов), присваиваются некой унифицированной организацией; 2) ни одна соперничающая элита не способна создать конкурирующей организации присвоения; 3) индивидуальные члены или группы внутри элиты не могут подорвать существующую организацию управления, лишив опоры остальных членов этой элиты. Множественные элиты возникают в том случае, если группа акторов (либо внутри старой элиты, либо пришедших с неэлитных позиций) развивает возможность извлекать ресурсы из неэлит таким образом, что другие элиты должны терпеть это для того, чтобы сохранить собственный доступ к ресурсам неэлит.

Элиты, согласно этому определению, подобны правящим классам в том, что и те, и другие живут эксплуатацией производящих классов. Элиты, однако, отличаются от правящих классов в двух значительных аспектах: во-первых, в рамках теории Маркса коренной интерес правящего класса – воспроизводство своих эксплуататорских отношений с производящим классом, а в модели конфликта элит этот интерес дополняется равно жизненным интересом в сохранении способности расширить свой организационный охват конкурирующих элит. Другими словами, когда правит единичная элита, ее интересы можно анализировать в терминах Маркса, так как их единственным противником является производящий класс. Когда правят множест-

ли могут передавать культурный капитал за пределы организаций, но сам по себе он развивается для присвоения ресурсов или доминирования над другими через организации.

⁷ Это определение элиты «в себе» и «для себя» напоминает различие Марксом классов «в себе» и «для себя». Однако Маркс полагал, что классы обречены в конечном итоге стать классами для себя, а модель элитных конфликтов, которую я предлагаю, утверждает, что только те элиты, у которых есть возможность действовать для себя, могут поддержать свою автономию. Элиты сами по себе подчинятся элитам-конкурентам с большими способностями, потеряют свою автономию и не смогут действовать для себя в будущем. Конечно, могут возникнуть новые элиты, возможно, с теми же организационными чертами, что и бывшая подчиненная элита, но с большими способностями для конфликта.

венные элиты, их интересы направлены на противостояние вызову как со стороны конкурирующих элит, так и со стороны подчиненных классов.

Во-вторых, способность каждой элиты преследовать свои интересы в первую очередь обусловлена структурой отношений между различными сосуществующими элитами и только во вторую очередь межклассовыми производственными отношениями. (И снова, если деятельность единичной элиты не ограничена конкурирующими элитами, тогда, как предсказывал Маркс, все их способности и интересы направлены только против подчиненных классов.)

Элита сначала совершенствует свою способность преследовать собственные интересы, частично или целиком подчиняя организационный аппарат конкурирующей элиты своему собственному. Этот процесс я называю элитным конфликтом. Успех в конфликте элит измеряется тем, становятся ли у объединенных элит методы присвоения ресурсов менее уязвимыми. Если расширяющаяся элита умеет парировать удары конкурирующей элиты, то она может и совершенствовать свои организационные способности воздействовать на производственные отношения, улучшать методы изъятия ресурсов у производителей и уменьшать перспективы сопротивления со стороны производящего класса.

Все элиты должны присваивать себе ресурсы неэлит, если они хотят выжить. Их интерес в этом первично формируется классовыми силами, то есть производственными отношениями. Однако способность каждой элиты реализовывать свои интересы главным образом определяется структурой межэлитных отношений. Конфликт элит в первую очередь угрожает способностям элиты. При этом те интересы, которые каждая элита пытается защитить, коренятся в ее отношениях с производящими классами.

Если организационная база некой элиты выделяется по своим производственным отношениям, то эту элиту также можно определить как фракцию класса. Статический анализ отношений некой элиты или фракции класса с производящим классом или их усилий защитить себя от конкурирующей элиты нельзя провести на основе теорий Маркса или конфликта элит, так как обе фокусируются на организации изъятия элитой, которая также является фракцией класса. Для проверки обеих моделей требуется историческое исследование. Если найдется случай, в рамках которого элитные и классовые отношения испытывают некий сдвиг, реагируя на изменения в производственных отношениях, это только подтвердит преимущества марксистской теории элит. Тогда марксистская теория будет иметь все

основания утверждать, что множественные элиты обычно являются фракциями класса. Их, наконец, можно будет опознать, а их интересы и способности предсказать в зависимости от их производственных отношений. Маркс в «Восемнадцатом брюмера» (1852) приводит именно такой аргумент в пользу классовых фракций и исследует, как способности фракций определяются организационными и идеологическими факторами, не сводимыми к классовым понятиям.

Моя теория конфликтов элит признает, что некоторые элиты являются фракциями классов. Тем не менее за редкими исключениями, когда правит единичная элита и классовый анализ эффективен, классовые фракции делят правление с элитами, которые не различаются по отношению к производству. Когда фракция класса соперничает с неклассовой элитой, фракция выигрывает или проигрывает в своей классовой способности *после* сдвига в структуре отношений между элитами. Например, путем исторического анализа Англии раннего Нового времени в четвертой и шестой главах демонстрируется, что модель элитного конфликта по сравнению с моделью Маркса обладает большей предсказательной силой, когда речь идет о сдвиге интересов и способностей фракции класса джентри. Джентри смогли трансформировать аграрные классовые отношения только *после* того, как конфликт элит лишил духовенство, которое не было фракцией класса, способности регулировать производственные отношения.

Чтобы определить, какая элита или фракция класса пересилит, нужно рассмотреть всю структуру отношений между элитами. Изменения в силе организации элит приводят к изменению контроля каждой элиты над организацией производства. И модель конфликта элит, и модель Маркса в основу своих доводов кладут рациональное значение способности, а способность проявляется на уровне производства и на уровне институций, вытесненных из производства. Модель конфликта элит показывает динамику конфликта и изменения, которая отличается от той, что дается марксистской моделью, тем, что помещает первичную причину на уровне элиты, а не на уровне классовых отношений.

Теоретическая схема Маркса своим изяществом обязана предположению, что получатели выгоды от производства также являются его создателями и охранителями и что их возможности действия (agency) определяются структурой экономических отношений. Другими словами, Маркс утверждает, что и классовые интересы, и классовые способности определяются производственными отношениями. Однако он же утверждает и то, что до того, как эксплуатируемый

класс сможет трансформировать производственные отношения в своих интересах, необходимо дальнейшее развитие производительных сил.

Для Маркса изменения в производительных силах делают проблематичной способность правящего класса воспроизводить благоприятные производственные отношения. В то же время ослабление контроля правящего класса над производством помогает эксплуатируемому классу в его усилиях переформировать производственные отношения. Новый поднимающийся класс может реализовывать свои растущие способности на организационном или идеологическом уровне. Тем не менее подлинный интерес класса — получить или воспроизвести господство над средствами производства⁸.

Временная последовательность, выдвигаемая Марксом, предполагает, что изменение в производительных силах и производственных отношениях предшествует изменению интересов и способностей каждого класса, но так как историческое изменение протекает непрерывно на всех уровнях, такую последовательность различить сложно. Только исследуя эпохальные трансформации, такие как переход от феодализма к капитализму или от капитализма к социализму, можно проследить какую-либо логику.

Теория конфликта элит предполагает причинно-следственную связь между конфликтом и структурным изменением, отличную от той, которую отстаивает Маркс. Классы, наиболее близкие к производству, имеют меньше возможностей для действия (agency), чем элиты, потому что классы вдвойне связаны: во-первых, как указывает Маркс, медленным изменением производительных сил и возникающим равновесием классовых сил; во-вторых, способностями множественных элит внедрять свою автономию на средства организации для изъятия ресурсов у производящих классов. В результате производящие классы разделяются, и их интересы определяются тем, какие именно группы производителей и аспекты производства включены в организации элит по присвоению.

Возможности действия подчиненных классов первоначально деформируются изменениями в структуре взаимоотношений элиты. Когда элиты многочисленны, производящие классы разделены и менее способны начать борьбу за свои собственные интересы. Отсутствие давления со стороны производителей развязывает элитам руки, позволяя им сражаться друг с другом, не подвергая риску свой

⁸ Это обсуждение основано на анализе Лукача в его «Истории и классовом сознании» (History and Class Consciousness [1922], 1971).

контроль над неэлитами. Конфликты элит, разрывая связи между элитами и фракциями производящих классов, увеличивают возможность действия и позволяют производителям объединять интересы и способности, прежде связанные с организациями производства, которые были созданы единичной элитой. Когда конфликт элиты перестраивает некогда стабильную структуру множественных элит и консолидирует ранее автономные элиты, возникают новые возможности для альянса между неэлитами. Когда производители способны действовать как класс, элиты вынуждены миром улаживать свои споры, если только они собираются как-то парировать классовый вызов. Способности производящих классов наиболее сильно сдерживаются, когда множественные элиты сплачиваются, через компромисс или принуждение, в единичную монолитную элиту. Единичная монолитная элита имеет самую большую возможность трансформировать производственные отношения так, чтобы поддерживать и расширять эксплуатацию производящих классов.

Конфликт элиты происходит в том случае, когда одна элита пытается подорвать возможность другой отнимать ресурсы у неэлиты. Такие попытки могут принимать самые разнообразные формы, например, простого подчинения одной элиты другой, без какого-либо воздействия на структуру отношений между другими элитами или на производственные отношения. Если существует только две элиты и одна поглощает другую, итогом будет фундаментальное воздействие на классовые отношения, потому что одна элита будет ограничена возможностями подчиненного класса. Если выживет больше, чем одна элита, последствия конфликта можно определить только при анализе результирующего взаимодействия элиты и классовых структур.

Чаще всего элита добивается частичного успеха в своей атаке на другую, например, более слабая элита может предложить порцию экспроприруемого у класса-производителя в обмен на некоторую степень автономии во взаимоотношениях с более сильной элитой. Такой вид компромисса может ослабить связи между первичными экспроприаторами ресурсов внутри ослабленной элиты и вторичными получателями дохода, которые добились соглашения с конкурирующей элитой. В таких условиях первичные экспроприаторы могут организовать в элиту, отдельную от своих номинальных лидеров, либо в одиночестве, либо в содружестве с третьей элитой, либо под ее давлением.

Раскол внутри элиты, вызванный внутренними конфликтами, давлением или побуждением со стороны конкурирующих элит, приво-

дит к вопросу: как определить границы некоей элиты? Являются ли все выгодополучатели в рамках некоей организации членами одной и той же элиты или некоторые из них просто работают на эту элиту? Агенты включаются в элиту, если они необходимы для функционирования организационного аппарата элиты или если они могут покинуть его и создать свой собственный аппарат. Если выполняется только первое условие, они являются средним классом, наемными работниками организации, способными вытребовать себе некие привилегии, отказывая в своих услугах или в доступе к своим нематериальным активам, однако они остаются зависимыми от настоящей элиты. Ни один актер не может оставаться в элите, если он не является для нее необходимым. Насколько разрушительным будет уход индивидуума или группы для некоей элиты, если ушедшие не являлись для нее необходимыми, и как формирование новой элиты или разрастание уже существующей влияет на отношения элит в целом, равно как и на силу остающихся членов старой элиты?

По той доле избыточного продукта, которую удерживают акторы по пути продвижения потока ресурсов, невозможно определить, являются ли члены организации необходимыми для элиты или они способны образовать свой собственный организационный аппарат. Поскольку элиты определяются по своей силе, акторов можно зачислить в элиту, только если они способны поддерживать экспроприацию ресурсов без помощи других агентов на ресурсопотоке⁹.

Не существует способа проследить, кто незаменим для организации отъема ресурсов, и именно в этом вопросе отчетливо видны различия между марксистской теорией и теорией конфликта элит. Для Маркса классы определяются по способу производства, и фракции классов создаются в процессе развития производительных сил. Теория конфликта элит перевертывает эту причинно-следственную связь, утверждая, что система производства определяется возможностями элит организовать систему экспроприации, хотя иногда организация экспроприации у элит соответствует структуре производства и определяет ее.

Теория конфликта элит соглашается с марксистской в оценке относительных возможностей и интересов. Тем не менее организационные возможности элит и их способности отражать удары и подчинять себе конкурирующие элиты могут измениться еще до изме-

⁹ Это явление Бреннер описывает (Brenner, 1982) как «самоорганизацию правящего класса», а Андерсон (Anderson, 1974) как абсолютистское государство. Я рассматриваю их доводы и присущие им недостатки в четвертой главе.

нения производства. Это справедливо даже для тех элит, которые являются фракциями класса. Мощь элиты определяется структурой отношений между элитами. Удобный случай для элиты увеличить свою мощь открывается в зазорах межэлитных отношений. На самом деле часто невозможно вывести итоги конфликтов элит из существующих производственных отношений. Таким образом, основанный на производстве анализ фракций классов совсем необязательно позволяет предсказывать масштабы и результаты элитного конфликта. Тем не менее сила, полученная в результате конфликта, недолговечна, если только она не укореняется в производственные отношения.

Теория элит в истории в основном весьма пессимистично оценивает возможности классовых конфликтов преобразовать классовые отношения. Одну из причин этого пессимизма подсказывает диалектика самого Маркса. В каждый переходный период, исключая переход к социализму, новый правящий класс – вовсе не один из антагонистических классов, вовлеченный в борьбу, которая, как Маркс обнаружил, эндемично присуща старому социальному порядку. В результате Маркс представляет некоторый механизм изменения производительных сил, которое может перестроить производственные отношения, дать рождение новому классу с его возможностями и интересами, отличными от возможностей и интересов двух старых антагонистических классов.

Метод Маркса сталкивается с эмпирическими трудностями. Так как большинство конфликтов случается между двумя старыми классами, сложно различить приметы нового класса на трансформирующих событиях. Одним из способов решить эту головоломку будет признание того, что трансформирующий агент изначально не является классом сам по себе и для себя. Напротив, он развивается как побочный продукт, структурное приращение битв между старыми классами. Беспокойство и марксистов, и немарксистов по поводу феодальных и капиталистических государств вызвано осознанием того, что все государства являются продуктами деятельности существующих социальных акторов и одновременно той средой, где могут сформироваться новые социальные отношения и интересы.

Модель элитного конфликта подсказывает логику, которая может объяснить долгую неподвижность классов в рамках существующих способов производства и предсказать, когда и почему сформируются новые классовые интересы. Если признать, что правящие агенты в обществе имеют различные интересы, при том что они одновре-

менно являются частью некоего класса и членами отдельных элит, то можно объяснить, почему возможности правящего и подчиненного классов развиваются с разной скоростью. В этой модели подчиненный класс-производитель ограничен производственными отношениями и организационными аппаратами множественных элит. В то же время возможность действия¹⁰ правящего класса ограничивается его двойственным интересом: поддерживать и свою классовую силу, и автономию от других, конкурирующих элит.

Моя модель показывает, что различные возможности действия заключаются в структурах элиты и классовых отношениях. Последние ограничиваются силами элиты и класса, в то время как отношения элит еще могут измениться, не обязательно влияя на классовые отношения. Модель элитного конфликта при объяснении исторического изменения строится на отсутствии симметрии и отставании по времени между изменениями в элите и в классовых отношениях. Классовые ограничения, накладываемые на элиты, менее непосредственны и тотальны, чем элитные ограничения, накладываемые на действенность класса.

Маркс и его последователи неспособны объяснить, почему конфликты между одними и теми же классами в разное время приводят к различным результатам, даже если положение подчиненного класса в производственных отношениях неизменно. Теория конфликта элит справляется с этой проблемой, признавая, что элиты определяются по своим возможностям упредить те изменения в производственных отношениях, которые угрожают их автономии. Подчиненный класс, напротив, неспособен сопротивляться разным маневрам элит, которые увеличивают силу одной из них за счет другой. Эта неспособность — определяющая в вопросе подчинения класса-производителя. Это важная часть самой основы коллективного правления элит над неэлитами, и именно из-за нее изменения в классовых отношениях должны дожидаться изменений в элитных отношениях.

Последствия элитных конфликтов для классовых отношений являются косвенными. Конфликты элит увеличивают способности одного или другого класса, сокращая разделение внутри него. Когда конфликты стирают разделение элит, выжившая элита получает преимущество над классом-производителем потому, что она боль-

¹⁰ Иногда в тексте будет использоваться термин «действенность», который также передает значение английского слова «agency», как его употребляет Лахман. — *Прим. перев.*

ше не ограничена в своих действиях способностями конкурирующей элиты. Способности подчиненного класса увеличиваются и в том случае, если фракции внутри этого класса, некогда связанные с разными организациями элит, способны объединиться против недавно укрупнившейся элиты.

Сама по себе моя теория конфликтов элит не предлагает общих оценок идентичности акторов, которые получают возможности от консолидации элиты. Это задача исторического исследования, результаты которого демонстрируются в последующих главах. В данной книге я использую свою теорию элитного конфликта как метод отслеживания цепочек непредвиденных изменений, которые привели к появлению капитализма. Я начинаю с вводных понятий действенности (agency) и структуры, сначала определив действенность только в отношении ее влияния на структуру. Таким образом, классы, фракции или элиты существуют лишь настолько, насколько они производят наблюдаемое воздействие на конкретные структуры — организации производства или политические институции. Я сформулировал модель конфликта элит потому, что полагал и полагаю, что исторические свидетельства, относящиеся к Европе раннего Нового времени, являются аргументами в пользу эффективности элит и классов, хотя эти группы и определяются в рамках конкретных исторических контекстов.

Структуры можно рассматривать как артефакты прошлых цепочек действенности. Вместо того чтобы утверждать, будто у структур есть своя логика развития, я показываю, что на эволюции структур продолжают сказываться ограничения, которые на них накладывает действенность акторов, особенно элит. Структуры, выявляемые мной через исторический анализ, могут использоваться для определения долгосрочных эффектов социальных взаимодействий и ограничений, накладываемых на акторов и их действия.

Мой подход позволяет не впадать в пессимизм по поводу проекта сравнительной исторической социологии. Сравнительный анализ осуществим благодаря тому, что возможности действенности обычно весьма ограничены. В результате структурное изменение протекает медленно и поддается анализу, и сравнительным обобщениям. Тем не менее мы должны быть осторожны в теоретизировании истории и всячески избегать соблазна овеществить ограничения агентов в логике структуры. Вот почему эта книга выдвигает теорию конфликтов элит как теорию среднего уровня, даже когда проверяет и опровергает различные метатеоретические марксистские и веберовские подходы.

ПЛАН КНИГИ

Эта книга затрагивает темы фундаментальных споров относительно европейского перехода и касается кардинальных вопросов социологии, сперва анализируя по-новому социальные структуры Западной Европы перед трансформацией, а затем показывая, как перестройка феодальных элементов создавала новые капиталистические классы и государства и благоприятствовала носителям более рациональных идеологий и практик. В каждой части моих рассуждений затрагивается особый комплекс спорных тем европейского перехода. По этой причине я не привожу всеобъемлющего обзора и критики литературы по переходу, вместо этого позволяя проявиться своей позиции в этих спорах так, как я и выстраиваю свои аргументы, шаг за шагом, от главы к главе. Набор тем и вопросов, которые вели за собой исторический анализ в каждой главе, сформировался в ответ на ошибки предшествующих исследований. Значительную часть критики в узкоспециальных вопросах я поместил только в примечаниях¹¹.

Мои прежние попытки разобраться с недостатками в марксистских и веберовских разрешениях этих споров (Lachmann, 1987) заставили выделить три скорее элиты, а не аристократических класса в качестве агентов в феодальной Англии и проследить, каким образом конфликт между этими элитами стал первичным, а конфликт с крестьянством вторичным факторами, определившими формы собственности, наемного труда и государства, возникшего между Реформацией Генриха VIII и Английской революцией.

В этой работе я расширяю сферу применения своего основного довода. Во второй главе обрисованы границы конфликта элиты и класса в Англии и Франции на век раньше и позже «Черной смерти». Так как средневековые Англия и Франция были нецентрализованными государствами, я уделяю больше внимания различиям между английскими графствами и французскими провинциями, а также вариациям на манориальном уровне. Сравнительный анализ средневековой социальной структуры показывает, как и какие различия в числе и типах элит, а следовательно, и в их отношениях, повлияли на феодальное производство. Сравнения в этой главе служат для определения реальной роли демографических, экологических, технологических и идеологических изменений в ограниченных политической и экономической трансформациях сельской Европы в период Ренессанса.

¹¹ Читатели, которых интересует мой обзор всей литературы о переходе, могут обратиться к книге Lachmann, 1989.

Третья глава выходит за пределы моего первоначального круга проблем, существующих в аграрном секторе, для того, чтобы определить место городов и более крупных политических единиц в мире Ренессанса. Итальянские города-государства в целом и Флоренция в частности сравниваются с Лондоном, Парижем, Мадридом и папским Римом, с одной стороны, и с городами Нидерландов и Ганзейской лиги — с другой, чтобы определить источники городской автономии и показать, как трансъевропейские союзы и войны позволили некоторым элитам добиться гегемонии внутри своих локальных баз и получить выгоду от торговли и политики в своих столицах.

Главы вторая и третья дают основания для дальнейшего противоборства модели, разработанной Вебером, касательно происхождения и развития капитализма. Во второй главе подвергается сомнению понимание Вебером феодализма как хронического состояния конфликта, который был не способен вызвать значительные изменения без внешнего вторжения городских купцов и, в конечном итоге, протестантской этики. В третьей главе очерчиваются границы городского капитализма и показывается, почему конфликты среди городских элит и классов привели к рефеодализации политики и экономики каждого города-государства.

Показанный в третьей главе тупик, в котором оказались городские элиты, объясняет, почему города не повели за собой Европу. Чтобы рассмотреть следующее звено в моей цепи рассуждений и в реально происходившем историческом развитии Европы, требуется вернуться к конфликтам среди отсталых сельских аристократий, которые уже были предметом изучения во второй главе. Четвертая глава исследует влияние Реформации на отношения элит и конфликты в Англии и Франции. В моем анализе Реформация выступает скорее как структурное, нежели как идеологическое потрясение системы Европы эпохи Ренессанса.

Отношения элит по-разному перестроились в Англии и Франции. Я исследую эти различия в четвертой главе, противопоставляя горизонтальный абсолютизм, развившийся в тюдоровской и стюартовской Англии, вертикальному абсолютизму Франции той же эпохи. Различные виды абсолютизма дали возможность местным элитам бросить вызов короне в английской гражданской войне и во французской Фронде и сформировали организации, которые элиты использовали для контроля над крестьянами и регулирования аграрного производства.

Итальянские казусы, рассмотренные в третьей главе, дополнены анализом конфликтов испанских и голландских элит в пятой. Эти ка-

зусы позволяют рассмотреть роль торговли и империализма в трансформации европейской политики и экономики. Пятая глава анализирует вопрос, по-разному освещенный Фернаном Броделем (1979, 1984) и Иммануилом Валлерстайном (1974), почему гегемония над европейской экономикой перешла от итальянских городов к Нидерландам и затем в Британию. В третьей главе анализируется итальянский упадок, через разбор внутренней динамики конфликта элит и консолидации внутри каждого города-государства. Глава пятая объясняет, как отсталость, распространенная испанским империализмом, и подъем, а потом и застой голландской торговой державы в социальных структурах были порождены конфликтами элит внутри особых государственных образований Испании и Голландии. Конфликты элит помешали развитию национального государства в Италии раннего Нового времени, а в Испании и Нидерландах привели к появлению государств, чьи формы загнали в угол конкуренцию в европейской экономике. Сравнивая влияние выживших феодальных элит на возникающие формы государства, можно показать, почему социальная система Ренессанса не уступила места капиталистическим классам и государствам по всей Западной Европе.

За обсуждением провалившихся переходов и слабых государств следует базовое сравнение Англии и Франции. В шестой главе исследованы последствия консолидации элит внутри и снаружи государства для классовых отношений аграрного сектора с тем, чтобы объяснить различия в английском и французском экономическом развитии. Я начинаю со сравнения тех способов, при помощи которых английские и французские землевладельцы отвечали на угрозы их сеньориальному доходу и силе со стороны элитных конфликтов, проанализированных в четвертой главе. Затем я обращаюсь к классовым конфликтам. Я обрисовываю весь спектр ответов крестьянства на покушение на их древние права, которые предъявили землевладельцы и другие элиты, объясняю, как прежние конфликты элит и классов повлияли на силу крестьянских общин и возможности крестьян сопротивляться или формировать аграрные отношения производства, которые появились в XVII в. Эта глава завершается объяснением, как английский и французский режимы определяли экономическое развитие в последующих столетиях. Глава шестая завершает мое альтернативное объяснение капиталистических общественных отношений как артефактов из цепи конфликтов элит и классов.

В седьмой главе я пересматриваю тезис Вебера о протестантской этике и позднейшие работы его критиков и последователей. Так же, как продолжительный тупик феодальных элит ограничивал рацио-

нальность Флоренции, распад феодальных общественных отношений открыл путь для главнейших исполнителей целерационального действия среди элит и усилил дисциплинарное воздействие на массы. Эта глава помещает реформационно-протестантских и контрреформационно-католических носителей новых идеологий в рамки структур постфеодальной Англии и Франции. Я объясняю, почему некоторые клирики и представители других элит пропагандировали новые практики, и отношу их успех в трансформировании элитных и народных верований и практик за счет связей этих пропагандистов со спонсорами из элит, по-разному размещавшихся в социальных структурах Англии и Франции. Анализ структуры элиты дает возможность понять, как их интересы выражались в идеях, и увидеть, как у акторов появлялись стимулы к трансформации общественных отношений, часто с такими последствиями, которых они не могли предусмотреть и которые вызывали к жизни новые идеологии для понимания и новые практики для продвижения в мире, созданном ими.

Восьмая глава показывает значение содержательного анализа, проведенного в предыдущих главах, для изучения социального изменения в целом и перехода к капитализму в частности. Я выдвигаю некоторые предположения относительно того, как должны быть пересмотрены процессы образования государств и классов в свете преимущества модели конфликта элит над моделью классовых конфликтов. Я показываю, как изучение конфликта элит может объяснить развитие революций — и тех, которые возглавлялись элитами, и тех, которые вели возникшая буржуазия и пролетарии в XVIII в.

ГЛАВА 2

ФЕОДАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Макс Вебер считал, что феодальная политика в основном касалась того, как «индивидуальные держатели фьефов и другие собственники присвоенных мощностей проявляли свою власть», как «эти обладатели привилегий объединялись друг с другом ради конкретного действия» и как «эта система альянсов... стала хроническим состоянием, чего было никак не избежать из-за отсутствия в ней эластичности» (Weber [1922], 1978, с. 1086). Вебер главным образом сравнивал структурную и идеологическую жесткость феодализма с динамикой постреформационного капитализма. Пессимистично оценивая возможности преобразований в феодальных обществах, Вебер и его последователи (за значительным исключением государственно-ориентированных теоретиков) и не пытались определить параметры и направления феодального развития.

Изучение феодального изменения развивалось в основном в рамках двух традиций: одна концентрировалась на росте городов и дальней торговли (эту позицию более подробно мы рассмотрим в третьей главе¹), другая — рассматривала связь между демографическими циклами и изменениями в системе землевладения и аграрного производства. Внутренние споры обычно вспыхивали между немарксистами, считавшими демографические показатели независимыми, и марксистами, рассматривавшими классовую борьбу как некую силу-посредника, связывающую численность населения и производственные отношения.

¹ И снова Вебер и его последователи рассматривают феодальные города, чтобы продемонстрировать, почему такие центры «политически-ориентированного капитализма» и формы торговли между ними не смогли развиваться в настоящий капитализм без протестантской Реформации или какой-то другой фундаментальной трансформации идеологического или психологического базиса действия. Выдвигающие аргумент о том, что города и торговля представляют экономический сектор, внешний или разрушительный по отношению к феодализму, — марксисты или историки вне социологических дебатов.

Опираясь на споры между марксистами и немарксистами, попытаемся прояснить параметры структурного изменения, возможно на уровне производства в Англии и Франции XI–XV вв. Я считаю, что ни демография, ни динамика классовых конфликтов, ни их сочетание недостаточны для объяснения разницы в развитии отношений аграрного класса на местном или национальном уровне в этих двух странах. Демографию и классовый анализ необходимо подтверждать изучением множественных элит, которые правили аграрным обществом в феодальной Англии и Франции. Мое понятие элит, данное выше, частично происходит от веберовской концепции феодализма как условия для конфликта между монархами и держателями фьефов и бенефициев. Однако я считаю, что такой элитный конфликт не всегда был хроническим, в Англии и Франции этот конфликт способствовал возникновению новых структур, которые еще до того, как протестантизм привнес свое психологическое воздействие, могут рассматриваться, как капиталистические.

МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕХОДА У ДОББА

Объектами феодальной власти были земля и крестьяне. Сеньоры старались перехватить друг у друга и землю, и право эксплуатировать крестьян. Они же пытались увеличить свои коллективные и индивидуальные способности извлекать прибыль из крестьян, находящихся в их власти. Способности землевладельцев зависели от места и времени. «Черная смерть» 1348 г. для большинства историков – разграничительная линия в истории феодальных аграрных экономик. После нее крестьянство большей части Восточной Европы попало во вторичную крепостную зависимость, в то время как основная часть населения в Англии и Франции получила расширенную автономию из рук своих манориальных хозяев. Исследователи феодализма каждый по-своему пытаются объяснить эту разницу в следствиях общего для всей Европы демографического спада.

Изучение данного вопроса с позиций современного марксизма начал Морис Добб (Dobb, 1947), указав, что низкий уровень прибавочной стоимости в феодальной экономике приводил к тому, что усилия землевладельцев выжать из крестьян больше в моменты кризиса были обречены на контрпродуктивность. Феодальные сеньоры XII – начала XIII в., правившие в эпоху роста численности населения, «парцеллизации» крестьянских владений и абсолютного падения аграрного производства *per capita* (на душу населения), погру-

жались в углубляющийся демографический коллапс из-за своих усилий поддержать тот уровень прибавочной стоимости, который они привыкли получать².

Феодалы были ограничены дефицитом рабочей силы, остро вставшим после «черной смерти». «Реакция нобилитета на эту ситуацию не везде была единой, и эта разница в реакции в различных областях Европы и породила большую часть различий в экономической истории последующих столетий» (Добб, 1947, с. 50–51). Добб утверждает, что все феодальные сеньоры хотели закрепить своих арендаторов, обеспечив себя рабочей силой на собственных доменах. Таким образом сеньоры могли получать свою долю сельскохозяйственной продукции, даже если демографический спад и означал, что у крестьян больше не было оснований соперничать друг с другом за возможность платить более высокую ренту за арендованные участки.

Добб указывает, что крепостное право, как и другие формы подневольного труда, требует экстенсивного надзора для обеспечения того, чтобы крепостные обеспечивали, кроме удовлетворения своих собственных нужд, и прибавочную стоимость. Низкий уровень сельскохозяйственного производства в феодальные времена практически везде сделал невыгодным для землевладельцев инвестиции в военные и административные силы, необходимые для удержания работников-крестьян и надзора за ними. Добб указывает, что крепостное право было финансово оправданно лишь в тех областях, где имело место высокое соотношение земля/население и где большие трудозатраты не повышали продуктивности земли (1947, с. 50–60).

² Буа (Bois [1976], 1984, с. 263–276) выдвигает схожий аргумент касательно Франции. Он показывает, что в XII – начале XIII в. сеньориальные доходы росли, хотя даже феодальные налоги уменьшались, благодаря тому, что растущее крестьянское население расчищало и колонизировало новые земли. Таким образом, общий размер дворянских поместий и общее число арендаторов, и общее количество феодальных доходов росли, даже несмотря на то, что налоги с каждого арендатора и каждого гектара земли уменьшались. Как только вся свободная земля, которую можно было легко расчистить, используя доступные тогда технологии, была занята, сеньоры стали компенсировать свои расходы, повышая арендную плату на существующих землях, тем самым вызвав демографический кризис. Буа полагает, что если бы сеньоры не стали повышать ренту, то в конце колонизации это привело бы к демографическому плато и медленному понижению, а не внезапной катастрофе, которую вызвала чума. Тем не менее так как Буа выдвигает в качестве фундаментального закона феодализма тенденцию снижения налогов с течением времени, а в качестве следствия из него тенденцию сеньоров повышать объем ренты, демографический коллапс в конце колонизации, которая на какое-то время поддержала доходы сеньоров, был неизбежен.

Первое условие позволяло феодалам гарантировать своим крепостным достаточные для выживания наделы (оставляя их самих заботиться о своем выживании) и одновременно удерживать достаточно обширные земли для возделывания зерновых, которые впоследствии феодалы могли использовать для удовлетворения собственных потребностей или для продажи. Второе условие устраняло необходимость в чрезмерном надзоре: если земля была минимально продуктивна, независимо от уровня трудозатрат, высоко мотивированный или интенсивно контролируемый труд приносил не больше, нежели труд совсем не мотивированных и плохо контролируемых крепостных. Оба условия встречаются только в Восточной Европе, поэтому только там крестьяне были вторично закрепощены.

Из логики Добба следует, хотя он и не анализирует динамику отношений аграрного класса при феодализме, что землевладельцы в Западной Европе не навязывали крепостных отношений потому, что не могли сделать их выгодными. Вместо этого они сменили вид оплаты и отдали землю в ренту, сократив административные издержки и обеспечив себе повышение ренты при демографическом росте во второй половине XV в. (с. 60–70)³.

Добб справедливо указывает: «...не следует тем не менее заключать, что простой переход от трудовых повинностей к денежным выплатам или переход к аренде земли представлял собой освобождение земледельца от крепостных обязанностей или их замену на свободные договорные отношения между ним и землевладельцем» (с. 63). В Западной Европе переход на денежную оплату создал то, что Добб назвал режимом мелкохозяйственного производства (с. 85) внутри которого сельскохозяйственное и ремесленное производство наиболее радикально менялось теми производителями, которые были лишены и аристократических, и цеховых привилегий и которые были свободны от феодальных ограничений на использование своего труда и своей собственности. Однако возможности производителей накапливать капитал и трансформировать режим мелкохозяйственного производства в подлинный капитализм были ограничены не-

³ В шестой главе я показываю, что французские землевладельцы XVII и XVIII вв. старались вводить издолящину на более бедных землях, удаленных от прибыльного парижского рынка, а лучшие земли, ближе к рынкам, сдавать в аренду за деньги. Такие экономические расчеты были возможны только тогда, когда землевладельцы были уверены в своем контроле над землей. В Англии, где за контроль над землей соперничали больше, экономические соображения были вторичны, а первичны необходимость парировать притязания со стороны на владение землей.

честной конкуренцией со стороны цехов и торговых монополий, а также со стороны сеньоров, которые продолжали собирать ренту под защитой феодального государства. Иными словами, неудача феодалов Западной Европы во вторичном закрепощении крестьян, приведшем к режиму мелкохозяйственного производства, была необходимым, но ни в коем случае не достаточным условием для развития капитализма. Возможности производителей получать прибыль из эксплуатации растущего пролетариата (в отличие от выгоды, получаемой цехами от торговых монополий или мелкими производителями от самоэксплуатации) появились лишь после падения власти цехов и аристократии во время Английской революции, которая позволила «Англии... невероятно ускорить рост промышленного капитала в следующие полстолетия — рост, обгоняющий все другие страны, в которых также не доставало похожего политического переворота» (с. 176).

Анализ перехода от феодализма к капитализму, проведенный Доббом, страдает одним существенным недостатком: он не способен объяснить, почему образовался двухвековой разрыв между отменой крепостного права после «черной смерти» и развитием частной собственности на землю и пролетаризацией большинства крестьян в столетие, последовавшее за Реформацией Генриха (см.: Lachmann, 1987, с. 17). Также Добб не объясняет, почему схожие режимы мелкохозяйственного производства и позднефеодальная политическая система привели к буржуазной революции в Англии на полтора столетия раньше, чем во Франции.

Исправлением этих изъянов занялись сразу три группы исследователей. Группа, состоявшая из марксистов и немарксистов, соглашалась с Вебером в том, что феодализм застоен, но при этом определяла городской сектор как внешний локус трансформации по отношению к феодализму. Взгляды этой группы, выраженные Свизи (Sweezy, 1950, 1976) и более поздними учеными, разобраны в третьей главе, в которой рассмотрены пределы развития городского капитализма. Вторая группа приняла базовые контуры истории по Доббу, но затем перешла от уровня производства к развитию «самоорганизации правящего класса» или образованию государства, пытаясь ответить на вопрос, почему государственные структуры и организации, благоприятствующие воспроизводству аристократии, были преобразованы в структуры, благоприятные для развития буржуазии и капиталистических форм производства. Этот спор, продолженный Робертом Бреннером и государственно-ориентированными теоретиками, разбирается в последних главах. Однако недостатки этой модели не бу-

дут очевидны, пока мы не поймем динамику феодализма на уровне производства и не свяжем ее с действиями аристократов и правителей на уровне национальной и интернациональной политики. Поэтому мы сперва должны проанализировать критику, выдвинутую третьей группой в отношении марксистской версии перехода историками демографии немарксистского толка.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ТИПА ПОВЕДЕНИЯ

На протяжении очень долгого времени — в XIII–XIX вв. — почти вся Франция следовала за Англией, переходя от феодального к капиталистическому сельскому хозяйству. Сегодня в XXI в. нам кажется, что вся Европа готова прийти к той организации сельскохозяйственного производства, впервые достигнутой в Англии и Нидерландах в конце XVI в. С этой точки зрения все нижесказанное может восприниматься как уклонение от разбора самой сути вопроса.

Указанный период находился в фокусе внимания ученых, работы которых разбираются в этой главе. Они отрицают, что в аграрных общественных отношениях в Англии XVI в. (или где бы то когда бы то ни было) произошел революционный перелом, и утверждают, что капиталистическое сельское хозяйство развивалось постепенно на протяжении нескольких столетий, хотя с разной скоростью и, возможно, различными путями, до тех пор, пока к XIX в. каждая область Западной Европы не достигла общей точки.

Многие из этих историков считают, что феодальные структуры землепользования начали ослабляться еще до «черной смерти»⁴. К третьей четверти XIII в., как утверждает Кэтлин Биддик (Cathleen

⁴ Самый крайний пример находить капиталистическую практику до XVI в. принадлежит Макфарлейну, который утверждает, что весь спор об истоках капитализма бессмыслен для Англии, где были индивидуалистическая идеология и, следовательно, «развитый рынок и мобильность труда, земля рассматривалась как товар, было установлено полное частное владение, существовала очень значительная географическая и социальная мобильность, а также совершенное разделение между фермой и семьей и широко распространилась рациональная бухгалтерия и мотивация прибылью», и все это, по крайней мере, начиная с XIII в. (Macfarlane, 1978, с. 105). Макфарлейн приравнивает набор этих черт к капитализму и заключает, что Англия была капиталистической в значении этого термина по Марксу и по Веберу «в 1250 г., точно так же, как в 1550 или 1750 гг.» (там же). Англия, следовательно, занимала уникальное положение для того, чтобы вос-

Biddick, 1987, с. 279), «феодалы по большей части прекратили вмешиваться (в структуры крестьянского землепользования), оставив себе лишь хрупкий внешний скелет обычных владений, который должен был нести груз земельного рынка»⁵. Биддик и другие, придерживающиеся того же мнения, не только верят, что рыночное распределение земли по своей природе более эффективно, нежели феодальная система сеньориального контроля, но и полагают, что их понимание преимуществ рыночной организации соответствовало пониманию сеньоров и крестьян XIII в. Приписывая рыночную рациональность аграриям тех лет, эти историки отличаются от теоретиков, которые будут обсуждаться в третьей главе, хотя бы тем, что не считают городской сектор единственным источником целерациональных экономических действий, напротив, они видят в сельских землевладельцах первичных капиталистических акторов в Западной Европе.

Это «открытие» раннего капитализма немедленно вызывает два возрождения. Во-первых, если аграрии XIII в. поняли, капитализм рациональнее феодализма, почему большая часть европейских феодалов и крестьян так долго не переходили к этой чудесной новой организации производства? Во-вторых, почему эти прозорливые первые аграрные капиталисты не осознали заранее, что их ждет стремительный рост производства и доходов, как у английских и голландских фермеров XVI в.?

К сожалению, вышеназванные ученые не дают ответов на поставленные вопросы, они даже не задаются первой проблемой, отвечая лишь на вторую и предлагая несколько имплицитных моделей, чтобы объяснить, почему акторы в аграрном секторе оказались неспособны

пользоваться технологическим прогрессом и колониальными возможностями, которые открылись в конце XVIII в.

Работу Макфарлейна критикуют за то, что она почти полностью опирается на «налоговые записи и приходские книги [потому что они] оставляют за своими рамками столь многое» (Stone, 1979, с. 40). Макфарлейн не понимает, что до XVI в. англичане продавали или обменивали крепостнические права на обработку земли, а не настоящую частную собственность. «Он совершенно игнорирует постоянный общинный контроль посредством манориальных судов почти всех аспектов использования собственности [включая] столь многие аспекты личной жизни, что сложно разглядеть, где средневековая концепция индивидуализма находит место для процветания вне той единственной сферы, которую Макфарлейн подчеркивает: власти продавать или оставлять в наследство собственность» (Stone, 1979, с. 41).

⁵ Биддик предъявляет объемный библиографический список трудов английских историков, которые разделяют его взгляды. Фуркен (Fourquin, 1976, с. 176–185) делает то же самое для французских историков.

действовать согласно своему рациональному пониманию или почему их рациональность была направлена на уменьшение возможности максимизировать отдачу от материальных и человеческих ресурсов. Ниже предложены несколько объяснений региональных и национальных различий в скорости развития аграрной экономики начиная с XIII в. Концентрация на временных и географических вариациях лучше всего подчеркивает причинные факторы в переходе к капитализму.

Демографические ограничения экономического развития

Наибольшей популярностью у многих европейских историков пользуется мальтузианская модель Бреннера (Brenner, 1976, с. 33)⁶. Майкл Постан и Эммануэль Леруа Ладюри рассматривают эту модель как длительную общую тенденцию в сторону рационального использования земли и труда. Эти ученые связывают современное капиталистическое сельское хозяйство с крупными инвестициями в технологии для повышения урожайности и эффективности труда. Последователи этой традиции пытаются определить факторы, которые замедляли или убыстряли модернизацию сельского хозяйства в феодальной Европе.

Рост населения в столетия, предшествовавшие «черной смерти», тормозил улучшения в сельском хозяйстве, направляя новые потоки рабочей силы и капитала в расширяющиеся пограничные земли. Крестьяне использовали общинную солидарность и законные права, охраняемые короной, чтобы обеспечить себя наделом земли и сельскохозяйственной продукцией для прокорма своих умножающихся семей, тем самым устраняя новые инвестиции в сельское хозяйство (Vois [1976], 1984, с. 187–200; Forquin [1970], 1976, с. 13–15; Neveux, 1975, с. 35–39). Сокращение, хотя и не абсолютное, феодальной ренты также уменьшало ресурсы, доступные землевладельцам для инвестиций в производство (Vois [1976], 1984, с. 215–225).

Демографический коллапс середины XIV в. возобновил инвестиции в землю⁷. Французские феодалы «подвергали крестьян... „вне-

⁶ Основной вклад в разработку этой модели, как указывает Бреннер, внесли Аббаккук (Habbakkuk, 1958), Постан (Postan, 1966), Леруа Ладюри (Le Roy Ladurie, 1966). Купер (Cooper, 1978) развивает этот же подход в своей критике статьи Бреннера 1976 г.

⁷ Бреннер (1976) сводит дискуссию между Постаном и Леруа Ладюри о послечумной эре к утверждению, что небольшая численность населения привела «к сокращению ренты в целом и рабочей силы в частности... [и в конце концов] к падению крепостничества» (1976, с. 39).

экономическому“ принуждению... <и> затевали то, что в других условиях, привело бы или должно было привести к первичному или вторичному закрепощению» (Le Roy Ladurie [1977], 1987, с. 65). Однако крестьянские бунты расстроили эти планы, в то время как юристы короны ограничились властью феодалов над крестьянами и укрепили крестьянские общины, чтобы обеспечить им способность платить налоги государству (Le Roy Ladurie [1977], 1987, с. 65–66; Neveux, 1975, с. 63–68; Nabholz, 1944, 533–536).

Разочарованные неудачными попытками выжать больше из крестьян, феодалы передали им в долгосрочную или постоянную аренду землю за большие «пени», выплачиваемые при заключении договора (Neveux, 1975, с. 138–140). Со временем инфляция обратила эти ренты в прах, тем самым де-факто закрепив передачу большей части земли из рук аристократов к держателям аренды из простого народа. Дифференциация между крестьянскими семьями привела к концентрации большей части земель в руках у элиты из торговых крестьян (Le Roy Ladurie [1977], 1987, с. 135–175).

Леруа Ладюри и его коллеги блистательно объяснили, как крестьянские системы наследования земель влияли на их концентрацию в различных регионах Франции⁸, но они не показали, почему сеньоры в одних регионах отдавали землю в аренду крестьянам, а в других устанавливали *metayage* (раздел урожая), а также почему феодалы колебались между выбором системы (Le Roy Ladurie [1977], 1987, с. 78–81).

Леруа Ладюри (1978) утверждает, что Бреннер игнорирует то, как его *Paysans de Languedoc* (1966) «включает (классовую структуру), прилагая все усилия к тому, чтобы вывести социальные группы (землевладельцев, фермеров, сельскохозяйственных работников и т. д.) из абстрактных экономических категорий (поземельная рента, прибыли, зарплата)» (с. 55). Претензии Леруа Ладюри вполне оправданы, Бреннер действительно игнорирует *ad hoc* многократные обсуждения социальных отношений в работе Леруа Ладюри. Делая так, Бреннер проявляет излишнюю доброту к Леруа Ладюри, придавая его многочисленным трудам связность и элегантность, которой они на самом деле лишены. В результате Бреннер упускает настоящую проблему Леруа Ладюри: французский историк неспособен определить согласованный набор социальных структурных факторов, которые бы различались во времени и месту действия, способный объяснить различия в землевладении во времени и в разных французских провинциях.

⁸ Схожий аргумент о связи между системами наследования и концентрацией земли в Англии выдвигает Хоуэлл (Howell, 1975; 1983). См. в Lachmann, 1987, с. 124–127 критический разбор того, как Хоуэлл игнорирует воздействие перестановок в классовых отношениях и вмешательство государства в доходы крестьян и земельное держание. Эта критика близка к той, которая была обращена в этой же главе против Леруа Ладюри.

Этот изъян в исторических аргументах не дал Леруа Ладюри и его коллегам объяснить, почему товарные крестьяне получили контроль над землями только в северной Франции и не ранее конца XVII в.⁹ Они подразумевали, что инфляции потребовалось три-четыре столетия для того, чтобы лишить сеньориальную ренту всякой ценности, а крестьян — своих арендованных земель посредством дробления наделов от поколения к поколению при новых демографических потрясениях (Le Roy Ladurie [1977], 1987, с. 329–348). Вероятно, французские историки ослеплены патриотической гордостью, утверждая, что доход мелких товарных хозяйств, управляемых собственниками-крестьянами северной Франции, приближается по своему масштабу и даже превосходит доходы крупных ферм, которыми управляли приказчики для капиталистов-рантье Англии (Bois, 1984, с. 404 и далее; Le Roy Ladurie [1977], 1987, с. 78, а также Leon, 1970). Однако они не объясняют, почему относительно быстрое и общенациональное преобразование английского сельского хозяйства во Франции повторилась медленнее и лишь в некоторых областях.

Региональные экологии

Джек Голдстоун (Jack Goldstone, 1988) утверждает, что экология, то есть различия в типах почвы и видах сельскохозяйственных культур, которые на них можно выращивать, является фактором, который наравне с демографическими характеристиками необходимо учитывать, объясняя региональные различия на национальных уровнях Англии и Франции. Для Голдстоуна «вопрос, почему после 1650 г. Англия была продуктивнее Франции, растворяется в двух внутринациональных региональных вопросах: почему сельское хозяйство в северных, восточных и дальнезападных английских графствах оказалось продуктивнее, чем на традиционных пахотных землях центра и почему южные и центральные департаменты Франции были менее продуктивны, чем северные и восточные?» (с. 291). Далее Голдстоун спрашивает, почему в областях с открытыми полями средней Англии и северной Франции использовали схожие сельскохозяйственные системы до 1650 г. и почему произошло резкое изменение в дальнейшем?

Голдстоун отвечает на эти вопросы, сравнивая типы почв в различных областях Англии и Франции. Он утверждает, что зоны с тяжелой почвой, внутренние в Англии и северо-восточные во Франции, были

⁹ Разрыв между демографической причиной XIV в. и капиталистическим следствием XVII в. похож на разрыв в работе Добба.

наиболее продуктивным видами земель при сельскохозяйственных методах, доступных до 1650 г. Так как эти земли были самыми ценными, их наиболее интенсивно обрабатывали и наиболее интенсивно регулировали через архетипическую средневековую систему открытых полей и общих пастбищ. В этих зонах, как полагает Голдстоун, производственные и классовые отношения управлялись базовыми мальтузианскими параметрами, описанными Постановом, Леруа Ладюри и др.

Когда численность населения возросла¹⁰, богатая почва и доступ к общим пастбищам позволили крестьянским семьям поддержать себя даже на «парцеллизованных» участках, многократно разделенных в процессе наследования. И, напротив, крестьяне с более бедных земель на юге и западе Франции и периферии в Англии были не способны поддержать себя на разделенных участках, и когда цены на продовольствие поднялись, налоги выросли, а заработная плата снизилась, они разорились. Во Франции эти крестьяне часто поднимали бунты против государственных налогов, но с течением времени эти крестьяне в обеих странах обезземелились, а собственность концентрировалась в руках богатых крестьян, буржуа и джентри или благородных землевладельцев.

Правильность картины этих смягченных мальтузианских циклов плодородной земли и концентрации собственности на бедных землях (последнее также является ответом на демографическое давление), представленной Голдстоуном, сильно зависит от правомерности его утверждения, что классовый конфликт не приводит к какому-либо внезапному или значительному изменению способности крестьян приспосабливаться к росту населения и цен в богатых фермерских регионах или не вызывает финансовых проблем у арендаторов на бедных землях в тех же самых 1500–1650-х гг. Голдстоун пытается доказать правомерность этого, указывая на относительную скромность огораживания в Англии в этот период¹¹ и утверждая,

¹⁰ Голдстоун рассматривает 1500–1650 гг., но его модель указывает на те же последствия для 1200–1348 гг.

¹¹ Голдстоун видит в огораживании единственную меру силы землевладельцев. Это его реакция на упрощенный марксистский взгляд на развитие английского капитализма, сформулированный Тоуни (Tawney, 1912). На самом деле, как я показываю в шестой главе этой книги, английские землевладельцы, чтобы выжить арендаторов, больше полагались на другие техники, такие как «удостоверение» и ограничение церковных и манориальных судов (Kerridge, 1969, с. 33–50; Hill, 1963, с. 84–92; Lachmann, 1987, с. 102–114; примеры того, как крестьяне лишались имущества при помощи этих методов см. у Spufford, 1974 и Finch, 1956). Только игнорируя самые важные институциональные точки классовых конфлик-

что основными выгодоприобретателями в этом медленном процессе концентрации земли были инвесторы из богатых крестьян и буржуа, а не джентри и аристократы.

Ключевые изменения в английском и французском сельском хозяйстве и, как утверждает Голдстоун, источник экономического преимущества Англии над Францией обязаны возникновению новых техник культивации земли, изобретенных после 1650 г. Новые техники хорошо подходили регионам с легкой почвой на севере и западе Англии, но не годились для истощенных земель на юге и западе Франции. В результате пути развития некогда схожих бедных сельских регионов Англии и Франции разошлись после 1650 г.

Новые техники позволили легкопочвенным регионам Англии производить более дешевое зерно, чем во внутренних традиционно-пахотных зонах. Сравнительные преимущества внутренних зон позволили им перейти на пастбищное сельское хозяйство и обеспечить рынок, стимулированный растущим массовым потреблением мяса после 1650 г. (период стабильной демографии и роста доходов по крайней мере в городских зонах). В эту счастливую пору повышения зарплаток и падения цен на товары широкого потребления мелкие английские фермеры охотно продавали свои земли фермерам, ведущим товарное хозяйство. И напротив, бедные регионы Франции не смогли приспособиться к новым рынкам: никто не хотел покупать эти земли, и крестьяне оставались в деревнях, время от времени устраивая восстания, когда их давили снижением зарплаток и цен на товары широкого потребления и растущими налогами. Только в северо-восточной Франции землевладельцы выкупали участки бедных фермеров и обогащались благодаря своей сохраняющейся монополии на поставки зерна на рынки Парижа.

Анализ региональных экологий Голдстоуна позволяет ему объяснить перенос крестьянских стратегий с пахотных земель на пастбищные во внутренних тяжелопочвенных землях и с пастбищных на пахотные в легкопочвенных землях Англии, а также показать, почему успешная коммерциализация сконцентрировалась в северо-восточной Франции. Его модель изящна и уделяет агротехнологиям и рыночным стратегиям гораздо больше внимания, нежели объяснения вышеназванных историков, смешивавших демографические и классовые силы в постоянно меняющихся пропорциях в своих диспутах,

тов в аграрном секторе, Голдстоун может утверждать, что 1500–1650 гг. «не были периодом решающего прогресса в Англии, ни какого-либо значительного расхождения между Англией и Францией» (1988, с. 302).

более теоретических и относящихся к мелким конкретным вопросам. Однако Голдстоун очень избирателен в признании, что же является трансформацией, а что нет, он не способен объяснить, почему джентри и крупные товарные фермеры разбогатели, в то время как многие крестьяне обезземелились и обнищали в XVI и последующих веках, хотя новые агротехнологии повышали продуктивность и крупных, и мелких ферм (Allen, 1992, с. 191–231).

Кроме того, Голдстоун игнорирует вопрос, занимающий центральное место в марксистских спорах о демографических циклах: почему крестьяне разорялись на фоне уменьшения населения и снижения роста цен после 1650 г., а не во время гораздо более драматических демографических спадов, следовавших за «черной смертью»? Голдстоун предполагает, что фермеры в экологически благоприятных зонах хотели продавать землю после 1650 г., так как могли получить за нее хорошую цену и войти в число городских торговцев, – выбор, не доступный крестьянам после 1348 г. Однако эти различия между демографическими кризисами в условиях более развитого земельного рынка и увеличившегося городского сектора XVII в. и кризисами XIV в. вызывают другие вопросы: почему, если цены на сельскохозяйственные товары снижались, инвесторы, товарные фермеры и капиталисты по-прежнему покупали землю и платили за огораживание и улучшения? Если аграрный сектор расцвел после 1650 г., почему крестьяне не держались за свою землю, тем более что Голдстоун не утверждает, что новые технологии благоприятствовали экономии за счет увеличения масштабов?

Я буду разбирать эти вопросы в шестой главе, но задам их здесь, чтобы показать, что усилия Голдстоуна изобразить Англию и Францию одинаково застойными – поднимающимися и опускающимися в долговременных демографических пределах – до тех пор, пока их бедные регионы стали развиваться разными путями после 1650 г., не решают проблем демографических историков, обрисованных в предыдущей главе. Региональная экология очень значима: ее обсуждение Голдстоуном и работы многочисленных исследователей «системы полей» и фермерских техник, о которых он в своих трудах не упоминает, должны быть частью любого сравнительного анализа. Однако экология не является ведущей переменной, способной объяснить все значительные темпоральные и географические расхождения. Более важно, что модель Голдстоуна не объясняет критические различия внутри и между экологическими зонами, которые мы рассмотрим в этой главе ниже, или появление капиталистических организаций сельского хозяйства в некоторых частях Англии до 1650 г.

Рациональный феодализм

Другое объяснение предполагаемого долгожительства системы общих полей в Западной Европе, несмотря на закат крепостного права в XIV в. — утверждение, что она была наиболее эффективной системой земледелия при двух условиях, доминировавших до XVII и последующих столетий. Стефано Феноалтеа (Stefano Fenoaltea, 1988) указывает, что в разных регионах было два больших экологических варианта маноров. Некоторые участки земли больше подходили для интенсивного земледелия, а другие лучше соответствовали трудоемкому земледелию или скотоводству. Наилучшие моменты для сева или сбора урожая на различных пахотных участках одного манора могли разделяться несколькими неделями.

Если крестьяне держали компактные фермы в одной экологической зоне поместья, некоторым из них доставалась только бедная почва, не стоящая трудов затрат, доступных в одной семье, в то время как у других было недостаточно тружеников, чтобы обработать должным образом высококачественную землю. Кроме того, несколько компактных ферм требовали от крестьян одновременного сева и сбора урожая. При такой системе крестьянская община либо неэффективно использовала всю землю манора, либо терпела убытки из-за высокой стоимости надзора при найме работников, чтобы помогать друг другу во время сева и сбора урожая и при переносе дополнительных трудов затрат от семей с бедной землей к семьям с высококачественной землей и неадекватными трудовыми ресурсами для правильной интенсивной культивации¹². Таким образом, систематическая диверсификация благодаря чересполосице минимизировала «затраты по урегулированию рынка труда и [максимизировала] продуктивность сельского труда в целом» (Феноалтеа, 1988, с. 192).

Затраты по урегулированию, которую брали на себя крестьяне при коллективном управлении общинных полей, как только такая система устанавливалась¹³, оставались низкими, пока все крестьяне

¹² Анализ Феноалтеа (Fenoaltea) приложим только к той части манориальной земли, которая находится под крестьянской обработкой. Его модель не применима и даже не учитывает ту долю манориальной культивируемой земли, которая относится к домену.

¹³ Феноалтеа не рассматривает, почему «расходы» на установление манориальных социальных отношений в одних регионах оплачивались крестьянами, а в других нет. Он не признает, что землевладельцы тоже оплачивали эти расходы, и он не сравнивает их с гораздо потенциально высокой стоимостью для крестьян уступки требованиям землевладельца.

не манора верили в то, что такое разделение земли может максимизировать их коллективный доход. Эта вера была подорвана, когда доступ к рынку и технические инновации (с. 192) открыли возможность для некоторых крестьян получать больший доход вне манориальной системы, а не внутри нее¹⁴. Только тогда крестьяне искали выхода из коллективного управления землей. Они были способны делать это через подрывную тактику, увеличивая затраты на поддержание системы открытых полей так высоко, что сообщество крестьян, даже если большинство их не выигрывало от частного землевладения, были вынуждены покончить с системой открытых полей. Таким образом, утверждает Феноалтеа, стабильная и стойкая манориальная система сменилась, только когда рынки проникли в прежде самодостаточные сельские области.

Анализ целерационального выбора, проведенный Феноалтеа, основан на формальной модели манориальной системы открытых полей, модели, которая достигает изящества, игнорируя многие факты из исторической реальности европейского феодализма. Среди отсутствующих деталей — лендлорды и классовые конфликты¹⁵. Он рисует грубое равенство и согласие среди арендаторов манора, хотя на самом деле среди крестьян всегда существовала стратификация, а временами случались и прямые столкновения между группами арендаторов с разными типами земельных прав¹⁶. Крестьяне поддержива-

¹⁴ Я рассматриваю доводы Фокса (Fox, 1971) в третьей и шестой главах. Он утверждает, что в Средние века и позже существовало две Франции: одна имела доступ к морям и рекам для транспортировки и рано развила рынки, а другая была изолирована в областях с ограниченным наземным транспортом. Я указываю, насколько городские рынки и транспортные сети влияли на сельскохозяйственное производство во Франции, Англии и Италии.

¹⁵ Работа Феноалтеа служит образцом той небрежности, с которой самопровозглашенная школа теоретиков рационального выбора обращается с историческими источниками. Несмотря на повторяющиеся, хотя и все более слабые заявления о своей радикальной политической цели, эти теоретики подражают самым худшим тенденциям «буржуазных» неоклассических экономистов, отделяя «опции» действительных экономических акторов из контекста социальных отношений, подвижного и состязательного, внутри которого принимались решения. Даже Леви (Levi, 1988), которая демонстрирует действительное знание истории, которую она пытается объяснить, делает ряд выводов, которые только затемняют контекст, в рамках которого правители осуществляли свою деятельность и вызывали какие-то реакции. Ее работа и ее подход обсуждаются более подробно в четвертой главе.

¹⁶ Для знакомства с общим подходом к стратификации крестьянства см. Шанина (Shanin, 1972). Политическое и экономическое неравенство среди крестьян

ли рынки земли и труда даже при сохранении системы общих полей. Манориальная система не была структурой, зависимой от неизменных экологических условий, демографических циклов или продолжительного отсутствия доступа к рынкам. Напротив, крестьяне принимали на себя затраты на одновременное урегулирование и манориальной, и рыночной системы, потому что каждая была частью ответом на особые требования и возможности.

ОТНОШЕНИЯ ЭЛИТ И АГРАРНЫХ КЛАССОВ В АНГЛИИ И ФРАНЦИИ, 1100–1450 ГГ.

Ниже предпринята попытка выстроить многофакторную модель изменений в аграрных социальных отношениях в Англии и во Франции. Прежде чем обратиться к этой задаче нужно пояснить, насколько изменились земельные держания за два столетия – между XIII и XVI вв. Этот раздел делится на четыре части. В первой очерчиваются эти изменения, разбираемые по времени и регионам Франции. В следующих двух частях французские вариации объясняются по времени и регионам. В четвертой части рассматриваются причины английских вариаций. Последняя часть этой главы посвящена феодальным изменениям в аграрном секторе, она готовит почву для объяснений отставания по времени между ликвидацией крепостной зависимости и развитием капитализма.

Временное и географическое распределение изменений в социальных отношениях аграрного сектора во Франции, 1100–1450 гг.

Аграрные социальные отношения принимали множество разных форм в столетия, предшествовавшие «черной смерти». Во Франции маноры в каждой провинции характеризовались своей формой или сочетанием форм пошлин, которые крестьяне отдавали деньгами или отработками сеньору. Конечно, крестьяне несли повинности и перед церковью, и перед вышестоящими феодалами, и перед монархом, и эти повинности ограничивали их свободу, равно как и защиту их земельных держаний.

в феодальную эпоху для Англии рассматривают Чибнол (Chibnall, 1965), Дюбуле (Du Boulay, 1966), Дайер (Dyer, 1980), Харви (Harvey, 1965), Хэтчер (Hatcher, 1970), Хилтон (Hilton, 1975) и Хоуэлл (Howell, 1983). Для Франции в эту эпоху выдающееся исследование проделал Буа (Bois, 1984), а также см. Лорента (Laurent, 1972).

ТАБЛИЦА 2.1

Трудовые повинности стали больше	Повинности остались такими же	Повинности были переведены в деньги	Повинности были переведены в деньги только для богатых крестьян
Беарн	Овернь	Бретань	Гиень**
Бургундия	Бурбоннэ	Комтат-Венэссен	Иль-де-Франс
Шампань	Бресс	Гиень**	
Дофинэ	Нивернэ	Лангедок	
Лионнэ	Нормандия	Орлеан	
Наварра		Пикардия*	
Пикардия*		Пуату	
Суассоннэ		Прованс	

источники:

Овернь: Goubert, 1969–1973, 1, с. 74–75.

Беарн, Наварра: Lot and Fawtier, 1957, с. 185–207.

Бурбоннэ, Нивернэ, Орлеан: Canon.

Бресс: Nabholz.

Бретань: Nabholz, 1944, с. 528–532; Fourquin.

Бургундия, Шампань, Иль-де-Франс: Fourquin, 1976, с. 130–336, 176–178; Brenner, 1976, с. 39; Cannon, 1977, с. 19–20.

Комтат-Венэссен, Дофинэ: Giordanengo.

Гиень: Neveux, 1975, с. 36–38; Fourquin.

Лангедок: Fourquin.

Лионнэ: Brenner, Cannon.

Нормандия: Bois, 1984.

Пикардия: Neveux.

Пуату: Le Roy Ladurie, 1987, с. 56–60; Nabholz.

Прованс: Neveux; Nabholz; Giordanengo, 1988.

Суассоннэ: Fourquin; Brenner.

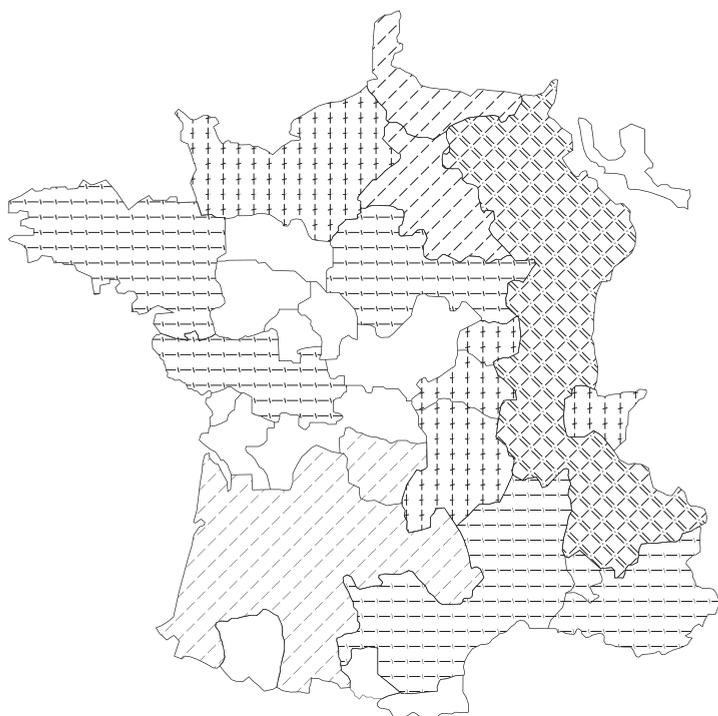
ПРИМЕЧАНИЯ:

- * Пикардия — единственная провинция, в которой крестьяне в некоторых манорах выполняли трудовые повинности, а крестьяне в других манорах платили деньги. Хотя повинности отличались от манора к манору, в каждом крестьяне несли одинаковые повинности.
- ** В некоторых манорах Гиени все крестьяне несли трудовые повинности, а в других — они зависели от богатства, как и в Иль-де-Франс.

Виды повинностей, которые несли французские крестьяне своим манориальным владельцам перед «черной смертью», лучше всего классифицировать по провинциям (*табл. 2.1*)¹⁷. В большинстве обла-

¹⁷ Я использую провинцию как первичный территориальный блок для анализа по двум причинам. Во-первых, именно на этом уровне обобщения концентриру-

рис. 2.1. Изменения крестьянских трудовых повинностей, 1100–1347 гг.

- Трудовые повинности стали больше
- Повинности остались такими же
- Повинности были переведены в деньги
- Смешанный тип (Иль-де-Франс, Гиень и Пикардия)

источники: см. Таблицу 2.1

стей или все крестьяне в каждом маноре платили пошлыны деньгами, или все отработывали в домене сеньора в обмен на право обрабатывать землю и сохранять продукцию собственных наделов. В некоторых областях феодалы могли потребовать от крестьян увеличения

ютя работы многих французских историков. Хотя многие французские исследования касаются деревень, их недостаточно для проведения полноценных сравнений по всей стране хотя бы на первичном уровне. Во-вторых, как я покажу в последующих главах, элиты организовывались на уровне провинций и воздействовали на социальные отношения в аграрном секторе и на этом уровне, и на общенациональном.

трудовых повинностей; спрос на землю тоже рос на протяжении XIII–начала XIV вв., в отличие от областей, где повинности оставались неизменными. Кроме того, район Иль-де-Франс, окружающий Париж, и некоторые части Гиени попадают в отдельную категорию. В этих областях только самые бедные и наименее обеспеченные земель крестьяне были обязаны нести трудовые повинности, более богатые крестьяне могли переводить свои повинности в денежные подати. В предчумной Франции Иль-де-Франс и части Гиени были уникальны хотя бы потому, что различия в богатстве крестьян переводились в различия в виде повинностей перед землевладельцем.

Области, в которых трудовые повинности были переведены в денежные, располагались на юге и западе Франции, но в их число входили районы Орлеана, Иль-де-Франса и Пикардии – районы с самыми богатыми пахотными землями во всей стране (*рис. 2.1*)¹⁸. Смещение экологических зон, в которых трудовые повинности были переведены в денежные, показывает, что фокусировка Голдстоуна на типах почвы не объясняет отношений землепользования в этот период¹⁹.

Численность населения, на которой концентрировался Леруа Ладюри и которая, по его мнению, стала посредником в передаче наследственных практик, также не помогает предсказать некоторые особенности распределения областей по критерию перевода трудовых повинностей. Он указывает на Лангедок и Нормандию как на области, в которых крестьянские общины справлялись с ростом населения путем деления держаний. Так как трудовые повинности начислялись по количеству земли, а не по количеству держателей, это деление участков делило и фиксированные повинности между несколькими семьями, взявшими себе части прежде единого надела. Деление, таким образом, сокращало количество времени, которое семья тратила на домене хозяина, позволяя сохранить его для использования при более интенсивной обработке собственных наделов. Поэтому Леруа Ладюри связывает парцеллизацию, вызванную

¹⁸ Некоторые провинции не включены в *табл. 2.1* и *рис. 2.1* потому, что в опубликованных источниках не анализируется состояние классовых отношений в аграрном секторе в эти столетия.

¹⁹ Надо отдать должное Голдстоуну, он никогда не пытался применить свой анализ типов почв к раннему периоду. Больше всего он интересуется поздней отсталостью южной и западной Франции в XVIII в. Однако французские регионы с бедной почвой предчумной эпохи, кажется, входят в число тех, которые наиболее далеко продвинулись в своем развитии от классических феодальных общественных отношений.

таблица 2.2. Изменения крестьянских трудовых повинностей во Франции, 1348–1450 гг.

Трудовые повинности	Трудовые повинности переведены в деньги	Деньги для богатых, трудовые повинности для бедных арендаторов
Бретань после чумы	→ Бретань до чумы	
Нормандия до чумы	← Нормандия после чумы	
	Иль-де-Франс после чумы	← Иль-де-Франс до чумы

источники: См. источники *таблицы 2.1* по провинциям, в которых повинности крестьян не изменились после «черной смерти».

Иль-де-Франс: Neveux, 1975, с. 123–138.

Бретань: Goubert, 1969–1973, 1, с. 74–75.

Нормандия: Bois, 1984.

ростом населения и обусловленную системой частичного наследования в предчумной период, с продолжением трудовых повинностей. Он противопоставляет областям с этой практикой зоны с неделимым наследованием, указывая на Прованс и Пуату, где несколько держателей аккумулировали большие наделы, которые они обрабатывали при помощи наемных батраков из семей, потерявших свои держания, и платили повинности деньгами, так как для них было невыгодно делиться столь необходимым трудом (Le Roy Ladurie, 1987, с. 56–60). Модель Леруа Ладюри правильно показывает причины перехода на денежные выплаты в Провансе и Пуату, но она не объясняет, почему трудовые повинности были переведены в деньги в Лангедоке — области с парцелизированными держаниями.

Наконец, модель рационального выбора, которая главное объяснение прибыльности системы общинных полей и трудовых повинностей видит в рыночных возможностях, не может ответить, почему трудовые повинности ужесточились в областях, наиболее близких к средневековым торговым городам, и почему трудовые повинности переводились в денежное выражение в изолированных и прибрежных областях.

Трудности демографического, экологического и рационально-рыночного подходов увеличиваются, когда мы обращаемся к периоду

после чумы. Только три области характеризовались значительными изменениями в организации землепользования в столетие, следовавшее за «черной смертью». В Нормандии трудовые повинности сменились на денежные, в Иль-де-Франс трудовые повинности остались обязательными для беднейших крестьян, а в Бретани трудовые повинности были введены заново (*табл. 2.2*).

Только в Нормандии и Иль-де-Франсе ранее зависимые земледержатели получили свободу от трудовых повинностей, как предсказывает демографическая модель и модели Добба и Бреннера, основанные на классовом анализе. В Бретани возврат к трудовым повинностям напоминает ситуацию в Восточной Европе, хотя свобода бретонских держателей не была столь жестко ограничена, как у крепостных к востоку от Эльбы.

Множественные элиты

и динамика общественных отношений во Франции

Проанализировав данные, приведенные в *таблицах 2.1* и *2.2*, задаешься целым комплексом вопросов: почему так много изменений происходило в отношении трудовой повинности до «черной смерти» и так мало после? Почему в разных областях Франции в эти периоды трудовые отношения так мало отличались и, особенно, почему только Бретань вернулась к трудовым повинностям после «черной смерти»?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно вспомнить, что феодалы были не единственными регуляторами манориальных общественных отношений, и они же не были исключительными пользователями доли крестьянской продукции. Владельцы маноров в средневековой Франции делили власть с соперничающими элитами, по большей части королями, крупными магнатами, управлявшими собственными армиями, и с духовенством.

Франция в столетия до и после «черной смерти» была местом усиленного конфликта элит. Бывшие независимые провинциальные правители, корпоративная группа наследственной знати и автономные манориальные сеньоры оказались под контролем более мощных военных сил и были инкорпорированы в различной степени в растущий политический блок, возглавляемый французским монархом. Передвижки в отношениях светских элит влияли и на связи между мирянами и транснациональной организацией католического духовенства.

Конфликты среди знати и с духовенством не сводились к борьбе за средства производства, а их вспышки и результаты не опреде-

лялись передвижками в классовых отношениях производства. В X в. только Иль-де-Франс, как говорит само название, был под прямым контролем французских монархов. Восточная часть Франции — то, что позже стало провинциями Шампань, Бургундия, Бресс, Дофинэ и Прованс — была разделена на герцогства, управляемые магнатами, которые вели себя как маленькие монархи (Dubu, 1978, с. 108; Lot, Fawtier, 1957)²⁰. Бретань и многие области на западе и юге Франции были территориями, в которых за контроль над все более фрагментирующимися группами знати сражались соперничающие магнаты. Во многих областях духовенство было самой могущественной и сплоченной элитой, оказывающей решающее влияние на конфликты светских элит, а также на урегулирование крестьянского землепользования. Многие области центральной и северной Франции номинально находились под властью короны, однако контроль в основном ограничивался правом (только иногда реализуемым) военной и финансовой помощи от знати во время войны.

В каждой французской провинции структура элит относилась к одному из пяти образцов, причем каждый из них выстраивал классовые отношения в аграрном секторе, либо повязывая крестьян одной из форм эксплуатации, либо создавая условия для союза или конфликта элит, который усиливал или ослаблял коллективную возможность эксплуатировать крестьян. Только Бретань перешла с одного образца на другой в те столетия, которые мы рассматриваем. Во всех остальных французских провинциях структура отношений элит не менялась в течение двух столетий — до и после «черной смерти» (табл. 2.3).

Феодальная система с доминированием магнатов была наиболее распространена в приграничных областях восточной и юго-западной Франции, где монарх имел мало влияния или вообще никакого. В этих независимых образованиях автономные феодалы объединялись в коллективную корпорацию, чаще всего сословную, под контролем герцога или графа. При определенных условиях феодалы образывы-

²⁰ Обсуждение в этом и последующих абзацах основано на двух источниках в дополнение к тем, что указаны в тексте. Во-первых, это сборник статей (Lot, Fawtier, 1975), в которых обсуждаются институты Франции XI–XIV вв. Во-вторых, это работа Мейджора (Major, 1980, с. 1–204), где рассматриваются поместья в провинциях Франции и независимых образованиях на территории, которая позже стала Францией в XII–XV вв. В двух этих работах достаточно свидетельств для классификации структуры элит всех провинций, включенных в табл. 2.1.

ОТНОШЕНИЯ ЭЛИТ И АГРАРНЫХ КЛАССОВ В АНГЛИИ И ФРАНЦИИ, 1100 – 1450 ГГ.

таблица 2.3. Структура элиты и классовые отношения в аграрном секторе во Франции, 1100–1450 гг.

Структуры провинциальной элиты	Трудовые повинности стали больше	Трудовые повинности остались такими же	Трудовые повинности переведены в деньги	Повинности переведены в деньги только для богатых крестьян
Феодальная система с доминированием магнатов	Беарн Бургундия Шампань Дофинэ Лионнэ Наварра Суасоннэ			
Феодальная система без магнатов		Овернь Бурбоннэ Бресс Нивернэ Нормандия		
Новый феодализм		Бретань		
Борьба магнатов	Пикардия		Бретань Комтат-Венэссен Нормандия Орлеан Пикардия Пуату Прованс	Гиень
Союз магнатов и духовенства			Лангедок	
Королевская власть			Иль-де-Франс	Иль-де-Франс

источники: Те же, что и для таблиц 2.1 и 2.2.; также см. Major, 1980, с.1–204; Lot, Fawtier, 1957.

вали унифицированную элиту. Во-первых, угроза нападения армий, контролируемых королем или магнатами вне Франции, заставляла

в этих приграничных областях искать подчинения некоему верховному сюзерену в обмен на военную защиту. Во-вторых, светские сеньоры могли использовать свое объединение для ослабления влияния духовенства, повышая долю крестьянских повинностей, приходящуюся на магнатов и сеньоров за счет церкви. В-третьих, как только процесс политической амальгамации знати запущался, уклоняющимся от него сеньорам было все сложнее сопротивляться правовой и военной власти магната и его агентов.

Бретань была одной из всего двух провинций, где отношения элит трансформировались в течение десятилетий после «черной смерти». И только в этой независимой области конфликт элит был разрешен в XIV в. Доступные источники не указывают, играл ли экономический кризис XIV в. какую-либо роль в разрешении войны 1341–1365 гг. за бретонское наследство. Если объяснять все вышесказанное с позиций демографии, сначала нужно ответить на вопрос, почему война смогла продолжаться в течение 17 лет по прошествии «черной смерти». Последствия разрешения конфликта магнатов тем не менее очень ясны. Установление феодальной системы сплоченного доминирования магнатов наладило трудовые повинности бретонских крестьян, и это единственный случай, когда во Франции после чумы свобода крестьян была ограничена, а повинности увеличились.

Феодальная система без магнатов превалировала в трех центральных провинциях, Брессе на востоке и в Нормандии до дестабилизации ситуации в результате «черной смерти» и Столетней войны (1337–1436). Сеньориальное единство в этих провинциях основывалось на коллективном землевладении, в котором магнаты не играли доминирующей роли. Феодалы были освобождены от фискальных и военных повинностей, которые были обязательны в тех областях, где верховная власть была у герцога или графа. В отсутствие магната духовенство оставалось сильной конкурирующей элитой, способной к коллективной мобилизации и управлению судебной системой для защиты своего влияния в манорах, расположенных рядом со светскими владениями.

Борьба магнатов, разделявшая сеньоров в то время, когда духовенство оставалось единым, было условием существования многих провинций на протяжении всего Средневековья. На самом деле во всех этих провинциях, за исключением Бретани, конфликты магнатов разрешились только тогда, когда конкурирующая фракция была инкорпорирована абсолютистским государством в XVI и последующих столетиях. Феодалы в этих провинциях объединялись во фракции

в надежде получить службу и земельное владение в случае победы своего лидера, и боясь все потерять, оставшись вне партий. При фракционном конфликте духовенство смогло сохранить, а в некоторых случаях даже увеличить, свою власть и имущество.

Альянс магнатов с духовенством против сеньоров был единственным условием продолжения конфликта элит в Лангедоке, где в XII в. граф вступил в союз с могущественным духовенством, чтобы ослабить сеньоров, повышая церковную десятину и графские налоговые поступления за счет светских землевладельцев (Given, 1990).

Королевская власть доминировала только в Иль-де-Франсе. Корона была заинтересована в сохранении способности крестьян платить налоги и реализовывала этот интерес, гарантируя крестьянам права на землю. В результате собственники маноров были ослаблены в своих попытках подчинить себе арендаторов и поддержать трудовые повинности. Корона также контролировала духовенство, определяя в свою собственность большую часть его дохода.

Сильные связи между типом структуры элиты и различиями по провинциям в типах крестьянских повинностей, представленные в *таблице 2.3*, нельзя предсказать, исходя из демографических циклов, конфликтов крестьян и землевладельцев или географических различий. Внимание к элитным структурам позволяет ответить на вопрос, поставленный в начале. Крестьянские повинности претерпели так много изменений до «черной смерти» и так мало в последовавшее столетие, поскольку конфликты элит были гораздо интенсивнее во Франции в XII и XIII вв., чем в XIV и XV.

В течение столетий, предшествовавших «черной смерти», бывшие автономные и локально закрепившиеся сеньоры в некоторых провинциях были инкорпорированы в централизованные феодальные структуры под руководством герцога или графа или в коллективную корпорацию (где не сложилось власти отдельного магната). В других провинциях владельцы маноров разбились на конкурирующие фракции. Исход конфликтов элит и инкорпораций определил способности манориальных сеньоров использовать рост численности населения и повышение трудовых повинностей так, как это описывают и марксистские, и немарксистские демографические историки.

Только в провинциях, где сеньоры попали под власть отдельного магната, у землевладельцев было достаточно политической силы, чтобы заставлять крестьян нести более тяжелые трудовые повинности и предотвращать вмешательство отдельных элит или духовенства в классовые отношения светских маноров. Духовенство было заинтересовано утвердить собственные схемы поддержания

интересов крестьян, обеспечивая свои права на десятину (Mousnier, 1979, с. 494–528; Vlet 1959, 1, с. 88–99). Объединившиеся светские землевладельцы, не имевшие централизованного управления и военной силы, были не способны парировать попытки духовенства проникнуть в светские владения, и существовавшие трудовые повинности могли удерживать их только на прежнем уровне, но не увеличивать их.

Переход к денежным повинностям в полном объеме лишь для богатых крестьян произошел в тех провинциях, где централизация феодальной системы породила скорее воюющие фракции, чем объединенное управление магната. Сложная ситуация в Пикардии, где в некоторых областях фракции пользовались неоспоримой властью, при том, что в других частях провинции передел власти продолжался, объясняет, почему в некоторых частях провинции трудовые повинности можно было усилить, а в других крестьяне, воспользовавшись конфликтом элит, добились для себя свободы.

Лангедок — исключение, которое подтверждает важность конфликта элит как главного определяющего фактора перехода от трудовых повинностей к денежным налогам во Франции. Конфликт в Лангедоке не был фракционным. В нем участвовал недавно появившийся магнат в союзе с духовенством с одной стороны и слабеющий блок светских землевладельцев с другой. Приоритет конфликта элит перед классовым подтверждает готовность графа Лангедока и духовенства расширить права крестьян даже ценой сокращения доходов с собственных маноров, лишь бы ослабить конкурирующих землевладельцев (Fliche, 1957, с. 71–90).

Наконец, Иль-де-Франс представляет еще один тип конфликта элит. Здесь французский король и его сторонники смогли ослабить и подчинить и церковных, и светских феодалов. Попытки ослабить конкурирующие правовые системы и институты, занятые извлечением прибавочной стоимости из сельского хозяйства, привели к освобождению крестьян от трудовых повинностей, хотя королевские налоги повышались даже в том случае, когда денежные повинности в манорах не менялись и даже снижались (Fourquin, 1976, с. 176–178).

Несмотря на общий уровень крестьянской солидарности и силы, которую Бреннер (Brenner, 1976; 1982) находит повсюду во Франции, различия между провинциями указывают на то, что именно тяжесть конфликта элит и результирующих вариаций в структуре элиты отвечают за различия способностей феодального правящего класса в каждой провинции. Приведенный выше сравнительный анализ

заставляет предположить, что различия в структуре элиты влияли и на единство и способности крестьян. Возможности крестьян отвечать на притязания феодалов частично зависели от правовой защищенности, идущей от церковных судов, как свидетельствует контраст между стабильными трудовыми повинностями в провинциях, где духовенство было сильно, и растущими трудовыми повинностями в провинциях с доминированием магнатов, где власть духовенства была меньше.

Пределы изменений в аграрном секторе во Франции до 1450 г.

Три случая изменения в классовых отношениях французского аграрного сектора после «черной смерти» помогут определить параметры изменения во Франции в конце XIV и в XV вв. В Иль-де-Франс король сохранил возможность противодействовать власти светских землевладельцев, что привело к освобождению беднейших крестьян от трудовых повинностей. Тотальное освобождение всех нормандских крестьян от трудовых повинностей в эту эпоху нельзя объяснить ни демографическими факторами, ни даже опосредованными классовыми силами, как это пытается сделать Буа (Bois [1976], 1984). Буа ошибочно обобщает отдельный случай Нормандии – единственной провинции, в которой стабильная структура элиты была разрушена конфликтом в столетие, последовавшее за «черной смертью». Буа ошибается, считая, что достижения нормандских крестьян объясняются удачным демографическим положением области после чумы, не учитывая того, что крестьяне в других провинциях, чей скудный труд имел такую же ценность для местных землевладельцев, не сумели избежать существовавших трудовых повинностей. Эти крестьяне оставались под контролем объединенных феодальных элит, и только нормандцы смогли воспользоваться новыми конфликтами, чтобы обрести свободу.

Буа, Леруа Ладюри (1987) и его последователи приводят дополнительный аргумент, что Столетняя война уменьшила численность, добавив демографическое и экономическое преимущество выжившим крестьянам в наиболее пострадавших от войны областях. Однако Нормандия понесла сравнительно небольшой урон от войны (Canon, 1977, с. 9).

Столетняя война оказала в Нормандии уникальное влияние на классовые отношения не потому, что английские солдаты убили какое-то особенно большое число крестьян, и не потому, что сильно разорила нормандские пашни, но вследствие того, что в Норман-

дии, как и в некоторых областях Гиени, их присутствие ощущалось наиболее явственно, и в этих областях они сильнее всего разрушили организационную сплоченность местных французских элит (Сапон, 1977, с. 14–15).

В то же время только в Бретани конфликты элиты после чумы разрешились созданием новой системы феодальной сплоченности, регулируемой магнатом, и лишь в Бретани землевладельцы смогли решить демографический кризис, наложив новые трудовые повинности на своих арендаторов.

Незначительность изменений в классовых отношениях аграрного сектора Англии и Франции за два столетия, последовавшие за «черной смертью», объясняется стабильностью структур элит в это время. Таким образом, если мы хотим понять, почему так много французских крестьян отработывали свои повинности в это время, необходимо спросить, почему так мало изменилось в структуре элит. Инертностью отношений элит можно объяснить то, что переход к денежным выплатам не привел к сельскому капитализму, как предполагали Леруа Ладюри и др.

Пределы структурных изменений элит в XIII и XIV вв. рассматриваются в третьей главе, в которой показано ограниченное воздействие городской политики и экономики на отношения национальной и провинциальной элиты и на классовые отношения в аграрном секторе, и в четвертой, где определено, как и почему элиты были реорганизованы в рамках «государств» в XVI и XVII вв. Для лучшего понимания проблемы в этой главе рассматриваются элитные и классовые отношения в Англии и сравниваются характерные черты элитных, классовых и демографических факторов в формировании социальных отношений в аграрном секторе феодальных Англии и Франции.

Классовая динамика в Англии, 1250–1450 гг.

Элитная и классовая структура средневековой Англии во многом благодаря нормандскому вторжению 1066 г. была более единообразной, поэтому ее легче анализировать, чем обстановку во Франции, где провинциальные различия углублялись теми же нормандскими правителями²¹. Английские монархи в предчумную эпоху, в отличие

²¹ Обсуждение в этом разделе взято из третьей главы моей книги (Lachmann, 1987). Читатели, желающие ознакомиться с ним более подробно, могут обратиться к этой работе, где содержится обширная библиография.

от французских, играли крайне важную роль в формировании классовых отношений аграрного сектора на местном уровне. В каждом английском графстве корона была способна вознаграждать своих вооруженных сторонников фригольдом — землей, которую сторонники могли обрабатывать или сдавать в аренду, не неся никаких трудовых повинностей лорду, на чьем маноре располагался фригольд. Таким образом, в каждом английском графстве было два слоя держателей земли: привилегированная группа фригольдеров, не обязанных отрабатывать повинности и плативших номинальные денежные налоги манориальному лорду, и намного больший слой вилланов, которые должны были отрабатывать повинности манориальному лорду (Postan, 1972, с. 82; Kosminsky, 1956, с. 68–151).

Поверхностно это разделение в английских манорах напоминает положение в Иль-де-Франсе и Гиени (*табл. 2.1*), где богатые крестьяне платили денежную ренту, а бедные отработывали ее. Английская система стратификации арендаторов отличалась от этих двух провинций по двум важным пунктам. Во-первых, статус английских фригольдеров и вилланов не был напрямую связан с тем, насколько они были богаты, напротив, он присваивался исходя из индивидуальных качеств и свойств земли, которую они занимали и наследовали из поколения в поколение. На самом деле многие индивидуумы наследовали и фригольды, и вилланские держания, и, следовательно, имели оба статуса с соответствующими им обязательствами и привилегиями (Razi, 1981, с. 3–15; Kosminsky, 1956, с. 197–255; Dyer, 1980, с. 105–107)²².

²² Косминский и Дайер отмечают, что некоторые вилланы были крупными землевладельцами и имели больший доход, чем некоторые фригольдеры, хотя в целом большинство фригольдеров жили лучше, чем вилланы.

таблица 24. Размеры манора и пропорции распределения земли в 1279 г.

Размер манора	Пропорция домов / земля вилланов	Пропорция фригольд / земля вилланов
Мелкие маноры (до 500 акров)	56:44	48:52
Средние маноры (500–1000 акров)	49:51	40:60
Крупные маноры (свыше 1000 акров)	33:67	31:69

Во-вторых, владения фригольда пользовались единообразной правовой защитой по всей Англии, подкрепляемой королевскими судами. Отсутствие общенациональной системы королевского правосудия в предчумной Франции привело к сложению разных систем права и обычая (кутюма) землепользования, и, следовательно, к различным правам и обязанностям держателей внутри провинций и даже мелких областей. В Англии то же касалось вилланов, чьи права определялись кутюмами манора, в котором они держали землю. Однако для фригольдеров защита королевского правосудия давала единый противовес особым возможностям манориальных лордов и оказалась критической для изменений в классовых отношениях аграрного сектора после «черной смерти».

Чума привела к кризису английских феодалов, схожему с французским. Сокращение числа крестьян затронуло сеньориальные доходы двумя путями. Во-первых, смерть вилланов и фамули²³ (вилланов, которые несли трудовую повинность, но не имели никакой земли)²⁴ уменьшила количество работников, пригодных для обработки земли в домене лорда. Эта потеря была очень существенна в основном для мелких, чаще всего клерикальных, маноров с высокой пропорцией домен/виллан²⁵. Во-вторых, лорды во всех манорах столк-

²³ Мн. ч. от лат. *famulus* — домашний слуга. — *Прим. перев.*

²⁴ Большинство фамули занимали эту позицию временно, ожидая наследства-держания от своих старших. Фамули не имели долгосрочных обязательств трудиться на земле домена и могли покинуть эту позицию, унаследовав собственный надел земли (Postan, 1954).

²⁵ Косминский (Kosminsky, 1956) наиболее полно рассмотрел социальную структуру Англии в предчумную эпоху, проанализировав «Сто Свитков» 1279 г. — единственный общенациональный земельный кадастр между «Книгой страшного суда» и «черной смертью». Косминский (с. 101) сравнивал долю земли, относящуюся к домену, с долей в вилланском держании и долю земли фригольда с вилланским держанием в шести графствах: Кембриджшир, Бедфордшир, Бекингэмшир, Хантингдоншир, Оксфордшир и Уорвикшир. Он сравнивал пропорции в зависимости от размеров манора (*табл. 24*).

Различия в пропорции в зависимости от размера манора и различия по графствам в зависимости от размеров манора можно объяснить историческим развитием маноров. Маноры раздавали английские короли светским и церковным землевладельцам в обмен на выполнение ими военных обязательств после 1066 г. Манориальные лорды, в свою очередь, раздавали субманоры вассалам в обмен на их услуги по выполнению военных обязательств перед королем (Pollack, Maitland 1968, с. 252–253). Субманоры в зависимости от обстоятельств их основания давали права принуждать крестьян к выполнению вилланских обязанностей через собственно манориальные суды. Чем слабее были эти права, тем более сложно было манориальным лордам привязать вилланов к манору, тем меньшая

нулись с желанием крестьян покинуть держания с высокими денежными и трудовыми рентами и перейти в другие маноры, где лорды соглашались дать в аренду освободившиеся наделы по более низкой плате или с сокращенными трудовыми повинностями²⁶.

часть земли субманора была отдана под вилланские держания. Многие из мелких маноров были изначально субманорами со слабыми манориальными судами и с меньшей долей вилланов и вилланских держаний (Kerridge, 1969, с. 19–23).

Сдача в аренду военных держаний в XII в. разорвала связи службы между владельцами маноров и субманоров. Некоторые бывшие военные вассалы стали независимыми владельцами маноров со своими собственными правами. Мелкие вассалы стали фригольдерами без прав феодального владения. Кроме того, многие манориальные лорды сохраняли фригольды на бывших субманорах или передавали эти владения другим вассалам. После того как вассально-военные связи разорвались, манориальные и субманориальные лорды и крестьяне-фригольдеры вместе владели примерно четвертью всей земли в маноре как фригольдеры (Pollack, Maitland, 1968, с. 276–278, 600–601). Географические различия в распределении земли по графствам и индивидуальным манорам в 1279 г. были порождением разрыва цепей военного держания. Графства с меньшей долей вилланских земель сдавались в субманоры более широко, оставляя слабые манориальные суды и в мелких, и в средних манорах (Kosminsky, 1956, с. 119–126).

²⁶ Рази (Razi, 1981, с. 17–27) указывает, что очень немногие держания были действительно покинуты после чумы. Даже когда вся семья погибала от чумы, ее держание наследовалось дальними родственниками. Рази идет дальше, утверждая, что наследование среди дальних родственников укрепило крестьянские общины для борьбы с послечумной сеньориальной реакцией (с. 27–36). Хойл (Hoyle, 1990, с. 6–12) использует схожие свидетельства для других выводов: желание землевладельцев найти наследников на освободившиеся земли делало и землевладельцев, и крестьян беспечными, даже равнодушными к тому, какие будущие права наследования будут вписаны в договор аренды, что имело решающие последствия для прав копигольдеров в XVI в., когда численность населения поднялась и вся выгода отошла землевладельцам. Другими словами, Хойл полагает, что в первое столетие после чумы крестьян защищала низкая численность населения, а не общинная солидарность или правовые гарантии, и эта защита была разрушена демографическим ростом и беспечностью их потомков при чтении и составлении договоров аренды в XVI в. Этот вывод сходен с выводом, к которому пришел Купер (Cooper, 1978, с. 38–40). Вопрос о том, как договоры о копигольде после чумы повлияли на социальные отношения в аграрном секторе в XVI–XVII вв. разбирается в шестой главе этой книги. Оставшаяся часть данного раздела посвящена разбору противоречивых взглядов на классовое сознание после чумы: мнения Рази о сознательности крестьян и объединенной оппозиции землевладельцам в противоположность утверждению Хойла о том, что все классы были относительно невнимательны к правовому языку, так как недостаток рабочей силы после чумы требовал немедленного заключения договоров о земельном держании (и будущем держании тоже, так как Хойл полагает, что все актеры думали, что будущее будет такое же, как настоящее, довольно странный вывод

Многие землевладельцы пытались сохранить трудовые повинности прошлого, препятствуя уходу крестьян со своих маноров. «Статут о пахарях» (Statute of Labourers), одобренный Парламентом в 1349 г., наделял полномочиями мировых судей особых комиссаров по труду, которые должны были поддерживать трудовые повинности и возвращать вилланов и фамули в их изначальные маноры (Putnam, 1908, с. 13–26). Вилланы в Англии, как и во Франции и по всей Европе, сопротивлялись ограничению своей мобильности (Fryde, Fryde, 1991). Однако именно английские крестьяне добились неожиданного успеха, и почти все вилланы и фамули смогли освободиться от трудовых повинностей после чумы. «Статут о пахарях» почти полностью провалился в попытках ограничить мобильность крестьян между манорами (Farmer, 1991).

Успех крестьян по всей Англии свидетельствует против важности региональной экологии в этот период²⁷. Улучшение крестьянами условий своего землепользования поддерживает модель демографического спроса и предложения, однако, как указывал Бреннер и как я показал выше, неомальтузианская модель не объясняет, почему английские крестьяне практически единственные во всей Европе смогли освободиться от трудовых повинностей во всех манорах страны.

Модель Бреннера не разделяет английских и французских крестьян, как тех, кому повезло избежать повторного закрепощения. Он не признает, что в то время как почти все английские крестьяне смогли сбросить трудовые повинности, в случае французских крестьян трудовые повинности остались теми же, хотя и не стали более суровыми. Упор, сделанный Бреннером на силе английской крестьянской общины, не объясняет, почему такое же сопротивление французских крестьян привело к меньшему эффекту.

Как различия в судьбах французского крестьянства зависели от разницы в структуре элит каждой провинции, точно так же и различия внутри английских элит оказались ключевым фактором в провале «Статута о пахарях». Мелкие светские землевладельцы и почти все церковные, которые зависели от крестьянского труда,

о средневековой ментальности, если учитывать, что и землевладельцы, и крестьяне-создатели аренды копигольда пережили беспрецедентный демографический кризис, который так много изменил в их социальном мире).

²⁷ Голдстоун (Goldstone, 1988) выделяет период после 1650 г. в своем разборе региональных различий; логика его аргументации предполагает, что географический контраст должен был проявиться и в эпоху после чумы.

жаждали навязать этот статут в качестве средства по удержанию вилланов и фамули. Светские землевладельцы в крупных манорах, имевшие относительно маленькие домены, больше выигрывали от сдачи в аренду свободной земли, даже по снизившимся ценам, чем от навязывания трудовых повинностей в домене. Однако всех затронули убыль населения и случившееся 30-процентное падение цен на зерновые (Abel, 1980, с. 46)²⁸, которое снизило цену товаров, производимых в домене для рынка. Только в манорах, с которых кормилось много священнослужителей или менее богатых лордов, для которых бесплатное содержание было важным фактором в их семейном бюджете, пытались любой ценой удержать вилланов и фамули (DuBoulay, 1966; Dyer, 1980, с. 118–157; Hatcher, 1970, с. 148–173; Hilton, 1947, с. 105).

Разногласия между английскими землевладельцами по поводу потери крестьянского труда не привели к решениям, подобным тем, которые приняли более жесткие политические элиты, преваляровавшие в большинстве провинций послечумной Франции. В Англии каждая из трех основных элит — король и его непосредственное окружение, светские землевладельцы и духовенство — смогли организованно соблюсти свои интересы как на национальном, так и на манориальном уровне. Основной интерес английского монарха состоял в том, чтобы обеспечить себе поступление финансовой помощи от фригольдеров, которым предшествующие короли дали гарантированные фьефы в обмен на военную службу. Поэтому королевские судьи активно защищали права фригольдеров против светских и церковных владельцев маноров (Taylor, 1950, с. 219–258; Kerridge, 1969, с. 19–23, 32–35).

Поддержка короной фригольдеров косвенно помогла и вилланам. После «черной смерти» фригольдеры были заинтересованы в союзе с вилланами, чтобы совсем уничтожить трудовые повинности. Для богатых крестьян путь к большему процветанию шел через аренду максимально возможного количества земли, которую обрабатывали силами членов семьи или, со временем, наемных работников. Все возможные прибыли терялись, если каждая новая аренда вела к увеличению трудовой повинности на домене землевладельца. Иначе говоря, фригольдерам было выгодно арендовать новые земли за малые деньги, а не за скудный труд. Кроме того, когда арендуемые земли опустели в связи со смертью крестьян и стали перераспределяться, участки для дальнейшей экспансии брали в основном из домена. Все группы крестьян могли объединиться, отказываясь от уча-

²⁸ Каталог Абея по ценам на пшеницу показывает снижение со 100 в 1301–1370 гг. до 70 в 1391–1400 гг.

ствия в манориальном суде и высказывая свое предпочтение арендовать домен за деньги, тем самым переводя трудовые повинности в денежные (Hilton, 1975, с. 54–73; Hatcher, 1970, с. 225–235; Dyer, 1980, с. 264–269). Объединение фригольдеров и вилланов позволило им воспользоваться королевской поддержкой и разногласиями внутри элит для успешного сопротивления попыткам землевладельцев сохранить трудовые повинности и поднять ренту в предчумную эпоху (Razi, 1981, с. 12–16, 27–36; Dyer, 1980, с. 264–269).

Другой разлад элит, который помог крестьянам избежать трудовых повинностей после «черной смерти», происходил между светскими землевладельцами и духовными. Клирики были основными сторонниками «Статута о пахарях» и должны были получить от него наибольшую выгоду. Однако и они, и мелкие светские землевладельцы, искавшие в статуте помощи, зависели от мировых судов графств, контролировавшихся магнатами и другими крупными землевладельцами, мало выигрывавших от поддержания статута. Записи денежных файлов²⁹, собранных за три года (начиная с 1352 г.) показывают общую сумму, равную 7747 фунтов. Ее надо сравнивать с общей суммой королевской субсидии в 14767 фунтов, собранной за те же три года (Putnam, 1908, с. 321; DuBoulay, 1966, с. 287–288). Незначительность собранных файлов демонстрирует, насколько слабыми были усилия наказать арендаторов, избегавших повинностей и выпрашивавших зарплаты сверх законного максимума.

Даже избавившись от трудовых повинностей, вилланы и фамули оставались манориальными арендаторами и все еще находились под защитой некоторых манориальных кутюмов и должны были по ним нести некоторые другие повинности. В первые два столетия после чумы копигольдеры (вилланы и фамули получали статус копигольдера, пожизненного арендатора земли, как только освобождались от трудовых повинностей) арендовали большую часть своей земли на условиях, которые не зависели от изменений рынка (Bean, 1991, с. 573–576; Raftis, 1964, с. 183–204; 1957, с. 251–301; Harvey, 1965, с. 135–140; Hatcher, 1970, с. 102–21; Howell, 1983, с. 42–57). Держания-копигольды были похожи на вилланские в том, что и те, и другие защищались от деспотической отмены или повышения ренты или штрафов, выплачиваемых наследниками при продлении аренды (Kerridge, 1969, с. 35–45; Gray, 1963, с. 4–12). Права копигольдеров защищал и манориальный, и церковный суд (Kerridge, 1969, с. 35–45; Gray, 1963, с. 4–12; DuBoulay, 1966, с. 297–312; Houlbrooke, 1979, с. 7–20; Hill, 1963, с. 84–92).

²⁹ Файн — денежный побор в пользу земельного собственника. — *Прим. перев.*

В течение первого столетия после «черной смерти» копигольдеры не получили никаких финансовых преимуществ от взятия в аренду своих держаний по сравнению с краткосрочной арендой земли. Только когда население, а также цены на зерно и землю в XV и XVI вв. увеличились, преимущества копигольда перед простой арендой стали более очевидны (Abel, 1980, с. 125; DuBoulay, 1965). Затем в конце XVI–XVII вв. особый язык, использовавшийся при регистрации копигольдов в манориальных списках «приобрел особое значение... когда прямое прочтение договоров „копи“ позволяло лордам отказывать арендаторам в их правах или пытаться их изменить» (Hoyle, 1990, с. 7).

Существование статуса копигольда в течение более двухсот лет поднимает вопросы, которые я поставил при обсуждении работы Добба в начале этой главы: почему ликвидация трудовых повинностей напрямую не вела к развитию частной собственности на землю и пролетаризации труда? Ни поздний марксистский анализ, ни различные немарксистские исследования численности населения, региональной экологии или феодального производства не объясняют живучести манориальных социальных отношений.

Несмотря на многообразие правовых терминов, использовавшихся в записи перевода вилланских держаний в копигольд (и многообразие длительности таких держаний в XVI и последующих веках), все стороны нового порядка, созданного в 100 лет, последовавшие за «черной смертью», полагали, что им гарантированы бессрочные права на держания и передачу его наследникам за фиксированную денежную плату и файны. Крестьяне боролись не только за избавление от трудовых повинностей, но и за получение копигольда взамен простой аренды, лизгольда (Razi, 1981, с. 12–16, 27–36). Многие манориальные лорды – крупные и мелкие, светские и церковные, и даже бейлифы маноров, принадлежавших короне, – пытались не предоставлять выгодных условий аренды (DuBoulay, 1964, 1966, с. 218–237; Dyer, 1980, с. 118–149; Hatcher, 1970, с. 102–121; Raftis, 1964, с. 183–204).

И единство крестьянского класса, и разделенность элит внесли свой вклад в сохранение манориальной организации аграрного производства и сохранение их на наиболее выгодных для крестьян условиях. Как уже говорилось выше, фригольдеры имели общий с вилланами интерес в том, чтобы обеспечить и вилланам возможность арендовать свободные земли за деньги, вместо вложения своего труда в обработку доменов, а не ферм крупных семей. В результате все крестьяне объединились, требуя перевода на денежную ренту. Мало того, все крестьяне осторожно брали земли в аренду (лизгольд), при которой стабильность рент зависела от доброй воли лорда.

Только единства крестьян было недостаточно для того, чтобы добиться таких выгодных условий держания³⁰. Как показало сравнение с французскими областями, необходимо было еще одно условие — разделение элит — для обеспечения победы крестьян. Та же расстановка сил элит, которая подточила «Статут о пахарях», обеспечила аренду свободных земель через копигольд. Две национально ориентированные элиты — корона и духовенство — помогли крестьянам в борьбе против локально ориентированных манориальных лордов. Судьи королевских ассизов и судьи церковного суда, следуя указаниям короля и епископов, более заинтересованных в сохранении национальной базы таксации и плательщиков десятины, нежели в увеличении дохода со своих маноров, поддержали права крестьян брать землю в копигольд, противодействуя бейлифам королевских поместий и церковным манориальным землевладельцам (Gray, 1963, с. 34–49; Blanchard, 1971, с. 16–22; Hill, 1963, с. 84–92; Houlbrooke, 1979, с. 7–20). Судьи церковной курии, связывая права держания копигольдеров с их обязательствами по выплате десятины, выковали союз между крестьянами и держателями церковных бенефициев, хотя и за счет духовных и светских манориальных лордов (Raftis, 1964, с. 198–204; DuBoulay, 1965, с. 443–55).

Судьи королевских ассизов сыграли небольшую роль в прямой защите держания копигольда в XV в. (Gray, 1963, с. 23–24). Немногие крестьяне имели достаточно средств, чтобы позволить себе процесс

³⁰ Мартин (Martin, 1983) утверждает, что крестьянский бунт 1381 г., несмотря на его незначительные немедленные последствия, имел долгосрочный эффект усиления крестьянских общин, позволивший арендаторам освободиться от трудовых повинностей в XV в. Мартин говорит, что королевская власть в XV в. была способна сохранить сеньориальное землевладение, но не феодальный контроль над крестьянским трудом. Работа Мартина важна потому, что в ней крестьянская солидарность и бунт определяются как необходимые условия для завоевания свободы. Тем самым Мартин делает большой шаг в сторону от демографических детерминистов, утверждающих, что сами по себе изменения пропорций земля/труд автоматически давали крестьянам достаточно преимуществ, чтобы освободиться от трудовых повинностей.

Мартин расширяет наше понимание, подчеркивая запаздывающую, сбивчивую и зависимую от многих обстоятельств природу перехода от феодальных трудовых повинностей к крестьянской аренде и постепенному обезземеливанию многих арендаторов в XVI и последующих веках. К сожалению, дуализм государство — землевладелец, по Мартину, слишком прост, чтобы объяснить, почему отношения земледержания трансформировались столь специфическими путями, на которые они встали после «черной смерти», а затем в XVI и последующих веках.

перед королевскими судьями, и напротив, церковные суды были более доступны для большинства копигольдеров. Реальный вклад короны в борьбу за права крестьян на землю проявился при вторичной поддержке юрисдикцию церковных курий в спорах между крестьянами и манориальными лордами. Корона имела двойной интерес в поддержании власти духовенства в делах земледержания: во-первых, она взимала церковную десятину в пользу государства, во-вторых, короли рассматривали независимое крестьянство как основной источник налоговых сборов (Scarisbrick, 1960, с. 41–54; DuBoulay, 1966, с. 92–113) и поэтому желали сохранить способность духовенства защищать крестьян в качестве противовеса манориальным лордам.

СТАБИЛЬНОСТЬ МАНОРИАЛЬНЫХ СТРУКТУР В АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

Исследование трансформации классовых отношений в аграрном секторе, проведенное в этой главе, позволяет нам сделать некоторые выводы об ограниченности изменений в средневековых Англии и Франции. В обеих странах все перемены в статусе крестьян касались различного вида держаний в манорах. Крестьяне не покидали и не были изгнаны из своих жилищ в манорах. В столетия, последовавшие за чумой, они продолжали выводить (а иногда и менять) свои права и обязанности из своего статуса арендатора в маноре. Практически ни один крестьянин не пролетаризировался ни в Англии, ни во Франции до XVI в. Практически ни один землевладелец в этих странах не преуспел в переводе недомениальной земли своего манора в частную собственность, которой он мог бы управлять, сдавать в аренду или продавать, как ему заблагорассудится. Обсуждение, приведенное выше, показывает, что тенденция была противоположной, и многие землевладельцы стремились перевести домены в крестьянские держания.

Баланс классовых сил не может объяснить ни стабильности манориальных классовых отношений, ни различий в схемах земледержания внутри этой архетипической феодальной организации, зато структура элиты становится ключевой объясняющей переменной. Там, где элиты пребывали в активном или неразрешенном конфликте, крестьяне получали свободу от трудовых повинностей, права на надежное земледержание и стабильную ренту, не взирая на демографические, экономические и экологические условия, там, где элитные конфликты были разрешены, крестьян вынуждали нести новые или усиливали старые трудовые повинности.

Ключевые различия между Англией и Францией заключались в уровне организации элит. Во Франции элиты были организованы, с основным исключением в виде духовенства, на провинциальном уровне. В Англии корона и духовенство решающим образом влияли и на общенациональном уровне на светских землевладельцев. Ни одна национальная элита в эту эпоху, предшествующую абсолютизму, не была способна добиться элитной гегемонии в рамках всей нации. Единственное, что английская корона и духовенство могли сделать со своими общенациональными организациями — предотвратить захват светскими землевладельцами гегемонии в рамках графств. В результате модель многих французских областей, где светские землевладельцы объединялись под руководством одного магната или в рамках коллективной корпорации, не была продублирована в английских графствах.

Две стабильные модели, каждая из которых продержалась два столетия, были созданы в послечумных Англии и Франции. В большинстве французских областей светские элиты сумели ограничить проникновение конкурирующих элит внутрь и использовать свою областную гегемонию для привлечения крестьян к трудовым повинностям. В Англии и Бретани, Комтате-Венэссен, Нормандии, Орлеане, Пикардии, Пуату, Провансе и Гиени конфликт магнатов — между светскими землевладельцами и духовенством во французских областях и между светскими землевладельцами и коалицией духовенства и короны в Англии — освободил крестьян от трудовых повинностей при надежном держании своих земель. В Иль-де-Франсе короли использовали свою власть для предотвращения сложения гегемонии светских землевладельцев и обеспечения свободы крестьянам в качестве противовеса аристократии и альтернативного источника налоговых сборов. В Лангедоке союз магнатов и духовенства проводил ту же стратегию ослабления манориальных сеньоров и усиления крестьянских общин.

Для перехода к аграрному капитализму нужны были дальнейшие трансформации элитной структуры. В последующих главах рассмотрены возможные источники изменения в феодальной политике. В третьей главе разбирается роль городов — как независимых городов-государств, так и автономных в рамках национальных государств — как места зарождения политических образований, бросивших вызов аграрным элитам, но не приведших к установлению капиталистических социальных отношений. В 4–6 главах проанализированы различные виды образовавшихся государств — имперская Испания, корпоративная коалиция, ставшая Голландской республикой и два контрастирующих типа абсолютизма, в Англии и Франции,

чтобы определить их как особые формы, и подточившие феодальную политику, и произведшие на свет новые элитные структуры, которые в конечном итоге стали проводниками капитализма.

ПРИМЕЧАНИЕ ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА

Социологи и историки, изучающие неевропейские общества, почти все единодушны, что давно пора похоронить столь малополезное понятие Маркса, как азиатский способ производства³¹. Маркс полагал, что крупномасштабные деспотические государства в Азии использовали прямое принуждение для присвоения результатов труда. Азиатский способ производства, по Марксу, отличался от европейского феодализма тем, что барщинный труд был организован там централизованными институциями, в то время как труд крепостных и трудовые повинности в Европе использовались на местном уровне манориальными сеньорами. Каждый из правящих классов поддерживался своей системой организации труда, утверждал Маркс. Хотя землевладельцы были во множестве и процветали в Азии так же, как и в Европе, в Азии блок военных и чиновников получал крупную выгоду от принудительного труда, тогда как в Европе феодалы извлекали из труда большую часть прибавочной стоимости для себя.

Маркс мало что мог сказать о динамике классовых конфликтов и социальных изменениях в Азии. В действительности исследователи неевропейских обществ считают понятие «азиатский способ производства» неудобным именно потому, что оно препятствует анализу подлинной динамики социального изменения обществ, обозначенных как азиатские Марксом и марксистами. В то же время востоковеды много времени потратили на создание новых теоретических концепций, которые позволили бы проводить сравнения между восточными и европейскими обществами³².

³¹ Маркс развивал концепцию азиатского способа производства в своих «Критике политической экономии» ([1859], 1970), «Капитале» ([1867–1894], 1967) и «Экономической рукописи» (Grundrisse, [1857–1858], 1973) и ссылался на нее во всех своих работах. Концепция была популяризована Виттфогелем (Wittfogel, 1957).

³² Япония представляет собой исключение. Историки и социологи почти единогласно рассматривают ее как феодальное общество, которое перешло к капитализму, возможно, после Англии, но задолго до остального света. Японию использовали для поддержки разных моделей: марксистской (Anderson, 1974), мировых систем (Moulder, 1977) и веберовской (Eisenstadt, 1996; Ikegami, 1995; Collins 1997). Я надеюсь рассмотреть этот важный случай в одной из своих последующих работ.

Анализ азиатских переходов пробуксовывал потому, что ученые пытались вывести траектории социальных изменений из типологий аграрного производства и извлечения прибавочной стоимости, рассматриваемых изолированно от более широких структур элитных и классовых отношений³³. Веберианцы внесли еще меньший вклад в понимание азиатского исторического развития, нежели марксисты. Веберианцы использовали эссенциалистский подход, утверждая, что в восточном мировоззрении и социальных практиках не доставало некоторых важных черт, присутствующих в Европе и Японии. В результате, утверждают они, азиатские общества, за исключением Японии, никогда не развивались так, как европейские³⁴. Веберианцам не удалось объяснить различную динамику восточных обществ, и они удовлетворились описаниями инертных культур.

Анализ элит в этой главе подсказывает, что ключевая характеристика любого европейского или азиатского общества — полная структура элитных и классовых отношений, а не доминантные формы извлечения прибавочной стоимости в отдельный исторический момент или любой другой набор культурных практик. Изменения происходят между элитными и классовыми отношениями. Мы не найдем точки перехода, сравнивая способы производства или об-

³³ Обсуждение в *Journal of Peasant Studies* статьи Харбанса Мукхья «Был ли феодализм в истории Индии?» (Harbans Mukhia, «Was there feudalism in Indian history?», 1981) показательны. Участники специального номера, изданного Т. Дж. Байрсом (Т. Дж. Вугес) и Мукхья (1985), единогласно согласились с тем, что понятие «азиатского способа производства» не помогает понять историю ни одного из регионов Индии. Все статьи очень важны для понимания нескольких аграрных способов производства в разных частях Индии за столетия ее истории. Однако все авторы начинают «тонуть», когда пытаются развить модель способов производства или использования способов производства, которая бы объяснила конкретный отрезок индийской истории. Читателям предлагается ряд критических толкований марксистских концепций, но ни разу не говорится, какие факторы вызывали изменения.

³⁴ Эйзенштадт (Eisenstadt, 1988) и Коллинз (Collins, 1997) попадают в эту ловушку по-разному, как и Холл (Hall, 1988), и Бехлер (Baechler, 1988). Сам Вебер в «Религиях Китая» ([1916], 1964) и «Религии Индии» ([1916–1917], 1958) допускает большой фактор случайности, прослеживая двустороннюю причинно-следственную связь между социальной структурой и религиозным мировоззрением. Икегами (Ikegami, 1995) ближе к Веберу в тонкости, с которой она прослеживает взаимоотношения между конфликтом и культурным изменением. Икегами не делает теоретических выводов из своего исторического исследования и выдвигает лишь имплицитные предположения, как рассматривать Японию в сравнении с Европой или другими азиатскими странами.

щества «сбора ренты» и «сбора налогов» (Berktaу, 1987), или противопоставляя империи, королевства и племенные системы. В действительности важен комплекс организации производства и извлечения стоимости, или, используя терминологию Бертея, связь ренты с налогами и отношений внутри ренто- и налогособирающих элит. Важна структура, и в Азии, и в Европе, в качестве контекста, внутри которого открываются и закрываются возможности для действий (agency) элит и классов.

Если элитная структура лучше объясняет устойчивость европейского феодализма до XVI в., похожую модель можно применить и при анализе устойчивости некапиталистического способа производства в Азии и уникального развития аграрного капитализма в Японии, начиная с XVII в. Нам нужно выяснить, где в комплексе элитных и классовых отношений создан зазор для точки перехода в каждой стране, городе или области в определенные исторические моменты. Непредвиденные изменения происходят в Азии, так же, как и в Европе и во всех других обществах. Нам нужно найти структурные точки, где элиты и классы обладают возможностью действовать (agency). Данная книга пытается сделать это в отношении Западной Европы. Мы конструируем теоретическую и методологическую концепцию для будущих исследований Азии, которые смогут объяснить и сравнить особое историческое развитие каждого общества.

ГЛАВА 3

ПРЕДЕЛЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Города были звездами Европы эпохи Средневековья и Ренессанса. В отличие от сельских общин с их политической статикой и практической автаркией, города были локусами быстрых демографических изменений, узлами международной торговли и сетей производства и сценой, на которой элиты и классы становились агентами исторических трансформаций, изобретая новые и бросая вызов старым политическим устройствам.

В XII–XIV вв. города по всей Европе де-факто добились автономии, а некоторые, например, в Северной Италии, завоевали и формальную независимость от окружающих королевств, княжеств и герцогств. Автономные города и города-государства обеспечивали свою свободу военными и финансовыми средствами. Муниципальные правительства эксплуатировали промышленность, заключенную в городских стенах, и торговлю, проходившую через их территорию, поднимая налоги, увеличивая пошлины, беря займы у горожан и приезжих. (Города, особенно в Италии, собирали дань с сельских территорий, находящихся под их контролем.) В некоторых случаях бюджет городов превышал бюджеты крупнейших королевств Европы, тогда города выводили на поле боя армии, успешно противостоявшие и часто превосмогавшие военные силы, контролируемые королями и аристократами. Меньшие по размерам и богатству города покупали права и свободы у своих сеньоров.

Города добивались власти в международной и областной сферах. Они образовывали транснациональные лиги и коалиции; некоторые начинали войны, становясь столицами обширных городских империй. Эти города контролировали ключевые европейские торговые пути, увеличивая богатство граждан и доход правительств. Самые богатые горожане давали в долг королям и римским папам, контролируя основные запасы ликвидного капитала в Евро-

пе, выдвигая требования королям и постепенно добиваясь власти над папством.

Городские центры достигли уровня населенности и развития ремесел, невиданного в Европе со времен падения Рима. Хотя инноваций в технике производства и ведении дел было немного, количественный рост экономической активности в сочетании с реинтеграцией Европы в торговые сети Азии и Ближнего Востока давал видимость качественно нового экономического поведения.

Судя по всему, социальный порядок, ориентированный на города, возник в Европе в столетие, закончившееся «черной смертью». Города готовились к гегемонии в западной половине континента, когда урбанистические области оправились демографически и экономически — к XV в. В условиях такой социальной системы города эксплуатировали сельскую Европу. Хотя аристократия была непосредственным получателем богатств, извлеченных из сельских производителей, дворяне и короли, в свою очередь, переводили большую часть этих богатств в руки городских предпринимателей, действовавших путем ростовщических займов и завышенных цен на мануфактурные товары, а порой и через прямое военное покорение. Контроль итальянцев, а позже исключительно дома Медичи над усиливающимся папством переводил церковную десятину и доходы с земель со всей Западной Европы в Италию, в частности в Рим и Флоренцию.

В некоторых частях континента стали проявляться контуры политической системы, в которой внешние территории объединялись под властью одного-единственного города или лиги городов. Отстающая Европа через несколько крупных городов связалась с более продвинутыми областями Азии и Ближнего Востока; доступ к технологическим инновациям, товарам и богатству остальной части мира контролировали города, обладавшие достаточными связями, военной силой и капиталом, чтобы доминировать в трансконтинентальной торговле.

Развивающаяся гегемония городской Европы была потеряна в XVI в. Большинство городов принудили расстаться с их независимостью или поступиться большей частью своей автономии. Великие города Италии передали контроль над торговыми путями, папством и даже над большей частью итальянских земель новым могущественным национальным государствам, которые праздновали триумф: их армии и их способность получать доходы оказались сильнее. Даже ремесленное производство стало уходить из городов в это столетие, ставшее эрой возникновения сельской протопромышленности. Население итальянских городов осталось прежним или уменьшилось,

хотя общее население Европы, в том числе городское, значительно увеличилось; впервые столицы национальных государств стали более населенными, чем города-государства.

ВЕБЕР И ЕГО КРИТИКИ

Историки и социологи потратили много сил, чтобы осветить те аспекты городской жизни, которые могли бы объяснить подъем и процветание автономных городов в средневековую эпоху. Анри Пиренн, Пол Суизи и Фернан Бродель — вот самые выдающиеся имена из той когорты ученых, которые, хотя и с разных позиций, приравнивали урбанизм к капиталистическому развитию. Из всех троих лишь Бродель все-таки признавал, хотя и не объяснял причин, резкий упадок автономных городов в XVI в. Фредерик С. Лейн, Чарльз Тилли и другие исследователи протопромышленности указывали на очевидные (для них) преимущества национальных государств и сельской промышленности перед городами-государствами и городскими купцами, однако не смогли выразить, почему городские политики и производители сумели продержаться, несмотря на все предполагаемые недостатки своего положения, до XVI в.

Только Макс Вебер выдвинул единую модель, объясняющую ранние преимущества и поздние изъяны положения купцов, основавшихся в городах. Однако, несмотря на блистательную логику его аргументов, ученые, придерживающиеся двух других подходов, успешно разрушили основания трудов Вебера о городах. Обзор взглядов Вебера и его противников проясняет необходимость нового анализа европейских городов-государств и то, как моя модель конфликтов элит удовлетворяет эту потребность. Ниже проиллюстрирована ценность моего подхода применительно к Флоренции эпох Средневековья и Ренессанса.

Город как капитализм

Труды Вебера часто ошибочно связывают¹ с той школой социологии, которая определяет города как источник капитализма. Пиренн (1925)

¹ Работа Холтона (Holton, 1986) очень полезна тем, что он определяет различия в мнениях Пиренна и Вебера по поводу средневековых городов. Несмотря на это, Холтон считает их подходы практически идентичными, и поэтому не обращает внимания на то, какую различную роль Пиренн и Вебер приписывают жителям городов в своих моделях происхождения капитализма.

рассматривал города как островки экономической и политической свободы посреди феодального общества, в которых и только в которых предприниматели могли извлекать прибыль, уходя от структурных ограничений феодалов и запретов, налагаемых отсталыми сельскими обычаями. На протяжении столетий динамика городского капитализма, по мнению Пиренна, доминировала на всем континенте, ниспровергая аристократическое правление и преобразуя натуральную сельскую экономику.

Работы Пиренна повлияли и на марксистов, и на немарксистов. Суизи ([1950], 1976), критикуя взгляды Добба, повторял пессимистические взгляды Пиренна на возможность структурного изменения и экономического развития в рамках аграрного сектора феодальной Европы. Бродель — наиболее влиятельный современный историк экономического развития Европы в эпохи Средневековья и Ренессанса, был настолько уверен, что капитализм *tout court*² существовал в средневековых городах, что даже не учитывал тезис Вебера о протестантской этике.

Для Макса Вебера капитализм в современном смысле слова — ни больше и ни меньше творение протестантизма или, более точно, пуританизма.

Все историки возражают против этой неубедительной теории, но никак не могут избавиться от нее раз и навсегда. Однако она явственно не верна. Северные страны заняли место, которое гораздо раньше и столь долго и так блистательно занимали старые капиталистические центры Средиземноморья. Они ничего не изобрели ни в технологии, ни в управлении делами (1977, с. 65–66).

Эти слова Броделя — пример самой распространенной претензии, предъявляемой и к социально-психологическому подходу по поводу происхождения капитализма, проявившемуся в «Протестантской этике и духе капитализма», и к тому типу структурных моделей, делающему упор на образование классов, элит и государств, которую я представляю. Бродель утверждает, что капитализм, и в веберовском, и в марксистском смысле, существовал в городах-государствах Италии эпохи Возрождения и практиковался северными конкурентами итальянцев, базировавшимися в городах Ганзейской лиги и нидерландских торговых центрах. То, что Маркс, Вебер и их последователи описывают как начало капитализма в Англии XVI в., было не более чем «переносом... [капитализма] со Средиземного на Северное

² Просто-напросто (фр.)

море и олицетворяло победу новой области над старой. Также он привел к существенной смене масштаба» (с. 67). Для Броделя ([1979], 1984) подъем Англии (и Нидерландов) был существенной трансформацией, но в рамках уже существовавшей европейской капиталистической системы.

Бродель, который и предвосхитил модель миросистемы Иммануила Валлерстайна, и позаимствовал из нее, выдвигает довод, на который необходимо ответить³. Его работе придает вес не только богатая историческая эрудиция и изощренность теоретической модели, но и господствующая среди историков тенденция характеризовать городских купцов Европы эпохи Ренессанса как капиталистов. Предмет спора в данном случае во многом касается определений. Так как некоторые ученые определяют капитализм исходя из тех характерных черт, которые уже существовали в городах той эпохи, а другие авторы ссылаются на практики и отношения, которые возникли лишь в XVI или последующих столетиях, каждый может выиграть в этом споре, выделяя те моменты, которые подтверждают его любимое определение. Бродель, однако, утверждая, что его исследования ренессансных городов выявило капитализм, как его определяли Маркс и Вебер, претендует на гораздо более широкие заключения⁴. Эти претензии ничем не оправданы; несмотря на все уверения Броделя, определения капитализма у Маркса и Вебера по критиче-

³ Хотя теоретические концепции Броделя и Валлерстайна имеют много общего, Валлерстайн более точен в своем определении капитализма, чем Бродель. Для Валлерстайна торгующий город не является подлинно капиталистическим или не находится в ядре капиталистической мировой системы, если он не играет более активной роли в определении формы производства и эксплуатации в периферийных регионах, как это было в ренессансных итальянских и нидерландских городах. Кроме того, Валлерстайн и Абу-Лугод (Abu-Lughod, 1989), которая рассматривает период 1250–1350 гг., допускают возможность множественных ядер в мировой системе, в отличие от Броделя, который верит в единственную мировую столицу. Следовательно, моя критика Броделя в этой главе неприменима напрямую к доводам Валлерстайна. Я рассматриваю ограниченность модели мировой системы Валлерстайна в ходе построения своей аргументации в четвертой-шестой главах.

⁴ Коэн (Cohen, 1980) выдвигает схожий аргумент, утверждая, что католики эпохи Возрождения, особенно жители итальянских городов-государств, проявляли капиталистический дух в своем преследовании прибыли, независимо от того, как они тратили свое богатство. Холтон (1983) критикует Коэна за то, что он путает рациональные техники, к которой прибегали итальянцы Ренессанса, и рациональное экономическое действие, которого не было ни во Флоренции, ни в других городах-государствах.

ски важным критериям отличаются от описания ренессансной Европы, предлагаемого Броделем и историками, соглашающимся с ним.

Бродель предлагает эссенциалистский взгляд на капитализм: «Я утверждаю, что капитализм был потенциально различим еще на самой заре истории и что он развивался и утверждал себя начиная с самых далеких глубин прошлого... И на всем протяжении этой внушительной трансформации (промышленной революции. — *Рич. Лакман*) капитализм в своей основе оставался верен себе» ([1979], 1984, с. 620–621). И напротив, у Маркса, Вебера и в той модели, которую я развиваю, делается акцент на многообразной и прерывистой природе развития государства и классов, капиталистических структур, отношений и практик по всей Европе в XIV–XVIII вв.⁵

Разрывы особенно очевидны, если посмотреть на историю городских центров эпох Средневековья и Возрождения. В XIII в. сотни итальянских городов, десятки немецких и швейцарских, равно как и французских, а также отдельные города в других странах добились автономии от аристократического правления (Blockmans, 1978; Burke, 1986; Friedrichs, 1981). В последующие пять веков практически все эти города попали под власть дворянства или государства, некоторые из них несколько раз теряли и обретали свободу. В экономическом смысле это признает и Бродель, и деревни, и города трансформировались в центры торговли и промышленности, и порой так же быстро забрасывались в пользу новых более обещающих экономических центров. Демографические флуктуации европейских городских центров отражают политические и экономические повороты их судьбы.

Переносы экономического капитала и концентрации населения с одного места на другое описываются Броделем как часть динамики капитализма⁶. К сожалению, описание не заменяет собой объяс-

⁵ Конечно, вопрос, в котором жизненно важными являются разрывы, и служит основой моих разногласий с Марксом и Вебером, и предметом спора между марксистами и веберийцами.

⁶ Абу-Лугод (Abu-Lughod, 1989) напоминает нам, что европейские купцы были скрягами по сравнению с торговцами Ближнего Востока и Азии. Ее ценная синтезирующая работа определяет европейские города как узлы всего одной из восьми систем в мировой торговле в XIII в. Она указывает, что «Закат Востока» предшествовал «Расцвету Запада». Но Абу-Лугод не может сказать нам, почему блоки, которые она определила как ведущие городские центры XIII в. — ярмарочные города Шампани, текстильные и коммерческие города Фландрии и великие города Северной Италии — не смогли, как и мусульманские и азиатские города, удержать экономическое лидерство.

нение причин. Бродель и его единомышленники не способны указать тот набор факторов, который может отвечать за подъем и падение городских центров. Все ссылки на «капитализм» городских купцов эпохи Возрождения не дают ответа на критически важный вопрос: почему первые великие коммерческие города позднесредневековой Европы не стали центрами последующего капиталистического развития?

Бродель ([1979], 1984) пытается обойти этот вопрос, перечисляя черты, необходимые для того, чтобы занять лидирующее положение на каждом этапе развития европейской «мировой экономики». Его история предлагает живые описания последовательной утери итальянскими городами-государствами экономического лидерства и передачи его Антверпену, а в дальнейшем перехода гегемонии к Генуе, Амстердаму и Лондону. Однако когда Бродель переходит от описаний к объяснениям, его доводы становятся аргументами *ad hoc*, теряют систематичность и удовлетворяют гораздо меньше. Из-за невнимания к внутренней политической динамике городских центров он не способен объяснить, почему существовавшие столицы европейской торговли не смогли ответить на вызов конкурирующих городов, приспособившихся к новым требованиям контроля над производством и обменом в европейской мировой системе⁷.

Город Вебера: политически ориентированный капитализм

Интуитивно можно было ожидать, что большие накопления капитала и контроль над существующими торговыми сетями дали бы уже функционировавшим экономическим центрам ренессансной Италии и Нидерландов преимущества перед их предполагаемыми соперниками. То, что эти города проиграли, говорит о необходимости систематического исследования структур социальных отношений в этих городах, а также (во взаимосвязи с ними) сдвигов в политических и экономических отношениях между разными блоками европейской мировой экономики. Вебер разбирается со сдвигом ев-

⁷ Весьма полезный разбор Валлерстайном причинно-следственных связей между положением в мировой системе и внутренней политикой в периферийных областях плохо применим к проблеме смены лидерства в ядре мировой системы. В этом отношении, модель Валлерстайна подъема Англии и Франции до позиций в ядре в XVI–XVIII вв., представленная в «Современной мировой системе» (The Modern World System, тома 1–3, 1974–89), несет те же затруднения, что и разбор Броделем (1979) Ренессанса.

ропейской экономической гегемонии, маркируя экономику ренессансной Италии как политически ориентированный капитализм, в отличие от экономически ориентированного капитализма пуритан⁸. Вебер утверждает, что итальянские предприниматели эпохи Возрождения оказались столь восприимчивы к осознанию возможностей извлечения прибыли в феодальной Европе именно благодаря своей политической ориентированности на прибыль. Однако эта ориентация не помогла клану Медичи адаптироваться и противостоять конкуренции в новом экономическом климате, созданном экономически ориентированными протестантскими предпринимателями в XVI и последующих столетиях.

«Политически ориентированные события и процессы, открывавшие те возможности получить прибыль, которые использовал политический капитализм, — иррациональны с экономической точки зрения, т. е. с точки зрения ориентации на рыночные преимущества и, следовательно, на потребительские нужды бюджетных единиц» (Weber, 1978, с. 166). Зависимость экономической деятельности от политических процессов вводила произвольные, а следовательно, непредсказуемые и невычисляемые элементы в решения капиталистов. Это, по Веберу, было основным фактором, приведшим итальянцев

⁸ Вебер первым попытался объяснить потерю ренессансными предпринимателями конкурентоспособности в своей диссертации по истории средневековых торговых компаний (1889), сравнивая эти предпринимательские организации с предприятиями, основанными капиталистами в протестантской Германии и особенно в Англии. В «Экономике и обществе» (*Economy and Society*) Вебер определяет политически ориентированный капитализм как стремящийся получить прибыли через политическое доминирование, хищническую деятельность, и чрезвычайно тесное сотрудничество с политическими объединениями ([1921] 1978, с. 164–166, 193–201, также 1961, с. 246–247). И напротив, экономически ориентированный капитализм это «стремление получить прибыли через постоянные покупки и продажи на рынке... или стремление получить прибыли через непрерывное производство товаров на предприятиях с капиталистической бухгалтерией» (1978, с. 164).

Экономически ориентированный капитализм также стремится к прибыли «непрерывно выполняя финансовые операции с политическими объединениями» (Weber, 1978, с. 165). Инвестиции в государственные облигации, или прибыли с непрерывной торговли и производства, зависящие от государственного покровительства, требуют правовой защиты стабильного бюрократического государства. Как таковые эти инвестиции становятся основными только после того, как пуританизм привнес рациональность в бюрократические государства. До Реформации прибыль от «политической деятельности была повсюду лишь результатом соперничества между государствами за власть и соответствующего соперничества за капитал, который свободно перемещался между ними» (1978, с. 165).

к потере своих преимуществ. Вебер предполагает, что если бы политически ориентированные итальянцы смогли принять экономическую ориентацию, они бы успешно конкурировали с протестантскими предпринимателями. Но, по его мнению, ориентация предпринимателей оставалась весьма жесткой и фиксированной. Новые структурные условия создали иную экономическую ориентацию у других, неитальянских капиталистов.

Вебер видел в смене патримониальных государств, которые «контролировали развитие капитализма, создавая личную заинтересованность в поддержании существующих источников выплат и налогов» бюрократическими государствами, «производящими сборы налогов (но никакую другую экономическую деятельность) через свой собственный персонал... [который] обеспечивал оптимальную среду для рационального, рыночно-ориентированного капитализма» (1978, с. 199), необходимую предпосылку для развития рационального капитализма⁹. Хотя различия между патримониальным и бюрокра-

⁹ Вебер считал Реформацию и развитие протестантской этики необходимыми условиями для бюрократического государства, которому они предшествуют по времени, и являются его причиной, точно так же, как и капитализма. Я рассматриваю это утверждение Вебера в шестой главе. Чтобы рассмотреть проблемы, затронутые в данной главе, необходимо лишь определить отношение между формами экономического действия, с одной стороны, и структурами общественных отношений, более конкретно политических институтов, с другой.

Коллинз изгоняет протестантизм не только из изучения Ренессанса, но также из модели Вебера и своей собственной, полной модели капиталистического развития. В «Последней теории капитализма Вебера» (Weber's Last Theory of Capitalism, 1980, с. 934) Коллинз утверждает, что в «Общей экономической истории» Вебера «протестантизм только последнее звено в одной из цепочки факторов, ведущих к рациональному капитализму». В результате Коллинз видит в итальянских ренессансных городах пункты капиталистического развития, особенно после народных восстаний XIV в., «которые вытеснили харизматическое право прежнего класса патрициев и заменили его на универсалистское и „рационально утвержденное“ право, от которого так многое зависело в институциональном развитии права» (с. 939).

Коллинз в этой части своей аргументации следует мнению Вебера о том, что западные города привнесли вклад в рациональность, освободив горожан от феодальных ограничений. Для Вебера городские свободы состояли из двух элементов. Первый был свободой от ограничений и обязанностей, налагаемых на своих подданных феодальными синьорами. «Городское гражданство... узурпировало право расторгать связи сеньориального господства; это было замечательным — в действительности, даже революционным, — нововведением, которое отличает средневековые города Запада от всех других» (Weber, 1978, с. 1239). Бюргеры смогли потребовать эти свободы потому что, с децентрализацией военной и полити-

тическим государством и между политически и экономически ориентированным капитализмом приведены с точки зрения идеальных типов¹⁰, они привлекают необходимое внимание к политическому аспекту разрыва экономического развития в Европе XVI в.

Бродель, наверное, был прав, утверждая, что необязательно учитывать психологические факторы в смещении экономической гегемонии в Европе XVI в. Однако, бросая вызов социальной психологии Вебера, нужно предложить какую-то причинно-следственную

ческую власти в феодальной Европе (в отличие от объединенной политической власти в Китайской империи), городские корпорации могли нанимать свои собственные вооруженные силы для того, чтобы бросать вызов, или, по крайней мере, пугать армии королей (с. 1239, 1260–1262; Weber, 1961, с. 237–238).

Вторым элементом городских свобод на Западе было отсутствие «магических, тотемических, родовых и кастовых свойств клановой организации, которая в Азии препятствовала объединению в городские корпорации» (Weber, 1978, с. 1243, см. также 1961, с. 238). По мнению Вебера, предреформационное христианство выступало рациональностью в том смысле, что позволило европейским бюргерам образовать политические союзы с теми, кто находился в таком же экономическом положении, а не разделило их клановыми барьерами. Таким образом христианство дало средневековым европейским буржуа желание, а феодальная основа военной организации обеспечила средства, чтобы осознать свой интерес, не происходящий ни от магической концепции рода, ни от аристократической концепции почетного статуса.

Согласно Коллинзу (1980, с. 940), упадок итальянских городов-государств, и уступка своего положения Англии объясняются скорее преимуществами, которые имело национальное государство в соперничестве за мировой рынок, а не дополнительным капиталистическим рвением, вызванным протестантской этикой. Коллинз полагает, что такова была последняя идея Вебера, заключенная в «Общей экономической истории». Я рассматриваю это как собственную модель Коллинза, а не Вебера, и анализирую ее как таковую в конце данной главы.

Признание Коллинзом роли национальных государств в трансформации европейского экономического действия в XVI и последующих веках — это гораздо более утонченный веберовский взгляд на историю, чем тот, который отстаивают Холл (Hall, 1985) и Широ (Chiot, 1985), учитывающие лишь наиболее общие исторические элементы аргументации Вебера, представленные в уже указанном примечании как основу для утверждения, что все необходимые условия для осознания развития Европы уже существовали в раннем Средневековье. Холл и Широ летают выше исторических «мелочей», которые являются предметом анализа в данной книге. Следовательно, доказательства и аргументы, которые я здесь развиваю, нельзя использовать для оценки их аргументов, разве что их уверенный детерминизм не будет повержен демонстрацией высоко зависимой от множества факторов природы структурного изменения в последующие столетия.

¹⁰ Я рассматриваю ограниченность терминологии Вебера как инструмента для понимания образования государства в четвертой главе.

связь между переменами в формах экономического доминирования, с одной стороны, и в формах политической власти — с другой, и нужно определить механизм, благодаря которому экономика и политика влияют друг на друга.

Национальные государства и упадок городов

Подъем национальных государств совпал с упадком автономных городов-государств как военной силы, а позже и как ведущих центров производства и торговли. Фредерик Лейн (Lane, 1958; 1979) определил города-государства и национальные государства как организации, которые собирают налоги, чтобы покрыть расходы на управление и сохранение монополии на власть в рамках определенной территории. Чем эффективнее государство выполняет эти функции, тем больше прибыли оно может получить с налогов. С точки зрения Лейна, политическая история Европы с VIII в. до н. э. до XVIII в. н. э. основана на «изменении отношения насилие / предприимчивость при сборе и распределении прибавочной стоимости» (1958, с. 412). Таким образом, наибольшая эффективность национальных государств обеспечила их триумф и над городами-государствами, и над автономными сельскими феодалами.

Чарльз Тилли углубляет модель Лейна, проследивая консолидацию политических блоков в Европе от «500 государств, потенциальных государств, государствочек и государствовподобных организаций» в 1490 г. до «всего лишь 25–28 государств» в 1990 г. (Tilly, 1990, с. 42–43). Он анализирует различные комбинации капитала и насилия в определенных местах Европы и описывает, как доступ политических акторов к этим двум ресурсам задает тип государства.

Хотя города-государства, по мнению Тилли, были богаты, они были неспособны получить значительные ресурсы принуждения, за исключением случаев покупки наемнических армий. Города-государства подкосили два изменения: во-первых, атлантическая торговля и связанное с ней производство росли в то время, когда «собственные водные пути „средиземноморских городов-государств“... были ограничены мусульманскими державами» (1990, с. 190); во-вторых, все государства, контролировавшие более значительное население, разработали особые методы принуждения и извлечения ресурсов капитала из своих обширных территорий, и хотя по сравнению с городами-государствами их было немного, их размеры позволили им пересилить и превзойти города-государства. Такие ресурсы стали ключевыми, когда «война выросла по масштабу и стоимости»

(с. 190). Для Тилли «золотой век» городов-государств продолжался лишь до того момента, как крупные государства начали объединять и упорядочивать механизмы сбора налогов и выставлять на поле боя национальные армии¹¹.

Более полно модели образования государства Лейна и Тилли разбираются в четвертой главе. Однако даже если допустить, что Тилли подробно объяснил, как доступность ресурсов капитала и принуждения формировала развитие государственных структур, его модель не объясняет, почему капитал и принуждение были организованы в национальные блоки, а не в сеть не граничащих друг с другом городов и территорий.

С выигршной позиции настоящего времени и даже XIX в. мы можем распознать, какими способами чувство национальной общности в граничащих друг с другом территориях и их населении помогло государствам собирать налоги, набирать армии и защищать границы. Тем не менее государства, одержавшие военный и экономический триумф над городами-государствами в XVI в., часто не были пограничными или этнически и лингвистически однородными. В действительности наиболее успешные государства вели войны с целью захватить именно не пограничные территории и привести чужие народы под свою власть. Преимущества зрелых национальных государств XIX в. нельзя переносить назад, анахронически объясняя, почему аристократы с опорой на село смогли доминировать над купцами с опорой на город в XVI в., а не наоборот.

¹¹ Крайдте (Kreidte, 1983; см. также Kreidte, Medick and Schlumbohn, 1981) анализирует упадок городского мануфактурного производства, применяя логику, похожую на ту, что употребляет Тилли. Крайдте утверждает, что города-государства пересилили капиталисты с сельской базой, которые использовали обширные внутренние районы национальных государств для привлечения крупной и дешевой рабочей силы крестьян, ищущих приработка. Сельские мануфактуры сбивали цены дорогим цеховым мануфактурам. Хотя цеховые производители были более квалифицированы, это имело значение лишь для производства товаров роскоши — сектора, который ослабел, когда общая экономика Европы расширилась в XVI в. Описание Крайдте вызывает вопрос, почему национальные государства, а не сеть городов-государств, захватили контроль над такой сельской мануфактурой. Многие ранние предприниматели сельской protoиндустрии были купцами из городов-государств. Объяснение того, почему эти купцы обратились к национальным государствам за покровительством в XVI в. (хотя и процветали как граждане городов-государств) связано с общим упадком городов-государств как доминирующей политической силы Европы — эволюция, необъяснимая с точки зрения protoиндустриализации.

Прежде чем мы обратимся к образованию государства, теме четвертой главы, нужно ответить на два контрфактуальных вопроса: почему крупные города средневековой и ренессансной Европы не стали экономическими и политическими центрами последовавшего капиталистического развития и образования государства и почему элиты городов-государств были побеждены в XVI и последующих столетиях конкурирующими сельскими элитами, которые были способны консолидировать обширные сельские территории и доминировать над городами в их центре?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно объяснять упадок городов-государств, равно как и подъем национальных государств. И Вебер попытался сделать это. Но его модель, как продемонстрировал Бродель и другие исследователи Италии эпохи Возрождения, преувеличивает различия в мировоззрении и действиях средневековых и постреформационных европейцев. Вебер ошибочно предполагает, что индивидуумы, компании и, возможно, общества являются либо политически, либо экономически ориентированными и из-за своей ориентации психологически не могут переключиться или объединить политическую и экономическую рациональность, когда этого требуют обстоятельства. В действительности политические и экономические планы индивидуума обычно подлаживаются к специфическим и ограниченным структурным зазорам, открывшимся в данный момент в данном месте. Возможности для извлечения прибыли открываются через организационные структуры городов-государств и национальных государств. Структуры, которые, как показывает Тилли, сами были продуктом долгой истории образования и коллективного действия.

НА ПУТИ К СТРУКТУРНОЙ МОДЕЛИ ВОЗВЫШЕНИЯ И ПАДЕНИЯ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ

В этой главе постулируется модель взаимодействия между экономической и политикой в ренессансной Флоренции. Эта модель сравнивается с теорией Вебера о пределах политически ориентированного капитализма внутри патримониальных городов-государств. Начну с обзора демографических перемен в европейских городах, чтобы проследить и установить время, когда начался упадок автономных торговых городов по сравнению с подъемом столиц национальных государств. Большая часть этой главы рассматривает динамику городского капитализма на примере case-study Флоренции. Я выбрал

Флоренцию потому, что она была архетипическим итальянским городом-государством во время своего доминирования в международном обмене и производстве товаров роскоши в средневековой Европе, а также потому, что она продолжала играть важную роль в итальянской и европейской политике и торговле на протяжении всей эпохи Возрождения. В этом качестве историю Флоренции можно привлекать для объяснения передвижений вперед и назад, с главной осью на второй план, хотя все зависит и от центрального положения на арене политической экономики средневековой и ренессансной Европы¹².

Флоренция — уникальный город, самый важный из всех городов Ренессанса потому, что контроль Медичи над папством обеспечил основу для альтернативной системы извлечения прибавочной стоимости из аграрного сектора, при которой городские элиты доминировали над подчиненными им сельскими аристократиями. Упадок Флоренции привел в тупик эту возможную стезю исторического развития. Церкви все больше и больше стали определяться по национальному признаку, покоряясь светской аристократии, которая уже организовывалась по национальным линиям.

Чрезвычайно важно обозначить пределы политической и экономической автономии, которая была возможна для Флоренции и других ведущих городов той эпохи, которые я буду рассматривать более поверхностно, в сравнении с Флоренцией, для того, чтобы объяснить, почему развитие торговли, производства и политической власти перемещается от городов-государств, управляемых олигархией, к национальным государствам, управляемым классами. В этой главе Флоренция и другие города-государства рассматриваются не только

¹² Конечно, точно такие же аргументы можно выдвинуть и за детальное изучение Венеции, Генуи или Антверпена, а не Флоренции. В идеале, я бы погрузился с головой в историю всех четырех городов до того, как начать писать эту главу. Но недостаток времени, а также объема в смысле общего плана этой книги, вынудили меня сконцентрироваться на одном городе. Я пытаюсь, в основном в нескольких расширенных примечаниях, показать, как и почему другие итальянские города-государства часто следовали образцу Флоренции, и подчеркнуть условия, которые отвечали за то, что эти города-государства свернули с пути, предложенного Флоренцией. Я концентрируюсь на сравнениях с Венецией, которая из всех главных городов в наибольшей степени отличалась от флорентийского архетипа. Исследователи этих других городов лучше меня смогут судить, приложимы ли выводы этой главы к истории Генуи, Венеции и Антверпена или же они противоречат ей. Я надеюсь, что историки в своей критике будут различать те мои пропуски и ошибки, которые просто вызывают досаду, от тех, которые потребуют вынесения более общих выводов в этой главе и во всей книге в целом.

как временные лидеры развивающейся миросистемы или как локусы с необычайно развитым духом предпринимательства, но и как социальные образования с динамикой, требующей определенного поведения от существенной части социальных акторов, чьи интересы уже определены и чьи возможности ограничены местными и глобальными условиями. Определение причинно-следственного приоритета социально-психологических, миросистемных, военно-технологических и внутренних структурных факторов в относительном упадке ренессансного городского капитализма – необходимый шаг, предваряющий объяснение, почему государства, а не только города, мировые системы или умы индивидуумов, были необходимы для образования капиталистических классов и практики капиталистических социальных отношений. В заключение я рассматриваю пределы экономической деятельности внутри городов-государств, перекидывая мостик к последующим главам, касающимся образования государства и классов в XVI–XVIII вв.¹³

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СИЛЫ ГОРОДА, 1300–1700 ГГ.

Исторические демографы используют показатель численности населения для оценки богатства средневековых и ренессансных городов. Убыль или увеличение населения вычисляются для того, чтобы проследить подъем и падение ведущих экономических и политических центров. Доля городского населения и число уровней на городских площадях и рынках используются в качестве мер оценки влияния городов и урбанизации на политическую экономию сельской округи¹⁴.

¹³ Ограничения капитализма в Амстердаме разбираются в пятой главе, а не в этой. Амстердам XVI и XVII вв. более уместно сравнивать с его соперниками – национальными государствами Англии, Франции и Испании, а не с ренессансными городами-государствами из этой главы.

¹⁴ Рассел (Russell, 1972) делит Европу и Ближний Восток XIII в. на двадцать два региона. Каждый регион характеризует иерархия городов, которые концентрировались вокруг ведущего города, извлекавшего выгоду из коммерческого и политического господства над меньшими городами и их округой. Регионы различались по тому, насколько они были урбанизированы и по тому, насколько ведущий город взаимодействовал со всем регионом и насколько он процветал.

Скиннер (Skinner, 1977) фокусируется на отношениях между городами и сетями сезонных рынков, чтобы измерить влияние городских центров на сельское производство и общественные отношения. По Розману (Rozman, 1976), «предсовременные (премодерные) общества можно классифицировать, согласно семи стадиям развития... [которые] обозначают последовательную схему растущей

Согласно этим оценкам, Европа пережила две фазы урбанизации в столетия перед промышленной революцией. С XI в. до «черной смерти» доля европейцев (исключая Россию), проживавших в местах с населением 5000 или более человек, выросла с 9,5 до 10,5%. Этот рост умножился за счет удвоения суммарного населения Европы: более чем в два раза возросло количество городов с населением 10 000 человек и больше (Baigoch, 1988, с. 136–137). Суммарное население, и городское, и сельское, катастрофически уменьшилось после чумы, в то время как уровень урбанизации снизился несильно, а число городов осталось тем же.

Общему восстановлению после «черной смерти» предшествовало возобновление «роста городов [который] медленно начался в первой половине XVI в. ...резко убыстрился в 1550–1650 гг., а затем замедлился, достигнув низшей точки в первой половине XVIII в.» (De Vries, 1984, с. 39)¹⁵.

Данные по всей Европе маскируют критически важные различия в росте городов по регионам и странам в каждый отдельный период. В 1300 г. Северная Италия была самой урбанизированной частью Европы, и от 1/5 до 1/4 населения Милана, Венеции и Флоренции проживало в городах. Незадолго до этого мусульманское население Кордовы было следующим по уровню урбанизации (17%), затем следуют бельгийские территории вокруг Гента (14%) и Арагон (14%). Область вокруг Монпелье (11%) была единственной в остальной части Европы с населением более 8%, проживающим в городах (Russel, 1972, с. 235).

К 1500 г. Бельгия стала самым урбанизированным регионом Европы, причем доля городских жителей примерно в четыре раза превышала долю, среднюю по Европе, кроме России¹⁶. Затем следовали Ни-

сложности в коммерческих и административных взаимодействиях между поселениями» (с. 282).

Две недавние, и выдающиеся, работы по развитию европейских городов (Nohenberg and Lees, 1985; Baigoch, 1988) сравнивают степень урбанизации и число и уровень городов в различных регионах Европы в течение долгого времени как показатель городского богатства и власти над округой.

¹⁵ Третья, и наиболее эффективная, фаза европейского урбанистического роста прошла в XIX — первой половине XX вв. (Baigoch, 1988, с. 216).

¹⁶ Цифры по урбанизации в этом абзаце являются приближенными средними оценкам, представленных у Байроха (Baigoch, 1988, с. 179) и Де Вриса (De Vries, 1984, с. 30, 36). Де Врис считает урбанистическими только жителей городов с населением свыше 10 000 человек; для Байроха нижний предел — 5000 человек. Обе эти цифры отличаются от оценки Расселом десяти самых населенных городов по процентному отношению к общему населению региона. Так как эти три оцен-

дерланды (доля городских жителей была в 3 раза больше), а затем Северная Италия. Испания имела средние показатели по Европе.

Через 200 лет Нидерланды стали ведущим урбанизированным регионом Европы с показателем вчетверо выше среднего. Бельгия и Северная Италия, в которых урбанизация затормозилась, а может быть, и снизилась, в то время как по всему континенту она возросла, имели, соответственно, значения 2,5 и 1,5 от средних европейских показателей. Уровень урбанизации Северной Италии в 1700 г. стал практически таким же, как Англии и Португалии. Испания и Франция оставались на среднем европейском уровне.

Приведенные цифры показывают переход с юга на север европейской урбанизации в 1450–1550 гг., который Бродель назвал «первым» XVI в. (проецировано в: Wallerstein, 1974–1989, 1, с. 68). Во время «второго» XVI в. (1550–1640 гг.) Нидерланды вытеснили Бельгию, а Лондон был накануне вступления в экспоненциальный отрезок своего возвышения до мирового господства.

В этой картине перемещения урбанистического превосходства из Италии в Бельгию, Нидерланды и, наконец, Англию, нарисованной широкой кистью данных национального уровня, упускается время и локализация наиболее важных элементов эпохи Возрождения по двум причинам. Во-первых, классификации национального уровня анахроничны для большинства городов той эпохи, которые либо доминировали в независимых субнациональных политических блоках (города-государства), либо делили власть над своим регионом со слабыми монархами и дворянами, часто обладая политической силой и доступом к торговле через членство в транснациональных сетях (города Ганзейской лиги). Политическая и экономическая судьба таких автономных городов (в число которых до XVI в. входили почти все главные европейские города) имела мало общего с будущи-

ки разнятся, я представляю пропорции, а не процентное отношение для последних двух данных.

По Де Врису, точное процентное отношение урбанизации на каждой «территории» может быть подсчитано делением суммарного урбанистического населения, цифры которых он приводит на с. 30, на суммарную численность населения, цифры которых по регионам он дает на с. 36. Рассматривая Северную Италию, я совмещаю данные, которые Де Врис различает, по Северной и Центральной Италии. Эти региональные проценты дают в точности такие же пропорции для средних оценок Де Вриса по всей Европе, как и усредненные цифры у Байроха. Де Врис и Байрох приписывают города к государствам на основании границ XX в. Конечно, границы тогда были другими, а многих государств просто не существовало в 1500 или 1700 гг.

ми национальными государствами, внутри которых они находились. Есть и вторая сложность с данными национального уровня: они рассматривают поднимающиеся и опускающиеся города в рамках национального или регионального усреднения, слабо отражая роль национальной политики и экономики в их судьбах.

Доминирующую роль независимых городов-государств в урбанистическом секторе Европы эпохи Возрождения выдает характер населения. Сравнение христианских европейских городов с населением свыше 50 000 в 1300 и 1500 гг. показывает доминирование торговых центров над административными столицами этой эпохи (*табл. 3.1*)¹⁷.

Первая дата, 1320 г. — пик урбанизации до демографического кризиса, который завершился «черной смертью». Из одиннадцати ведущих городов семь — торговые, контролирующие маленькую территорию за пределами своих стен. Доминирование Италии показывает то, что здесь находятся шесть из семи торговых городов (оставшийся представляет Бельгию). К тому же Палермо — это коммерческий центр и столица Сицилии, недавно отколовшейся от Неаполитанского королевства. Всего два из ведущих городов были столицами обширных политических блоков; большое население Лондона объяснялось тем, что он был морским портом и коммерческим центром, а кроме того, столицей вновь созданного государства. Только Париж — столица наиболее населенного политического образования в Западной Европе — классифицируется как настоящий административный центр¹⁸.

¹⁷ Я ограничиваюсь христианской Европой, чтобы избежать необходимости рассмотрения городов, которые были связаны с империями и торговыми системами, в основном базировавшимися за пределами Европы, такими как Османская империя или мусульманская Испания.

¹⁸ Кордова, и во второй период Гранада, являются особыми случаями. Они становятся крупными городами тогда, когда часть мусульманского мира по большей части переместилась за пределы Европы. И Кордова и Гранада пережили резкое сокращение численности населения после того, как их «отвоевали» испанцы-христиане. Кордова достигла своего пика, может быть, в 90 000 человек как раз перед крушением халифата в 1031 г. После отвоевания в 1236 г. город постепенно утерял свою роль торгового и политического центра мусульманской Испании. Численность населения упала до 40 000–60 000 человек к 1300 г. и, наконец, стабилизировалась на цифре в 30 000 к 1500 г. Изъятие Кордовы из мусульманского мира было счастливым шансом для города Гранада, который получил политический и торговый контроль над остатками мусульманской Гранады после 1236 г. Гранада выросла до 30 000 жителей к 1300 г. и достигла пика, возможно, в 90 000 в XV в. После реконксты 1492 г. численность населения резко упала. Хотя она еще входила в список крупных городов в XVI в., население Гранады сократилось до 35 000 к 1700 г. (Russell, 1972, с. 181–84; Chandler, 1987, с. 129–31). Так как то, что оба горо-

таблица 3.1. Города с населением свыше 50 000
в христианской Европе, 1320–1500 гг.

1320	1500
<i>Торговые города</i>	
Венеция 100 000	Венеция 115 000
Флоренция 96 000	Милан 89 500
Милан 75 000	Флоренция 70 000
Болонья 65 000	Генуя 62 000
Генуя 60 000	Болонья 55 000
Сиена 52 000	Гент 80 000
Гент 56 000	Брюгге 60 000
<i>Столицы/Портовые города</i>	
Лондон 60 000	Неаполь 114 000
Палермо 50 000	Лиссабон 55 000
	Лондон 50 000
<i>Столицы</i>	
Париж 80 000	Париж 185 000
	Москва 80 000
	Прага 70 000
<i>Отвоєванные города</i>	
Кордова 60 000	Гранада 70 000

источники: по 1320 г. — Russell, 1972, по 1500 г. —
Chandler, 1987, с. 19.

В 1500 г., незадолго до начала второй фазы европейского урбанистического роста, значение политических столиц как центров городских ресурсов возрастает. Но по-прежнему на континенте только семь торговых городов с населением свыше 50 000. Начало перемещения из Италии в Нидерланды иллюстрирует вытеснение итальянской Сиены бельгийским Брюгге. Более примечательно добавление четырех политических столиц: Лиссабон и Неаполь были центрами тор-

да добились выдающегося положения как часть исламского мира, здесь не рассматривается, а сокращение населения вместе с потерей политического и коммерческой значимости последовало за их включением в христианскую Испанию, в этой главе я больше их касаться не буду.

ТАБЛИЦА 3.2. Численность населения и порядковые номера десяти крупнейших городов христианской Европы, 1320–1700 гг.

	1320	1500	1600	1700
<i>Торговые города</i>				
Венеция	100 000 (1)	115 000 (2)	151 000 (4)	144 000 (6)
Флоренция	96 000 (2)	70 000 (7)	65 000 (14)	68 000 (18)
Милан	75 000 (4)	89 000 (4)	107 000 (7)	113 000 (10)
Болонья	65 000 (5)	55 000 (12)	62 000 (18)	63 000 (22)
Генуя	60 000 (6)	62 000 (9)	65 000 (14)	67 000 (19)
Гент	56 000 (8)	80 000 (5)	31 000 (40)	49 000 (32)
Сиена	52 000 (9)	22 000 (37)	>20 000 (<100)	>20 000 (<100)
Севиля	40 000 (14)	46 000 (16)	126 000 (5)	80 000 (13)
Брюгге	30 000 (25)	60 000 (10)	25 000 (57)	35 000 (50)
<i>Столицы/Портовые города</i>				
Лондон	60 000 (6)	50 000 (13)	187 000 (3)	550 000 (1)
Палермо	50 000 (10)	39 000 (18)	105 000 (8)	124 000 (8)
Неаполь	25 000 (34)	114 000 (3)	224 000 (2)	207 000 (4)
Лиссабон	20 000 (44)	55 000 (12)	100 000 (10)	188 000 (5)
Амстердам	> 1 000 (>100)	10 000 (>100)	48 000 (30)	210 000 (3)
<i>Столицы</i>				
Париж	80 000 (3)	185 000 (1)	245 000 (1)	530 000 (2)
Прага	30 000 (24)	70 000 (7)	110 000 (6)	48 000 (33)
Рим	25 000 (38)	38 000 (20)	102 000 (9)	138 000 (7)
Москва	22 000 (41)	80 000 (5)	80 000 (11)	114 000 (9)

источники: по 1320 г. – Russell, 1972, по 1500–1700 гг. – Chandler, 1987, с. 19–21.

примечания. Ранжирование городов в 1320 г. проведено по численности населения, приведенной Расселом для 20 регионов Европы. По вышеуказанным причинам (см. основной текст) я исключил Гранаду и Кордову из списков 1320 и 1500 гг. Численность населения Москвы в 1320 г. на самом деле определена по 1337 г., через 9 лет после того, как она стала столицей Руси. При ранжировании в 1320 г. я учитывал пять русских городов с населением свыше 20 000 жителей, указанные у Чандлера.

говых путей, Париж, значительно опередив остальных, стал крупнейшим городом Европы. Прага и Москва присоединились к списку исключительно за счет привлечения населения в центры управления.

Население средневековых торговых и административных центров весьма нестабильно в последующие столетия, изменяясь, относительно и абсолютно, за счет того, что города завоевывали и теря-

ли гегемонию над торговыми маршрутами и политическими доменами. 18 городов один или несколько раз занимали свое место в списке 10 крупнейших в 1320, 1500, 1600 и 1700 гг. (*табл. 3.2*)¹⁹.

Число североитальянских торговых городов-государств, которые занимали 6 мест в десятке крупнейших в 1300 г., сократилось до четырех в 1500 г. и до двух в 1600 и 1700. Концентрация экономической силы и урбанизация Северной Италии в предчумную эпоху была столь подавляющей, что не только Венеция, Флоренция и Милан заняли лидирующее положение в списке европейских городов, но и Болонья, Сиена и Генуя попали в первую десятку. Однако к 1500 г. последние потеряли свое население и в относительном, и в абсолютном выражении. Генуя, добившаяся высокой степени экономической автономии от Милана, была исключением. В XVI в. из городов-государств со значительным ростом населения остаются только Венеция и Милан, и только в Венеции скорость урбанизации была выше средней по Европе.

XVI в. был последним периодом, в котором итальянские города-государства играли значительную роль. Даже внутри Италии политическую конкуренцию им составляли Рим и Палермо²⁰. В Европе в XVI и XVII вв. на сцену выходят великие столицы. Лондон догнал Париж. С населением в 2 и 1,5 раза большим, чем у Амстердама (третий город в 1700 г.), эти две столицы зарождающихся великих политических и экономических держав достигли такого демографического перевеса над другими городами, который не случался в Европе со времен имперских столиц — Константинополя и Рима.

Потеря городами автономии в XVII в. и их полная зависимость от внутринациональных политических блоков отражаются и на демографических показателях (*табл. 3.3*). В 1600 и в 1700 гг. среди городов с населением свыше 100 000 человек демографический рост касался только столиц основных политических и военных держав. Меньший, но все же значительный, рост наблюдался в столицах мелких и угасающих государств. В итальянских городах, которые были столицами совсем мелких областей, численность населения вообще не увеличивалась и даже уменьшалась. Наконец, города, инкорпори-

¹⁹ Таблица 3.2 также не включает «отвоеванные» города Кордову и Гранаду.

²⁰ Палермо, столица некогда независимой Сицилии, переживает «быстрый рост численности населения» в XVI в. «для чего, как кажется, не было никаких оснований» (Russell, 1972, с. 55). Рассел не одинок в своем удивлении перед гигантским населением столицы мелкого политического образования с относительно неразвитой промышленностью и торговлей. Ни один историк демографии не может дать объяснения росту этого города. Каковы бы ни были причины, рост Палермо не усиливал позиций Венеции, Флоренции или другого города-государства в Европе XVI в.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СИЛЫ ГОРОДА, 1300–1700 ГГ.

таблица 3.3. Изменения численности населения во Флоренции и городах свыше 100 000 жителей, 1600–1700 гг.

Город	Население в 1600 г.	Население в 1700 г.	Разница 1600–1700 г. (%)
<i>Столицы крупных держав</i>			
Амстердам	48 000	210 000	+338
Вена	30 000	105 000	+250
Лондон	187 000	550 000	+194
Париж	245 000	530 000	+116
<i>Столицы малых держав</i>			
Лиссабон	100 000	188 000	+88
Москва	80 000	114 000	+43
Рим	102 000	138 000	+35
Мадрид	80 000	105 000	+31
<i>Итальянские города</i>			
Палермо	105 000	124 000	+18
Милан	107 000	113 000	+6
Флоренция	65 000	68 000	+5
Венеция	151 000	144 000	-5
Неаполь	224 000	207 000	-8
<i>Города, подчиненные новым столицам</i>			
Севилья	126 000	80 000	-37
Прага	110 000	48 000	-56

источники: по численности населения – Chandler, 1987, с. 20–21.

рованные в государства, но не бывшие их столицами, переживали демографический упадок. Севилья – яркий тому пример. Через четыре десятилетия после того, как в 1561 г. Мадрид стал столицей крупного национального государства (даже независимо от того, что он вскоре попал в период стагнации, а затем и упадка), вырос из деревни в крупный город, а затем поменялся рангом по уровню населения с Севильей, некогда ведущим и автономным городом Испании.

Самая примечательная черта европейской урбанизации до промышленной революции (табл. 3.1–3.3) – нестабильность. Города и урбанистические сети получали и теряли преимущества в течение одного-двух столетий. Флоренция, Генуя, Милан и Венеция в конце XIII в. стали важными коммерческими центрами. Милан и Флоренция отошли на вторичные позиции к 1340 г. Генуя была ведущей си-

лой в Италии до поражения от Венеции в 1379 г. Затем Венеция стала ведущим торговым городом Европы и держалась на этих позициях до XV в., когда Флоренция обогнала ее в банковском деле и мануфактурном производстве, заняв первое место и удерживая его с 1420 г. до конца века.

У Италии были два коммерческих конкурента, два центра в столетие, предшествующее «черной смерти». Ярмарочные города Шампани соперничали с итальянскими, пока в 1285 г. не потеряли свой особый статус и не были замещены Лионом (Abu-Lughod, 1989, с. 51–77). Еще больше влияния было у бельгийских Брюгге и Гента, передававших друг другу главенство в североевропейской торговле и текстильном производстве с конца XVIII в. до узурпации Венецией их торговых сетей в 1370-х гг. Численность населения и прибыль городских предприятий резко снизились в конце XV в. Антверпен был ведущим торговым городом Европы с начала XVI в. и до вторичного возвышения Генуи в 1550-х гг. «Золотой век» автономных городов-государств завершился выходом на сцену в 1620-х гг. Амстердама, ставшего первой европейской национальной столицей и на время ведущим капиталистическим городом мира²¹.

БАЗА ГОРОДСКОЙ АВТОНОМИИ

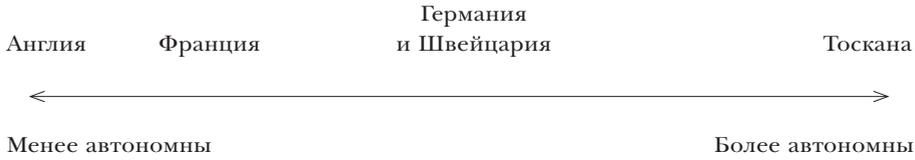
Города добивались автономии, когда их торговые элиты получали и могли мобилизовать ресурсы, достаточные для разжигания разногласий между феодальными сеньорами и монархами. Там, где городским купцам не хватало ресурсов, или, что было чаще, они не смогли мобилизовать ресурсы, которыми владели, горожане теряли возможность обогатиться за счет этого конфликта. При отсутствии удобных конфликтов уровня богатства города не хватало для обеспечения ему автономии высокой степени.

*Препятствия на пути городской автономии:
Англия, Франция и Германия*

Если сравнивать города Западной Европы по уровню автономии, то английские будут стоять на одном конце отрезка (*рис. 3.1*). Как было

²¹ Даты в этом и предыдущем абзацах взяты из работ Абу-Лугод (Abu-Lughod, 1989, с. 51–134) и Броделя (Braudel, 1982, с. 96–174), которые предлагают наилучшую хронологию переходов статуса экономического центра среди европейских городов.

рис. 3.1. Городская автономия в Западной Европе Средних веков и эпохи Возрождения

рассмотрено во второй главе, английские элиты в феодальную эпоху пережили трансформирующий конфликт относительно малой степени, таким образом, английские города почти не могли воспользоваться разногласиями между феодальными элитами. Несмотря на уровень богатства английских горожан, их города так и не сумели собрать собственные военные силы или получить больше, чем номинальное представительство в Парламенте.

Политическая слабость английских городов лишила их экономических преимуществ. Английские монархи были вынуждены передать весьма выгодные концессии иностранцам, а не английским купцам. Флорентийские и сиенские купцы были среди получивших наибольшую выгоду в этой ситуации. Начиная с 1220-х гг. итальянцы получили право быть единственными иностранными резидентами в Англии и эксклюзивную лицензию на покупку высококачественной английской шерсти (de Roover, 1963, с. 71). Благодаря этим концессиям итальянские и другие иностранные купцы контролировали торговлю главным предметом роскоши — сукном (с. 71).

Французские города наслаждались определенной автономией в тех областях, где элиты раздирали конфликты между магнатами и монархами. Дженет Абу-Лугод указала, что «золотой век» торговли пришелся на столетие, когда графы Шампани отвоевывали свою независимость у французской короны и папства. Графы Шампани предлагали наилучшие условия местным и иностранным купцам. Четыре шампанских ярмарочных города стали центрами торговли и суконного производства во Франции, и их заселило достаточно много пролетаризированных работников (Abu-Lughod, 1989, с. 55–67)²².

²² Численность населения является хорошим показателем возвышения и упадка ярмарочных городов Шампани как центров европейской промышленности и торговли. Не существует точных данных о Бар-сюр-об и Ланьи, но для других двух ярмарочных городов, Провенса и Труа, которые также были полустолицами независимой Шампани, данные достаточно ясные. В первой половине XIII в. оба города

Как только конфликт феодальных элит в 1285 г. разрешился включением Шампани во французское королевство, ярмарочные города потеряли свою автономию. Несмотря на свое богатство, шампанские купцы потеряли все привилегии (Abu-Lughod, 1989, с. 55–67). Французская корона превратила Лион в новый центр торговли и производства, не предлагая купцам таких либеральных концессий, которые они могли получить, когда Шампань была ареной конфликта элит. И конечно, флорентийцы с их связями «с папством и его союзниками из Анжуйского королевского дома Флоренции и Неаполя», а не политически оскопленные французские купцы, получили благоприятные торговые концессии и возможность ссужать деньгами французскую корону (Larner, 1980, с. 44; см. также Goldthwaite, 1980, с. 34–35, 39; 1987, с. 16–17; Partner, 1972, с. 267).

Города в тех областях, которые позже стали Германией и Швейцарией, занимали срединное положение на отрезке подчинение / независимость. Они воспользовались конфликтами между местными аристократами, императором Священной Римской империи и папой с епископами (которые часто шли наперекор воле своего юридического главы) «чтобы увеличить свою силу, играя на интересах одной великой династии против другой» (Friedrichs, 1981, с. 113). Города — административные центры Священной Римской империи, столицы крупных аристократических доменов или епископских приходов «в больших количествах привлекали купцов и ремесленников [которые], начиная с XII в. ...стали образовывать коммуны, ассоциации горожан, призванные обеспечить им большую степень самоуправления, не связанного с их муниципальными господами» (с. 114)²³.

Городские коммуны будущих Германии и Швейцарии сначала добивались привилегий, подчиняясь автономным епископам, защищавших горожан от светских феодалов, или закладывая свой город какой-нибудь крупной дворянской династии, меняя защиту и торговые монополии в рамках территории сеньора на ежегодную выплату дани. Город добивался еще большей автономии, если вожди коммуны смогли убедить императора Священной Римской империи

достигли пика численности населения приблизительно в 20 000 человек, оказавшись в числе пятидесяти крупнейших городов Европы. (Один источник, основанный на подсчете церквей в Провансе, указывает даже на пик в 30 000 человек в XIII в.) С подчинением Шампани Франции и потерей этими двумя городами статуса полустолицы рост прекратился. Трагедия численности в 20 000 человек на несколько последующих столетий, а в Провансе произошло драматическое снижение до 3 000 человек в 1361 г. (все данные взяты в Chandler, 1987, с. 160, 167).

²³ Аргументация в этом и последующих трех абзацах основана на историческом анализе, проделанном Фридрихсом (Friedrichs, 1981) и Мауро (Mauro, 1990).

гарантировать их городу имперский статус, который позволял коммуна управлять собой и своими городами при меньшем вмешательстве со стороны церковного или светского феодала с меньшими обязательствами по отношению к нему. Император мог гарантировать и поддерживать имперские права только там, где он мог заставить дворян и епископов следовать своим указам.

Имперская власть достигла своего пика в конце XIII—начале XIV в. В этот период многие города стали самоуправляющимися (хотя время от времени, чтобы собрать деньги, император закладывал города аристократам, ограничивая их городскую автономию, пока коммуна не выкупала заклад у аристократов). Города пытались сохранить свою автономию, образуя лиги, которые могли оказывать военное, экономическое и дипломатическое давление на аристократов, стремившимися получить контроль над городскими центрами. Швабская лига южнонемецких городов, Ганзейская, Рейнская и менее значительные лиги южнонемецких городов — все они достигли своего пика влияния в XIV в. Но города вынуждали покидать Ганзу, и начиная с XV в. размер лиги уменьшался, когда аристократы вновь получали контроль над городами внутри своих земель. Другие лиги в XV в. тоже пережили военное поражение и были распущены или реорганизованы, но уже в меньшем масштабе.

В XVII в. автономные немецкие города, число которых все уменьшалось, располагались в тех землях, где император был сильнее местных аристократических династий. В конце концов городская автономия в Германии и Швейцарии стала значительно зависеть от относительной власти императора или аристократов, но не от ресурсов этих городов. Вопреки доводам Тилли (1990, с. 131–133), немецкие города, несмотря на то, что они контролировали заморскую торговлю и обладали относительно высокой концентрацией капитала, не могли противостоять аристократам. Только когда аристократы и император ссорились, города могли использовать свой капитал, чтобы добиться автономии. Если император или аристократ имел неоспоримую власть над областью или они объединяли свои усилия, выбивая деньги из городских купцов, города были вынуждены принимать продиктованные им условия управления.

Децентрализация власти и городская автономия в Тоскане

Владычество династии Каролингов в Северной Италии закончилось со смертью короля Людовика (Хлодвига) II в 875 г. Последующие триста лет французские и бургундские короли и германские императоры сражались друг с другом сначала за власть над итальянскими ко-

ролевствами, а затем над их частями. Они воевали с папами за контроль над церковным правительством и его обширными доменами. Конфликты между королями, императорами и папами чаще всего разрешались руками их итальянских сторонников. Каждый из конкурирующих претендентов на власть находил себе союзников и наделял землей и властью могущественные местные кланы, искренне заинтересованные в поддержании своего патрона ради сохранения собственного авторитета и имущества.

Тоскана была той областью Италии, где баланс сил между королем, императором и папой нарушался часто и на очень продолжительное время. В результате этого тосканские нобили – и городские, и сельские – оказались в прекрасном положении для натравливания конкурирующих владык друг на друга, постепенно добиваясь прав на землю и формальную автономию, более надежных, чем где бы то ни было в Италии. Власть в Тоскане разошлась по корпоративным группам городских нобилей нетитулованных семейств.

Процесс политической децентрализации начался при Каролингах, когда они старались ослабить баронов, доминировавших экономически и в военном отношении, и поддерживался благодаря папам и конкурирующему церковному правлению. Каролинги пытались создать сеть аристократов, верных короне, назначая членов древних благородных семейств епископами городов. Эти посты, не будучи наследуемыми, были для союзников короля наградой за верность и ослабляли папский контроль над церковным управлением. Епископы, правившие городами, значительно противостояли власти крупных сельских нобилей (Hyde, 1973, с. 44; Wickman, 1981, с. 56–57).

Силы, соперничавшие за корону Италии, использовали метод Каролингов – «разделяй и властвуй» – и после 875 г. Однако в X в., когда королевская власть подверглась разделению и оспариванию, имения и должности отошли к новым семействам. Этот процесс привел к быстрому образованию новых элит – городских и сельских. «Очень немногие из влиятельных аристократических семейств 1000 г. сохранили свое влияние сто лет спустя» (Wickman, 1981, с. 181). Когда сельские бароны попытались ограничить власть назначаемых епископов, германские императоры стали поддерживать интересы городских графов, ранее не игравших значительной роли, используя их против амбиций сельских баронов. В результате Флоренцией и прочими тосканскими городами в X–XI вв. управляли по большей части только графы (Wickman, 1981, с. 184–185; Schevill, 1961, с. 32–36).

Бароны, епископы и графы – все воспользовались конфликтами между императорами, королями и папами, чтобы выкроить себе по-

больше власти, но и она оказалась под угрозой, когда военные поражения вытеснили их покровителей из тех частей Северной Италии, где они ранее правили. Чтобы компенсировать урон от раскола покровителей сверху, тосканские аристократы попытались найти себе помощников, которые смогли бы дополнить и даже заменить военную и политическую поддержку от ослабевших и часто далеких имперских, королевских или папских сил. Аристократы набирали союзников, отдавая им в ленное владение свои поместья, то есть расплачиваясь правами на землю и доходы за военную помощь (Hyde, 1973, с. 44; Luzzatto, 1961, с. 41–42).

Несколько столетий такой практики раздробили поместья крупных дворян и церковных владык, превратив их из феодальных маноров в небольшие поместья нового слоя мелких дворян (Jones, 1968, с. 206–214). Епископы раздавали имения церкви своим родственникам и союзникам. Доля церковной земли по всей Италии сократилась с 31 % в XI в. до 16 % в XIII в. (Herlihy, 1961, с. 86; см. также Cipolla, 1947).

Многие из нового слоя дворянства, созданного в результате пожалования в ленное владение и отчуждения поместий духовенства и нобилитета, в XI в. переселились в города (Hyde, 1973, с. 106). Эти новые дворяне, семьям которых по отдельности не хватало сил, чтобы контролировать городские политические или церковные должности, объединялись в группы, успешно выступая на стороне разных претендентов на трон Италии или папы, как это делали до них бароны, графы и епископы.

Попытки возрождающегося папства вернуть себе право назначения епископов были основным источником конфликтов в Северной Италии в конце X–XI вв. Пока германский император в Северной Италии оставался доминирующей силой и сохранял контроль над назначением епископов, папа не мог вернуть себе власть над церковью. На протяжении второй половины X и всего XI вв. папы-реформаторы потратили немало денег, чтобы выкупить земли, которые могли бы поддержать реформированное духовенство, вновь ставшее бездетным (Herlihy, 1957). Эти траты были частью большой политики папства, направленной на возвращение власти назначать епископов²⁴. «Повсеместная борьба, которая за этим последовала и которую неудачно называют спор за инвеституру, обратила старый режим против самого себя, проимперских дворян против союзников церковных реформ, а проимперских епископов против сторонников реформ» (Hyde, 1973, с. 49).

²⁴ Раскол между папством и германскими императорами подробно исследуется в Partner, 1972, глава 4.

Раскол между германскими императорами и папством создал стратегические возможности для новоявленных дворян, позволив им бросить вызов власти старой аристократии над городами и епископатам. Ослабленные в военном смысле императоры XI в. были вынуждены признать автономию Флоренции и других городских коммун, чтобы не допустить союза нового городского нобилитета с папством (Pullan, 1972, с. 22–23, 86; Schevill, 1961, с. 60–61). Сама перспектива альянса городского нобилитета и папства была основана на их общем желании избавиться от епископов и графов, назначенных императором. Городские элиты не могли создавать автономные общины, пока назначенные императором люди сохраняли власть в городах. Папам-реформаторам требовалось убрать поддерживаемых императором епископов, чтобы вернуть себе контроль над доходами и клиентелой, прилагавшейся к должности епископа, и использовать эти средства для патронажа, нанимая себе союзников в борьбе с императором. Император предвосхитил такой альянс даже во Флоренции, которая активно поддерживала папские реформы, сильно уменьшив власть епископов и графов над городскими общинами (Hyde, 1973, с. 49–50).

Тосканская городская автономия в целом и флорентийская в частности не была достигнута исключительно благодаря нобилиям, хлынувшим в города и объединившимся в группы там, где они имели капитал или силы принуждения. На самом деле новые дворяне Флоренции XI в. владели лишь жалкими обрывками земель и остатками прав на доходы и власти, которые им бросали короли, императоры, папы и крупные магнаты, чтобы заполучить союзников в крупных державных или региональных конфликтах. Тосканская городская автономия была создана в перерывах между давно зашедшими в тупик конфликтами наиболее могущественных феодальных элит Западной Европы.

УНИКАЛЬНОСТЬ ФЛОРЕНЦИИ

Новая правящая аристократия Флоренции тоже была феодальной элитой, но сильно отличавшейся от старой²⁵. До определенной степени она, как и аристократии, описанные во второй главе, получала доходы, власть (хотя и меньшую) и свой статус от ленных владе-

²⁵ Оставшаяся часть данной главы, до самого заключения, фокусируется на Флоренции. Как я отмечал выше, недостаток времени и объема книги позволяют провести лишь беглое сравнение с другими итальянскими городами.

ний. В то же время новые нобили были частью корпорации (коммуны Флоренции или других североитальянских городов), совершенно не похожей на аристократические корпоративные институции повсюду в Европе. Не имея своих монархов, коммуны Северной Италии завязли в конфликтах между кланами, фракциями и партиями.

Новая элита, которая пришла к власти в XI в. и доминировала над коммуной в XII, перестроила флорентийское общество, политику и городскую географию на свой собственный, феодальный манер. Переселяясь в города, сельские дворянские кланы привели с собой бедных родственников и построили огороженные деревни, ставшие городскими кварталами и населенными одной расширенной семьей (Heers, 1977, с. 17–34; Padgett, Ansell, 1993, с. 128). Расширенные семьи обеспечивали вождям кланов вооруженную свиту, позволявшую требовать им своей доли в правлении коммуны.

Флорентийская коммунальная политика XI в. была клановой. Аристократические кланы были обширны: вплоть до 1/10 части от всего сельского населения Тосканы в то время считались дворянами (т. е. членами такой расширенной семьи), при том что большинство из них не имело своей земли и ничем не отличалось от среднего неаристократа (Heers, 1977, с. 1–34). Кланов расширялись через браки с другими благородными семействами и принятие более слабых и бедных семей на жительство в городские деревни в обмен на политическую лояльность аристократическим *consorzeria* (консорциумам взаимопомощи аристократов) (Waley, 1969, с. 170–179; Martines, 1979, с. 34–38).

Все аристократические *consorzeria* Флоренции XII в. распределились по двум альянсам: гвельфы и гибеллины. Гибеллины проявляли лояльность к германскому императору и поддерживали его претензии на Италию, а гвельфы связали себя союзом с папой и французской короной, которые хотели утвердить в Северной Италии анжуйскую династию (Waley, 1969, с. 200–204). «Средневековыми фракциями, по сути, двигал локальный соседский антагонизм, даже когда они собирались под знамена для более значительных дел и участвовали в борьбе папы против императора» (Padgett, Ansell, 1993, с. 1295). Флорентийские кланы могли и в действительности переходили из одной партии в другую за должности или какие-либо другие награды в рамках городской политики (Waley, 1969, с. 207; бездумность и авантюризм флорентийских аристократов становятся очевидными из детального описания политики см. в: Hyde, 1973 и Martines, 1979).

Новые дворяне повсюду искали союзников для борьбы с конкурирующей фракцией. Продолжительный политический пат в отношениях между крупными силами в Северной Италии имел двойной эф-

факт: он помог сохранению городской автономии, и он же подпитывал фракционные конфликты, которые никак не могли разрешиться, за исключением кратких моментов иностранной оккупации, когда это происходило благодаря прямому вмешательству одной из доминирующих сил наверху. Открытость движения вверх, уникальное для Западной Европы в эту эпоху, позволяло и подстегивало городских нобилей рассчитывать на неаристократические союзы в своей коммунальной политике. Центральное положение Северной Италии в европейской торговле расширяло число потенциальных союзников и объем ресурсов, которые можно было привлекать для фракционных конфликтов.

Флорентийские аристократы трансформировали политику своего города и в конце концов подточили собственное могущество, имитируя древнюю, еще королевскую и имперскую стратегию: получать средства для достижения своих целей за счет набора союзников снизу²⁶, путем передачи им ограниченного суверенитета. Аристократы обращались к торговой элите за финансовой и политической поддержкой. Чтобы обеспечить стабильность помощи со стороны богатых представителей низших сословий, аристократы были вынуждены допустить их к правлению коммуной. Подобно тому, как коммуны аристократов стравливали застрявших в политическом пате владык друг с другом, так же и неаристократы, наделенные дворянскими фракциями властью, распространяли свое конституциональное влияние в коммуне. За XIII в. эта новая элита, так называемый патрициат, добилась главенства в коммунальном управлении, а затем перешла в наступление на феодальные права аристократов в *contado* (сельской округе) и выдавила их из коммунального правительства.

Следующая часть этой главы прослеживает переход власти от аристократии к патрициату, консолидацию патрициев в олигархическую элиту и последующий подъем Медичи и их партии. Нарративная история элитного конфликта и борьбы народа с олигархическим правлением дает основу для ответа на вопросы, заданные в начале главы. Я покажу, как уникальная политическая структура ренессансной Флоренции создала особые преимущества для флорентийских купцов, помогла им накопить капитал и найти рычаги управления политическими акторами вне города в XII–XV вв. Затем я рассмотрю,

²⁶ Уайт (White, 1992, с. 262–65) описывает «опускание (для побуждения к действию)» как усилия организовать акторов, занимающих положение ниже в иерархии, чтобы создать новый зазор для деятельности вышестоящих, действий, которые вышестоящие не могут предпринять без организовывания нижестоящих.

как социальная структура, зафиксированная при Медичи, ограничила способность флорентийских предпринимателей приспособляться к новым экономическим возможностям и вызовам XVI в. В заключение я предложу метод обобщения казуса Флоренции для объяснения перехода политического и экономического лидерства от элит, находящихся в городах-государствах, к элитам в национальных государствах в XVI в.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И СТРУКТУРНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ВО ФЛОРЕНЦИИ, 1100–1737 ГГ.

За политическую и социальную гегемонию над автономной флорентийской коммуной соперничал ряд элит. Когда Флоренция в XI в. добилась практически неоспоримой независимости от императоров и королей, структуру элитных и классовых отношений внутри коммуны в основном определяли уже последствия конфликта элит, а не вмешательство крупных держав.

Я описываю политическую историю Флоренции для того, чтобы проиллюстрировать и объяснить структурную динамику, лежащую в ее основе, значение переходов власти от одних элит к другим, которые и правила Флоренцией (*рис. 3.2*), в одиночку или в коалициях, при участии *popolo* (цехов) или без них. Начну с темы образования элит и классов. Для начала определим экономические основания в XII и XIII вв., внутри и вне флорентийской коммуны, для подъема олигархов и тех, кто их погубил, «новых людей» и *popolo*. Затем рассмотрим кульминацию политической децентрализации XIII в., процесс безвозвратного вытеснения дворян, получивших в лен земли и некогда добившихся для коммуны автономии от крупных политических сил и отнявших городские и церковные должности у старых аристократов, неаристократическими патрициями. Патриции обогатились сами и подорвали основы возможного возрождения аристократии, передав земли и должности, некогда принадлежавшие благородным семействам, под контроль коммунального правительства и обеспечив перетекание феодальных прав к новым, патрицианским хозяевам коммуны. Продолжим это рассмотрение, объяснив, как патриции смогли консолидироваться в олигархию и тем самым предотвратить дальнейшую децентрализацию власти новыми людьми, или *popolo*. И закончим обзор политической истории Флоренции рассказом о подъеме Медичи и разбором внутренних особенностей их правления, которое продолжалось с некоторыми перерывами

до 1737 г. Исследование влияния господства Медичи на флорентийскую политическую, элитную и классовую структуру станет основой для обсуждения в заключительных разделах пределов флорентийского предпринимательства.

Образование элит и классов в XII–XIII вв.

Тот же геополитический пат, который позволил флорентийским и прочим итальянским нобилем добиться автономии для себя и своих городов, дал возможность предпринимателям захватить торговые пути, заняться банковским делом и начать продавать предметы роскоши по всей Европе. Византийцы и арабы потеряли контроль над средиземноморскими торговыми путями из-за крестовых походов. Тем не менее венецианские и генуэзские купцы первыми получили выгоду от гегемонии европейцев-католиков в Средиземноморье, и два их города соперничали за господство над наиболее прибыльными торговыми путями в XII–XIII вв. (Abu-Lughod, 1989, с. 102–134; Luzzatto, 1961, с. 47–55, 86–90).

Флорентийские купцы были вытеснены в менее прибыльную торговлю шерстью из-за своей неспособности сражаться с Венецией и Генуей за военную гегемонию в Средиземноморье. Поэтому торговые практики и сети флорентийцев весьма отличались от тех, которыми пользовались венецианцы, генуэзцы и пизанцы. Флорентийские торговцы были вынуждены выстроить сеть отделений в Англии, Франции и Фландрии (а также создать испанские и североафриканские центры по производству изделий из шерсти) для того, чтобы скупать и перевозить шерсть. В отличие от купцов прибрежных итальянских городов, образующих временные синдикаты для каждого плавания на Восток, флорентийцы заключали долговременные договоры о партнерстве с людьми, имеющими положение в ключевых городах вдоль торговых путей Западной Европы (Renouard, 1941, с. 106–117; 1949, с. 69–72)²⁷.

²⁷ «Система Муда» Венеции, которая стала главенствующей в этом городе-государстве к 1330 г. и прожила два столетия, была в некоторых важных аспектах зеркальным отражением предпринимательской системы, которая появилась во Флоренции. Венецианское государство контролировало все купеческие суда и определяла маршруты, даты отплытия и размеры груза (McNeil, 1974, с. 60–64). Любой венецианский гражданин мог арендовать место на судне, тем самым не давая какому-либо купцу или синдикату доминировать на торговом маршруте или играть на понижение в торговле товарами широкого потребления. В результате, экономическое преуспевание всех венецианских купцов зависело от военных успе-

Уникальная структура предпринимательства дала флорентийцам особые преимущества в борьбе за право давать займы папам во времена крестовых походов. Папы рассчитывали на то, что крестовые походы будут финансировать их французские, фламандские и английские союзники, согласившись передать папству часть десятины и других церковных доходов (Renouard, 1941, с. 167–169). Папы нуждались в банкирах, предоставляющих ссуды, которые они намеревались погасить, получив средства из национальных церквей в обмен на право откупа десятины (т. е. банкиры могли собирать церковные доходы, обещанные папой). Однако оборотные капиталы венецианских и генуэзских купцов были вложены в синдикаты по перевозкам, наиболее прибыльные из возможных инвестиций. Кроме того, нигде, кроме Флоренции, не существовало постоянных ассоциа-

хов их родного города. Венецианцы, находясь под покровительством и контролем своего государства, не нуждались в независимых связях с иностранными купцами или политическими силами, которые могли бы поддержать их купцов, как это было с флорентийцами, после краха военного могущества их государства в Эгейском море. (Изначально «Муда» — японское обозначение непродуктивной деятельности, которую использует в своей стратегии и компания «Тойота». В действительности это некие бессмысленные услуги, которые нравятся клиентам и за которые они, в конечном итоге, платят, не отдавая себе в этом отчета. — *Прим. перев.*)

Макнил показывает, что такой же контраст можно найти между Венецией и Генуей. «Постоянная слабость генуэзской коммуны была ее силой: группам частных лиц приходилось организовываться на более постоянной основе и с большими ресурсами, чтобы заниматься своей ежедневной деятельностью, такой как строительство нового корабля. Потом оказалось вполне приемлемо организовывать целые флоты как частные предприятия: и частным образом организованный флот, которому довелось захватить ценную территорию, мог трансформироваться в территориального суверена к выгоде одних только своих дольщиков-купцов (1974, с. 58). Однако, хотя генуэзская торговля была более приватизированной, чем венецианская «система Муда», она тоже зависела от военной мощи своего города. Экономические победы Генуи над Венецией последовали за генуэзскими военными победами в войнах 1350–1355 и 1378–1381 гг. с Венецией (Lane, 1973, с. 174–196; Epstein, 1996, с. 230–242).

Генуэзские купцы, как и венецианские, концентрировали свою торговлю на маршрутах и портах, которые находились под их военным контролем. До подъема более мощных в военном смысле национальных государств, венецианские и генуэзские купцы успешно попользовались воинской доблестью своих городов. А когда города-государства были пересилены более мощными державами, у венецианских и генуэзских купцов не осталось баз для проникновения в экономику и политику национальных государств. Тогда флорентийцы приобрели коммерческое преимущество над своими соперниками из Венеции и Генуи, пережив напряженности разного рода своей системы на века позже.

ций купцов, способных мобилизовать значительный запас капитала для удовлетворения нужд папства по оплате немедленных расходов на крестовые походы. И только флорентийцы имели реальную сеть филиалов в тех странах, из которых собирались церковные доходы для оплаты займов папства (Renouard, 1941, с. 87–94, 106–107). Поэтому начиная с 1254 г. в течение трехсот лет с краткими перерывами флорентийские банкиры практически были монополистами в области займов и управления финансовыми отношениями папства с католическими церквями Западной Европы (Renouard, 1941; Housley, 1982, с. 232–238; Holmes, 1986, с. 36–43)²⁸.

Флорентийцы использовали контроль над папскими финансами, чтобы стать основными банкирами английских и французских монархов и усилить свое господство в сфере торговли и производства шерсти, а позже и шелка. Флорентийские банкиры быстро расширили ассортимент финансовых услуг, предоставляемых папе, и покрыли целиком весь гвельфский альянс, коалицию, включающую папу, английского и французского монархов, французского кандидата на трон Сицилии и прогвельфских союзников в Тоскане. В 1260-е гг.

²⁸ Историки продолжают спорить, за что римские папы покровительствовали флорентийским банкирам: за их выдающиеся финансовые таланты или за рабскую верность позиции пап в международных делах. Возможно, разрешить этот спор поможет вопрос, почему венецианские, генуэзские и другие итальянские банкиры не стали, или не смогли, приноравливать политику своих городов к международным планам папства. Ответ на этот вопрос звучит так: потворствовать желаниям пап означало оставить надежды на господство в Средиземноморье, что, в свою очередь, означало потерю по крайней мере некоторых торговых маршрутов, которые венецианцы и генуэзцы считали более прибыльными, чем папские налоговые откупы. Так как у флорентийцев не было своих торговых маршрутов, которые они могли потерять, поддерживая папство, у банкиров не возникло сложностей с тем, чтобы уговорить другие флорентийские элиты принять папскую линию. В действительности, когда во флорентийском правительстве брали верх антипапские фракции, папство отнимало финансовые концессии у флорентийских банкиров, или банкиры были вынуждены покинуть свой город и вести дела где-то в другом месте. Финансовые потери в этих других местах не удавалось восполнить, что вело к неминуемому падению антипапских правительств, и возвращению к пропапской политике во Флоренции (Трекслер (Trexler, 1974) представляет case-study этого процесса; Партнер (Partner [1965, 1968, 1972], собрал наиболее полную историю флорентийско-папских взаимоотношений). В отличие от Флоренции, пропапские силы в Генуе и Венеции всегда были стреножены тем большим богатством, которое граждане этих двух городов получали от торговых маршрутов, сохранявшихся под их контролем вопреки желаниям пап. Лэйн (Lane, 1973) описывает, как неоднократно венецианцы нарушали папские эдикты о торговле, переговорах и союзах с теми или иными врагами пап.

флорентийские банкиры стали давать кредиты английскому и французскому королям, снабдив сначала одного, а потом другого деньгами, предназначенными для оплаты армии для захвата Сицилии (Fryde, Fryde, 1965, с. 454).

Политические сделки банкиров начали приносить доходы в 1266 г. Карл Анжуйский победил своего германского соперника и захватил сицилийский трон. Его армии повернули на север, нанесли поражение гибеллинским правительствам Флоренции и Сиены и восстановили власть в городе флорентийских банкиров-гвельфов (Pullan, 1972, с. 28–45). Папа помог своим флорентийским финансистам во время гибеллинского междуцарствия 1260–1266 гг., наложив на Флоренцию интердикт. Семнадцать основных банкиров Флоренции, контролировавшие папские финансы, покинули город на время действия интердикта, «тем самым лишая Флоренцию богатства и рабочих мест, которые они обеспечивали» (Trexler, 1974, с. 22–23). Все шесть лет ссылки флорентийцы поддерживали папские концессии, даже когда их собственность в городе была конфискована, а их башни гибеллины сравнивали с землей (Waley, 1969, с. 200–207).

Флорентийские профессиональные навыки и удачное субсидирование победителей в европейских конфликтах великих держав принесли крупные дивиденды в виде создания политических условий для слияния различных линий флорентийского предпринимательства. Первые плоды флорентийских политических связей созрели в Сицилии. Несколько флорентийских фирм – Барди, Перуцци и особенно Аккьяйоли – стали банкирами Карла Анжуйского. «Для флорентийцев займы служили смазкой для создания более обширной торговой сети, которая была подлинным источником доходов и действительно развивала торговлю на юге» (Abulafia, 1981, с. 381). Флорентийцы стали единственными экспортерами продуктов сельского хозяйства с Сицилии в остальную часть Италии и за границу, а Сицилия, в свою очередь, – первым крупным иностранным рынком для флорентийской шерсти (Abulafia, 1981, с. 381–388; Brucker, 1969, с. 52–54).

Первый флорентийский крупный промышленный товар, высококачественное сукно, было побочным продуктом связей флорентийских банкиров с английской короной. Английская корона впервые получила доступ к флорентийским банкам в 1254 г., когда папа попросил Генриха III завоевать для него Сицилию. Удовлетворить беспрецедентную нужду английской короны в наличных деньгах для финансирования войны в Сицилии и Нидерландах против Франции оказалось выше возможностей Риккарди из Луки (разорились),

Фрескобальди из Флоренции и Антонио Пессаньо из Генуи. В конце концов именно партнерство Барди и Перуцци из Флоренции смогло обеспечить английской короне достаточный заем, чтобы оплачивать ее амбиции с 1312 г. фактически до банкротства английской короны в 1341 г. (Fryde, Fryde, 1965, с. 451–461; Каеупер, 1988, с. 43–55; Prestwich, 1979).

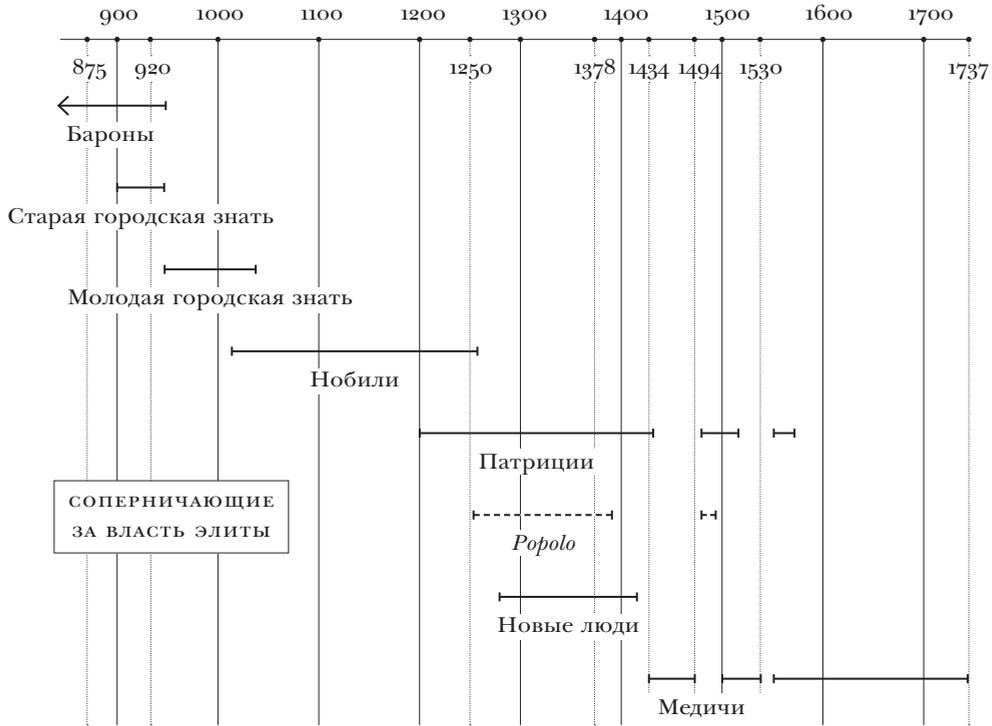
Фрескобальди и синдикат Барди – Перуцци потребовали и получили монополию на экспорт английской шерсти, самой лучшей в Европе, в качестве частичной компенсации долга короны (Goldthwaite, 1980, с. 42; Prestwich, 1979). Банкиры направили поток экспортной шерсти в свой родной город и создали флорентийскую суконную промышленность за счет старых центров торговли на ярмарках Шампани и центров производства во Фландрии. Периодические эмбарго, которые накладывала английская корона на экспорт во Францию и Нидерланды в ответ на противодействие военным авантюрам Англии, заставили французских и фламандских торговцев шерстью и ткачей вернуться домой в поисках работы. То, что банкиры установили свой контроль над английской шерстью, привлекло опытных ткачей во Флоренцию (Hoshino, 1983, с. 184–186, 200–204).

Флорентийцы стали единственными экспортерами высококачественной английской шерсти к 1320 г. Английская шерсть перерабатывалась, наряду с более дешевой и низкокачественной испанской и североафриканской, в сукно, которое флорентийцы продавали по всей Европе и даже экспортировали в Азию через Геную и Венецию (Hoshino, 1983, с. 184–186, 200–204). «Войдя в самый центр сети папских финансов, главные фирмы смогли создать обширную систему филиалов и операций по всей Европе», что позволило флорентийцам продавать свои ткани на всех европейских рынках, где были политическое влияние и финансовое присутствие папы (Goldthwaite, 1980, с. 35).

Флорентийская суконная промышленность была самым крупным мануфактурным производством в Италии в начале XIV в. (Luzzatto, 1961, с. 97–98). В 1300 г. существовало 300 флорентийских суконных мануфактур, производящих 100 000 штук сукна в год, суммарной стоимостью 750 000 золотых флоринов. К 1330 г. было уже 200 мастерских, производивших 80 000 штук еще лучшего качества, и благодаря этому суммарный годовой продукт стоил уже 1,2 миллиона флоринов (с. 106).

Главная роль, которую Флоренция играла в банковском деле, торговле и суконном производстве по всей Западной Европе, отражалась и на быстром росте населения на протяжении XIII – начале

рис. 3.2. Смены правящих элит во Флоренции, 875–1737 гг.

Сплошные линии обозначают периоды, в которые какая-либо элита контролировала флорентийское правительство. Там, где линии перекрывают друг друга, элиты соперничали за частичное управление или представляли собой альтернативную власть. Прерывистая линия для *popolo* обозначает период, в течение которого младшие цеха время от времени поднимали восстания и бросали вызов правлению элит или кратковременно участвовали в управлении коммуной. Такие периоды ограничиваются XIII и XIV вв., за исключением краткого восстановления народного правления при Савонароле, в 1494–1498 гг. Старшая городская знать была назначена епископами при Каролингах. Младшая городская знать была возвышена графскими титулами при германских императорах. Нобили, получившие земли в ленное владение, приехали в города из сельских областей со своими кланами. Патриции были не аристократами, а представителями ведущих цехов. Они стали правящей олигархией в XIII в. и потеряли власть, уступив ее Медичи в 1498 г., а потом объединились с Содерини в 1502–1512 гг. Олигархия возвращалась к власти во время второго удаления Медичи от управления в 1527–1530 гг.

XIV в. Флоренция, население которой составляло $\frac{1}{4}$ часть от миланского и $\frac{1}{5}$ от венецианского в 1200 г., к 1320 г. обогнала Милан и почти сравнялась с Венецией (Chandler, 1987, с. 11, 115, 123; Russell, 1972). Этот демографический рост в основном был обеспечен переселением во Флоренцию умелых ремесленников, которые вошли в 21 признанный цех, и еще более значительного числа простых работников, помогавшим членам цехов или обеспечивавших себя случайным трудом.

Основы для борьбы с властью аристократов

Неаристократическое население Флоренции в XIII–XIV вв. можно разделить на три слоя, или страты: 1) неаристократическая цеховая элита (патрициат), 2) рядовые члены цехов и 3) наемные рабочие, которых эксплуатировали члены цехов (*popolo di Dio*). Все три группы увеличивались до «черной смерти» 1348 г. За эти столетия различия в уровне богатства, статусе и политической власти между элитой и рядовыми членами цехов все увеличивались, и часть элиты, обладавшая реальной властью в коммуне, сократилась до маленькой олигархии. В то же время члены цехов объединялись, чтобы увеличить свой контроль над *popolo di Dio* и добиться уступок от правящей аристократии.

Два внешних фактора были необходимы, хотя и недостаточны, для подъема власти цехов и образования неаристократической элиты за счет благородных правителей города XIII в. Первый, обсуждавшийся выше, — открытая европейская экономика, которая создала условия и для увеличения числа членов цехов, и для их обогащения. Второй — резкое сокращение конфликтов крупных сил и их интервенций в Тоскану. Германские императоры прекратили цепляться за Тоскану в 1266 г., потерпев поражение от Карла Анжуйского. Карл, в свою очередь, потерял контроль над Тосканой, когда растущая угроза его владычеству в Сицилии в 1282 г. заставила направить силы на юг. Как только германские и французские силы покинули Тоскану, и угроза внешнего завоевания исчезла, члены цехов не стали откладывать свою борьбу за то, что «было самым важным вопросом, с которым столкнулись итальянские города... сохранение их независимости от императора — задача, с которой лучше всего справлялись аристократы» (Najemy, 1982, с. 4; см. также: Holmes, 1986, с. 3–43).

Богатые и надежно защищенные, с геополитической точки зрения, городские купцы добились политической власти только в тех областях, где фракционные конфликты раздирали правящих аристо-

кратов. Миланские цеховики первыми воспользовались разногласиями среди аристократов и получили в XI в. власть, продолжавшую расти. Перессорившись друг с другом, в XII и XIII вв. аристократы уступили власть неаристократическим правительствам в коммунах Милана, Луки, Пизы, Генуи, Сиены и во множестве более мелких городов (Previte-Orton, 1964, с. 218–224; Martines, 1979, с. 34–44). Цехи стали институциями, через которые незнатные горожане в городах-государствах Северной Италии могли инвестировать часть своего капитала в наемные армии и благодаря им заключать союзы с той или иной партией в обмен на признание в рамках коммуны права цехов самим регулировать свою деятельность и участвовать в городском управлении (Hyde, 1973, с. 4; Najemy, 1979; Waley, 1969, с. 182–188).

Аристократы сохранили некоторую власть в большинстве городов и оставались в положении, подходящем для того, чтобы воспользоваться раздорами в неаристократических правительствах многих коммун в XIII в. (Waley, 1969, с. 221–230; Martines, 1979, с. 22–61). Таким образом, аристократия потеряла, а потом вернула себе власть во многих итальянских городах-государствах, впоследствии усилив свое положение и разрешив фракционные конфликты внутри аристократического и коммунального лагерей, соперничающих за контроль над управлением (Martines, 1979). Коммунальные правительства уничтожали даже тогда, когда богатые нувориши продолжали обогащаться от торговли и мануфактуры.

Флоренция и Венеция отличаются от других итальянских городов безвозвратностью изгнания из управления аристократов в первом случае и, наоборот, постоянством аристократов, неподвластных переменам, — во втором. Венеция была полной противоположностью Флоренции. Венеция смогла обезопасить себя от угрозы со стороны императоров и пап (частично потому, что присоединилась к Византийской империи) в X в., гораздо раньше Флоренции. Защищенная от вмешательства крупных сил, венецианская аристократия смогла установить объединенную иерархию и бессменное правительство без каких-либо черт фракционности, свойственной Флоренции, в несколько последующих столетий (Lane, 1973, с. 91–114; McNeil, 1974, с. 59–60). Стремящееся к единству венецианское правительство смогло направить потоки торговой прибыли в руки действующих аристократов, так как государство контролировало купеческие флотилии. Правящая аристократия обогащалась за счет государственных флотов двумя способами. Во-первых, большая часть торговой прибыли отходила правительству и использовалась на зарплату аристократам, живших с платных должностей (McNeil, 1974, с. 59–60). Во-вторых,

своеобразная «система Муда», позволявшая всем гражданам арендовать грузовые места на государственных галерах, порождала торговую конкуренцию и не позволяла частным предприятиям сильно расти (с. 60–64), мешая купцам скупать рынки со спекулятивными целями, реализовывать случайную прибыль и сколачивать состояния, которые могли бы соперничать с богатством старой венецианской аристократии, основой которой было землевладение. Таким образом, венецианская аристократия в Италии была уникальной: она сохраняла единство, чтобы контролировать политику своего города-государства, через государство доминировать в экономике и блокировать экономические, социальные и политические вызовы снизу до конца XVI в.²⁹

Флорентийские патриции в XIII в. использовали цеха, чтобы организовать и воспользоваться клановыми и партийными разногласиями среди городских аристократов. Тем самым патриции выдвинули цеха далеко за рамки их ограниченной роли в XII в., роли только инструмента, при помощи которого профессиональные группы регулировали собственные сферы экономической деятельности. В XIII в. цеха стали ключевой институцией неаристократов для самоидентификации и участия во флорентийской политике. 21 цех (7 старших и 14 младших) в XIII в. были официально признаны флорентийской коммуной. «Таким образом, в 1300 г. цеховая коммуна включала в себя более трети взрослого мужского населения Флоренции» (Najemu, 1979, с. 60).

Патрицианская элита, образовавшаяся из самых богатых членов пяти ведущих цехов, дифференцировалась от остальной массы цеховиков в XIV в. Эту элиту объединили два стремления: выдержать соци-

²⁹ Старую венецианскую аристократию постепенно подорвала высокая стоимость Кьоджанской войны против Генуи и Венгрии с 1378 по 1381 гг. Объем принудительных покупок государственных облигаций по время войны составил 107% всех налогов, что Лэйн оценивает как от 25 до 30% всей наличной стоимости собственности. Стоимость облигаций упала с 91,5% в 1375 г. до 18% в 1381 г., когда государство заморозило выплаты по процентам. Принудительные покупки сильнее всего ударили по аристократам-землевладельцам, которым приходилось продавать свою собственность, чтобы найти деньги на облигации, что привело к коллапсу цен на недвижимость, шедшему параллельно с понижением цен на облигации. Неаристократы, имущество которых не было оценено (и по большей части было переведено за границу) избежали большинства налогов и относительно не пострадали от краха облигаций и недвижимости. Государственные финансы оживились с принятием в аристократию новых семейств в 1380-е гг. Как только венецианское государство стабилизировалось в финансовом и военном смысле, правительство и аристократия снова закрыли доступ новичкам и оставались закрытыми до XV в. (Lane, 1973, с. 196–201, 252–54).

альную дистанцию от более бедных членов цехов и монополизировать политическую власть во Флоренции. Патриции цементировали свою верность друг другу браками, деловыми союзами и через патронат. Они создали параллельную организацию, Мерканцию (*Mercanzia*), конкурировавшую с цехами. «Хотя Мерканция была корпорацией, она никогда не интегрировалась в цеховую федерацию. На самом деле позже она использовалась олигархами как инструмент электорального и политического контроля над цехами» (Najemy, 1982, с. 11).

Мерканция была изначальным и только формально институциональным базисом для патрициев, чтобы дифференцироваться от остальных членов цехов. Однако в течение XIV в. олигархическая элита, входившая в Мерканцию, отделилась от менее социально значимых и политически влиятельных коллег. Олигархи особо гнушались «новыми людьми», которые часто были столь же богаты, как и они, и разделяли с ними презрение к рядовым членам цехов, но разбогатели и начали соперничать за власть только после того, как олигархи уже достигли гегемонии во Флоренции. (Медичи были патрициями, добившимися поддержки «новых людей», которой другие олигархи никогда не искали и не получали.) «Новые люди» разрывались между беспринципными альянсами с *popolo*, нацеленными на свержение олигархов, и подобострастными, но чаще всего безуспешными усилиями получить доступ в олигархию через браки, деловые союзы и должности.

Триумф патрициата и коллективизация феодальных прав

Флорентийские институты управления еще раз были преобразованы в 1250–1400 гг. Историки выделяют (и спорят об их относительном значении) несколько волн мобилизации слоев флорентийского общества и их внешних союзников для смены персонала и конституциональной формы политики коммуны³⁰. Я не стану повторять споры историков и обсуждать каждую смену режима. Полезнее, с точки зрения ответов на вопросы, которые представляет казус Флоренции, опреде-

³⁰ Я полагаю, что наиболее полезными для понимания периода, когда начал происходить сдвиг от аристократического господства в 1250-х гг. и вплоть до того, как окончательно утвердилось олигархическое правление в 1400-х гг., являются работы Брукера (Brucker, 1977) и Наджеми (Najemy, 1982). Моя аргументация в этом разделе и следующем основана на этих двух книгах, а также Hyde, 1973, Trexler, 1980, Martines, 1979, и многих других, более узкоспециализированных, ссылки на которые я даю наряду с этими пятью ниже.

лить сочетание конфликтов элит и классов, которые повлияли на четыре основных изменения в распределении правительственной власти в коммуне за этот период: 1) изгнание аристократов со всех, даже формальных мест в правительстве к концу XIII в., 2) подчинение *contado* в целом и аристократических феодальных держаний в частности фискальному и юридическому контролю городского правительства, 3) временное допущение и итоговая отмена участия *popolo* (цехового и общегородского) в политике и 4) консолидация узкого слоя олигархии как правителей коммуны к 1400 г. под видом широкого, но в значительной мере бессмысленного участия в деятельности правительства «новых людей» и цеховиков. Обсудим два первых изменения в этом разделе, а два других в следующем.

Сравнение Флоренции и Венеции, проведенное выше, дает понять, что фракционные разногласия среди флорентийских аристократов были необходимы, чтобы позволить цеховикам воспользоваться их недавно обретенным богатством и временным затишьем в соперничестве великих сил в Северной Италии в первой половине XIII в. Каждый раз, когда аристократические фракции начинали враждовать, что всегда отмечалось насилием, а порой интервенцией и диктатурой внешних сил, цеховики получали свою долю в управлении. Оказываясь у власти, цеховые лидеры сносили укрепленные городские башни крупных кланов, конфисковывали их собственность и изгоняли аристократов с публичных должностей (Larner, 1980, с. 119–125; Becker, 1967, с. 65–86; Brucker, 1977, с. 39–44).

С первой половины XIII в. через режим *Primo popolo* в 1250–1260 гг. и правление навязанного папой правительства четырнадцати в 1280–1312 гг. аристократы проходили от периодов братоубийственных конфликтов, завершавшихся участием *popolo* в управлении и ссылкой, запретами, экспроприацией собственности аристократических фракций, к периодам, когда они умудрялись заключать перемирия и объединяться для получения контроля над городским управлением. В последние периоды аристократы добивались для себя отмены запретов на политическую деятельность, возвращения из ссылки и возвращения собственности (хотя обычно не могли заново отстроить свои крепости). Тем не менее аристократия мало-помалу слабела, а ведущие цеха укреплялись в политическом и финансовом смыслах за десятилетия внутренних войн кланов и партий. Аристократы навсегда потеряли контроль в 1282–1283 гг. В 1282 г. лидеры старших цехов сформировали приорат (Синьорию), чтобы править вместе с аристократической группой четырнадцати. В следующем году четырнадцать потеряли всякую реальную власть, а Синьория стала правящим органом

Флоренции и де-факто удерживала власть до 1434 г., года триумфа Медичи, а де-юре правила до конца Флорентийской республики (Brucker, 1977, с. 3–44; Martines, 1979, с. 58; Najemy, 1982, с. 17–19).

Патриции воспользовались широкой мобилизацией антиаристократических сил и военной помощью от членов всех цехов для контроля над управлением для самых богатых членов главных цехов. В первые десять лет Синьории (1282–1292) половина всех приоров были членами цехов Калимала и Камбио (торговцев сукном и банкиров, причем $\frac{2}{3}$ из них входили в эти цеха) и Гвидичи и Нотаи (адвокаты и нотариусы), а более 90% — шести из семи старших цехов (Najemy, 1982, с. 29–30).

Патриции, рядовые цеховики и *popolo di Dio*, несмотря на свою борьбу с Синьорией, были согласны и сражались за политическое и финансовое истощение и социальное отвержение аристократии. С 1282 г. до начала правления Медичи коммуна препятствовала проведению городских и сельских праздников, введенных феодальной знатью и заменяла их гражданскими, хотя (покойся с миром, Макс Вебер!) и не «расколдованными», праздниками, которые прославляли саму коммуны. Принадлежность к цехам, а не аристократические титулы считались почетным признаком (Trexler, 1980, с. XXI–XXII, 216–263 и далее). Аристократы прекратили играть какую-либо роль в коммунальном правлении, за исключением тех семейств, которые благодаря своему богатству, брачным и деловым союзам с правящими патрицианскими семьями смогли купить разрешение отказаться от титулов и вернуть себе политические права (Becker, 1968a, с. 209–210).

Популистские правительства до и после установления в 1282 г. Синьории пытались найти выход из фискальных кризисов коммуны, вызванных дорогостоящими периодическими войнами, путем экспроприации собственности аристократов в городах и обложении налогами их сельских сеньорий (Becker, 1966, с. 16–17). Начиная с первого приората 1282–1292 гг. флорентийская коммуна косвенно подавляла феодальное землевладение, ограничивая фиксированными и все более и более номинальными цифрами трудовые повинности и ренты, денежные и натуральные, которые могли позволить себе манориальные сеньоры. Когда у крестьян сокращались повинности, на смену им приходили налоги, собираемые коммуной (Jones, 1968, с. 212–214; Jones, 1966; de la Ronciere, 1968). Доля *contado* в доходах коммуны поднялась практически с нуля в 1250 г. до 50% в 1400 г. (Becker, 1968b, с. 131)³¹.

³¹ Браун (Brown, 1982, с. 148–176) возражает Бекеру, утверждая, что габеллы и денежные повинности, которые, в конце концов, платило большинство городских потре-

Патриции, которые пришли к власти в конце XIII в., были новой элитой, отличной от смещенной флорентийской аристократии по тем организационным механизмам, при помощи которых они изымали ресурсы и сходились вместе для борьбы за политическую власть. Тосканские аристократы, как и аристократы Англии и Франции, получали ресурсы со своих фьефов. Авторитет и права на доходы с фьефов прилагались к благородным титулам, а не к членству в какой-либо корпорации³². Вступая в стратегические союзы с другими феодалами, тосканская знать делала это ради сохранения и расширения автономии и организационной целостности своих фьефов перед лицом вызовов, бросааемых конкурирующими элитами или крестьянами. Участие в аристократических коалициях в Европе XIII в. позволяло аристократам не отказываться от своего суверенитета в пользу альянса, в котором они состояли, что и демонстрировали тосканские аристократы, часто переходя из одной партии в другую.

У флорентийских патрициев XIII в., напротив, не было ни социальной идентичности, ни политической силы, отдельной от их принадлежности к цехам и Мерканции. Хотя патриции и присваивали ресурсы через семейные фирмы и компании, они могли выгодно инвестировать их лишь благодаря своему институциональному базису, цеху, Мерканции или, позже, Синьории. Эту сильную зависимость патрициев от их принадлежности к коммунальным организациям подтверждает практика наказания (крайняя мера — высылка из коммуны)³³.

бителей, а не поземельные налоги были основным источником «сельских» выплат коммуны. Тем не менее, исследование Брауна фокусируется на XV и XVI вв., эпохе, когда Медичи и их союзники утверждали себя как аристократов и приобретали сельские поместья. Это не противоречит доводам Бекера о том, что городской патрициат периода 1250–1400 гг. использовал государственную власть для того, чтобы разорить старых аристократов, а два века спустя коммунальная налоговая политика вновь изменилась в благоприятную сторону для новых патрициев, желавших стать аристократами и закупить сельские поместья.

³² Это утверждение, конечно, применимо лишь к светским землевладельцам, а не к церковным, которые держали фьефы лишь благодаря своим должностям.

³³ Мартинес (Martines, 1979, с. 11–16) прослеживает использование ссылки во флорентийской политике. Эджертон (Edgerton, 1985) показывает силу «поругания в изображении» (*pittura infamante*), вынуждавшую предателей и преступников заключать мир с коммунальным правительством, силу, которая проистекала из способности коммуны наделять своих граждан статусом и идентичностью. Распространение таких санкций на дворян во второй половине XIII в. (Waley, 1969, с. 214–218) было знаком того, что аристократы начали подчиняться коммуне.

Разные организационные основания патрициев и аристократов во флорентийской экономике и политике явно указывают на них как на различные элиты. Их классовая идентичность — более сложный вопрос. На протяжении долгого времени, в XIII–XVI вв., общие интересы членов обеих элит все больше росли в двух основных областях флорентийской экономики: банковском деле и суконном производстве. Хотя самые первые и самые богатые деятели в этих областях были неаристократами, к ним через браки и деловое партнерство примкнули старые аристократические семейства (Martines, 1963, с. 18–84; Jones, 1965; Kent, 1978, с. 136–185). Купцы, рантье, чиновники и люди, соединявшие в себе все три способа существования, обнаруживаются в обеих элитах.

Патриции владели относительно небольшим количеством земли во времена своего восхождения к власти, а скупать огромные сельские поместья, подражая знати, начали только в XVI в. и позже (Litchfield, 1986, с. 215–232). Однако независимо от того, получали ли они прибыль с сельского хозяйства косвенно, как государственные чиновники, имевшие свою долю прибавочной стоимости в виде налогов в XIV и XV вв., или напрямую, в качестве новых аристократов в XVI и последующих столетиях, патриции всегда были рантье и отличались от своих аристократических предшественников только организационными средствами, при помощи которых они изымали ресурсы у крестьян. Аристократы-землевладельцы, патриции — государственные чиновники и землевладельцы эпохи Медичи — все они были частями единого правящего феодального класса в марксистском значении этого термина: использовали внеэкономическое принуждение в виде налогов или арендной платы для изымания прибавочного продукта у крестьян. Все элиты делали это, даже не трансформируя процесс аграрного производства в сельской Тоскане³⁴.

Две элиты были близки двум другим классам в XII и XIII вв. В этот период аристократы в большинстве своем были землевладельцами, патриции — купцами и мануфактурщиками. Однако не количественные и не качественные различия в классовом характере аристократов и патрициев определили победу последних над первыми. Наоборот, природа организационного аппарата каждой элиты и позиция каждой элиты в комплексе социальных отношений внутри и вне Флоренции определялись итогами их конфликтов. Равным обра-

³⁴ Я рассматриваю этот момент дальше и привожу ссылки на источники своей уверенности в этой же главе, в разделе «Экономические ограничения флорентийской политики».

зом «аристократизация» патрициев при олигархическом правлении и при Медичи имела политические причины. Я еще вернусь к этим причинам в последующих разделах и закончу эту главу обсуждением влияния реаристократизации на положения Флоренции и ее элит в большем масштабе политической экономики Европы.

Конец децентрализации и укрощение «новых людей» и popolo

Патриции из Мерканция использовали членов своих цехов в XII и XIII вв. для вытеснения аристократов из управления коммуной и обложения налогами и контролем сельской собственности знати. Начиная с 1283 г. патриции обратили свою агрессию на братьев по цеху и весьма преуспели в этом к 1400 г., образовав олигархию и ограничив участие народа в управлении коммуной до номинального.

Патриции смогли справиться с фракционизмом в своих рядах, снизив мотивацию для любого из них искать контроль над соперниками децентрализацией власти и передачей ее союзникам из низшего класса. Все это произошло по двум причинам. Во-первых, организационным базисом власти патрициев (и объектом их притязаний) были коллективно управляемая коммуна и цеховые институты. В отличие от фьефов аристократов, которые можно было поделить на части, не спрашивая разрешения у других землевладельцев, коммунальные организации, Синьория, Мерканция и цеха принимали новых членов только с разрешения большинства. Контролирующий ситуацию избранный круг членов Приората и некоторых цехов был способен заблокировать усилия меньшинства искать помощь снизу и открыть эти институты для новых союзников. Во-вторых, группой, располагавшейся в иерархии Флоренции XIII в. непосредственно под патрициями, были члены цехов, которым требовалась помощь управляемого патрициями правительства для контроля *popolo di Dio*, пролетариев, которых цеховики напрямую эксплуатировали. Мобилизация масс напрямую угрожала всем членам цехов.

Патриции в XIV в. пять раз сталкивались с серьезным противодействием ограничить участие народа в коммуне и установить олигархическое правление во Флоренции³⁵. Было необходимо необычное сочетание внешних и внутренних факторов, чтобы создать возможность этому противодействию, а легкость, с которой оно было подавлено, как только необычайные обстоятельства изменились, де-

³⁵ Мой анализ этих пяти эпизодов основан на описании, которое дал Брукер (Brucker, 1962 и 1977, с. 39–44).

монстрирует стратегическое превосходство патрициев над своими противниками. Первые три вызова обязаны временному вмешательству или угрозе вторжения со стороны иностранных сил, пытавшихся утвердить себя или своих флорентийских подручных во власти³⁶. Как только угроза со стороны была устранена, а долговременный политический пат и прежняя неприкосновенность иностранных сил восстановлены, восстановилось и избранное правительство в Тоскане.

Два других сбоя в стабильном патрицианском правлении были вызваны другим сочетанием факторов. В 1340 г. Барди, ведущее патрицианское семейство в политике и банковском деле, присоединились к заговору магнатов, стремившихся сбросить правительство. У Барди была особая причина: им грозил отказ английского короля Эдуарда III платить по ссудам, предоставленным Барди и другими флорентийскими финансистами. Барди надеялись использовать контроль над коммуной для поправки своего финансового положения. Переворот не удался, и вместе с волной банкротств, вызванных отказом Эдуарда в 1342 г., привел к тому, что «магнаты, жаждущие восстановить свое политическое влияние... банкиры, надеявшиеся спасти свои состояния и... ремесленники, обнищавшие в результате спада деловой активности», в сентябре 1342 г. призвали Вальтера Бриенского, герцога Афинского, стать их пожизненным сюзереном (Brucker, 1962, с. 7). Раскол между патрициями, вызванный иностранным финансовым кризисом, вновь открыл возможность для политического действия магнатов и младших цехов.

Патриции вернули себе власть на следующий год, объединившись с младшими цехами, которые обеспечили их ресурсами, необходимыми для свержения Вальтера (в июле 1343 г.) и победы над магнатами

³⁶ В 1301 г. Карл Валуа и его войска вступили во Флоренцию, чтобы привести к власти пропалских черных гвельфов, убили множество белых гвельфов и выслали из города остальных. Когда Карл перестал быть военной силой в Тоскане, белые гвельфы вернули себе контроль над Синьорией и изгнали, в свою очередь, своих врагов черных гвельфов (Holmes, 1986, с. 163–185). Король Роберт Неаполитанский устроил свое избрание как Синьора на пять лет, взамен уже выбранной Синьории. У Роберта, однако, не было достаточной военной силы, чтобы вынудить коммунальное правительство выполнять его указы и решения своих фаворитов, и он так и не смог утвердить эффективный контроль над Флоренцией. В 1326 г., в ответ на военную угрозу со стороны деспота Луки Кастракани, Синьория пригласила Роберта, сына Карла Калабрийского, стать диктатором города на пять лет. В 1328 г. и Кастракани, и Карл умерли, и во Флоренции вновь утвердилось выборное правительство.

и их сторонниками в уличных боях. И снова магнаты были изгнаны из политики. Патриции, однако, были вынуждены разделить власть Синьории с членами младших цехов, участие которых было решающим в разгроме Вальтера, Барди и союзников-магнатов (Brucker, 1962, с. 6–9). Конфликты 1340-х гг. продемонстрировали, что разногласия между патрициями создавали зазоры лишь для политических действий магнатов и младших цехов. Как только патриции объединялись вновь, они постепенно лишали цеха существенной политической власти и, воспользовавшись «черной смертью», вычеркивали младшие цеха из избирательных списков (Brucker, 1977, с. 39–44)³⁷.

Патриции в 1360-х гг. разделились на фракции, возглавляемые семьями Альбицци и Риччи. Альбицци были настроены прогвельфски и пользовались поддержкой самых богатых и политически влиятельных олигархов. Они поддерживали внешнюю политику пап, надеясь заслужить этим какую-нибудь церковную должность (Brucker, 1962, с. 229–230). Однако в 1371 г. Риччи перешли на сторону своих противников, соблазненные обещаниями высокого церковного поста и получив его (с. 249).

Риччи были типичными олигархами, со страхами и побудительными мотивами, определявшими их лояльность к иностранным

³⁷ Флоренция никогда не проводила прямых выборов в Синьорию. Вместо этого корпоративные группы (еще действующая Синьория, партия гвельфов, и гильдии) назначали граждан для «проверки избирательных списков». Затем собиралась особая комиссия, чтобы одобрить или отвергнуть каждого кандидата. Имена тех кандидатов, которым удалось пройти проверочную комиссию, записывались и помещались в сумки. Новая Синьория выбиралась каждые шесть месяцев путем вынимания записей имен из сумок. Отслужив, граждане не могли быть избранными заново в течение двух лет. Наджеми (Najemy, 1982) проследит, как менялся относительный «вес» членов каждой корпоративной группы при назначении и проверке кандидатов в Синьорию. В сущности, борьба между патрициями и цеховиками в XIV в. велась за то, насколько цеховики-непатриции и члены младших цехов могли быть избранными или участвовать в проверочной комиссии. На протяжении большей части XIV в. члены гильдий играли незначительную роль или вообще никакой в проверочной комиссии. Только в 1343–1348 и 1378–1382 гг. цеховики были близки к тому, чтобы доминировать на проверках. Наконец, в 1382 г. патриции разработали способ ограничить участие гильдий в проверках до номинального уровня, при этом не давая цеховикам понять этого. Патриции допустили практически открытое назначение кандидатов и затем в проверочной комиссии, где они господствовали, отвергли большинство членов гильдий. Так как результаты проверок были секретными, цеховики на протяжении многих лет не догадывались, пока все их имена не были изъяты из сумок, что большинство из них исключены из службы в Синьории. Эта система продолжала работать и при владычестве Медичи.

или местным силам. «Самым главным фактором в сохранении и усилении конфликта партий, судя по всему, была скверная экономическая ситуация во Флоренции... В 1370-х гг. картина была особо угнетающей: спад в суконном производстве, растущие банковские ставки, чума 1374 г., за которой последовал голод, и большие издержки и потери, связанные с папской войной. Эти обстоятельства заставляли разумных людей... полагать, что достоянию их рода приходит конец и что в будущее надо глядеть с опаской. Так как обладание политическим влиянием было необходимо для поддержания социального и экономического статуса, люди отчаянно сражались за этот приз», особенно олигархи из гвельфской партии (Brucker, 1962, с. 392).

Антиолигархическая партия, сперва возглавляемая Риччи, а потом некоторыми антигвельфскими патрициями, в которой доминировали «новые люди», добилась контроля над правительством благодаря отсутствию единства среди патрициев, что позволило меньшинству из непатрициев, выбранных для проверки избирательных списков, определять баланс сил в Синьории и влиять на публичную политику³⁸. Этот сдвиг привел к тому, что большинство олигархов было изгнано с должностей и Флоренция оставила союз гвельфов, чтобы вместе с другими тосканскими коммунами сражаться за свою автономию против возрождающегося папства в войне «восьми святых», в 1375–1378 гг.

Война против папы, как и все войны этой эпохи, вызвала драматический взлет расходов правительства, которое набрало долгов и повысило налоги, чтобы как-то удовлетворить свои нужды. На войну «восьми святых» «было затрачено около 2,5 миллиона флоринов — в восемь раз больше, чем суммарный ежегодный доход коммуны, собираемый со всех основных источников» (Becker, 1968, с. 188). Большая часть финансового бремени пала на аристократов, и напрямую, через налог на богатство, и косвенно, через захват церковной собственности, которой воспользовались олигархи, а также через налоги на *contado* (с. 189–91). В то же время патриции и «новые люди», которые пришли к власти в антигвельфском правительстве, в основном и были теми, кто обогатился от спекуляции растущим государственным долгом *monte*.

Папа пытался оказать косвенное давление на Флоренцию, запрещая жителям папских областей и их союзникам иметь дела с флорентийцами, за исключением гвельфов в изгнании. Не все союзники

³⁸ Описание в этом абзаце и последующих семи основаны на работах Наджеми (Najemy, 1982, с. 166–262) и Брукера (Brucker, 1962, с. 183–396).

папы присоединились к этому интердикту, и, по иронии судьбы, флорентийцы, больше всех страдавшие от финансовых потерь, связанных с ним, были те гвельфы и другие патриции, имевшие дела непосредственно с папой, а вовсе не антигвельфы, «новые люди», имевшие связи с Францией, Венецией и городами по всей Тоскане, где интердикт не соблюдался (Trexler, 1974, с. 43–101).

Фракционный конфликт достиг своего пика в 1378 г., когда олигархи из партии гвельфов объединились с некоторыми представителями старой аристократии и попытались захватить Флоренцию, требуя заключить мир. Атака гвельфов на режим и его защитников провалилась, вызвав восстание и членов цехов, и *popolo di Dio*, которые 22 июня 1378 г. жгли дома ведущих гвельфов. Народное восстание покончило с существованием гвельфской партии как автономной силы, институционально представленной во флорентийском правительстве. В августе были проведены новые выборы, в которых к представителям семи старших цехов присоединились кандидаты от 14 младших и три от недавно признанных цехов *popolo di Dio*, включая одного из 24-го цеха для действительно пролетаризировавшихся работников, чомпи. Успех чомпи был недолговечен: в сентябре цех чомпи был распущен, а его представители выгнаны из Синьории и исключены из избирательных списков. Тем не менее неолигархические члены старших гильдий при помощи младших цеховиков продолжали доминировать во флорентийском правительстве до того, как патриции объединились вновь и захватили контроль над выборами и Синьорией в 1382 г. (Najemy, 1982, с. 231–262).

Мятеж чомпи, с точки зрения марксистов, был «примечательно современным... происходили забастовки, тайные встречи, это было начало ассоциаций рабочих людей. Голодные бунты были редки... Вместо того чтобы протестовать против ужасающей материальной нужды, бунты поднимались на фоне резко возрастающих заработков» (Cohn, 1980, с. 205 и далее). Брукер парирует: «Беспорядки 1378 г. были начаты не чомпи, их возбудила и направляла фракция внутри режима. В первой вспышке насилия участвовали члены гильдий, а не лишённые гражданских прав текстильные работники. Как и в 1340-х гг., низшие классы приняли участие в революции только после того, как правящая группа вызвала кризис: в 1342 г., установив диктатуру, а в 1378 г., позволив себе безответственную партизанскую тактику» (1962, с. 388–389).

Брукер прав в том, что фракционализм элит создал зазор для действий пролетариев. Кон имел причины называть чомпи 1378 г. пролетарскими революционерами за их организацию и тактику, если

не за их «умеренные законодательные требования... их приспособление к институциям коммун и больше всего за их постепенную трансформацию в радикальную политическую силу» (Brucker, 1962, с. 389). В конце концов спор о том, какой классовый характер проявили чомпи в течение нескольких недель 1378 г., скучен и бесплоден, как и спор о классовой идентичности аристократов и патрициев в 1300 г. И снова самые интересные и уместные вопросы касаются динамики образования класса и классового конфликта. Почему «медовый месяц» «пролетарских» действий во Флоренции длился всего несколько дней? Почему *popolo di Dio* прекратил быть значительным актором флорентийской политики только через несколько месяцев после победы чомпи?

Работы Брукера и Кона предлагают удивительно схожие ответы на эти вопросы. Они оба утверждают, что чомпи напугали патрициев, они действовали как постоянный тормоз для излишнего фракционализма и обеспечили смыкание рядов всей элиты против любого из них, кто бы ни пытался преуспеть за счет альянса с младшими гильдиями или даже с непатрицианскими членами старших гильдий³⁹. Сколь бы не преуспели в организации и сознательности *popolo di Dio*, они могли действовать политически только, если ряды патрициев раздирали фракционализм и когда цеховики побуждали и поощряли протесты рабочих.

Патриции институционализировали уроки, которые они извлекли из восстания чомпи. Спекулируя на страхах старших гильдий перед политическими и цеховыми действиями младших и чомпи, патриции привлекли *maggiori* (старшие цеха) к кастрации *minori* (младшие цеха). «На назначение кандидатов больше не накладывалось никаких ограничений... Значение этой открытости назначения было в том, что она лишала цеха права, которого они добились в 1378 г., определять правомочность кандидатов на избрание и тем самым влиять на размер и состав политического класса» (Najemy, 1982, с. 269–270).

Эффективный контроль над выборами и решениями самой Синьории еще больше сконцентрировался в руках олигархии патрициев. Среднее количество «новых людей» (богатых и не столь богатых

³⁹ В этом вопросе с ними согласны многие другие исследователи истории Флоренции, особенно Моло (Mohlo, 1968), Бекер (Becker, 1968b), Трекслер (Trexler, 1980) и Наджеми (Najemy, 1982). Брукер (Brucker, 1977) повторяет эти доводы. Педжетт и Ансел (Padgett, Ansell, 1993, с. 1295–96) и Мартинес (Martines, 1963, с. 18–84) прослеживают, как патрициям удавалось наказывать тех из своих рядов, кто пытался набрать политических союзников снизу.

цеховиков, не происходивших из патрицианских семей, члены которых служили Синьории до 1343 г.), входивших в Синьорию из девяти членов, упало с 3,3 человека в 1382–1387 гг. до 0,7 в 1401–1407 гг. Число мест, удерживаемых «ведущими» родами, выросло с 2,2 в первый из этих периодов до 4,4 во второй (Najemy, 1982, с. 296). 44 семейства доминировали в Синьории, поставляя в нее от 4 и более приоров в 1382–1399 гг. (с. 298) и даже больше в 1400–1434 гг. (Brucker, 1977, с. 264–271; Stephens, 1983, с. 8–23). Это были выжившие представители патрицианской элиты, которая пришла к власти на волне отлучения аристократов от власти в 1283 г. 146 семейств удерживали посты в Синьории 10 или более раз в 1282–1399 гг. Эти семейства составляли 11% от всех семейств, которые когда-либо выдвигали приоров, однако в этот период удерживали за собой 49% всех мест. Только 11 из этих семейств впервые заняли посты после 1328 г.; последний такой род появился в 1354 г. (Najemy, 1982, с. 320–327).

Большая часть новичков (236 из 275, или 86%) в Синьории в два десятилетия, последовавших за восстанием чомпи, служили лишь по два месяца. Таким образом, краткосрочность не позволила новичкам в Синьории (т. е. приоров, первых в своем роду, занявших такой пост) влиять на политику. Старые семейства, служа по много раз и удерживая свои позиции в продолжающейся властной сети, контролировали политику коллективно, независимо от того, несли ли они службу в этот момент или нет⁴⁰. Открытое номинирование кандидатов означало, что новички либо не были избраны цехами, либо не представляли их. Новички просто выиграли «в гигантской политической лотерее... [Они] были политически изолированы и зависимы... Чрезвычайная фрагментированность [их] службы делала организованную оппозицию практически невозможной» (Najemy, 1982, с. 299).

Возвышение Медичи

Олигархи ввели два новшества в управление флорентийской коммуной и в отношения между элитами и классами, ставшие постоянными. Во-первых, «старшие» гильдии были низведены на подчиненное положение в политике, с которого они никогда больше не поднялись. Как институция они прекратили играть какую-либо роль в действительном отборе людей для службы на высших государственных долж-

⁴⁰ Ограничение сроков полномочий в современных Соединенных Штатах дает схожий эффект, оставляя власть в руках чиновников исполнительной ветви, лоббистов и тех других, которые финансируют выборы.

ностях. Цеха сохранили контроль над организацией труда, с возможностью помешать *popolo di Dio* снова сплотиться⁴¹. Во-вторых, олигархическая система выборов обеспечила маленькой клике механизм контролирования правительства, одновременно поддерживая иллюзию широкого участия в публичных делах.

Главной оставшейся помехой для постоянной гегемонии олигархов был разрыв между политической властью и богатством⁴². В десятилетия олигархического правления семейства извне политического ближнего круга сколачивали огромные состояния, которые превышали состояния большей части олигархов (Brucker, 1977, с. 270–71; Padgett, Ansell, 1993, с. 1314–16). Олигархи не могли ни помешать накоплению новых состояний, ни забрать богатство старых или новых родов себе. Главные пути аккумуляции имущества во Флоренции XIV–начала XV в. – банковское дело и торговля – в целом не управлялись коммуной, и в них не было доступа с государственных должностей (Goldthwaite, 1980, с. 29–66)⁴³.

Независимые взаимоотношения Медичи с римским папством были показательны для потери контроля коммуны над экономической деятельностью своих граждан. Правительство коммуны упорно поддерживало, через дипломатию, своими средствами и войсками все усилия римских пап восстановить безраздельный контроль

⁴¹ Долгосрочные последствия длительного контроля гильдий над производительным сектором флорентийской экономики обсуждаются в следующем разделе этой главы.

⁴² Это представляет полный контраст способности венецианской аристократии, уже рассматриваемой выше, контролировать богатство своих нетитулованных граждан.

⁴³ Членство во внутреннем круге власти давало возможность использовать информацию для получения сверхприбылей через спекуляцию на долге *monte*. Однако эта же информация была доступна временным держателям высоких должностей, которые не были олигархами, и поэтому она быстро распространялась среди патрициев. Часто ключевые данные, необходимые для того, чтобы предсказывать и манипулировать событиями на рынке долга *monte*, приходили от своевременного знания шагов иностранных дипломатов и военных столкновений, а не происшествий во внутренней флорентийской политике. Такая внешняя информация была доступна в первую очередь партнерам международных банков, таких как Медичи, а не олигархам, вплетенным в локальные сети. Однако для любых успешных манипуляций на рынке требовались большие суммы наличности, а подобными суммами располагали лишь банковские и текстильные магнаты (Моло (Mohlo, 1971) лучше других проводит анализ *monte* в десятилетия до захвата власти Медичи. Голдтвейт (Goldthwaite, 1987, с. 27) рассматривает манипуляции Медичи с *monte* до 1434 г.).

над церковью. Однако Медичи предпринимали и собственные меры по надзору за выборами папы и добились практической монополии над папскими финансами и наградами, не считаясь с политикой Синьории и не делясь плодами этих успехов с коммуной (Holmes, 1986; Partner, 1968).

Разрыв между властью и богатством стал критическим, когда Флоренция снова отправилась на войну, сперва с Миланом (1423–1428 гг.), а потом с Луккой (1429–1433 гг.). Эти войны привели к разрушению флорентийской торговли и сельскохозяйственного производства, что, в свою очередь, вызвало резкое снижение сборов обычных косвенных налогов и других податей с *contado* (Mohlo, 1971, с. 54, 61). Чтобы покрыть разрыв, который продолжал расширяться, между сокращающимися обычными доходами и растущими экстраординарными военными расходами, коммуна была вынуждена пойти на принудительные займы (*prestanze* и *catasti*). «С начала 1428 по конец 1433 г. ...граждан Флоренции попросили выплатить $153 \frac{5}{6}$ „катасти“. Так как каждый «катасто» оценивался в 0,5%...чистой прибыли с вложения капитала... следовательно, за этот период в 6 лет городу удалось собрать налогов в 76% со всей чистой прибыли от вложения капитала, доступной в городе, или согласно подсчетам властей коммуны... налоги поднялись приблизительно до 180% с дохода (налогоплательщика)» (с. 92). «Это вызвало у всех безумное желание каким угодно способом избежать разрушительного налогообложения» (Padgett, Ansell, 1993, с. 1305).

Олигархи пытались использовать свой контроль над правительством, чтобы перенести тяжесть налогов с капиталов, по большей части неликвидных и легко доступных для налоговой оценки, на часто скрываемые производственные активы «новых людей». Так как производственные активы было сложнее определить, то их оценка стала делом политической и, со временем, даже вооруженной силы (Padgett, Ansell, 1993, с. 1305–6; Mohlo, 1971, с. 113–82; Brucker, 1977, с. 472–500). Прежнее нежелание олигархов, и особенно тех из них, кто был беднее (Martines, 1963, с. 18–84), разжигать свою власть, делясь ею с богатыми «новыми людьми», было теперь подкреплено их нуждой найти цель для военного налогообложения.

Вызванный войной фискальный кризис и лежащий под ним разрыв между политически сильными олигархами и политически слабыми, но богатыми «новыми людьми» создали зазор для Медичи. Паджет и Ансел (1993) использовали блок-модели брачных и деловых связей, чтобы объяснить, как Медичи, которые до чомпи были во фракции Риччи, и, следовательно, были подвергнуты остракизму

одержавшими в конце концов победу олигархами из фракции Альбицци, использовали брачные связи с патрициями вне олигархии и деловые связи с «новыми людьми» для того, чтобы стянуть вместе семейства, которые оказались изолированными и отлученными от власти режимом олигархов. Когда новые люди обратились к своим деловым партнерам Медичи за помощью против олигархического налогообложения, они «подтолкнули Медичи самоосознать себя как политическую партию... Олигархи [своими запретительными брачными практиками и политической системой] направили силы „новых людей“ на поддержку [Медичи], а затем отсекали любую возможность увильнуть от ответа» (с. 1306). Когда Альбицци и другие олигархи попытались использовать силу, чтобы забрать власть у Синьории, в которой доминировали союзники Медичи, благодаря успеху выборов в сентябре 1434 г., то сторонники Медичи и многие нейтральные люди вышли на улицы. Переворот провалился, и Альбицци со своими сторонниками были лишены всех должностей и отправлены в ссылку (Kent, 1978, с. 289–351; Padgett, Ansell, 1993, с. 1309–10; Hale, 1977, с. 22–24).

Правление Медичи и повсеместная политизация (и рефеодализация)

Приход Медичи к власти ознаменовал собой, за исключением двух интерлюдий (1494–1512 и 1527–1530 гг.) с изгнанием Медичи, конец патрицианского фракционализма. Медичи сумели войти в олигархию и получить доступ к возможностям по накоплению богатства, завися только от удачи единственно своего семейства, так как их победа над олигархами и последующее избрание профлорентийского папы⁴⁴ позволили им соединить три бывших отдельными элитных организации – флорентийское правительство, папство и банк Медичи – под контролем партии одной семьи. Доходы, которые получил банк, в первую очередь с обслуживания финансов пап и предоставления займов папству и Флоренции, использовались для подкупа политических союзников Медичи во Флоренции. Когда Медичи распространили свой контроль на папскую администрацию, они смогли

⁴⁴ В 1447 г. папа Евгений IV, который из друга стал врагом Флоренции, умер, и его заменил Николай V, настроенный в пользу Медичи. Медичи сохраняли свое влияние на папство, а часто и контроль над ним, еще два столетия. Власть Медичи в Риме достигла своей вершины при избрании папами членов семейства, Джованни стал папой Львом X в 1513 г., а Джулио – папой Климентом VII в 1523 г. (Hale, 1977).

вознаградить своих сторонников во Флоренции и Риме выгодными церковными должностями (Stephens, 1983, с. 124–164; Bullard, 1980, с. 24–44).

Союзники Медичи 1434-го г. составили изначальную олигархию нового режима, которую постепенно дополнили несколько представителей старой аристократии, добившихся статуса недворянина, чтобы войти во флорентийскую политику, и «новые люди», чье богатство от торговли и держания флорентийских или папских должностей на службе Медичи позволило им попасть в олигархи (Litchfield, 1986, с. 24–28; Hale, 1977, с. 35–39; Najemy, 1982, с. 306–307, 320–323, 327–331; Stephens, 1983, с. 16–23). Участие цехов и простонародья в правительстве было сведено к номинальному уровню (исключая два междуцарствия при немедичевском правлении) использованием Медичи выборной системы, разработанной олигархами.

Важность папства, и папского патроната и доходов с него, для гегемонии Медичи доказывают обстоятельства, при которых долгое правление Медичи (1434–1737 гг.) во Флоренции было дважды прервано и потом восстановлено⁴⁵. Оба изгнания Медичи (в 1494 и 1527 гг.) были вызваны поражением папства или угрозой атаки на папу со стороны крупной силы, с которой Медичи не были в союзе⁴⁶. Медичи возвращались к власти (в 1512 и 1530 гг.), когда крупная сила, союзничавшая с папством под контролем Медичи, получала военное превос-

⁴⁵ Хэйл (Hale, 1977, с. 76–126) и Стефенс (Stephens, 1983) дают очень ясный пересказ истории периода, обсуждаемого в этом абзаце и двух следующих примечаниях. Трекслер (Trexler, 1980, с. 462–553) разбирает, насколько велика была народная мобилизация против Медичи и подвластных Медичи правительств в этот период.

⁴⁶ В 1494 г. уступки Медичи вторгшейся французской армии вызвали народное сопротивление, завершившееся мятежом, когда Пьеро (сын Лоренцо) де Медичи привел собственный вооруженный отряд угрожать Синьории. Олигархический фракционализм оживился, когда Медичи были изгнаны, а их ближайшие союзники исключены из правительства. Фракционализм открыл возможность для народной мобилизации, увенчавшейся фактическим правлением Савонаролы, чей религиозный фанатизм привел к его казни в 1498 г. Конституциональные исправления, вдохновленные Савонаролой, только на время позволили непатрициям участвовать в деятельности правительства, пока олигархи – противники Медичи не объединились заново и не начали манипулировать правительственными советами, чтобы вернуть себе власть. Эта олигархия срослась под руководством Содерини.

Правление Медичи было еще раз прервано в 1527 г., когда союз под предводительством Империи разгромил французских союзников папы и разграбил Рим. И снова, временную расширенную демократию сменили олигархи – противники Медичи.

ходство в Тоскане и вынуждала коммуну принять обратно свое «первое семейство»⁴⁷. Влияние Медичи на папскую администрацию поддерживалось, в свою очередь, использованием богатств, запасенных в банке Медичи, и способностью Медичи мобилизовать флорентийскую дипломатическую и военную помощь для целей папства и направлять прямые финансовые субсидии из коммуны в папскую курию (Bullard, 1980, с. 119–50; Hale, 1977).

Даже находясь в ссылке, Медичи использовали патронат папства для того, чтобы сохранить связи с флорентийскими патрициями и обеспечить их уступчивость, если не энтузиазм по поводу возвращения Медичи к власти (Butters, 1985, с. 187–225; Bullard, 1980, с. 119–50). Продолжающееся влияние Медичи на олигархические семейства во время изгнания и уверенность в лояльности этих семейств по возвращению иллюстрируются тем фактом, что 26 из 55 членов первой Балии, созданной для того, чтобы восстановить контроль Медичи над правительством по их возвращению из ссылки в 1512 г., были членами антимедичевского правительства Содерини в предшествующие 4 года (Butters, 1985, с. 188).

Во времена герцогства возможности для получения богатства стали еще больше зависеть от доступа к флорентийским и папским должностям под контролем Медичи. Именно в этом смысле флорентийская политика и экономика оказались рефеодализованы. Структурные инновации флорентийской коммуны, которые характеризовались передачей власти от *contado* к городу и от аристократии к элите из городских купцов, обратились вспять, когда Медичи стали искать источники дохода для самих себя и своих союзников, не стесняемые эффективным противодействием, потому что конкурирующие элиты и классы были неспособны разрушить тройственную базу Медичи, герцогской власти, папства и банка.

Налоги и подати, собираемые во Флоренции и ее территориях, были приписаны к определенным должностям, которые передавались союзникам Медичи, или в обмен на займы государству (Litchfield, 1986, с. 141–190; Bullard, 1980, с. 151–172). Государственные

⁴⁷ Медичи вернули себе власть, когда французы, ослабшие после тяжелых военных потерь, ушли из Италии в 1512 г., оставив после себя вакуум, который заполнил альянс Испании, Венеции и папства, в котором кардинал Джованни де Медичи (будущий папа Лев X) был ведущей фигурой.

Республиканская интерлюдия 1527–1530 гг. закончилась с возобновления союза между папой из Медичи, Климентом VII и императором Карлом V. К 1530 г. Карл был неоспоримой военной силой в Италии и смог вынудить Флоренцию навсегда покончить с республиканством и стать наследственным герцогством Медичи.

и церковные должности, хотя и не были формально куплены, оставались в руках одной семьи, пока она не теряла фавор у Медичи (что бывало редко) или государство не возвращало займы, в уплату которых эта должность была отдана (практически невозможно, учитывая огромные долги герцогства). Ценность высоких постов резко поднялась в XVI в. Прибавив официальный и частный компоненты к зарплате чиновника, Личфилд (1986, с. 194, 358–361) оценил, что доходы с высших должностей, занимаемых союзниками Медичи, поднялись на 240–260 % с 1551 по 1736 г., учитывая инфляцию, в то время как магистратуры, занимавшиеся людьми из старых семейств, едва компенсировали инфляцию в этих странах.

Структура налогообложения и характер отношений между городом и *contado*, которые установились при республике, при Медичи трансформировались так, чтобы произвести доходы, необходимые для вознаграждения союзников и поддержания политической машины, которая контролировала герцогские и папские институты власти. Политическое подчинение *contado* городу, и его экономическая эксплуатация как источника дешевой еды и высоких налогов были подорваны передачей его союзникам Медичи во фьефы с юридической властью и иммунитетами от налогов (Litchfield, 1986, с. 35–40, 116–125). Когда сельская округа оказалась рефеодализована, налоговые доходы с *contado* упали относительно, если не абсолютно, и были замещены на увеличенные налоги с тех земель, которые не попали во фьефы к союзникам Медичи, и на «пленные» города, такие как Пиза и Пистойя. Пошлины на товары, проходящие в город и из города, которыми облагались землевладельцы, продававшие зерно из своих поместий во Флоренции, по большей части заменили на косвенный соляной и нотариальный налоги, которыми облагались члены городских гильдий, *popolo di Dio* и крестьяне (с. 99–100). Регулирование цен на зерновые во Флоренции на протяжении нескольких столетий наравне с налогами с *contado* было признаком способности цеховиков заставить ослабших аристократов и их крестьян субсидировать городские интересы. Во второй половине XVI в., когда союзники Медичи стали сельскими землевладельцами, ценам было позволено расти, преобразуя городских покупателей в тех, кто оплачивал сельские поместья и растущие цены на землю (с. 244–261).

Гегемония партии Медичи в политике и экономике Флоренции, и ее использование феодальных рычагов контроля над должностями и землей для того, чтобы сохранить и субсидировать свое правление, были представлены в буквальной реаристократизации флорен-

тийской правящей элиты во времена герцогства. Семья «была поднята в гораздо более возвышенные сферы тогда, когда люди начали осмысливать свое происхождение в терминах благородства, достоинства, богатства, статуса или любого другого столь же туманного идеала, который они хотели приписать преданиям своей собственной семьи» (Goldthwaite, 1968, с. 270; см. также Verner, 1971; Cochrane, 1965).

Ведущие семейства Флоренции последовали примеру герцогов Медичи и получили дворянские патенты от самих Медичи или попытались возродить древние титулы, которые якобы носили их предки (Burke, 1972, с. 245). «Преимущества титулов были в основном политическими; они обеспечивали [и подтверждали владение] постоянного места при герцогском дворе» (Litchfield, 1986, с. 36). Из 426 семейств, члены которых наиболее часто оказывались приорами в XV в. (не считая тех, чей род угас), половина была анноблирована к 1600 г., и практически все — к 1700 (с. 35).

Расходы на дворцы во время великого строительного бума в конце XVI в., с одновременным увеличением прежде стабильного и скромного уровня приданного (Litchfield, 1986, с. 41–45), траты на произведения искусства (особенно на портреты главы семейства и всего семейства), и на вычурный образ жизни, отмеченный расточительными развлечениями, привели к тому, что флорентийцы сильно озаботились «самопрезентацией» (Burke, 1986, с. 132–67). Социальная жизнь флорентийской правящей элиты в XVII в. отражает их защищенность от вызовов со стороны конкурирующих элит и классов и их неспособность использовать структурные зазоры для получения выгод помимо тех, которые им позволяли уже существующие должности и фьефы.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ ПОЛИТИИ

Этот затянувшийся анализ воздействия элитных и классовых конфликтов на структуру флорентийской политики подготавливает объяснение источников и пределов экономического роста Флоренции. Благоприятные условия внешнего происхождения были необходимы для развития городской автономии, подъема новых элит и процветания главных отраслей предпринимательства (текстиль и банковское дело), расположенных в городе. Тем не менее эти условия наличествовали и в других европейских городах и там не вызвали схожего экономического развития. Более того, Флоренция наслаж-

далась теми же внешними условиями, которые помогли подъему отраслей предпринимательства, и во время их неудержимого упадка в XVI в. Флорентийцы в целом отказались от имевшихся возможностей получать выгоду с целерациональных экономических действий в XVI в., в пользу извлечения денег через должности и держание земли теми же способами, что использовали сельские аристократы, чей статус бывшие флорентийские купцы пытались имитировать.

Флорентийцы в XIII–XV вв. делали деньги в расщелинах феодальной Европы. Их бизнес-практики, из которых наиболее известно развитие двойной бухгалтерии (de Roover, 1963; Cohen, 1980), были образцом того, что Вебер называл «рациональная техника». Однако те возможности для целерационального экономического действия, которые практически отсутствовали в остальной Европе в эти столетия, возникали к услугам флорентийских банкиров и текстильных купцов лишь частично и эпизодически.

Флорентийские банкиры и купцы преуспевали больше и дольше, чем их коллеги в большинстве европейских странах благодаря благоприятным внешним условиям. Первым среди этих факторов был продолжительный политический пат, в котором пребывали крупные силы в Северной Италии, что дало флорентийцам свободу войти в деловые сношения с папами, королями, поставщиками шерсти и шелка и покупателями по всей Европе без необходимости отказываться от своей автономии и большей части выгоды в пользу одного короля или нескольких аристократов, которые правили большинством городов и которые быстро захватили господство в недолго остававшихся автономными городах Шампани и Германии, рассмотренных выше в этой главе.

Вторым «благоприятным» фактором была военная слабость Флоренции, которая удерживала ее купцов от попыток доминировать в Средиземном море на манер венецианских или генуэзских. Неспособность флорентийцев призвать к себе на помощь большую военную силу из собственного города или от какого-нибудь мощного союзника вынудила их обратиться к тому, что казалось менее выгодным — торговле шерстью и шелком, и вести свои дела, заискивая перед папством, которое другие итальянцы презирали, предпочитая более выгодные средиземноморские торговые маршруты, которые они заняли, пренебрегая внешней политикой пап. Области предпринимательства, которые достались флорентийцам в XIII в., в последующих столетиях проявили себя как более надежные, чем средиземноморская торговля, которую подорвало военное вторжение турок в XV в., и окончательно погубил подъем атлантической торговли

в XVI. Между тем шелк, шерсть и банковское дело процветали, хотя все больше за пределами флорентийского герцогства. Оставшаяся часть этой главы посвящена, во-первых, причинам упадка шерстяной и шелковой индустрии и банковского дела как специфически флорентийских областей предпринимательства, а во-вторых, — переводу флорентийского капитала и усилий в *monte*, должности и землю.

Подъем и упадок флорентийских шерстяной и шелковой индустрии

Шерстяная и шелковая индустрии были теми секторами экономики, в которых возможности для экономически ориентированного капитализма (Weber, 1978, с. 165), если не для целерационального экономического действия (с. 69–74), оказались наиболее значительными и долговременными. Флорентийцы использовали свою монополию, полученную политическим путем, на экспорт английской шерсти, чтобы привлечь квалифицированных французских и фламандских ткачей во Флоренцию и занять доминирующее положение на рынке товаров роскоши из шерсти в XIII в.. Однако невыплата английской короной долгов по займам Барди и Перуцци в 1342 г. и неудача, постигшая флорентийцев в попытках вытребовать английские королевские доходы и должности в качестве выплаты долга, привели к разрыву флорентийско-английского альянса. Английская корона перестала экспортировать во Флоренцию шерсть и, напротив, стала продавать ее повсюду, кроме Флоренции, чтобы получить деньги под новые займы, а потом даже начала ограничивать экспорт, стремясь стимулировать свою собственное текстильное производство (Fryde and Fryde, 1965, с. 461–463). Доступ флорентийцев к альтернативным источникам шерсти был ограничен подъемом турецкой державы в восточном Средиземноморье (Luzzato, 1961, с. 137–141). Флорентийское производство товаров из шерсти сократилось с 80 тысяч штук в 1330 г. (с. 106) до 25 тысяч штук в 1378 г. (Lopez and Miskimin, 1962, с. 419).

Как только они потеряли политически приобретенную монополию на английскую шерсть, флорентийские купцы попытались изменить правила работы цехов и снизить зарплаты, чтобы экономически конкурировать на рынке низкопробного текстиля, произведенного из более дешевой шерсти и хлопка, к которому они все еще имели доступ (Luzzato, 1961, с. 159–61; Mazzaoui, 1981, с. 70, 121–24). Члены «младших» цехов отреагировали на эту угрозу их доходам, войдя в союз с магнатами, чтобы поддержать водворение Вальтера Бриенского в 1342 г. (Brucker, 1962, с. 7). Как я уже показал выше, пат-

риции вернулись к власти на следующий год, уладив собственные разногласия и пойдя на кратковременные политические и долгосрочные экономические уступки членам «младших» цехов, чтобы добиться их поддержки в свержении Вальтера и его союзников-магнатов. Флорентийские торговцы шерстью были неспособны перейти с монополии товарами роскоши на конкурентное более дешевое производство, потому что их позиция во флорентийской политике (которая дала им привилегированный доступ к английской шерсти и вообще создала их предпринимательство) была под угрозой со стороны конкурирующих магнатов, чье поражение зависело от способности купцов и других патрициев покупать поддержку или, по крайней мере, нейтралитет цеховых масс⁴⁸.

Следя Веберу, можно сказать, что торговцы текстилем принесли в жертву (в виде альянса с «младшими» цехами) свое потенциальное экономическое преимущество (на рынке дешевого текстиля) ради политически ориентированного капитализма, в данном случае социального престижа и политической власти в муниципальном учреждении. Однако такое описание подразумевает, что у купцов был какой-то другой выбор, имей они не политическую, а экономическую ориентацию. А то, что торговцам текстилем была открыт некий иной путь — в высшей степени сомнительно. Даже если купцы политически подчинились бы Вальтеру и олигархам в обмен на поддержку режима их атак на привилегии гильдий, неясно, смог бы такой союз перевесить силу уличных бойцов оставшихся патрициев и цеховиков. Также неясно, приняли бы олигархи такой альянс. Выгоды для неторгующих олигархов и их режима от содействия более конкурентоспособной дешевой текстильной промышленно-

⁴⁸ Гильдии играли чрезвычайно важную роль в попытках патрициев отнять власть у аристократов в других итальянских городах и, следовательно, сохраняли контроль над производством в этих городах-государствах. Генуэзские, миланские и другие гильдии препятствовали сложению сельской и нецеховой текстильной мануфактуры в этих государствах до конца XVII или XVIII вв. (Belfani, 1993, с. 255–60). И снова Венеция является исключением. Так как объединенная элита, правившая в независимой Венецианской республике, смогла избежать фракционной борьбы, этой элите не было необходимости идти на уступки гильдиям взамен на политическую поддержку. В результате гильдии в Венеции были менее способны, чем в других городах, помешать снижению заработка или заблокировать установление сельской промышленности (Lane, 1973, с. 104–109, 312–321). Бельфани (Belfani, 1993) указывает на горные долины Брешии и Бергамо, находившиеся под властью Венеции с 1400-х гг., как основные центры итальянской сельской protoиндустрии (с. 260–264).

сти были умоглядные, тогда как угроза восстания цехов вполне реальной.

Приписать какую-либо ориентацию становится еще сложнее дальше, учитывая тот факт, что многие текстильные торговцы Калималы участвовали, если не своими инвестициями, то через семейные или брачные связи, во многих сферах предпринимательства (Goldthwaite, 1968, с. 236). Торговцы текстилем и их родственники инвестировали деньги, давая их банкирам и судостроителям, лавочникам, торгующим зерном и товарами широкого потребления, а также чиновникам и клирикам (Becker, 1959; 1967, с. 89–96; Abulafia, 1981).

Торговцы текстилем не могли порвать с другими патрициями, пожертвовав интересами банкиров, лавочников и чиновников ради выгоды с нового производства шерсти и хлопка, потому что торговцы сами и через свои семьи были банкирами, лавочниками и чиновниками⁴⁹. Торговцы Калималы во Флоренции середины XIV в. были встроены в систему расширенных семей, совместных предприятий и политических альянсов, которые серьезно ограничивали возможности политической или экономической действенности (*agency*), независимо от их целерациональности или психологической ориентации. Цепь счастливых случайностей поместила флорентийских торговцев текстилем в господствующее положение на европейском рынке предметов роскоши из шерсти. Когда другая цепь событий разрушила эту монополию, купцы остались зафиксированными в сети союзов и совместных предприятий, которые заставили их принести в жертву возможности в одной отрасли экономики для сохранения своих собственных интересов, интересов их семей и союзников в политическом управлении, которое гарантировало им большую сумму доходов во всех других отраслях.

Концентрация квалифицированных ткачей и других ремесленников во Флоренции и продолжающееся господство флорентийских банкиров в европейских торговых сетях благодаря их союзу

⁴⁹ Цейтлин и Рэтклиф (Zeitlin, Ratcliff, 1988) выявили схожий союз между землевладельцами и промышленными и финансовыми капиталистами в Чили 1960-х гг., союз, скованный и поддерживаемый браками между ключевыми семьями капиталистов, которые благодаря финансовым пирамидам, совместным предприятиям и взаимопересекающимся директорством в компаниях владели и держали под своим контролем большинство крупнейших банков, корпораций и поместий в стране. Цейтлин делает вывод, что «доминирующие аграрные и капиталистические элементы были внутренне связаны, если не сказать „спаяны“, таким сложным образом, что ни один из них не обладал автономией или различимой социальной идентичностью» (с. 181–82).

с папством позволили развиваться новому производству предметов роскоши, на этот раз из шелка, в конце XIV в. (Luzzato, 1961, с. 142). Флорентийцы доминировали на европейском рынке шелка следующие два столетия благодаря высокому качеству выделки и самого шелка, который они использовали (Mazzaoui, 1981, с. 132–33). Высокая рентабельность в этой торговле предметами роскоши позволяла (а спрос на качественные продукты со стороны богатых покупателей даже требовал), чтобы флорентийские торговцы шелком нанимали за хорошую плату квалифицированных цеховых работников. Флорентийские торговцы шелком разрешили проблему поставок, которая мучила их предшественников в торговле шерстью, поощряя землевладельцев по всей Италии увеличивать площади земель, отведенных под разведение тутовника и шелковичного червя (Aymard, 1982, с. 152)⁵⁰.

Как и шерстяная отрасль в XIV в., флорентийская шелковая отрасль экономики пришла в упадок за XVII в. по нескольким причинам⁵¹. Если с шерстью кризис начался со стороны поставок сырья, то шелк подкосило изменение спроса. Возможности аристократов покупать дорогие шелка исчерпались во время продолжительной депрессии, которой характеризовался кризис XVII в. Флорентийские торговцы не могли производить дешевые шелка в своих городах-государствах, потому что они по-прежнему были ограничены цеховыми уставами (Mazzaoui, 1981, с. 138–51; Cipolla, 1974; Sella, 1974). И снова слабое политическое положение купцов не дало им перевести свое понимание того, что нужно рынку, в эффективное целерациональное экономическое действие. Медичи настолько доминировали в по-

⁵⁰ Миланское шелковое производство также получало выгоду от распространения шелковицы в Ломбардии в XV и XVI вв. (Dowd, 1961, с. 155).

⁵¹ Картину абсолютного упадка итальянской шелковой промышленности, которую нарисовал Чиполла (Cipolla, 1952), оспорил Гудмен (Goodman, 1981), обнаруживший, что «выпуск продукции в XVII в. был относительно стабильным» (с. 423). Тем не менее стабильный выпуск продукции, особенно в эпоху падения цен, и является упадком. Образ стабильности, представленный Гудменом, противоречит его же подробному описанию того, как флорентийские компании по производству шелка не смогли собрать капитал, чтобы оплатить покупку шелка-сырца у тосканских ферм. В результате недавно произведенные в дворянство патриции, владельцы шелковичных поместий (вместе с банкирами и купцами, которые часто были одними и теми же людьми или из одной семьи) стали старшими партнерами в большинстве шелкопроизводящих фирм (Goodman, 1981, с. 424–435). Основная прибыль в индустрии шелка, относящегося к товарам роскоши, в XVII в. реализовывалась в момент культивации, а не производства или продажи, как это было в предшествующие столетия.

литике Флоренции, что они проигнорировали просьбы купцов о помощи; однако Медичи все еще боялись бунта цеховых масс и *popolo di Dio*, который мог вспыхнуть, если понизить зарплату рабочим в шелковом производстве (Litchfield, 1986, с. 233–44). Нецеховое производство шелка блокировалось государством Медичи даже в сельских областях, которые оно контролировало (Belfanti, 1993, с. 266–67)⁵².

Начиная с XVII в., рост европейской текстильной промышленности ограничивался низкокачественным производством шелков во Франции и шерстяных изделий в Англии и Голландии (Mazzei, 1979, с. 202)⁵³. Итальянские цеховики почти полностью, а итальянские сельские производители по большей части, были исключены из этих секторов текстильного производства. Однако некоторые итальянские банкиры и купцы активно финансировали и продавали продукцию иностранной протопромышленности. Структурные факторы, которые тормозили нецеховое производство в большинстве итальянских политий, не мешали итальянским инвесторам получать максимальные прибыли за границей⁵⁴.

⁵² Такая поддержка цехов одного правящего семейства, которая устраняла торговцев из политической власти, мешала изменениям трудовых правил в XVII в. в Милане и его ломбардском *contado* (Dowd, 1961). Бельфани (Belfanti, 1993) показывает, что цеха были достаточно важны для правящих элит в других итальянских городах (за исключением Венеции, о которой говорилось выше), чтобы блокировать сельскую мануфактуру. Места развития итальянской протоииндустрии были «анклавами институционального партикуляризма» (с. 259); то есть, микространствами с объединенными элитами под покровительством римских пап, или полуавтономными связями с другими, более крупными политическими образованиями. Часто гильдии были слабыми или отсутствовали в таких преобладающе сельских политических образованиях. Правители микро-государств имели достаточно поддержки от папства или королей, чтобы бросить выбор цехам, существующим в их политиях, а обещание налоговых доходов с новых сельских индустрий перевешивало любые потери городской торговли, которые существовали в этих периферийных местах.

⁵³ Конечно, эти индустрии затмило хлопковый текстиль Британии, первая индустрия массового производства в мировой истории, в конце XVIII в.

⁵⁴ И снова, флорентийские предприниматели прибегли к стратегиям, которые были более выгодны в долгосрочной перспективе, из-за того, что они были лишены доступа к наиболее прибыльным краткосрочным инвестициям. Флорентийцев XIII в. не пускали на самые доходные торговые маршруты, потому что их государство было относительно слабо в военном смысле, и им пришлось заняться торговлей шерстью и стать банкирами римских пап. Те из флорентийцев XVII в., которые не могли вложить весь свой капитал в политически выгодные предприятия или в старую торговлю шелком, остались с ликвидным капиталом на руках и свободой передвижения, и сделали выбор, второй по выгодности, инвестиро-

Итальянцы, в XVII в. принимавшие участие в иностранном текстильном производстве и торговле, отличались от своих предшественников по двум критически важным аспектам. Во-первых, эти итальянцы обычно не имели комплекса займов и инвестиций, который был у элиты Калимала прошлых столетий. Богатейшие флорентийцы, Медичи и их анноблированные союзники, размещали свои капиталы туда, где ожидалась наибольшая прибыль в землю, государственный долг, должности и производство предметов роскоши (Litchfield, 1986, с. 206–213)⁵⁵. Флорентийцы, инвестировавшие в иностранное текстильное производство, были теми самыми, которых исключили из наиболее доходных флорентийских инвестиций из-за их относительно недостаточной политической власти. Вытеснение из внутреннего инвестирования помогло флорентийским предпринимателям за границей произвести второе критическое изменение XVII в. Чем сильнее становились национальные государства, тем большие ограничения они накладывали на иностранцев. Некоторые флорентийцы, такие, как жившие в Кракове, в ответ «брали в жены дочерей местных бюргеров, получали гражданство и даже общественные посты» (Mazzei, 1979, с. 205). Флорентийские текстильные торговцы ориентировались на прибыль; однако они смогли перейти на целерациональное экономическое действие только вне своего города-государства и часто получали французское, испанское, неаполитанское или польское подданство (Litchfield, 1986, с. 41; см. также Luzzato, 1961, с. 161).

Папские и королевские финансы: от ведения банковских дел до получения должностей

Флорентийские банкиры были новаторами в рациональной экономической технике. Когда флорентийцев прогнали с наиболее доходных средиземноморских торговых маршрутов из-за слабости их военного положения, они обратились к менее доходной торговле шерстью и построили беспрецедентную сеть филиалов по всей Европе. Эта сеть дала флорентийцам технические средства, необходимые для того, чтобы стать папскими банкирами, а их неспособность сражаться за гегемонию в Средиземноморье ликвидировала основной

вать в протоиндустрию, которая тогда обгоняла старые текстильные индустрии по своим масштабам и прибыльности.

⁵⁵ Я рассматриваю причины такой концентрации богатства и разных типов инвестиций у флорентийцев XVII в. ниже.

источник потенциального геополитического конфликта с папством. Флорентийцы развили массу техник для облегчения торговли и перевода денег через свою систему филиалов (deRoover, 1963, с. 77–107; Goldthwaite, 1980, с. 47). Это был их великий вклад в создание рациональных техник капиталовложений и денежного обмена⁵⁶.

Но следует помнить, что флорентийцы стали новаторами поневоле. Они занялись папскими финансами и обменом денег на континенте как второсортным делом, потому что их вытеснили с более выгодных дальних торговых маршрутов, на которых господствовали венецианцы и генуэзцы. Флорентийские банкиры XIII–XIV вв. получили огромную непредвиденную прибыль с изначально маленьких капиталовложений, однако они также рисковали внезапно обанкротиться в том случае, когда папы и монархи, которые даровали им банковские концессии, решали передать ведение своих дел другим, новым союзникам, или когда правительства, которым банкиры давали займы, сами становились банкротами.

В пору своего расцвета, в полвека, предшествующие 1340 г., банковское дело для папы и для английского и сицилийского монархов было самым прибыльным предприятием во Флоренции и, возможно, в Европе. В то время как у торговцев шерстью средний доход с капитала составлял 12% в 1330-х гг., а банковские вкладчики получали от 6 до 10% прибыли⁵⁷, доход с займов иностранцам и услуг по обмену денег, оказываемых папе и монархам, доходил до 33%. Инвесторы в банках Перуцци, Барди и Альберти получали прибыль от 15 до 20% ежегодно, начиная с 1300 г. и до разорения этих банков в 1330–1340-х гг. (Renouard, 1949, с. 141–42).

Барди и Перуцци имели многочисленных партнеров и пытались привлечь еще больше вкладчиков, чтобы собрать огромный капитал, который требовался английскому и сицилийскому монархам. В 1318 г. по бухгалтерским книгам у Барди числилось 875 638 флоринов капитала и вкладов. Почти все эти средства, как и фонды банка Перуцци, предназначались для займа королям Англии и Сицилии (Renouard, 1949, с. 124). Партнеры банка получали экстраординарную выручку со своих вкладов, потому что они использовали заемный капитал из собственных фондов вместе с деньгами вкладчиков. И наоборот, когда английская корона отказалась платить по долгам, парт-

⁵⁶ Я буду рассматривать другой вклад итальянцев в технику рациональной экономики – изобретение рыночных правительственных облигаций, когда перейду к *monte* в следующем разделе.

⁵⁷ С флорентийских кредитодателей собирали от 7 до 15% с внутренних займов.

неры банков практически мгновенно разорились. В 1335 г. при ликвидации банка инвесторы у Перуцци получили только 15,5% от своего капитала (Renouard, 1949, с. 144). Более значительный дефолт английской короны в 1342 г. сокрушил банк Барди. Из-за английского короля Барди потеряли по крайней мере 594 176 флоринов на займах и невыплаченных процентах (Cipolla, 1982, с. 6), списав все капиталы своих партнеров и большую часть денег на депозитных счетах и вызвав цепь банкротств среди этих предпринимателей, равно как и среди многочисленных торговцев текстилем, которые больше не могли покупать английскую шерсть у банкиров в кредит. Даже правительство коммуны было вынуждено частично отложить платежи по своим долгам в 1345 г. из-за нехватки налоговых поступлений, вызванной волной банкротств (Cipolla, 1982, с. 7–12).

Флорентийское банковское дело возродилось в XV в., когда семейство Медичи добилось влияния, а потом и контроля над папством. Организационно банк Медичи был еще более политической организацией и еще менее деловым предприятием, чем у их предшественников, Барди и Перуцци. Медичи практически не имели партнеров или вкладчиков и практически весь ограниченный капитал своего банка поставляли сами. В 1420 г. капитал банка был равен всего лишь 27 570 флоринам (de Roover, 1963, с. 50). Из 72 000 флоринов капитала 1451 г. «54 000 флоринов принадлежали самим Медичи» (Goldthwaite, 1987, с. 16).

Контроль, как и владение контрольным пакетом, поддерживались одной семейной линией отцов и сыновей, начавшейся с Джованни ди Биччи в 1397 г. и продолжившейся при его сыне Козимо ди Медичи, его внуке Пьеро и его правнуке Лоренцо. (Через два года после смерти Лоренцо в 1492 г., при сыне Лоренцо Пьеро, банк закрылся, когда Медичи были изгнаны из Флоренции.) К работе банка было привлечено несколько двоюродных братьев либо в качестве инвесторов, либо в качестве наемных работников (Goldthwaite, 1987, с. 7–13).

Банк Медичи едва ли мог процветать больше, чем собственные фонды патриарха семьи в качестве капитала, потому что доходы фирмы приходили в основном от контроля над папскими финансами, а не от кредиторов. Де Ровер (1963) дает данные по капиталу и прибыльности банка Медичи с 1397 по 1451 г. Эти данные суммированы в *таблице 3.4*.

В первые четыре десятилетия банка Медичи (1397–1435 гг.) от 55 до 65% прибыли шло от римского филиала. Прибыльность инвестиций в этот филиал сначала приближались, а потом и превысила 100% в год. Доходы со всех других филиалов банка в совокупности до-

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ ПОЛИТИИ

таблица 3.4. Доходы банка Медичи и папство, 1397–1494 гг.

Прибыль	Годы		
	1397–1420	1420–1435	1435–1451
%прибыли со всего банковского капитала	31	44	37
%прибыли с римского филиала	86	110	—
%прибыли со всех других филиалов	17	20	—
Средняя ежегодная прибыль с римского филиала (во флоринах)	3443	7800	5532
% прибыли римского филиала от суммарной прибыли Медичи	55	65	34

источник: Все подсчеты сделаны на основании данных de Roover, 1963.

примечание: Медичи и их партнеры периодически проводили рекапитализацию, и подсчет прибыли с капитала основывается на стартовом капитале в каждый такой период. Так, за 1397–1420 гг. все считается по отношению к капитализации 1402 г. в 20 000 флоринов, из которых 4000 были инвестированы в римский филиал. В 1420 г. рекапитализация банка составила 27 570 флоринов, из которых 7000 были инвестированы в римский филиал: эти цифры использовались при подсчете доходов за 1420–1435 гг. В 1441 г. банк снова рекапитализировался с 44 000 флоринов. Римский банк больше не имел никакого капитала, и доход с римского филиала за последний период привести невозможно. Процент прибыли с римского филиала подсчитан, только исходя из прибыли Медичи с банковского дела, сумма которой дана у de Roover.

стигали от 17 до 20%. Даже эти доходы выглядят предпочтительнее по сравнению с 14%, которые считались обычной «коммерческой процентной ставкой в XV в.» (de Roover, 1963, с. 121) или с 12% прибыли Медичи с капитала, вложенного в производство шерсти и шелка в 1435–1451 гг.⁵⁸

⁵⁸ Доходность шерсти и шелка была подсчитана де Ровером (De Roover, 1963, с. 61, 69). Де Ровер (1963) для инвестиций в два корабля, груженные шерстью и один шелком, в 1441 г. указывает 14 981 флорин, исключая нематериальные активы, а доходы с этих предприятий за шестнадцать лет, с 1435 по 1451 гг., исчисляет в 29 498 флоринов. Я подсчитывал доходность, усредняя суммарные прибыли за шестнадцать лет и деля их на капиталовложения 1441 г.

Экстраординарные доходы Медичи с римского филиала были в гораздо большей степени политическими, чем внезапные прибыли Барди и Перуцци перед самым их падением. В отличие от ранних флорентийских финансистов, Медичи не рисковали большим капиталом, чтобы получить гигантскую прибыль, когда вели финансовые дела своих папских союзников. Также Медичи не заводили и не поддерживали крупный корпус банковских служащих, чтобы заниматься финансами пап. В 1402 г. банк Медичи имел в штате 17 человек, чья суммарная зарплата составляла 1053 флорина в этом году, или 17% среднегодовой прибыли за 1397–1420 гг. (de Roover, 1963, с. 44). В 1460 г. банк Медичи нанимал 57 служащих, и только 6 из них работали в римской курии (с. 95).⁵⁹

Дела Медичи с папством поддерживали остальную часть банка в организационном смысле, равно как и финансовом. В первой половине XV в. Медичи устроили филиалы в десяти городах (начав с трех), используя корреспондентов, которые ведали папскими финансами от имени банка, для инвестиций папских доходов в займы монархам и предприятиям в главных городах Западной Европы (de Roover, 1963, с. 53–76).

Банк Медичи прекратил свою деятельность в 1494 г., когда семейство изгнали из Флоренции. Однако некоторые филиалы были закрыты за три десятилетия до этого, потому что стали неприбыльными, и в последнее десятилетие своего существования банк в целом терял деньги. Де Ровер (1963, с. 358–75) объясняет упадок банка Медичи совокупностью причин: 1) некомпетентность и невнимательность тех Медичи, которые сменили Козимо на посту главы банка после его смерти в 1464 г. и 2) снижение прибыли в результате общего экономического спада в конце XV в., который затронул большинство итальянских банков, особенно флорентийский банк Пацци, крах которого, в свою очередь, вызвал заговор Пацци в 1478 г.⁶⁰

Ни одна из приведенных у де Ровера причин не может объяснить утраты главной опоры Медичи, папских концессий, которые одни

⁵⁹ Лопес и Мискимин (Lopez, Miskimin, 1962, с. 424) указывают число в 60 служащих у Медичи в 1469 г., сравнимое с 86 служащими в 1336 г. у Перуцци или 55 у Аччяволи в 1341 г.

⁶⁰ Финансирование папства стало особенно малоприбыльным в XV и XVI вв., когда доходы с церковной десятины все больше и больше стали присваиваться национальными церквями и монархами, а не папами и их прямыми назначенцами. Я рассматриваю «национализацию» церквей в четвертой главе. Пока нам важно заметить, что когда папы теряли контроль над десятиной, папские банкиры теряли прибыли от сбора десятины от имени папства.

могли обеспечить прибыльность банку даже при всех прочих неблагоприятных условиях конца XV в. Медичи потеряли покровительство пап, и активы римского филиала были конфискованы в 1478 г., когда папа Сикст IV обратился против Медичи и их флорентийского правительства. Медичи постепенно восстановили некоторые из средств римского филиала; однако он никогда не стал снова доходным (Hale, 1977, с. 66–72; de Roover, 1963, с. 221)⁶¹. Богатство Медичи, шедшее не из Флоренции, происходило из покровительства пап. Лишение покровительства обрекло банк Медичи на гибель.

Однако Медичи восстановили свои финансовые связи с Римом с избранием кардинала Джованни де Медичи папой под именем Лев X в 1513 г.⁶² Во время его понтификата Медичи действовали во многом через своего родственника и союзника Филиппо Строцци, который служил главным инвестором папы и флорентийской Синьории. Строцци использовал свой контроль над основными финансовыми постами во Флоренции и Риме, чтобы стать самым богатым человеком в Италии. Он сколотил состояние, собирая проценты комиссии со всех папских финансовых транзакций и заключая побочные сделки на военные и гражданские поставки для папы и флорентийцев (Bullard, 1980, с. 103–18).

Медичи вслед за возвращением к власти в 1530-х гг., использовали свой контроль над Флоренцией для создания фондов, чтобы субсидировать папские военные расходы. Строцци как казначей и Флорен-

⁶¹ Такая же судьба постигла и прибыльный квасцовый бизнес Медичи. «Квасцы были третьим после соли и серебра наиболее ценным продуктом этого времени. Их использовали в стеклянной и кожаной промышленности и, что более важно, они были необходимы для текстильного производства, чтобы чистить шерсть и фиксировать краску на тканях. При этом их всегда не хватало. Единственный значительный источник в Европе находился на папской территории... и с 1466 г. банк Медичи контролировал добычу и продажу квасцов по папским концессиям» (Hale, 1977, с. 65). Медичи продавали квасцы по всей Западной Европе, используя свою банковскую и текстильную сеть. Они и папство пытались повысить свои доходы, вытеснив квасцы, добываемые в турецких месторождениях и маленьких шахтах католических земель с рынка. Однако Медичи резко утратили концессию от пап в 1476 г., когда Сикст IV передал ее Пацци, а позже нефлорентийцам (de Roover, 1963, с. 152–64; Goldthwaite, 1987, с. 28). Нет никаких свидетельств того, что Медичи были заинтересованы в расширении объемов производства на папских месторождениях квасцов или увеличении эффективности процесса их добычи.

⁶² Лев X умер в 1521 г., и после краткого понтификата Адриана VI Медичи вернули себе власть в Риме при правлении Джованни ди Биччи де Медичи в 1523–1534 гг. под именем Климента VII.

ции и папства облегчал перевод этих фондов. Таким образом за XVI в. связь Медичи с Римом стала скорее тяжелой ношей, чем преимуществом для флорентийской экономики и платежного баланса (Bullard, 1980, с. 151–178).

Карьера Строцци иллюстрирует, насколько банкиры в получении выгоды зависели от политического покровительства, больше, чем от своей способности мобилизовать средства. Строцци самую большую часть своего капитала получил как посредник между двумя политическими силами. Когда патроны Медичи на время теряли контроль над папством, именно его инвестиции, а не самих Медичи, оказывались под угрозой. Но вместо того, чтобы учредить заново собственный банк в XVI в., Медичи, используя Строцци как доверенное лицо, по-прежнему могли получать финансовые выгоды с политической силой, не ставя собственный капитал в зависимость от превратностей итальянской политики. И поэтому именно Строцци, а не Медичи, потерял и состояние, и саму жизнь во время холодной войны между Флоренцией и папством при Павле III.

После падения Строцци международное и связанная с папой банковская деятельность никогда больше не была для флорентийцев источником большого дохода. Папы в последующие десятилетия и столетия раздавали финансовые концессии банкирам в разных городах, пытаясь завязать связи со всеми итальянскими фракциями и тем самым добиться доли автономии для церкви (Goldthwaite, 1968, с. 238; Luzzato, 1961, с. 144)⁶³.

Генуя была единственным итальянским городом-государством, которое стало доминирующим банковским центром; ее расцвет продолжался с 1557 по 1627 г. Успех генуэзцев, как и флорентийцев до них, зависел от двух условий: во-первых, сети филиалов в ключевых местах Испании и Нидерландов (которые были учреждены генуэзцами для того, чтобы использовать торговые возможности в тех ме-

⁶³ Венецианские банкиры ограничивались в основном приемом на хранение монет от купцов и затем «производили выплаты от имени [своих] клиентов» дома и за границей. Такие «гиробанки» редко давали займы. Деятельность этих банков тщательно регулировалась венецианским государством и в 1587 г. их сменил единый, принадлежащий ему банк. И частные и государственные банки использовались Венецией, чтобы финансировать войны, давая инфляционные банковские кредиты. Банковское дело не стало источником личного обогащения в Венеции (Lane, 1973, с. 147, 327–331 и далее). Генуэзские банки расцвели и угасли вместе с торговыми фирмами, которым они давали займы почти весь свой капитал. «Ни Рим, ни Генуя не стали лидерами в банковском деле в эти два [XII и XIII] столетия» (Lopez, 1979, с. 10 и далее).

стах Европы, куда они получили доступ), а во-вторых, политический альянс (в случае Генуи — с правительством Кастилии, которому нужно было конвертировать американское серебро в золото, для того, чтобы платить своим войскам в Нидерландах). Генуэзские банкиры процветали, пока эти условия превалировали, хотя они и были вынуждены делиться прибылью с другими итальянскими банкирами, которые имели доступ к золотым монетам и соглашались обменять их на серебро. Как только Испания потеряла контроль над Нидерландами, Генуя канула в Лету в качестве банковского центра, и Амстердам (как я покажу в четвертой главе) стал на время новым центром европейских финансов (Braudel, 1972, с. 500–508; Bergier, 1979)⁶⁴.

Банковская деятельность в Европе в XIII–XVIII вв. состояла в основном из выдачи кредитов и займов правителям и папам, и обслуживании их финансовой администрации. Для этого политическое влияние значило гораздо больше, чем технические навыки и даже доступность капитала. В самом деле, банкиров без политического влияния, какими были флорентийцы в конце XVI–XVII вв., вытеснили банкиры, которым оказывалось политическое покровительство, как генуэзцам при испанском дворе. Флорентийцы, безусловно, были новаторами в учреждении системы филиалов, которая облегчала трансфер денег по всей Европе, и изначально именно благодаря этим достижениям они добились благоприятного положения в отношении папства и английских королей. Однако другие итальянцы, а затем и банкиры из прочих европейских стран, копировали флорентийские техники и усовершенствовали их.

Флорентийские банкиры никогда не были ориентированы строго политически или экономически. Напротив, они прибегали к той стратегии, которая обещала им наибольшую прибыль с вложенного капитала. К 1530 г., флорентийцы оказались лишены возможностей получать баснословные барыши, финансируя иностранные правительства. Некоторые флорентийцы продолжали участвовать в коммерческих банковских операциях, но все более растущее их число вкладывали деньги дома, в *monte* (доли долга города-государства), должности и феодальные поместья.

⁶⁴ В Генуе установилась стабильная олигархическая республика в 1528 г., что означало, что банкиры, которые обогатились после 1557 г., были частью правящей элиты. Генуэзских политиков не тревожили фракционные раздоры, и они не пытались «опускаться» в десятилетия банковского обогащения или в тот период, когда генуэзцев вытеснили голландские банкиры (Martines, 1979, с. 66–72, 94–102, 130–132).

Феодализация капитала: monte, должность, земля

Флорентийцы были загнаны в тупик в своих попытках осуществлять коммерческую экспансию дома, ограниченностью рынка предметов роскоши из текстиля и уставами гильдий, препятствовавшими дешевому массовому производству. Затянувшийся упадок влияния флорентийцев на пап и королей (а также пап на королей и национальные церкви), упадок, отмеченный банкротствами и конфликтами между флорентийскими финансистами и правителями, которым они предоставляли кредиты, ограничивал возможность получать прибыль за границами города-государства. Тем не менее, хотя возможности для международного предпринимательства как в экономической, так и в политической сфере оказались прикрыты, стабилизация положения Флоренции в европейской геополитике и окончание политического кризиса дало патрициям новые возможности: получать доходы в собственном городе-государстве. Соответствующие инвестиции в основном были пассивными. Их владельцы получали прибыль с *monte*, должностей и земли благодаря индивидуальной и коллективной политической силе в той же степени, как и благодаря своим капиталовложениям.

Моделью для флорентийского *monte* послужила венецианская *Monte Vecchio*, которая, будучи учреждена в 1262 г., стала первым задокументированным примером рыночного государственного долга в европейской истории (Lane, 1973, с. 150). *Monte* Венеции и Флоренции и других итальянских городов-государств стали существенным вкладом в развитие целерациональной экономической техники и предшественниками разработанных позже голландцами и англичанами рыночных государственных облигаций. С момента учреждения в 1343 г. и до включения самой Флоренции в состав Габсбургской империи в 1737 г., держатели долга *monte* имели право продавать свою долю. Так как государство никогда не пыталось выкупить основную долю, вкладчики в *monte* могли вернуть свои деньги только через рынок. Ценность доли *monte* варьировалась в зависимости от того, насколько текущее правительство было способно выплачивать постоянно растущие проценты.

Держателей государственного долга можно поделить на два класса. Привилегированная клика, состоявшая из главных представителей партии, в данный момент контролировавшей коммуны, а с 1513 г. Медичи и их союзники, имела возможность финансировать военные и другие правительственные расходы в обмен на долю *monte*, чья номинальная стоимость в несколько раз превышала сумму, кото-

рую они изначально заплатили (Mohlo, 1971, с. 136–137, 180–212). Таким образом, вкладчики получали от 20 до 40% прибыли, и «затраты на кредиты, судя по всему, весьма быстро можно было погасить доходами, получаемых с принудительных налогов. Более того, так как этих же самых банкиров выбирали на должности в комитет, распорядившийся общественными фондами, их кредиты оказывались полностью застрахованными от рисков» (Goldthwaite, 1987, с. 27). Эти политически привилегированные элиты из вкладчиков *monte* были образцом веберовских политически ориентированных капиталистов, которые получали огромные доходы с чрезвычайных операций с политическими организациями: «Возможности вложиться в текущую задолженность... были временными и спорадическими... Коротко говоря, правительство особенно не вмешивалось в стратегии банков [или богатых вкладчиков] по увеличению прибыли, однако полезные ему банкиры получали время от времени возможность вложиться в государственный долг» (Goldthwaite, 1987, с. 27).

Вторая, более многочисленная группа вкладчиков в *monte* состояла из политически более слабых граждан, которые становились держателями облигаций благодаря своей обязанности платить периодически *prestanza* (принудительный заем) вместо налога на имущество (*estimo*). Когда долг *monte* вырос с 500 000 флоринов в 1345 г. до 8 миллионов флоринов в 1450 г., доли *monte* стали основными средствами к существованию многих флорентийцев. К 1380 г. 5000 флорентийцев, или $\frac{1}{12}$ всего взрослого населения, вкладывались в *monte*. Доли *monte* использовались как приданное, тем самым связывая воспроизводство имущего класса с геополитической удачей города-государства (Becker, 1968a, с. 152–59).

В те годы XIV в., когда государство было платежеспособно, доли *monte*, приобретенные через *prestanza*, давали от 10 до 15%, в то время как коммерческие предприятия приносили доход в среднем 8–10%, а земля 5–7% прибыли в год (Mohlo, 1971, с. 65; Jones, 1966, с. 413–429). Более высокая прибыль с *monte* компенсировалась большими рисками и периодической задержкой выплаты процентов (Mohlo, 1971, с. 66–73).

Обширный рост *monte* отражал неспособность флорентийского города-государства уравновесить чрезвычайные военные расходы обычными доходами или даже оплатить военные долги прибылью бюджета в мирное время. Постоянные вызванные войной долги были характерной чертой почти всех городов-государств Италии и, в действительности, практически всех государств Средневековья и последующей эпохи. Однако примечательна эта возрастающая го-

товность почти всех флорентийских плательщиков *prestanza* удерживать доли, которые они получили в обмен на принудительные займы, а богатых флорентийцев — добровольно вкладываться в *monte*, используя его как приданное.

Три главных фактора повлияли на переход богатства в пассивные инвестиции, такие как *monte*, должности и земля. Во-первых, это сокращающаяся прибыль и растущий риск инвестиций в текстильное производство и банковское дело. Как отмечалось выше, флорентийцы сталкивались с растущими ограничениями в перспективах получения доходов с производства в пределах своего города-государства и с банковских операций за границей. Вторым фактором была политическая стабилизация во Флоренции при олигархии и позже, когда Медичи расширили возможности для своих политических сторонников получать барыши от спекуляции долями *monte*, что повысило доход правящей элиты с должностей.

Третьим фактором, который повлиял на привлекательность долга *monte*, была относительно осторожная внешняя политика Медичи. Они признали, особенно после своего возвращения к власти в 1530 г., ограниченную роль своего города-государства в европейской геополитике и придали устойчивость отношениям своего правительства с папством и европейскими державами, что позволило сократить военные расходы (Spini, 1979; Diaz, 1978, с. 96–97). В результате платы по *monte* стали более надежными (Goldthwaite, 1987, с. 24), а государственный долг, вместе с землей, сделался наиболее благоприятным объектом инвестиций для богатых граждан (Litchfield, 1986, с. 203–32). Сокращение воинственности флорентийцев и, следовательно, чрезвычайных военных расходов, получили отражение и в уровне государственного долга. Долг *monte*, который вырос с 500 000 флоринов в 1345 г. до 8 миллионов флоринов в 1450 г., в дальнейшем поднимался гораздо медленнее, до 14 миллионов скуди, что равняется 13 миллионам флоринов, в 1737 г., когда Флоренция была включена в состав Габсбургской империи (Litchfield, 1986, с. XIII, 103)⁶⁵.

⁶⁵ Венецианские *montes* были установлены в 1262 г., чтобы покрыть военные расходы. Во времена войн, и особенно тех, которые она проигрывала, Венеция часто была неспособна выплачивать проценты по долгу, и цены за доли *monte* стремительно падали. Номинальная стоимость долей *monte* упала с 92% в 1375 г. до 18% в 1381 г., когда выплаты по процентам были заморожены вследствие поражения Венеции в войне Кюджа. Многие богатые семейства были вынуждены продать свои доли и земли, чтобы покрыть расходы, что вызвало крах земельной стоимости и разорение многих членов венецианской элиты.

Финансовая катастрофа 1381 г. послужила уроком выжившим богатым семей-

Monte стал институциональным воплощением патрицианского правления во флорентийском городе-государстве. Процентное начисление на *monte* финансировалось из налогов с *contado* и с городских потребителей (Litchfield, 1986, с. 99–100). Проценты *monte* обычно не финансировались с новых долей *monte*. *Monte* не был финансовой пирамидой. Уровень коммунального долга повышался периодическими скачками с тем, чтобы покрывать чрезвычайные военные расходы (Becker, 1968a, с. 151–200; Mohlo, 1971). *Monte* был целесообразной, все более регулярной экономической инвестицией благодаря политической стабильности правления патрициев и Медичи в XV–XVII в.

Прибыли с должностей, как и прибыли с *monte*, стали более надежными и предсказуемыми после того, как Медичи установили свою власть над Флоренцией. В XIV и более ранних столетиях победители во фракционной борьбе использовали свой контроль над флорентийским правительством, чтобы обогатить себя и своих сторонников. Доходы с должностей были непредвиденной прибылью, ее нельзя было предсказать или упорядочить на долгое время.

Многие должности стали де-факто продаваемыми в правление Медичи. Чиновникам позволялось назначать себе преемников.

ствам Венеции, и новым членам в тесно сплоченную экономическую и политическую элиту города. Те 130–150 семей, которые доминировали в Большом Совете и высших органах правительства и которые составляли основное ядро налогоплательщиков с наиболее высоко оцененным состоянием, и, следовательно, были вынуждены скупать облигации (Lane, 1973, с. 95–98, 151–152) удвоили свои усилия, чтобы повысить налог на потребление, взимаемый с городских потребителей и материковых территорий под венецианским контролем, и сократить военные расходы путем ведения менее агрессивной внешней политики. Эти усилия увенчались лишь частичным успехом в XV в., когда Венеция по-прежнему сталкивалась с военными угрозами со стороны. Тем не менее, когда в XVI в. она стала относительно безопасной региональной державой, *monte* стало ежегодной рентой для пайщиков-аристократов (Lane, 1973, с. 65, 150, 184–185, 196–197, 238, 325–326, 402, 425–427 — обзор *monte*).

Стремление венецианской аристократии сохранить свой доход с *monte*, даже ценой возможного (хотя маловероятного) иностранного завоевания параллельно тому, как флорентийские патриции переводили капитал из активного в пассивные инвестиции. Для венецианской аристократии контроль над своей политикой и предотвращение политической деградации было менее проблематично, чем для постоянно меняющихся элит Флоренции, однако флорентийцам было легче минимализировать военные расходы, чем венецианцам. В конце концов и военная, и политическая стабильность была необходима для того, чтобы превратить *montes* в стабильный источник доходов для богатых бездельников и в Венеции, и во Флоренции.

Так как государство не собирало плату за это право, сами чиновники наживались на продаже постов, которые они занимали, своим преемниками. Медичи вознаградили своих сторонников, создавая прибыльные должности, которые их союзники потом могли оставить себе или продать для мобилизации капитала (Litchfield, 1986, с. 177–181). Герцогство повышало важность и цену должностей, позволяя чиновникам ужесточать правила и собирать деньги в дополнение к своей официальной зарплате. Как обсуждалось выше, доходы с высших постов, занимаемых союзниками Медичи, поднялись с 240 до 1260% с 1551 по 1736 г. (с. 194, 358–361).

Держание должностей оставалось политической формой извлечения прибыли, при которой доходы массы налогоплательщиков, потребителей и крестьян переводились в руки правящей элиты Флоренции, а новые должности были непредвиденной прибылью для политических сторонников Медичи⁶⁶. Для покупателей и наследников должностей государственные посты были экономически целесообразным вложением со стабильным возвращением капитала и гарантией того, что владение должностью будет желанно наследнику или продано. Повышения доходов с должностей обеспечивали по политическим причинам сами Медичи, и это можно считать непредвиденной прибылью в том же смысле, что и изначальное пожалование должности.

Земля стала более предпочтительным вложением капитала для флорентийских патрициев и для элит других городов-государств, особенно венецианцев (Woolf, 1968) в XVI–XVII вв. Личфилд (1986) подсчитал, что стоимость сельскохозяйственной земли в руках флорентийских горожан в 1534–1695 гг. поднялась на 165% и после этого стабилизировалась (с. 219). Землевладения флорентийцев в *contado* и за его пределами все больше концентрировались в руках немногих богатых семейств за счет менее богатых, которые были вынуждены из-за падения доходов и роста стоимости жилья и расходов на при-

⁶⁶ В Венеции XVI в. «более чем 200 000 дукатов, ежегодно уходивших на зарплату 700–1000 [из 2500–3000 в целом] дворянам, были значительным вкладом налогоплательщиков в доходы этого класса». Неблагородные «граждане-по-рождению», которых в 1575 г. было около 4000 взрослых мужчин, занимали государственные посты ниже уровнем, и им платилось от 50 до 200 дукатов в год, в отличие от 100–500 дукатов, которые получали на постах для благородных (зарплаты были еще выше у более важных чиновников). На самом вершине чиновных зарплаток были «либо сбор штрафов, либо взятки» и более теневые источники нелегальных доходов с должностей (Lane, 1973, с. 324 и далее; см. также Mousnier, 1970, с. 390–99).

данное продавать свои маленькие держания самым богатым патрициям (с. 215–232).

Флорентийские и прочие итальянские предприниматели покупали землю по совокупности политических, социальных и экономических причин. Флорентийские патриции покупали фьефы, недавно созданные герцогами Медичи; богатые простолюдины со всей Италии были покупателями еще более многочисленных анноблирующих поместий, созданных в герцогстве Милан, королевстве Неаполь и множестве других мелких политических образований (Litchfield, 1986, с. 35–36). Подобные титулы наделяли социальным престижем после покупки и гарантировали некоторые политические привилегии в реаристократизированных городах-государствах Италии.

Цены на зерно в Италии утроились с 1500 г., и стабилизировались в 1620-х гг. (Abel, 1980, с. 304–5), пришпорив стоимость земли и ренты, которая достигла пика через несколько декад по всей Европе (Abel, 1980, с. 128–130, 147–153, 161–164; Litchfield, 1986, с. 225). Земля, следовательно, казалась хорошим капиталовложением для всех покупателей в XVI – начале XVII в., и относительно выгодной покупкой для богатейших семейств, которые все еще сохранили свои активы для инвестиций в последующие десятилетия.

Когда они сами и их союзники-патриции начали покупать землю в *contado* (Diaz, 1978, с. 101–2), герцоги Медичи поменяли государственную налоговую политику Флоренции, чтобы благоприятствовать землевладельцам за счет городских потребителей. Начиная с XIV в., Флоренция эксплуатировала захваченные территории путем взимания тяжелых налогов на землю с дворян и духовенства (Epstein, 1991; Becker, 1966). К началу 1400-х гг. сельская область давала половину обычных доходов Флоренции (Becker, 1968b, с. 130)⁶⁷. В 1534 г., однако, Флоренция заморозила суммы налогообложения с земли; они не пересматривались до 1830-х гг. Высокая инфляция в XVI в. снизила бремя земельного налога в *contado* до номинального уровня (Litchfield, 1986, с. 215–216). В 1550 г. прямые налоговые поступления с территорий за пределами самой Флоренции упали до 20% от ежегодного дохода правительства. Они поднялись до 27% обычных доходов в 1730-х гг. благодаря росту налогов с захваченных городов, таких как Пиза и Пи-

⁶⁷ Моло (Mohlo, 1971, гл. 1) утверждает, что высокие налоги и цены на товары массового спроса обескровливали *contado*, замедляя оживление после «черной смерти» 1348 г. Браун (Brown, 1982) возражает, что Флоренция не эксплуатировала *contado*, тем не менее ее данные и описание налоговой политики подтверждает находки Бекера и Моло.

стойа; поземельные налоги с *contado* продолжали уменьшаться. Потерянные доходы компенсировались косвенными налогами, которые взимались с массы городских и сельских потребителей (Litchfield, 1986, с. 99–100).

Политика правительства в отношении продовольствия оставалась относительно постоянной с середины XIV в. и до конца правления герцогов Медичи в 1737 г. На протяжении этих столетий коммунальное и герцогское правительства накладывали ценовые ограничения на сельскохозяйственные товары и заставляли территории продавать продукты во Флоренцию, часто по цене ниже рыночной (Herlihy, 1967, с. 156–60; Litchfield, 1986, с. 244–261). Несмотря на подобный контроль, цены на продовольственные товары в Тоскане, как и повсюду в Европе, повышались в 1570–1650-е гг. (Litchfield, 1986, с. 247; Abel, 1980, с. 117, 150, 158).

Переход земли от сельских дворян к флорентийским торговцам, а затем концентрация аграрных держаний в руках богатейших патрициев, ставших нобилиями, мало повлиял на организацию сельскохозяйственного производства. Точно так же и рост стоимости земли и десятилетия высоких цен на товары широкого потребления в конце XVI – начале XVII в. не вызвали каких-либо многочисленных технологических инноваций или капиталовложений в сельское хозяйство. Историки, изучающие флорентийское *contado* и сельскую Италию в целом, единогласны в том, что картина сельской жизни мало менялась на протяжении позднего Средневековья и Ренессанса⁶⁸.

Контроль над землей и титулом сеньора в IX–XVI вв. переходил из рук в руки из числа представителей элиты быстро и часто. В то же время отношения между феодалами и крестьянами, хотя изменились в некотором отношении, оставались в рамках одной феодальной структуры. Достаточно вспомнить, что в IX–XIV вв. монархи, папы, дворяне и духовенство жаловали в лен свои поместья, чтобы набрать союзников и вознаградить их. С XI по XIII в., когда землевладение и региональная политическая власть перешли в руки неаристократических элит и когда коммуны, управляемые этими элитами, захватили сельские округа, сеньориальные права были расшатаны по всей Тоскане и в большей части Северной и Центральной Италии. Кре-

⁶⁸ Этот взгляд разделяют Джонс (Jones, 1966, 1968), Эмиг (Emigh, 1996, 1997), Литчфилд (Litchfield, 1986), Макардл (McArdle, 1978), Дауд (Dowd, 1961), Диаз (Diaz, 1978), Макнил (McNeil, 1974), Вулф (Woolf, 1968) и Эймард (Aymard, 1982). Анализ в этом абзаце и девяти последующих основан на анализе итальянского сельского хозяйства у этих авторов.

постное право и трудовые повинности были переведены в денежную плату за ленные поместья, домены были сданы в аренду, а сеньоры маленьких поместий больше не могли ни получить, ни подкрепить имевшиеся юридические полномочия, которыми ранее пользовались все сюзерены (Jones, 1966, с. 402–409; 1968, с. 205–214).

Флоренция и другие города-государства ограничивали и оставляли за собой права больших и малых феодалов в *contado*. Коммуны не давали сеньорам повышать арендную плату, которая затем превратилась в номинальную под влиянием инфляции XII–XIII вв. (Jones, 1968, с. 205–214). Большинство крестьян не извлекли для себя никакой пользы от контроля коммун над феодалами. Главными выгодополучателями оказались городские торговцы, которые либо сами были «арендаторами» ленных поместий, либо де-факто получили контроль над крестьянскими фермами, когда крестьяне-землевладельцы не смогли выплатить по кредитам, которые им дали эти торговцы.

Купцы и, позже, анноблированные землевладельцы редко устраивали коммерческие фермы на своей земле. Вместо того, они делили свои владения (которые часто были лоскутками маленьких ферм, перемешанных с землями других землевладельцев) на *poderi*, фермы, отданные крестьянским семьям на условиях издольщины. Лишь меньшинство крестьянских семей вышли из Средних веков как владельцы де-факто собственных ферм, более часто крестьяне увеличивали собственные надель, которые были слишком малы, чтобы поддержать семью, за счет *poderi*. Беднейшие крестьяне, которые не имели своей земли и малый или вообще никакого доступа к *poderi*, работали батраками на фермах землевладельцев или богатых крестьян (Jones, 1968, с. 227–237)⁶⁹.

Землевладельцы по большей части удовлетворялись сбором и продажей своей доли крестьянской продукции, не вмешиваясь в сам процесс производства и не вкладывая денег в улучшение земли. Инновации и инвестиции были ограничены по четырем причинам: во-первых, флорентийские землевладельцы не проживали в своих поместьях. Они «едва их вообще посещали, только на несколько недель в период *villeggiatura* в конце лета или же когда младших сыновей отправляли в ссылку в деревню, и им приходилось там времен-

⁶⁹ Исследователям истории Италии еще предстоит перерыть архивы, чтобы провести такое же детальное изучение стратификации крестьянства, которое мы уже имеем по Англии и Франции. Поэтому наше рассмотрение условий крестьянского земледержания вынуждено оставаться неполным, не обладая количественной детальностью анализа образования классов в шестой главе.

но жить» (Litchfield, 1986, с. 224). Флорентийские помещики большую часть своего времени проводили в городе, занятые гораздо более важными и прибыльными городскими делами, политическими и предпринимательскими. Так как владельцы земли имели другое занятие, они не могли уделять должное внимание сельскому хозяйству, необходимое для того, чтобы их капиталозатраты использовались эффективно. Помещики нанимали управляющих, называвшихся *fattori*, которые собирали арендную плату и доли урожая для патрициев (с. 222). Нет никаких свидетельств того, что эти *fattori* имели навыки и стимул, необходимые для того, чтобы стать «мелиораторами» на тосканских фермах. Землевладельцы могли попытаться поднять зарплату *fattori* так высоко, чтобы у них появился стимул, но это значило употребить слишком много доходов с поместья на сомнительные по результативности усилия улучшить будущий урожай⁷⁰.

Во-вторых, «капиталовложения в сельское хозяйство имели специфическое значение для флорентийского предпринимательства. Земельные держания диверсифицировали инвестиционный портфель флорентийцев. В сельском хозяйстве прибыли были меньше, но надежней». (Emigh, 1997, с. 433; см. также Litchfield, 1986, с. 215–236; Dowd, 1961, с. 158–159; Woolf, 1968). В XII в. землевладельцы получали со своих держаний прибыль от 3 до 5% (Romano, 1964, с. 43). Часто это были доходы с «политической» непредвиденной прибыли, а не с прямого вложения денег. Многие флорентийцы, как и городские патриции в других городах-государствах, изначально получали землю в виде подарка от своих политических патронов или же это был побочный продукт завоеваний их города-государства. Позднее перекупщики тоже оценили землю и восстанавливали или устанавливали заново аристократические титулы как ресурс политической власти и социального престижа, а не инвестиций в повышение урожайности.

В-третьих, правительства городов накладывали ограничения на землевладельцев, которые делали слишком много инвестиций в неэкономичное улучшение земли. Регулирование цен и принудительные продажи в сочетании с постоянными закупками зерна за границей удерживали на невысоком уровне прибыли с продаж продовольственных товаров из *contado*. В самом деле, основная форма инвестиций в землю — скорее расчистка новых земель, чем улучшение уже существующих — была распространена в основном в XVI–XVII в.,

⁷⁰ В шестой главе рассматриваются схожие проблемы надзора, с которыми столкнулись землевладельцы Англии и Франции, не жившие в своих поместьях.

во время периода необычайного роста цен на продукты и землю (Litchfield, 1986, с. 255–56; McArdle, 1978). Для того чтобы расчистить землю, больше всего требовалось «вложение» труда, и крестьяне обеспечивали этот труд бесплатно, в обмен на право взять себе долю урожая с пустошей, которые они расчистили (McArdle, 1978; Aymard, 1982, с. 158–60).

В конце концов издольщина с краткосрочными (часто одногодичными) договорами уничтожила стимулы улучшать фермы и у землевладельца, и у арендатора. Землевладельцы не хотели инвестироваться в улучшения для поднятия урожайности, потому что половина или даже большая часть урожая шла издольщику, а не землевладельцу. Арендаторы не инвестировали капитал и свой труд в улучшение земли, которую они держали слишком короткий период времени. Кроме того, лишь немногие крестьяне могли накопить капитал, необходимый для того, чтобы стать самим коммерческими фермерами, а инвесторы-некрестьяне не желали вкладываться в арендованную землю и улучшать ее, как это делали коммерческие фермеры того типа, который мы находим в Англии XVII и последующих столетий. Крестьяне-издольщики были постоянно в долгах; «даже в хорошие годы, груз долга не пускал *mezzadro* [издольщика] на рынок, который был оставлен для землевладельцев, и, следовательно, не давал доступа к любой форме накопления капитала или средств производства» (Aymard, 1982, с. 160).

Было несколько капиталовложений в новые культуры прежде всего шелковичные деревья, жизненно важные для производства шелка. И снова наблюдается ограниченная прибыль издольщины и, следовательно, ограниченная мотивация для таких инвестиций. Исключительные капиталовложения Ломбардии в новые урожаи подчеркивают, насколько редко преодолевались структурные факторы, мешавшие инвестициям. Основным стимулом для капиталовложений в Ломбардии было необычное положение в «сельскохозяйственном законе Ломбардии [согласно которому], если землевладелец при окончании срока ренты не возмещал арендатору расходы, понесенные им для улучшения земли, он был обязан сдавать ту же самую землю тому же арендатору за ту же плату, пока не произведена оплата. Когда предприниматели того времени арендовали земли церкви и делали значительные капиталовложения в улучшения, они знали, что церковь никогда не сможет возместить их затраты и после нескольких улучшений они смогут целиком контролировать эту землю за гроши» (Cirolla, цитата в: Dowd, 1961, с. 154). Необычное юридическое положение заставляло ломбардских инвесторов платить за вы-

ращивание шелковичных деревьев и других новых культур. Ломбардские коммерческие фермы поставляли шелк для производства, как во Флоренцию так и в Милан; не имея юридических возможностей для инвестиций в улучшение земли, флорентийские купцы-землевладельцы не имели и стимула улучшать землю, которую (в отличие от их ломбардских коллег) они уже и так контролировали (Dowd, 1961; Litchfield, 1986; McArdle, 1978).

Даже в Ломбардии «каких-либо изменений в технике, кроме ирригационных улучшений, не происходило» (Dowd, 1961, с. 152). Производство новых урожаев инициировалось или увеличивалось только тогда, когда шелковое производство или доходы горожан, потребителей роскошной еды, увеличивались. Экономический спад XVII в. привел к остановке капиталовложений в сельское хозяйство и сокращению новых урожаев. Издольщики на протяжении всей эпохи Ренессанса использовали свою часть увеличивающегося урожая с новых земель не для того, чтобы повышать свой уровень жизни или инвестиций, а для того, чтобы увеличивать размеры своих семей (Litchfield, 1986, с. 254–256).

Итальянские землевладельцы получали и теряли доходы, когда контроль над землей переходил в другие руки из числа представителей элит, в основном в результате каких-то политических процессов. Крестьян начинали эксплуатировать по издольщине, а не через трудовые повинности, однако и та и другая система не создавала возможностей для инноваций или инвестиций в новые техники производства. Прибыльность земли для землевладельцев как класса определялась политическими взаимоотношениями между городом и деревней, а также местными и европейскими ценами на зерно, изменения которых подчинялись демографическим факторам. Когда правящие элиты Флоренции, Милана, Генуи и других городов-государств прибавили землю к своему инвестиционному портфелю, а сеньориальные титулы к своему политическому и социальному статусу, их правительства ввели для землевладельцев более благоприятные налоги и создали особую рыночную конъюнктуру, все за счет городских потребителей⁷¹. Земля служила отражением растущей пассивной эконо-

⁷¹ Вулф (Woolf, 1968) представляет Венецию как частичное исключение из этих перемен. Он утверждает, что налоговые оценки продолжали оставаться благоприятными для владельцев городской собственности, а не сельской, и городские потребители по-прежнему получали субсидии за счет сельских крестьян и землевладельцев в XVI и XVII вв. Венеция может быть исключением в этом отношении благодаря необычайной спаянности и непрерывности существования своей

мической ориентации патрициев, уверенных в своем политическом контроле над герцогством, которое обеспечивало им доход с долей *monte*, должностей и сельских поместий. Доход с таких источников повышался и понижался вместе с политической силой семейств и элит.

ЛОГИКА РЕФЕОДАЛИЗАЦИИ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ

Теперь мы можем ответить на вопросы, поставленные в начале этой главы: почему великие города средневековой и ренессансной Европы не стали экономическими и политическими центрами последующего развития капитализма и формирования государства? Почему элиты городов-государств были вытеснены в XVI и последующих столетиях их конкурентами, сельскими элитами, которые смогли консолидировать обширные сельские территории и доминировать в находившихся посреди них городах?

Краткий ответ на эти вопросы состоит в том, что тот же набор обстоятельств, который позволил городским элитам получить политическую автономию и коммерческие преимущества, заключил эти элиты в институциональные рамки, которые ограничивали им дальнейшие возможности для маневра. Соперничество крупных сил и политический пат, в котором оказались старые феодальные элиты, такие как короли, папы, дворянство и духовенство, позволили неаристократическим городским элитам сравнить феодальных конкурентов друг с другом и добиться городской автономии. Политический пат элит продолжался необычайно долго в Северной и Центральной Италии и, следовательно, политическое разложение зашло наиболее далеко именно там. Городские олигархии, которые были неаристократическими практически во всех итальянских городах, с существенным исключением в виде Венеции, добились полной автономии внутри своих городов от монархов и сельских аристократов к XIV в. Тогда же и в последующие столетия городские олигархии использовали и другие преимущества от отсутствия гегемонии аристократов, захватывая сельские районы вокруг своих городов и эксплуатируя их.

правлящей аристократии. Даже когда богатейшие аристократы отошли от торговли и стали вкладываться в менее рискованные и менее прибыльные сельские поместья, правящая элита в целом продолжала субсидировать город, его торговлю и военные кампании за счет своих членов из землевладельцев. Тем не менее венецианские аристократы вкладывались в землю с энтузиазмом, как и их тосканские и ломбардские коллеги (Burke, 1974, с. 106–108).

Политический пат крупных сил не просто создал зазор для городской автономии; он потянул за собой процесс политической деградации, когда элиты «опускались», чтобы набирать себе союзников снизу⁷². Когда меньшие элиты, а постепенно и привилегированный слой членов гильдий получили свою долю власти, они стали конфликтовать друг с другом за контроль над коммунальным правительством. Именно этот конфликт, разыгрывавшийся в пределах каждого города-государства, определил политические институты, экономические возможности и ограничения дальнейших структурных изменений каждого города-государства.

Коммерция процветала в «вольном воздухе» автономных городов. Так же процветали среди элит итальянских и прочих европейских автономных городов стремление к политическому саморасширению и увлечение иностранными авантюрами. Городские элиты Ренессанса нельзя поделить на политически ориентированных, остальных аристократов и целерациональных, экономически ориентированных бюргеров. Снова и снова в этой главе мы встречаем клас-

⁷² Для Тилли и его единомышленников упадок городов-государств как важных геополитических образований начался и закончился со включением феодальных синьоров, некогда весьма вольготно рассеянных по огромным, но слабым империям, в централизованные национальные государства. Даже бедные аграрные национальные государства были способны лучше присваивать ресурсы, чем богатые, но крошечные города-государства. Когда политический пат среди держав и аристократий завершился и конкурирующие феодальные элиты были включены в государства, города потеряли свое относительное преимущество и попали в подчинение к более крупным государствам, или же, если они и сохраняли свою независимость, они были вытеснены из торговли в недавно консолидировавшихся государствах, и поэтому теряли свои коммерческие привилегии. Как я заметил в самом начале этой главы, модель Тилли вызывает вопрос, почему сельские аристократы были включены в государства, которыми правили монархи, а не в расширявшиеся города-государства или городские лиги, возглавляемые бюргерскими олигархиями. Ответ на этот вопрос, который дает наш анализ истории Флоренции, состоит в том, что деградация и «опускание» создавали политические структуры, которые препятствовали экспансионистским попыткам господствовать над сельскими областями вдали от каждого города.

Бродель, который справедливо отверг мнение Вебера о предреформационных капиталистах как неспособных на полностью рациональные экономические действия, сам неспособен объяснить, почему итальянские купцы не всегда следовали экономически ориентированному капитализму. Концентрация на конфликте элит и его структурных последствиях позволяет нам в этой главе объяснить поведение флорентийских капиталистов и предложить основу для анализа времени и масштаба успехов и неудач капиталистов в этом параде ведущих городов, описанном у Броделя.

сы, элиты, профессиональные группы, семейства и индивидуумов, использующих одновременно и политические, и экономические источники прибыли. Эти ренессансные акторы были разнообразны в своем поиске выгоды и власти. Ни один из них не ограничивался только политической ориентацией, когда появлялась возможность для экономически ориентированного капитализма в торговле шерстью, выращивании шелковичного червя и шелковом производстве, коммерческом банковском деле или финансовых спекуляциях.

Флорентийские и другие городские элиты были ограничены политическими рамками, которые они сами себе создали в своей борьбе за власть. Те же самые зазоры в политике итальянских и европейских крупных сил, которые дали городским элитам их автономию и экономические возможности, также побуждали флорентийских патрициев и их коллег в Венеции, Генуе и Милане устанавливать олигархии, а затем рефеодализировать свою политику и экономику для того, чтобы наилучшим образом сохранить власть и преумножить свое богатство.

Возможности для эффективного действия в ренессансных итальянских городах отличались от тех, что были доступны сельским аристократам в Англии и Франции XVI–XVII вв., которые будут рассматриваться в следующих главах. Почти всегда, когда флорентийские патриции захватывали контроль над землей, должностями, производством и рынком, они делали это, создавая институциональные рамки, которые мешали «продолжению продаж и покупок на рынке... [или реинвестициям доходов и других капиталов в долговременное производство товаров]», по формулировке Вебера (1978, с. 164). Флорентийские предприниматели вместо этого стремились сохранить цеховые установления, торговые монополии и жесткие, ограниченные и политически манипулируемые рынки не только потому, что они были тем выгодней, чем бедней оставался капитализм в экономически отсталой и бедной ренессансной Европе, но и потому, что богатые флорентийцы зависели от политической власти в сохранении своего богатства и доступа к торговым возможностям. Флорентийцы, следовательно, принимали целерациональные решения, особенно в свете политической ситуации в их коммуне, а может быть, и в контексте европейской ренессансной экономики, предпочитая «настоящему» капитализму инвестиции в политически защищенные долги, должности, поместья и иностранные концессии.

Решения, которые были целесообразными в краткосрочной и среднесрочной перспективе, имели долгосрочные последствия, оказавшиеся разрушительными для экономического и политического

положения флорентийских и других итальянских городских элит. Динамика элитного конфликта, рассмотренная в этой главе, объясняет, почему рациональные стратегии привели к столь пагубным последствиям. Флорентийские патриции были заперты во взаимно усиливающих сетях финансов и торговли, которые зависели от покровительства пап и расширения рынков предметами роскоши. Пока эти условия действовали, прибыль с таких политически защищенных предприятий была выше, чем с любых других инвестиций. Сочетавшаяся с получением барышей от должностей, земли и *monte* особая флорентийская форма производства и торговли порождала богатство, которое оправдывало дорогостоящие уступки цехам, на которые шла олигархия, а позже и аристократия Медичи, и расходы на подкуп союзников и создание себе престижа дома и за границей.

Схожие целесообразные решения принимались и правящими элитами Венеции, Генуи и других итальянских городов-государств. Сконцентрированность Венеции и Генуи на военном контроле над средиземноморскими торговыми маршрутами и создание обширного сектора морских перевозок лучше всего соответствовали возможностям, открытым для элит этих городов-государств. Правящая аристократия и олигархия этих городов была вынуждена договориться с другими элитами и достичь классового компромисса, по крайней мере, со «старшими» цехами для того, чтобы мобилизовать ресурсы, необходимые для реализации своих значимых геополитических и коммерческих стратегий. Политические и экономические институты и производственные отношения, создавшиеся в результате этих компромиссов, не позволяли правителям Венеции и Генуи обращаться к новым стратегиям в последующих столетиях. Для венецианской аристократии отсутствие свободы маневра означало, что они и их город к XVII в. оказались в статусе туристического аттракциона. Политика и экономика Генуи позволили ее правителям воспользоваться необычными возможностями, которые открыли испанский империализм и серебро Нового Света в XVII в. Наконец, триумф Милана над ломбардской церковью создал необычные стимулы и возможности для инвестиций и инноваций в сельское хозяйство. Тем не менее эти возможности сохранялись, лишь пока процветало производство роскошных шелков, и пока испанской короне было нужно обменивать серебро Нового Света на золотые монеты для своих нидерландских армий.

Эта глава объясняет, почему возможности для действия (*agency*) открывались в различной степени во французских, немецких и итальянских городах эпохи Ренессанса. Она также показывает, как гео-

политический пат в сочетании с конфликтами локальных элит определял и ограничивал возможности для целерационального экономического действия в ренессансной Италии. Специфические зазоры для политического и экономического действия определяли структуры власти, производства и обмена, которые мешали дальнейшему слиянию капитала и принуждения, которое, в свою очередь, могло позволить этим городам стать узлами континентальной системы политической консолидации и экономического развития. Пат, в котором оказались городские элиты, объясняет лишь, почему города не повели за собой Европу, а то, что именно динамика конфликта среди этих элит определяет дальнейшее развитие вообще, и то, что оно возглавлялось прежде отсталыми сельскими аристократами, будет показано в следующих главах.

ГЛАВА 4

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ

Что-то стало происходить в XVI в. в самых невероятных местах: сельские аристократы, ранее определявшие свои интересы только в виде корпоративных и местных привилегий, сплотились в общенациональные сети. Когда эти сети стали институционализироваться, аристократы, некогда локально ориентированные, начали получать должности в национальных государствах, развивать свои новые классовые интересы и получать прибыль на основе капиталистических производственных отношений.

Историки предлагают нам все более детальные описания того, как аристократы пришли к национальным и экономически ориентированным идентичностям. Тем не менее причины изменений в поведении аристократов остаются предметом споров. Как показывает обзор Флоренции (см. третью главу), «вольный воздух» городов был недостаточным источником универсалистских ценностей. У городских элит были другие интересы, нежели у их сельских конкурентов, и они образовывали отличные от них сети; поэтому флорентийские и другие городские олигархи никогда не выходили за рамки локальных интересов и постепенно реаристократизировались для защиты своих привилегий.

Международная торговля обогатила некоторые элиты, но не подстегнула капитализм или строительство сильных государств. Анализ положения разных стран, которое приводится в этой и следующей главах, демонстрирует, что торговля и колониализм могут стать опорой местных привилегий и задержать формирование государства (как это было в Португалии, Испании и до определенной степени в Нидерландах) или совершенно не влиять на формирование классов и государства до тех пор, пока последние не образуются сами по себе и капиталисты с пролетариями не окажутся запертыми в классовом конфликте (как в Англии и во Франции).

Войны существовали и до, и после образования первых национальных государств. Работы Чарльза Тилли и других ученых позволяют нам проследить, как увеличение масштаба, технологической развитости и стоимости военного соперничества маргинализирует и уничтожает слабых властителей до тех пор, пока сотни перекрывающихся друг друга политических блоков в Европе не сокращаются до нескольких дюжин. Но ни анализ Тилли интенсификации насилия внутри наций и между ними, ни более описательные исследования историков войны и дипломатии не могут объяснить, почему соперничество элит начинает выстраиваться по линиям наций именно в XVI в. Ниже будет показано, что первая причина формирования государства — национализация элитных конфликтов и социальных отношений.

Макс Вебер, как отмечалось в предыдущих главах, рассматривал соперничество между феодальными элитами как «хроническое состояние» и считал, что внешний толчок, вызванный Реформацией, породил новую психологию, вызвавшую к жизни новые интересы и новые формы поведения. Карл Маркс и его последователи колеблются в этом отношении, как показывают дебаты по поводу знаменитого обсуждения Маркса в третьем томе «Капитала» «двух путей» перехода от феодализма к капитализму. Маркс не был уверен, то ли одни купцы трансформировали производство, подталкиваемые растущим торговым спросом, то ли сперва «производители» (кто бы они ни были) вынуждены были установить капиталистические производственные отношения, чтобы уничтожить феодальную автаркию и создать рынки, которые, в свою очередь, подстегнули капиталистическое производство. Это состязание между торговлей и классовой борьбой как претендентами на звание перводвигателя изменений продолжается до сих пор, с участием на стороне торговли, если называть самые известные имена, Пола Свизи (Paul Sweezy) и Иммануила Валлерстайна (Immanuel Wallerstein), а на стороне классов — Мориса Добба, Эрика Хобсбаума, Перри Андерсона и Роберта Бреннера¹. Выбор любого из двух кандидатов не дает окончательного ответа: мы никогда не узнаем точно, как торговля подстегнула капитализм, если рабовладение, феодализм, издольщина и другие способы производства весьма совместимы с рынками и торговлей. Марксисты, которые видят в классовой борьбе перводвигатель капитализма, должны еще объяснить, как и почему феодальные классовые конфликты

¹ Этот спор начался на страницах «Science and Society». И самые первые, и дальнейшие статьи переиздал Хилтон (Hilton, 1978).

в XVI в. обратились в другую сторону и как новые параметры конфликта породили капиталистические производственные отношения.

Я предлагаю новое решение этой проблемы в данной и последующих главах. Как могут догадаться читатели, я выдвигаю конфликт элит, а не классов в качестве перводвигателя образования государства и капиталистического развития. В частности, я согласен с Вебером в том, что протестантская Реформация была поворотным пунктом в истории европейского феодализма, но не по социопсихологическим причинам, которые он выдвигает на первое место, скорее, Реформация была столь важна потому, что открыла новый зазор в интересах элит, трансформировала их возможности и, следовательно, определила ход образования государства и классов в Европе в XVI–XVII вв.

Во второй главе подробно проанализированы пределы аграрных изменений в средневековых Англии и Франции. Живучесть множественных элит ограничивала возможности одной отдельно взятой по отмене крестьянского землевладения и введению крепостного права. Вместо этого землевладельцам приходилось собирать денежные подати и использовать трудовую повинность, причем схемы эксплуатации варьировались от области к области и года к году, в ответ на фиксированные или изменяющиеся структуры отношений элит в каждой провинции Франции или Англии. «Хронический» конфликт между множественными элитами и феодальные отношения производства были затронуты Реформацией, открывшей новые стратегические возможности для элитных конфликтов в Англии и Франции. Я начинаю эту главу с перечисления всех способов, к которым прибегала каждая элита во Франции и Англии, пытаюсь использовать возможности, созданные религиозным разделением, затем прослеживаю взаимную причинную связь в тактических ходах множественных элит в сторону политических трансформаций, создавших два разных типа национального государства в двух странах.

РЕФОРМАЦИЯ И РАЗДЕЛЕНИЕ ЭЛИТ В АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

Реформация разорвала внутренние и внешние (с городским нобилитетом и духовенством) союзы среди аристократов и в Англии, и во Франции. Изначально Реформация не меняла социальной психологии индивидуумов. Как будет показано ниже, политические трансформации предшествовали и определяли изменения в экономическом поведении и производственных отношениях в обеих стра-

нах, вопреки мнению Вебера². Новые социальные сети среди единоверцев сформировались к концу XVI в., объединив землевладельцев и городскую знать, невзирая на границы графств и провинций. Постепенно такие связи, основанные на идеологии, стали определять линии политических союзов и в Британии, и во Франции. Однако Реформация создала политические возможности для королей прежде, чем для региональных магнатов или землевладельцев на местах. Короли воспользовались этим первыми, потому что их связи поверх границ стран и провинций, как бы слабы они ни были, все же оказались прочнее и многочисленнее, чем у региональных магнатов или крупных купцов, не говоря уже о местниках-землевладельцах или провинциальных буржуа.

И английские, и французские монархи пытались употребить религиозные конфликты между своими подданными для отчуждения своих противников и привлечения новых союзников. Короли использовали вызов, брошенный протестантами, для получения концессий от папы и католических иерархов. Стратегии, к которым прибегал каждый конкретный монарх, отражают его собственное положение в структуре по отношению к конкурирующим элитам. Результаты приложения этих стратегий определяла общая структура элит в этих двух странах.

Три теории абсолютизма

Понимание Реформации как стратегического «перелома», разрушившего хроническое состояние частых, но структурно неэффективных элитных и классовых конфликтов, противоречит доминирующей парадигме в исследовании абсолютизма точно так же, как и пониманию Реформации Вебером. Я приберегу критику тезиса Вебера о протестантской этике до шестой главы, но должен изложить свой анализ конфликта элит до разбора абсолютизма и образования государства в этой.

Каждая модель абсолютизма способна привести свидетельства, которые подходят к ее описательному определению государства раннего Нового времени. Относительные заслуги конкурирующих теорий образования государства можно оценить по двум критериям: как каждая теория объясняет характер и сроки расхождения каждо-

² В седьмой главе тезис Вебера о протестантской этике разбирается более подробно и предлагается социально-психологическая модель, которая лучше соответствует массе исторических данных, которые противоречат доводам Вебера.

го государства от других, особенно от политических средневековой эпохи и как каждая модель предсказывает линии союзов и итогов антигосударственных мятежей. Что касается Англии и Франции, успешная теория должна объяснить итоги французской Фронды 1648–1653 годов, в которой корона победила мятежных аристократов, и Английскую революцию и гражданскую войну 1640–1649 гг., итоги которых оказались такими обманчивыми.

Все исследователи абсолютизма согласны с тем, что английское и французское государства в XVI–XVII вв. увеличили свою военную мощь, юридические полномочия и доходы. Были предложены три гипотезы, объясняющие, как власть и ресурсы были централизованы и образовались ли абсолютистские монархии по желанию или вопреки и за счет феодальных аристократий. Одна теория утверждает, что борьба крестьян с феодальной эксплуатацией вынудила нобилитет реорганизовать силу принуждения в рамках органов власти централизованного государства. Таким образом, абсолютизм послужил знати, обеспечив ей большие безопасность и долю крестьянского продукта, чем они могли получить в результате борьбы на локальном уровне. Вторая теория возмещает, что в XVI в. поднимающаяся буржуазия приобрела экономическое равноправие со знатью. Во время необычного равновесия сил, имеющего переходный характер, и патового перемирия между двумя конкурирующими правящими классами представители государства добились для себя относительной автономии от обеих сторон. Их автономия испарилась, как только буржуазия накопила достаточно сил, чтобы нанести знати сокрушительный удар и подчинить государство исключительно своим интересам. Третья теория предполагает, что государственная власть и автономия накапливались постепенно, порождая сами себя. Когда своекорыстные государственные элиты стали получать доходы, они вкладывали эти новые ресурсы в армию и бюрократию, которые затем стали захватывать территорию и извлекать доходы из «граждан». Это закрепило процесс образования нации.

В теориях, которые рассматривают абсолютистское государство как представителя знати, относительно автономной или прогрессирующе автономной, вводятся новые понятия, призванные объяснить, когда и как государственные чиновники и классы стали действовать эффективно. Ниже разбираются именно эти, часто имплицитно предложенные, понятия, а также выдвигаются гипотезы и определяются виды доказательств, поддерживающих или опровергающих каждую теорию.

Перри Андерсон представляет первое направление научной мысли: «Одна из базовых аксиом исторического материализма [утверждает], что светская борьба между классами окончательно разрешается на политическом — а не экономическом или культурном — уровне общества» (1974, с. 11). Он указывает, что в продолжение феодального периода знать и крестьянство были политически эффективны до такой степени, что могли усилить или ослабить государство. Андерсон воспринимает государство как комплекс юридически-принудительных институций, которые защищают феодальные отношения собственности.

Андерсон прослеживает развитие абсолютистского государства с феодального кризиса, который последовал за «черной смертью». Абсолютизм был ответом аристократии на этот кризис, «вновь развернутым и перезаряженным орудием феодального господства, призванного втиснуть крестьянские массы в их традиционное социальное положение... Результатом стало смещение политически-юридического насилия вверх, по направлению к централизованной, военизированной вершине — абсолютистскому государству. Размытое на уровне деревни, оно сконцентрировалось на „уровне нации“» (1974, с. 18–19).

Андерсон делает основной акцент на классовой борьбе между знатью и крестьянством. Он считает относительно неважными для образования абсолютистских государств конфликты между аристократическими фракциями, хотя и признает, что «для многих отдельных нобилей» абсолютизм «означал бесчестье или финансовый крах, против чего они восставали» (1974, с. 47). Тем не менее «ни один феодальный правящий класс не мог позволить себе, не подвергая риску собственное существование, проигнорировать успехи, достигнутые абсолютизмом, которые были проявлением глубочайшей исторической необходимости и прокатились по всему континенту; ни один из них не выиграл полностью или даже значительно от мятежа» (с. 54). В результате мятежи, устроенные на местном или фракционном уровне, как Фронда во Франции, оканчивались провалом из-за более значительных военных или финансовых возможностей абсолютистской монархии или же потому, что у большинства аристократов не было иного выхода, кроме как хранить верность абсолютистским монархиям, от которых они зависели, получая власть и юридические полномочия. Аристократический характер абсолютистских государств в дальнейшем проявляется в их отношениях с поднимающимся классом буржуазии. Андерсон видит «потенциальное поле совместимости... между характером и программой абсо-

лютистского государства и операциями торгового и промышленного капитала» (с. 41), когда и государство, и капитал растут и получают выгоду от монетизации налогов и рент, продажи государственных должностей и установления защищенных монополий на родине и в колониальных владениях. Тем не менее, по его мнению, буржуазия всегда оставалась подчиненной знати в политике абсолютистских государств.

Чтобы поддержать свой тезис, Андерсону потребовалось доказывать, что нет свидетельств того, что буржуазия играла важную роль в антиабсолютистских мятежах, пока она оставалась в подчинении у аристократии, и что пока аристократия оставалась доминирующим классом, абсолютистские монархии должны были быть неуязвимы для угроз с любой стороны. Таким образом, Андерсон утверждает, что Фронда провалилась из-за того, что аристократия не желала, а крестьянство и буржуазия не могли низвергнуть абсолютизм. Из всех антигосударственных мятежей в Англии XVII в. успех только Гражданской войны — знак того, что «коммерциализировавшееся джентри, капиталистический город, простые ремесленники и йомены» развились рано и успели накопить силы, чтобы бросить вызов аристократическому государству и победить его (1974, с. 142). Чтобы доказать это утверждение, Андерсону нужно продемонстрировать, что интересы нового буржуазного класса в Англии отличались от интересов тех недовольных элементов из древней аристократии, которые возглавляли предыдущие восстания, и объяснить, как новая буржуазия развилась в рамках феодальной системы.

Другие марксисты не так уверены в аристократическом характере абсолютизма. Фридрих Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» различает «феодальное государство, [которое] было органом знати для удерживания крепостных крестьян и вилланов» и «абсолютную монархию... которая натравливала знать и буржуазию друг на друга» ([1884], 1972, с. 231). Маркс в «Немецкой идеологии» нашел «независимость государства... в тех странах, где сословия еще не окончательно развились в классы [и]... где ни один слой населения не получил превосходства над другими» ([1846], 1970, с. 80). Для Маркса и Энгельса абсолютистское государство было не инструментом правления дворянского класса, как утверждает Андерсон, а непредумышленным результатом потери знатью своей гегемонии. Маркс и Энгельс верили, что растущая сила новой буржуазии и значительно возросшая угроза со стороны крестьянства позволили монархам преобразовать феодальные государства, ранее контролировавшиеся знатью, в инструменты абсолютистского прав-

ления, все сильнее и сильнее заполняемые буржуа, которые купили должности у короны. Маркс и Энгельс считали абсолютистские государства относительно автономными, потому что как только буржуазия получала контроль над производством, государство быстро подчинялось интересам класса капиталистов, несмотря на все организационные возможности и ресурсы, накопленные государственной элитой за переходную эпоху³.

Третий набор теорий считает элиту автономных государств ключевыми агентами социальных изменений и утверждает, что именно их действия объясняют параллельное образование абсолютистских государств и буржуазных классов в Европе. Чарльз Тилли (1985) сравнивает европейских монархов с главарями мафии, использующими вооруженную силу для запугивания народа и территории войной, вынуждая их платить «за защиту» в форме налогов. Внешние и внутренние войны с другими странами повышают способности государства по сбору доходов, что, в свою очередь, дает средства для поддержания все более растущих военных сил. Майкл Манн (1980, 1986) выдвигает аналогичные доводы относительно Англии. Элиты, управляющие военными и налоговыми организациями в государстве, по его мнению, движимы корыстными интересами⁴.

³ Пуланцас (Poulantzas, 1975, с. 157–167) повторяет модель относительной автономии Маркса и Энгельса. В отличие от Маркса и Энгельса, Пуланцас даже не пытается объяснить, как феодальная классовая борьба могла повлиять на способности соперничающих классов аристократов, буржуа и крестьян. Он просто утверждает, что буржуазный класс получил экономическую власть в Англии, не определяя механизма и даже не описывая процесс, который мог отвечать за проникновение капиталистического производства и обмена в Англии XVII в. в большей степени, чем во Франции в то же время. Так как Пуланцас считает структуру государства всего лишь отражением классовых сил в гражданском обществе, он не анализирует, какое влияние оказывали действия «относительно автономных» государственных элит Англии и Франции на классовые отношения. Он полагается на итоги английской Гражданской войны и французской Фронды, чтобы предугадать классовый характер обоих государств, и затем заявляет, что государственная форма отражает расстановку классов в гражданском обществе. Эта цепочка заключений подменяет собой анализ причин и следствий и является совершенно непроверенной эмпирической реальностью государств и классов в конкретных обществах.

⁴ Томас Эртман в «Рождении Левиафана» (Thomas Ertman. Birth of Leviathan, 1997) предлагает важные поправки к моделям Тилли и Манна. Эртман различает два аспекта государства: их «политический режим» (т. е. является ли государство абсолютистским или конституционным) и «характер государственной инфраструктуры» (т. е. являются ли государственные посты наследственными или бюрократическими). Эртман, следуя Отто Хинце (Otto Hintze, [1902–1906] 1975), рассматривает могущество представительных институтов как ключевую объясняющую

Тилли и Манн рассматривают образование государства как процесс: когда государственные элиты наращивают свои взаимно подкрепляющие фискально-административные и военные возможно-

переменную при определении результатов абсолютистской или конституциональной деятельности государства. Двухпалатные законодательные органы с избирателями, организованными по географическому принципу, лучше способны сопротивляться монархам, чем трехпалатные органы с избирателями, организованными по сословиям, с которыми монархам легче справиться, применяя принцип «разделяй и властвуй».

Эртман уделяет особое внимание времени образования государства. Воспроизводя разделение между «первыми» и «припозднившимися» из теории модернизации (Levy, 1972), он различает государства, первыми вошедшие в геополитическое соревнование, и те, которые стали воюющими сторонами на континенте после 1450 г. Эртман утверждает, что первые военные соперники должны были создавать систему продажи должностей и другие наследуемые службы, чтобы мобилизовать ресурсы, необходимые для ведения войн. Монархи после 1450 г. имели доступ к крупным корпорациям юристов, обученных в недавно основанных и расширившихся университетах, которые могли составить бюрократию, и поэтому они не нуждались в том, чтобы отдавать государственные должности за деньги аристократам. Модель Эртмана более сложная, чем у Тилли и Манна, и она становится еще сложнее, когда он пытается объяснить аномальные случаи Англии, Венгрии и Польши. Он снова начинает спор о парламентах, заявляя, что в этих трех странах были особенно сильные законодательные органы, которые в Англии преобразовали наследственную монархию в менее коррумпированное бюрократическое государство под контролем джентри. Венгерский и польский законодательный корпус действовал ради сохранения контроля аристократов над наследуемыми должностями против королей-реформаторов. Эртман, как Майкл Манн (Mann, 1980) и Перри Андерсон (Anderson, 1974) заканчивает тем, что рассматривает Англию XVII в. почти как «черный ящик», в который заходили сильные короли и мятежные парламенты, а выходили из него слабые короли и ограниченно бюрократическое правительство. Я покажу в этой главе, что мы можем рассматривать Англию в сравнении с Францией, прослеживая цепочки элитных и классовых конфликтов, зависящих от других факторов. Нам совсем нет нужды искать корреляции факторов, которые оставляют нетронутыми и необъясненными ключевые моменты трансформации.

Схожим образом, Брюс Портер (Bruce Porter, 1994) и Брайан Даунинг (Brian Downing, 1992) коррелируют войны с изменениями в характеристиках государств, даже не выясняя, как военные конфликты выстраивают или меняют цепочки конфликта. Таким образом, Портер делает важное наблюдение, что внутренние (т. е. гражданские) войны влияют на государство иначе, чем международные войны. Даунинг указывает, что заграничные завоевания могут породить богатство для милитаристских государств, и поэтому войны не обязательно требуют внутренней мобилизации и политических трансформаций. Оба автора, несмотря на их важный вклад в теорию и их детальные типологии войн и военных финансов, отделяют реальные войны от внутренней политики. Ни один из них не признает, что короли могли желать или быть вынужденными бросить вызов

сти, растущий корпус государственных чиновников увеличивает свои власть и долю национального дохода за счет знати и крестьянства. Тилли и Манн видят в буржуазии неумышленный побочный продукт образования государства. Государственные налоги концентрируют ресурсы на национальном уровне, создавая (по большей части за счет военных поставок) первоначальный рынок капиталистических предприятий. Для Тилли более важно воздействие, которое оказывает государственный налог на аграрную экономику Франции. Повышение налогов увеличивает нужду крестьян в деньгах, вынуждая их продавать на рынке все большую часть своего продукта, а часто и сам свой труд. Когда крестьяне не могут найти достаточно денег, они попадают в долги и постепенно теряют свою землю, которая по сниженной цене переходит к буржуазии. Лишая крестьянство собственности, государство косвенно отвечает за освобождение земель для капитала и сопутствующий рост рынка труда (Tilly, 1981, с. 202–206).

Экспансия государства тоже меняла природу классовой мобилизации и политического конфликта. Монархи использовали свои обширные ресурсы, чтобы «создать крупный класс чиновников и финансистов, которые отрабатывали бы свои преимущества тем, что помогали оплачивать расходы государства» (Tilly, 1986, с. 132). Когда монархи обольщали и вынуждали знать, городских купцов и новую буржуазию связывать свое собственное состояние с судьбой государства, разрывались длительные союзы местных магнатов и крестьянства. Победа короны над Фрондой показывает, по мнению Тилли, что знать была больше заинтересована в сохранении государственных доходов, нежели в защите особых привилегий своих провинциальных подданных.

Тилли утверждает, что изменения, которые произошли в акторах и темах конфликтов внутри Франции, являются лучшими индикаторами того, до какой степени дошло формирование государства и с какими последствиями. Государственные чиновники и налогоплательщики сменили лордов и крестьян в качестве основных антагонистов в сельских конфликтах. Мятежи и более слабые формы сопротивления все больше и больше обращались против требований государства — налогов, поставок продовольствия или людей для армии,

внутренним элитам, даже в отсутствие финансовых кризисов, вызванных войной. Это относится и к Портеру, который даже после всех обсуждений гражданских войн в основном интересуется их влиянием на финансовые и военные возможности государства, а не тем, как они трансформируют структуру политических союзов и конфликтов.

а не против требований землевладельцев — ренты и феодальных трудовых повинностей (Tilly, 1986, с. 119–161). Модель Тилли могли бы поддержать свидетельства того, что аристократия и буржуазия не имели друг к другу ни малейшего отношения. Он утверждает, что они разделились на два лагеря: один лагерь состоял из владельцев должностей, монополий, контрактов и прочих синекур и, следовательно, поддерживал государство, другой — из нобилей и купцов, которые противодействовали абсолютизму потому, что он не приносил им выгоды.

Некоторые ученые пытались применить государственно-центристский подход к анализу развития английского абсолютизма. Манн (Mann, 1980, 1986) толкует как свидетельство образования государства рост доходов короны и увеличение числа представителей знати и буржуазии, которые получали выгоду от государственного покровительства. Он не доказывает, что государство играло главную роль в образовании английского капитализма. Это было бы сложно доказать, учитывая, что аграрный и торговый капитализм развивался в Англии быстрее, чем во Франции. Вместо этого Манн (1980, с. 203) рассматривает английское государство как почти исключительно международный военный актор, который не создает буржуазию, но «подталкивает классы к национальной форме организации». Он определяет государственные акторы и социальные классы в две различные военные и экономические сферы, утверждая, что они взаимодействовали, только когда первая мешала второй налоговыми требованиями или помогала капиталистам в захвате иностранных рынков. Поэтому Манн не способен обнаружить какие-либо основания для революции 1640 г. против монархии. Более того, Манн (1980, 1986) игнорирует революцию и гражданскую войну в своем исследовании развития английского государства⁵.

⁵ Дерек Сайер (Derek Sayer, 1992) утверждает, что преждевременная политическая централизация Англии, в которой могучий король делил управление с относительно открытым общенациональным правящим классом с опорой в Парламенте, «сформовала такое гражданское общество, в котором была возможна капиталистическая политэкономия» (с. 141). Сайер все-таки оговаривается в заключении: «Я не утверждаю, что образование государства было причиной капитализма, в Англии или где-то еще... Я также не склонен уделять преувеличенное внимание непосредственным причинам экономического подъема. Меня интересовали те множественные способы, при помощи которых образование английского государства... сформовало такое гражданское общество, в котором была возможна капиталистическая политэкономия» (1410–1411).

Черты английского государства, которые подчеркнул Сайер, существовали веками до наступления аграрного капитализма. Игнорируя непосредствен-

Английские историки Г.Р. Тревор-Ропер (Trevor-Roper, 1965) и Лоуренс Стоун (Stone, 1970) объясняют английскую гражданскую войну как конфликт между двором, состоящим из своекорыстных государственных чиновников, и деревней, которая была вынуждена нести все более растущий груз налогов. Они утверждают, что разделение между двором и деревней не соответствует тем видам классового деления, которые выдвигает марксистский анализ. По их мнению, общим для пророялистских фракций была заинтересованность в государственных должностях или покровительстве. Хотя парламентская фракция во время гражданской войны и пострадала от классовых и региональных раздоров, она была едина в борьбе с притязаниями двора. Эти историки отличаются от Тилли и Манна, рассматривая гражданскую войну и Фронду как восстания против необычных запросов и коррупции «ренессансных государств». Тревор-Ропер (1965, с. 88–94) утверждает, что, несмотря на итоги восстаний XVII в., и победившие французские короли, и восстановленная английская монархия занялись меркантилистской политикой, которая была менее тягостной для их подданных, постепенно подстегнув экономическое развитие⁶.

ные причины, Сайер не может указать причинно-следственные связи между английским государством и капитализмом и довольствуется широким заключением о том, что государство имело какое-то отношение к «возникновению ранее не существовавшего „индивидуума“... наделенного частными правами и представительством в государстве. Именно эти индивидуумы были агентами капиталистической экономики» (с. 1398–1399).

Формулировка Сайера оставляет каждое звено в логической цепочке неопределенным и непроверяемым. Он не рассматривает конфликты, которые породили такую особую форму государственности, или то, как эта форма ограничивала и определяла политические и экономические права. (Этой теме посвящена работа Corrigan и Sauger, 1985, где авторы более внимательны к случайным и противоречивым следствиям политических конфликтов и формам государства, чем Сайер отдельно в своей более поздней догматической декларации).

⁶ Многие историки относятся, по крайней мере имплицитно, к одному из этих трех направлений, хотя они определяют акторов и их интересы в других терминах, нежели те теории, которые были здесь рассмотрены. Так, Кристофер Хилл (Christopher Hill, 1963), наиболее выдающийся защитник модели классового анализа для Англии, не обсуждает классовые интересы буржуазии в целом. Вместо этого он описывает, как у покупателей бывшей монастырской собственности появился общий интерес защитить свои права на собственность от попыток короны вернуть себе церковные земли и десятину. Подобная неспособность отделить друг от друга класс буржуазии и аристократии, с их противоположными интересами, означает, что очень немногие историки Англии приняли или развили трактовку Добба (Dobb, 1947) модели относительной автономии. Основной корпус историков, включая сюда многих из тех, чьи работы анализирова-

Горизонтальный и вертикальный абсолютизм

Существующие теории не способны разобраться в политике антиабсолютистских революций, потому что они неправильно концептуализируют образование государства. Все три концепции смешивают две формы абсолютизма — горизонтальную и вертикальную. Горизонтальный абсолютизм характеризуется способностью короны подчинить себе двух главных противников на национальном уровне — крупную знать, которую историки обычно называют магнатами, могущую выставить свою собственную независимую армию и подчинившую себе более мелких землевладельцев, а также духовенство,

лишь выше, склоняется к подходу с упором на государственность. Тем не менее доводы, изначально представленные Тревор-Ропером (Trevor-Roper, 1965) и Стоуном (Stone 1970) развернули историческую и теоретическую дискуссию в сторону от Тилли и Манна с их концентрацией на особых характеристиках «государств Ренессанса». Историческая школа, возглавляемая Расселом (Russell 1971) и Хантом (Hunt, 1983), отвергла все теоретические обобщения в пользу рассмотрения Гражданской войны как смешения партикуляристских локальных раздоров, связанных единой пуританской идеологией, которая отстаивала приходскую личную выгоду, хотя и не капиталистическое стяжательство. Рассел и Хант утверждают, что пуританизм лишил королевское правительство легитимности, не создав или не сформулировав нового группового интереса. В результате, антигосударственная коалиция, которая победила в Гражданской войне, распалась, как только новое государство смогло поддерживать порядок, не обращаясь к помощи враждебных пуритан.

Историки делятся по их оценкам характерных черт классовых категорий, которые необходимо выделить для понимания французской политики XVII в. Взгляд на абсолютистское государство как инструмент аристократии чаще всего выражают историки, занятые исследованием Революции, в первую очередь Лефевр (Lefebvre, 1967) и Робин (Robin, 1970), а не те, которые изучают XVI и XVII вв. Большинство марксистских исследователей французского абсолютизма придерживаются мнения о его относительной автономии; в дополнение к Поршневу (Porshnev, 1963) и Люблинской (Lublinskaya, 1968) ключевые работы принадлежат Мандру (Mandrou, 1965) и Мориллу (Morill 1978). Немарксистские французские историки также работают в основном с упором на государство, например, Губер (Goubert, 1969–73), Мажор (Major, 1980) и Мунье (Mousnier, 1984). Тем не менее эти историки отвергают какой-либо вид классового анализа и отрицают существование объединенной государственной элиты. Вместо этого, они анализируют государство как смешение «социальных групп» (*orders*), соперничающих за престиж и власть. Некоторые ученые пытаются вернуть классы в анализ французского государства, чтобы объяснить те сложности, с которыми столкнулись государственные чиновники и часто не смогли преодолеть в своих усилиях контролировать и эксплуатировать гражданское общество (см. у Кастана (Castan, 1974) и Ашера (Asher, 1960) самые выдающиеся примеры этой тенденции).

организованное в национальную церковь. Таким образом, горизонтальный абсолютизм существует там, где корона имеет монополию на вооруженную силу и доминирует над национальной церковью. Развитие английского абсолютизма в XVI–XVII вв., описанное историками, соответствует этой модели. В то время как в Англии Римско-католическая церковь была подчинена государству в ходе протестантской Реформации, другие монархи добились горизонтального контроля над своими церквями, оставаясь католиками (например, в Австрийской империи и Польше), а некоторые протестантские монархи потеряли контроль над реформированными церквями своих государств (например, в Вюртемберге)⁷. Другой вариант горизонтального абсолютизма проявляет себя через отношения короны с национальными ассамблеями. В странах (преимущественно Восточной Европы), где национальные ассамблеи оставались конгрессами аристократии и духовенства, горизонтальный абсолютизм привел к подчинению этих ассамблей короне. Тем не менее в Англии, как показано ниже, корона вытеснила большинство клириков и многих магнатов из парламента, который перестал быть ассамблей людей, обладающих властью на национальном уровне, и стал конгрессом, представляющим местные интересы, а когда обнаружились общие основания для объединения, он стал новой оппозицией английскому горизонтальному абсолютизму.

Вторая форма абсолютизма появилась на свет в результате неспособности монархов уничтожить конкурентов-магнатов или доминировать над национальной церковью. Сделав «выбор второго сорта», правители образовывали прямые связи с чиновниками и корпоративными органами на местах, отсюда и термин — *вертикальный абсолютизм*. Со временем успешное строительство вертикального абсолютизма создало корпус держателей должностей, соперничавших с клириками, магнатами и их сторонниками за доступ к доходам и контроль над юридическими и военными организациями. Затем силу и преимущества вертикального абсолютизма попытались эксплуатировать аристократы — конкуренты короны, — стараясь купить доходную должность или занять ее каким-либо другим способом. Таким образом, сильный вертикальный абсолютизм привел к тому же, что и горизонтальный, когда бывшие независимые магнаты и клирики сами стали держателями должностей. Я буду называть общую форму абсолютизма, и французский в частности, скорее вертикальным, а не сочетанием вертикального и горизонтального абсолютиз-

⁷ Фулбрук (Fulbrook, 1983) трактует этот случай как пример контраста с Англией.

ма, чтобы сделать акцент на стартовых пунктах и траекториях развития этих двух форм и подчеркнуть контрасты в связях между магнатами и короной, магнатами и меньшими землевладельцами, а также держателями должностей в обществах, характеризующихся обеими формами абсолютизма.

Мой тезис таков: способность монарха следовать стратегиям, которые создают вертикальный или горизонтальный абсолютизм, зависит от структуры отношений, существующих между элитами в обеих странах. Все три концепции склонны рассматривать аристократию как класс и ограничивать свое обсуждение вопросами, касающимися интересов аристократии в целом и ее отношений с конкурирующими классами крестьянства и буржуазии, а также с государством. Они таким образом затеяют конфликты внутри феодального правящего класса и те способы, при помощи которых эти конфликты включены в горизонтальную и вертикальную формы абсолютизма. В результате сторонники этих трех теорий не способны дать отчет, как происходило разделение аристократов по лояльным и мятежным фракциям во время гражданской войны и Фронды. Более того, при всех прежних попытках проследить выстраивание относительно друг друга классов и государственных чиновников недостаточное внимание уделялось всем комплексам союзов и конфликтов в Англии и Франции XVII в. Попробуем исправить это упущение ниже, сопоставляя французский вертикальный и английский горизонтальный абсолютизм.

Выгодное использование Реформации

Элиты по всей католической Европе старались как-то отвечать на угрозы и открытие новых возможностей, порожденные Реформацией. Стратегия каждой элиты определялась ее положением в рамках общей структуры европейских элит больше, чем относительной или абсолютной силой их организационных возможностей.

Духовенство было элитой, которая могла пострадать сильнее других из-за Реформации. В средневековую эпоху французская католическая церковь гораздо больше контролировалась светскими властями, чем английская, и, следовательно, была обречена занять более слабое положение в конце XVI в. Французские нобили контролировали назначения на большинство церковных должностей и использовали этот контроль для изъятия большей части церковной десятины. Такой контроль обычно осуществлялся независимо от короны, так как французские магнаты напрямую договаривались с папой и получали его

официальное одобрение своих кандидатов на епископские и архиепископские посты. Многие французские епископаты оставались в руках одной семьи на протяжении нескольких веков, и держатели поста уходили на покой, передавая его преемнику из своих родственников. Епископы, в свою очередь, использовали менее значимые должности в качестве награды для политических клиентов своих благородных семейств (Salmon, 1975, с. 80–113; Shennan, 1969, с. 16–19).

Французская католическая церковь потеряла юридическую силу, подчинившись контролю над своими должностями и финансами. Корона одобряла манипуляции с законом, к которым прибегали парламенты, чтобы оспаривать право церковных судей регулировать манориальное земельное держание и семейные отношения (Blet, 1959, с. 88–99). Средневековая французская церковь не играла значительной роли в регулировании крестьянского землепользования в большинстве областей, как показывает типология элитных структур и аграрных классовых отношений (см. вторую главу).

Английские клирики были успешнее своих французских коллег в сохранении независимости и финансовой цельности своих постов в столетия, предшествующие Реформации. Степень папского контроля над английской католической церковью была отражением международного характера церковной иерархии; в XV в. папы присылали в Англию епископов-иностранцев и английские священники делали карьеру за границей. Некоторые английские бенефиции до середины XV в. держали французские церкви (Swanson, 1989, с. 7–11). Папа был вынужден уступить контроль над церковными должностями и бенефициями в Англии, но уступить королю, а не светским землевладельцам. Бенефиции не попали под постоянный контроль дворянских семейств; скорее, английские короли распределяли епископства между аристократическими фракциями, что было частью общей королевской стратегии уравнивания магнатских партий на национальном уровне (с. 64–74, 103–122).

Английские короли защищали институциональную автономию церкви от хищных притязаний светских владык потому, что корона сама хотела присвоить церковные доходы. На самом деле до Реформации английская корона была почти единственным светским потребителем английских церковных богатств (Swanson, 1989, с. 64–74, 103–122), в отличие от Франции, где аристократы захватили контроль над бенефициями и другими церковными богатствами, оставив и папство, и монархию (Bergin, 1982; Cloulas, 1958). Английские короли защищали мирскую власть церкви от светских посягательств так, чтобы корона могла продолжать использовать клириков в каче-

стве государственных чиновников и сборщиков податей и тем самым дополнять и уравнивать мирян, которые, не получая зарплаты, занимали должности в графствах. Тогда клирики составляли самый крупный блок, контролируемый королем, в Парламенте, особенно в Палате лордов, где духовенство занимало практически большинство мест до Реформации (Swanson, 1989; с. 103–122).

Королевские судьи ограничивали власть церковных судов в XV в., но только до той степени, которая была необходима, чтобы позволить короне присваивать церковную собственность и права на доходы (Swanson, 1989, с. 140–190). В результате английские клерикальные судьи сохраняли независимость для защиты финансовых интересов церкви против посягательств мирян, даже когда это требовало вмешательства в споры между землевладельцами и крестьянами по вопросам земледержания (см. вторую главу) (Hill, 1963, с. 84–92; Houlbrooke, 1979, с. 7–20).

Воздействие Реформации на католические церкви Англии и Франции и разошедшиеся курсы абсолютизма в этих двух королевствах можно выводить не из перечня способностей каждой церкви или монарха порознь, а из результатов союзов и конфликтов, в рамках которых эти способности развились. Несоответствие между стратегическими достижениями и возможностями групп демонстрируют почти противоположные итоги Реформации в Англии и Франции. Наиболее автономная национальная церковь Англии потеряла большую часть своего имущества и власти при упразднении монастырей, в то время как французское духовенство сохранило свою управленческую и финансовую организацию. Английские историки самых разных направлений рассматривают Реформацию как ключ к последующему развитию английского абсолютизма и резкого расхождения характера национального политического ландшафта от французского. Теоретики всех трех направлений не придавали большого значения духовенству и Реформации (или тому, что она не осуществлялась во Франции). Я предлагаю свое объяснение, почему английская, а не французская церковная элита подчинилась монархии, а затем прослеживаю, как различные судьбы обеих церквей отразились на стратегических возможностях, открывшихся перед соответствующими монархиями, а затем оцениваю, насколько состоятельными оказываются три теории абсолютизма при сравнении с моей, элитоцентрированной, моделью при объяснении развития систем союзов и конфликтов.

Сила институциональной автономии английской церкви была ее слабостью, если говорить о положении духовенства в английской

политике. Так как светским землевладельцам не хватало влияния на церковные назначения и церковные суды противостояли им в конфликтах, связанных с земледержанием, они были не заинтересованы сохранять церковную власть и имущество. И напротив, французские дворяне, контролировавшие церковные назначения и доходы с церковных должностей, хотели сохранить формальную автономию католической церкви, не дав королю ее присвоить. Из 129 человек, назначенных епископами в правление короля Франциска I (1514–1547 гг.), 93 были из «дворянства шпаги»: они владели землей и могли вести военные действия независимо от короны. Большинство епископатов удерживались внутри дворянских семей, и епископы, уходя на пенсию, де-факто имели право назначать себе преемника (Salmon, 1975, с. 8–9). Следовательно, когда короли предъявили свои финансовые и правовые требования национальной ассамблее епископов, у духовенства были достаточно сильные связи с провинциальным дворянством, чтобы сопротивляться угрозам их интересам со стороны королей (Blet, 1959). Подчиненность клириков своему аристократическому роду спасла церковную собственность от присвоения короной.

Независимость английской церкви от землевладельцев на уровне графства создавала такую ситуацию, при которой монархии требовалось контролировать всего несколько дюжин клириков на самом верху церковной иерархии. Иерархический характер церкви, отсутствие связей между клириками нижнего уровня и светскими землевладельцами и господство Генриха VIII над епископами позволили ему получить одобрение парламента на перевод церковных доходов и сборов от иерархов к короне. Благодаря упразднению монастырей монарх получил права на треть всех английских маноров, до этого находившихся во владении церкви. Если прибавить к его дореформационным земельным владениям общую стоимость монастырских маноров, Генрих VIII должен был получать по 200 000 фунтов в год. Этого было достаточно, чтобы гарантировать финансовую независимость короны от аристократии и парламента в мирное время и одновременно давало ей средства, необходимые для строительства королевской бюрократии (Hill, 1963, с. 3–5).

Успешное присвоение Генрихом VIII имущества и инфраструктуры бывшей английской католической церкви открыло возможность для строительства горизонтального абсолютизма, то есть для достижения гегемонии на национальном уровне за счет магнатов, как некогда автономной церковной иерархии. Генрих и его преемники втянулись в союз с мелкими светскими землевладельцами — джентри, — чтобы обезопасить себя и расширить до национального уровня

господство церкви и государства. Делая так, английские монархи запустили процесс трансформации политики и экономики на локальном и национальном уровнях.

Неудачные попытки французских монархов присвоить себе основную часть клерикального имущества и должностей, остававшихся под контролем светских семейств, перекрыли возможности для строительства сильного абсолютизма, такого как в Англии. В то же время неспособность французской короны реально контролировать национальную церковь позволила магнатам, менее крупным аристократам и городским нобилям политизировать свои религиозные разногласия, создав соперничавшие католическую и гугенотскую (протестантскую) коалиции. Религиозный фракционизм создал зазор для французских королей, позволивший им «опуститься»⁸ и найти союзников в областях, королевскому вмешательству в которые некогда мешали организации сплоченных магнатов. Обращение вниз для создания перекрывающихся и конкурирующих органов коррумпированных держателей должностей, всех верных королю, стало единственной выигрышной стратегией саморасширения французской короны, приведшей к созданию второго по качеству, горизонтального абсолютизма.

АНГЛИЯ

Защита завоевания Реформации

Реформация Генриха вызвала вспышку ограниченного внутреннего мятежа и одновременно подкосила королевский контроль и над парламентом, и над управлением в графствах. Корона использовала имущество, захваченное во время упразднения монастырей, чтобы обеспечить поддержку Реформации светской элитой, выступившей против клерикальной и народной оппозиций. Генрих VIII продавал монастырские земли, драгоценности и бенефиции, чтобы оплатить войны, начатые в 1539 г. Он был неспособен поднять налоги в достаточной степени, чтобы покрыть стоимость войны, потому что изгнание большинства клириков из парламента во время Реформации уничтожило группу, приверженную короне (Hill, 1963, с. IX–XI). Сравнение полученных доходов и денег, потраченных на войну в правление

⁸ См. в примечании 25 к третьей главе определение «опускания» у Уайта (White, 1992).

таблица 4.1. Доходы и расходы на войну при Генрихе VII и Генрихе VIII

Доходы и расходы	Генрих VII (1491–1500)	Генрих VIII (1539–1547)
Получено с пятнадцатины и десятины	136 700	180 000
Получено через субсидии	30 000	478 200
Суммарный доход с парламентского светского налога	166 700	658 200
Суммарные военные расходы	107 600	2 134 000
Доходы со светского налога в % от военных расходов	155	31

источники: По военным расходам — Dietz, 1964, вступление; по налоговым доходам — Schofield, 1963, с. 360–361, 415–416. Все цифры приведены в фунтах стерлингов.

Генриха VII и Генриха VIII, показывает резкое сокращение возможностей короны вынуждать парламент одобрять налоги, которых хватало бы на оплату заграничных походов (*табл. 4.1*). Генрих VII смог успешно платить за свою главную войну (1491–1500 гг.) благодаря одобренным парламентом налогам, которые составляли либо столько же, сколько военные расходы, либо были в полтора раза больше. А Генрих VIII набрал денег лишь на треть всех военных расходов из налогов.

Финансовый дефицит частично покрывался рентой, получаемой с захваченных монастырских маноров, и субсидиями духовенства, налога, взимаемого короной с десятины, который направлял в другую сторону тот денежный поток, который раньше тек к римскому папе. Разница между расходами на войну и доходами короны традиционно покрывалась за счет займов. Но лондонские финансисты не желали давать деньги под проценты, если могли использовать свой капитал на покупку у короны церковных земель. Таким образом, деньги более чем на четверть стоимости войны — больше, чем давали английские налогоплательщики — добывались продажей монастырских земель (*табл. 4.2*)⁹.

⁹ Обычные поступления короны — доходы с королевских земель, удерживаемых еще со времен до Реформации, таможенные сборы (по которым Парламент голосовал для каждого нового короля на всю его жизнь и которые короли обычно не повышали без дальнейшего одобрения Парламента), попечительства (*wardship*) и другие феодальные сборы — все тратились на обычные расходы королевского дома и правительства. Таким образом, военные расходы покрывались целиком за счет экстраординарных поступлений.

ТАБЛИЦА 4.2. Источники экстраординарных доходов Генриха VIII (1535–1547 гг.)

Источники	Сумма (в фунтах)	% от общей суммы
Парламентские светские налоги	737 500	25,9
Церковные налоги	712 200	25,0
Казна монастырей	79 500	2,8
Доход с захваченных монастырских поместий	525 100	18,5
Продажа бывших монастырских земель	789 400	27,8
Общая сумма	2 843 700	100

источники: По парламентским светским налогам — Schofield, 1963, с. 360–361, 415–416; по другим доходам — Dietz, 1964, с. 137–143.

примечания: Суммы в фунтах сокращены до 100 фунтов стерлингов. Парламентские светские налоги включали все расписки за пятнадцатину, десятину и субсидии, церковные — расписки за церковные субсидии, первые плоды, десятину и штрафы. Казна монастырей — все золото, серебряная посуда и украшения, полученные королевской казной. Два последних источника доходов — общая сумма, полученная двором приращения; сам двор различал деньги, полученные как доход с бывших монастырских поместий и от продажи поместий.

Лишение сана многих священников во время упразднения монастырей и подозрения, под которыми многие другие представители духовенства жили после Реформации при Генрихе VIII и особенно после благодатного паломничества (Pilgrimage of Grace, крестьянский протест против упразднения монастырей 1536 г., поддержанный некоторыми клириками)¹⁰, сделало корону гораздо более зависимой от светских, а не церковных чиновников. Управители-миряне бывших монастырских поместий и оценщики церковной собственности, предназначенной на продажу, широко пользовались своим положением для заключения собственных сделок.

Valor Ecclesiasticus, опись монастырского землевладения, проведенная в 1535 г. комиссиями под руководством епископов, которых королевская власть могла лишить места, и жаждущих продемонстрировать ей свою верность, выявила валовый доход монастырей, равный 150 000 фунтам в год (Savine, 1909, с. 76–100). Эта сумма включала и налоги с сельскохозяйственных поместий, и «духовный доход», который в основном выражался правами на десятину. Всю такую собственность, и права, и поместья, обычно продавали за 20-летнюю

¹⁰ «Паломничество Благодати» рассматривается у Флетчера (Fletcher, 1968, с. 21–23), Дэвиса (Davies 1968) и Харрисона (Harrison, 1981).

ренту — ежегодный доход в 20-кратном размере (Habakkuk, 1958). Таким образом, монастырские земли имели потенциальную стоимость 3,2 миллиона фунтов¹¹. Кроме того, королевская сокровищница получила ценностей на сумму 79 500 фунтов из распущенных монастырей (Woodward, 1966, с. 125); реальная стоимость монастырских сокровищ и та сумма, которую присвоили себе светские ликвидаторы этих сокровищ, неизвестна, ее невозможно узнать, так как эти джентльмены-воры не вели никаких записей. Но какой бы ни была конечная сумма, корона потратила все свои доходы с монастырских сокровищ еще до начала войны в 1539 г. и потратила по большей части на патронат и демонстративное потребление¹².

Корона реализовала лишь часть потенциальной прибыли, которую можно было получить с монастырских земель и прав на десятину. Фредерик Дитц (Dietz, 1964) подсчитал, что корона получила 789 400 фунтов с продажи $\frac{3}{4}$ собственности, захваченной при упразднении монастырей. Если бы их продали за полную стоимость 20-летней ренты, они бы принесли от 2 до 2,4 миллиона фунтов, в зависимости от цены на основании валового или чистого ежегодного дохода. Таким образом, корона реализовала от 33 до 40% потенциальной прибыли, которую могла получить с продажи бывших монастырских земель. Иначе говоря, если бы короне удалось продать монастырские земли по полной рыночной цене, она смогла бы покрыть свой военный дефицит, лишившись всего лишь $\frac{1}{4}$, а не $\frac{3}{4}$ этих земель.

Корона продавала монастырские земли по цене, ниже рыночной, по двум причинам. Во-первых, она желала укрепить поддерж-

¹¹ Сейвин (Savine, 1909, с. 77) подсчитал, что «чистый доход» от монастырских земель (т. е. общий доход минус стоимость управления поместьями) был равен 135 000 ф. ст. Таким образом, потенциальная стоимость могла быть скорее 2,7 миллиона ф. ст., а не 3,2 миллиона. Документы по поместьям и исторические исследования не дают точного ответа, как, возможно, и сами продавцы и покупатели поместий в XVI в., на вопрос, следует ли рассчитывать цену исходя из общего или чистого дохода с поместий. Абаккук (Habakkuk, 1958) показывает, однако, что цены поднимались до суммы 30-летней ренты к 1560-м гг., из чего скорее всего следует, что в честных сделках учитывалась самый высокий общий доход.

¹² Исследование Дитца (Dietz, 1964) правительственных финансов, а также компиляция и анализ Брэдика первичных и вторичных фискальных источников (Braddick, 1994) показывают, что денежные суммы, полученные от аренды и продажи бывших монастырских земель и продажи монастырских сокровищ, как только они приходили в сокровищницу британской короны, не откладывались про запас, чтобы покрывать расходы в будущем. Таким образом, королевские поступления в предвоенные годы (1535–1539) и монастырские сокровища, большая часть из которых была захвачена до 1539 г., скорее всего, Генрих VIII сразу же тратил или раздавал.

ку Реформации светской элитой и давала монастырские земли в дар или продавала их по дешевке, чтобы вознаградить своих политических союзников. Во-вторых, она зависела только от светских оценщиков и управителей при продаже монастырских земель, тем самым создавая для них возможности для осуществления самостоятельных сделок, так как люди, достаточно известные в каждой местности, управляющие крупными поместьями от имени короны, были главными претендентами на эту собственность. Как только пришла война и короне потребовалось большое количество наличности и срочно, Генрих VIII был вынужден выставить много маноров на рынок одновременно. Синдикаты лондонских финансистов были единственными покупателями, способными собрать капитал, чтобы купить большое количество маноров сразу же. Отсутствие конкуренции со стороны позволило синдикатам контролировать рынок и сбивать цены.

По схожим причинам короне не удалось реализовать полную стоимость годовой прибыли с монастырских поместий, которые она захватила, но не продала. Дитц указывает на сложность подсчета этой недостачи, так как Генрих VIII «никогда не держал все монастырские земли в своих руках одновременно, потому что большинство собственности и земель первых репрессированных монастырей было отчуждено еще до того, как дома тех, кто стал жертвой позднее, попали в руки короля» (1964, с. 137). Тем не менее сумеет Генрих VIII получить полную чистую прибыль с захваченных монастырских земель, он смог бы профинансировать всю войну целиком, только продавая монастырские земли¹³.

Перри Андерсон утверждает, что решение Генриха VIII атаковать Францию привело к продаже монастырских земель: «большая часть этой громадной непредвиденной прибыли была потеряна, а вместе с ней и шансы для английского абсолютизма заложить твердую экономическую базу, независимую от налогообложения, одобряемого парламентом... Один из самых бесславных и непоследовательных за-

¹³ Я основываю свое утверждение на следующих подсчетах: чистый доход с монастырских земель был 135 000 ф. ст. в год. Корона захватила практически все земли до 1539 г. Если корона целиком получала чистую прибыль с ренты за восемь лет с 1539 по 1547 гг., то это составило 1 080 000 ф. ст., сумму лишь на 234 000 ф. ст. меньше всей, полученной с рент и продаж монастырских земель с 1535 по 1547 гг. Из этого мы можем заключить, что корона сократила свои экстраординарные расходы на 8%, чтобы покрыть дефицит, или одолжила требуемую сумму, особенно если учесть, что финансисты не имели возможности инвестировать наличность в монастырские земли, которые не были выставлены на продажу, если корона не реализовала с их ренты полную потенциальную прибыль.

граничных походов в английской истории вызвал влиятельные, хотя и надолго скрытые последствия для внутреннего баланса сил английского общества» (1974, с. 124–125)¹⁴.

Оценка Андерсоном ситуации, безусловно, более точна, чем у сторонников государственно ориентированного анализа. Рост военных расходов интерпретировался как показатель мощи государства и Майклом Манном (1980, 1986), и Чарльзом Тилли (1985). Манн полагает, что «военная цель государства была по-настоящему функциональна и ее можно было использовать для частных государственных нужд. Развитие постоянной финансовой машины и наемнических армий давало возможность для улучшения монархической власти» (1980, с. 198). В выкладках Манна Англии приписывается смешанная роль: вся страна выступает как актер в международных конфликтах, а английский монарх — как актер внутри страны. Англия к концу XVI в. действительно стала европейской военной крупной державой. Однако ее военная мощь не помогла английским монархам в битве с внутренними врагами.

Вопреки тому, что утверждает Манн, армии наемников, находившиеся на континенте и северной границе Англии, не давали короне силы для противостояния вооруженным магнатам внутри страны. Английские армии были наемными потому, что крупные лорды, сидя в парламенте, никогда не стали бы финансировать местную армию, которую можно было бы обратить против них. Коронные армии были распущены в конце войны. Дорогие укрепления располагались за границей или на побережье и у границы, а не в тех местах, где они могли бы угрожать господству магнатов в графствах.

Война не только не помогла заложить военную мощь английской короны, которую можно было бы обратить против внутренних элит, но и фатально ослабила корону в ее попытках построить в Англии политический абсолютизм. Война требовала много ресурсов и сразу, без отсрочки, чтобы платить армии и флоту и снабжать их всем необходимым. Короли вынужденно шли на политические соглашения с теми, кто мог дать им наличные деньги, чтобы оплатить войну. Планы Генриха VIII сохранить запас поместий, чтобы финансировать политическую независимость от парламента и создать королевскую бюрократию, которая могла стать базисом английского абсолютизма, были нарушены необходимостью финансировать войну. Лон-

¹⁴ Дитц настаивает практически на том же. Он заключает, что для войны со столь незначительными итогами «Генрих потратил свои ресурсы. Он оставил своему сыну долг... обесценившиеся деньги, и истощенные поместья» (1964, с. 158).

донские купцы — единственный источник готового капитала — нашли в себе силы отказать королю в займах и потребовать продажи церковных маноров в обмен на финансирование войны.

Уступки Генриха лондонским купцам являются образцовым примером того, как маневры короны в рамках международной структуры ослабляют ее в конфликте против элит национального уровня. Парламент созывался на свои сессии на протяжении всех веков, которые исследовал Манн (1980), потому что короне был нужен срочный доступ к ресурсам, контролировавшимся сельскими и городскими элитами. Усилия короны мобилизовать английские ресурсы для международной войны институализировали парламент как форум для организации интересов светской элиты. Война и торговля благоприятствовали централизации ресурсов в государственной организации, что позволило Англии конкурировать с другими нациями на международном уровне. Однако эта организация состояла не только из государственных менеджеров Теды Скоцпола (Theda Skocpol, 1979) или партии войны Манна. Стратегии короны в международной борьбе с другими монархами создали государственную организацию, мобилизовавшую сначала магнатов, а затем и более широкий круг элит на национальном уровне.

Таким образом, война стала регулярным событием в жизни европейских монархий и государств¹⁵. Войны начинались по разным причинам: в надежде на территориальные или финансовые приобрете-

¹⁵ Кажется, сложно объяснить войну в терминах рационального выбора. Лучшая попытка принадлежит Маргарет Леви (Levi, 1988). Она не утверждает, что война окупается для нации в целом за счет получения колоний и рынков. Вместо этого, она говорит, что война перемещает ресурсы от подданных королям, потому что национальная идея (например, общей национальной идентичности и патриотизма) выковывается во время войны, и вследствие этого война представляет корону как защитника национальных интересов, убеждая подданных платить налоги для поддержки войны. Леви идет дальше и делает предположение, что когда повышается стоимость войны, повышается и способность правителя убеждать подданных оплачивать ее стоимость. Леви не поясняет, почему дорогие войны должны вызывать более сильное чувство патриотизма, особенно если войны ведутся за границей, далеко от взгляда платящих налогов подданных. Леви сравнивает Англию и Францию и утверждает, что более слабая позиция английских королей на переговорах со знатью, вынуждала их идти на уступки, которые повышали способность убеждать или заставлять подданных платить налоги. Французские короли были сильнее и меньше торговались, но из-за этого они также получали меньше добровольной поддержки налогов и за большую стоимость «действенности» (например, сбора налогов). (Основная суть доводов Леви дается ей на с. 95–121).

ния за границей (изначально в Европе, но постепенно и для контроля торговых путей и колоний), для защиты единоверцев правителя или продвижения его религии, чтобы вынудить внутренних соперников приостановить оппозиционные короне действия при столкновении с внешней угрозой. Все вычисления, показывающие выгоды военной кампании, поддерживались культурой воинской доблести и героизма. Социальные позиции, привилегии и идентичности королей и аристократов основывались на самопровозглашенных способностях защищать своих подданных, их территории и христианство в целом от нападения извне. Такая культура и результирующие самоидентификации заставляли европейские светские элиты сбрасывать со счетов человеческие потери и видеть в фортификационных сооружениях и военных походах выгодные вложения личного капитала и источник социальной прибыли.

Тогда европейские элиты широко оправдывали начало войн и часто этим пользовались. Мы можем заключить, что война была рациональной или способствовала формированию государства только при соединении разрозненных и часто конкурирующих интересов элит в некоем едином овеществленном состоянии. Элиты принимали решения идти войной на кого-то, что оборачивалось катастрофой для них самих, неумышленно помогая их противникам. Наша задача как социологов — не игнорировать комбинированное воздействие решений, принятых в рамках структур множественных элит,

С анализом Леви возникают две значительные проблемы. Во-первых, она просто утверждает, не предлагая доказательств, что дорогие войны вызывают большее желание платить налоги. Во-вторых, она представляет дорогие войны, вызывающие повышение патриотизма, что вызывает повышение сборов налогов, что вызывает увеличение способностей вести войну, что, в свою очередь, ведет к еще большему числу войн и еще более высоким военным расходам, как прогрессивный и непрерывный циклический процесс развития государства, по крайней мере, в Англии и Франции. Однако, как показывает эта глава, войны и вызываемое ими потребление финансов, груз которого ложится на плечи и королей, и их подданных, имеют весьма разные последствия, в зависимости от специфической конфигурации элитных и классовых отношений в каждый отдельный исторический момент. Война 1539–1547 гг. надолго ослабила английских королей; войны привели к крушению монархии, как в Англии в 1640–1649 гг., так и во Франции во время революции. Войны подорвали силы элиты, противницы французской короны, во время Фронды 1648–1653 гг. Во всех этих случаях королей стимулировали к ведению войны расчеты из области внешней и внутренней политики. Войны быстро приводили к неожиданным последствиям во всех этих случаях, лишая возможности как королей, так и исследователей сказать, что война всегда рациональна для саморасширяющихся правителей.

видя во всех войнах только подсумму главного процесса образования государства или главной логики целерационального выбора. Нет, мы можем предвкушать решение весьма сложной задачи определения воздействия каждой отдельной войны на комплекс отношений элит и классов.

Покупка гегемонии на национальном уровне

Известно, что Генрих VIII потратил $\frac{3}{4}$ своей прибыли с Реформации на войну и патронат. Его преемники, Эдуард VI (1547–1553), Мария I (1554–1558) и Елизавета I (1558–1603) потратили оставшуюся часть тюдоровского имущества на своих политических клиентов. К началу елизаветинского правления королевские земельные владения вернулись к своему дореформенному уровню, приблизительно $\frac{1}{10}$ части маноров всей страны. К 1640 г. корона владела только 2% всех английских маноров (Cooper, 1967, с. 420–421; Tawney, 1954, с. 91–97).

Монархи династии Тюдоров купили беспрецедентную степень гегемонии на национальном уровне своим патронатом. Большая часть пэров и джентри, даже католики по вере, стали собственниками земли или десятины, которые некогда принадлежали церкви и были захвачены во время упразднения монастырей (Hill, 1963; Bossy, 1975). Королевские суды и коллегии мировых судей в графствах получили власть над крестьянским землевладением, сбором и распределением десятины за счет церковных судов (Houlbrooke, 1979, с. 117–150 и далее; Somerville, 1992, с. 11–128)¹⁶.

Продажа короной церковных земель и передача юридической власти духовенства светским землевладельцам вызвала у них и материальную, и политическую заинтересованность в поддержке Реформации. Любая попытка возродить юридическую власть римской, а позже англиканской церкви или вернуть десятину и бывшие монастырские владения духовенству затрагивала права светской элиты и непосредственно касалась значительной доли ее собственности. Борьба папы и английских католиков с господством короля над цер-

¹⁶ Последствия потери духовенством власти над земледержанием и постепенного обретения светскими землевладельцами монополии на юридический контроль над земельными правами на общественные отношения в аграрном секторе рассматриваются в шестой главе. Здесь достаточно указать, что любое возрождение церковной автономии и власти означало потерю светской власти, что создавало заинтересованность части светских землевладельцев в защите королевского примата над английской церковью от нападков со стороны католиков.

ковью воспринималась как покушение на богатство светской элиты и ее контроль над крестьянством. Поэтому английские джентри разного достоинства дружно противостояли попыткам Марии I и пап восстановить католичество и особенно власть Рима в вопросах веры в Англии. Даже католическая знать и джентри «осознали, сколь значительно улучшился их статус там, где плюрализм веры стал условием жизни. В конечном счете им было лучше диктовать судьбы секты меньшинства в стране под владичеством протестантов, нежели играть вторую скрипку в единообразном обществе католического духовенства» (Bossy, 1975, с. 32).

Генрих VIII начал, а Елизавета I продолжила, достигнув значительных успехов, проводя стратегию пряника в виде королевского патроната и кнута в виде военных карательных экспедиций для сокрушения силы магнатов, которые наряду с духовенством являлись другой конкурирующей национальной элитой средневековой Англии¹⁷. Елизавета вынудила магнатов распустить свои частные армии и снести укрепленные замки, заменив их на дворцы, хотя и большие по величине, но беззащитные. Она редко применяла силу, щедрое использование королевского патроната (возможного благодаря запасам монастырского имущества) побудило многих магнатов направить свою политическую активность на королевский двор в стороне от своих графств (Stone, 1965, с. 199–234, 398–424). Расходы на патронат пришли на смену военным тратам в качестве основных в королевских финансах.

Изначально Елизавета использовала оставшиеся монастырские земли для поощрения союзников в виде подарков или продаж по выгодным для них ценам. Когда источник коронных земель стал истощаться, она обратилась к налоговым откупам, торговым привилегиям, монополиям в добыче горной руды и мануфактурном производстве, а также к сельскохозяйственным откупам в качестве дальнейшего источника субсидий для придворных фаворитов (Stone, 1965, с. 424–449). С каждым таким пожалованием в жертву приносились потенциальные королевские прибыли с налогов, пошлин на горнодобычу, мануфактуру и землю ради обеспечения немедленной награды для верных людей без растраты текущих королевских доходов. Пожалования было сложно вернуть, как выяснили Якоб I и Карл I, когда вдруг поняли, что множество путей сбора налогов заблокированы монополиями и привилегиями, розданными Елизаветой I.

¹⁷ Гивен-Уилсон (Given-Wilson, 1987, с. 55–68 и далее) дает лучший разбор критериев принадлежности к магнатам в предреформационной Англии и их власти.

таблица 4.3. Патронат короны, 1558–1641 гг.

Период (а)	Количество лет (b)	Сумма патроната (фунты стерлингов)	Среднегодо- вое значе- ние (фунты стерлингов)	Количество тех, кто получал свыше 10 000 фунтов стерлингов (с)
1558–1576	19,5	268 000	13 800	11
1577–1603	25,5	203 000	8 000	7
1603–1628	25,5	2 174 000	107 500	45
1629–1641	13	329 000	25 300	5

источники: Stone, 1965, с. 775.

примечания: а) первые два периода приходятся на годы правления Елизаветы I, третий включает в себя и годы правления Якова I и первые два года Карла I; последний период – правление Карла I; б) суммы приведены в фунтах стерлингов с учетом инфляции, по ценам на 1603–1628 гг.; с) включает тех, кто получил такую сумму за один из четырех периодов. Отдельный человек или семья могут фигурировать в этой категории более чем по одному периоду или же, если было получено свыше 10 000 фунтов стерлингов за время большее, чем один период, они, соответственно, не учитывались в этой колонке.

Насколько Елизавете удалось отвлечь внимание крупных землевладельцев от провинциальных и военных дел и увлечь финансовыми и политическими наградами, можно измерить относительной защищенностью короны от их вооруженных притязаний между 1558 и 1640 г. В то же время ориентированные на двор магнаты ожидали щедрых подарков за политическую лояльность короне. Патронат стал основным инструментом для Елизаветы I и ее преемников по достижению политического одобрения своей политики на общенациональном уровне. Суммарная стоимость коронного патрона, предоставленного в правление Елизаветы I, Якова I и Карла I, была подсчитана Лоуренсом Стоуном (*табл. 4.3*).

Спрос на патронат, который продолжался и усиливался при Якове I, вызывал новые пожалования или продажи должностей, которые обеспечивали доход или возможности для выгодного ведения собственных дел занимавшим эти должности. Среди наиболее ценных были места в Комиссии по субсидиям. Ее уполномоченные надзирали за оценкой и сбором основных парламентски одобренных светских налогов, дотаций и одной пятнадцатой с одной десятой. Так как именно уполномоченные назначали мелких землевладельцев, которые проводили работу по оценке и определяли, какую долю суммарной налоговой квоты для графства платит каждый зем-

левладелец, уполномоченные были в состоянии уменьшать налогообложение со своих собственных земель и держаний своих союзников (Smith, 1974, с. 114–115).

Денежное значение должности уполномоченного по субсидиям можно вычислить, исходя из данных по налогам, полученным в Сассексе. В этом графстве в правление Елизаветы I, Якова I и Карла I большинство уполномоченных происходило из 70 семейств. Средняя оценка субсидий этих семейств упала с 61 фунта в 1540 г. до 14 фунтов в 1620-е гг., снижение тем более значимое, что цены на зерно и аренду земли за этот период выросли втрое (Fletcher, 1975, с. 203). Данные по другим графствам свидетельствуют, что субсидии, уплаченные уполномоченными, представляли незначительную долю от тех сумм, которые отдавали землевладельцы, не имевшие доступа к процессу оценки и раскладки (Willcox, 1946, с. 112–113; Smith, 1974, с. 114–115).

Пожалование почестей (одна форма патроната) даже приносила доходы короне. Как только армии магнатов были распущены, рыцарство стало почетным. Корона наградила своих верных клиентов 2 000 пожалований герба в 1560–1589 гг. и 1760 — пожалованиями в 1590 и 1639 гг. Яков I принял в рыцари 161 человека только в первый год своего правления (Stone, 1965, с. 65–67). Он же изобрел новый титул баронета, который еще больше снизил статус рыцаря, и так упавшего из-за того, что им пожаловали столь многих. Число баронетов было ограничено 200, необходимым требованием для получения этого титула был годовой доход в 1000 фунтов (с. 67–97). Английские правители получали плату за пожалование титулов, делая их выгодной формой патроната. Однако прибыль обычно шла придворным фаворитами, которым были даны права именовать рыцарей и баронетов и лично получать за это плату (с. 97–128).

Само распределение патронатных милостей определяли два фактора: во-первых, магнатов удерживали при дворе, чтобы оторвать от их провинциальных баз, во-вторых, контролировавшие голоса в парламенте награждались за свою готовность поддержать королевские инициативы. Поэтому большая часть патронатных пожалований шла к тем немногим, которые в определенный момент занимали положение, позволявшее им бросить вызов владычеству монарха на общенациональном уровне. Девять человек получили 45% суммарной стоимости патроната, пожалованного за 83 года (табл. 4.3), еще 20 человек получили 20% (Stone, 1965, с. 475).

Как только корона истощила запас монастырских поместий, прибыльные правительственные должности стали основной наградой, доступной верным клиентам. Однако малый размер штата королев-

ской бюрократии, невозможность ввести новые налоги, и ограниченное число торговых и производственных монополий — все благодаря способности землевладельцев и купцов предотвратить контроль местных правительств и местных экономик — ограничивали количество должностей, которые английские монархи могли создать для своих клиентов. Поэтому Елизавета I, Яков I и Карл I смогли пожаловать должностью лишь 17 из 342 пэров, имевших этот титул в 1558–1641 гг. Для 500 ведущих землевладельцев ниже уровня пэров осталось лишь 100 доступных должностей. Из большого числа сельских джентри лишь один из 30 получал выгодную королевскую должность (Stone, 1965, с. 463–467). Из 679 джентри Йоркшира в 1642 г. только 22 имели доходный пост от короны (с. 467).

Направленное распределение патроната отражало постоянную обеспокоенность короны, как предотвратить оппозицию на общенациональном уровне. Стоимость королевских милостей (*табл. 4.3*) была самой высокой в начале правления каждого монарха, когда была велика опасность военного покушения на его власть. Яков I был самым щедрым раздатчиком пожалований, так как ему, шотландцу и иностранцу в глазах английских магнатов, было трудное всего утвердить свою легитимность и найти союзников.

Елизавета I и ее преемники подточили политическое господство магнатов в графствах. Когда Елизавета вынудила крупную знать распустить свои частные армии, она тем самым лишила магнатов возможности держать в страхе более мелких землевладельцев. Пэры, остававшиеся при дворе на большую часть года, были неспособны играть активную роль в политике графств. Хотя многие из них сохраняли свои посты на местах, их членство в графских коллегиях мировых судей по большей части стало источником почета, а не основой для контроля над менее крупными землевладельцами. Отсутствие самих магнатов и их вооруженных людей на местах придало храбрости мелким землевладельцам, и они стали добиваться должностей в графствах. Корона поощряла независимость от магнатов, напрямую жалую местные должности землевладельцам, имевшим опору в графствах. Пэры потеряли право назначать кандидатов на все королевские должности в своих графствах, и ключевая опора их гегемонии в политике графств рухнула.

Корона предотвращала возрождение владычества магнатов, поощряя борьбу за должности между соперничающими фракциями. Изучение Сомерсетшира показывает непрекращающиеся усилия монархии сбалансированно распределить посты мировых судей между двумя основными фракциями не только во всем графстве,

но и в каждой из его 12 частей (Barnes, 1961, с. 40–97, 281–298). Подробные истории Кента и Суффолка показывают сходную стратегию короны (Everitt, 1966; Clark, 1977, с. 112–132, 341–347; MacCulloch, 1977). За переходом назначений от магнатов к короне последовал рост коллегий мировых судей, так как английские монархи старались устроить каждую фракцию и усложнить для одного возможного лидера захват контроля над всей коллегией. Так, численность населения в 1561 г. в Норфолке, Суффолке, Эссексе и Кенте была одинаковой, однако в Норфолке было 24 мировых судьи, в Суффолке — 38, в Кенте — 56, а в Эссексе — 62. Первые два графства в 1561 г. находились все еще под господством магнатов, а в двух последних влияние делили друг с другом несколько фракций (Moir, 1969, с. 29; Everitt, 1966; Clark, 1977, с. 112–132, 341–347).

Как только корона покончила с гегемонией магнатов в графствах, ей пришлось напрямую иметь дело с многочисленными джентри, причем большинству из них она не могла дать прибыльную должность или другой значительный патронат. В результате этого в графских коллегиях мировых судей стали доминировать люди с ориентацией на местную политику, и не потому, что они хотели этого, но потому, что доступ к ресурсам двора для них был закрыт.

Хотя все мировые судьи были ориентированы на общенациональный уровень, их можно классифицировать по тому, насколько их собственные интересы тяготели к национальному или локальному уровню. Джон Хоуз Глисон в своем исследовании мировых судей в 1558–1640 гг. выделяет 6 категорий. Первые были знатью, часто вышедшей из магнатов и владевшие важными королевскими должностями. Хотя вся знать состояла из крупных землевладельцев, они были ориентированы на получение и поддержание своего положения при дворе, а их действия в качестве мировых судей основывались на политических соображениях общенационального уровня. Такие люди часто постоянно жили в Лондоне и не могли повлиять на решения своих коллег — мировых судей (Gleason, 1969, с. 49; Forster, 1973, с. 20–29). Вторая категория, придворные, занимали посты второго уровня в королевском правительстве. Как и знать, они были ориентированы на двор, хотя многие придворные и знатные использовали полученные при дворе милости и богатство на постройку собственных поместий в сельской местности.

Две промежуточные группы мировых судей состояли из юристов и купцов. Эти люди сколотили свое состояние в городах и часто разбогатели за счет милостей двора. Тем не менее многие купцы и юристы имели сельские интересы и устанавливали связи между города-

ми и графствами за пределами Лондона. Таким образом, мировых судей из этих двух категорий следует классифицировать как имеющих двойную ориентацию, поделенную между общенациональным двором и местными сетями городов и графств. Мировые судьи из категории джентри, имевшие наследственные землевладения, не были получателями королевских милостей (хотя некоторые из них расширили свои владения, купив у короны монастырские земли). Последняя группа мировых судей — духовенство. Большая часть клириков разделяла с джентри местную ориентацию, так как получали свои места из рук джентри, имевших право назначения на приходские церковные должности (Gleason, 1969, с. 49; Hill, 1963, с. 58–59).

В первые годы правления Елизаветы I примерно половина мировых судей ориентировались на двор (*табл. 4.4*). К 1584 г. в результате усилий королевы расширить членство в коллегиях и разрушить контроль магнатов в коллегиях графств доля мировых судей, ориентированных на двор, снизилась с половины до трети. Это изменение многим обязано появлению новых мировых судей из профессионалов с двойной ориентацией или джентри с локальной опорой. Общее число мировых судей в графствах Кент, Норфолк, Нортхемптон, Сомерсет, Вустер и Северный Райдинг Йоркшира возросло с 210 в 1562 г. до 330 в 1584 г. Из этого числа общенационально ориентированная знать и придворные занимали 102 места в коллегиях мировых судей шести графств в 1562 г. и 108 мест в 1584 г. В 1608 г., через пять лет после смерти Елизаветы, доминирование джентри в графских коллегиях усилилось до 53%, или 205 мест из 386. Баланс в графских коллегиях в этом году, 100 мест, отражает успех, которым увенчались усилия королевы по освобождению управления в графствах от магнатов, предпринимаемые с первых лет ее правления. Локально ориентированные мировые судьи достигли 55% от общего числа мировых судей и установили твердое большинство в пяти из шести коллегиях графств; только в Северном Райдинге Йоркшира они оставались в меньшинстве (Gleason, 1969, с. 49). Общее число локально ориентированных мировых судей удвоилось в шести графствах в 1562–1584 гг., и повысилось еще на треть к 1608 г. Правление Елизаветы I стало тем окном, через которое контроль над коллегиями мировых судей в графствах перешел из рук магнатов и других акторов общенационального уровня в руки местного джентри.

Стюарты не смогли разжать хватку джентри на должностях мировых судей. Джентри и их церковные союзники удерживали большинство мест в коллегиях шести графств в 1626–1636 гг. Несмотря на общее увеличение числа светских землевладельцев в большин-

таблица 4.4. Состав коллегий мировых судей в шести графствах, 1562–1636 гг., по категориям в %

Профессиональная категория и ориентация судей (а)	1562	1584	1608	1626	1636
Общенациональная ориентация	49	33	26	36	29
Сановники	32	25	19	31	25
Придворные	17	8	7	5	4
Двойная ориентация	13	19	19	13	20
Юристы	9	15	14	10	16
Купцы	4	4	5	3	4
Местная ориентация	38	48	55	51	51
Джентри	37	47	53	45	47
Клирики	1	1	2	6	4
Общее число мировых судей (чел.)	210	330	386	389	356
Число локально ориентированных судей (чел.)	80	158	212	198	181

источники: По профессиональным категориям мировых судей — Gleason, 1969, с. 49; присвоение ориентации — Р. Лахман.

примечания: шесть графств — Кент, Норфолк, Нортхемптон, Сомерсет, Вустер и Северный Ридинг Йоркшира; а) мировые судьи, которые получили свои первые земельные участки в течение жизни, причислены к категории согласно их источнику дохода. Их наследники указаны в той же категории, если они продолжали профессию своих отцов; они указаны как джентри, если оставили свою профессию и переехали в деревню. Те, кто был рожден джентри и занялся юриспруденцией или торговлей, указаны в джентри. Джентри, которые сделали карьеру на королевской службе, учитывались как сановники или придворные.

стве графств в XVI в., одновременное расширение коллегий графств для предотвращения захвата господства магнатами помогало поддерживать существующую пропорцию между числом потенциальных мировых судей и числом мест, открытых в каждой коллегии. Корона могла наказывать наиболее строптивых мировых судей: например, несколько семейств с немалым богатством постоянно не допускали на службу в коллегиях графств (Gleason, с. 65–67).

Норфолк демонстрирует границы возможностей короны смещать мировых судей. После падения семейства Ховардов размер норфолкской коллегии увеличился с 24 членов в 1562 г. до 47 в 1584, достигнув 65 в 1626 г. (Gleason, 1969, с. 49). В 1558–1603 гг. норфолкские мировые судьи набирались из 114 семейств — крупнейших землевладельцев графства; 16 семейств предоставляли мировых судей на протяжении трех поколений (Smith, 1974, с. 58).

При попытке устранить мирового судью короне приходилось ограничиваться маленькой группой джентри со значительным богатством и местным влиянием, теми же самыми семьями, поставившими той же коллегии других членов. Если существенная часть коллегии графства придерживалась политики, враждебной интересам короны, то корона не могла заменить всех ее членов новыми мировыми судьями равного статуса. Назначение в коллегии мелких землевладельцев открывало путь для господства могущественных мировых судей над своими более слабыми коллегами и превращения их в новых магнатов, а это угрожало короне на общенациональном уровне. Нерасжимаемая хватка джентри за мировые коллегии графств была ценой общенациональных стратегий короны.

Пределы горизонтального абсолютизма

Джентри заполнили вакуум, оставшийся после разрушения коронной политико-военной власти магнатов в графствах и способности духовенства регулировать классовые отношения в аграрном секторе. Судьбу крестьянства и развитие сельского капитализма разберем позже (см. шестую главу). Далее я намерен сконцентрироваться на влиянии власти джентри на общенациональную и локальную политику.

Джентри воспользовались вытеснением магнатов из области ежедневного надзора за политикой в графствах и создали новую сеть под своим руководством. Питер Бирман (Beagman, 1993) проследил эволюцию политических союзов и сети патроната в Норфолке от упразднения монастырей до Реформации. Упадок магнатов в графствах в сочетании с открытием возможностей для нового патроната при дворе внесли замешательство в среду джентри, раньше измерявших свое политическое и социальное положение в терминах рода и патронатных связей с магнатами.

Стремление джентри получить статус и патронат и усилия короны сокрушить магнатов объединились и создали в Норфолке и большей части северных английских графств новую политическую структуру. Джентри искали королевских милостей и ради финансовых прибылей, и для замещения родственных связей, ориентированных на магнатов, как организационной основы политики в графствах. Щедрое пожалование короны подрубило власть магнатов ценой уступки надзора за будущими патронатными решениями фракциям, организовавшимся в графствах. Фракционный конфликт парализовал принятие большинства решений в коллегии мировых судей Норфолка —

главном правительственном органе графства с начала XVII в. Этот паралич мешал короне, новой верховной силе в графстве или какой-либо партии установить заново свою политическую гегемонию на уровне графства. В то же время светские землевладельцы были способны использовать судебные сессии для увеличения собственной власти над крестьянами на местном уровне.

Норфолкские джентри преодолели статусное и политическое замешательство, используя религиозный патронат. Пришпориваемая пуританским рвением, меньшая часть джентри конца XVI в. стала использовать церковный патронат, который она получила, для контроля над идеологией священнослужителей, а не только для обогащения с приходских доходов. Греко-православные и католические патроны отреагировали идеологическими назначениями на должности в своей иерархии. Сети джентри завязывались благодаря назначениям одних и тех же священников (одновременно либо последовательно) и образовывали политические блоки, все больше определявшиеся по религиозному признаку в десятилетия, предшествующие гражданской войне.

Новые религиозные идентичности позволили сельским джентри выразить свои материальные интересы как собственников бывших монастырских земель и наследников церковных прав по регулированию землевладения. Они же позволили джентри мобилизоваться в защиту своих интересов, уже не подчиняясь короне, придворным благодетелям или магнатам. Религиозные идеологии стали клеем для джентри, объединенных в сообщества по своекорыстным интересам в не меньшей степени, чем по следованию кодексам морального поведения и своей вере в спасение в ином мире. Блоки религиозного патроната, определенные Бирманом (1993) — лучшие показатели (лучше собственной религиозной идентичности индивидуума, его связи при дворе или его профессия) степени вовлеченности или активизма в 1630-х гг. и во время гражданской войны¹⁸.

Фракционизм расшатал базы магнатов в графствах, помешал развитию общенациональных или локальных католических партий

¹⁸ Бирман отличается от прочих тем, что подчеркивает уникальность Норфолка и, исходя из этого, поясняет, насколько его анализ одного графства приложим к другим. Менее систематические исследования других графств (Barnes, 1961; Chalklin, 1965; Everitt, 1966; Cliffe, 1969; Fletcher, 1975; Forster, 1973; James, 1974; MacCulloch, 1977; Morrill, 1974) опираются на общие схемы из модели Бирмана, как и синтезирующие исследования (такие, как Dibble, 1965; Clark, 1977; Everitt, 1969; Fletcher, 1983), предполагая, что он определил суть политических изменений в английских графств от Елизаветы до Карла I.

и поместил джентри в положение просителей и искателей при королевском дворе. Позиция короны была менее надежной, когда она пыталась собирать налоги или возрождать национальную церковь.

Джентри с опорой в графствах объединились для противодействия всякой попытке короны расширяться за счет присвоения их ресурсов или сокращения полномочий. Джентри сопротивлялись бесконечным усилиям Карла I и архиепископа Лауда вернуть себе контроль над назначением священников и отобрать доходы с десятины у светских владельцев бенефициев, чтобы потом обратить их поток к приходскому духовенству и иерархии англиканской церкви. Попытки короля и архиепископов принимали разные формы. Лауд выиграл процесс в суде королевской семьи в 1634 г. (дело Хичкок против Торнборо), что наделило церковные суды полномочиями приказывать держателям бенефиций увеличивать долю десятины, которая шла к духовенству. Тем не менее когда Лауд и другие церковники попытались ввести этот прецедент в суды общего права, они лишь частично добились успеха (Hill, 1963, с. 307–331). Карл тоже старался вернуть бывшую церковную собственность в Шотландии (акт о ревокации 1625 г.) и в Ирландии через своего наместника Страффорда (с. 332–336).

Усилия Лауда в Англии принесли мало новых доходов церкви, их основным следствием было сплочение пуританской оппозиции и уход многих менее радикальных джентри (включая некоторых католиков из держателей бенефициев) в оппозицию Карлу и Лауду (Hill, 1963, с. 336–337 и далее; Bossy, 1975, с. 50–52 и далее)¹⁹. Нападки Карла на шотландскую церковь привели к объединению шотландской знати с пресвитерианцами против епископата. События в Шотландии послужили хорошим уроком английским джентри, показав ненадежность их имущественных прав в том случае, если корона сможет вернуть себе контроль над бывшей церковной собственностью. Страффордская кампания в Ирландии усилила их страхи относительно собственной судьбы.

Английский абсолютизм и лондонские купцы

Попытки Якова и Карла расширить горизонтальный абсолютизм, который они унаследовали от Елизаветы, прежде всего столкнулись с материальными интересами всех джентри (независимо от их веры),

¹⁹ Фулбрук (Fulbrook, 1983) приходит к таким же выводам, сравнивая Англию с Пруссией и Вюртембергом.

желавшими сохранить светский и локальный контроль над церковными должностями и десятиной и с истощением королевских ресурсов патроната и невозможностью платить всем многочисленным влиятельным людям в политике графств после падения власти магнатов. Еще одной помехой, которую счастливо миновала более слабая французская монархия, была неспособность короны создать конкурирующую элиту, которая могла бы соперничать с джентри за гегемонию в графствах. Духовенство, конечно, фатально ослабло в результате Реформации Генриха. Владычество магнатов, а потом и джентри в графствах мешало созданию самообеспечивающих коррупционных должностей, которые могли бы направлять доходы короне и представили бы противовес неоплачиваемым мировым судьям из джентри.

Купцы, которые в Англии концентрировались в Лондоне, представляли собой потенциальный источник денег и союзников для короны. Ученые-марксисты традиционно полагали, что такой союз был невозможен, потому что у купцов-капиталистов были внутренние разногласия с абсолютными монархами²⁰. Историки-ревизионисты считали купцов, которые стали союзничать с Карлом, примером, демонстрирующим неспособность марксистского классового анализа и даже любой широкой структурной теории объяснить истоки, расстановку сил и последствия революции и гражданской войны²¹.

²⁰ Тауни (Tawney, 1954), Хилл (Hill, 1963), Стоун (Stone, 1970) и Добб (Dobb, 1947) представляют купцов капиталистами и противопоставляют их абсолютизму. Хилл (Hill, 1972) приближается к взглядам Андерсона (Anderson 1974), говоря, что купцы могли начинать как креатуры монархов, но стали отдельным классом, с интересами, противоположными короне, ко времени английской Реформации. У Бреннера (Brenner, 1993, с. 638–644) приводится обзор и критика этой позиции, так же как и ссылки на ключевые работы в этом направлении.

²¹ Ревизионисты, особенно Конрад Рассел, Джон Морилл и Энтони Флетчер (опять, см. в Brenner, 1993, с. 644–647 критический обзор и библиография трудов этих исследователей), если судить по тому восторгу, с которым они указывают все неурядицы, сложносоставные переменчивые союзы и предполагаемые неудачи местных акторов в их попытках поддержать общенациональные коалиции в Британии XVII в., становятся почти постмодернистами. Они утверждают, что так как у революции было много смыслов, то у нее не было смысла вообще, а так как у людей были разные причины выбрать ту или иную сторону в Гражданской войне, этого конфликта нам в принципе никогда не понять.

Примерно в том же ключе Джек Голдстоун (Jack Goldstone, 1991) описывает политические конфликты 1640-х гг. (и большинство революций) как некую судорогу, спровоцированную слишком быстрым увеличением численности населения, которое накидывалось на своих правителей в беспричинных и часто безрезультатных

На самом деле купцы не были авангардом капитализма, королевскими лакеями и даже (согласно другой ревизионистской карикатуре) политическими путаниками, вступившими в голландские торги относительно того, какими милостями оплатят их поддержку становящиеся к ним все более враждебными корона и парламент. Роберт Бреннер в своем замечательном труде «Купцы и революция» (Brenner, 1993) находит, что в Англии XVII в. существовали три крупные группы купцов: 1) купцы-авантюристы; 2) члены компаний по торговле с Левантом, Ист-Индией, Россией и другими привилегированными компаниями, а также 3) колониальные купцы – нарушители монополий. Купцы-авантюристы потеряли свои базы, уступив их торговцам с Левантом и представителям Ист-Индской компании. Сдвиг в экономическом, а затем и в лондонском политическом лидерстве был результатом снижающегося спроса в Европе на текстиль, который экспортировали купцы-авантюристы, в то время как резкий рост внутреннего рынка для импорта предметов роскоши принес огромное богатство инвесторам в географически определенные торговые компании.

И купцы-авантюристы, и торговцы с Левантом и Ист-Индией получали прибыль от королевского покровительства. Корона выгнала иностранных торговцев текстилем из Англии, обеспечив купцам-авантюристам потенциальную монополию на сокращающемся рынке, в этом смысле иностранцы, а не английские инвесторы понесли главный урон от упадка спроса на текстиль. Торговые компании получили свою выгоду от королевских монополий, которые закрывали другим вход на рынок и, как подчеркивает Бреннер, что еще более важно, от королевского запрета ремесленникам и розничным торговцам иметь дело с иностранцами. Последнее ограничение обеспечило торговцам возможность требовать единой высокой наценки на импортируемые товары, препятствуя внутренним и розничным торговцам сбивать цены.

Бреннер показывает, что прибыли купцов-авантюристов и торговцев с Левантом и Ист-Индией были политического характера и возникали благодаря королевским концессиям. В то время как корона постоянно требовала повышения таможенных сборов в обмен на эти концессии, а иногда (особенно в 1624–1625 гг.) вообще отчуждала торговые компании, сопровождая их неслыханными претензиями и возмутительными издевательствами, существование двух групп привилегированных купцов сильно зависело от короны.

татных протестах против уменьшения возможностей и сужения личных и классовых перспектив.

Третья группа купцов, нарушители монополий, были совершенно другими. Их исключили из списка привилегированных компаний из-за двойной помехи — ограниченного капитала и социального происхождения (большинство было детьми меньшего джентри или лавочников и мануфактурщиков Лондона, морскими капитанами и торговцами с американскими колониями). Какое-то время в начале XVII в. торговцы, имевшие дела с Южной и Северной Америкой, могли проводить свои операции, не сталкиваясь с сильным сопротивлением привилегированных купцов. Торговля с Америкой зависела от числа постоянных колоний и их роста, а основание таких колоний требовало долговременных вложений капитала. Крупные купцы и земельная элита в своем распоряжении имели более безопасные и быстрые возможности получить прибыль — от капиталовложений в восточную торговлю и улучшения земель в поместьях. Американские плантации создавались меньшим слоем, который разбогател, продавая провизию и рабов американским поселенцам и импортируя американский табак и меха в Британию.

Только эта группа торговцев была капиталистами в марксистском понимании этого термина или даже в веберовском смысле экономически-ориентированного капитализма. Их процветание зависело от свободного импорта американских продуктов в Британию в обход системы монополий привилегированных компаний. (Эти купцы также жаждали правительственной помощи в виде изгнания иностранных торговцев, особенно голландских, и в виде приказов колонистам покупать только британские продукты. Конечно, рабы были жизненно важной частью этой торговли с колониями и обеспечивали рабочую силу на табачных, а позже сахарных и хлопковых плантациях.)

Колониальные купцы не смогли заставить монархов из Стюартов защищать их интересы в борьбе против уже утвердившихся торговцев и даже против иностранных конкурентов. Позже, когда колониальные поставщики стали нарушать монополию Ист-Индской компании, корона попыталась, хотя и без успеха, охранять ее права. Колониальные купцы-нарушители больше получили поддержки от парламента на судебных слушаниях. Большинство членов парламента представляли интересы, противоположные тем, которые отстаивали торговые компании: количество английских портов сократилось в 10 раз из-за централизации торговли привилегированных купцов в Лондоне, а мануфактурщики и плантаторы, особенно производители шерсти, искали более широких рынков для своей продукции, нежели те, которые предлагали им купцы-авантюристы

и привилегированные компании. Кроме того, колониальные купцы-нарушители были связаны деловыми и идеологическими узами с крупными землевладельцами, вкладывавшими деньги в экспедиции колонистов-пуритан в Америку.

Деловые и политические связи между колониальными купцами и крупными пуританскими землевладельцами продержались начиная с 1620-х гг. через все конфликты 1640-х гг. Именно они стали центром анализа гражданской войны по мнению Бреннера. Его исследование позволило ему объяснить, почему колониальные купцы — нарушители монополий стали камнем преткновения на парламентских слушаниях (их экономические интересы зависели от поражения короны и перемены королевской коммерческой и иностранной политики) и почему парламент обычно презрительно отталкивал их, хотя противоречивые и эксплуататорские отношения короны со своими привилегированными торговцами давали этим торговцам все основания примкнуть к оппозиции. (Компанейские купцы требовали политики, которая дорого бы обошлась влиятельным парламентским округам, что привело парламент к отторжению самой основы, на которой эти купцы могли отколоться от короны, и отталкивало их обратно в объятия монарха, который считался с ними только как с податливым источником доходов.)

Книга Бреннера становится более спекулятивной, когда он обращается к мотивам крупных и мелких землевладельцев, которые боролись с королем. Бреннер, как большинство марксистов и ревизионистов, считает революцию 1640–1641 гг. продуктом виртуального соглашения между землевладельцами, которые хотели политических реформ, чтобы дать парламенту власть блюсти интересы их (теперь капиталистической) собственности, противодействуя короне. Однако корона и парламент не смогли договориться. Ревизионисты приписывают гражданскую войну чрезвычайной тупости Карла I. Совсем недавно Джон Моррилл (Mogill, 1993) внес важный вклад в осознание историками того факта, что Карл правил трехъединным королевством с различными элитами: английской, шотландской и ирландской. Различия религиозных и политико-экономических интересов у этих элит и у короны привели к войнам, уничтожившим всякую надежду на компромисс между королем и парламентом, и мобилизовали силы для военного сопротивления короне.

Бреннер, следуя недавней марксистской парадигме, говорит, что земельный класс загнали между молотом и наковальней. С одной стороны Карл I и его сторонники, которые не желали удовлетворять революционные требования 1640–1641 гг., с другой — радикаль-

ные силы в Лондоне, а затем в армии, которым развязал руки раскол правящего класса, который, в свою очередь, по мнению некоторых членов парламента и землевладельцев, мог быть преодолен только при сплочении парламента вокруг короля.

Исследование трех групп торговцев, проведенное Бреннером, весьма полезно для объяснения, почему революция вызвала народный мятеж в Лондоне и почему парламентарии и землевладельцы разделились, столкнувшись с двойной угрозой возмездия со стороны короля и лондонского народного движения. Историки обычно представляют Лондон как локус радикальной политики 1640-х гг., но Бреннер напоминает нам, что он был местом, где концентрировались реакционные силы элиты. Городское правительство контролировалось купцами-авантюристами и компанейскими купцами, зависящими от патроната короны и объединявшихся с короной против парламентской оппозиции, намеренной уничтожить особые привилегии компаний. Джон Пим и его парламентские союзники не могли обратиться к городскому правительству за помощью, когда Карл I решился арестовать своего главного оппонента в декабре 1641 г.

Союзники Пима из землевладельцев были рассеяны по всей Англии и безоружны, что было конечным следствием кампании Тюдоров по разоружению магнатов²². Хотя короне тоже не хватало собственной действующей армии (как продемонстрировала уязвимость короля перед лицом ирландских и шотландских мятежей и его зависимость от парламента или внепарламентских налогов на торговлю для финансирования военной мобилизации), в столице небольшое военное преимущество короля казалось решающим. Корона готовилась арестовать и казнить оппозицию до того, как земельная элита за пределами Лондона сможет прийти ей на помощь. Реакционные прокоролевские симпатии городского правительства дали народным силам в Лондоне лишний повод прийти на помощь Пиму в надежде, что парламент сможет ослабить роялистскую олигархию, удерживающую замок на городских ресурсах и власти.

Анализ Бреннера привел меня к противоречащей фактам гипотезе: если бы колониальные купцы — нарушители монополий контролировали лондонское правительство в 1641 г. или торговцы, которые имели власть, стали бы союзничать с парламентом, а не короной, то

²² Стоун (Stone, 1965, с. 199–270) говорит, что демилитаризация английского правящего класса и параллельное создание системы военного финансирования зависели от налогов, которые вотирует Парламент, а не от вооруженных людей, мобилизованных магнатами.

гда Карл I остался бы без союзников в Лондоне и был бы вынужден подчиниться требованиям парламента, предотвратив гражданскую войну. Соответственно, если бы Пима и его союзники поддерживали консервативные купцы, а не радикально настроенные народные силы, тогда землевладельцы не поспешили бы в объятья короля и гражданская война закончилась бы быстрым поражением Карла I. Тем не менее предкапиталистические, зависимые от короля купцы, которые контролировали лондонское правительство в 1641 г., были необходимым условием и для непреклонности короля, и для контрмобилизации народа, а все вместе это превратило гражданскую войну в кровавый и затяжной конфликт с непредсказуемыми радикальными последствиями.

За исключением брожения умов в Лондоне, вызванного политической реакцией городского правительства, в 1641 г. не было никакой основы для радикального политического движения. Она не образовалась и в ходе гражданской войны. Бреннер заключает, что «за важным исключением Лондона (и, конечно же, армии), относительно небольшое число областей пережило существенную радикализацию в годы гражданской войны. Учитывая идеологическое господство местных землевладельцев над большей частью сельских территорий и относительную невосприимчивость сельских работников к радикальной политике в эту эпоху, в сельской Англии в данное время можно было ожидать относительно малую радикализацию масс... при любых условиях» (1993, с. 539).

Картина гражданской войны, нарисованная Бреннером, очень похожа на образы, данные ревизионистами, потому, что он считает тогдашние альянсы конъюнктурными, а не принципиальными. Тем не менее Бреннер все-таки считает их продолжительными и стратегическими, а не переменчивыми и тактическими. Гражданская война, по Бреннеру, была в меньшей степени расколом внутри парламента и в большей степени «консолидацией критически важных альянсов» (1993, с. 688). Бреннер хочет сказать, что альянсы строились и на личных, и на классовых основаниях. Он придает большое значение долговременным деловым, политическим, религиозным и личным связям между пуританами-землевладельцами — основателями колоний и колониальными купцами — нарушителями монополий. Подобные связи 1641 г. и позже придавали землевладельцам-парламентариям уверенность в том, что они могут положиться на лондонские народные силы, которые колониальные купцы мобилизовывали против короны, и что эти силы можно контролировать. Этот альянс в дальнейшем упрочился благодаря заинтересованно-

сти землевладельцев и капиталистических купцов (хотя часто не народных сил) в антикатолической милитаристской политике, а также общему желанию, чтобы государство стимулировало внешнюю торговлю и внутреннюю экономику. Обе группы требовали пресвитерианского или независимого в религиозном смысле урегулирования, которое бы защищало контроль землевладельцев и купцов над бывшей церковной собственностью и священниками их конгрегации.

Критику ревизионистов, предложенную Бреннером, можно углубить и усилить, перенеся его модели анализа купцов на изучение интересов и сетей землевладельцев. Большая часть этой работы уже проделана. «Экономические проблемы церкви» Кристофера Хилла (Hill, 1963) – решающее исследование того, как передача церковных земель, бенефициев, прав на десятину и распределение церковных приходов заинтересовала и получателей, и покупателей таких феодальных благ в сохранении их ныне частной собственности и сделала их противниками возвращения прав на доходы и юридические полномочия королю и англиканской иерархии²³. Таким образом, владельцы бывшей церковной собственности, обладая схожими политическими интересами и общим набором религиозных идентичностей, завели между собой связи, назначая близких по духу священников на подконтрольные им бенефиции.

Питер Бирман находит схожую, взаимно усиливающую смесь классовых, патронатных и религиозных связей среди пропарламентского джентри в Норфолке, смесь, вытесняющую старые семейные и патронатные связи, при помощи которых магнаты контролировали графства в XVI в.²⁴ Работы Хилла и Бирмана показывают сельский эквивалент лондонского альянса по Бреннеру между пуританами-землевладельцами, учреждавшими колонии, и колониальными купцами – нарушителями монополий.

Джентри могли создавать альянсы, основываясь на местных и личных сетях. Однако, вопреки необоснованным утверждениям ревизионистов, сельские союзы были столь же продолжительными, как и лондонские коалиции, и также сформировались на десятилетия ранее революции. Социальные и политические сети не образовывались случайно или по чьему-либо капризу. Решения расширять свою по-

²³ Я рассматриваю воздействие этих элитных конфликтов на классовые отношения аграрного сектора в книге «От манора к рынку: структурное изменение в Англии, 1536–1640 гг.» (From manor to market: structural change in England, 1530–1640; Madison: University of Wisconsin Press, 1987), с. 100–41.

²⁴ См. мой обзор открытий Бирмана ранее в этой главе.

литическую поддержку, назначать священников, вкладывать деньги, исповедовать религию или противодействовать королю или политической машине графства воспринимались весьма серьезно. Они принимались ради защиты жизни человека и его семьи и в надежде увеличить свои шансы. Судьбоносные решения принимались с большей уверенностью, когда они согласовывались с решениями других индивидуумов, занимающих схожее положение и мысливших схожим образом. С углублением линий напряжения и обострением конфликтов каждый выбор становился все более опасным и все меньше удовлетворял ожидания. Роялисты и революционеры были способны продолжать свою деятельность, будучи уверенными, что их ближайшие сторонники являются и их долговременными партнерами. Когда парламентарии очень нуждались в расширении своего союза, они обращались к надежным сторонникам своих сторонников. Книга Бреннера, по крайней мере, объясняет, почему эти далеко распостранившиеся альянсы вообще заключались. Дальнейшее историческое исследование, базирующееся на готовности трактовать революционеров как людей целерациональных и социально стабильных, позволит определить интересы и сети, которые и создали великий антикоролевский союз. Такое исследование также сможет объяснить, почему этот союз разрушился во время республики (Commonwealth) и Реставрации и почему гораздо более ограниченная программа действий продержалась на протяжении всей славной революции.

Горизонтальный абсолютизм и концентрация элит

Стратегия горизонтального абсолютизма, запущенная Реформацией Генриха, обернулась подлинной катастрофой для королевской власти. Каждый ход Генриха VIII и его преемников против политических конкурентов на общенациональном уровне приводил к потере земель, налогов, юридических полномочий, власти над местным управлением и парламентом и переходу их к единственной элите, джентри, оказавшихся слишком многочисленными для подкупа короной. Разрушение короной политических сетей магнатов в графствах и контроля католической иерархии над общенациональной организацией церкви со своей экономической, юридической и идеологической властью привело к тому, что джентри стали искать новые основания для определения своего социального статуса и выражения своих материальных и духовных запросов. Джентри делали это через политические организации графств, концентрировавшихся вокруг коллегий мировых судей, и через коллективный патронат

над протестантскими священниками. Новые политические и религиозные сети защищали и придавали идеологическую ясность интересам джентри в сохранении контроля над землей, противодействии попыткам восстановления своей власти со стороны короны и церковников-реваншистов, а также в упрочении своего верховенства во внутренней политике графств и благодаря связям с колониальными купцами в американских колониях, а затем и в Лондоне.

Горизонтальный абсолютизм в конечном счете консолидировал всю власть в графствах в руках одной элиты, джентри, обеспечил ее организационными и идеологическими средствами для определения и защиты своих интересов. Нужно свести воедино результаты тонкого и сложного анализа, проведенного по отдельности Бреннером, Хиллом, Бирманом и даже Морриллом, чтобы понять основные причины гражданской войны. Окончательное понимание распределения приверженностей и цепи событий в этом конфликте требует дальнейшей работы по намеченным линиям. Тем не менее конечный итог гражданской войны и урегулирования, которое последовало за славной революцией (и которое, как признают и ревизионисты, и марксисты, походило на то, что было предложено для прекращения борьбы между Карлом и парламентом в 1641 г.), определялся разворачиванием английского горизонтального абсолютизма. Определяющее воздействие этого фактора еще более проясняется при сравнении с вертикальным развитием абсолютизма во Франции. Теперь обратимся к Франции, а в конце подведем итоги, сравнив английские революцию и гражданскую войну с французскими Фрондой и революцией 1789 г.

ФРАНЦИЯ

*От слабости короны и провалившейся Реформации
к новым стратегическим возможностям*

В конце XVI в. знать была ключевыми актором французской политики: принцы и герцоги управляли во всех главных областях (Harding, 1978, с. 127–134; Vabreau, 1894, I: 257–259). Знатные семейства в качестве губернаторов захватили и формальные полномочия короны по назначению чиновников на областном и местном уровнях. Губернаторы строили клиентские сети, утверждая членов менее знатных семейств судьями в областных парламентах, сборщиками налогов, офицерами провинциальных армий и держателями церковных должностей и бенефициев (Major, 1964; Harding, 1978; Asher, 1960; Peronnet, 1977).

Крупные аристократы и их клиентелы были основными помехами королевской власти в *pays d'élection* — областях, образованных из изначального домена французских королей. Однако в *pays d'état* — периферийных областях, включенных в состав Франции только в XV в., дворяне и клирики были коллективно организованы в провинциальные штаты, автономные и от власти короля, и от власти аристократов, служивших губернаторами в них. Разные формы организации знати в более древних и совсем недавно бывших независимыми областях породили две различные финансовые структуры. В *pays d'élection* губернатор назначал оценщиков и сборщиков налогов из числа своих клиентов. Все аристократы формально не должны были платить талью — главный налог на производство и прибыль. Тем не менее чем больше крестьяне платили талью, тем меньше ренты они могли заплатить своим землевладельцам. Поэтому аристократы жаждали захватить для себя и своих союзников должности в налоговом аппарате, чтобы, используя их полномочия, перенести налоговое бремя на арендаторов других землевладельцев (Marion, 1974; Buisseret, 1968, с. 57–60). Во всех областях феодалы старались распространить свое формальное освобождение от тальи на земли, которые они сдавали в аренду, а также на земли, которые они обрабатывали руками арендаторов или наемных батраков. Когда землевладельцам удавалось получить такое освобождение, они могли требовать со своих освобожденных от тальи арендаторов большую ренту по сравнению с той, которую платили арендаторы земли, облагаемой налогом (Saint-Jacob, 1960, с. 126–130; Varine, 1979).

Дворяне, клирики и буржуа в *pays d'état* были организованы по условиям. Как воспоминание о своей независимости провинциальные штаты сохраняли право голосовать как корпоративный орган по ставкам и конечной сумме тальи в своих провинциях. Коллективная организация штатов и их равное распределение налогового бремени на местах мешало губернаторам в *pays d'état* прибегать к стратегии своих коллег в *pays d'élection* и сталкивала мелких аристократов друг с другом в соперничестве за должности, которые позволяли им обложить чужих крестьян налоговыми повинностями данной провинции. Исключительные способности провинциальных штатов организовывать сопротивление королевским налоговым требованиям отражает сумма тальи в разных областях. *Pays d'élection* и *pays d'état* в грубом приближении имели одинаковое население и схожий уровень аграрного производства, однако талья с первой группы провинций была в 10 раз больше, чем с областей, где штаты оставались нетронутыми на протяжении всего XVI в. (Buisseret, 1968).

Там, где губернаторы смогли лучше организовать свои клиентские сети и собирали налоги в провинциях без штатов, их способности автоматически не переводились в большой доход для короны. Большая часть дохода, собранного губернаторами в *pays d'élection*, тратилась внутри областей на армии, возглавляемые ведущими аристократическими семействами и хранящие им верность, а также на патронат для клиентов губернатора (Parker, 1983, с. 1–45; Kettering, 1986).

Корона не смогла проникнуть в элитные структуры большинства областей за столетия, предшествующие Реформации. Многие *pays d'état* были приграничными областями, в которых вмешательство короны могло ускорить заключение союза между недовольными аристократами и силами иноземных захватчиков. Другие *pays d'état*, за исключением Прованса, находились под властью могущественных магнатов. В Провансе на расколе между дворянами образовалось необычайно сильное духовенство. *Pays d'élection* больше страдали от фракционных конфликтов, и в этих областях корона смогла посадить относительно могущественных интендантов и собирать большинство своих налогов²⁵.

То, что французской короне не удалось провести Реформацию или упрочить свой контроль над католической церковью, лишило монархию финансового потока, при помощи которого можно было бы покупать верность меньших элит и благодаря их поддержке сокрушить господство магнатов или корпоративных органов в провинциях. Французские короли реализовали две стратегические возможности, которые появились в результате того, что они не сумели воспользоваться религиозными конфликтами, порожденными Реформацией. Во-первых, корона смогла натянуть маску благочестия на свою политическую слабость и представить себя папам как защитницу католической церкви от протестантских еретиков и их дворянских пособников. Папство ответило на эти гримасы, наделив французских королей определенной финансовой и политической властью над французской церковью, что оказалось более стабильным приобретением, чем то, что Генрих VIII захватил силой, потому что им не надо было делиться со светскими союзниками по Реформации. Во-вторых, французский монарх расширил трещины, открывшие религиозные разногласия в прежде монолитных блоках магнатов и городских олигархий, вбив клинья новых органов, составлен-

²⁵ См. обзорную таблицу 2.3 по элитным структурам французских провинций перед Реформацией; на указанных там источниках основаны выводы этого абзаца.

ных из держателей продаваемых должностей, в провинциальные, городские и общенациональные организации.

Французские короли сочетали обе стратегии, разжигания религиозного конфликта и развития коррупции, для создания вертикального абсолютизма во Франции. На какое-то время совместная энергия этих двух стратегий придала короне большую власть за счет аристократии. Окончательным признаком слабости дворянства стала Фронда. Однако начиная со второй половины XVII в. стратегические возможности короны сузились. Анализ этого конфликта элит во Франции будет проведен поэтапно, начиная с рассмотрения построения французского вертикального абсолютизма через религиозные войны и расширения продажности должностей в первой половине XVII в. Затем я объясню провал дворянской Фронды 1648–1653 гг. в терминах структуры отношений элит и классов, созданной вертикальным абсолютизмом. За победой короны над Фрондой последовал столетний политический пат и углубление финансового кризиса для короны и большей части аристократии. Я намерен показать причины этого пата и объяснить, почему он продолжался так долго. Этот анализ позволит вскрыть причины и ход революционной деструкции старого режима, которая началась в 1789 г.

Продажа должностей и религиозные войны

В XVI в. французским королям удалось увеличить свой доход и ослабить мощь крупных аристократических родов и провинциальных штатов за счет союзов с частными лицами и корпорациями, исключенных из доминирующих политических сетей в каждой провинции. Учреждение продажи должностей обеспечило короне базис для установления прямых финансовых и политических связей с местными элитами и укрепления своих новых союзников в их борьбе с окопавшимися аристократами и чиновниками в провинциях.

Должности раздавались на фиксированный срок или на всю жизнь в обмен на изначальную, а часто и ежегодную плату от их держателей. Благодаря этой продаже корона обеспечила себе растущий приток доходов. За XVI столетие она обогнала займы в качестве главного источника экстраординарных королевских доходов (Parker, 1983, с. 13–39). К 1633 г. половина всех доходов короны (и ординарных, и экстраординарных) шла от продажи должностей и от полетты — ежегодной платы, которую вносили держатели должностей начиная с 1604 г. в обмен на королевское признание их права перепродавать или завещать свои посты (Treasure, 1967, с. 54).

Корона получала и политические выгоды, а не только финансовые, от роста числа держателей продаваемых должностей. Все больше и больше людей, покупавших места в парламентах и менее значимых провинциальных судах были земельными аристократами из провинций, в которых они владели должностями (Dewald, 1980, с. 69–112; Parker, 1980, с. 56–95; Tait, 1977, с. 1–20; Kettering, 1978, с. 13–50). Получив гарантии постоянства своего поста, судьи приобрели независимость от магнатов, ранее управлявших распределением должностей. Парламенты стали альтернативой организации аристократии на провинциальном уровне, который корона могла использовать для ратификации или поддержки своих декретов, обходя губернаторов и их клики.

Стратегия короны по продаже должностей оказалась менее успешной в *pays d'état*, где провинциальное дворянство было широко представлено в штатах (Feville, 1953, с. 22–25). В результате корона не смогла определить ту группу знати, которая бы больше других сообразилась должностями, выставленными на продажу. В этих провинциях штаты оставались местом аристократической политики, в то время как парламенты ограничивались налоговой ролью и были исключены из самой прибыльной политической деятельности. Политическая слабость парламентских судей в *pays d'état* проявилась в том, что стоимость их постов не только не повышалась, но иногда падала, в противоположность *pays d'élection*, где аналогичные должности возросли в цене, когда увеличилась и возможность при их помощи противодействовать губернаторам (Hurt, 1976).

Французские короли XVI в. пытались создать клиентелы, связанные с продажей должностей, и в муниципальных центрах, чтобы подточить автономию независимых или контролируемых магнатами олигархий в основных городах. Короли наживались на отмене и возврате городских монополий и привилегий. Эта стратегия, однако, не увенчалась успехом там, где города обладали своими независимыми вооруженными силами или могли рассчитывать на поддержку магнатов в борьбе с королевскими эдиктами. В таких муниципалитетах корона учреждала новые органы из юридических и финансовых чиновников, соперничавших со старыми олигархиями. Новые продаваемые должности в основном приобретали купцы и мануфактурщики, не допущенные в старую элитную группу. Корона получала доход с продажи постов и превратила покупателей-горожан в политический блок, чья способность защищать свои капиталовложения в должность напрямую зависела от устойчивости их альянса с короной, направленного против олигархов. Подтачивая политическую

гегемонию старых олигархий, корона сделала себя арбитром над двумя сторонами, причем каждая из них зависела от монархии в признании своих полномочий и прав на доходы, прилагающихся к их должностям (Parker, 1980; Westrich, 1972).

Корона следовала той же стратегии и в отношении католической церкви. В самом начале XVI в. большинство церковных постов и бенефициев де-факто было под контролем провинциальных аристократов, которые назначали на церковные должности членов своих семей и союзников, часто в обмен на долю прибыли с этой должности. Магнаты напрямую вели переговоры с Римом о получении папского одобрения своих кандидатов в архиепископы или епископы, которые, в свою очередь, назначали церковных чиновников меньшего ранга. Дефицит власти короны над церковью и магнатами отразился и в тактике знати, перешедшей в протестантизм. Гугеноты также искали союзников за границей, стараясь захватить контроль над церковными доходами и должностями у католиков и использовать эти ресурсы для своих собственных целей или нужд своих единоверцев.

Французский монарх эксплуатировал религиозный раскол в аристократии, чтобы отхватить себе больше власти над церковными должностями и доходами. Король Франциск I обошел провинциальных аристократов, представив себя папе как защитника французского католицизма. В конкордате 1516 г. с папой корона отдала папству аннаты (ежегодную долю) бенефициев в обмен на признание королевского контроля над назначением епископов (Shennan, 1969, с. 16–19; Vlet, 1959, I: 88–99). Корона использовала этот новый обширный источник патроната, чтобы оторвать аристократов от патронов-магнатов путем назначения их на епископские посты. Фавориты короны смогли построить свои собственные клиентские сети, давая своим сторонникам церковные посты, контролируемые ими (Bergin, 1982). Некоторое число епископов из родов магнатов пали в правление Людовика XIII (1610–1643), и их места были заняты кандидатами из дворянства мантии. Ришелье и Мазарини – главные министры короля – назначили многих своих клиентов на высшие церковные посты (Bergin, 1992). Временами корона поддерживала требования протестантов на бенефиции, чтобы лишить церковных доходов враждебных себе католиков в провинции (Salmon, 1975; Guery, 1981).

Французские короли использовали свои контакты с папой и усиливающиеся рычаги управления над церковной иерархией, чтобы заставлять епископов на ежегодном собрании голосовать за растущие в размерах «подарки» короне. Доходы короны от церкви подня-

лись с 379 651 ливра в 1516 г. до 3 792 704 ливров в 1557 г. (Carrigere, 1936, с. 250–257). Корона и папство увеличили свою долю церковных прибылей за счет клириков и их патронов-аристократов. Тем не менее, когда корона пыталась присвоить церковную собственность для королевских нужд или для продажи, ей противостояли все епископы, и назначенные самой короной, и заполнившие церковные посты своими союзниками, и находившиеся под контролем магнатов (Cloulas, 1958).

Одновременно с растущими прибылями французских монархов с продажи должностей на протяжении XVI–XVII вв. к ним присоединялась все большая доля налогов и повинностей, которые собирали держатели проданных должностей. Чтобы сделать эти должности финансово привлекательными для потенциальных покупателей и сохранить верность со стороны изначальных и последующих держателей должностей, корона была вынуждена позволить сборщикам налогов и чиновникам-юристам собирать комиссионные с доходов, предназначенных короне, которые варьировались от 17 до 25% в начале XVII в. и поднялись до 40% к самому зарождению Фронды в 1640-х гг. (Dessert, 1984, с. 46–63).

Ограниченный политический контроль короны над аристократами — основными покупателями должностей привел к противоречивым последствиям для монарха: доход с продажи должностей рос за счет уменьшения прибыли с налогов, которые должны были собирать чиновники, получившие эти самые должности²⁶. Массовая продажа постов создала финансовую и социальную базы для местной знати, чтобы она дистанцировалась от крупной, доминировавшей в их провинциях. Там, где мелкие сеньоры ранее обращались к принцам, а также *ducs et pairs* (герцогам и пэрам) за покровительство и ради обретения социального престижа (Major, 1964; Lefebvre, 1973), теперь они могли увеличить семейное состояние, вкладывая деньги в должности. Членство в провинциальном суде обеспечивало дворянам — держателям должностей статус и политическую власть, независимую от связей с крупными аристократическими родами.

Французские короли, создавая корпус чиновников в провинциях, одновременно подорвали способности крупной знати мобилизовать меньшие элиты на борьбу с короной на общенациональном

²⁶ У купцов и промышленников были средства, чтобы купить городские посты, но они редко могли конкурировать с земельной аристократией за более дорогие должности на провинциальном уровне (Beik, 1985, с. 3–55; Dewald, 1980, с. 69–112; Harding, 1978; Wood, 1980, с. 95–98).

уровне и нанесли удар по возможностям самой короны увеличивать свои ординарные доходы с налогов и повинностей. Как только феодалы заняли свои купленные посты, у них появился мотив противодействовать созданию новых должностей, держатели которых могли конкурировать с ними за прибыли и полномочия, ранее принадлежавшие только им. Таким образом, одновременно с упрочением связей, основанных на зависимости и особых обязательствах с держателями должностей, корона создавала клиентуру, заинтересованную в ограничении размеров администрации.

Хотя продажа должностей освободила провинциальное дворянство от зависимости от крупной аристократии, она не сделала из него союзников французской короны. В отличие от английских монархов, которые потратили свои прибыли с продажи монастырской собственности на переманивание на свою сторону крупных магнатов, у французских королей в XVI в. не было достаточно средств для содержания знати при дворе. Вместо этого корона использовала свою политическую власть, чтобы создать несеньориальные источники дохода, но затем она присвоила большую часть этого дохода себе. Французские короли, пребывая в постоянной финансовой нужде, представляли одновременно и покровителями, и соперниками чиновников.

Религиозные войны были архетипичными конфликтами для Франции XVI в. Французские короли получили выгоду от войны между дворянами-протестантами и католиками в виде рычагов управления провинциальными институциями, церковной десятиной и городскими правительствами, поочередно поддерживая то одну, то другую фракцию в обмен на львиную долю ресурсов, захваченных союзниками короны у проигравшей стороны. В городах члены разных фракций часто принадлежали к последователям одной веры и соперничали за политическую власть и контроль над городскими доходами (Parker, 1980, с. 46–94). Провинциальные и городские конфликты, хотя обычно и формулировались в религиозных терминах или оправдывались защитой древних прав провинциальных или корпоративных органов, значительно ускорились, когда корона пыталась увеличить свои доходы, уполномочивая одну фракцию собирать налоги или контролировать ресурсы, ранее относившиеся к ведомству ее конкурентов.

Провинциальные и городские фракции, потерпевшие какой-либо урон от учреждения короной продажи должностей, искали союзников и внутри Франции, и за границей. В отличие от английских монархов, которым удавалось предотвращать иностранное вмешательство

в свою внутреннюю политику, французские короли часто сталкивались с политическими противниками, призывавшими себе на помощь иноземные армии (Parke, 1983, с. 27–45). Слабость французского государства демонстрирует та частота, с которой его правителям приходилось уступать внутренним оппонентам, чтобы не допустить иностранной интервенции (Major, 1964). Угрожая союзом с протестантскими державами, группа католиков из дворян и парламентариев заставила корону созвать общенациональные Генеральные штаты в 1614 г., на которых, по крайней мере временно, королям было запрещено создавать новые должности на продажу (Hayden, 1974).

Большинство столкновений XVI в. ограничивались территорией Франции. Фракции набирали собственные армии для защиты своих привилегий от покушательства короны и ее новых союзников из числа держателей проданных должностей. Хотя французским монархам удалось снизить способность крупного дворянства бороться с ними при помощи собственных армий, продажа должностей создала новые возможности для вооруженного сопротивления (Veik, 1985; Harding, 1978). Большая часть «антигосударственных» мятежей, перечисленных Чарльзом Тилли, часто провоцировалась и руководилась знатью и чиновниками, стремившимися защитить привилегии своих купленных должностей от следующего поколения королевских концессионеров.

Французских королей, как и их английских и других европейских коллег, стесняли бюджетные проблемы, вызванные драматическим ростом военных расходов в XVII в. Стоимость войны поднялась от 5 миллионов ливров ежегодно в первое десятилетие века до 16 миллионов в 1620-х гг., 33 миллионов к 1635 г. и 38 миллионов к 1640 г. (Parke, 1983, с. 64).

Французские короли старались покрыть военные расходы, продавая новые должности аристократам и городским купцам, желавшим воспользоваться политической властью и растущей рыночной стоимостью продаваемых постов. В 1602 г. корона легализовала право держателей должностей, уже существовавшее де-факто, продавать или завещать свои должности в обмен на выплату полеты²⁷. Однако

²⁷ См. Major 1966, 1980. Мэджор утверждает, что введение *paulette* было решающим для ослабления магнатов и создания новой динамики конфликта между короной и платными чиновниками. Однако свидетельства, представленные Бонни (Bonney, 1981) и Паркером (Parke, 1983), показывают, что даже в XVI в. корона защищала претендентов на платные должности, чтобы подорвать власть магнатов. В итоге, введение *paulette* ускорило, но не начало смещение области элитного конфликта.

чиновники были заинтересованы остановить создание новых должностей, которые бросали вызов их полномочиям и доступу к ресурсам. Парламентские судьи повторили свое требование, на который корона ответила согласием на Генеральных штатах 1614 г., но позже отменила его, пообещав, что не будет создавать новые юридические органы и воздержится от продажи дополнительных мест в уже существующих судебных палатах (Kettering, 1982). Городские и провинциальные чиновники использовали налоговый бойкот, чтобы вынудить корону прекратить продажу новых должностей. В результате доходы короны с продажи постов, которые поднялись до 39 миллионов ливров в 1639 г., за последующие две декады опустились до 800 000 ливров в 1661 г. (Dent, 1967, с. 247–250).

Ограничения продаж и самого вертикального абсолютизма отражаются как в первопричинах, так и в итогах религиозных войн, Генеральных штатов 1614 г. и Фронды. Выборы в Генеральные штаты передали долю королевских полномочий дворянству, духовенству и городским элитам в самых разных французских областях. Королевский контроль над депутатами был слабее в *pays d'état*, чем в *pays d'élection*. Этот контраст подтверждает мое прежнее наблюдение, что провинциальные штаты, которые сохранили рычаги управления над раскладкой тальи внутри своей области, смогли лучше противостоять попыткам короны переманить на свою сторону аристократические и городские фракции. В этих областях корона была вынуждена покупать голоса каждого сословия отдельно, сокращая провинциальные и городские налоги и свою долю доходов с церковной десятины (Hayden, 1974).

Монархия была ограничена и в своих требованиях к депутатам из *pays d'élection*, в которых доминировали чиновники и назначенные ими клирики. Когда корона пыталась вынудить штаты в этих областях согласиться на повышение налогов в обмен на возобновление полетты, которая гарантировала бы им права продавать или завещать свои должности, чиновники объединились с магнатами в борьбе за сохранение своих частных интересов от экспроприаций короны (Hayden, 1974). Генеральные штаты 1614 г. продемонстрировали частичное развитие королевской стратегии продаж. Продажность постов разделила провинциальных аристократов, ослабила региональные базы магнатов и ограничила их способность бороться с короной на общенациональном уровне. Однако после первоначального притока средств от продажи должностей эта стратегия повела к финансовому краху. Каждая попытка монарха обложить налогом уже ранее проданные привилегии или продать их новым покупате-

лям объединяла аристократов с чиновниками ради совместной защиты против тех новичков, которые пытались ослабить позиции и тех и других.

Корона столкнулась со схожими сложностями и в финансовом использовании разногласий между католиками и протестантами. Протестанты концентрировались в немногих провинциях и нескольких городах (Parker, 1978). Корона позволяла протестантам доминировать в этих областях в обмен на финансовые уступки. Протестанты тоже воспользовались королевской поддержкой, чтобы подчинить или изгнать католических чиновников из провинциальных штатов, парламентов и городских правительств. Католики организовались в Лигу, чтобы предотвратить дальнейшее распространение власти протестантов и вернуть себе области, оказавшиеся под их контролем, что и стало причиной религиозных войн во второй половине XVI в.

Лига отняла себе часть власти над католической церковью, которой корона добилась для себя через конкордат 1516 г. Епископы, боявшиеся передачи имущества протестантам, сговорившись с короной, обратились за защитой к дворянам из Лиги (Hoffman, 1984, с. 7–44; Tait 1977). Таким образом, несмотря на то, что большая часть Франции оставалась католической, монархия потеряла свою власть над церковью.

Религиозные войны повлияли и на городскую политику. Муниципалитеты разделились по конфессиональному признаку. Как только Лига или гугеноты получали гегемонию в каком-нибудь городе и изгоняли своих оппонентов, корона больше не могла играть на столкновении фракций. В этом случае ей приходилось иметь дело с партиями, обладавшими вооруженной силой, и получать ограниченную денежную плату за возврат гарантий практически полной муниципальной автономии (Parker, 1980; 1983; Gascon, 1971; Westrich, 1972).

Религиозный конфликт и попытки короны извлечь прибыль из своих чиновников привели к единому политическому результату. В обоих случаях провинциальные и муниципальные фракции обнаружили, что смогут лучше обслуживать свои интересы, если соберутся в партии, часто в союзе с магнатами, чем будут соперничать друг с другом за покровительство короны. Способами, которыми корона могла расколоть эти возродившиеся провинциальные клики, были увеличение патроната и сманивание главных акторов от их союзников. Поэтому король Генрих IV заплатил 24 миллиона ливров вожакам Лиги за разоружение и гарантировал протестантским городам освобождение от налогов в обмен на их обещание терпеть ка-

толиков-землевладельцев и священников в своих областях. Эти уступки предотвратили дальнейшее слияние провинциальных партий в общенациональные блоки, что могло грозить трону Генриха IV. Тем не менее король не смог оплачивать и обе внутренние уступки, и заграничную войну. Он был вынужден прекратить войну с Испанией, навсегда похоронив надежды расширить границы Франции (Parker, 1983, с. 46–94).

Французские короли начала XVII в. «не могли ни собирать налогов, сколько им хотелось, ни тратить по своему желанию, и местные элиты удержали большую часть власти над практическим функционированием [финансовой] системы» (Collins, 1988, с. 2). Тем не менее, в отличие от английских монархов, которые хотя и потеряли свою власть над мировыми судьями-джентри, но ликвидировали власть магнатов, французские короли не смогли сокрушить могущество крупной провинциальной знати. Французские монархи обнаружили, что им требуется союз с наиболее могущественными провинциальными дворянами, если они хотят и дальше вытягивать деньги из меньших аристократов на периферии. Провинциальные губернаторы, назначавшиеся из членов крупных аристократических родов, стали главным инструментом королевской политики.

Самыми успешными губернаторами, если судить по их способности предотвращать финансовые или военные мятежи в своей провинции, были имевшие свои независимые сети клиентов, состоявшие из мелких землевладельцев и провинциальных чиновников, которым они предоставляли политическое и военное покровительство (Harding, 1978; Vonney, 1978). Объединяясь со своими клиентами в борьбе против новых конкурирующих платных должностей, губернаторы добились того, что доходы с уже существовавших должностей и их рыночная стоимость драматически возросли. Место в провансальском парламенте в Эксе, стоившее от 3000 до 6000 ливров в 1510 г., выросло в цене до 40 000–50 000 ливров в 1633 г., или на 400% с учетом инфляции (Kettering, 1978, с. 221–225). Схожие повышения коснулись цен и на другие провинциальные должности (Dewald, 1980, с. 131–161; Collins, 1988, с. 80–87). Губернаторы использовали свою власть над назначениями для сокращения новых или свободных постов, приберегая их для награждения своих клиентов. Кроме того, губернаторы действовали так, чтобы обеспечить своим союзникам из держателей платных должностей контроль над парламентами, другими судами и городскими советами.

Губернаторы обнаружили, что им удастся лучше увеличивать свой политический и финансовый капитал, если они выступают посред-

никами между короной и провинциальными интересами. Когда губернаторы могли помешать продаже коронных должностей и повышению налогов, наградой им была верность городских и провинциальных чиновников, которым угрожали фискальные требования короны (Harding, 1978). Губернаторы могли идти на компромиссы и при этом наращивать свою политическую власть, поддерживая требования короны о повышении налогов, а затем стричь большую часть этого повышения со своих избранных союзников в виде комиссий по сбору налогов. Это позволяло губернаторам карать строптивых чиновников, отлучая их от щедрот, возникавших благодаря новым налогам. До тех пор пока губернаторы были способны покупать лояльность большинства своих парламентов, судов, штатов и городских советов, они могли предотвращать объединение этих провинциальных органов в оппозицию.

На протяжении всей первой половины XVII в. корона пыталась упорядочить раздачу милостей и использовать свою щедрость для создания партий сторонников монархии в провинциях, независимых от вооруженных магнатов. Начиная с 1634 г. корона назначала постоянных интендантов в каждую провинцию для сбора доходов и раздачи милостей. Интенданты концентрировали свои усилия на том, чтобы обойти казначеев, чьей задачей был сбор талли. Казначеи входили в союзы с провинциальными магнатами и позже спонсировали фракции Лиги или гугенотов, которые доминировали в той или иной провинции. Интенданты следовали ранней королевской стратегии по продаже должностей, назначая *elus* (выборными) сборщиками налогов тех дворян и городских финансистов, которые находились на самой периферии провинциальных и городских фракций²⁸.

Elus организовывали бригады по оценке и сбору десятины в каждом избирательном округе — подразделении провинций из числа *paus d'election*. *Elus* наживались на том, что собирали налоговые штрафы или действовали как налоговые откупщики, заранее выплачивая короне часть налога в обмен на право собирать десятину или другие налоги в рамках своей области. Интенданты использовали прибыль-

²⁸ Бейк (Beik, 1985, с. 98–116), Бонни (Bonney, 1978, с. 237–50), Киттеринг (Kettering, 1986) и Мунье (Mousnier, 1970, с. 179–99), все объясняют, как корона создавала сети вокруг губернаторов, интендантов и неофициальных посредников с разными связями и степенью верности короне. Хардинг (Harding, 1978, с. 191–99) рассматривает, как корона использовала с теми же целями временных интендантов начиная с 1560-х гг.

ность статуса *elu* или возможность присоединиться к откупу налога для формирования сети своих сторонников.

Интендантам хуже удавалось манипулировать и раскалывать более сплоченных дворян в *pays d'état*. Штаты и парламенты в этих провинциях часто отказывались регистрировать контракты, которые интенданты заключали с откупщиками. Сопротивление штатов усложняло откупщикам сбор налогов в этих областях. В результате те, кто надеялся стать откупщиком, делали предложения о покупке, стоимость которой часто была меньше ранее заявленной суммы (Buisseret, 1968).

Интенданты больше всего преуспевали в ослаблении власти автономных городов. Провинциальные штаты и парламенты ничего не могли сделать с притязаниями муниципальных правительств на власть в округе своих городов, тогда как интенданты пытались ограничить финансовую автономию муниципалитетов, выуживая городской капитал для нужд королевской казны. Интенданты использовали угрозу подчинить города провинциальному управлению, чтобы силой выманить у них большие займы (Bordes, 1960; Parker, 1983).

Королевские доходы повысились после учреждения провинциальных интендантов. Прямые налоги, особенно талья, *tailion* (тальяон), продовольственное снабжение армии, и *etape*, возросли с 36 миллионов ливров в 1635 г. до 72,6 миллиона в 1643 г., а недоимки уменьшились (Parker, 1983, с. 6). Большая часть налоговых сборов, однако, использовалась внутри провинций интендантами для платы *elus* и поддержания верности аристократов, судей и других бывших союзников магнатов.

Королевские интенданты должны были постоянно подкупать собственных назначенцев, потому что коронные чиновники в провинциях в большинстве случаев набирались из рядов аристократии²⁹. Немногие французы-неаристократы могли позволить себе купить должность или налоговый откуп, к тому же только когда интендант нанимал существенную часть аристократов на королевскую службу, он мог преодолеть провинциальное сопротивление повышению налогов. Корона была загнана между двумя противоречащими друг другу необходимостями: изыскивать деньги для поддержания королевского двора и заграничных военных походов и создавать помехи объединению оппозиции в провинциях и городах. Достижение первой цели требовало сокращения прибыльности должностей и получения силой согласия провинциальных дворян на создание новых органов

²⁹ Так утверждают Девальд (Dewald, 1980, с. 69–112), Паркер (Parker, 1980, с. 56–95), Тэйт (Tait, 1977, с. 1–20) и Киттеринг (Kettering, 1978, с. 13–50).

по сбору налогов. Вторая цель могла быть достигнута лишь предоставлением должностей и других концессий достаточному числу дворян и чиновников, чтобы уравновесить тех, кого не охватили политические сети интендантов.

Успех короны в удовлетворении этих противоречащих друг другу потребностей напрямую зависел от войны. Когда Франция находилась в состоянии мира и военные расходы сокращались, как в годы, последовавшие за религиозными войнами, король мог позволить себе обратить большую часть доходов на покупку верности аристократов и упрочение королевских партий под руководством провинциальных интендантов. Но в середине XVII в., когда военные расходы повысились и углубился нерелигиозный кризис, короне пришлось оставить своих клиентов и опять надавить на органы управления, состоявшие из платных чиновников, и на провинциальные штаты. Фискальный нажим стал мощнее в 1640-е гг: война с Испанией разрасталась, а доходы с прямых налогов, достигшие своего пика в 72,6 миллиона ливров в 1643 г., упали до 56 миллионов в 1648 г. (Parker, 1983, с. 64). Дефицит покрыли за счет продажи должностей и других финансовых уловок. Но такую технику нельзя было использовать долго. Суммарные доходы правительства упали на 28 % в 1650–1660-х гг. и вернулись к прежнему уровню лишь в конце 1720-х гг. (см. пятую главу, особенно *табл. 5.4*). Таким образом, пока «интенданты служили ускорителем ресурсопотока, направленного к центральному правительству» (Tilly, 1981, с. 205), в десятилетия до Фронды повышение государственных доходов и возможностей вызвало политическую реакцию, которая привела к развалу политико-финансовых сетей интендантов. Подъем и падение доходов короны до Фронды были следствием стратегии продаж должностей, которая изменила структуру отношений элит в гражданском обществе таким образом, что эффективность органов управления короны была, в свою очередь, ограничена³⁰.

³⁰ Мой анализ французского вертикального абсолютизма в столетие, предшествующее Фронде, в сравнении с развитием английского горизонтального абсолютизма в том же столетии, лишь частично поддерживает концепции трех теоретических направлений, представленных ранее в этой главе. То, как описывает Андерсон абсолютизм — «смещение политико-правового насилия вверх, в сторону милитаризированной вершины» (Anderson, 1974, с. 19), вполне подходит для Франции. Там растущая доля прибавочной стоимости изымалась через налоги, а не арендную плату, и даже не имевшие должностей землевладельцы все больше зависели от королевских эдиктов и парламентских решений, когда они хотели повысить арендную плату крестьянам и подчинить их себе напрямую (Dewald, 1980, с. 162–201). Большая часть манориальных и феодальных судов магнатов пре-

Фронда

Фронда — серия восстаний против королевской власти в 1648–1653 гг. — должна рассматриваться как последствия финансового кризиса короны. Фронда была направлена на ограничение способности короны учреждать новые посты или издавать декреты, которые подтачи-

кратили функционировать к XVI в. Вместо них, землевладельцы и крестьяне шли со своими спорами в провинциальные парламенты или испрашивали мнения губернаторов, интендантов и их помощников. Подход Андерсона гораздо меньше помогает пониманию Англии, где развитие государства определялось единичной возможностью присвоить церковную собственность и власть. Английская Реформация привела к неожиданным последствиям, повысив способности землевладельцев присваивать себе большую часть выплат крестьян и самим регулировать аграрное производство (хотя и через коллегии мировых судей, организованные на уровне графств, а не благодаря своей сеньориальной власти в маноре).

Особое значение, которое придавали Маркс, Энгельс, Добб, Поршнев и Люблинская буржуазии как покупателю государственных должностей и противовесу знати находит меньше поддержки в моем анализе ситуации. Знать в обеих странах и нетитулованные английские землевладельцы в большей степени, чем городские купцы, были покупателями государственных постов во Франции и бывшей церковной собственности в Англии. Более убедительным кажется тезис о том, что английские и французские монархи, стимулируя рынки на землю и должности, помогали развитию интересов буржуазии, а не наоборот, как утверждал Энгельс. Монархи в обеих странах расширяли ряды буржуазии, гарантируя монополии в торговле и мануфактурном производстве (Brenner, 1993; Stone, 1970, с. 85–86; Parker, 1983, с. 73–81). Однако, многие монополисты были дворянами, а другие пытались породниться с ними через браки. Купцы в обеих странах хотели войти в союз как с аристократами, чтобы защитить свои похожие привилегии, так и с монархами, чьи фискальные требования грозили отнять или перераспределить прибыли с прежде гарантированных торговых концессий.

Наконец, особое значение, которое Тилли и Манн придавали расширению военных и финансовых возможностей государств, упускает из виду разницу ситуаций. Английская корона богатели, получая и тратя доходы с Ликвидации монастырей. Однако она не смогла выстроить бюрократию, способную собирать налоги без содействия Парламента и сборщиков из числа джентри. Английские монархи добились безопасности, разоружив армии конкурирующих магнатов. И напротив, французские короли XVI в. не получили военного превосходства над внутренними конкурентами. Хотя французское «государство» и значительно повысило свои доходы в XVI в., большая их часть собиралась и удерживалась платными чиновниками, чьи интересы были зачастую противными интересам короны. Схожим образом, противопоставление родового и бюрократического режимов, а также двухпалатного и трехпалатного законодательных органов, выдвигаемое Эртманом (Ertman, 1997) упускает критические важные черты английской и французской политий. В его работе игнорируется духовенство и Реформация (Горский (Gorski) в своем обзоре 1998 г. работ Эртмана тоже замечает это). В итоге,

вали бы власть уже существующих платных должностей. Фрондеры были практически единодушны в своем требовании отменить службу интендантов. Парижский парламент сформулировал чувства фрондеров, потребовав, чтобы судьи сохранили свои полномочия решать, регистрировать ли, улучшать или вовсе отвергать королевские декреты. Провинциальные парламенты откликнулись на это в своих областях. Парламенты нашли поддержку у множества провинциальных и городских группировок. Платные чиновники, которым угрожали усилия губернаторов и интендантов повысить коронные доходы, были основной опорой Фронды. Некоторые из наиболее могущественных губернаторов встали со своими клиентами против стратегии короны, позволявшей интендантам вмешиваться в провинциальную политику и тем самым подрывать основы власти этих губернаторов (Harding, 1978, с. 199–212; Moote, 1971; Bonney, 1978).

Восставали судьи-парламентарии из трех провинций и присоединившиеся к ним магнаты и их клиенты, провинциальные штаты, городские купцы и чиновники, протестантские и католические священники и крестьяне. Мятежи угрожали власти монарха и самому трону. Шэрон Кеттеринг (Kettering, 1982) сравнивала провинциальные парламенты, которые присоединились к Фронде, с оставшимися верными короне и обнаружила, что платные судьи восстали, когда у них появились и мотив, и союзники. Мотив имелся у парламентских судей в большинстве французских областей, так как их доходы и льготы оказались под натиском интендантов, стремившихся захватить соперничающие суды под их контролем. Тем не менее судьи стали мстить за обиды, только когда смогли использовать политический раскол между провинциальными интендантами. В трех провин-

Эртман вынужден заключить, что английский Парламент всегда был сильным, и не может объяснить, откуда у него появилась заинтересованность и способность бросить вызов короне. Он также упускает из виду источники королевской политической (в отличие от финансовой и организационной) слабости внутри платных институций Франции и поэтому не может указать, когда у короны менялись возможности действовать внутри страны и за рубежом.

Проблема, с которой столкнулись теоретики этих трех направлений при описании французского и английского абсолютизма, проистекает из того, что им не удалось разглядеть причинно-следственную значимость конфликта между элитами и различий в судьбе духовенства в этих двух странах. Отношения элит создавали возможность для проведения Реформации в Англии и перекрыли ей путь во Франции. Способность английских монархов выстроить горизонтальный абсолютизм происходила от слабости духовенства, а не от возможностей, имевшихся у короны ранее, как абсолютных, так и в сравнении с аристократией.

циальных городах, где взбунтовались судьи — Эксе, Руане и Бордо, — интенданты восстановили против себя крупные сектора городской администрации. Городские чиновники часто были связаны с судьями семейными и патронатными узами, создавая сплоченный блок оппозиции.

Губернаторы провинций оказались неспособны противостоять мятежам Фронды. Коронная стратегия продаж ослабила их контроль над чиновниками. Чиновники больше не нуждались в губернаторах, чтобы удерживать за собой свои должности. Однако они обращались к губернаторам, чтобы помешать учреждению конкурирующих органов, которые отнимали у них доходы и снижали значение их постов. Как уже говорилось выше, эту политическую роль губернаторы могли исполнять в первой трети XVII в., когда низкие военные расходы позволяли монарху тратить свой доход на создание политических блоков вокруг верных губернаторов. Но как только корона ограничила свой патронат и умножила число должностей в ответ на бюджетные трудности конца 1630–1640-х гг., губернаторам стало практически нечего предложить старому корпусу платных чиновников. Губернаторы, сидевшие в Эксе, Руане и Бордо, отреагировали на свою неспособность защитить своих провинциальных клиентов, заискивая перед королевским двором, заключая союзы с интендантами для зажимания провинциальных и городских органов управления (Kettering, 1986, с. 99–140; Bonney, 1978). Тем не менее губернаторам и интендантам не удалось выстроить новые клиентские сети, которые смогли бы противостоять альянсу парламентских судей и магнатов на местном уровне. Губернаторы были вынуждены призвать королевскую армию, чтобы сразиться с Фрондой юристов.

Другие губернаторы, возглавляемые принцем Конде, старались восстановить свою провинциальную клиентелу путем противостояния короне. Конде рассчитывал, что королевская армия завязла в войне против Испании и он и его соратники-магнаты смогут слить все свои отряды в военную силу, способную противостоять рассеянным войскам короны, оставшимся во Франции (Westrich, 1972). Конде и его соратники призвали провинциальное дворянство, городских купцов и чиновников, отлученных от королевского патроната, и создали революционную коалицию, гораздо более мощную, чем отдельные парламентские партии городской Фронды.

Фрондеры не смогли объединиться и поддерживать мятежи, несмотря на то, что держатели купленных должностей были заинтересованы в ограничении королевской власти. Хотя фрондеры и начали восстание, обладая военным перевесом и стратегическими пре-

имуществами, они потерпели поражение потому, что короне удалось договориться с некоторыми своими оппонентами и тем самым изолировать, а затем и разбить оставшихся бунтовщиков (Moote, 1971, с. 316–354; Kettering, 1978, с. 277–297).

Майкл Манн ошибается, когда пытается объяснить разные результаты гражданской войны и Фронды, преувеличивая якобы существовавшее военное превосходство монархов. Он утверждает, что французские короли командовали армиями, которые могли быть обращены как на внутреннего, так и на внешнего врага, в то время как английские монархи сконцентрировали свои военные капиталовложения на строительстве флота, что более пристало островному королевству (1986, с. 478). На самом деле обе стороны в обеих странах во время гражданских войн были способны поднять армии, достаточные для победы своих оппонентов. Французские фрондеры проиграли по той же причине, что и английские роялисты: их бросили жизненно важные союзники, нейтралы примкнули к врагам, и они потеряли способность собирать налоги или брать займы на поддержание своего дела. Таким образом, чтобы понять поражение фрондеров, мы должны объяснить, почему некоторые провинциальные элиты порвали со своими соратниками-аристократами и подчинились короне, тем самым обеспечив ее армиями и финансовыми ресурсами, необходимыми, чтобы пересилить фрондеров.

Окончательное поражение Фронды продемонстрировало, что, хотя короне и не удалось организовать постоянный и надежный приток средств от платных чиновников, продажность должностей расколола общенациональные оппозиционные коалиции. Столетие продажи административных постов ослабило прямые сеньориальные связи между землевладельцами и крестьянами (см. шестую главу). Даже те дворяне, которые получали большую часть доходов с крестьян в виде ренты, обнаружили, что их права на землю и прибыль с нее зависят от чиновников. Французские светские феодалы никогда не смогли установить прямое господство над крестьянами, связанными с конкурирующими феодальными элитами³¹.

Французские классовые отношения в аграрном секторе оставались определяющей феодальной чертой регулирования множественных элит и получения прибыли с сельскохозяйственного производ-

³¹ Шестая глава посвящена более расширенному сравнению элитных структур и классовых отношений аграрного сектора в Англии и Франции. Там я концентрируюсь на влиянии структурных различий на капиталистическое развитие; здесь же — на их последствиях для политики и образования государства.

ства. Абсолютистские стратегии французских монархов ослабили контроль духовенства и магнатов над землевладением, и одновременно помогли новым элитам, в первую очередь парламентским и судебским, вмешаться в отношения землевладельцев и арендаторов. В отличие от ситуации с единственным классом землевладельцев в Англии, несколько французских элит сталкивались друг с другом по поводу прав сбора налогов и ренты от крестьян. После 150 лет манипуляций короны с провинциальными элитами и реорганизации власти аристократов уже внутри системы продажных постов власть каждой элиты стала зависеть от королевских пожалований «привилегий, которые можно было интерпретировать по-разному и которые определялись по желанию короля» (Veik, 1985, с. 219).

Как только фрондеры отвергли предложения короны о регуляции привилегий, провинциальным фракциям пришлось самим улаживать дела со своими пересекающимися полномочиями. В результате более слабые элементы из коалиции фрондеров гораздо меньше нажились на соперничестве со своими провинциальными противниками, чем было бы, если бы они подчинились короне и интендантам. Чиновники и дворяне, чье положение корона установила лишь недавно и которые не были клиентами или союзниками ведущих фрондеров, меньше всего были готовы присоединиться к Фронде или же быстро покидали общий фронт бунтовщиков (Kettering, 1978; 1982, с. 294–304; Moote, 1971; Vonney, 1978, 1981).

У фрондеров были свои основания враждовать и друг с другом. Так же как стратегия продаж должностей не смогла примирить провинциальные элиты, она перекрыла путь к образованию общего фронта дворян, находившихся в оппозицию к королевскому двору. Неспособность французских провинциальных элит действовать как класс, продемонстрированная их внутренними конфликтами по поводу привилегий, подтвердила их неудачу в подавлении массового крестьянского сопротивления во время Фронды. Коронная стратегия продаж уменьшила возможности феодалов собирать ренты и осуществлять военное принуждение над крестьянами, заменив все это налогами, введенными непосредственно государством и собираемыми при помощи продаваемых служб. И когда крестьяне стали бунтовать против налогов и короны под прикрытием Фронды, фрондеры потеряли свои доходы со сбора налогов. Фрондеры имели мало денежных запасов и не могли содержать частные армии, способные победить и корону, и крестьян-бунтовщиков. В конце концов Конде был вынужден запросить мира, так как его партия разорилась (Parker, 1983, с. 95–117). Монарх же, напротив, смог найти деньги

у крупных финансистов, чьи капиталовложения в королевский долг требовали от короны господства над провинциями для будущей выплаты. Финансисты передали короне достаточно, чтобы продолжить борьбу и победить фрондеров (Bonney, 1981, с. 213–214, 228–241; Parker, 1983, с. 95–117).

Неспособность фрондеров поддержать вооруженное сопротивление короне или подавить крестьянские мятежи объяснялась учреждением системы продажных должностей и манипуляциями с ними, в результате которых силы различных элит сплывались в одну государственную структуру. «Правители не могли оторвать подвластные им области от большой политики, потому что их полномочия опирались на систему разделения власти и лестницы привилегий, на самом верху которой находился монарх. Без короля не было бы иерархии власти и „разделения труда“ среди них. Однако не существовало оснований и для королевского «государственного переворота», так как король опирался на своих социальных союзников в каждой провинции и не имел для них замены» (Veik, 1985, с. 219). Бюджетный кризис начала XVII в. показал пределы власти короны над провинциальным дворянством, точно так же как Фронда продемонстрировала, что аристократы и платные чиновники не могут образовать единый класс в рамках абсолютистского государства. Политическое урегулирование, достигнутое после окончания Фронды, не было победой монарха над аристократией или государственных бюрократов над гражданским обществом, а адаптацией ранее независимых феодальных элит в рамках единой государственной структуры.

Контраст между итогами французской Фронды и английских революции и гражданской войны показывает предсказательную и объяснительную ограниченность трех теоретических концепций, представленных ранее в этой главе. Английская революция действительно была конфликтом между государственной элитой и джентри, чьи интересы определялись новой монополией на контроль над аграрным производством. В этом столкновении военные и административные возможности, на которых делают акцент теоретики государственно-ориентированного подхода, оказываются меньшими, чем способность джентри преследовать свои интересы относительно крестьянства, не прибегая к королевским и государственным пожалованиям власти. Даже когда парламент и джентри раскололись на соперничающие фракции во время гражданской войны, Карл I не смог найти достаточно союзников для победы ни среди джентри, ни среди лондонских купцов или сельских. Король оказался столь нежеланным союзником, потому что он не был нужен для поддер-

жания или расширения экономической силы ни одной из элит. Королю не хватало ресурсов, чтобы поддержать сеть патроната, необходимую для верховенства в общенациональной политике, и, следовательно, победа короны больше бы навредила джентри, йоменам и купцам.

Фронда, напротив, меньше соответствовала архетипической структуре, представленной государственными чиновниками, сборщиками налогов и подданными государства, которые эти налоги платили. Неспособность французской короны установить горизонтальную власть над своими общенациональными противниками заставила ее уступить некоторую долю суверенитета институциям, которые теперь контролировались другими элитами. Французская корона могла ослабить враждебные элиты только созданием еще большего числа суверенных институций. Поражение фрондеров имело меньше последствий для независимой способности короны собирать свои силы и больше, на два столетия вперед, для включения интересов каждой элиты в рамки вертикально организованного государства. Антигосударственные восстания провалились потому, что большинство элит были помещены внутри государства и могли выражать свои интересы только через него.

Перри Андерсон (Anderson, 1974) прав в своем определении абсолютистского государства как перегруппировки феодального правящего класса. Тем не менее, рассматривая борьбу между крестьянами и землевладельцами как движущую силу образования государства, он не может объяснить различия в подъеме английского и французского абсолютизма или в раннем закате первого. И классовый анализ Андерсона, и модель относительной автономии Маркса и Энгельса вводят нас в заблуждение, представляя буржуазию как чуждую абсолютистскому государству, хотя временами и зависимую от него. В моем анализе буржуазия рассматривается иначе. Различные позиции, на которых она организовалась и с которых защищала свои интересы в данных двух странах, кажутся менее продуктом автономного процесса капиталистического развития, а более — результатом открытия зазора, произошедшего благодаря разным путям развития элитного конфликта и абсолютизма в Англии и Франции. В Англии элитный конфликт создал структуру правления класса джентри вне абсолютизма, и, соответственно, способную его разрушить, и это дало возможность лондонским купцам противостоять королю. Во Франции вертикальный абсолютизм создал ограниченные возможности для владельцев капитала покупать должности и вкладывать деньги в государственные долги и тем самым предотвратил

широкий союз держателей должностей и землевладельцев против короны. Характер французской буржуазии XVII в. побуждал ее объединять свои интересы с государством во время Фронды, в то время как английское джентри с местной базой от государства отступило. Буржуазные стратегии в двух странах определялись структурным положением класса, а не абсолютной мерой силы или зрелости. Возможности для политических действий буржуазии развивались как плоды конфликта элит.

Государство не было актором или носителем особого влияния в Англии и Франции раннего Нового времени. Напротив, различные формы, горизонтальная и вертикальная, абсолютизма были итогами долгой цепи конфликтов сложных акторов, проанализированных в этой главе. Горизонтальный абсолютизм сократил трансформацию элитных отношений в английском государстве и, как я покажу в шестой главе, породил капиталистические классовые отношения в экономике за тот же самый краткий период времени.

Вертикальный абсолютизм и политический пат были результатом другого течения конфликта элит во Франции. Следующие разделы этой главы прослеживают элитный конфликт во Франции после Фронды, чтобы объяснить, почему пат затянулся на столь долгое время и почему революция 1789 г. случилась именно тогда, и какие она имела особые последствия для классовых и элитных отношений во Франции.

Пат элит: пределы конфликта и образование классов при старом режиме

Фронда была решающим политическим, равно как и военным поражением провинциальных магнатов. Ее итоги показали, что никто, кроме монарха, не может гарантировать сохранение сеньориальных земельных прав и формальных привилегий при столкновении с конкурирующими элитами или мятежными крестьянами. Крестьянские бунты, которые сопровождали Фронду элит, продемонстрировали еще большую неспособность провинциальных и городских элит защищать свои классовые интересы без помощи короны.

Королевская власть еще больше вмешивалась в извлечении сеньориальной прибыли в столетие, последовавшее за Фрондой. Во-первых, все большая доля доходов аристократов шла от государственных должностей, а не от манориальных повинностей. Во-вторых, в столетие после Фронды феодалы все более использовали королевские эдикты и парламентские постановления в своих усили-

ях поднять ренту крестьянам и увеличить часть поместья, находящуюся под непосредственным контролем аристократа (Dewald, 1980, с. 162–201; Mousnier, 1970, с. 215–30). Дворяне-фрондеры оказались угрозой для обеих этих опор, когда взбунтовались против короны. Внутриклассовые разногласия, следовательно, лишали аристократов как их сеньориальных, так и чиновных доходов. Крестьяне воспользовались борьбой элит за доходы друг друга и юридические права на протяжении Фронды, прекращая выплату ренты или утверждая свои древние права. Феодалам не хватало независимой военной силы и юридического аппарата, чтобы подавить восстания и утвердить свои сеньориальные права. Аристократы могли восстановить базы своих доходов, только став клиентами магната или монарха, чьей военной силы хватало на то, чтобы поддержать извлечение прибыли из крестьян.³²

После Фронды мятежные дворяне торопились продемонстрировать свою лояльность короне, и искали способы получить королевскую службу, которая могла гарантировать им доход и политический статус. Корона увеличила число синекур, доступных провинциальным аристократам, одновременно мешая магнатам присвоить эти должности и тем самым восстановить свои автономные клиентелы (Kettering, 1986). Корона вновь вела интендантства, рассылая своих назначенцев, которые конкурировали с губернаторами за контроль над провинциальными институциями. В отличие от губернаторов, интенданты не были местными уроженцами провинций, в которых они служили. Фавориты короны часто получали несколько интендантств, прежде чем занять более высокое положение при дворе (Emmanuelli, 1981; Gruder, 1968; Babeau, 1894, 2:14–24). Интенданты были креатурами двора, которые продвигались по карьерной лестнице, верно служа интересам монарха, в отличие от губернаторов, у которых были свои имущественные и политические интересы, и они стремились их удовлетворить в своих родных провинциях.

Теперь, когда интенданты ополчались на существовавшие привилегии губернаторов, аристократов и чиновников, им не надо было

³² Скоцпол (Skocpol, 1979) не рассматривает, как различные положения в государстве создавали зазоры для действий доминирующего класса. Вместо этого она утверждает (с. 59), что корона столкнулась с единообразным доминирующим классом, хотя имеющем опору «как в более древних институциональных формах, таких как сеньориальные права и частные должности, так и новых абсолютистских функциях, в основном связанных со способностями государства добиваться военного успеха и оплачивать экономическую экспансию страны (пока налоговые доходы поступали от тех, кто был лишен привилегий)».

бояться новой Фронды. Сельские и городские элиты зависели от военной помощи армий, поднадзорных интендантам, когда они хотели восстановить свою власть над бунтовщиками из крестьян и горожан, которые угрожали их привилегиям во время Фронды. Интенданты превратили верность короне, сбор тальи и других прямых налогов в необходимое условие для феодалов для получения ими помощи в их борьбе с крестьянами.

Анализ того, как корона реагировала, руками провинциальных интендантов, на крестьянские мятежи через полстолетия после Фронды, показывает, что монархи проводили различия между лояльными чиновниками и самостоятельными сеньорами. После того, как королевские войска подавляли бунты, казенные чиновники, верные интенданту, получали помощь в виде права как собирать налоги на местности, так и ренты со своих собственных поместий, в то время как автономные феодалы и корпоративные органы должны были отвечать за просрочки в уплате налогов и самостоятельно искать ресурсы на замену потерянным рентам (Bernard, 1964). Таким образом, для провинциальных элит казенная служба стала одновременно и прибыльным вложением денег и способом доказать свою верность короне, чтобы потом нажиться на этой верности.

Под угрозой военного террора крестьяне были вынуждены платить налоги, которые повышались в абсолютном исчислении, как и в доле от всего сельскохозяйственного производства, тем самым удваивая официальный доход и повышая ренты за многие поместья на большей части территории Франции в десятилетия, следовавшие за Фрондой (Dontenwill, 1973; Jacqart, 1974; Migeaux, 1958; Venard, 1957; Wood, 1980). Как утверждает Перри Андерсон (1974), перемещение вверх феодальной военной силы, образование провинциальных войск под командой эмиссаров от королевского двора повысили абсолютную и относительную сверхприбыль, получаемую с крестьянства. Тем не менее этот сдвиг в организации военных сил был скорее вызван стратегией продаж, осуществляемой некоторыми аристократическими фракциями, желавшими получить власть и доход за счет других элит. Падающая способность феодалов извлекать ренту напрямую из арендаторов и их трансформация в казенных чиновников и финансистов были следствием этих более ранних конфликтов элит, а не роста способностей крестьян для классовой борьбы. Крестьянские мятежи 1650–1653 гг. подстегивались сломом организации правящего класса Фрондой и демонстрировали несостоятельность положения тех аристократов, которые меньше всего были связаны с центральным фискальным аппаратом.

Все больший поток доходов, идущий через фискальный аппарат, возглавляемый интендантами, создавал новые возможности для аристократов в их поиске источников прибылей, кроме сеньориальных выплат, которые они получали со своих поместий. В *pays d'élection* самые выгодные посты были у тех, кто собирал прямые налоги в каждом диоцезе. Сборщики наживались со своих должностей двумя путями: во-первых, они брали комиссионные, которые варьировались от 16,6 до 24,5% со всей суммы, и, во-вторых, им позволялось хранить налоговые расписки до тех пор, пока их не требовала корона. Обычно половина денег слалась королю, а вторая половина тратилась внутри провинции. Эта вторая половина хранилась у сборщика месяцами и годами, создавая беспроцентный «резерв», который сборщики вкладывали в свое собственное предприятие или пускали в рост (Beik, 1985, с. 245–278; Chaussinand-Nogaret, 1970; Dessert, 1984).

Политическая динамика, запущенная созданием налогового аппарата после Фронды, отличалась от той, которую породила продажа должностей веком раньше. Продажа должностей имела отношение к сфере власти; каждая новая должность покушалась на прерогативы уже окопавшихся феодалов, чиновников и корпоративных органов. Хотя первые казенные чиновники воспринимались короной как союзники в борьбе с провинциальными блоками с магнатами или городскими олигархиями во главе, чиновники вскоре поняли, что финансовые выгоды для короны от новых постов покупаются ценой подрывания политической и финансовой значимости их собственных должностей. Продажа касалась дележа членами правящего класса политической власти и прав на доходы, связанных с теми, на которые претендовали феодалы.

Казенные чиновники пытались увеличить полномочия и ресурсы, полагающиеся их постам и институциям, в рамках которых они функционировали, заключая союзы с более могущественными патронами вверху и набирая клиентов внизу. Такие патронатно-клиентские союзы скорее поддерживали, чем подмывали центральную власть короля. Скучный запас стратегий, доступных начинающим политикам, и нулевой показатель конфликтности между патронами и их клиентами являются показателями долгосрочного пата в отношениях элит в столетие после поражения Фронды.

Необходимость для патронов покупать поддержку клиентов, несмотря на дефицит новых должностей и невозможность вытеснить существующие элиты с их синекур, ограничивала число милостей, которые короли, министры, губернаторы или интенданты могли предложить меньшим элитам. Когда патронам не удавалось

удовлетворить ожидания своих клиентов должностями или денежными пожалованиями, тогда клиенты начинали искать себе нового покровителя³³.

Политическое урегулирование после Фронды на время преодолело противоречия продажности должностей. Существовавшие посты сохранились, хотя и исчезла возможность противодействовать королевским эдиктам, когда провинциальные элиты потеряли способность объединяться в оппозиционные партии. Новая конкуренция за место сборщика налогов имела малое отношение к власти и привилегиям. Все аристократы были формально освобождены от прямых налогов, вне зависимости от их чиновничьего статуса, и сбор налогов проводился по критериям, которые определяли интенданты после переговоров и запугивания провинциальных парламентов и штатов.

Корона оказывала обширное покровительство высшей знати в XVI в., чтобы привязать провинции под властью этих дворян к развивающемуся королевскому государству. Фракционализм Религиозных войн, которые корона разыграла к своей выгоде, позволил в последующие десятилетия увеличить ее общий контроль. «Высшая знать XVI в. смогла превратить королевское правительство в рассадник соперничающих влияний, что привело к политическому конфликту и даже гражданской войне» (Kettering, 1986, с. 141–142).

Корона при Ришелье, а затем Мазарини и Кольбере старалась подорвать власть магнатов при помощи двух параллельных стратегий. Одна (обсуждаемая выше) — это создание интендантств и нового корпуса казенных чиновников, которые соперничали со старыми провинциальными институциями и блоками, возглавляемыми магнатами. Вторая стратегия была направлена на ослабление способности всех политических патронов собирать вокруг себя обширную клиентелу. Введение постоянной *полетты* в 1604 г. (право завещать или продавать казенные должности в обмен на ежегодную выплату процентов короне от стоимости данного поста) сократило число должностей, доступных короне и магнатам для патроната. Магнаты так никогда и не смогли найти новые пути для патроната и были ослаблены навсегда. Корона же развила новую систему патроната, финансово ориентированную, через откуп налогов и синдикаты займов. Финансовые маневры стали основой политики в последнее столетие старого режима.

³³ Кеттеринг (Kettering 1986, с. 28–32) пересказывает случаи, когда покровителей покупали.

Аристократы после Фронды больше не соперничали за финансовую власть. Вместо этого они брали налоговые откупа, право собирать установленные налоги во всеми полномочиями в обмен на выплату короне их полной суммы. Таким образом, комиссионные со сбора и возможность накапливать налоговые расписки стали их процентами по займу. В отличие от условий для *elus* времен до Фронды, которые получали казенные должности с теми же полномочиями, что и прежние платные казначеи (*tresoriers*), в обмен на одноразовый заем короне (Mousnier, 1959), почти все налоговые откупа после 1653 г. давались на год или два подряд. По окончании срока займа или откупа корона собирала новые предложения на займы, а не откуп какого-то особого прямого налога с диоцеза, избирательного округа или провинции, от того же держателя должности или его конкурентов-финансистов.

По иронии судьбы, именно неспособность короны погашать долги или возвращать деньги откупщикам и обеспечила стабильность финансовой системы Людовика XIV. Налоговые откупа были, по своей сути, схемами, наподобие пирамиды. Ценность бумаг по вложениям откупщиков повышалась экспоненциально. Тем не менее, участники схемы, налоговые откупщики, могли ликвидировать свою биржевую позицию, только продав свои доли местных, провинциальных или общенациональных налогов другому откупщику, готовому расширить свои инвестиции, или же новичку в этом деле. Рост номинальной стоимости налоговых откупов прекратился бы, если спрос откупщиков, желающих обналечить свои инвестиции, превысил бы предложение новых капиталов, входящих в систему. Налоговые откупщики в целом имели ограниченный леввередж, так как при отказе реинвестировать свои прибыли привел бы к государственному банкротству. В то же самое время корона никогда не могла найти альтернативных источников фондов, которые позволили бы ей выкупить существующий корпус налоговых откупщиков.

Корона могла себе позволить платить комиссионные налоговым откупщикам до 25%, потому что очень малая часть из этого платилась реально. Вместо этого она прибавлялась к коронным долгам на бумаге, и к прибылям налоговых откупщиков, тоже на бумаге (Harsin 1970). С другой стороны, корона не могла себе позволить предлагать маленькие комиссионные. Во время войны, когда корона испытывала дефицит наличности, ей требовалось заставлять аристократов, а также своих и иностранных купцов вкладывать свои сеньориальные доходы и прибыли от мануфактур и торговли в государство точно так же, как и удерживать прежние инвестиции налоговых откуп-

щиков. Таким образом, комиссия с налогов должна была превышать прибыль с других инвестиций, и не только во Франции, но и за границей. Многие из долгов Людовика XIV финансировались из-за границы, когда французские налоговые откупщики служили посредниками для иностранных инвесторов в государственные долги. На самом деле единственной причиной, по которой Франция смогла отразить совместный натиск англичан и их союзников на континенте во время «Второй столетней войны» — серии конфликтов, которые продолжались практически без перерыва с 1672 по 1783 г., было превосходство в сборе фондов у системы налоговых откупов (Chaussinand-Nogaret, 1970; Mousnier, 1984; Parker, 1983). И в последние десятилетия XVII в. суммарные королевские доходы Франции превышали доходы всех ее противников, вместе взятых. Только в 1780-х гг. доходы британского государства приблизились к французским³⁴.

Пирамидальная схема не могла держаться долго, если инвесторы старались изъять даже часть своих денег. Почти ни один из индивидуальных откупщиков или иностранных инвесторов ликвидировал свои доли в финансовых синдикатах. Но не все прибыли от налоговых откупов реинвестировались. Налоговые откупщики тратили часть своих ежегодных комиссионных, которые они получали от своих вложений в откуп налогов, для поддержания потребления своей семьи. Французская корона сумела избежать банкротства с 1653 по 1709 г. потому, что она находила новые источники реального дохода, достаточно большие для того, чтобы удержать капиталы налоговых откупщиков и поддержать роскошный стиль жизни инвесторов в откуп налогов (Dessert, 1984, с. 160–61).

Сперва корона повысила прямые налоги в *pays d'élection*; однако, прибыль с тальи после 1676 г. стагнировала. В дальнейшем королевские доходы шли из двух источников: во-первых, из *pays d'état* и городов, которые больше не могли сохранять свою автономию и, во-вторых, от косвенных налогов. Новые формы и источники доходов освещают изменяющуюся структуру отношений внутри правящего класса в конце XVII в.

Единственным корпоративным органом, который пережил Фронду без существенной потери власти, были штаты в *pays d'état*. Они не покушались на авторитет короны и, следовательно, сохранили свои древние права. Кроме того, их способность мобилизовывать независимые военные силы не была связана с сетями магнатских кли-

³⁴ См. данные, подтверждающие эти сравнения, в таблице 5.4 и комментарии к ней в следующей главе.

ентел, которые разрушились во время Фронды. Некоторое число независимых городов тоже держались в стороне от партий магнатов и поддерживали корону, тем самым избегая политической дезорганизации и королевской кары, которая последовала за Фрондой (Asher, 1960; Veik, 1985; Bordes, 1972; Mousnier, 1979).

Несмотря на свой успех в маневрировании во время Фронды, штаты и городские правительства потеряли много своих автономных прав в десятилетия после установления внутреннего мира в 1653 г. Они теряли не потому, что становились слабее, а потому, что корона становилась сильнее. Как только аристократы или чиновники в *pays d'élection* адаптировались в рамках новых финансовых и политических структур, возглавляемых союзными губернаторами и интендантами, корона смогла бросить вызов местным и провинциальным привилегиям, не разжигая сопротивления за пределами конкретной области. В результате, интенданты смогли повысить фискальные требования к штатам в *pays d'état*, зная, что сопротивление останется локальным и поэтому легко подавляемым королевскими войсками. Изолированные провинциальные аристократы отказывались от бросания вызова короне в таких условиях, и число вооруженных мятежей драматически сократилось в десятилетия, последовавшие за Фрондой (Baxter, 1976; Veik, 1985; Bernard, 1964).

Схожая динамика ослабила городскую автономию, особенно в тех городах, где господствовали протестанты. Король и магнаты защищали городские и гугенотские привилегии только для того, чтобы отнять друг у друга военный и фискальный контроль над конкретными областями. С упадком провинциальных блоков городская автономия перестала служить интересам как короны, так и аристократов. И та и другие пытались распространить налоги и на эти области, чтобы обеспечить фискальную базу для новых займов, налоговых откупов и новых комиссионных (Bonney, 1978; Bordes, 1972). Спад религиозной вражды так же ослабил структурный базис автономии духовенства. Сеньориальный контроль над бенефициями был упорядочен, что позволило короне потребовать для себя увеличения доли церковных доходов (Blet, 1972; Dent, 1975).

Провинциальные штаты и городские правительства были трансформированы в налоговых откупщиков. Корона применяла военную силу для выбивания займов из этих корпоративных органов. Взамен корона обеспечивала военную поддержку штатам и городским правительствам при сборе больших налогов, что позволяло новым налоговым откупщикам получать прибыль со своих займов (Bordes, 1972; Temple, 1966). Как и в *pays d'élection*, многие прибыли налоговых от-

купщиков от повышенных налогов в *pays d'état* реинвестировались в более крупные займы, что позволяло и дальше повышать налоги и комиссионные откупщиков.

Косвенные налоги являлись самым крупным источником доходов короны в столетие после Фронды (Dessert, 1984, с. 161–166). До Фронды они составляли меньшую часть королевского бюджета. Однако к 1725 г. на них приходилась уже большая часть из 204 миллионов ливров доходов. В этом году корона получила 99 миллионов от косвенных налогов на соль и табак, а также с таможенных пошлин — в сравнении с 87,5 миллиона со всех прямых налогов. Военное превосходство короны после Фронды позволяло ей распространять косвенные налоги на прежде свободные от них регионы. Выгодные комиссионные и высокие процентные ставки, доступные откупщикам с косвенных налогов, создавали системе сторонников по всей Франции, которые только выигрывали от повышения налогов и, следовательно, поддерживали эту меру (Matthews, 1958, с. 81; Beaulieu, 1903).

Реорганизация оппозиции

Налоговые откупа объединили корону и аристократов, которые вкладывали свои деньги и вели дела, в одном проекте по извлечению прибавочной стоимости через налоги. Стагнация сеньориальных доходов и драматический подъем налоговых поступлений в столетие после Фронды демонстрирует во плоти то, что Андерсон (1974, с. 18–19) предложил в качестве гипотезы, «смещение политико-правового насилия вверх... Размытое на уровне деревни, оно сконцентрировалось на „общенациональном“ уровне».

Если налоговые откупа изменили природу извлечения прибавочной стоимости во Франции XVII в., это произошло, как утверждает Тилли (1981), не благодаря созданию нового корпуса извлекателей. Вместо того существующая аристократия реорганизовалась на общенациональной основе. Доступ к прибавочной стоимости, как оказалось, меньше зависел от семейного наследования фьефа, а больше от участия в финансовом синдикате. Однако было бы ошибкой видеть в налоговых откупщиках аристократов на пути становления капиталистами, как предлагают Валлерстайн и временами Андерсон. Финансисты своими инвестициями в налоговые откупа практически выкупили право на часть прибавочной стоимости, извлекаемой из крестьянства силой. Капитал, который аккумулировали эти финансисты своим участием в налоговых откупах, не передавался на другие предприятия, так как этот капитал существовал не в фор-

ме ликвидного, а как продуктивные инвестиции в производящих прибавочную стоимость предприятия. Все деньги, занятые короной, и прибыли с откупов тратились на военные походы внутри страны или за рубежом или на потребление короной и ее чиновниками.

Индивидуальные финансисты могли выйти из налогового откупа, если их доля была достаточно маленькой для того, чтобы ее мог выкупить кто-то со стороны. Тем не менее почти все альтернативные инвестиции в зачаточном капиталистическом секторе или в займах другим странам были менее прибыльными, чем комиссионные, получаемые при откупе налогов. Нет никаких свидетельств того, что какой-нибудь финансист по своей воле сокращал или ликвидировал свою позицию в откупах, и отчеты показывают нескончаемый поток просителей, надеющихся войти в существующий корпус налоговых откупщиков (Dessert, 1984).

Новые инвестиции в государственные займы ограничивались лишь политической властью существующих откупщиков, которые все были заинтересованы в сохранении своего контроля над той формой феодального извлечения прибавочной стоимости, которая воплощалась в прямых и косвенных налогах. Хотя корона и налоговые откупщики разделяли один классовый интерес в извлечении как можно большей прибавочной стоимости из крестьян, а также из торговли и мануфактурного производства, они соперничали друг с другом за определение этой прибавочной стоимости в форме комиссионных и процентов, идущих откупщикам-финансистам, а также займов и налоговых сборов, идущих короне, и тем из чиновников, которым позволялось тратить доходы от имени монарха.

Несмотря на существование различных фракций и корпоративных органов в феодальной Франции, инкорпорированных в один или другой налоговый откуп, корона зависела от этого класса в извлечении прибавочной стоимости. Не было никакого другого класса, с которым корона могла союзничать. В то же самое время корона была озабочена, как бы не допустить восстановления провинциальных блоков, которые могли бы потребовать большей прибыли или большего дохода от местных ресурсов, которые они извлекали. Корона мешала интендантам и губернаторам создавать подобные блоки, периодически реорганизовывая налоговые откупа и перемещая интендантов и финансистов, которые их создавали, чтобы не дать им объединиться с местными налоговыми сборщиками в одну партию, способную действовать на общенациональном уровне.

Переменчивая карьерная траектория интендантов иллюстрирует развитие этой коронной стратегии реорганизации. В первые де-

кады после Фронды большая часть интендантов проводили первые десять лет своей карьеры в одной провинции, перед тем как переместиться к королевскому двору и получить назначение в Государственный совет. После смерти Людовика XIV в 1715 г. большинство интендантов служили в нескольких провинциях, часто менее десяти лет на одном посту, прежде чем получить высшую должность в королевских советах. Приманка в виде обещания быть назначенным на верховную придворную должность обеспечивала лояльность интендантов короне и гасила в них желание построить личную базу в провинции. Этой же цели служил набор интендантов из детей придворных чиновников, у которых не было связей с провинциальными родами (Emmanueli, 1981, с. 60–61 и далее).

Различные сроки пребывания в должности интендантов отражали их различные политические задачи в XVII–XVIII вв. В XVII в. корона была озабочена борьбой с привилегиями, на которые претендовали штаты, города и казенные органы каждой провинции. На эти претензии можно было ответить, лишь построив альтернативную структуру в виде налоговых откупов. Интенданты XVII в. часто приглашали противников политики короны брать на себя налоговые откупа. Однако позже, как только корпус налоговых откупщиков в каждой провинции был сформирован, корона озаботилась тем, как бы дать главам синдикатов стать сосредоточением новых провинциальных интересов и оппозиции. Интендантов спасали от соблазна присоединиться к такому блоку, часто перемещая их на другое место.

Интенданты, которые отслужили в нескольких провинциях, также могли помочь короне, интегрируя аристократов в налоговые откупа, которые распространялись за границы провинций. Корона при помощи интендантов подталкивала крупных финансистов брать откупа в других провинциях. Великая экспансия косвенных налогов в конце правления Людовика XIV и после него давала новые возможности финансовым альянсам, заключаемым поверх провинциальных границ. Корона периодически реорганизовывала локальные блоки, включая в откупа каждого и прямые, и косвенные налоги. В результате, связи между общенациональными главами синдикатов, располагавшихся при дворе, и аристократами, которые непосредственно занимались машинерией налоговых сборов на местности, постоянно нарушались (Dessert, 1984; Matthews, 1958).

Реорганизационная стратегия короны, как и ее же более ранняя стратегия продаж, успешно разрушала оппозиционные провинциальные блоки. Однако хотя корона сумела переиграть своих настоящих общенациональных противников в эру перед Фрондой и по-

мешать возникновению новых противников после Фронды, она не смогла существенно сократить крупную долю прибавочной стоимости, которая оставалась в руках казенных чиновников с базой на местности и налоговых откупщиков. Точно так же, как Фронда продемонстрировала ограниченность контроля короны над местными чиновниками (и в то же время показала невозможность противостоять общенациональной гегемонии короны, опираясь на провинцию), неспособность короны разрешить финансовый кризис XVIII в. продемонстрировал, что чиновники и финансисты национального уровня были все еще частью и, следовательно, зависели от местных аристократов, задействованных в прямом извлечении прибавочной стоимости.

Пределы капитала в XVIII в.

Войны Аугсбургской лиги (1689–1697) и за испанское наследство (1701–1714) привели французскую корону на грань банкротства. Каждый год дефицит бюджета, вызванный военными расходами, покрывался новыми займами у финансистов — налоговых откупщиков, тем самым повышая долю налоговых поступлений, необходимых для погашения процентов по займам. Усилия короны ввести новые статьи доходов, и для того, чтобы покрыть ежегодные расходы и чтобы получать кредиты через новые налоговые откупа, провалились. Ни подушная подать, введенная в 1695 г., ни *dixieme*, установленная в 1710 г., не принесли значительных доходов. Неспособность повысить налоги объяснялась долговременной депрессией аграрного сектора, из-за которой крестьяне могли платить повышенные налоги, только переставая платить по сеньориальным рентам³⁵. У аристократов была власть добиться того, что они не будут покрывать дефицит короны ни путем распространения прямых налогов на освобожденный от них доход дворянства, ни путем установления приоритета для сбора поземельного налога над выплатой сеньориальных рент (Dessert, 1984, с. 160–166; Bastier, 1975; Jacquart, 1974).

Долг короны, который достигал 170 миллионов ливров в 1648 г., поднялся до 413 миллионов в 1707 г. и 600 миллионов после смерти Людовика XIV в 1715 г. (Bosher, 1970, с. 13–15). К 1709 г. обязательства короны по зарплате казенным чиновникам, комиссиям налоговых откупщиков и процентам финансистам настолько превысили еже-

³⁵ Я рассматриваю взаимодействие королевских фискальных требований и крестьянской экономики в шестой главе.

годные доходы, что если даже учитывать тот факт, что большая часть этих выплат реинвестировались в государственный долг, финансисты не могли понять, как им получить прибыль с новых займов, и отказались в этом году финансировать долг короны. Корона де-факто стала банкротом (Dessert, 1984, с. 210–236).

Корона нашла кратковременное утешение в нападках на наиболее слабых политически из своих кредиторов. Три четверти финансистов обвинили в финансовых злоупотреблениях и заставили платить штрафы и уступить большую часть их капиталовложений в государственный долг. Предыдущая стратегия короны по отжиганию лишних привела к тому, что финансисты оказались изолированы от региональных политических сетей и их можно было уничтожить, не взволновав провинциальную оппозицию. Кредиторы, внесенные в списки на преследование, были теми самими, кому не хватало доступа к новым ресурсам кредитования и, следовательно, являлись всего лишь накопителем королевских доходов. Шестьдесят одного финансиста, которые пережили чистки 1709–1716 гг., пожалели не потому, что у них была политическая поддержка в провинции, а потому, что они были незаменимыми. Эта элитная четверть финансистов владела 85,3% от всех налоговых откупов к 1709 г. (Dessert, 1984, с. 210–236). Их доля в откупах так выросла в предшествующие десятилетия потому, что они доминировали в доступе к французскому и европейскому кредиту.

Ликвидация всех финансистов, кроме самых крупных, сузила для короны пространство для дальнейшего маневра. Не в силах повысить налоги, и при том, что на все текущие доходы претендовали казенные чиновники и налоговые откупщики, корона впала в зависимость от готовности шестидесяти одного финансиста вкладывать новый капитал в систему. Тем не менее эти финансисты не имели никаких причин одалживать короне еще деньги до тех пор, пока она не увеличит их долю в ежегодных доходах за счет окопавшихся в провинции чиновников. Перед лицом подобного тупика регент, который правил за малолетнего Людовика XV, был привлечен гениальной схемой, разработанной шотландским финансистом Джоном Лоу. Лоу предположил, что если инвестиции казенных чиновников и сборщиков налогов будут вырваны из-под их контроля над источниками дохода и превращены в обращающийся на свободном рынке долг, то короне удастся преодолеть недостачу капитала.

Регент дал Лоу лицензию на частный банк в 1716 г., и обратил его в королевский банк, купив все его акции в 1718 г. (Hamilton, 1969, с. 145; Harsin, 1970, с. 277–278). Банку было дано право выпускать банк-

ноты, которым присваивалась ценность благодаря заявлению регента о том, что налоговые откупщики обязаны принимать их при уплате налогов безо всяких скидок. Регент гарантировал Лоу монополию по всей торговле в Луизиане и Канаде, так же как и парижскими рентами, чтобы у банковских билетов Лоу было обеспечение. Авторитетные финансисты, которые противились учреждению банка Лоу, пытались разорить его, предъявляя Лоу банкноты, которые они собрали через свои налоговые откупа, чтобы он обналчил их золотом. Лоу и регент ловко обошли это требование, понизив содержание золота в лудорах и одновременно поддерживая ценность банкнот декретами (Matthews, 1958, с. 62–65; Luthy, 1959, I: 298–303).

Между 1718 и 1720 гг., корона перевела все налоговые откупа, контроль над оставшимися колониальными монополиями и право выпускать монеты банку Лоу. Эти источники дохода дали Лоу обеспечение, позволившее конвертировать все выпущенные его банком билеты, равно как и номинальную стоимость инвестиций в должности всех французских чиновников, в акции своего банка. Казенные чиновники и сборщики налогов изначально признали Систему Лоу, потому что они сохранили свои полномочия и продолжали получать комиссионные с доходов, которые они собирали для короны. Сперва они даже нажились, потому что их инвестиции в должности и их комиссии с налогов были деноминированы в акции банка Лоу, которые росли в цене до февраля 1720 г. (Matthews, 1958, с. 65–69; Luthy, 1959, I: 300–315).

Реформы Лоу обогатили корону и небольшое число французских капиталистов. Корона выиграла потому, что Лоу предложил способ, как провести инфляцию денежного запаса, что позволило ей занять свой собственный кредит, не прибегая к металлическим деньгам, импортируемым крупными финансистами. Инфляция и рынок кредита, созданные государственным банком Лоу, вызвали падение реальных процентных ставок и сделали капитал доступным для торговцев и мануфактурщиков. Лоу начал помогать свободному притоку товаров во Францию и подавил некоторых налоговых чиновников, консолидируя и понижая внутренние тарифы и отменяя некоторые мелкие налоги (Matthews, 1958, с. 68–69; Luthy, 1959, I: 295–315).

Необходимость учитывать интересы провинциальных чиновников, а вовсе не малоэффективная оппозиция политически изолированных финансистов вызвала коллапс Системы Лоу в 1720 г. Лоу, как и его предшественники-финансисты, должен был поддерживать прибыли местных чиновников на одном уровне. Тем не менее, как только эти чиновники стали увеличивать свои прибыли и их ин-

вестиции были обращены в рыночные ценные бумаги в 1718 г., несоответствие суммарных государственных доходов, теперь проходящих через банк Лоу, поддержке всех местных чиновников стало очевидным. Стоимость банковских акций обрушилась весной и летом 1720 г. (Matthews, 1958, с. 69).

Крах Системы Лоу высветил истинный баланс сил в последнем столетии старого режима. Ни финансисты, ни Лоу и регент, не смогли аннулировать феодальные права провинциальной аристократии, ведущие свое происхождение от должностей и сеньорий, на государственные доходы. Хотя даже буржуа-мануфактурщики и купцы обогатились от инфляции, эта инфляция не могла быть поддержанной, как только провинциальные чиновники осознали, что ценность их должностей и концессий находится под угрозой падения.

Пределы государственного извлечения прибыли

По иронии судьбы, крушение банка Лоу оказалось финансовым благодеянием для короны. Так как долг был деноминирован в банковские акции, большая часть этого долга просто списана при банкротстве, уничтожив и претензии финансистов на государственную прибыль. Продолживший свое существование корпус провинциальных чиновников тем не менее сохранил и свои возможности присваивать налоговые доходы по закону Лоу и годы спустя. Уменьшение государственных долговых обязательств, в сочетании с долгим миром и низкими военными расходами в 1714–1740 гг. позволило короне заложить более надежные финансовые основания.

С падением банка Лоу налоги снова стали платить металлическими деньгами. Дефляция породила новый дефицит доходов и снова сделала корону зависимой от тех финансистов, которые имели доступ к большим капиталам. В 1726 г. 60 налоговых откупщиков были институализированы как один монопольный синдикат (Matthews, 1958, с. 70–76). Компания генеральных откупщиков (КГО) выполняла ту же роль, что и корпус финансистов в эпоху до Лоу. Единственным крупным шагом во внутренней организации налоговых откупщиков было уничтожение продажи должностей в их собственных рядах. Ни один откупщик-одиночка не имел права на особую часть налогового откупа. Вместо этого, их инвестиции в корпорацию давали им пропорциональное право на прибыль, произведенную бюрократическим аппаратом, который был нанят для управления откупом. Реальные сборщики налогов в каждой местности оставались платными должностями, и ни корона, ни налоговые откупщики не получили нового контроля

над этими чиновниками после 1726 г. Бюрократический контроль осуществлялся только после того, как доходы, за вычетом комиссионных, собирались в центральной конторе налоговых откупщиков.

Бюрократическая внутренняя организация КГО подрывала все усилия короны занять рычаги власти, разрывая отношения между местными сборщиками налогов и налоговыми откупщиками. КГО сталкивалась с короной как единый блок, торгуясь лишь о величине процентов и сумме займа. Влияние короны уменьшилось еще сильнее, когда она начала Семилетнюю войну (1756–1763). Ежегодный дефицит бюджета короны поднялся с 67 миллионов ливров в апреле 1756 г. до 118 миллионов в 1759 г. Хотя государство объявило о своем частичном банкротстве в 1759 г., дефицит продолжал накапливаться и достиг 200 миллионов ливров ежегодно в оставшееся время войны. Одновременно Франция потеряла свои колонии в Индии, Канаде, Западной Африке и Вест-Индии, уступив их Англии. Французское вмешательство в американскую войну за независимость усугубило дефицит; к 1788 г. обслуживание долга в КГО требовало половины ежегодных государственных доходов (Matthews, 1958, с. 222–227; Anderson, 1974; Bosher, 1970, с. 23–24).

КГО, как и финансисты при Людовике XIV, использовала периодические финансовые кризисы короны для того, чтобы потребовать повышения процентов и отбить попытки королевского генерального контролера регулировать их деятельность. Все генеральные контролеры до Тюрго в 1774–1776 гг. получали свой процент в КГО, который достигал, по крайней мере, 50 000 ливров в год. В результате, ни один генеральный контролер до Тюрго не использовал свои полномочия по надзору над КГО.

Когда суммарная прибыль КГО возросла, доля синдиката превысила ресурсы большинства буржуазии. Все 233 генеральных откупщика, которые монополизировали КГО с 1726 г. до его роспуска в 1791 г., происходили из 156 семейств, и некоторое, все более растущее число буржуа из откупщиков породнились через браки со старой знатью³⁶. КГО стала «особым классом рантье, которые в обмен на гарантированный ежегодный доход инвестировали все свое богатство в постоянный долг правительства» (Matthews, 1958, с. 249).

Сплоченность организации КГО не давала короне возможности воспользоваться подъемом налоговых доходов, который сопровож-

³⁶ К моменту первого откупа 1726 г., больше трети КГО были мещанами и менее половины дворянами. К последнему откупу до революции, в 1786 г., только одна десятая были мещанами, а две трети дворянами. Этот сдвиг объяснялся в первую очередь тем, что беднейшие мещане были выдавлены из КГО (см. Durand, 1971, с. 282–362).

дал рост во Франции после 1750 г. сельского хозяйства, коммерции и индустрии. В 1725–1788 гг. косвенные налоги поднялись с 99 миллионов ливров до 243,5 миллиона; прямые налоги с 87,5 миллиона до 179,4 миллиона, а суммарный королевский доход с 204 миллионов до 460 миллионов (Matthews, 1958, с. 81). Рост налоговых доходов обогатил аристократию, которая владела местными должностями, а также и инвесторов КГО.

Дополнительные доходы повысились в результате введения новых налогов на городских жителей, которые к XVIII в. потеряли свои права автономии и освобождение от налогов (Temple, 1966; Bordes, 1972), и увеличения бремени на землю и доходы крестьян и инвесторов в сельское хозяйство. Долгосрочная трансформация аристократии из феодалов в государственных чиновников отразилась и в сокращающейся доле сельскохозяйственной земли, удерживаемой в сеньориальных доменах, и, следовательно, свободной от налогов. Таким образом, большая часть земли, проданная коммерческим инвесторам, была объектом налогообложения, даже когда эти буржуа приобретали статус дворянства для себя лично (Bastier, 1975; Dontenwill, 1973; Leon, 1966; Le roy Ladurie, 1975; Saint-Jacob, 1960).

Налоговые откупщики и казенные чиновники первыми обогатились от повышения налоговых прибылей. В 1776–1787 гг. прямые и косвенные налоги выросли на 96 миллионов ливров, из которых казне отошли только 23 миллиона (Bosher, 1970, с. 90). Оставшиеся 73 миллиона остались в руках сборщиков налогов как коммиссионные. Наличие должности, а не дворянского статуса или поместья, стало практически единственным путем увеличить доходы в конце XVIII в., когда казенные посты, и особенно в налоговых откупах, стали особенно близки новым желающим их занять из числа буржуазии.

Налоговые сборщики настолько пристрастились определять и требовать для себя результаты крестьянского производства, что параллельные усилия землевладельцев утвердить свои древние права на арендную плату постоянно запинаясь из-за того, что налоговые агенты предъявляли свои права на эти прибыли раньше их. Изучение «феодалской реакции» XVIII в. показывает, что грандиозные требования землевладельцев приносили относительно малые прибыли и что повышение налогового бремени крестьян было их единственной причиной³⁷. Точно так же, повышение налоговых доходов едва ли замедлилось в областях с наибольшей феодальной реакцией (Behrens, 1963; Villain, 1952).

³⁷ См. Hoffman, 1996; Fourquin, 1976; Jacquart, 1974; Peret, 1976; Dontenwill, 1973; Bastier, 1975. Я рассматриваю этот вопрос более полно в шестой главе.

Королевские чиновники предпринимали различные попытки ослабить хватку казенных чиновников и КГО на государственных доходах в последние десятилетия старого режима. Корона также безуспешно искала возможностей выжать прибыли из духовенства и спонсоров-аристократов (Tackett, 1977; 1979). Такие реформы обогащали буржуазию, позволяя ей вкладывать свои деньги в государство или основывать освобожденные от феодальных выплат предприятия. Историки еще спорят о роли, которую сыграло давление со стороны буржуазии в проведении этих реформ³⁸. Но бесспорным остается то, что до 1789 г. ни буржуазия, ни корона не имели власти институализировать какую-либо реформу, которая угрожала любым полномочиям, кроме самых маргинальных, чиновников и налоговых откупщиков.

Тюрго (1774–1776) был первым генеральным контролером, который использовал свои полномочия подписи, чтобы ограничить автономию КГО, и отказался от личного обогащения из фондов компании. Он начал серию реформ, призванных увеличить королевскую долю в налоговых доходах, уничтожая некоторые должности, казенные и по налоговым сборам с комиссионными, и освобождая некоторые формы торговли и мануфактуры от казенного разграбления — наиболее примечательно освобождение коммерческого транспорта от контроля налоговых откупщиков и отмена государственного регулирования торговли зерном (Phytillis, 1965, с. 12; Luthy, 1959, 2: 41). Тюрго был смещен до того, как его планы могли принести свои плоды. Генеральный контролер Неккер (1777–1781) реанимировал планы Тюрго, разместив в КГО своих собственных инспекторов, а затем распространив их полномочия по аудиту и инспекции и на казенных налоговых сборщиков. Оба генеральных контролера пытались вытеснить казенные должности и поместить налоговых откупщиков на бюрократические позиции, на которых их можно было контролировать и смещать по королевскому указу (Bosher, 1970, с. 180–181). Целая волна чиновников, которые «позаимствовали» из королевских фондов, была приведена к банкротству, когда корона потребовала вторичных выплат во время кризиса наличности в 1787 г. Несколько казенных должностей было отменено, несмотря на грязные финансовые условия двух лет, предшествовавших революции. Неспособность Тюрго и Неккера провести какие-либо реформы, кроме мелких, показывает четкие пределы, в которых корона и новые элиты

³⁸ Изложение спора между историками-марксистами и ревизионистами по поводу французской революции дано в McLennan, 1981, с. 175–205.

могли бороться с контролем казенных чиновников и сборщиков налогов за государственные доходы. Конфликт элит имел мало воздействия на французскую социальную структуру, пока она не вспыхнула, и не перемешалась с классовой борьбой во время Революции.

Французская революция

Конфигурация отношений элит и классов и, следовательно, результаты городских и крестьянских восстаний, были совершенно иными в 1789 г., нежели во времена Фронды³⁹. «Аристократический мятеж» 1787–89 гг. был похож на Фронду в том, что это был ответ на попытки короны покуситься на аристократические привилегии. Причины сопротивления аристократии, однако, отличались в 1780-х гг. от тех, которые существовали в XVII в. Они имели больше отношения к налогообложению и финансовой реформе, чем к вызову авторитету давно утвердившихся казенных постов. Драматический рост королевского долга, вызванный вмешательством Франции в войну с Британией во время американской революционной войны, привел к неразрешимому государственному финансовому кризису. Усилия генеральных контролеров Тюрго и Неккера профинансировать государственные долги, облагая налогом аристократию и духовенство, вызвали непримиримую оппозицию со стороны провинциальных элит⁴⁰.

Провинциальные дворяне подняли народные восстания против королевских чиновников в 1788 г., вынудив корону согласиться на созыв Генеральных штатов в 1789 г., впервые за более чем столетие (Soboul, 1974, p. 105–106). Тем не менее, народные силы, развязанные аристократией, оказались причиной ее падения. Когда депутаты Генеральных штатов были выбраны, усилия в целом консервативных представителей духовенства и аристократии использовать договоры, чтобы вернуть себе власть за счет короны и крупных финансистов, зашли в тупик. Третье сословие перехватило инициативу, собравшись как Национальная ассамблея и проголосовав за за-

³⁹ В этом разделе разбираются элитные конфликты, которые привели к революции, а также то, как французское государство трансформировалось в революционные годы. Я рассматриваю динамику крестьянских восстаний и влияние элитных и классовых конфликтов на классовые отношения аграрного сектора в шестой главе.

⁴⁰ По теме консолидации государственных финансов см. Dessert, 1984 и Matthews, 1958. Мэтьюз и Бошер (Matthews и Boshier, 1970) разбирают повышение государственных поступлений, доходы с должностей и фискальный кризис 1770-х и последующих годов.

конодательство, которое давало поручительство за государственный долг и уничтожало аристократические и корпоративные привилегии, а также большинство феодальных повинностей, одновременно сохранив частное владение поместьями и земельными держаниями. Эти меры отражали интересы крупных финансовых капиталистов и юристов, которые владели большей частью государственных долгов, а также провинциальных буржуа, которые были лишены доступа к наиболее прибыльным должностям старого режима и которые наживались на земельных владениях, но не на феодальных привилегиях старых аристократов⁴¹.

Большинство ведущих аристократов и церковников отвергли новое законодательство и поддержали усилия короля призвать в Париж войска и распустить Национальную ассамблею. Эти усилия были пресечены народными силами, которые впервые мобилизовались, чтобы блокировать подлинные и вымышленные стратегемы части провинциальных аристократов. Великий страх лета 1789 г. фатально подорвал контроль аристократов на селе, в то время как мятежи в провинциальных городах покончили с властью как аристократов, так и короля в провинциях. Более важно, что парижская буржуазия мобилизовала «санкюлотов», которые в ключевые мо-

⁴¹ Спор о классовом характере «третьего сословия» в Национальной ассамблее и по всей Франции длится уже долго и продолжается до сих пор. Хотя буржуа могли купить должности, которые давали им статус аристократов, и землевладельцы, как аристократы, так и буржуа, применяли схожие стратегии при передаче земли в аренду коммерческих фермерам и при этом пытались навязать крестьянам как можно больше повинностей в процессе «сеньориальной реакции», существовали четкие разделения между элитами, хотя даже члены этих элит были одновременно феодальными и капиталистическими. Финансисты, которые получали доходы только со своего доступа к огромному капиталу, необходимому короне, и со своего контроля над управлением государственным долгом и сбором налогов, были другой элитой, использующей другой организационный аппарат, чем провинциальные элиты с должностями. Аристократическая реакция 1787–1789 гг. была атакой второй элиты на первую; законодательство третьего сословия в Национальной ассамблее было ответом, благоприятным для первой за счет второй. Законы Национальной ассамблеи, касающиеся феодальных повинностей и землевладения давали преимущество тем, кто владел землей как собственностью, над теми, кто придерживался древних прав на повинности через свои аристократические титулы — т. е. снова благоприятствовали первой элите за счет второй. Собул (Soboul) очень ясно показывает это фундаментальное различие интересов, хотя он устаревшим образом формулирует их в терминах классовых отношений, а не элитных. Наиболее полезное обсуждение этих вопросов содержится у Комнинеля (Comninel, 1987, с. 179–207) и Валлерстайна (Wallerstein, 1989, 3:57–112), где дается и обзор ведущихся дискуссий.

менты захватили улицы, чтобы препятствовать верным королю отрядам, и вынудить самого короля позволить Национальной ассамблеи продолжать свои заседания (Lefebvre [1932], 1973; Soboul, 1974, с. 19–58).

По стратегическому развертыванию, хотя не по структурным последствиям, французская революция схожа с английской Гражданской войной. В обоих случаях присутствие народных масс в столице, мобилизованных одной элитой, заставило парламенты-«охвостья»⁴² принять более радикальное законодательство, чем прошло бы в отсутствие народа (Traugolt, 1995; Brenner, 1993, р. 393–459 и далее; Soboul, 1974). Народные силы и во Франции 1790-х гг. и в Англии 1640-х гг. были более эффективны в блокировании монархов и их союзников из элит, чем в отстаивании собственных интересов. И напротив, народная Фронда вредила Фронде элит больше, чем короне, и в то же время мало что делала для неэлитных мятежников.

Элиты во время обеих революций шли на временные уступки, чтобы выиграть поддержку народа: в Англии Парламент передал коммерческие концессии и контроль над городским правительством Лондона колониальным купцам и их менее мощным союзникам, лавочникам и торговцам. Во Франции Национальная ассамблея ратифицировала народный контроль над парижским правительством, поддержала народные коалиции в провинциальных городах, ввела ценовой контроль на еду для масс и отменила аграрный феодализм хотя крестьяне остались должны платить большую часть земельной ренты.

Окончательные победители в этих революциях из числа элит, стали демобилизовывать своих неэлитных союзников, как только они пришли к уверенности, что им удалось победить силы роялистов. Во Франции Национальная гвардия и армия были под строгим контролем элит и легко использовались для подавления восстаний масс в 1794–1795 гг. и для введения Белого Террора в 1795 г. В Англии независимая Армия новой модели продолжала проводить собственную государственную политику даже после казни Карла I и была распущена с большим трудом и с большими тратами в 1648 г. И снова Фронда была политическим контрастом обеим революциям. Так как элитным фрондерам народная Фронда угрожала больше, чем королю, вооруженные силы аристократов присоединились к королевской армии при подавлении народной Фронды.

⁴² Rump Parliament, «Охвостье» — насмешливое название Парламента при Кромвеле — *Прим. перев.*

Структурные последствия французской революции драматическим образом отличались от последствий как Фронды, так и английской революции. Как уже обсуждалось выше, владение частной собственности на землю для английского джентри, а также его контроль над правительствами в графствах для защиты этих имущественных прав были абсолютными и установились до 1640-х гг. Английская революция была удачным ответом джентри на объединенные попытки короны и духовенства создать конкурирующий механизм политического господства и экономического извлечения стоимости в провинциях. Хотя джентри разделилось в гражданской войне по ряду вопросов, и, преследуя свои личные выгоды, ни разу во время гражданской войны ни одна из сторон не угрожала организационным основам экономической эксплуатации и политического господства земельной элиты. Парламентарии, роялисты и нейтралы сохранили свои организационные способности, и поэтому, как только Карл I был казнен, у них возник общий интерес разоружить и подчинить себе народные силы.

Ни одна из французских элит XVII и XVIII вв. не походила на английское джентри в степени контроля над четкой организацией политического господства и экономического извлечения прибыли. Тем не менее к 1789 г. несколько мелких элит было способно достичь организационных возможностей, которым король и его союзники-дворяне и церковники угрожали больше, чем помогало подчинение короне. У финансистов, мануфактурщиков и некоторых землевладельцев образовался общий интерес в поражении первых двух условий и в способности сохранить свою организационную целостность без королевской поддержки. Роялистские элиты во Франции, в отличие от союзников Карла I во время английской гражданской войны, зависели от короны в официальном признании основ своей власти и доходов, и поэтому они не могли пережить временной победы народных революционеров в любой форме. Победители «буржуа» во время Французской революции создали новые государственно ориентированные механизмы патроната и извлечения прибыли для самих себя⁴³.

Новые элиты закрепили свои собственные организационные возможности через революционное государство в начале 1790-х гг. Возможность контрреволюции руками элит Старого режима была исчерпана с военными победами республики в конце 1793 г. Затем

⁴³ Это ключевое по своей важности открытие принадлежит Комнинелю (Comninel, 1987, с. 203–205).

новые элиты начали разоружать народные силы в Париже и в провинции, казнив Дантона и «Снисходительных», отправив санкюлотов на фронт (тем самым исключив их из парижской политики), подчинив народные организации в рамках Якобинского клуба и устроив террор в 1793–1794 гг. Эти действия против народных сил стали фатальными для якобинцев Национальной ассамблеи и Комитета общественного спасения (воплощаемого в Робеспьере), которые не смогли созвать себе на помощь уличные силы, когда были отданы на заклятие во время термидорской реакции в июле 1794 г. и последующего Белого террора.

Реакция 1794 г., как и развязка английской гражданской войны 1648 г., уничтожила *индивидуальных членов элит*, которые относились к проигравшим фракциям, не разрывая политической и экономической гегемонии *элит в целом*: гегемоний, определившихся в Англии элитным конфликтом до революции, а во Франции элитным конфликтом во время революции. Консолидация новой элитной и классовой структуры в Англии до революции минимизировала долговременные эффекты участия народа в этой революции и гражданской войне. Интенсивный и неразрешенный элитный конфликт во Франции в 1787–1793 гг. сделал действия революционных масс критически важными для результатов элитного и классового конфликта и тем самым превратил долгосрочные последствия французской революции в гораздо более значительные, чем у английской революции и гражданской войны (не говоря уж о незначительных структурных эффектах проигравшей Фронды).

ВНУТРЕННИЕ КОНФЛИКТЫ И ЗАГРАНИЧНЫЕ ВОЙНЫ В ОБРАЗОВАНИИ ГОСУДАРСТВА

Элитные конфликты вызвали мобилизацию масс в Англии и Франции раннего Нового времени. Неэлиты мобилизовывались в Англии и Франции только тогда и до такой степени, до какой их поддерживали элиты, заключавшие с ними союзы для того, чтобы упрочить свое положение в конфликтах элит. Элиты были эффективными союзниками и помогали поддержать действия масс до тех пор, пока элита, объединившаяся с народными силами, оставалась целостной и могла управлять ресурсами в течение длительного времени.

Английская и французская революции были моментами, когда элите одновременно и угрожало уничтожение, и у нее имелись ресурсы мобилизовать не-элитные силы и поддерживать на протяже-

нии ряда лет революционный конфликт. Французская буржуазия использовала свои альянсы с крестьянами и санкюлотами, чтобы занять доминирующую позицию в государстве, подчинив себе оставшиеся конкурирующие элиты и затем, во время контрреволюции, и союзников из неэлит. Английское джентри и союзные ему лондонские купцы заключили свой революционный союз, чтобы сохранить доминирующие позиции, полученные за столетие элитных конфликтов, начавшихся в Реформации Генриха.

Сословия, которые вышли на сцену в результате Английской и Французской революций, подтвердили и возвели на трон, соответственно, новые структуры элитных и классовых отношений, созданных длительными последовательностями элитных и классовых конфликтов, инициированных Реформацией. Эти конфликты развивались среди элит и классов в рамках каждой нации-в-процессе-образования. Другими словами, процессы образования государства в Англии и Франции раннего Нового времени прежде всего определялись внутренними факторами. Домашние элитные и классовые конфликты, а не заграничные войны или международные экономические предприятия, выковали способности двух государств и их отношения с гражданским обществом.

Английские и французские элиты не сошлись на том, должны ли их нации вести войну, потому что элиты отличались по выгодам, которые они получали от войны, и по долям в военных расходах, которые им приходилось поддерживать. Монарх или «государственная элита» не всегда были милитаристами. Короли Карл I и Людовик XIV гораздо меньше желали воевать со своими иностранными противниками, чем большинство Парламента и Национальной ассамблеи.

Война, как учит нас Чарльз Тилли, вызывает повышение запроса на социальные ресурсы на протяжении всей истории Европы раннего Нового времени. Ресурсы мобилизовывались в рамках городов-государств и наций в процессе образования через механизмы, определившиеся уже в предшествующих элитных конфликтах. Эти механизмы менялись только в ответ на дальнейшие элитные и классовые конфликты, а не просто из-за инфляции военных расходов. Политические организмы, чьи внутренние отношения создавали институции, менее способные к мобилизации людей и денег для войны, были объектами захвата более сильных держав. В таких случаях, военное поражение могло двигать какую-либо территорию в новом направлении политического развития в качестве подразделения другого государства или империи. (Хотя, как показывает обсуждение Флоренции в третьей главе и Нидерландов в пятой главе, как только

элиты консолидируются и конфликты подавляются, структуры социальных отношений претерпевают малые изменения, как во Флоренции и Нидерландах, оказавшихся под иностранным контролем и вышедших из-под него.) Для «победителей» и выживших в европейских военных соревнованиях война привела к весьма ограниченному эффекту на элитные и классовые отношения, эффекты, которые были очень узкими и предсказуемыми при учете социальной структуры каждой страны.

Схожим образом возможности для торговли и колониального разграбления предоставлялись уже существующим элитам, ограниченным в разворачивании своих стратегических возможностей как за границей, так и дома собственным положением во внутренних социальных отношениях. Ни в Англии, ни во Франции купцы или колонисты не были решающими акторами в элитных и классовых конфликтах. В действительности, как мы увидим в следующей главе, развитие заграничной торговли и захваты в Европе раннего Нового времени определялись уже предсуществующей, и по-прежнему аграрной структурой отношений элит в каждой стране. Только в XIX и XX вв. транснациональные рынки начали оказывать независимый эффект на социальные отношения в ведущих капиталистических нациях.⁴⁴

⁴⁴ События и политические союзы тех лет анализируются у Собуля (Soboul 1974, с. 255–449).

ГЛАВА 5

ТУПИК И РАЗВОРОТ

ИСПАНИЯ И НИДЕРЛАНДЫ

Испания и Нидерланды прочертили пути политического и экономического развития, отличные от путей Англии и Франции. Британия и Франция, хотя и стали самыми мощными в экономическом и военном смысле нациями Европы в XVII в., в империализме отставали. До XVII в. Британия и Франция получали доход от своих колоний и испытывали их незначительное влияние, в то время как Испания в XVI в., а затем Нидерланды в XVII поддерживали свой статус крупной державы и наживались только за счет своих неевропейских владений¹.

Зададимся вопросом, почему империи в целом и испанская империя Габсбургов в частности не стали средоточием капиталистического развития в Европе раннего Нового времени. Почему империалистическая элита Габсбургов не смогла удержать контроль над подчиненными ей элитами некастильского Иберийского полуострова, Италии, Нидерландов и Америки?² Ответив на эти вопросы, я объяс-

¹ Конечно, Англия, Франция и Испания (а также Швеция и Россия) выиграли от «внутреннего колониализма». Но здесь я рассматриваю колониализм за пределами Европы.

² Эти темы являются продолжением центральных (см. третью главу, в которой я задавался вопросами, почему великие города средневековой и ренессансной Европы не стали центрами последующего капиталистического развития и политического объединения и почему элиты городов-государств были сокрушены в XVI–XVII вв. конкурирующими сельскими элитами, способными консолидировать обширные сельские территории и владычествовать над городами в их центре?).

Вопросы, рассматриваемые в этой главе, те же, только вместо городов-государств выступают империи. Упадок империй был сначала экономическим, а у городов-государств начинался с политики. Элиты городов-государств, как я указывал в третьей главе, сохраняли высокую степень экономической автономии и оставались центральными для европейской экономики в столетия после их подчинения политически национальным государствам. Подчинение Испании было скорее экономическим. Большинство элементов империи Габсбургов полу-

ню, почему империи были слабее в политическом и военном смысле, равно как и экономически, чем пробуждающиеся государства Британии, Франции и Нидерландов.

Испания в XVI–XVII вв. не была национальным государством, она была собранием монархий, включающим территории современной Испании, европейских стран и американских колоний. Отношения элит в такой империи были транснациональными³. Война ино-

чило независимость или автономию, напрямую не повлияв на политику испанской метрополии. Только Нидерланды на короткое время получили экономическое превосходство над своим бывшим хозяином.

Мои вопросы похожи на проблемы, которые разбирал Иммануил Валлерстайн в «Современной миросистеме» (Immanuel Wallerstein. *The Modern World-system*. 1974, vol. 1). Валлерстайн спрашивал, как Испания стала играть столь важную роль в развивающейся трансатлантической торговле XVI в. и почему она не смогла «выгодно использовать эту роль, обратив ее в свое господство в возникающей европейской миросистеме?» (1974, с. 165 и далее).

³ Чаще всего социологи начинают свое знакомство с книги С. Н. Эйзенштадта «Политические системы империй» (S. N. Eisenstadt. *The Political Systems of Empires*. 1963) и ею же заканчивают. Подход Эйзенштадта отличается от применяемого в этой главе. Во-первых, Эйзенштадта больше волнуют различия империй (включая и испанскую) как идеального типа от других типов политических систем. Таким образом, он минимизирует вариации среди империй и не дает даже плана или расширенного примера того, как социологам надо строить объяснения особенностей развития каждой отдельной империи. Рассмотрение Испании в этой главе посвящено задаче определения особых комплексов элитных и классовых отношений, которые создали испанскую империю и которые объясняют ее падение. Я использую Испанию и Нидерланды, чтобы сделать выводы от ограниченности образования капиталистического класса в метрополиях империй в Европе раннего Нового времени и не переношу эти выводы на империи всех эпох, как это делает Эйзенштадт.

Во-вторых, Эйзенштадт полагает, что у правителей империй была свобода высокой степени при создании имперского социального устройства, что решало «проблемы размещения, регуляции и интеграции», которые возникают наравне с «дифференциацией и... различными свободно перемещающимися ресурсами» (с. 95) при образовании империи. В этой главе, наоборот, показываются четкие границы действенности элит в Испанской империи.

В-третьих, Эйзенштадт уделяет всего несколько страниц (1963, с. 333–340) анализу «всеобщего изменения» (т. е. уничтожения империй). Он видит в имперском упадке сочетание «внутренне присущих структурных причин и случайных причин» (с. 338). То, что Эйзенштадт подразумевает под структурой, совершенно отлично от моего употребления этого термина. Для Эйзенштадта структура — относительно неизменные социальные отношения и культурная ориентация подданных империи. Правитель и его внутренний круг существуют над и вне структуры по Эйзенштадту. Он утверждает, что правители могут оставаться у власти, пока их требования ресурсов и повиновения соблюдают границы структурной

гда включала региональные и иностранные элиты в испанское государство и порой позволяла некоторым элитам добиться автономии или независимости от социальной системы с центром в Мадриде.

Испанская экономика обогатилась от разграбления колоний в несравнимых с другими европейскими государствами XVI или XVII в. масштабах. Однако к 1557 г. испанское государство обанкротилось. Хотя Испания со своими правителями Габсбургами оставалась лидирующей европейской державой еще на одно столетие и доминировала в Америке и в XVIII в., эту величайшую европейскую империю со времен Римской победили в военном и обескровили в экономическом смысле более мелкие государства.

Первыми, нажившимися на слабости Испании, оказались Нидерланды. Как динамика конфликта элит в империях, таких как Испания, отличается от траектории консолидации элит в Англии и Франции? Открыла ли война за американские сокровища возможности для элитного конфликта и пути для образования государства, недоступные для более изолированных социальных систем, английской или французской?

Нидерланды поэтапно ускользнули из испанской политики, чтобы стать ведущим торговым пакгаузом и азиатской колониальной державой XVII в. Особое положение Нидерландов в загнивающей империи породило уникальную нефеодалную социальную структуру. Каждая голландская элита создала собственные государствовподобные институты, лишь частично ограничившиеся их номинальным положением в рамках Голландской республики. Голландские элиты использовали свои институциональные базы для проведения собственной иностранной политики и осуществления торговых стратегий. Одна элита, амстердамские купцы, делали это с большим успехом в XVII в., используя прибыли с европейской торговли, мануфактуры и азиатской империи для сбора вооруженных сил, способных отстаивать

реальности их подданных. Если правитель выдвигает требования, «несовместимые в течение долгого времени» с социальной структурой, или действует таким образом, что позволяет увидеть: правящие элиты «отчуждены от существующих социальных институтов» (с. 336), тогда «традиционная легитимация» правителей ослабевает (с. 337). Эйзенштадт не объясняет, почему правители проводят резкие изменения в средствах и целях своего правления, за исключением тех случаев, когда правители попадают под «иностранное» или «универсалистское» (т. е. модерное) влияние (с. 335). Таким образом, динамика изменения в «Политических системах империй» — внешняя для всех империй. В этой главе я указываю на внутреннюю динамику — конфликт между множественными элитами внутри империи — в качестве объяснения упадка Испанской и Голландской империй.

их интересы в Европе и за ее пределами. Определялась ли судьба Голландии как великой державы, а также политический и экономический статус ее правящей элиты в большей степени ее международной торговлей и вооруженными войнами или внутренними конфликтами элит и классов? Ответственна ли жесткость элитных отношений в Нидерландах за неспособность Голландской республики противостоять коммерческому и военному вмешательству Британии в европейские и азиатские дела конца XVII–XVIII вв.?

Данная глава представляет примерные ответы на вопросы, касающиеся Испании и Нидерландов⁴. Я показал выдающуюся роль элитного конфликта как определяющей силы в двух политиях, весьма далеких от процессов образования английского и французского государств, сравнение которых было центральной темой третьей главы. После этого мы сможем коснуться главного вопроса продолжающихся дебатов о причинной роли внутренних социальных отношений в сравнении с международной геополитикой и движениями капиталистической мировой системы в процессе образования британской, французской, испанской и голландской политий.

ИСПАНИЯ

Испанию можно описать как политию, богатую средствами принуждения и капиталом. Ее правители контролировали самую большую территорию в Европе, не считая России. Завоевав колонии в Северной и Южной Америке, испанская корона стала получать доходов больше, чем любая другая институция в Европе. В 1504–1577 гг. испанские доходы выросли на 500%. К 1560 г. Кастилия обогнала Францию, став самой богатой короной в Европе, и удерживала эту позицию до 1620-х гг., когда Франция вернула этот титул⁵. Несмотря на свои геополитические и финансовые ресурсы, Испания была побеждена военной силой конкурентов, армии которых численно были значительно меньше. Ее богатство не подстегнуло капиталистическое или любое другое экономическое развитие. Почему?

⁴ Здесь я выдвигаю оправдание, схожее с представленным в третьей главе в части, касающейся сравнения Венеции и Генуи с Флоренцией. Я надеюсь, что критики из числа историков сумеют отличить среди моих ошибок и упущений, касающихся истории Испании и Нидерландов, раздражающие от требующих пересмотра более широких выводов этой главы и книги в целом.

⁵ Смотри в *табл. 5.4* более детальные данные по доходам правительств.

Образование империи и испанский элитный конфликт

Реформация, а точнее — почти полное ее отсутствие, дает нам точку отчета для анализа положения Испании. Покойное состояние испанских элитных отношений никогда не было тревожила Реформация. Возможности, созданные американскими завоеваниями и притоком золота и серебра, скорее законсервировали, а не трансформировали структуру элитных и классовых отношений, порожденную христианской реконкистой Испании.

Испания была конгломератом нескольких королевств, которые, в свою очередь, возникли благодаря многовековому отвоевыванию земель, захваченных мусульманами. Иммануил Валлерстайн, цитируя Хосе Маравеля, заметил, что «благодаря тому, что вся Испания была построена на реконкисте, феодализм как политическая форма был в ней очень слаб». [Эта слабость] дала благоприятную почву для развития «государственных форм» (1974, с. 166–167). Валлерстайн и Маравель правы в том, что кастильская аристократия, в отличие от аристократий других королевств, включенных в испанскую империю, имела более слабые органы представительства, чтобы озвучивать свои интересы перед короной. И все же феодализм принимал в Европе разные формы.

Кастильскую аристократию возглавляло относительно небольшое число великих семейств грандов (*caballeros* и *titulos*), которые были связаны друг с другом брачными, деловыми и патронатными отношениями⁶. Все кастильские аристократы были заинтересованы в сохранении своих юридических прав на крестьян и земли, своей свободы от королевских налогов и своего контроля над военными и гражданскими постами, а также сопутствующих прибылей и возможностей казнокрадства⁷.

Кастильские аристократы поставляли государству вооруженные силы, необходимые для отвоевания Испании у мусульман, и были

⁶ Кастилия, в отличие от некоторых французских провинций, проанализированных во второй главе, никогда не находилась под властью одного магната. Гранды владели в некоторых частях Кастилии. В целом же кастильская политика ближе к паттерну «феодалная система без магната», характерного для средневековой Нормандии и некоторых других центрально-французских провинций, кроме периода гражданской войны, когда Кастилия соответствовала паттерну борьбы магнатов.

⁷ Обсуждение Кастилии в этом и двух следующих абзацах основано на работах Буша (Bush, 1967, с. 44–62), Линча (Lynch, 1991, с. 1–94), Пэйна (Payne, 1973, с. 31–169) и Филлипса (Phillips, 1979).

вознаграждены за это львиной долей земель, захваченных в многовековой борьбе (Lynch, 1991, с. 1–26). «Начиная с конца Средних веков следовавшие друг за другом кастильские короли и королевы удерживали знать от восстаний, передавая ей средства эффективного контроля над внутренней экономикой и локальной политикой Кастилии» (Philipps, 1979, с. 77). Попытки короны ограничить власть аристократии, создав корпус чиновников-буржуа, разожгли Кастильскую гражданскую войну в XIV в. Короля убили и посадили на трон его единокровного брата, а тот вернул высшие государственные и церковные посты претендовавшим на них аристократическим семействам. Новый король вскоре после окончания гражданской войны отнял у городов права автономии. А аристократы вернули себе контроль над городами, которые поддерживали монархию во время гражданской войны.

Затем кастильская корона еще раз проверила власть аристократов на прочность, поддерживая крестьянские требования во время нескольких волн восстаний в 1460–1472 гг. Аристократы восстания подавили. Хотя крестьяне и добились минимальных уступок, корона не сделала никаких шагов по ограничению аристократических привилегий в ходе самих мятежей (Payne, 1973, с. 141–169).

Король Фердинанд и королева Изабелла, а также их преемники Габсбурги весьма реалистично оценивали силы аристократии и больше восстаний в Кастилии не провоцировали. Когда они стали инкорпорировать другие королевства в имперскую политику, эти монархи делали все, чтобы не тревожить привилегии знати. Королевство Арагон, состоявшее из Арагона, Каталонии и Валенсии, а позже и Португалия были вовлечены в иберийскую империю не завоеванием, а договорами между кастильским монархом и аристократией каждого из этих королевств. Дворяне-арагонцы и португальцы признали право кастильского монарха носить множественную корону в обмен на королевское признание своих требований на древние права по освобождению от налогов, местную юридическую власть и право вето для своих репрезентативных органов (Bush, 1967, с. 48–58; Kamen, 1991, с. 17–32; Lynch, 1991, с. 67–68 и далее; 1992, с. 17–52; Payne, 1973: 1; Vilar, 1962: 1)⁸.

⁸ Арагонские кортесы — яркий пример навязывания аристократами своей воли. Это был самый мощный законодательный орган, противовес монархии в Европе, пока на его место в 1640-х гг. не стал претендовать английский парламент.

Перри Андерсон более удачно описал Испанию как собрание «автаркичных патримоний» (1974, с. 71, 60–114 и далее), спаянных в одну империю стратегическими браками и наследством Фердинанда и Изабеллы и их преемниками, чем это сделал Валлерстайн, напирая на отсутствие политического феодализма в Кастилии.

Испанская корона бросала вызов власти духовенства и весьма преуспела в своих притязаниях на все растущую долю десятины и постепенном захвате церковной собственности. Присвоение короной церковных прав и имущества началось во время Кастильской гражданской войны и продолжалось все последующие столетия. Корона сумела ослабить церковь по двум причинам. Во-первых, духовенство потеряло землю и права на десятину, когда поддержало партии, проигравшие в гражданской войне XIV в. Во-вторых, папа жаловал короне права назначать всех испанских епископов и получать растущую долю церковных доходов в знак признательности. Сперва это было наградой Фердинанду и Изабелле за отвоевание Испании, а затем их преемникам — за ревностную борьбу с протестантами, иудеями и мусульманами, как военным путем, так и при помощи инквизиции, и, наконец, за попытки короны крестить язычников в Америке (Bush, 1967, с. 44–48, 58–61; Lynch, 1991, с. 1–26, 342–385; Payne, 1973, с. 205–206)⁹.

⁹ Галисия была исключением из этого паттерна. Там церковь сохранила свою собственность. Церковь владела 52% галисийской земли в XVIII в. по сравнению с 18% под ее властью в остальной Испании (Dupla, 1985, с. 95). Сильное галисийское духовенство было эффективным противовесом крупным землевладельцам. В результате корона смогла создать союз духовенства, городских буржуа и крестьян, уникальный для Иберийского полуострова, и разоружить и политически ослабить крупных землевладельцев. Корона мало выгадала из этого союза. На самом деле в XVIII в. корона владела меньшей долей земли в Галисии, чем в любом другом регионе Испании (10% в Галисии по сравнению с 30,6% по всей Испании (с. 95)).

Идальго и духовенство были основными выгодополучателями от упадка крупных землевладельцев в Галисии. Духовенство, конечно, владело огромной долей земли. Однако постепенно идальго стали получать растущую долю аграрного прибавочного продукта, потому что у них были *foros* (права обрабатывать землю в обмен на арендную плату, которая никогда не повышалась) и *subforos* (часть земли, которую держали на правах *foro* и сдавали в субаренду, плату за которую держатель *foro* мог повышать) на большую часть церковных наделов, дававшие им право управлять этой землей или сдавать ее в аренду в обмен за выплату фиксированной суммы, ставшей практически номинальной, духовным «владельцам» земли (Dupla, 1985, с. 44–126).

Паттерн Галисии показывает баланс элитных и классовых сил в Испании. Корона, войдя в союз с церковью, а не крупной знатью во время включения Галисии в состав монархии в XV в., смогла определить элитные отношения в Галисии и необычную классовую структуру аграрного сектора. Тем не менее корона не смогла разорвать получившийся альянс духовенства и идальго и ослабить галисийскую автономию или извлечь что-либо из этой провинции, за исключением номинальных налогов. С точки зрения короны, Галисия была едва управляемой и столь же неприбыльной, как и все другие некастильские провинции Испании, где доминировала крупная знать.

Испанская церковь после кастильского крестьянства стала крупнейшим источником коронных доходов в XVII в. Если взять среднюю цифру доходов за 1621–1640 гг., кастильские налоги (которые взимались почти исключительно с крестьян и батраков) приносили 38 % коронных доходов, затем шла испанская церковь с 15,6 %, и только 10,7 % давало американское золото (Kamen, 1991, с. 218)¹⁰. Но церковные доходы короны имели свою политическую цену. Когда корона ослабла, церковная элита уже потеряла способность уравнивать знать. Во многом так же, как английская корона, продолжавшая Реформацию Генриха, испанские монархи обнаружили, что им не хватает недворянских союзников либо с административными способностями, либо с местным политическим авторитетом, чтобы целиком воспользоваться теми выгодами, которые достались короне от церковных земель и десятины. Многие церковные земли сдавались в аренду дворянам на благоприятных условиях, с коррупционными выплатами, проходящими между дворянами и церковниками, часто связанными родственными узами (Lynch, 1992, с. 348–382; Phillips, 1979, с. 110).

Кастильские кортесы – лучший барометр элитных отношений и постоянной неспособности короны захватить рычаги управления над крупными аристократами в сердцевиной (нуклеарной) территории Габсбургской империи. Аристократия и духовенство ушли из кортесов в 1538 г., потому что эти элиты имели настолько надежные привилегии, что они не нуждались в представительной институции для защиты своего освобождения от налогов. Они перестали собираться в единую корпорацию, лишив корону целевой группы, к которой она могла обращать свои требования о финансовых субсидиях¹¹.

Кортесы оставались форумом, на котором корона получала налоговые доходы и займы от городов в обмен на продолжение практики подтверждения их свобод¹². Корона была так слаба даже в пределах Кастилии, что с конца XVI в. ей становилось все труднее облагать города налогами через кортесы, до самой их отмены в 1655 г. Поэтому корона позволила аристократии – единственной элите, способной

¹⁰ Томсон (Thompson, 1976, с. 288) указывает несколько большую долю с налогов, но соглашается с тем, что церковь до 1621 г. принесла в королевский бюджет больше, чем Америка.

¹¹ Корона сумела подчинить себе духовенство, потому что оно было частью транснациональной элиты, возглавляемой римскими папами. Кортесы не предлагали духовенству защиты от союза папства с короной, потому что аристократы больше всех обогатились от упадка духовенства.

¹² Эту судьбу кастильских кортесов обсуждает Томсон (Thompson, 1982, 1984).

слоमितь сопротивление городских буржуа, — получить большинство, а в некоторых городах и все муниципальные должности в XVI — начале XVII вв. (Bush, 1983, с. 87). В конце этого процесса большая часть кастильских городов управлялась коалицией из дворян и богатых мещан, формализованной в системе *mitad de oficios*, которая поделила все оставшиеся должности и обеспечила двум элитам единство в противостоянии притязаниям короны на доходы и подчинение им неэлит в городах (Lynch, 1992, с. 348–382).

Карл V и его преемники распространили на свои доминионы в Италии, а позже и на всю Священную Римскую империю иберийскую стратегию раздачи местных привилегий, финансовых концессий и патроната в обмен на признание дворянами множественной короны Габсбургов. Габсбурги сделали столько уступок принцам, аристократиям и автономным городам, которыми они «правили» как императоры (Bush, 1967, с. 345–349), что эти территории практически не приносили дохода номинальным имперским правителям (Kamen, 1969; 1991; с. 218).

Конец империи: Америка

«Открыв» и разграбив острова Карибского бассейна, испанские колонисты организовались в особую колониальную олигархию, способную финансировать завоевание Мексики, а позже и Перу. Конкистадоры зависели от испанской короны только в одном вопросе: она служила арбитром при разборе их конкурирующих притязаний на американские земли, туземцев и должности. Конкистадоры и их наследники делили сокровища, извлеченные из американских копей, со своим верховным сувереном в Мадриде в обмен на королевское признание их прав на обширные земельные участки и власти над индейцами. Испано-американские элиты стали менее зависимы от санкций своего суверена после того, как на протяжении XVI–XVII вв. они разрешили свои конфликты и сплотились в стабильные олигархии. В то же время Испания все больше теряла свою способность защищать американскую береговую линию и атлантические маршруты от пиратов и конкурирующих европейских держав (Lynch, 1991, с. 386–428), в результате ослабло коммерческое влияние метрополии на американских поселенцев. С потерей политического и экономического контроля корона стала лишаться и своей доли американских богатств.

Школьные истории о королеве Изабелле, которая закладывает свои драгоценности, чтобы оплатить путешествие Колумба в 1492 г.,

прикрывают истинные источники средств для исследования и завоевания в Америке.

Ресурсы для завоевания и колонизации обеспечивали по большей части частные лица. Корона и ее чиновники оплатили лишь некоторую часть недорогого первого путешествия Колумба, но купцы и дворяне ринулись поддерживать его в гораздо более значительной второй экспедиции 1493 г., и они же обеспечили средства для всех последующих. Товарищества купцов, дворян и воинов соперничали друг с другом за королевские лицензии на исследования и организацию новых поселений, предоставляя часть своих доходов короне. Капитал, необходимый для закупки кораблей и запасов, вооружения для колонистов, собирался в самой Испании только для ранних экспедиций, но к 1506 г. некоторые из колонистов уже накопили достаточно с эспаньольского золота, чтобы спонсировать завоевание Кубы, Ямайки и Пуэрто-Рико. Ряд экспедиций после 1516 г., которые закончились завоеванием Мексики Кортесом, оплачивался из кубинских денег; богатства Мексики шли на расширение в южном и северном направлении исследований, а частично обеспечили завоевание Перу. Чистые вложения испанских денег в Новый Свет были существенны только в первые 15 лет после прибытия Колумба (Davis, 1973, с. 39–40).

Корона награждала исследователей и завоевателей Нового Света и решала споры между ними, даруя им *encomiendas*. По сути, *encomienda* было пожалованием индейцев, живших на какой-либо конкретной территории. Держатель *encomienda* имел право заставлять индейцев трудиться на этой территории, отнимая все золото и серебро, находящееся во владении туземцев, или то, которое они должны были добыть на рудниках. (Часто при этом предполагалось, что владелец *encomienda* обратит своих индейцев в христианство¹³.)

Карл V и его министры за 20 лет осознали, что после завоевания Мексики и Перу, которые Фердинанд и Изабелла, а затем и сам Карл пустили на самотек, у них все же остался запас *encomienda* для задачи колонистам. Владельцы пожалований быстро заставили туземцев искать сокровища. Тяготы труда на копях вместе с привнесенными европейскими болезнями уничтожили индейское население Карибских островов, завоеванных испанцами, а затем убили более 80% индейского населения Мексики (Davis, 1973, с. 54). Карл V, воз-

¹³ Обсуждение испанского колониализма в Америке в этом абзаце и четырех последующих основано на работах Дэвиса (Davis, 1973), Линча (Lynch, 1992, с. 229–347) и Тепаске с Клейном (TePaske, Klein, 1981).

можно, побуждаемый своими сторонниками из духовенства, встревожился смертью стольких язычников до обращения их в христианство. Но он выказывал гораздо больше печали по поводу своей скудной доли в 26 % всех американских богатств, которые приходили в Испанию.

Карл V пытался решить обе проблемы в 1540-х гг., уменьшая привилегии колонистов. *Encomiendas* теперь прекращали действовать после смерти владельца. Карл V забрал надзор за трудом индейцев у владельцев *encomiendas* и передал его государственным чиновникам.

Вероятно, корона больше всех обогатилась от сокровищ, добытых на копях, которые были открыты в Потоси, Перу в 1545 г. и в Закатекас, Северная Мексика, в 1546 г. В то время как корона формально контролировала труд индейцев, представители Карла V в Мексике и Перу целиком зависели от олигархии поселенцев в том, что касалось новых ресурсов, необходимых для работы на новых рудниках, потому что испанская монархия уже столкнулась с первым финансовым кризисом. Так же, как Фердинанд и Изабелла были вынуждены положиться на частный капитал для изучения и захвата Америки (а затем стали награждать финансистов и конкистадоров *encomiendas*), разорившемуся Карлу V пришлось рассчитывать на американский капитал, чтобы открыть и задействовать новые мексиканские и перуанские копи. Преемники Карла V тоже зависели от капитала колониальной олигархии для добычи богатств, открытых в Мексике в 1670-е гг.

Капитал с триумфом вернул себе контроль над трудом в рудниках Мексики и Перу. Крупные копи 1540-х и 1670-х гг., а также более мелкие, открытые в промежутке, контролировались американскими финансистами, платившими за рудничное оборудование (а также немецкими техниками, которые иммигрировали в Мексику и Перу, чтобы построить и отладить черпальные и дробильные машины). Серебро извлекалось из низкопробной руды путем амальгамации ее ртутью. Два крупнейших месторождения ртути находились в Испании; американские владельцы рудников быстро захватили контроль над производством ртути в Испании. Государственные чиновники прославились как вербовщики для владельцев шахт, поставляя индейских рабочих, которых на рудниках обучали и обеспечивали довольствием (Davis, 1973, с. 50–53).

Решение Фердинанда и Изабеллы жаловать *encomiendas*, создавая американскую олигархию, не стало бы таким непоправимым, если бы их преемники на троне имели ресурсы для самостоятельного финансирования новых рудников или создания и награждения не-

зависимого корпуса чиновников в Америке. Корона никогда не могла достаточно производить прибавочной стоимости, чтобы оплачивать гигантские подъемные расходы на новых рудниках и, конечно, не могла покрывать частые расходы, с которыми сталкивались владельцы шахт, когда исчерпывалось золото и серебро, которое можно было извлечь с помощью технологий тех лет. Таким образом, обанкротившаяся испанская корона была вынуждена отдавать львиную долю американских сокровищ в руки единственной элиты, желающей и способной финансировать крупные горнорудные предприятия в Мексике и Перу.

Корона получала от 25 до 30% золота и серебра, добытого или украденного в Америке с самого начала значительного импорта богатства в 1503–1580 гг. Королевская доля все больше сокращалась после 1580 г., упав до 15%, а затем до 10% или менее после 1615 г. За пять лет (1656–1660), корона получила 600 000 песо от сокровищ на сумму 5216 миллиардов. Доля короны от американского золота и серебра достигла 4% королевского дохода в 1510 г., поднялась до 7,5% в 1577-м, а затем достигла своего пика в 16% в 1591 г. Затем прибыль короны стала падать до 6% в 1621–1640 гг. и незначительного 1% в 1656–1660 гг.¹⁴ Американская элита воспользовалась слабостью Габсбургов и их занятостью Тридцатилетней войной с Нидерландами, Францией и Британией (а затем и восстанием Португалии), чтобы забрать себе еще большую часть сокращающегося производства, подписав смертный приговор Испании в ее борьбе за сохранение европейской империи.

Была ли у испанских монархов возможность подрвать власть американских олигархов, предложив конкурентные концессии на добычу руды или земельные пожалования европейским соперничающим элитам? Карл V и его преемники заложили основы такой стратегии,

¹⁴ Поступления короны в песо даются у Флинна (Flynn, 1982, с. 142). Цифры Флинна по суммарному экспорту американских сокровищ были пересмотрены в сторону повышения для периода после 1580 г. Линчем (Lynch, 1992, с. 283) при учете увеличения неофициальных перевозок золотых слитков начиная с 1581 г. Цифры для 1656–1660 гг. даются по Линчу (1992, с. 270, 283).

Серебряные песо, которые использовали для подсчета американских сокровищ, были равны 272 мараведи и 0,725 дуката, который стоил 375 мараведи. Цифры суммарного королевского дохода взяты из табл. 5.5. Основываясь на них, я оцениваю американские сокровища в 6% от королевского дохода в 1621–1640 гг. против 10,7%, которые дает Камен (1991, с. 218), уже цитированный ранее. Камен указывает более высокий процент, потому что он учитывает только кастильские доходы, а не суммарные испанские.

пожаловав севильским купцам монополию на торговлю с Америкой (Davis, 1973, с. 62–63). Пока корона контролировала военные и торговые суда, плавающие в Америку, она могла использовать свою гегемонию на флоте, чтобы сконцентрировать все преимущества трансатлантической торговли в руках купеческой элиты Севильи. Затем большая часть прибылей с американских рудников и плантаций стала накапливаться в Севилье, оставив американских олигархов в положении недоразвитости и зависимости от Испании в том, что касалось предметов роскоши, а также оборудования для рудников и плантаций. Американские олигархи никогда бы не смогли достаточно произвести прибавочной стоимости, чтобы открывать и разрабатывать новые рудники. Вместо них севильские торговцы стали бы центральным звеном испано-американского богатства, как и лондонские купцы были первыми, обогатившимися на британско-американских колониальных поселениях. Могущественная коммерческая элита Севильи стала бы противовесом окопавшейся сельской знати Испании, позволив короне столкнуть конкурирующие элиты, как смогли сделать и так умело сделали французские короли.

Но севильская торговая элита никогда бы не стала главной политической или экономической силой Испании. Корона потеряла двойную возможность: подчинить американских поселенцев торговой элите метрополии и создать противовес сельской аристократии. Торговая монополия Севильи не привела к развитию промышленности в Испании, потому что земля и трудовые ресурсы были заперты феодальными отношениями производства под аристократическим контролем¹⁵. Севилья не стала чем-то большим, нежели складом, пе-

¹⁵ Международная торговля и заграничные рынки становились стимулом для внутреннего развития, только когда капитал и труд были свободны для разворачивания в сторону индустрий, нацеленных на удовлетворение международного спроса. Освобождение труда и капитала было побочным продуктом аграрных трансформаций того вида, который пережила только Англия в XVIII в. Испания является контрпримером к доводу Эрика Хобсбаума из его «Кризиса XVII в.» (Eric Hobsbaum. *The crisis of the seventeenth century*. 1965). Хобсбаум правильно заметил, что мануфактура XVI в. была ограничена, пока кризис XVII в. не привел к установлению контроля над мировыми рынками сначала в руках голландцев, а потом англичан, создав критическую массу спроса, необходимую для промышленного производства. Испания со своими имперскими и американскими колониями имела уровень спроса, достаточный для поддержания некоторых индустрий в XVI в. Однако без структур капитала и производства, какие были в Нидерландах и Англии, Испания не могла воспользоваться преимуществом, которое предоставлял ей спрос в колониях. Вместо этого центры индустрии в империи Габсбургов утвердились в Италии и Нидерландах. Политическая слабость Испан-

ресылочным пунктом, направляющим американское золото и серебро в настоящие центры европейского производства (в основном во Франции и Нидерландах, а позже в Англии) и получающим мануфактурные товары (и даже продукты французского сельского хозяйства) для отправки в Испанскую Америку (Davis, 1973, с. 143–156; Kamen, 1978; Wallerstein, 1974, с. 187–199).

В отсутствие условий для продуктивных инвестиций, американские сокровища вызвали инфляцию в Испании, которая, в свою очередь, сократила возможности для создания в стране мануфактурного производства, которое могло бы конкурировать с дешевыми продуктами уже закрепившихся на рынке индустрий, связанных с экономиками с относительно низкой инфляцией, Франции, Голландии или Британии. Под постоянным давлением бюджетного кризиса и без каких-либо шансов на быстрый расцвет своей промышленности испанская корона доила трансатлантическую торговлю, как денежную корову¹⁶.

Американские поселенцы ответили на высокие налоги и дороговизну испанских промышленных товаров, а также высокую стоимость услуг испанских предпринимателей, имевших либо капитал, либо знания, необходимые, чтобы стать их партнерами, наладив прямые коммерческие отношения с реальными торговыми партнерами в Европе и создав собственные предприятия для удовлетворения нужд в сельскохозяйственных и промышленных товарах. В этом процессе 1630-е гг. стали поворотным временем. Транспортировка серебра в Испанию по официальным каналам резко сократилась наряду с торговлей. Голландские и британские пираты грабили государственные караваны, в то время как купцы из других народов все более агрессивно подрывали государственные рынки в Севилье. К 1686 г. только 5,5% испано-американской торговли проходило через Испа-

ской империи нашла свое отражение в постоянном экономическом подчинении Кастилии политически зависимым от нее территориям. Испанский опыт демонстрирует, что концентрация рынка по Хобсбауму, хотя и являлась одним из необходимых условий для индустриализации, не была достаточным условием.

¹⁶ Налог *almojarifazgo*, установленный на экспорт товаров из Испании в Америку, равнялся 15%, а товаров из Америки в Испанию — 17,5%. Некоторые товары облагались еще более высоким налогом. Трансатлантические перевозчики также должны были платить *avería* — налог на товары, плывшие на кораблях казенного флота, который якобы шел короне в счет оплаты военного сопровождения. На самом деле этот налог направлялся как на общую стоимость флота, так и на военные эскорты в Атлантике. Он был равен 6% в 1602–1630 гг., затем поднялся до 31% в 1631 г., когда усилились и военная угроза со стороны Голландии, и финансовый кризис в Испании (Lynch, 1992, с. 234–241). Оба налога достигали 50% от стоимости товаров, что отпугивало купцов от испанских портов и государственного флота.

нию, остальная часть распределялась следующим образом: 17% шло в Геную, что сравнимо с 39% Франции, а оставшиеся 37,5% разбирали Британия, Голландия и Гамбург (Lynch, 1989, с. 20).

Испано-американское торговое отделение от метрополии совпало с получением Мексикой и Перу политической автономии от Мадрида. Доля государственного дохода Мексики, отправляемого в Мадрид или в новую колонию на Филиппинах, упала с 55% в 1611–1620 гг. до 21% в 1691–1700 гг. (TePaske, Klein, 1981, с. 133). В Перу в 1650–1700 гг. государственный доход упал на 47%, а испанская доля в нем — на 79% (Lynch, 1989, с. 13). Испанский колониализм стал значительно более легкой ношей для Мексики и Перу в ходе XVII столетия.

Испанских торговцев из Севильи быстро сменили управляющие и получатели выгод из перевалочного пункта американской торговли, Генуи, которые превосходили своих испанских соперников по доступу к капиталу и коммерческим связям с рынками по всей Европе. Габсбурги привечали генуэзцев, потому что у тех было гораздо больше возможностей покупать государственный долг, чем у нерасторопных испанских торговцев Севильи (Muto, 1995). После этого политические и финансовые выгоды от обслуживания коронных долгов скапливались у генуэзцев, еще сильнее замедляя развитие севильских купцов как элиты общенационального уровня.

Севильских купцов заблокировали в любом своем движении жесткостью испанских элитных и классовых отношений. Они не могли мобилизовать факторы производства и политической власти, чтобы воспользоваться возможностью подстегнуть производство, открывшееся благодаря американским сокровищам и американским рынкам. Севильские купцы не получили ни финансовых, ни политических рычагов управления от имперского правительства или какого-нибудь контроля над американскими олигархами и колониальными правительствами. Слабость севильской торговой элиты, которая могла отнять богатство и власть у аристократии и духовенства через настоящее господство на испано-американских рынках, исчерпала для Габсбургов последнюю возможность провести политическую реорганизацию в Испании.

Финансовые ограничения и закат империи

Нидерланды были единственным исключением в габсбургском политическом устройстве. Особая схема элитных отношений в Нидерландах, а также фанатичное желание испанцев бороться против голландских протестантов сделали Голландию необыкновен-

но привлекательной для Габсбургов, которые жаждали установить хоть где-нибудь свое имперское управление и начать извлекать оттуда ресурсы. Испанцы сражались, пока не наступил политический пат, и постепенно были вынуждены признать независимость Голландии, несмотря на готовность Габсбургов применить тактику массового террора против гражданского населения.

Испанцы проиграли в первую очередь по финансовым, а не по военным причинам. Компромиссы, на которые пошли кастильские монархи, а позже и Габсбурги, чтобы добиться поддержки своего режима от аристократии и духовенства, ограничились способности их правительства собирать доходы настолько же, как если бы в Испании выжил полноценный политический феодализм.

Суммарный доход, полученный испанской короной между 1504 и 1718 гг., вырос на 843% с 1504 г. до пика, достигнутого в 1641–1660 гг.¹⁷, а затем резко понизился в последующие два десятилетия, и упал на треть от пика в 1650–1670 гг. Финансовое положение короны так никогда и не восстановилось. Доходы продолжали падать: доходы в 1718 г. все еще были на 6% ниже уровня 1674 г. (*табл. 5.1*).

Империя Габсбургов была уникальной для Европы раннего Нового времени тем, что она испытала абсолютный и относительный упадок своей финансовой мощи¹⁸. Упадок Испании усугублялся тем, что столетия ее падения совпали с драматическим абсолютным ростом государственного дохода Франции и особенно правительственных доходов в Голландии и Британии (*табл. 5.2*).

Экспоненциальный рост доходов Нидерландов в сочетании с абсолютным падением доходов Испании позволил Голландии покрыть большую часть бюджетного дефицита, достигнутого при прежнем правлении. Доходы Голландской республики выросли от 8% от об-

¹⁷ Суммарный доход включает поступления с Иберийского полуострова и Америки. Поступления из Священной Римской империи, включая Северные (голландские) и Южные Нидерланды, которые шли монарху, включены в суммарный доход до конца XVII в. В доходах XVIII в. эти территории не учитываются. Испания получала очень немного с этих земель после того, как они бросили вызов контролю Габсбургов во время войны за испанское наследство. Все поступления с этих территорий были потеряны навсегда, когда испанский монарх отказался от своих претензий на Южные Нидерланды, Италию и Германию в пользу австрийских Габсбургов в мирном договоре 1713 г., которым завершилась эта война. В *табл. 5.1* учитываются девальвация и частично инфляция переводом серебряного содержания испанских дукатов в английские фунты стерлингов.

¹⁸ Советский Союз в последнее десятилетие своего существования может быть еще одним примером такого абсолютного финансового упадка.

таблица 5.1. Коронные поступления
в Испании, 1504–1718 гг.

Годы	Поступления в фунтах стерлингов (× 1000)
1504	558
1565	2154
1577	3346
1588	3654
1607	4808
1621–1640, среднее за год	4500
1641–1660, среднее за год	5263
1674	3485
1703–1704, среднее за год	1076
1705–1707, среднее за год	1879
1707–1709, среднее за год	2106
1709–1711, среднее за год	2364
1711–1713, среднее за год	1560
1713–1716, среднее за год	3152
1717–1718, среднее за год	3273

источники: данные по XVI и XVII вв., а также основы для перевода дукатов в британские фунты стерлингов те же, что для *табл. 5.4*. Данные по XVIII в. взяты в *Kamen, 1969, с. 228*.

щеиспанских в 1580-х гг. до 18% в 1600-х, 44% в 1630-х и 143 в 1670-х гг.¹⁹ Сокращающиеся доходы Испании становились все меньшей долей от голландских. Габсбургам нужно было оплачивать армию и флот для защиты своих владений на Иберийском полуострове, в Средиземноморье, Италии, Германии, Голландии, Атлантике и Америке, а Нидерландам были нужны военные силы только дома, в Атлантике, Бразилии и Азии²⁰. Хотя Нидерланды постоянно воевали (1567–1748), они никогда параллельно не вели несколько войн (единствен-

¹⁹ Эти проценты высчитаны на основе данных *табл. 5.4*.

²⁰ Рассмотрение хода испано-голландского конфликта в этом и двух следующих абзацах основано на работе Израэла (*Israel, 1995*). Общее обсуждение войн Испании и ее военной ноши дается у Линча (*Lynch, 1991, 1992, 1989*), Пэйна (*Payne, 1973*) и Камена (*Kamen, 1969, 1991*).

таблица 5.2. Изменения в государственных поступлениях в Британии, Франции, Нидерландах и Испании, 1515–1790 гг. в %

Годы	Британия	Франция	Нидерланды	Испания
1515–1600	+371	+35	+476	+762
1600–1700	+175	+274	-38	-28
1670–1790	+2287	+111		-6

источники: Источники данных указаны в *табл. 5.4*. По Британии имеются следующие данные для сравнения: период 1502–1505 с 1604–1613, 1604–1613 с 1672–1685, 1672–1685 с 1795. Для Франции: 1515–1547 с 1600–1609, 1600–1609 с 1670–1679, и 1670–1679 с 1718–1719. Для Испании: 1504 с 1607, 1607 с 1674 и 1674 с 1718.

ное исключение — 1645–1647 гг., когда голландцы сражались и с Испанией в Европе, и с Португалией в Бразилии. Голландцы быстро уступили Бразилию своему меньшему противнику и не смогли направить экспедицию на отвоевание колонии, потому что воевали с Испанией. Когда в Европе был заключен мир, Бразилия оказалась безвозвратно потеряна).

Испания же, наоборот, часто вовлекалась во множественные войны против французских, британских, немецких и турецких соперников, в то же время пытаясь подчинить себе мятежную Голландию. Таким образом, предсказать исход испано-голландских войн было довольно легко. Испания быстро подавила голландское сопротивление, когда послала в 1567 г. большую армию. В последующие годы голландцы могли устраивать только мелкие рейды и пиратские морские атаки на испанцев. Однако даже такая война, добавляясь к другим расходам империи, подталкивала Испанию к финансовому краху. Испания все меньше была способна оплачивать или снабжать свои войска в Нидерландах. Испанская корона де-факто обанкротилась, а ее армии в Нидерландах рассеялись после единственной победы голландцев в полномасштабной военной кампании: прорыв испанской осады Лейдена в 1574 г. Противник с большими ресурсами сумел бы организовать военное подкрепление и пополнение запасов своей армии и благодаря этому продолжал бы действовать, но разорившаяся Испания после 1574 г. этого себе позволить не могла.

Голландцы добились окончательной безопасности на своих территориях в 1590-х гг., потому что Испания решила перевести войска из Нидерландов для вторжения во Францию в безуспешной попытке сбросить протестанта Генриха IV с трона. Голландцы победили: угасающая империя Габсбургов не справилась с войной на два фрон-

та. Испания признала независимость Голландии, когда финансовый крах в стране и превосходящие финансовые и демографические преимущества Британии и Франции вынудили Габсбургов заключить мирные соглашения, закончившие Тридцати- и Восьмилетнюю войны. Эти трактаты 1648 г. знаменуют собой конец притязаний Габсбургов на империю внутри Европы. Одна ветвь семьи ограничилась становящейся все более бессмысленной короной Священной Римской империи и правила в Австрийской империи, которая стала второстепенной в военном смысле, как она всегда была в экономическом. Испанские Габсбурги довольствовались собственно Испанией и ее американскими колониями.

*Классовые отношения и экономическая стагнация
в Испанской империи*

Процесс образования империи в испанском стиле сформировал структуру элитных и классовых отношений в рамках каждого сектора империи, равно как и империи в целом, и определил экономическую периферийность, финансовую стагнацию и геополитический упадок Испании. В каждой провинции в европейском и американском сегментах империи Габсбурги добивались поддержки своих притязаний, покровительствуя одной-единственной элите, которая в большинстве частей империи была аристократией, использовавшей покровительство короны для сохранения и усиления феодальной эксплуатации крестьян и лишения городской буржуазии ее политической автономии, а также блокировки ее продуктивных капиталовложений. По всей Испании избранная элита сотрудничала с короной, грабя церковь, потворствуя папству и самым реакционным элементам католицизма в их желании навязать религиозную ортодоксию протестантам и нехристианам.

Испанские имперские амбиции задерживали экономическое развитие в сельском хозяйстве и загоняли в тупик промышленную и коммерческую экспансию. Аристократия Кастилии и большинства других испанских провинций наслаждалась даже большей властью над землей и крестьянским трудом, чем британское джентри. Кроме того, испанские землевладельцы не использовали своей политической гегемонии, чтобы преобразовать аграрные производственные отношения так, как это делали британские джентри. Испанские гранды могли поддерживать феодальный способ эксплуатации потому, что на их власть над землей и права собирать арендную плату с фермеров-крестьян никогда не притязала соперничающая эли-

та. Капиталистическое сельское хозяйство — основа экономического развития в Британии — не зародилось в Испании потому, что местным землевладельцам не приходилось пересматривать земельные договоренности, а также парировать вызовы со стороны крестьян или элит-конкурентов.

Габсбурги оказались в состоянии постоянного финансового кризиса из-за многочисленности своих тронов, необходимости содержать большое количество армий и флотов для защиты своих суверенных прав от мятежей и атак великих держав как в Европе, так и в Америке. В результате Габсбурги, чтобы вызвать приток наличности от финансистов со всей Европы, постоянно заключали сделки *ad hoc*²¹ и не могли пожаловать привилегиями какую-нибудь одну торговую элиту, сняв плоды с быстрого развития какого-нибудь коммерческого или индустриального центра. Таким образом, даже на севере Италии, где у них в союзниках были городские олигархии, а не сельские аристократы, Габсбурги были ограничены в рынках и территориях, которые они могли передать итальянской буржуазии. Большинство габсбургских территорий стало экономическими базами для снабжения французов, голландцев или британцев, сбивавших цены итальянцев и добившихся того, что генуэзцы стали складом, а не источником испанского богатства.

Отсутствие привилегий и лояльных неаристократических элит не оставляло Габсбургам пространства для маневра против любой аристократической олигархии в рамках Испании или в Америке. Голландцы, пожалуй, могли стать такой элитой для Габсбургов. Но тяжелая зависимость Габсбургов от папской поддержки и испанских церковных ресурсов, которые предоставлялись Испании в рамках этой поддержки, сделала невозможными даже самые минимальные уступки, необходимые для подавления голландского мятежа.

Структурные основания империи Габсбургов не оставляли места для каких-либо инициатив, за исключением предоставления обширной локальной автономии объединенным провинциальным аристократам в обмен на признание суверенитета Габсбургов. Каждая попытка построить другие, финансово более выгодные или политически гибкие отношения блокировалась целым комплексом уже существующих договоров между короной, местной аристократией и транснациональной католической церковью. Испания так и не сумела сконцентрировать власть в своей империи в руках одной элиты, и богатство всей империи никогда не концентрирова-

²¹ Подходящие к конкретному, данному случаю. — *Прим. перев.*

лось в одной казне. Таким образом, Габсбурги были лишены механизма по выжиманию богатства из своих владений, необходимого для покрытия расходов империи или поощрения капиталистических накопления и развития.

НИДЕРЛАНДЫ

Нидерланды в XVII в., как и итальянские города-государства в эпоху Ренессанса, стали доминирующим коммерческим центром Европы. Вдобавок Голландская республика была значительной военной силой континентальной Европы и через компанию, созданную на основании государственной грамоты, Объединенную Ост-Индскую компанию (Vereenigde Oost-Indische Compagnie, VOC), которая была господствующей колониальной державой в Азии.

Джованни Арриги (Arrighi, 1994) блистательно вычислил все основы голландской гегемонии в европейской торговле XVII в.²² Используя зазор в мировой системе, возникший в связи с упадком испанской империи, а вместе с ней и финансового господства Генуи, Голландия развивает особую стратегию и создает организации, идеальные том смысле, «что голландцы умело ловили „тот ветер, который действительно дул“» (с. 133). Во-первых, голландцы централизовали амстердамские склады основных товаров массового потребления, позволив купцам выпускать ограниченное количество каждого товара на рынки для получения максимальной прибыли. Во-вторых, голландские предприниматели превратили Амстердам в финансовый и коммерческий центр европейской миросистемы, создав Ам-

²² Работа Арриги – наиболее широкое развитие теории миросистем. Он считает, что Валлерстайн следует указанию Маркса «оставить на время шумную сферу [денежного обращения], где все происходит на поверхности и на виду многих у многих, и последовать [за владельцем денег и владельцем рабочей силы] в скрытую область производства... Здесь... мы наконец добудем секрет извлечения прибыли» (Капитал. Т. 1, процитирован в Arrighi, 1994, с. 25).

Арриги, вдохновленный Фернаном Броделем, берет на себя другую, хотя и дополняющую задачу. «Проследовать за владельцем денег в другую скрытую область... этажом выше, а не ниже рынка. Здесь владелец денег встречается с владельцем, но не рабочей силы, а политической власти. И здесь, обещает Бродель, мы добудем секрет извлечения тех огромных и регулярных прибылей, которые помогают капитализму процветать и бесконечно расширяться последние пять-шесть сотен лет до и после того, как он уходит в скрытые области производства» (Arrighi, 1994, с. 25).

стердамскую биржу, первую и на многие десятилетия единственную постоянную биржу. В-третьих, и что наиболее важно для поддержания первых двух инициатив, голландцы создали акционерные компании «с исключительными правами торговли и суверенитета над огромными торговыми территориями за границей» (с. 139).

Арриги (1994, с. 140 и далее), следуя за Броделем (1977, с. 85–86), определяет время с 1610-х по 1730-е гг. как эпоху голландской экономической гегемонии. Джонатан Израэл (Israel, 1989; 1995) помещает период голландского превосходства в мировой торговле несколькими десятилетиями раньше. Израэл, приводя множество исторических деталей, связывает успех голландской торговли с политическими удачами республики. Практическое прекращение испанской реконкисты в северных (Голландия) Нидерландах в пользу войны с Францией в 1590-х гг. позволило голландцам решительно перехватить балтийскую торговлю у Англии и Ганзы и заблокировать южные порты Нидерландов, отняв у Антверпена роль основного порта и центра мануфактуры в пользу Амстердама. Упадок Голландии начался с окончанием войны за испанское наследство в 1713 г. Британцам достались все выгоды от заключения мира: они получили у Испании торговые концессии за счет Нидерландов, равно как и коммерческий контроль над испанскими колониями в Ист- и Ост-Индии, что стало базой для расширения Британской империи и торгового владычества Британии.

Голландская гегемония в торговле, или то, что Арриги называет «второй (голландский) цикл накопления», поднимает вопрос, почему Нидерланды, а не какая-нибудь другая держава, воспользовались открывшимся зазором в европейской экономике в конце XVI в. Остается без ответа и вопрос, почему Голландия не смогла адаптироваться к геополитическим изменениям в конце XVII в., потеряв из-за этого коммерческое превосходство над британцами. Недостаточно сказать, что «не было ничего такого, что голландцы могли бы противопоставить этой приливной волне меркантилизма и тем более ничего, чтобы обратить ее вспять. Такое противостояние было выше их организационных возможностей» (Arighi, 1994, с. 142). В действительности голландцы могли предотвратить меркантилистские стратегии своих противников в первой половине XVII в. На самом деле именно голландцы содействовали меркантилизму в конце XVII – XVIII в., экспортируя капитал и технические секреты своим конкурентам.

Русское кораблестроение, парусное производство и веревко-прядельное производство, созданные Петром Великим, основывались на голландской

модели. Заимствование голландских пил с несколькими лезвиями Россией и Скандинавией подрубало значение строевого леса из Заана и ускорило падение голландского кораблестроения. Швеция получала не только голландские технологии обработки табака, но и целые мастерские, само растительное сырье, то есть листья табака, хранилища и бочки и даже рабочую силу из Амстердама. Голландские прядильные технологии по производству тонкого сукна были приняты в Пруссии, Савойе и Испании. К 1719 г. поселение из трехсот голландских рабочих *laken*, приглашенных на выгодных условиях Филиппом V, разместилось в Гвадалахаре. До 1740 г. именно угасающие Соединенные провинции, а не восходящая индустриальная держава Британия, задавали направление европейских промышленных и технологических инноваций (Israel, 1989, с. 384–385).

Почему голландцы упустили контроль над собственной и испанской колониальными империями? Почему Голландия экспортировала промышленность и капитал, а не удерживала его дома в меркантилистской манере?²³ Чтобы ответить на эти вопросы и объяснить упадок голландской силы в XVIII в., нужно проследить, как и для Флоренции (см. третью главу), внутреннюю динамику элитных конфликтов.

Образование элит, классов и государства в Нидерландах

Северные Нидерланды оказались под властью независимого графа после распада империи Каролингов²⁴. Граф и меньшие аристократы слабо контролировали крестьян, возделывавших собственные земли. Свобода крестьян напрямую зависела от организации и управления Северных Нидерландов. Голландские фермы по большей части были отвоены у моря. Работы по мелиорации начинали и финансировали в основном сами крестьяне, которые выбирали из своей среды людей в советы по осушению (*waterschappen*), планировавшие

²³ Голландские купцы, которых отсекали от наиболее доходных концессий республики и ее империи из-за их слабой политической позиции, были вынуждены инвестировать в возникающие индустрии за рубежом. Это напоминает ситуацию с флорентийским капиталом, вытесненным от должностей под контролем Медици, государственного долга и титулов к протоиндустриям за рубежом.

²⁴ Нидерландские территории, контролировавшиеся сперва бургундскими епископами, а потом Габсбургами, состояли из Южных Нидерландов, которые сегодня относятся к Бельгии и Люксембургу, и Северных Нидерландов, которые стали Голландской республикой (официально именовавшейся Объединенными провинциями) в XVI–XVIII вв., а сегодня называются Нидерландами (см. обсуждение терминологии в Israel, 1995, с. V).

строительство плотин и проведение каналов, необходимых для отвоения земель и контролирования паводков. Чтобы иметь хоть какие-то доходы, графы Голландии продавали землю посредникам, которые часто перепродавали ее крестьянам, сохраняя лишь права на десятину. Таким образом, в большей части Северных Нидерландов знать и другие землевладельцы не имели никаких юридических прав на крестьян или землю и получали лишь арендную плату и десятину.

Отсутствие феодализма в Северных Нидерландах определило отношения элит и классов. Элитам не хватало юридического и финансового контроля над землей и крестьянами, и они лишились политической и экономической значимости. Духовенство было необычайно слабой элитой во всех голландских провинциях. Клирики имели очень мало юридических полномочий. Церковь собирала несколько видов десятины. Большинство приходских священников не имели бенефициев, и их достаток зависел только от платы за религиозные службы (de Vries, 1974, с. 41–43). Следствием этой слабости и фактором, только увеличивающим ее, было то, что в Северных Нидерландах проживало относительно немного священников.

Когда голландцев стал все больше привлекать гуманизм, а потом и протестантизм, их отрыв от католической церкви привел к сокращению платы священникам за религиозные службы. Католические священники ответили на уменьшение своих доходов тем, что брали себе как можно больше приходов, а это означало, что самих священников (а следовательно, и католического влияния) на севере становилось все меньше и меньше (Israel, 1995, с. 74–105). Каждая провинция Голландской республики продавала земли, когда-то принадлежавшие католической церкви и изгнанным католическим дворянам, в десятилетия, последовавшие за уходом испанских сил из Северных Нидерландов, после 1590 г. (с. 337–341). Этот переход собственности еще больше сконцентрировал землю в руках городских купцов и богатых крестьян в Голландии и Зеландии — двух самых богатых провинциях²⁵.

²⁵ Отсутствие феодализма в Северных Нидерландах сделало коммерциализацию голландского сельского хозяйства менее стремительной, чем это было в Англии. Резкое повышение земельных рент в XVI — первой половине XVII в. не перевел богатство от лишенных собственности крестьян в руки только что получивших власть джентри, как в Англии. Случилось другое — крестьяне вместе с городскими инвесторами и аристократами стали выгодополучателями от роста цен за пахотные земли. Голландские фермы не могли обеспечить достаточно продуктов, чтобы накормить растущее городское население Голландии в ее «золотой век». Дешевое зерно импортировалось с Балтики, а голландские фермеры сконцентрирова-

Дворяне были доминирующей знатью в менее населенных и менее богатых голландских провинциях. «Во Фрисландии и Гронинге-

лись на молочных продуктах, овощах и индустриальном сырье. Ренты и доходы с фермы выросли одновременно с повышением спроса от голландских горожан (чьи заработки превышали заработки европейских рабочих) на лучшие продовольственные товары (этот анализ голландского сельского хозяйства основан на данных, приведенных у de Vries, 1974; van Houtte, 1977; van der Wee, 1993, с. 47–68).

Победители в процессе укрупнения земли в Объединенных провинциях различались в зависимости от места. В Голландии большая часть фермерской земли, которую не держали крестьяне, перешла во владение аристократов и буржуа, базировавшихся в городах. Концентрация земли «в руках владельцев, проживавших на расстоянии, породила чисто деловые отношения между сельским населением и феодалом», который видел в земле всего лишь еще одну свою инвестицию (de Vries, 1974, с. 39). В «золотой век» богатейшие крестьяне (вместе с городскими торговцами) смогли собрать еще более крупные фермы, скупая землю у финансово стесненных аристократов и бедных крестьян. Городские капиталисты также были основными инвесторами, а следовательно, и основными владельцами новых земель, появившихся в результате крупномасштабных и дорогих проектов по осушению (с. 192–202). Трансфер собственности привел к укрупнению участков по всем Нидерландам, хотя доли, которые держали буржуа, знать и крестьяне, различались. Крестьянские держания были ближе к нормальным наделам во Фрисландии, а не в Голландии и Утрехте XVI в. (с. 49–73). Крестьянское население выросло в конце XVI–XVII вв. во всех голландских провинциях (de Vries, 1974; Israel, 1995, с. 332–337).

Городские инвесторы в землю и крестьян разбогатели благодаря высоким ценам, которые платили городские потребители за голландскую аграрную продукцию. Прибыль была вложена в сельскохозяйственные улучшения. Большие затраты на осушение и другие проекты по улучшению оказались плохими долгосрочными капиталовложениями, так как цены на товары широкого потребления, стоимость земли и ее рента стали падать начиная с 1680 г. Тем не менее они обеспечили постоянную основу для отрасли со столь высокой добавленной стоимостью, каким было сельское хозяйство, а также его процветание, которое продолжалось весь XVIII в. — эпоху слабой городской экономики Голландии.

Голландское сельское хозяйство XVI в. — первой половины XVII в. переводило богатство от городских потребителей ко всем землевладельцам. Чрезмерное налогообложение земли по сравнению с городским имуществом налогом *verponding* на арендную стоимость всей собственности переводило богатство от землевладельцев держателям облигаций. Крупные землевладельцы накапливали богатство в торговле и индустрии и вкладывали некоторое количество денег в землю. Наличие земли не служило признаком элиты в Нидерландах, как это было в Англии. Классовая поляризация и консолидация богатства в аграрном секторе отступали на второй план, так как их по большей части определяла более значимая концентрация богатства и власти в городском торговом секторе Северных Нидерландов. Тем не менее относительное богатство голландцев, последовавшее

не правителями были дворяне-фермеры²⁶. В Гелдерне властвовали сельские дворяне, а в Оверисселе и соседнем Утрехте захудалые дворяне» (Т'Харт, 1993, с. 25). Эти дворянские элиты после 1590 г. сильнее всех выиграли от продажи католических земель в этих провинциях. Одинарные элиты этих провинций осуществляли ограниченный феодальный контроль над крестьянами и получали доход, сдавая в аренду земли, которыми они владели, и со своих политических постов.

В Голландии, самой богатой провинции Северных Нидерландов, знать была слабой элитой. Знатные фамилии легко разорялись из-за военных или других чрезвычайных расходов, так как получали сравнительно малый дохода со своих земель. «В Голландии примерно 200 семейств, составлявших провинциальную знать в 1500 г., владели приблизительно 5 % всей культивируемой земли. Церковь отставала от них, владея менее 10 %» (Israel, 1995, с. 108).

Слабые знать и духовенство оказались плохими союзниками для сменявших друг друга на троне правителей, которые объявляли свое суверенное владычество над Северными Нидерландами. Независимые графы в XI–XIV вв., графы Бургундии начиная с 1425 г., а затем Габсбурги, которые правили после 1482 г., больше всего заботились об извлечении доходов из голландских провинций. Те провинции, в которых знать была сильна, делали незначительный вклад в государственную казну. При графах и Габсбургах провинции с доминированием знати (т. е. все, за исключением Голландии и Зеландии) приносили лишь 20 % от налоговой квоты (Israel, 1995, с. 286). Реальные деньги, а следовательно, и политический интерес графов и Габсбургов концентрировались в городах, особенно в Голландии. Графы и Габсбурги обычно пренебрегали слабой знатью Голландии и Зеландии и бедной знатью других провинций в пользу городов, имевших деньги, чтобы выкупить свою автономию и привилегии в обмен на стабильные платы своему суверену.

за падением их вершины европейской экономики в конце XVII в., объясняется по большей части вложениями в «голландскую бережливость» в течение «золотого века».

²⁶ У города Гронинген было «свое собственное суверенное управление. С древности город имел много власти над сельской округой, владея правами на рынок основных продуктов... и его попытки сохранить или расширить свои полномочия часто наталкивались на противодействие представителей села» (Т'Харт, 1993, с. 75–76). Так как у города была своя автономная администрация, городская элита Гронингена была чувствительна ко всем усилиям сельской аристократии поощрять фракционизм или перетянуть на свою сторону цеха.

Автономные города больше всех пользовались слабостью правителей, знати и духовенства в Северных Нидерландах, точно так же, как города пользовались политическим патом в отношениях между великими державами и аристократическими фракциями в Северной Италии. Политический пат в Северной Италии вынуждал фракции «опускаться», чтобы набрать союзников снизу, выстраивая новые элиты сначала из низшего слоя знати, а потом из богатых недворян. Политическая жизнь городов-государств Северной Италии стала многопарусной и характеризовалась сдвигами фракций. Потребовались столетия, чтобы во Флоренции и других городах-государствах политическая структура и отношения элит и классов зафиксировались.

Отсутствие аграрных феодальных отношений в Голландии и других провинциях Северных Нидерландов и происходящая от этого бедность элит (немногочисленная знать, слабое духовенство, едва ли хоть один «государственный» чиновник в Голландии и Зеландии и никого, кроме знати в других провинциях) подорвали все возможности для фракционного конфликта. В результате голландские городские купцы смогли добиться господства в своих собственных городах, даже не «опускаясь» вниз за союзниками. Города получали хартии автономии, а городские элиты институализировали свою власть в обмен на выплату фиксированной квоты налогов правящим графам, а позже Габсбургам.

Альянсы между голландскими городами цементировались общей оппозицией к трем врагам: морю, Ганзе и ретроградам-дворянам, которые все больше обосновывались на юге. Города (и деревни) должны были кооперироваться, если хотели закончить строительство плотин и каналов, требующихся и для сохранения уже существующих городов, сельских территорий и резервуаров пресной воды от затопления и осолонения, и для открывания новых земель и водных путей к поселениям, и налаживания нового вида транспорта.

Купцам и прибрежным, и внутренних городов Голландии нужно было пересилить Ганзу, если они хотели получить и свою долю от массовой балтийской торговли зерном, лесом и сельдью, и доступ к богатой торговле, завозя «специи, сахар, красящие вещества, средиземноморские плоды и вино, и испано-американское серебро... на север» (Israel, 1995, с. 312). Ганза в союзе с немецкими князьями и императором Священной Римской империи соперничала с Голландией и за контроль над тем, что постепенно стало провинциями Гелдерн, Овериссел, Утрехт, Фрисландия, Гронинген и Восточная Фрисландия (с. 18–35).

Успех в борьбе с морем и Ганзой дал Амстердаму и другим важным голландским городам контроль над сельской территорией и возни-

кающими Генеральными штатами Голландии — коллективным директоратом и развивающимся рычагом управления в политике под руководством купцов. Угасающая аристократия предприняла несколько попыток отнять власть у голландских городов. Гражданская война 1350 г. окончилась решительной победой Cabeljauwen (Трески), союза городских купцов с графом и его сторонниками-дворянами, над Hoecks (Крюками), соперничающей коалицией угасающей аристократии и городских цеховиков, занимающих положение, экономически и политически подчиненное городским купцам.

Hoecks и социальная группа, которую они представляли, периодически поднимали восстания, часто в союзе с внешними силами, такими как Ганза. Тем не менее у них никогда не было настоящего шанса сбросить правящую олигархию Голландии под руководством купцов. Гильдии в Голландии были так же сильны, как и во Флоренции, и получали такие же надежные грамоты и монопольные привилегии от городских олигархий, жаждущих успокоить народное недовольство и подавить восстания во время гражданской или заграничной войны (Israel, 1995, с. 119–121 и далее). Несмотря на их внутреннюю сплоченность, голландским гильдиям не доставало союзников из числа элит, необходимых для направления их потенциала уличной борьбы за экономические уступки на достижение политической роли в городских или государственных органах. У крестьян не было причин присоединяться к силам Hoecks из-за того, что знать во главе этой фракции была более требовательным взимателем денег, чем сборщики налогов, купцы и рантье Cabeljauwen.

Голландская элита с доминированием купцов и элиты в других провинциях Северных Нидерландов столкнулись с самой серьезной угрозой в лице Испании. Испания повышала свои налоговые притязания на Голландию, чтобы покрыть свои расходы по защите всех Нидерландов и борьбе с Францией. Начиная с 1550-х гг. и вплоть до 1648 г., когда Соединенные провинции добились от Испании признания своей независимости при заключении мирного договора, Голландия при большей или меньшей поддержке других провинций противилась этим притязаниям. Борьба с Испанией стала народной и получала поддержку элит, потому что она затрагивала стремление голландских протестантов получить свободу вероисповедания, которой противостояли фанатичные усилия Испании привести всех подданных Габсбургов в единое католическое состояние. Восьмидесятилетняя война между Испанией и Голландией характеризовалась отдельными периодами интенсивных и грубых конфликтов, годами менее насильственного сопротивления и временами, когда Испа-

ния предлагала перемирия в надежде восстановить свои финансовые и военные ресурсы и покорить заново Северные Нидерланды.

Голландцы выиграли свою войну за независимость частично из-за того, что Испания становилась все слабее на протяжении XVI–XVII вв. Голландцы также получали помощь от противников Испании, Франции и Англии. Однако голландцы не просто пересилили истощенную Испанию, чтобы стать независимым захолустьем, таким как Португалия. Голландцы вышли из своей войны одной из главных военных и колониальных держав, а с Амстердамом стали финансовой и индустриальной столицей Европы.

Капиталовложения в принуждение в голландской политике

Война содействовала удовлетворению интересов амстердамско-голландской олигархии²⁷ в трех направлениях. Во-первых, война подтачивала силы главного соперника Амстердама, Антверпена. Война давала голландцам повод устраивать блокаду Антверпена, отрезать его от торговли и переместить коммерцию в Амстердам. Во-вторых, введенное испанцами эмбарго на Голландию вынудило их создать собственную колониальную систему и развить торговую систему для перевозки товаров роскоши из Вост- и Ост-Индии с центром в Амстердаме (Adams, 1994b, с. 327–332).

В-третьих, война облегчила для купцов захват господства над Голландией. Восстание против испанского владычества в 1572 г. сопровождалось вычищением всех прогабсбургских католиков и дворянчиновников из органов управления городов и провинций, что наиболее драматично происходило в Амстердаме (Israel, 1995, с. 337–341). Реакция народа и элиты против католиков, союзников Габсбургов, очистила от них всю политику Соединенных провинций к 1580 г. Жестокий испанский террор против протестантов на юге привел к бегству их самих и оттоку их капитала на север в те же десятилетия. Правящая элита после 1572 г. была почти полностью протестантской, тем самым проблема религии как основы для разделения внутри органов управления республикой и ее провинциями была снята²⁸.

²⁷ Правящая элита Амстердама доминировала в правительстве провинции Голландия и в определенной степени всех Объединенных провинций в XV–XVIII вв., поэтому я буду называть эту правящую группу в оставшейся части этого раздела амстердамо-голландской олигархией.

²⁸ Конфликты между ремонстрантами (менее ортодоксальными протестантами) и контрремонстрантами (строгими кальвинистами) разразились в первые десятилетия XVII в.

Сплоченность амстердамской правящей элиты позволила ей быстро и полностью собирать крупные суммы дохода и использовать их для преследования своих геополитических и экономических целей. Голландские провинции и города сохраняли свои независимые вооруженные силы на протяжении всех столетий существования республики. Существовало пять независимых голландских флотов, каждый финансировался из таможенных пошлин и акцизных сборов, собиравшихся на каждой территории по отдельности, эти флоты контролировались городами и провинциями, к которым они относились²⁹. Кроме того, собственный флот и армию имели Вест-Индская компания (WIC) и VOC. Все попытки консолидировать пять адмиралтейств или поставить их под единое командование провалились. Неоднократные попытки контролировать вооруженные силы WIC и VOC статхаудерами (губернаторами) или другими назначенцами Генеральных штатов тоже не увенчались успехом. Номинальный контроль статхаудеров над сухопутными силами подрывался тем, что каждая компания финансировалась отдельной провинцией, а также готовностью Голландии распустить свои войска, когда иностранная политика губернатора становилась слишком агрессивной или не соответствовала желаниям и интересам амстердамских регентов³⁰.

Статхаудеры и Генеральные штаты зашли в тупик в своих усилиях централизовать контроль над военными силами из-за своей неспособности создать общенациональную фискальную систему. Города имели собственные монетные дворы, купцы препятствовали девальвации, потому что сами зависели от твердой монеты в международных сделках. Таким образом, девальвация — эффективный краткосрочный (если не контрпродуктивный в конечном счете) ме-

тилетия XVII в. (Israel, 1995, с. 421–505). К этому времени членство в правящей олигархии каждого города и провинции уже зафиксировалось. Претенденты на общенациональную власть и народные силы оживились, когда вспыхнули религиозные конфликты начала XVII в. Однако народные силы были неспособны свергнуть городские правительства, и общенациональные раздоры усиливали элиты каждого города и провинции в их решимости сохранить свою власть в автономных правительствах, менее уязвимых для общенациональных политических сил, подрывая образование сплоченной национальной элиты и мощного национального государства.

²⁹ И Амстердам, и Роттердам — каждый имели свой собственный флот, а Хорн и Энхкёйзен, основные города Северной четверти Голландии, владели третьим. Эти три голландских адмиралтейства никогда не объединялись. Кроме того, у Зеландии и Фрисландии тоже были свои собственные адмиралтейства (Г'Нарт, 1993, с. 39–43).

³⁰ Рассмотрение контроля над голландскими вооруженными силами основано на данных, приведенных у Тхарта (Г'Нарт, 1993), Израэла (Israel, 1995) и Хейла (Geyl, 1958).

тод для властителя собрать деньги в Голландской республике была недоступна. Большая часть пошлин контролировалась провинциями и городами; регенты Голландии, особенно много инвестировавшие в VOC, подрывали схему Генеральных штатов 1625 г. по консолидации всех пошлин в единых общереспубликанских налоговых откупках. Национальное правительство получало лишь 20% своих доходов от налогов и земель в свое непосредственное подчинение. Другие 80% национальных налогов платили провинции согласно системе квот (Israel, 1995, с. 285–291). Если какая-то провинция отказывалась или уменьшала выплату, всем другим тоже было позволено сокращать выплаты пропорционально с провинцией-упрямицей³¹.

Провинция Голландия, благодаря своему относительному богатству и тому, что ее экономика концентрировалась в торговле и городском производстве, которое было легче отследить и обложить налогом, обеспечивала большую часть доходов республики. В 1586–1792 гг. от 55 до 65% всех доходов республики шло из Голландии, и даже тогда ее богатство недооценивалось относительно других провинций (Israel, 1995, с. 286–287). Если мы прибавим сюда траты каждой провинции и адмиралтейства на свои нужды, равно как и военные расходы WIC и VOC, которые по большей части контролировались и принадлежали голландцам, то станет ясно, что «государство» в Голландской республике финансировалось по большей части за средства провинции Голландия.

Когда несколько городских элит Голландии приходили к согласию относительно военной и торговой внешней политики, у них были средства финансировать вооруженные силы, необходимые для преследования своих интересов. Часто другие провинции через статхаудера или Генеральные штаты тоже соглашались с желаниями Голландии либо потому, что существовала действительная общность интересов (ярче всего это проявилось во время войны за независимость от Испании и в попытках противостоять Священной Римской империи и Ганзе), либо потому, что у Голландии были способы заставить остальных следовать своей воле. Когда голландские элиты разделялись, общенациональная политика оказывалась в параличе. В таких условиях Амстердам (часто в согласии с Роттердамом и другими голландскими «мирными» городами) использовал свою финансовую силу отказа, вынуждая республику заключить мир (или Амстердам посылал собственных дипломатов вести переговоры о мире, кото-

³¹ Организация и доходы голландской фискальной системы представлены у Тхарта (T'Hart, 1993) и Израэла (Israel, 1995).

рый должна была принимать и вся республика). И наоборот, Амстердам и его города-союзники, а также WIC и VOC могли содержать собственные армии и суда, обеспечивая следование своим интересам за рубежом (тоже часто в сопровождении дипломатии, которую проводили посланцы Амстердама, даже не консультируясь с исполнительными или законодательными органами всей республики)³².

Элиты Голландии проводили ту иностранную политику, какую хотели, они были способны финансировать войны, которые велись ради их обогащения. В рамках провинции Голландия налоги и повинности падали на городских работников. Растущие инвестиции городских купцов в сельское хозяйство усиливали их предпочтение налогам и повинностям на потребителя, а не налогам на землю или городскую собственность. «Высокие налоги сохранялись в Голландии потому, что местные элиты никогда не поддерживали мятежи низших классов, когда те происходили» где-либо еще в Нидерландах или в Европе (Т'Харт, 1993, с. 150). Раннее объединение голландских элит и получившееся в результате отсутствие какой-либо нужды в «опускании» в поисках поддержки во фракционном конфликте позволяло им использовать финансовую систему для собственного обогащения, не опасаясь народной оппозиции.

³² Амстердам и его союзники сократили размеры своих вооруженных сил, чтобы помешать возобновлению полномасштабной войны с Францией после двенадцатилетнего перемирия, срок действия которого оканчивался в 1621 г. (Т'Харт, 1993, с. 46–47). Этим решением Амстердам обеспечил устойчивое разделение на Северные и Южные Нидерланды и гарантировал Голландии и самому Амстердаму высокую степень автономии от статхаудера, чье общенациональное правительство было теперь обречено на вымирание. Позже Амстердам заблокировал планы статхаудера вернуть Южные Нидерланды, отняв их у Франции после того, как она ушла в 1674 г. с голландских территорий.

Амстердам подтолкнул республику к войне с Британией в 1652–1654 гг., чтобы добиться для голландских купцов доступа на испанские и другие рынки, которые англичане хотели монополизировать, и в 1655–1660 гг. к вмешательству в англо-испанскую войну, чтобы Амстердам и WIC получили контроль над испанской торговлей и американскими колониями, и ко второй англо-голландской войне 1665–1667 гг. за доступ к Африке в защиту колоний VOC и WIC. Амстердам спровоцировал войну 1672–1674 гг. с Британией и Францией своей коммерческой агрессией и тайными союзами (зачастую заключавшимися амстердамскими дипломатами даже без того, чтобы поставить в известность другие провинции или чиновников республики). Эта третья англо-голландская война завершилась на условиях, выгодных Амстердаму, частично за счет других городов и провинций, которые желали продолжать борьбу в защиту своих интересов. (Эти войны и голландские политические коалиции, которые способствовали или мешали их проведению, проанализированы у Израэла (Israel, 1995).)

Голландия, как и Флоренция, финансировала чрезвычайные военные расходы при помощи ценных бумаг, обеспечиваемых налогами. Войны вели к массовому росту государственного долга первой половине XVII в. Задолженность самой Голландской республики поднялась с 4,9 миллиона гульденов в 1617 г. до 13,2 миллиона в 1648 г. Более значительными были долги провинций (особенно Голландии и ее городов), которые поднялись с 1,5 миллиона гульденов в 1621 г. до 130–140 миллионов в 1650 г. (Adams, 1994b, с. 340). Богатство Голландии (и единство ее элит плюс отсутствие народных восстаний) обеспечивало финансовую стабильность и позволяло самой провинции и ее городам сокращать процентные ставки, оплачиваемые по ценным бумагам, с 8% в 1606 г. до 4% в 1655 г., даже перед лицом гигантского и стремительного роста долга (Т'Нарт, 1993, с. 163)³³.

Долг провинции Голландия, как и долг всех стран со стабильной валютой, передавал богатство от налогоплательщиков (в основном городских потребителей) к держателям ценных бумаг. Правящие элиты были крупнейшими вкладчиками в акции провинций и городов, однако растущий средний класс Голландии тоже начал получать все увеличивающуюся долю своего богатства в акциях, особенно когда элите удалось монополизировать возможности для инвестиций в землю и мануфактуры, как это всегда было с зарубежными операциями. К 1660-м гг. в долг республики вложились 65 000 человек (Т'Нарт, 1993, с. 173–174). Инвесторы из среднего класса поддерживали правление голландских элит потому, что тоже были заинтересованы в стабильности провинциальных и городских правительств, выплачивавшим им проценты.

Жесткость элит и геополитический упадок

Растущая доля доходов голландских элит в XVIII в. исходила от полномочий, гарантированных постами (Israel, 1995, с. 1006–1012; Adams, 1994b). Должности попали под постоянный контроль семейств, в которых основатели смогли назначить своих потомков наследниками. Большинство постов давали право назначать меньших членов семьи или клиентов на низшие должности или посты в WIC и VOC. В Голландии формально должности не продавались, как во Франции. Вместо этого правящие семейства каждого города формулировали «договоры о соответствии», поделив все городские посты среди семей с «пи-

³³ Голландия платила проценты по своим долгам с 1542 г. до самого конца республики с кратким перерывом в 1581 г. (Israel, 1995).

саными правилами преемственности, образующими системы, согласно которым все соответствующие элитные семьи сменяют друг друга на постах бургомистров, директоров Ост-Индской компании и других, имеющих корпоративные привилегии» (Adams, 1994a, с. 516).

Голландская политика в XVIII в. была более жесткой (хотя более разнообразно структурированной), чем в Испанской империи, и гораздо менее открытой конфликтам и изменениям, чем в Англии и во Франции. Как в итальянских городах-государствах после эпохи «опускания», в Голландии все правительственные и корпоративные должности, имеющие государственную грамоту и распределяемые среди членов победившей фракции, были поделены между членами семейств через систему ротации, исключавшую не принадлежащие к олигархии семейства. В голландской системе не было ни одной черты, обеспечивающей «циркуляцию элит» в других странах. Договоры о соответствии предотвращали фракционизм (Adams, 1994a, с. 516–517), который вытаскивал из власти слабые элиты в Италии и в Англии на уровне сотен, графств и парламента и который снижал полномочия и ценность некоторых групп казенных чиновников во Франции и Испании. Договоры о соответствии блокировали учреждение новых должностей, которые могли бы дать доступ к власти растущей буржуазии, в то время как отсутствие практики продажи должностей не давало семействам регентов, которые плохо вели дела, продать свои должности поднимающимся семействам, как это происходило во Франции, Испании и Флоренции при Медичи. Единство и власть элиты каждого города тоже не давали общенациональному суверену разжаловать некоторые элитные семейства и повысить своих союзников, как это было в монархической Испании, Франции, Англии и Флоренции Медичи³⁴.

³⁴ Конечно, попытки пренебречь договорами о соответствии привели к революционной конфронтации между статхаудером и управляющими, так же, как похожие попытки короля атаковать привилегии элит привели к Фронде и революции 1789 г. во Франции и революциям 1640 г. в Англии, и различным переворотам и контрпереворотам, гражданским войнам и бунту чомпи во Флоренции.

Итоги таких революционных конфронтаций выявляли относительную силу каждой элиты и каждого класса в особых структурных обстоятельствах, времени и месте. Так было когда статхаудер Вильгельм IV воспользовался народным про-оранжистским восстанием 1747–1751 гг., чтобы провести чистку чиновников, особенно налоговых откупщиков. Вильгельм V продолжил этот процесс, создав придворную знать, как в других европейских монархиях. Статхаудеры и оранжисты, несмотря на свои успехи в других голландских провинциях, нисколько не продвинулись в вытеснении элит, управляющих в самой Голландии. Там олигархия

Жесткость и изолированность голландских олигархов выпячивалась еще сильнее, когда «падение уровня рождаемости в семьях регентов в XVIII в... вызвало демографическую нехватку людей из этих семей, признанных годными для занятия высших постов, и разительную и постоянную незаполненность городских советов... [В ответ] регенты признали и приняли сокращение [числа чиновников] в государственном аппарате» (Adams, 1994a, с. 517). Олигархи не включили новые богатые семейства в свои договоры о соответствии. Жесткость олигархов отражала не только их жадность, но и страх начать процесс политической деградации, которая может подорвать их власть над государственными должностями и полномочиями.

Национальное голландское государство было слабым, если его сравнивать с веберовским идеальным типом целерационального бюрократического государства. Однако слабость голландского государства была основой для успеха амстердамской элиты в международной торговле в XVI–XVII вв. Итак, отвечая на вопрос, поставленный в начале этого раздела, элита амстердамских регентов была уникальной для Европы конца XVI–XVII в. по тому, до какой степени она контролировала аппарат, подобный государственному, не идя на уступки интересам соперничающих элит и не опускаясь за помощью к социальным группам, располагающимся ниже. В результате амстердамская элита сумела направить концентрированные ресурсы своего города и округа на военные и колониальные проекты, представляющие для нее особый интерес. Таким образом, элита регентов воспользовалась преимуществами геополитического положения в Европе Северных Нидерландов и войнами, им порожденными, а также сохранила и даже упрочила местную власть, равно как и свое положение в апексе европейской миросистемы XVII в.

«Слабость» голландского государства была основой силы амстердамской элиты. Т’Нарт завершает свое исследование голландского государства утверждением, что «так как контроль над доходами был неопределенным, не произошло и монополизации налогообложения... Голландии часто не удавалось действовать как централизующей силе потому, что ее раздирало соперничество между городами... Еще одной причиной слабости процесса бюрократизации было отсутствие могущественной знати. Дворяне не доминировали в военных институциях или на гражданской службе» (1993, с. 221). Благодаря тому, что голландское государство было слабым по критерию

управляющих удерживала полную власть даже во время французского вторжения 1794–1795 гг. (Israel, 1995, с. 1079–1121).

бюрократичности, амстердамской элите легко удавалось контролировать правительственные ресурсы и силы в эпоху своего «золотого века».

Способность амстердамской элиты заняться неограниченным самообогащением на местном и на международном уровне создала ту жесткость, которая в конце концов и подорвала силы Голландии в ее соперничестве с Британией в XVIII в. Подобно итальянцам, голландские олигархи нашли формы предпринимательства, призванные сохранять их власть на местах и давать им пользоваться удобными случаями на международном уровне. Именно эти структуры, созданные локальной политикой, объясняют подъем, а затем оцепенелость и упадок Голландии как торговой, военной и колониальной силы.

Джулия Адамс (1994а, 1994b, 1996), пожалуй, лучше всех объясняет, как организационная жесткость подорвала способность Голландии соперничать с англичанами в торговле и войне. Она показывает, как организационные схемы WIC и VOC приходили в соответствие с городскими правительствами Голландии, когда избранные семейства навсегда получали в свои руки некоторые административные палаты, посты и торговые концессии в этих компаниях. Каждая торговая компания имела монополию на коммерцию в своем полушарии и не беспокоилась о конкурентах-голландцах, в отличие от британской Вест-Индской компании, соперничавшей с противниками-соотечественниками, получившими королевские грамоты. WIC и VOC стали единственными хранилищами голландских инвестиций в колониальную торговлю и могли пересилить оружием и деньгами британских и других европейских конкурентов в борьбе за торговые права и колонии.

Изоляция VOC и WIC от местных конкурентов и их политических и финансовых притязаний со стороны республики и провинциальных правительств стала помехой, когда каждой компании потребовалась помощь морских и сухопутных вооруженных сил, чтобы подавить мятежи и отбиться от англичан. Силы WIC были фатально подорваны удачными восстаниями португальских поселенцев Бразилии в 1645 г. Изолированность директоров WIC от правительства республики и элитных блоков, контролировавших VOC и амстердамское правительство, означала, что WIC не смогла призвать на помощь голландские силы, чтобы отнять Бразилию в 1649 г. (Adams, 1994b, с. 337–342; van Hooften, 1960). WIC так и не оправилась от потери своей самой большой и богатой колонии, а британцы стали доминирующей коммерческой и военной силой в Латинской Америке.

Политическая и экономическая изоляция VOC от голландского государства и других элит лишила компанию возможности претен-

довать на финансовые и военные ресурсы, необходимые для защиты своих торговых путей и колоний. VOC не смогла помешать тому, что в результате ее соперничества с пятью адмиралтействами были снижены таможенные ставки и ей не удавалось обогащаться в своих же портах. Когда в XVIII в. таможенные ставки упали, VOC и адмиралтейства потеряли доходы, необходимые для противостояния растущему британскому флоту.

Способность Голландии помогать VOC против британцев была еще сильнее подорвана затянувшимся спором между Амстердамом и другими голландскими городами за раскладку налогов на имущество. Такие налоги основывались на оценке 1632 г., которая сокращала долю Амстердама, так как цены на недвижимость в нем поднялись в 1632 г., и увеличивала долю других городов, где цены на недвижимость упали после 1650 г. Амстердамские регенты отказывались принимать новую оценку, повышавшую их налоговое бремя (Aalbers, 1977), хотя их отказ лишил Голландию возможности облагать пошлиной новые запасы богатства, давая финансы для эффективного военного противостояния Британии и, возможно, сохранения коммерческих преимуществ VOC.

Правительственная система, призванная блокировать любые вызовы интересам элиты, подкосила самый крупный из всех — коммерческое положение VOC. В результате VOC была не способна финансировать себя и не могла попросить у Республики средства, необходимые для воспрепятствования британскому захвату Бенгалии в 1759 г. Британцы легко разбили голландцев, захватив много кораблей и колониальных баз WIC и VOC в Четвертой англо-голландской войне 1780–1784 гг. WIC к концу этой войны обанкротилась и была ликвидирована в 1791 г., а VOC потеряла свою гегемонию во внутренней азиатской торговле и рынок пряностей, передав их Британии (Adams, 1994b, с. 342–347; Israel, 1995, с. 1096–1115).

Благодаря тому, что VOC обладала правовой и политико-военной силой мешать голландским компаниям участвовать во внутриазиатской и в дальней торговле пряностями, она могла извлекать сверхприбыли, устанавливая правила торговли с Азией и манипулируя европейским рынком пряностей в конце XVI–XVII в. Директора VOC в Амстердаме использовали свою неоспоримую монополию на голландские перевозки из Азии в Европу, «чтобы навязывать конвенциональные пределы спекуляций» (Adams, 1996, с. 22). Так как все товары и деньги, произведенные в голландской Ост-Индии, перевозились в Амстердам в XVI–XVII вв. через Батавию, батавские чиновники имели возможность проследить за незаконной прибылью, ко-

торые могли возратить на родину все их агенты из соседних колоний, так же, как делали чиновники компании со своими агентами в Азии, следя, какие личные вещи и деньги они привозят в Амстердам с кораблями из Батавии (Adams, 1996).

Как только подъем Британии и упадок Голландии и военной силы VOC позволили стать британской Ост-Индской компании ее конкурентом в Азии, VOC потеряла контроль над своими агентами в Ост-Индии. И все же мелкие чиновники могли обогащаться на частных сделках с англичанами, перевоза их прибыли на британских или голландских кораблях. Таким образом, директора VOC потеряли большую часть своего контроля над агентами в Азии, а чиновники VOC в Батавии – рычаги управления своими агентами в меньших колониях (Adams, 1996).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСПАНСКОЙ И ГОЛЛАНДСКОЙ ПОЛИТИЙ

Упадок Амстердама как коммерческого центра Европы, а WIC и VOC как колониальных сил, объяснялся не только меньшими размерами Голландии по сравнению с Британией, Францией или Испанией. Только Британия смогла получить существенные выгоды от упадка Голландии в XVIII в. В то время как в Нидерландах была самая маленькая численность населения, ее основным торговым и колониальным конкурентом была Британия, следующая за ней по численности населения, а не два европейских гиганта – Франция и Испания (табл. 5.3). Кроме того, Нидерланды удерживали свое коммерческое превосходство на протяжении XVI–XVII вв., хотя городское население Англии сначала было таким же, а потом и большим, чем в Нидерландах. Стагнация и сокращение городского населения Нидерландов в XVIII в. было симптомом, а не причиной упадка Голландии, так же, как сокращение городского населения Бельгии в XVI в. было симптомом, а не причиной сначала относительного, а потом абсолютно упадка Южных Нидерландов по сравнению с Северными.

Голландская республика имела финансовую возможность сравняться и даже обогнать Британию по военным расходам на протяжении всего XVII в. Голландское коммерческое превосходство и военная сила, чтобы его поддерживать, сохранялись даже перед лицом французского государства, которое собирало гораздо больше доходов. Голландия стала уступать Британии по правительственным доходам только после 1700 г., так что финансовый упадок Голландии, рав-

ГЛАВА 5

таблица 5.3. Численность общего и городского населения в Нидерландах и в странах-конкурентах (×1000)

Страна	1500 г.	1600 г.	1700 г.	1800 г.
<i>Общее население</i>				
Нидерланды	950	1 500	1 900	2 100
Англия и Уэльс	2 600	4 400	5 400	9 200
Испания	6800	8 100	7 500	10 500
Франция	16 400	19 000	19 000	27 000
<i>Городское население</i>				
Нидерланды	150	364	639	604
Бельгия	295	301	486	548
Англия и Уэльс	80	255	718	1 870
Испания	414	923	673	1 165
Франция	688	1 114	1 747	2 382

источники: de Vries, 1984, с. 30, 36.

примечания: городское население считается как сумма населения всех городов свыше 10 000 человек. Де Фрис использует термин «Нидерланды» для обозначения территории Голландской республики и «Бельгия» для обозначения южных Нидерланд.

но как и ее демографическая стагнация, были следствиями, а не причиной потери ее финансовой гегемонии (табл. 5.4)³⁵.

Учитывая эти данные по государственным доходам, история каждой политики, представленная в этой и предыдущей главах, снова и снова демонстрирует сложности использования налоговых доходов

³⁵ К сожалению, имеющиеся данные не позволяют проводить прямое сравнение голландских доходов с британскими и французскими. Данные по Нидерландам – военные расходы, которые во всех европейских странах той эпохи были почти всегда больше государственных. Нидерланды поддерживали морской паритет с Британией и защищались от завоевания Францией, Испанией или Германией, увеличив совместный долг республики и провинций, как уже указывалось ранее, с 10 миллионов гульденов в 1620 г. до 150 миллионов к 1650 г. (Adams, 1994 b, с. 340). Все другие европейские державы тоже влезали в долги, чтобы покрывать военные расходы. Однако долг такого масштаба и военную машину, ради которой он создавался, экономике Голландии в этом столетии явно было легче поддерживать, чем ее противникам. Проценты с голландского долга упали с 8 до 4 за первую половину XVII в. (Т'Нарт, 1993, с. 163), значительно ниже выплачиваемых англичанами, не говоря уже о таких банкротах, как французские и испанские монархи.

или числа и власти чиновников как критериев способностей государства. История Франции иллюстрирует это лучше всего. Французские государственные доходы намного превышали доходы Англии и Нидерландов на протяжении всего XVII в. Однако финансовое превосходство Франции — 4:1 над Нидерландами и 13:1 над Англией в 1630-х гг. — в лучшем случае давало ей военный паритет. Преимущества Франции по суммарной численности населения и доходам рассеивалось мриадами способов, которыми «государственные» военные сила и доходы присваивались множеством держателей должностей и финансистов на местном, провинциальном и национальном уровнях. Коллинз (1988, с. 114–135) обнаружил, что только 20 % всего государственного дохода в первой половине XVII в. шли в центральную казну Парижа. Остальное якобы тратилось во имя короны; какая-то часть из этого, бесспорно, шла на военные расходы, но большая часть разбиралась провинциальными чиновниками на собственные нужды.

Каждая политическая и экономическая институция Голландии, а следовательно, и каждое голландское торговое или военное предприятие были организованы так, чтобы соблюсти особые интересы неизменной клики элитных семей, обладающих постоянным контролем над этими институциями³⁶. Пока голландцы захватывали торговые маршруты, рынки, а также колонии в Азии и Америке, относительно «свободная» от европейских конкурентов в XVI — нача-

³⁶ Джулия Адамс (Adams, 1994a) подчеркивает важность семейных ограничений. Она показывает, что на предпринимательских должностях и политических постах вели себя так, чтобы увеличить престиж, богатство и власть семейных династий, а не только главы семьи, который контролировал эти активы в своем поколении. Адамс показывает, как соображения о благе семьи и договоры о соответствии, защищавшие коллективные интересы целых родов элиты управляющих, сперва мобилизовали ресурсы Голландии ради заграничных завоеваний и коммерческого владычества, а затем изъяли эти активы, когда мобильность оказалась заблокирована снизу и даже управляющие стали рантье, вкладывающими свои силы и богатство в сохранение семейного положения на местах за счет маневренности Голландии в международной торговле и европейской державной политике.

Адамс отмечает параллели с системой Медичи во Флоренции и находит много сходства с Англией и Францией (и Европой в целом). Потребуется еще одна книга, чтобы определить, до какой степени забота о благе семьи открывала или сужала стратегические возможности, которые я способен объяснить здесь в терминах динамики элитных и классовых конфликтов и структурных отношений, созданных этой двойной динамикой. В целом я согласен с Адамс, что семейная динамика является чем-то большим, чем структурным переопределением элитных и классовых сил, но я не могу сказать, когда и где динамику семьи и патриархата следует изучать, чтобы объяснить социальные результаты.

ле XVII в. самообслуживающая автономия каждого семейства не мешала голландской торговой гегемонии. Вместо этого те же самые локальные союзы и привилегии, которые защищали интересы каждой семьи, позволяли элитам мобилизовать ресурсы на осуществление общих целей. Но когда голландцы заполнили все пустоты для извлечения прибыли в мировой экономике XVII в. и когда британцы очень заинтересовались возможностями, монополизированными голландцами, голландские элиты подорвали собственную коллективную способность мобилизовывать ресурсы для торговли и войн тем, что каждая элитная семья регентов старалась соблюсти только свои интересы. «Государственные» чиновники могли использовать доходы, собранные на своих должностях для собственных нужд, даже когда их самостоятельные сделки подтачивали способность республики и WIC с VOC сохранять коммерческие и военные преимущества за рубежом.

Бродель, Арриги и Валлерстайн частично правы, каждый по-своему, когда они объясняют подъем и упадок голландской коммерческой гегемонии в терминах изменений в природе европейской или мировой системы. Как я уже отмечал ранее, они все же не способны объяснить, почему расцвет постиг голландцев, а не генуэзцев, доминировавших в XVI в. Они не могут объяснить и то, почему именно британцы, а не более богатые и уже утвердившиеся голландцы стали лидерами мировой экономики в XVII в. Оба перехода международного коммерческого лидерства объясняются особыми способностями, которые элиты каждой нации смогли использовать при борьбе за торговое и военное превосходство в каждую эту эпоху.

Закостневшие и разделившиеся по отсекам голландские элиты были носителями одинаковых качеств, использовавшихся на войне и в торговле в эти периоды. Автономия амстердамской элиты от других элит и классов и всеобъемлющего государства была решающим превосходством в начальной схватке за торговые пути и колонии. Та же структура элиты сокращала ресурсы, которые могла мобилизовать Голландия в более интенсивных и заполненных противниками геополитических и торговых войнах в XVII–XIX вв.

Данные для Франции взяты у Хофмана (Hoffman, 1994, с. 238–239). Для 1515 г. это сумма общих среднегодовых налоговых поступлений при Франциске I (1515–1547). Другие суммы являются среднегодовыми поступлениями в центральную казну за указанное десятилетие.

Данные для Нидерландов за 1585–1647 гг. получаются из складывания цифр по обычным расходам, расходов на персонал действующей армии (за исключением флота) и экстраординарных военных

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСПАНСКОЙ И ГОЛЛАНДСКОЙ ПОЛИТИЙ

таблица 5.4. Правительственные доходы в Британии, Франции, Нидерландах и Испании, 1515–1790 гг., в фунтах стерлингов (×1000)

Годы	Британия	Франция	Нидерланды	Испания
1515	126	1 800		558
1560-е	251	1 280		2 154
1570-е	224	2 620		3 346
1580-е	293	3 040	302	3 654
1590-е	494	2 130	473	
1600-е	594	2 430	867	4 808
1610-е		3 070	788	
1620-е		4 310	1 516	4 500
1630-е	605	8 400	1 958	4 500
1640-е		9 580	1 799	5 263
1650-е		10 570		5 263
1660-е	1 582	7 640		
1670-е	1 634	9 080	5 000	3 485
1680-е	2 067	9 940		
1700-е	5 900	7 870		
1720-е	5 500	10 380	3 600	3 273
1740-е	8 900	13 150		
1750-е	7 100	12 430	4 860	
1770-е	10 400	16 450		
1780-е	17 000	19 160		
1790-е	39 000		3 690	

источники: данные по Англии взяты у Манна (Mann, 1980, с.174, 193) в фунтах стерлингов по тогдашним ценам. Сумма для 1515 г. — среднегодовой доход для 1502–1505 гг. у Манна. Доход для 1560-х гг. — среднегодовой для 1559–1570 гг., по 1570-м гг. — среднегодовой для 1571–1582 гг., по 1580-м гг. — среднегодовой для 1583–1592 гг., по 1590-м гг. — среднегодовой для 1593–1602 гг., по 1600-м гг. — среднегодовой для 1604–1612 гг., по 1630-м гг. — среднегодовой для 1630–1640 гг., по 1660-м гг. — среднегодовой для 1660–1672 гг., 1670-м гг. — среднегодовой для 1672–1685 гг., а по 1680-м гг. — среднегодовой для 1685–1688 гг. Сумма, указанная для каждого десятилетия в 1700–1790-е гг., соответствует сумме для среднего года (1705, 1725 и т.д.) у Манна.

расходов (включая флот) (Г’Нарт, 1993, с. 60–61). Данные являются среднегодовыми по каждому полному десятилетию, за исключением 1580-х гг., которые являются среднегодовыми для 1585–1590 гг., и 1640-м гг. — среднегодовым для 1640–1647 гг. Цифра для 1670-х гг. — военные расходы генералитета в 1675 г., взятые у Израэла (Israel, 1995, с. 818). Цифры по Голландии для XVI и XVII вв. менее точны по сравнению с другими странами, так как были исключены невоенные рас-

ходы, а военные расходы, выплачивавшиеся с займов, а не с налоговых поступлений, наоборот, включены. Таким образом, цифры по Голландии, возможно, в реальности были выше в военное время и ниже в мирное, чем приведенные в таблице. Данные по Голландии в XVIII в. взяты у Фенендаля (Veenendaal, 1994, с. 137) и представляют собой общие поступления, что соответствует характеру данных по другим странам. Цифра для 1720 г. является общей суммой за 1720 г., для 1750 г. — за 1758 г., а для 1790 г. — за 1794 г.

Данные для Испании до 1670-х гг. взяты у Томсона (Thompson, 1994, с. 157). Он дает доходы как поступления, в действительности полученные короной из доминионов в Европе и Америке. Суммы, потраченные от имени короны и зафиксированные, включены, в отличие от поступлений, собранных и потраченных местными чиновниками и не зафиксированными как коронные доходы. Цифра для 1515 г. — коронный доход для 1504 г. Цифры для 1560, 1570, 1580 и 1600-х гг. — годовые доходы за 1565, 1577, 1588 и 1607-й гг. соответственно. Для 1620 и 1630-х гг. — среднегодовой доход за 1621–1640 гг., для 1640 и 1650-х гг. — среднегодовой доход за 1641–1660, а для 1670-х гг. — годовой доход за 1674-й г. Цифра для 1720-х гг. — годовой доход за 1718-й г., приведенный у Камен (1969, с. 228).

Примечания: все цифры в *табл. 5.4* даны в английских фунтах стерлингов в ценах того времени без учета инфляции. Французские суммы в турецких ливрах, голландские в гульденах и испанские в дукатах были переведены в фунты, согласно Броделю и Спунеру (Braudel, Spooner, 1967, с. 458) путем сравнения содержания серебра в каждой валюте. Так, французские ливры при переводе в британские фунты делились на 5 для периода до 1560 г., на 8 для 1560–1570 гг., на 10 для 1580–1629 гг., на 11 для 1630-х гг., на 12 для 1640–1719, на 15 для 1690–1719, на 19 для 1720-х, и на 22 для 1730–1719 гг. Голландские суммы в гульденах делились на 10 для всего периода. Кастильские дукаты делились на 2,66 для периода до 1620 г., на 3,8 для 1620–1650 гг. и на 6,6 для XVIII в.

Любая система конвертации валют имеет свои сложности. Я использовал метод Броделя — Спунера, так как при этом точно отражаются фискальные ресурсы и военная покупательская способность каждого государства, так как многие войска были наемными и покупались на международном рынке, как и некоторое вооружение. Налоговые поступления и валюты схожим образом увеличивались международными займами, деноминированными в золоте или серебре. Таблицы по методу Броделя — Спунера имеют дополнительное преимущество: они заполнены для всего изучаемого периода.

Конфликты элит в Нидерландах разрешались быстро и требовали жесткой структуры общественных отношений, которая бы мобилизовала ресурсы только в одной форме, дав голландской державе преимущество в одну эпоху и подкосив ее гегемонию в другую. Конфликты флорентийских элит, потребовавшие несколько столетий больше, чтобы произвести единственную доминирующую элиту, также создали социальную структуру, которая помогала соблюдать флорентийские торговые и геополитические интересы, одновременно делая невозможным ответ на новые вызовы, поступившие позже. Успехи Испанской империи сделали структуру элит и классов этой нации более жесткой, что, в свою очередь, подкосило способность Испании использовать свои внутренние ресурсы или неожиданную прибыль от американских сокровищ для расширения или хотя бы сохранения империи.

В Англии и во Франции элиты были множественными, они сталкивались в конфликтах, влияя на политику этих государств. В шестой главе я обращаюсь к вопросу, на который пока не получил ответа: как новые структуры элитных отношений, которые кристаллизировались в Англии после гражданской войны и во Франции после революции 1789 г., повлияли на классовые отношения и на экономику этих стран? Другими словами, какой эффект имели элитные конфликты, проанализированные в четвертой главе, на развитие капитализма в Англии и Франции, на их коммерческое и военное соперничество?

ГЛАВА 6

ЗАЩИТНЫЙ МЕХАНИЗМ ЭЛИТЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ

Конфликты, порожденные Реформацией, и последующая концентрация определенных сил элит в рамках государственно-подобных структур представляли смертельную опасность для привилегий сельских аристократов в Англии и Франции. В четвертой главе были показаны расходящиеся в институциональном плане процессы Реформации в Англии и Франции и два вида абсолютизма, созданные в этих странах. Задача этой главы — объяснить, как землевладельцы отвечали на новые угрозы и как эти ответы преобразовали классовые отношения в аграрном секторе обеих стран.

Многие землевладельцы были не способны ответить на опасность, которую представляли конфликты элит для их положения в маноре. Этим дворянам не хватало стратегических возможностей или способностей инициировать действия, которые могли бы изменить классовые отношения в их манорах так, чтобы защитить их от угроз со стороны элит-соперников. Такие землевладельцы теряли свое элитное положение. Другие землевладельцы сохраняли положение, но теряли часть дохода, уступая ее элитам-соперникам или своим арендаторам. Большинство французских аристократов и меньшинство английских лордов попадали в эти категории.

Остальные представители элит были вынуждены придумать новые стратегии и прибегнуть к ним в нужное время, чтобы отбить натиск конкурирующих элит и добиться такого контроля над землей и крестьянским трудом, чтобы получать беспрецедентный доход со своих поместий. Новые средства производства и производительные силы были капиталистическими в полном смысле этого слова. Капиталистическое сельское хозяйство обеспечило базис, чтобы экономика развивалась теми же путями, которые сформировали го-

родские, корпоративные и транснациональные предприятия, не попавшие в рассмотрение в предыдущих главах.

В этой главе объясняются связи, которые привели к созданию в Англии и Франции капиталистических классовых отношений, капиталистических способов производства и капиталистического экономического развития. Я начну со сравнения тех способов, при помощи которых английские и французские землевладельцы отвечали на опасности их сеньориальному доходу и власти, угрожавшие со стороны элитных конфликтов, уже проанализированные выше (см. четвертую главу). Я попытаюсь определить те факторы, которые могли повлиять на выбор землевладельцами разных стратегий в границах каждой из двух стран, а также касающиеся их обеих. Затем я перейду от элитных к классовым конфликтам и обрисую весь спектр реакций крестьян на притязания, выдвигаемые на их древние права землевладельцами и другими элитами. Я объясню, как предшествовавшие элитные и классовые конфликты определяли эффективность каждой формы крестьянского действия.

Классовые и элитные конфликты воздействовали друг на друга, создавая новые структуры землепользования, контроля над трудом и распределения доходов. В третьей части этой главы я расскажу, какие новые производственные отношения в аграрном секторе появились в XVII в. Я сравню распределение доходов от сельского хозяйства в обеих странах. А завершится глава объяснением, как различные формы аграрного строя повлияли на экономическое развитие в XVIII и последующих столетиях. Кроме того, укажу, в чем самым существенным образом мое объяснение аграрных изменений и капиталистического развития отличается от предшествующих моделей трансформации в Англии и Франции, классового анализа, демографической и региональной экологии, целерационального выбора и модели развития. Читатели, которые захотят подробнее ознакомиться с работами, в которых эти модели раскрываются, найдут их список в примечаниях, куда они вынесены, чтобы не прерывать логической последовательности изложения моих доводов.

**ОТВЕТ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ НА ЭЛИТНЫЙ КОНФЛИКТ:
СТРАТЕГИИ КОНТРОЛЯ НАД ЗЕМЛЕЙ В АНГЛИИ И ФРАНЦИИ
НАЧИНАЯ С ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ ДО 1640-Х ГГ.**

Средневековые землевладельцы были так хорошо защищены, потому что их власть над арендаторами ограничивалась конкурирующими

элитами. Вспомните, что короли, клирики и крупные феодалы — каждая группа действовала через разные правовые системы, поддерживая собственные притязания на долю крестьянского продукта. И главы различных судов, королевских, церковных, герцогских и баронских, и те, кто получал прибыль при их помощи старались увеличить свои доходы и власть за счет манориальных сеньоров, хотя интеллектуальная архитектура их правовых и финансовых притязаний основывалась на том, что и маноры, и землевладельцы будут продолжать существовать. Феодалные элитные конфликты затрагивали только распределение долей власти и доходов уже существующих элит. Хотя королевские династии иногда и свержались с трона конкурентами, а некоторые семейства теряли свои благородные титулы или контроль над церковными должностями, сражающиеся элиты никогда не оспаривали само существование титулов и должностей, которые определяли участников средневековых элитных конфликтов.

Элитные конфликты в эпоху, последовавшую за Реформацией, фундаментально отличались от разыгрывавшихся ранее. Они отвергли все юридические и финансовые права духовенства и манориальных сеньоров и оспорили права крестьян на землепользование. Само право английского духовенства регулировать и присваивать себе сельскохозяйственное производство было присвоено короной, а после Реформации Генриха продано или передано как пожалование светским землевладельцам. Королевские судьи в XVI и XVII вв. и в Англии, и во Франции аннулировали манориальные суды. Такие действия угрожали легитимности сеньориального права и самой способности землевладельцев сохранять свои доходы и статус. Тем самым король и его сторонники нарушили границы дореформационной правовой системы, которая защищала притязания короля и духовенства на крестьянские доходы (и обеспечивала крестьянам безопасность, чтобы они подобные требования удовлетворяли). После элитных конфликтов способности отвечать на вызовы со стороны короля и на крестьянское сопротивление у английских и французских землевладельцев сохранились в разной степени. Оставшаяся часть этой части главы покажет, как землевладельцы действовали по отношению к элитам-соперникам, следующая — затронет эффективность действий крестьян в Англии и во Франции.

Англия

Успешное построение английской короной горизонтального абсолютизма путем подчинения духовенства и подавления крупных магнатов обратило элиту, светских землевладельцев на местах в новый

класс — джентри — с неограниченным доступом к крестьянскому труду и сельскохозяйственному производству. Гегемонию джентри в графствах оспаривали корона, англиканская церковь и время от времени вновь поднимавшиеся магнаты. Многие из этих вызовов касались контроля над парламентскими и местными постами и над определением статуса и месторасположения политических фракций. Выживание и достижения каждой элиты основывались на ее контроле над ресурсами, когда земля и земледельческий труд были главными источниками богатства в Англии раннего Нового времени.

В первую очередь джентри были заинтересованы отразить притязания со стороны короны и духовенства на свой доход с поместий. Основной вызов исходил от короны с ее попытками защитить доходы крестьян и их земледержание, чтобы лучше собирать с большинства своих подданных налоги, а также от духовенства, старавшегося при помощи Стюартов вернуть себе права на земли, десятину и право назначения на церковные должности, некогда принадлежавшее монастырям, а потом вследствие Реформации Генриха проданное мирянам.

Джентри ответили на демарши королевской власти и духовенства уничтожением тех манориальных институтов, которые обеспечивали правовую базу для притязаний этих элит на аграрные ресурсы. Джентри использовали пять стратегий для аннуляции земельных прав крестьянства и обращения их доходов и манориальных прав пользования в частную собственность: они подавляли юрисдикцию церковных судов в тех манорах, в которых бенефициями (правами на десятину) владели миряне; они ограничивали вмешательство королевских судей в споры между землевладельцами и арендаторами; они заключали союзы с фригольдерами, чтобы бойкотировать манориальные суды; они использовали процесс индивидуализации, чтобы уничтожить земельные права копигольдеров; а также огораживание, чтобы перевести общинные земли в частную собственность.

Землевладельцам нужны были частные билли от парламента или поддержка от суда лорда-канцлера и постоянная помощь мировых судей своих графств, чтобы реализовать эти стратегии. Джентри преуспели в защите своих прибылей и прав от покушательства конкурирующих элит, которые стали зависеть от их коллективной силы в парламенте и контроля над коллегией мировых судей каждого графства. Коронная стратегия горизонтального абсолютизма привела к непредвиденным последствиям, и у джентри в парламенте оказалось достаточно власти, чтобы добиться нужного им законодательства, которое укрепило его контроль над большинством коллегий мировых судей.

Вспомните, как изгнание большинства духовных лордов из парламента после Реформации Генриха ослабило контроль короны над ним. Когда Генрих VIII и особенно Елизавета I подорвали силу магнатов в графствах, контроль крупных светских лордов над меньшими и способность мобилизовывать их на поддержку заявок магнатов о власти в парламенте или на поле битвы сильно уменьшились. Члены парламента теперь меньше зависели от общенациональных фракций и больше сконцентрировались на локальных интересах джентри, которые стали контролировать выборы в большинстве графств.

Парламент в эпоху Тюдоров и Стюартов функционировал как посредник между короной и влиятельными избирателями. Избиратели требовали, чтобы их члены парламента удовлетворяли местные нужды, добываясь королевских милостей, проводя специальные местные и частные билли и получая должности для местных людей. Корона удовлетворяла местные политические нужды членов парламента, тем самым получая необходимые голоса при обсуждении налогов и других общенациональных вопросов, когда обеспечивала пожалования и одобрение запросов на билли¹. Одной формой милостей короны было одобрение частных биллей или декреты суда лорда-канцлера, касающиеся огораживания и индивидуализации.

Корона пожертвовала своей способностью регулировать крестьянское землепользование на местном уровне, чтобы получить парламентскую поддержку, необходимую для отражения всех вызовов на общенациональном уровне и получения налоговых доходов для ведения заграничных войн. Точно так же корона использовала в качестве пожалований назначения на юридические должности в графствах и округах, а кроме того, расширила членство в графских коллегиях мировых судей и передавала увеличивающуюся долю этих постов локально ориентированным кандидатам и для подрыва гегемонии магнатов над коллегиями, и для одобрения на местах своей общенациональной и внешней политики (*табл. 4.4*).

Джентри воспользовались упадком власти магнатов (что усилило рычаги управления джентри над членами парламента, которые тогда уже освободились от протекции и господства магнатов) и нуждой короны обменивать пожалования и посты на местном уровне на политическую поддержку в парламенте и на национальном уровне, вытребовав себе законодательную и юридическую поддержку своих атак

¹ Книга Хирста (Hirst, 1975) — лучший источник по этому политическому взаимодействию. Хьюз (Hughes, 1987) предлагает хороший обзор современных работ по политике Стюартов. Также см. Russell (1979, с. 17–22 и далее).

на права арендаторов. Огороживание — самый известный и наиболее драматический метод аннулирования манориальных и общинных прав и создания частной собственности. Огороживание часто было всего лишь кульминацией долгого процесса нападков и сокращения крестьянского землепользования. Наступление эпохи огороживания знаменует конец классовой борьбы в аграрном секторе за манор и окончательную фазу создания частной собственности.

Почти половина (47,6%) всей земли, огороженной в Англии, начиная с Реформации до 1914 г., была огорожена в XVII в. «В Англии в XVII в. зафиксировано почти вдвое больше огороживаний, чем в любой другой стране, включая и то, что происходило здесь же в XVIII в.» (Wordie, 1983, с. 502). Относительно малая часть этих огороживаний происходила согласно актам парламента. Большинство огороживаний XVI–XVII вв. получало необходимое законное признание через декреты суда лорда-канцлера. Акты и декреты часто подтверждали уже случившийся факт — огороживания, совершенные по ограниченным соглашениям между несколькими землевладельцами в манорах или союзах по контролю, в которых единственный землевладелец покупал или другим способом добивался контроля над всеми держаниями арендаторов и другими правами над манором².

Землевладельцы смогли огородить так много земли в XVII в. потому, что они ликвидировали множество помех огороживанию уже в первое столетие после Реформации. Реформация не отменила церковные суды, но власть их была значительно ослаблена. При продаже монастырских владений миряне получили большую часть бенефициев и прав назначения на церковные посты в Англии (Hill, 1963, с. 144–146). Светские владельцы бенефициев смогли обратиться к светским, а не церковным, судьям за истолкованием своих прав. Светский владелец манора или бенефиция видел, что выгода от деградации крестьянского земледержания перевешивает потерю дохода от сокращения стоимости бенефиция. Доводы таких владельцев бенефициев в светских судах, а чаще отсутствие таких владельцев в судах, так как их союз по контролю над манором и бенефициями отменял любой правовой спор, отличались от позиции клириков, занятой в церковных судах. Таким образом, большинство крестьян потеряло защиту своих земельных прав церковью, когда бенефиции перешли к мирянам. После 1549 г. парламент принимал законы, ограни-

² Мое рассмотрение процесса и истории огороживаний основано на работах Аллена (Allen, 1992, с. 25–36), Тэйта (Tate, 1967), Уорди (Wordie, 1983) и Йеллинга (Yelling, 1977).

чивающие власть церковных судов регулировать вопросы десятины и манориального владения независимо от обстоятельств (Hill, 1963, с. 84–92; Houlbrooke, 1979, с. 121–122)³. Крестьяне, арендовавшие землю на фиксированных условиях или по воле лорда, стали основными жертвами лишения церковных судов юрисдикции на права земледержания. Без вмешательства церковных судов землевладельцы могли повышать ренту или изгонять арендаторов по истечении срока аренды (Kerridge, 1969, с. 38–40).

Копигольдеры были в более выгодном положении, чем простые арендаторы, так как их права защищал суд каждого манора, определявший основанный на обычном праве уровень ренты, срок аренды и права по возобновлению аренды, а также передавал копигольд по наследству. Аренды по копигольду до Реформации обычно заключались на десятки лет (чаще всего на 40, 60 или 99) или на некоторое число жизней (причем новая жизнь отсчитывалась от смерти копигольдера и вхождения в права его наследника). Штрафы выплачивались между жизнями, обычный штраф был равен плате за один год аренды. При возобновлении аренды выплачивалась сумма, равная двум годам ренты (Kerridge, 1969, с. 38–40)⁴.

³ Парламентские ограничения церковных судов впервые были приняты при малолетнем Эдуарда VI, когда магнаты и меньшие светские землевладельцы поддерживали переворот Уорвика против Сомерсета. Светские землевладельцы поставили Уорвика лордом-протектором с явной целью получить одобрение короны законодательства, усиливающего их контроль над землей, против крестьян. Законы, ограничивающие церковные суды, были частью этого пакета (Cognwall, 1977; Land, 1977).

Хотя малолетство Эдуарда, как малолетство любого монарха, было временем необычной слабости короны, события 1549 г. имели продолжительные последствия, благодаря единству светских землевладельцев в вопросах крестьянского земледержания и неспособности короны подорвать или пересилить это единство, затянувшееся на все правление Тюдоров, Стюартов и даже после них.

⁴ Крестьянское меньшинство с зафиксированной или «самовольной» рентой концентрировалось в бывших монастырских манорах. Монастыри менее настойчиво, чем светские землевладельцы, привлекали арендаторов после чумы, предлагая землю в обмен на трудовые повинности (и эта земля стала держанием копигольда (см. вторую главу)). Таким образом, много земли в монастырских поместьях оставалось свободной до того, как восстановление численности населения создало спрос на фермы с высокими рентами или трудовыми повинностями. Тогда монастырские маноры смогли отдавать землю на фиксированных условиях или с «самовольной» рентой. Арендаторы на этих манорах страдали от других неудобств, проистекающих от отсутствия сильных манориальных судов, которыми они могли бы воспользоваться для организации сопротивления сеньориальным требованиям. Манориальные суды не действовали и поэтому скоро ослабли или вышли из употребления там, где владелец монастырского манора

Традиционные ренты и штрафы копигольдеров были равны рентам по рыночным ценам в первое столетие после «черной смерти», потому что условия копигольда были прописаны так, чтобы соблазнить крестьян занять опустевшие земли. Однако к XVI в. большинство рент по копигольду было ниже рыночного уровня. Тогда у маноориальных лордов был побудительный мотив отменять ренты по копигольду и либо сдавать в аренду землю коммерческим фермерам, либо самим ее обрабатывать.

Копигольдеры, в отличие от бессрочных арендаторов, не зависели от защиты церковных судов; их права землевладения защищались лордами при манориальных судах и начиная с XVI в. королевскими судами. Королевские суды разработали две доктрины, чтобы предотвратить отмену копигольдеров или резкое повышение их рент в правление Генриха VIII. Арендаторы могли оспаривать повышение ренты или отмену, утверждая, что это нарушает обычное право столь большой древности, что оно приобрело уже статус общего права. Другой довод арендаторов состоял в том, что это было право справедливости, подразумевавшее, что прежняя аренда давала нынешнему копигольдеру надежду ожидать таких же прав (Gray, 1963, с. 34–49).

У немногих копигольдеров были ресурсы подавать законные прошения в королевский суд в защиту традиционной аренды от притязаний землевладельца. Королевские судьи рассмотрели лишь 60 дел о землевладении копигольдеров в правление Генриха VIII (Gray, 1963, с. 34–49). Землевладельцы умели обойти и королевские, и манориальные суды, представляя петиции с запросом, чтобы парламент назначил инспектора, чтобы найти удостоверение (и, как ожидалось, не обнаружить его) притязаний копигольдера на земледержание. Такие петиции обычно одобрялись парламентом во второй половине XVI–XVII в.

ра отказывался сдавать свободные наделы на условиях копигольда. Договоры с фиксированными условиями или «самовольной» рентой заключались напрямую между владельцем монастырского манора и крестьянами, обходя и подрывая действенность манориального суда.

Когда такие монастырские маноры покупались мирянами после ликвидации монастырей, новые владельцы могли легко поднять ренту или изгнать арендаторов, так как им недоставало сильной правовой защиты прочного манориального суда, который мешал другим землевладельцам бесцеремонно избавиться от арендаторов или изменить условия аренды в одностороннем порядке (Kerridge, 1969). Бывшие монастырские маноры были основной сценой быстрых безжалостных изгнаний и огораживаний после Реформации. Примеры этого приводятся у Спаффорда (Spufford, 1974, с. 58–93), Хауэлла (Howell, 1983, с. 58–77, 147–197) и Финча (Finch, 1956, с. 38–76).

Инспекторы проверяли протоколы решений манориальных судов, ища доказательства того, что уровень штрафов в прошлом соответствовал абсолютному. Так как условия копигольда обычно заключались в соответствии с неписаным обычаем, большинство манориальных записей не показывали удостоверенных штрафов. Даже там, где штрафы были записаны, они часто не были явно связаны с арендованной землей на момент проведения проверки. После этого инспектора постановляли, что копигольдеры не могут быть освобождены от произвольного повышения штрафов или от отмены аренды по истечению действующего срока. Арендаторам предлагалось удостоверить свои права копигольда в обмен на выплату некоего штрафа, равного традиционной ренте за 30 или 40 лет, то есть сумму более крупную, чем можно было получить за немедленную продажу этой земли (Kerridge, 1969, с. 54–58)⁵.

⁵ Была еще одна стратегия, доступная землевладельцу, которому не хватало политической силы выиграть дело по петициям об удостоверении или у чьих копигольдеров были достаточно надежные в правовом смысле документы, позволявшие пережить удостоверение. Землевладельцы в таких случаях пытались получить поддержку у фригольдеров, чтобы бойкотировать манориальный суд.

У фригольдеров были свои основания бойкотировать манориальные суды в XVI в. и последующих столетиях. Вспомним, что фригольдеры объединялись с вилланами в манориальных судах после «черной смерти», чтобы вынудить землевладельцев уничтожить трудовые повинности и сократить денежные платы. Вилланы получили возможность перейти со своих старых позиций в более выгодный статус копигольдера. Фригольдеры получили возможность расширить свои фермы, арендуя землю и не неся дополнительных трудовых повинностей в пользу лорда.

Фригольдеры столкнулись с совсем другой ситуацией в XVI в. и последующих столетиях. Обычное право увеличивало надежность земледержания по фригольду. При манориальном суде землевладельцы могли повышать повинности фригольдеров до определенного предела, но по обычному праву ренты фиксировались на существовавших суммах, которые становились все более номинальными благодаря инфляции. Кроме того, обычное право давало фригольдерам неограниченные права продавать свои земли или передавать их своим наследникам, не платя штрафа. В конце концов, когда плотность населения стала расти в XVI в., в противоположность столетию после «черной смерти», единственная возможность для фригольдера арендовать новые земли возникала тогда, когда землевладелец изгонял копигольдеров.

Так что у фригольдеров были причины объединяться с землевладельцами в бойкотировании манориального суда. Как только землевладелец шел на уступки фригольдерам, он получал их поддержку, разделял крестьянскую общину и мог обращаться к коллегии мировых судей с прошением воспользоваться обычным правом и не возобновлять аренду по копигольду. Конечный результат (если не считать уступки фригольдерам) был такой же, как после удостоверения: копигольдеры теряли свои земельные права, а землевладелец получал полный

Все вышеописанное было катастрофой для большинства копигольдеров: многие становились безземельными (Beier, 1985, с. 14–28), остальные, имевшие запасы наличности, были способны арендовать только что освободившуюся землю и стать мелкомасштабными товарно-коммерческими фермерами, часто нанимавшими своих обнищавших соседей в качестве батраков⁶.

Удостоверения подготовили почву для огораживания в двух направлениях. Во-первых, крестьянские общины были разорены изгнанием многих семей и гибелью манориальных судов. Крестьянские общины со съезжившейся или разорванной социальной сетью были слабее и не способны противостоять огораживанию, чем оставшиеся целыми деревни манориальных арендаторов. Во-вторых, землевладельцы благодаря полученному контролю над землями, ранее находившимися в держании копигольдеров, увеличили свой вес в системе пропорционального голосования, когда вотиrowались планы по огораживанию. Землевладельцы, особенно если они получили в своем маноре бенефиции, а с ними и обычные 10% пропорционального голоса владельца церковной десятины, имели большинство, но не абсолютное большинство при голосовании по огораживанию. Если было изгнано достаточно копигольдеров, то тогда простое большинство становилось абсолютным⁷.

Огораживание было главным и часто фатальным ударом по жизнестойкости крестьянских ферм фригольда и копигольда (Beier, 1985, с. 14–28; Spufford, 1974, с. 121–164; Yelling, 1977, с. 214–232 и далее). Акты парламента по огораживанию, послужившие шаблонами для каждого частного акта или декрета суда лорда-канцлера, уточняли, что лорд

контроль над своими бывшими арендуемыми наделами (Kerridge, 1969, с. 33–35, 65–93).

⁶ Меньшая часть копигольдеров держала маленькие наделы земли во фригольде, которые они сохранили даже после удостоверения. Однако потеря копигольдов обычно сокращала держания этих крестьянских семейств до уровня ниже того, который обеспечивал выживание. Постепенно эти семьи продавали свои земли во фригольде или использовали их как ядро для коммерческой фермы. Конечно, если землевладелец хотел превратить свои держания в пастбище или создать крупную коммерческую ферму, то бывшие копигольдеры и мелкие фригольдеры не могли арендовать достаточно земли, чтобы завести коммерчески выгодное хозяйство, и разорялись или же были вынуждены продать все по низким ценам.

Спаффорд (Spufford, 1974, с. 58–93) представляет хороший пример того, как удостоверение влияло на крестьянское земледержание.

⁷ Землевладельцы, желавшие набрать голоса, необходимые для того, чтобы провести насильственное огораживание, имели все основания изгнать даже тех копигольдеров, которые хотели и могли платить за свои держания по рыночной цене.

манора и владелец церковного бенефиция (а после упразднения монастырей часто это был один человек) получает часть земли каждого арендатора в обмен на уничтожение ренты, десятины и трудовых повинностей после огораживания (Tate, 1967, с. 121–127). Таким образом, после огораживания почти все крестьяне остались с фермами, меньшими по размеру, чем их прежние наделы. Во всех манорах была хорошая и плохая земля. Теоретически межевые линии должны были чертиться по справедливости, но на практике лорд манора, владелец бенефиция и другие члены блока большинства, одобрявших огораживание, получали наделы земли по своему выбору (Johnson, 1909, с. 39–74; Tate, 1967, с. 46–48; Yelling, 1977, с. 1–10 и далее).

Землевладельцы комбинировали вышеописанные стратегии для уничтожения институциональной базы как для древних церковных и коронных притязаний на манориальные ресурсы, так и для сохранения арендаторами своих прав. Как только огораживание закончилось и надел каждого землевладельца обозначен забором или живой изгородью, сама основа, опираясь на которую феодальные элиты или крестьяне могли оспорить земельные права джентри, была вычищена с фермерских наделов, общин, а часто и целых деревень, которые воплощали феодальные элитные или классовые отношения. Чистые линии частной собственности, безземельные крестьяне, оставленные деревни, отмененные обычаи, коллегии мировых судей в графствах и подавленные церковные и манориальные суды — все это гарантировало, что короли, магнаты, клирики и крестьяне никогда не смогут предъявить свои средневековые права на землю или ее плоды.

Франция

Элитный конфликт во Франции имел эффект почти противоположный тому, который он вызвал в классовых отношениях аграрного сектора в Англии. Множественные элиты, регулировавшие и получавшие выгоду с крестьянского сельского хозяйства в дореформационной Англии, за XVI–XVII вв. сократились до единственного класса джентри. Битвы французских элит только увеличивали число конкурирующих видов юрисдикции. Перекрывающие друг друга по полномочиям юридические и финансовые органы начали регулировать и присваивать себе французское аграрное производство в столетия, последовавшие за Реформацией.

В то время как в Англии множественный доход и права пользования манориальной землей были вытеснены частным землевладением, королевские и провинциальные агенты ограничивали притяза-

ния французских сеньоров и сборщиков десятины на аграрный доход. Феодалы становились все более и более похожи на *noblesse de robe* (дворянство плаща) и других королевских чиновников по своим правам на доходы, юридическим полномочиям и привилегиям своего статуса, ограничивавшихся королевскими регламентами и подрывавшихся, когда корона жаловала схожие милости конкурентным элитам.

Старые феодальные и новые юридические полномочия мешали собственникам из дворян, буржуа и крестьян в ходе защиты их прав дохода с земли целиком использовать землю, которую они обрабатывали, сдавали в аренду, продавали или покупали. Можно проследить изменения относительной силы каждой элиты по изменению доли аграрной продукции, которая шла на сеньориальные повинности, десятину, налоги и ренты.

Французские феодалы проиграли больше всех: их древние права собирать повинности натурой, в деньгах или через штрафы и наживаться на монополиях были ограничены королевскими декретами и правлением интендантов и парламентов. Корона реализовывала свои общенациональные и провинциальные стратегии превращения аристократов в королевских иждивенцев, подрывая дворянские автономные базы богатства и власти в маноре. Когда провинциальные властные сети были скомпрометированы королевскими агентами и синекурами, манориальные сеньоры потеряли союзников, необходимых для сопротивления королевскому натиску на свои привилегии.

Французские крестьяне до и после «черной смерти» добились права переводить свои трудовые повинности в деньги в тех провинциях, где элиты постоянно конфликтовали или где корона добилась господства над местными элитами⁸. Крестьяне в большинстве других областей Франции смогли перевести свои трудовые повинности в деньги только после Реформации, когда корона еще сильнее раздробила провинциальные элиты⁹.

⁸ См. табл. 2.3 во второй главе, где представлена связь между структурой элит и классовыми отношениями по французским провинциям.

⁹ Доля земли, на которой натуральные и трудовые повинности были переведены в денежные выплаты, широко варьировалась во Франции, достигая 33–90 % в разных провинциях к 1789 г. Были и более широкие вариации, от нулевого перевода в денежные выплаты до 100%-ного, и по деревням одной провинции (Jones, 1988, с. 48–49). Французские историки в своих общих обзорах и локальных исследованиях указывают, что большинство арендаторов Франции к XVI в. платили ренту деньгами, а трудовые и натуральные повинности давали лишь незначительную долю сеньориальных доходов после 1600 г. (Jacquart, 1974; Le Roy Ladurie [1977], 1987; Neveux, 1975, 1980; Venard, 1957).

Когда сеньориальные, а также многие церковные повинности были заморожены на низком уровне XV в., все прибывало с инфляцией и повышения сельскохозяйственной производительности отошли к тем, кто имел права на французскую пахотную землю. Крестьяне изначально выгадали от неспособности феодалов повышать денежные повинности, однако крестьянам было крайне сложно надолго удержать свои земельные права. Французское сельское хозяйство периодически погружалось в депрессию из-за неурожая, войн и катастрофических сверхналогов, шедших на выплату королевских долгов, вызванных военными действиями (Hoffman, 1996, с. 184–192 и далее). Каждая сельскохозяйственная депрессия разоряла множество крестьян. Когда фермеры не могли платить по долгам, их кредиторы или другие, имевшие наличность, скупали у обанкротившихся крестьян их долги, тем самым обеспечивая себе земельные права.

Со временем права на землю перешли от крестьян к буржуа и некоторым кредиторам-дворянам. Когда цены на продовольствие и сельскохозяйственную продукцию поднялись, потребительская стоимость земли воспарилась ввысь по сравнению с сеньориальными повинностями, по-прежнему зафиксированными на уровне XV в. Инфляция стала ключевым фактором доходов землевладельцев и крестьян в последующие столетия. Рост численности населения вместе с частой девальвацией содержания золота и серебра во французских монетах вели к существенной инфляции. Цены на зерновые с 1500 по 1788 г. поднялись на 2100% (Baulant, 1968, с. 538–540)¹⁰.

При этом налоги не были заморожены на уровне XV в. Доходы короны сильно обгоняли инфляцию, повысившись в 1515–1788 гг. на 4584% — более чем вдвое по сравнению с темпом инфляции¹¹. Таким образом, корона захватывала все большую долю национального дохода¹². Вла-

¹⁰ К сожалению, мы не располагаем индексами оптовых или розничных цен при старом режиме во Франции. Ценовой ряд на зерновые в Париже Болана (Baulant) — единственный, который дает согласованно подсчитанные цены для 300 лет. Это точные измерения одного из самых важных товаров потребления для большинства французских семей в эти столетия и лучшая точка отсчета для отслеживания изменений в рентах, зарплатах и государственных доходах.

¹¹ Хоффман (Hoffman, 1994, с. 238–239) обнаружил, что доходы короны возросли с 9 000 000 ливров в 1515 г. до среднегодового значения в 421 520 000 ливров в 1780-х гг. Учитывая инфляцию и девальвацию (см. пятую главу), мы получаем реальный рост в 964%. Если мы учтем девальвацию цен на зерновые, то получим рост инфляции на зерновые в 468%. С такими поправками доходы короны все равно увеличились почти вдвое быстрее, чем цены на зерновые.

¹² В Иль-де-Франс, провинции, где землевладельцы получали наибольшую прибыль

дельцы сельскохозяйственных прав получили все оставшиеся прибыли от повышения продуктивности аграрного сектора, а также от длительного снижения заработной платы и драматического падения реальной стоимости сеньориальных повинностей (Hoffman, 1996).

Феодалы так сильно пострадали от уменьшения реальных доходов, что были вынуждены продавать или терять права на обработку или аренду земель в своем поместье и собирать только или в основном денежные повинности (Jasqart, 1974; Le roy Ladurie [1977], 1987, с. 172–175; Molineau, 1977, с. 914). Сеньориальные повинности и ренты, следуя тенденциям расхождения, все больше отличались друг от друга¹³.

Разные частные лица и институции часто собирали повинности и ренты с одного и того же клочка земли. Некоторые феодалы и институции с феодальными правами сохраняли контроль над землей и собирали ренты наряду с сеньориальными повинностями вплоть до революции. Чаще же сеньоры продавали пахотные права или ли-

с акра (а часть этой провинции входила в область с наиболее богатой почвой и наибольшей продуктивностью крестьянского труда по всей Франции), доля крестьянского производства, которая шла на королевские налоги, удвоилась с 6% в 1600–1620 гг. до 12% к 1789 г., в то время как сеньориальные сборы снизились с 32 до 20% от крестьянского сельскохозяйственного производства (Duraquier, Jasqart, 1973, с. 172–177).

¹³ Сеньориальные повинности означают ряд натуральных и денежных выплат, а также других повинностей, которые несли крестьяне и другие земледельцы владельцу территории, на которой располагались их хозяйства. Сеньориальные повинности можно было продать или провести отчуждение другим образом, и крестьяне уже несли самые разные типы повинностей в пользу нескольких частных лиц и институций.

Сеньориальные повинности были «правами на пассивный доход». Маркс и марксисты традиционно называют их «феодальной рентой». Оба термина обозначают, что, хотя сеньоры и их представители должны были активно собирать причитающееся им, они могли делать это, никак не участвуя в планировании и осуществлении сельскохозяйственного производства. Другими словами, сеньоры получали эти повинности за счет политической власти над крестьянами и землей, а не благодаря своей экономической активности.

Повинности и по правовому критерию, и концептуально можно отличить от ренты. Рента была прибылью, получаемой с передачи права на обработку земли. Рента была активным доходом в том смысле, что держатели прав на культивацию должны были либо пахать землю самостоятельно, либо прибегать к издольщине, либо организовывать аренду, следя, чтобы земля обрабатывалась. Уровень ренты в конечном итоге зависел от способности арендатора улучшить землю, и от арендодателя или издольщика требовалось, или он мог добиться, чтобы это происходило.

шались их вовсе из-за юридических декретов. Те, у кого был наличный капитал, по большей части чиновники, городские купцы и некоторые крестьяне, скупали пахотные права и становились коммерческими фермерами или рантье.

Доходы и состояние дворян после 1500 г. в первую очередь определяло то, были ли они ограничены снижающимися натуральными повинностями, получаемыми сеньорами, или приобрели должности, доход с которых и чья стоимость росли быстрее инфляции (Fourquin [1970], 1976). Сеньоры, сохранившие контроль над своими доменами, смогли реализовать значительные и повышающиеся прибыли с поместий. Домены, сданные в аренду за деньги или за долю урожая, становились самым выгодным источником земельного дохода для сеньоров, сильно превышая повинности в большей части поместий, обрабатываемых арендаторами (Vois [1976], 1984, с. 224). У сеньоров, которые перевели трудовые повинности в денежные до и после «черной смерти», а свои домены — в крестьянские держания, осталось немного или совсем не осталось земли, чтобы отдавать ее в издольщину или аренду по рыночным ценам в XVI и последующих столетиях, и они потеряли большую часть своих доходов (Canon, 1977, с. 17–18; Fourquin, 1976, с. 210).

Сеньоры прибегали к двум противоречащим стратегиям, чтобы справиться с торможением повинностей на одном уровне и снижением дохода¹⁴. Одна состояла в продаже совокупности сеньориальных прав крестьянам или инвесторам-буржуа. Феодалы также присваивали, а затем продавали общинные земли и леса, которые до этого использовали и контролировали крестьянские деревни. Корона не могла помешать сеньорам передавать крестьянские общинные земли, пустоши и леса новым покупателям (Jacqart, 1975, с. 296–297; Meyer, 1966, с. 544–548). Землевладельцы часто сохраняли общинные земли, а потом сдавали их в аренду или переводили на издольщину. Покупатели земли из буржуа почти всегда могли помешать продавцам-аристократам или их наследникам вернуть себе сеньориальные права.

Дворяне, следуя этой стратегии, получали деньги безотлагательно. Крестьяне, покупавшие сеньориальные права, освобождались от трудовых и денежных повинностей, их ферм больше не касались феодальные ограничения на продажу или передачу земли. Инвесторы-буржуа скупали феодальные права больше для статуса,

¹⁴ Рассмотрение стратегий землевладельца в этом абзаце и двух следующих основано на работах: Dontenwill, 1973; Fitch, 1978, с. 181–187; Le Roy Ladurie [1977], 1987; Neveux, 1975; Varine, 1979; Venard, 1957 и Wood, 1980, с. 141–155.

а не для вложения денег¹⁵. Лишь некоторые покупатели-буржуа (и немногие дворяне) в Иль-де-Франс скупали феодальные права, чтобы согнать с земли арендаторов и создать товарные фермы (Le Roy, Ladurie, 1975). В большинстве мест Франции, однако, новые землевладельцы, как и старые сеньоры, наживались на *metayage* (издольщине) или на сдаче земли в аренду за деньги. И то, и другое для землевладельцев становилось все более прибыльным с повышением численности населения, цен на зерновые и рент в XVII–XVIII вв. (Fitch, 1978, с. 194–198; Jасquart, 1974)¹⁶.

Вторая стратегия, к которой прибегали землевладельцы и буржуа-покупатели феодальных прав, заключалась в утверждении заново и усилении древних сеньориальных прав на крестьян и их земли. Самыми прибыльными феодальными правами в период роста численности населения и инфляции и фиксированных рент был *lods et ventes* (штрафы, получаемые с крестьян за право продавать, передавать или наследовать их земельные держания). Землевладельцы отыскивали целый набор вышедших из употребления сеньориальных прав, которые они пытались заново утвердить, причем самым примечательным и прибыльным было требование молотить зерно на мельнице землевладельца. Сеньоры могли потребовать, чтобы вино отжимали на их прессе, а хлеб пекли в его печи. Землевладельцы оживили пошлины за крестьянскую торговлю, ярмарки и рынки. Они притязали на крестьянскую землю, чтобы строить на ней рыбки садки. Землевладельцы выращивали птиц и кроликов, которые кормились урожаем арендаторов. Феодалы пытались собирать *cens* – штраф, выплачиваемый арендатором в знак своей вассальной верности. Землевладельцы также принуждали к трудовым повинностям там, заставляя работать даром в своих доменах. Феодалы XVII–XVIII вв. возрождали эти древние сеньориальные права, чтобы получать деньги, их мало интересовали почет и выражение покорности от своих арендаторов¹⁷.

¹⁵ Буржуа – покупатели земли, возможно, пытались, как флорентийские патриции и «новые люди» эпохи Ренессанса (Emigh, 1997, с. 436), диверсифицировать свои капиталовложения, чтобы сократить риски. Европейцы раннего Нового времени не публиковали бюллетени о своих инвестициях, тем не менее мы можем видеть из их практик, что, как и современные инвесторы, они были готовы получать уменьшенные прибыли с некоторых из своих вложений в обмен на уменьшенные риски.

¹⁶ Донтенвил (Dontenwill, 1973, с. 160) подсчитал, что цены на зерновые выросли вдвое, а ренты с фермерских земель вчетверо в 1630–1665 гг.

¹⁷ См. у Маркоффа (Markoff, 1996, с. 16–64) анализ сеньориальных повинностей и их восприятие крестьянами, буржуа и знатью накануне революции.

Землевладельцы учитывали несколько факторов при выборе одной из двух стратегий. Только те сеньоры, которые имели должности, обладающие силой принуждения над арендаторами, или у которых было достаточно политического влияния, чтобы заставить судей выпустить свои указы относительно их поместий, были способны прибегать ко второй стратегии (Dontenwill, 1973, с. 76–78; Fourquin, 1976, с. 46–54; Neveux, 1975). Меньшие сеньоры, которым не доставало такой «высокой мощности», были вынуждены прибегать к первой стратегии. Даже землевладельцы с «высокой мощностью» мало выигрывали от введения *lods et ventes* или трудовых повинностей в первые два столетия после чумы. Хотя численность населения восстанавливалась, крестьяне не могли покинуть свой манор и арендовать освободившиеся наделы где-то еще, если они не платили высокие штрафы за перевод фермы под юрисдикцию активных землевладельцев. Землевладельцы, которые хотели повысить свой доход, до середины XVI в. вынуждены были завлекать арендаторов и продавать им права. Только после того как численность населения восстановилась и земли стало не хватать, и у крестьян, и у землевладельцев появился интерес сражаться за месторасположение наделов в поместье.

Немногие землевладельцы использовали третью стратегию перевода свободной части своих поместий в коммерческие фермы, которые они или их управляющие могли обрабатывать при помощи наемных батраков. Французские землевладельцы неохотно вовлекались в капиталистическое сельское хозяйство по двум причинам. Во-первых, выгоды от издольщины или крестьянской аренды в обозримом будущем почти всегда были больше, чем доход от коммерческого фермерства. Это было потому, что издольщики и арендаторы обеспечивали себя оборотными средствами и землевладельцы не должны были тратиться на управление фермы и надзор над работой¹⁸. Крестьяне во Франции (и практически везде) так жаждали работать на собственных фермах, что охотно шли на самоэксплуатацию, выплачивая ренты, которые не оправдывали ценность урожая на арендованных землях¹⁹. Хотя капиталовложения в товарное

¹⁸ Хоффман (Hoffman, 1996, с. 35–69) уточняет условия, при которых издольщина и аренда были наиболее прибыльными и наименее рискованными стратегиями. Он отмечает, что землевладельцы, не жившие в своих поместьях, что стало нормой в XVII в., сталкивались с особыми трудностями в поисках управляющих, которым они могли доверять присмотр за коммерческой фермой. Эмих (Emigh, 1997) обнаружил схожее обоснования для перехода на издольщину в Тоскане XV в.

¹⁹ Крестьянская самоэксплуатация ведет к неэффективному использованию дополнительного сельского труда, что поощряет увеличение размера семьи и вызыва-

сельское хозяйство приносили выгоду в долговременной перспективе, как я покажу ниже, ни английские, ни французские землевладельцы не могли это предвидеть.

Во-вторых, в отличие от английских джентри, французские землевладельцы не боялись и не противодействовали утверждению заново церковных или королевских прав на землю. Корона последовательно защищала крестьянские земельные права, а церковь — требования десятины на протяжении всех последних веков старого режима²⁰. Набор коронных и церковных прав и полномочий на землю оставался таким же, независимо от того, обрабатывали ли французские землевладельцы свои поместья сами или отдавали их в аренду буржуа и крестьянам или же в издольщину. Английские джентри были вынуждены отдавать земли в аренду коммерческим фермерам, жертвуя краткосрочной выгодой, чтобы отвратить непосредственную политическую угрозу со стороны конкурирующих элит, в то время как французские землевладельцы могли наживаться на издольщине и аренде, потому что им ничего не угрожало.

КРЕСТЬЯНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ

Крестьяне периодически противодействовали притязаниям различных элит на их труд и аграрную продукцию, отвечая коллективными действиями. Их способность к сопротивлению трансформирова-

ет чрезмерное разделение земли, процесс, который Гирц (Geertz, 1963) назвал «сельскохозяйственной инволюцией». Готовность американцев XX в. бросить работу в корпорации ради надежды начать свой собственный бизнес, не взирая на высокий процент неудач и низкую прибыльность большинства мелких предприятий — другая форма самоэксплуатации, одна из тех, которыми пользуются корпорации — любители увольнять, точно так же, как французские землевладельцы использовали крестьянскую самоэксплуатацию триста лет назад.

Хоффман (Hoffman, 1996, с. 51–52) утверждает, что крестьяне хотели обрабатывать какую-то часть земли сами лишь в качестве меры предосторожности против падения зарплаты или роста продуктовых цен. Такая стратегия предосторожности оправдывала, с точки зрения Хоффмана, ренты, которые были бы экономически невыгодными, существуя они на коммерческой основе.

²⁰ Леруа Ладюри (Le Roy Ladurie [1977], 1987, с. 66), Невё (Neveux, 1975, с. 134–138) и Канон (Canon, 1977) дают свой обзор вмешательства короны в споры между землевладельцами и крестьянами. Case-study одного такого вмешательства короны в классовую борьбу в аграрном секторе можно найти у Луаретта (Loirette, 1975).

лась, когда менялись структуры доминирования элит и эксплуатации. Объекты крестьянского гнева тоже менялись в ответ на изменения в уровне и видах трудовых, натуральных и денежных повинностей, а также налогов, которые с них взимали. Как на крестьянскую способность к протесту влияли изменения в классовых отношениях в аграрном секторе в Англии и во Франции? Насколько земельные элиты Англии и Франции были способны разрабатывать стратегии, которые притупляли крестьянское сопротивление, не вызывая противодействия со стороны конкурирующих элит? Начнем с рассмотрения Англии, потом перейдем к Франции и закончим сравнительными выводами.

Англия

Английские землевладельцы одержали несколько побед над конкурирующими элитами и перевели значительную долю аграрных прибылей от арендаторов к себе. Тем не менее хотя джентри были защищены от феодальных претензий со стороны элит-соперниц и своих бывших арендаторов, над ними нависла проблема сохранения теперь уже частной собственности на землю от покушательства крестьян.

Между Реформацией Генриха и гражданской войной было несколько волн крестьянских протестов²¹. Во-первых, во время Благодатного паломничества в 1536–1537 гг. выступления были направлены против королевских требований господства над церковью и своей мишенью имели королевских агентов, особенно сборщиков налогов. Благодатное паломничество концентрировалось в Линкольншире, Йоркшире, Кумберленде и Вестмортленде. Многие лорды в этих графствах прикрывали или молчаливо поддерживали восстания клириков и крестьян, потому что хотели противодействовать усилиям Генриха VIII разрушить гегемонию крупных дворянских семей и их союзников в этих графствах²².

²¹ Чарльзворт (Charlesworth, 1983) собрал впечатляющую коллекцию сельских протестов вплоть до 1548 г. По благодатному паломничеству и другим протестам, которые происходили после 1548 г., я использовал работы Дэвиса (Davies, 1968) и Флетчера (Fletcher, 1968, с. 21–47). Эти работы вместе с теми, в которых проводится специальный анализ восстаний в отдельных графствах (я указываю их в основном тексте), — основа рассмотрения в этом разделе.

²² Дэвис (Davies, 1968) провел лучший анализ благодатного паломничества. Он аккуратно доказывает, почему экономическими трудностями нельзя объяснить место и время начала этого восстания, и показывает роль духовенства и лордов в поощрении антикоролевских действий крестьян.

Благодатное паломничество не касалось земледержания и косвенно повлияло на классовые отношения на селе. Оно было спровоцировано элитами в ходе конфликтов с другими элитами. Благодатное паломничество никогда не выходило за пределы проблем элит, поднятых Реформацией Генриха, оно не развилось в конфликт, угрожающий классовым отношениям в аграрном секторе. Королевские сборщики налогов были основными его объектами, протестующие крестьяне бойкотировали налоги, а случаи прекращения выплаты ренты были крайне редкими и изолированными. Восстание было подавлено короной. Его основное следствие — ускорение кампании короны за ослабление крупных феодалов, в конечном итоге были созданы новые элиты в графствах, существенно ослабившие права крестьян в последующие десятилетия.

Следующая серия сельских мятежей была реакцией на попытки землевладельцев подорвать крестьянские права. Волна интенсивных протестов поднялась в 1548–1552 гг. Крестьяне были пассивны больше четверти столетия, даже перед лицом восстаний элит в 1553–1554 гг. (которые вел Вайетт против брака Кровавой Мэри с Филиппом Испанским) и в 1569–1570 гг. (северных эрлов против Елизаветы I в вопросах религии и религиозных автономии и привилегий). Крестьянские протесты возобновились в 1580-х гг. и, усилившись в последующие десятилетия, достигли своего пика в мидлендском восстании 1607 г. Изолированные протесты против землевладельцев продолжались в Мидлендах, особенно в Уорвиршире накануне революции. Корона в своей роли землевладельца была главной мишенью крестьянских протестов в 1608–1639 гг. Крестьяне в северных графствах протестовали против повышения рент в королевских манорах, жители болотистых фенлендов противились попыткам короны осушить болота, коттеры и батраки, жившие в королевских лесах, противились планам короны по вырубке и огораживанию²³.

Крестьянское противодействие короне легко подавлялось и не меняло ее планов. Генрих VIII, разделив добычу от упразднения монастырей с большинством светских элит, смог сокрушить благодатное паломничество, не делая никаких уступок мятежникам-крестьянам и клирикам. Северные крестьяне не смогли помешать повышению рент в королевских манорах. Вырубка леса и огораживание по планам короны были лишь слегка отсрочены из-за протестов. Также им не удалось воспрепятствовать осушению болот, особенно

²³ Я ограничиваюсь здесь одной Англией. В остальной части этой главы я игнорирую события в Уэльсе, Шотландии и Ирландии.

в Линкольншире, саботируя строительство рвов, шлюзов и сточных каналов (Manning, 1975, с. 146–148). Протесты в фенлендах были более эффективны в 1640–1641 гг., когда корону атаковали противники из элит и она не могла ответить на противодействие крестьян.

Крестьяне, впрочем, были относительно спокойны во время революции и гражданской войны. Они оппортунистически переставали платить ренты то короне, то землевладельцам, ослабленным военными действиями. Английские крестьяне, в отличие от своих французских собратьев во время Фронды и революции, не протестовали массово против существующих соглашений по земледержанию. Крестьяне не играли решающей роли в гражданской войне (Charlesworth, 1983, с. 39–41; Manning, 1975).

Самые эффективные крестьянские протесты были направлены против светских землевладельцев в 1540-е и 1580–1630-х гг. Эти протесты были реакцией на узурпацию землевладельцами крестьянских прав. Каждый сельский протест можно классифицировать по его зачинщикам-крестьянам и отношению землевладельцев (*табл. 6.1*)²⁴.

Первая волна протестов в 1540-х гг. (1, 2, 3 и 4 в *табл. 6.1*) прошла там, где землевладельцы недооценили силу крестьянских общин или крестьян, точно определивших раздоры среди землевладельцев. Все протесты 1540-х гг. касались инициатив землевладельцев поднять ренты, удостоверить копигольды или огородить земли. Протесты в Сомерсете, Уилтшире, Кенте, Хэмпшире, Рутленде и Суффолке (1 в *табл. 6.1*) возглавляли фригольдеры, объединившиеся с копигольдерами и коттерами. Элиты в этих графствах были хорошо организованы и способны быстро мобилизовать репрессивные силы против мятежей 1549 г.²⁵ Однако, несмотря на свои организационные преимущества и превосходящую военную силу, элиты землевладельцев смогли разделить мятежников-крестьян, лишь предложив уступки фригольдерам. Землевладельцами двигал страх, что, распространившись, вооруженный конфликт может создать возможность для вмешательства короны в их графства. Фригольдеры действительно оставили восставших, как только их земельные права и частные свободы были признаны и гарантированы их хозяевами.

Землевладельцы были слабо организованы в других трех графствах, где произошли значительные восстания в 1549 г., — Корнуолле

²⁴ Источники рассмотрения в оставшейся части этого раздела — те же, что и для *табл. 6.1*.

²⁵ Я даю определение сплоченных элит графств и объясняю их возникновение в четвертой главе.

таблица 6.1. Типология крестьянских протестов в Англии, 1540–1639 гг.

Участники из крестьян	Сплоченные элиты графств	Отдельные землевладельцы
Фригольдеры возглавляли хорошо организованные общины	1) 1549: Сомерсет, Уилтшир, Кент, Хэмпшир, Рутленд, Суффолк	2) 1549: Корнуолл, Норфолк
Фригольдеры пассивны, копигольдеры объединены, коттеры и батраки бунтуют	3) 1549: Линкольншир 1607: Мидленды 1603–1639: Дурхэм, Кумберленд, Вестморленд, Нортумберленд, Ланкашир	4) 1549: Лейстершир
Протест дезорганизованных коттеров и батраков	5) 1608–1639: фенленды Линкольншира и Йоркшира; леса Дерби, Стаффорда, Сомерсета и Уилтшира	6) —

источники: Appleby, 1975; Charlesworth, 1983; Cornwall, 1977; Fletcher, 1968; Land, 1977; Manning, 1974; MacCulloch, 1979; Sharp, 1980.

и Норфолке (2 в *табл. 6.1*) и Лейстершире (4 в *табл. 6.1*). Хотя лейстерширские мятежники были в основном копигольдерами с малообоснованными претензиями на земли, дезорганизованные землевладельцы этого графства быстро согласились на требования бунтовщиков, чтобы рассеять их. Копигольдеры в Лейстершире спокойно позволили удостоверить свои держания в XVII в., как только джентри организовались в сплоченную элиту.

Корнуолл и Норфолк были графствами, в которых произошли наиболее широко распространенные кровавые восстания 1549 г. Широта и успех крестьянской оппозиции объяснялись необычной степенью слабости землевладельцев. Корнуолл был герцогством, принадлежавшим по праву старшему королевскому сыну. В результате корона владела большей частью корнуолльских маноров. Крупных магнатов в Корнуолле не было. Большинство маноров, не принадлежавших короне, владели мелкие джентри. Эти землевладельцы были не способны создать сеть сотрудничества через коллегии мировых судей, так как на должностях в графстве господствовали

королевские чиновники, управлявшие герцогской собственностью (Cornwall, 1977, с. 41–47). Маноры Норфолка принадлежали крупным и мелким землевладельцам, проживавшим на селе. Тем не менее два крупных норфолкских магната, Ховарды и Кортни, вступили в конфликт с Генрихом VIII и потеряли множество своих маноров, были вытеснены со своих постов в графстве, и их способность играть ведущую роль в графстве сильно снизилась (Land, 1977, с. 37–41).

Корнуолльские крестьяне были хорошо организованы благодаря сильным манориальным судам и могли быстро мобилизовываться по линиям деревень. При множестве маноров, принадлежащих короне, бейлифы ожидали инструкций от королевского суда. Другие землевладельцы тоже обращались к короне. Эта отсрочка помешала землевладельцам быстро отреагировать, позволив крестьянам сформировать свою армию и получить широкую поддержку. После первоначальных задержек корона подавила восстания в Эксетере. Графство было замирено казнями вожаков восстания и уступками фригольдерам. Корона усилила местных джентри, пожаловав маноры офицерам-победителям. Когда баланс сил сместился к местным джентри, графство стало эффективно управляться и удостоверения и оголаживания были завершены без дальнейших мятежей (Cornwall, 1977, с. 64–136, 176–206; Wordie, 1983, с. 489).

Норфолкское восстание началось в отдельной деревушке с разрушения изгороди Робертом Кеттом, отсюда и название — «восстание Кетта». Норфолкская коллегия мировых судей, парализованная фракционизмом и чистками короны, не смогла справиться с Кеттом и его последователями. Бунтовщики, уверившись, что король поддерживает их в борьбе с планами джентри подорвать права фригольда и копигольда, продолжали мобилизовываться и увеличивали свои требования. Как и в Корнуолле, мятежников с их первоначальными победами в конце концов подавили королевские силы. Вожаков казнили, а массе бунтовщиков были предложены уступки (Cornwall, 1977, с. 137–159, 268–275, 207–225; Fletcher, 1968, с. 64–77; Land, 1977). Норфолкские джентри установили строгий контроль над правительством графства к концу XVI в. и затем боролись с крестьянами, не вызывая дальнейших мятежей (Beaman, 1993).

В Линкольншире, последнем месте восстания в 1549 г., ситуация была схожа с шестью графствами (1 в *табл. 6*) тем, что сильные крестьянские общины выступили против сплоченных элит графства. Однако большинство линкольнширских мятежников были копигольдерами. Относительно немногочисленные фригольдеры Линкольншира в 1549 г. оставались пассивными. Землевладельцы пошли

на некоторые уступки, рассчитывая силой прекратить невыплаты ренты (Thirsk, 1957, с. 47–48, 148). То, что произошло в этом графстве в 1549 г., соответствовало событиям в других графствах спустя несколько десятилетий (3 в *табл. 6.1*), в которых землевладельцы столкнулись с хорошо организованными крестьянскими общинами, долго живущими земельными правами и институциями самоуправления, но в их рядах было немного фригольдеров. В таких ситуациях землевладельцы могли успешно подавить восстание, не идя на уступки, в противоположность тем ситуациям (1 в *табл. 6.1*), в которых с фригольдерами приходилось вести переговоры.

Позже фригольдеры по большей части воздерживались от протестов, которые продолжались еще с 1580-х до начала революции в 1640-х гг. и достигли своего пика в Мидлендском восстании. Эти протесты поднимали коттеры и батраки, они были направлены против сплоченных элит графств. Таким образом, нужно пояснить, почему фригольдеры не участвовали в классовых конфликтах аграрного сектора после 1549 г. и почему более бедные крестьяне бросали вызов хорошо организованным элитам в графствах накануне революции.

Фригольдеры были пассивны после 1549 г. потому, что землевладельцы вынесли уроки из этих мятежей и стали уважать интересы могущественных и хорошо организованных фригольдеров. Землевладельцы конца XVI–XVII в. в Восточной Англии союзничали с фригольдерами ради подрыва манориальных судов, и большая часть огороживаний совершалась по соглашению с фригольдерами²⁶.

Волна протестов и мятежей началась в 1580-х гг. и закончилась с Мидлендским восстанием 1607 г. (3 *табл. 6.1*). Эти протесты концентрировались в Мидлендах (больше всего в Уорвикшире, Лейстершире и Нортхэмптоне; были и весьма значительные восстания, особенно в 1607 г., в Линкольншире, Оксфордшире, Бедфордшире, Дербишире, а также Вустершире), где недавно получившие гегемонию элиты из джентри пытались удостоверить права копигольдеров, ограничить свободу передвижения и проживания безземельных крестьян и обрезать использование всеми крестьянами общинных земель и лесов. Пять из восьми взбунтовавшихся графств Мидлендов входили в число тех, где огороживание в XVI в. происходило наиболее интенсивно²⁷.

²⁶ См. Charlesworth (1983, с. 8–16), Wordie (1983) и Yelling (1977).

²⁷ В Линкольншире и Дербишире прошло несколько огороживаний, и огороженные приходы в этих графствах стали центрами мятежа. Вустершир не испытал практически ни одного огороживания; мятеж там был реакцией на удостоверение и выселения. Чарльзворт (Charlesworth, 1983, с. 16–21, 31–36) дает суммарный

Другие бунты случились в Нортумберленде, где джентри, избежавшие владычества магнатов при помощи короны, сформировали сплоченную элиту графства и пытались поднять ренту своим арендаторам.

Восстание 1607 г. было легко подавить, потому что отсутствие в рядах восставших фригольдеров ослабило их единство, замедлив мобилизацию в деревнях (Charlesworth, 1983, с. 33–36). Поражение крестьянского активизма в сочетании с гегемонией джентри в мидлендских графствах проложило дорогу распространению огораживаний в XVII в. В этом столетии в Англии было огорожено в 12 раз больше земли, чем в XVI (Wordie, 1983, с. 502). Огораживания 1600–1699 гг. концентрировались в Мидлендах и проходили в основном по договоренности между выжившими фригольдерами и джентри, которые действовали, будучи уверенными, что копигольдеры и безземельные крестьяне не смогут противиться потере доступа к общинным землям, лесам и пустошам и что их планам по огораживанию будут содействовать через коллегии мировых судей в графствах сплоченные элиты, частью которых они сами были.

Другой областью крестьянских протестов 1580–1639 гг. были северные приграничные графства, фенленды Линкольншира и Йоркшира, леса Уилтшира, Сомерсета, Стаффордшира и Дерби (Charlesworth, 1983, с. 36–39). Арендаторы в приграничных графствах Нортумберленда, Дурхэма, Кумберленда, Вестморланда и Ланкашира потеряли свои особые права и королевскую защиту, как только их участие в приграничной милиции было признано излишним союзом корон Англии и Шотландии, заключенным в 1603 г. Землевладельцы быстро начали действовать, используя удостоверения и отрицая традиционные ограничения штрафов за возобновление аренды. Арендаторы приграничных земель в основном были копигольдерами с незначительной долей фригольдеров. Крепко сплоченные элиты графств успешно отразили все протесты и в отсутствие значащего числа фригольдеров пошли на очень малые уступки (Appleby, 1975).

Протесты в фенлендах и лесах (5 в *табл. 6.1*) подняли коттеры (арендаторы с держаниями, не обеспечивающими прожиточный минимум) и батраки, которые зависели от общинных прав на фены (болота. — *Прим. перев.*) и фуражных прав на леса, чтобы как-то выжить. Землевладельцы в этих графствах были сплоченными, организованными и пользовались поддержкой короны, имевшей большие владения на фенах и в лесах и вложившей вместе с джентри

обзор причин крестьянских восстаний. Ворди (Wordie, 1983, с. 493) показывает темпы огораживания.

свои средства в осушение болот и вырубку леса. Протесты были подавлены, хотя акты саботажа против работ по осушению продолжались (Charlesworth, 1983, с. 38–39). Осушение болот и вырубка лесов были остановлены, лишь когда союз элит был подорван революцией и гражданской войной. Восстановление единства элит в конце гражданской войны позволило продолжить как осушение и вырубку, так и вытеснение коттеров и батраков.

Подытожим: крестьянские восстания были возможны там, где фригольдеры были относительно многочисленны и имели высокую степень социальной организации. Эти условия существовали в основном в той части Англии, которая классифицируется как старые пахотные земли с открытыми полями, пользование которыми регулировали манориальные суды при сильных землевладельцах (Thirsk, 1967)²⁸. Тем не менее большая часть графств с пахотной землей не

²⁸ Сомерс (Somers, 1993) — самый недавний и самый искушенный сторонник довода о том, что пахотные и пастбищные регионы порождают политики разного вида. Она противопоставляет пахотные регионы с открытыми полями, где джентри добились политического господства и использовали свою власть, чтобы контролировать труд и землю крестьян, пастбищным графствам с нерегулярными полями, где слабые землевладельцы были вынуждены делиться властью с крестьянами, организовавшимися через объединенные деревни. Сомерс объясняет развитие политической культуры, которая благоприятствовала возникновению понятия гражданства в смысле политического и социального благосостояния. Она обнаружила, что такие культуры не развились в регионах с открытыми полями, где джентри контролировали политику и определяли экономику на уровне графств, в отличие от регионов с пастбищами и нерегулярными полями, где понятие деревенской общины, сформированное в борьбе с землевладельцами, трансформировалось в «гражданство» в XVIII–XIX вв. Крестьяне и безземельные работники в пахотных регионах категорично не одобряли политику и право. В пастбищных регионах, где было сконцентрировано сельскохозяйственное производство, крестьяне и растущее число промышленных рабочих отстаивали древние деревенские права и выдвигали требования нового рабочего класса в контексте своего коллективного участия в деревенских и других политических институтах.

Сомерс, в отличие от Голдстоуна и его последователей, смогла определить механизмы, отвечающие за выбор времени и масштаба способностей различных акторов реализовывать свои интересы. Она делает это, отслеживая историческое развитие политических институтов и культур, а не только указывая на обязательную связь между демографическими циклами и аграрными системами производства, определяемыми типом почвы. Выводы из работы Сомерс, хотя она и посвящена возникновению классовой политики и демократических институтов и фокусируется на XVIII–XX вв., сочетаются с моделью, которую я представляю. И Сомерс, и я рассматриваем политику в институциональных терминах, объясняя взаимоотношения между властью и формами производства как резуль-

подверглась значительным крестьянским мятежам. Сильные крестьяне бунтовали, только когда их древние права оспаривались землевладельцами. Землевладельцы в большей части Англии действовали медленно, особенно после 1549 г., используя стратегии, основывающиеся на уступках и сотрудничестве с фригольдерами.

Мидленды и северные приграничные графства отличались тем, что там джентри переживали резкое повышение своей власти за счет старых магнатов и короны. Быстро образовав сплоченные элиты и получив превосходящее преимущество в коллегиях мировых судей, а также большинство должностей в графствах, джентри слишком поспешно попытались отнять собственность у своих арендаторов и потому просчитались, возбудив мятежи, потребовавшие для их подавления вмешательства королевской власти.

Землевладельцы действовали медленно и осторожно, оспаривая традиционные земельные права крестьян через удостоверение и оголаживание, и атаковали организационные основы арендаторов, бойкотирова манориальные суды в союзе с фригольдерами. Землевладельцы фокусировали свое внимание на тех графствах (и манорах в них), где крестьяне были сильнее прочих и обладали наибольшими привилегиями. Они поступали так потому, что именно в этих местах корона и духовенство выдвигали самые мощные требования против светских землевладельцев. Именно эти графства стали местами формирования наиболее сплоченных элит, которые могли использовать свои новые полномочия для получения земли и прав сбора дохода с нее за счет общин копигольдеров. По иронии судьбы, коттеры и батраки на периферийных пустошах Англии — фенах и лесах — остались единственными крестьянами, присоединившимися к горным мятежам 1600-х гг., потому что их проглядели джентри в XVI в.

Если рассматривать эту ситуацию в долгосрочной перспективе, мятежи счастливо заканчивались для джентри по трем причинам. Во-первых, военные силы подорвали власть крестьян в Мидлендах. Во-вторых, джентри отныне соблюдали права фригольдеров, чтобы разделить крестьянские общины и заранее погасить будущие протесты. Фригольдеры воспользовались своим статусом и надежностью земельных держаний, чтобы стать мелкомасштабными коммерческими фермерами. Коммерческие фермеры стали важным посредником между джентри и сельскохозяйственными работниками, управляя землями первых, контролируя труд вторых и обеспечивая землевла-

тат исторически обусловленной цепи событий, а не простого доведения до максимума индивидуальных или групповых интересов в отдельный момент времени.

дельцам получение львиной доли доходов с сельского хозяйства. Таким образом, политические ограничения, которые вынудили джентри уважать права фригольдеров, имели неожиданные последствия в виде создания слоя посредников, крайне важного для последующего процветания джентри.

И наконец, джентри увидели, что безземельные крестьяне угрожают им так же, как и копигольдеры, потерявшие земельные права в результате огораживания. Джентри попытались добиться еще большего контроля над коттерами и безземельными крестьянами – наиболее многочисленными участниками аграрных протестов в конце XVI – начале XVII в. Джентри использовали «законы о бедных» для регулирования через коллегии мировых судей проживания, работы и поведения большинства крестьян, зависящих от зарплаты, а не от собственной земли, в столетие между упразднением монастырей и революцией. Двойная стратегия джентри возымела свои положительные последствия для классовых отношений в аграрном секторе Англии. Эти последствия будут рассмотрены в заключении.

Франция

Способы проведения и цели крестьянских восстаний во Франции за полтора столетия с конца Фронды до революции изменились²⁹.

²⁹ Франция слишком обширна, и ее крестьяне были слишком мятежны, чтобы позволить указать единственный источник, как в исторической географии Чарльзворта (Charlesworth, 1983) относительно английских протестов на протяжении нескольких столетий. Рассмотрение в этом разделе основано всего на трех всеобъемлющих и систематических количественных анализах старого режима и революционных протестов. Лемаршан собрал наборы данных по насильственным протестам в 1661–1789 гг. Он представил результаты этого исследования в одной-единственной статье (Lemarchand, 1990). Я благодарен Маркоффу за то, что он указал на эту статью в своей работе (Markoff, 1996).

Лемаршан представляет немногочисленные, хотя критически важные, количественные результаты. Лемаршан, несмотря на краткость публикации, предлагает существенные и систематические поправки к обширным, но при этом несколько импрессионистическим работам Чарльза Тилли о французских раздорах. Лемаршан прямо оспаривает тезис Тилли, который продолжает и развивает большинство социологических споров о Франции раннего Нового времени, тезис заключается в следующем: государство занимает место землевладельцев в качестве основной мишени крестьянских протестов в столетия между Реформацией и революцией. Тезис Тилли также подрывают два других количественных исследования, Вовеля (Vovelle, 1993) и Маркоффа (Markoff, 1996). Вовель рассматривает различные формы революционных действий, распределенных по геогра-

Крупные мятежи крестьян XVII в. в масштабах провинций и областей после 1700 г. уступили место более локальным протестам, последствия которых были малозначимы. После окончательного разгрома восстания комиссаров в Лангедоке в 1710 г. (Joutard, 1976), сельская округа и города больше не переживали крупномасштабных мятежей до самой революции 1789 г. От внутреннего политического насилия в 1708–1788 гг. погибло меньше крестьян и батраков, чем за предыдущие 80 лет. Мы не располагаем полными данными по стране, но Лемаршан (1990, с. 33) насчитывает 69 смертей во время протестов в Провансе в 1596–1660 гг. и всего 3 смерти в 1661–1715 гг. Другие источники подтверждают эти данные³⁰.

Крестьянские бунтари сменили цель на протяжении XVII–XVIII вв. Налоги и чиновники, которые собирали государственные доходы, были основной целью крестьянского насилия до 1660 г. Число антиналоговых протестов сокращается в последующие десятилетия и практически полностью сокращается к 1700 г. (Lemarchand, 1990, с. 33), что не удивительно, так как реальные доходы французской короны упали на 2% в 1650–1720 гг., претерпев резкое повышение на 330% в предшествующие пять декад. Антиналоговые протесты не вернулись к своим частоте и интенсивности, даже когда королевские налоги снова повысились на 85% в 1720–1780 гг. (табл. 5.4).

После 1660-х гг. крестьяне обратили свой гнев на торговцев зерном. Голодные бунты крестьян и батраков стали доминирующей формой

фическому принципу, выявляя их корреляцию с плотностью населения, размерами семей, грамотностью, показателями развития и классовыми отношениями в аграрном секторе. Маркофф представляет обширный набор данных по протестам во время революции, которые он коррелирует со своим анализом по *Cahiers de Doleances* (наказы избирателей – списки жалоб. – Прим. перев.) всех трех сословий, показателями рынков, государственной власти и сеньориальной реакции.

Выводы обоих, Вовеля и Маркоффа, согласуются с Лемаршаном и противоречат Тилли, так как они обнаружили, что антифеодальные и голодные бунты против землевладельцев и их представителей, а вовсе не налоговые протесты против государственных чиновников, оставались наиболее частой формой во время революции, то есть то же, что Лемаршан показал для десятилетий перед 1789 г.

³⁰ Тилли (Tilly, 1986) указывает на снижение насилия и убийств в спорах при старом режиме. Коллинз (Collins, 1988, с. 194–213) обнаружил, что налоговые протесты в эпоху после Фронды в основном заключались в отказах платить налоги, а не в нападениях на чиновников. Королевские войска отвечали захватом зерна и скота, а не убийством протестующих. Бейк (Beik, 1985) обнаружил сокращение насилия в действиях провинциальных элит, короны, крестьян и городских жителей после Фронды. Бернар (Bernard, 1964) отследил наиболее значительные восстания после Фронды и обнаружил уменьшение их в масштабе и применении насилия после 1675 г.

протеста, особенно во время неурожая 1690-х гг. Лемаршан выдвигает гипотезу о том, что повышение цен на зерно повысило и вероятность того, что зерно будет запасаться и транспортироваться через регионы, страдающие от недорода. Рынки таким образом могли уменьшать местные запасы и, что более важно для провоцирования протестов, создавать зримые цели в виде каравана телег с зерном (1990, с. 33–36).

Голодные протесты и в годы революции составляли 26% всех событий, подсчитанных Маркоффом (Markoff, 1996, с. 218), занимая второе место после антифеодальных действий. И Маркофф, и Вовель идентифицировали факторы, показывающие, что рынки – самые правдивые предсказатели революционного насилия в сельской местности. Маркофф нашел, что «наиболее сильная корреляция наблюдается у всех форм мобилизации [во время революции] с размерами города и длиной дорог. Предрасположенность к сельской мобилизации в *bailliages* с городом, чей размер больше медианы вдвое (или более), сильнее, чем у тех, чей размер меньше, для всех типов событий; влияние длины дороги характеризуется почти такими же числами» (с. 380). Города и дороги являются посредниками рынков. Маркофф утверждает, что рыночные товары (привезенные в сельскую местность по дорогам) прямо влияют на классовые отношения в аграрном секторе, пролетаризируя крестьянский труд и присваивая крестьянскую землю для производства, нацеленного на городские рынки. Так рынки провоцируют антифеодальные, голодные, земельные и заработные конфликты (с. 380–382, 399–407)³¹.

В 1670–1770-е гг. крестьяне начали переносить свой гнев на сеньоров, агрессивно давивших на них. Лемаршан обнаружил подъем антифеодальных протестов в тех частях Франции, где сеньоры действовали наиболее эффективно в своих притязаниях. По всей Франции число антифеодальных действий утроилось с 1690–1720-х по 1760–1790-е гг. Число таких протестов было всего в два раза меньше, чем антиналоговых за 30 лет до начала революции, однако они были показателями гнева, разразившегося в 1789 г.

Французская революция в сельской местности была прежде всего антисеньориальной. Более трети (36%) выступлений были направ-

³¹ Данные Вовеля (Vovelle, 1993, с. 297–344) указывают на схожие выводы. Он обнаруживает сильную корреляцию между плотностью распределения по территории почтовых служб, плотностью населения, урбанизацией (все три показателя вместе он связывает с рынками) и революционными действиями. Вовель заключает, что рынки, в капиталистическом или феодально-реакционном виде, провоцировали революционные действия.

лены против феодалов (Markoff, 1996, с. 218). Крестьянские восстания подтолкнули Национальное собрание законодательно принять окончательную отмену всех сеньориальных прав без компенсации в июле 1793 г. Даже контрреволюционные восстания в Вандее заставили Национальное собрание усилить свое антисеньориальное законотворчество, а не сократить новые налоги, что и было главной целью протестов западных провинций (Markoff, 1996, с. 428–515)³².

Лемаршан, Вовель и Маркофф показывают переход в XVIII в. от выступлений против жадных государственных чиновников к действиям против возрождающихся сеньоров и появляющихся торговцев зерном, работодателей в аграрном секторе и капиталистических фермеров. Протесты в конце старого режима и действия революции были, если судить по местам их распространения, ответами на попытки коммерческих агентов и феодалов так изменить земельные установления, сельский труд и движение зерна, чтобы получить максимальную прибыль. Крестьяне и батраки, страдавшие от этих изменений, реагировали протестами, отказами выплат и насилием.

Сельские протесты в конечном итоге не были неэффективным «оружием слабого»³³. Крестьяне вызвали к жизни революцию с ее гигантскими последствиями. Действия на селе, которые произвела революция, не были повторены изолированными, хотя и объединенными, крестьянскими деревнями. «Мы должны оставить само понятие областей с открытыми полями, специфически антифеодальными и действительно связанными крестьянской солидарностью, к тому же спаянными солидарностью между деревнями благодаря смешанным полям, и заняться бесконечными битвами с сеньором по поводу границ их коллективных и индивидуальных прав, вышедших на первое место в борьбе сельской Франции» (Markoff, 1996, с. 397–398)³⁴.

³² Маркофф обнаружил, что антиналоговые протесты концентрировались на западе. «Революция скорее переместила налоговое бремя из одних областей в другие; те регионы, которые пострадали [и которые были самыми привилегированными провинциями при старом режиме], что неудивительно, стали центрами контрреволюции на западе» (1996, с. 350).

³³ Скотт (Scott, 1976, 1985), конечно, отрицает, что протесты, которые он исследовал, были неэффективными. Однако почти все свои усилия он направляет на изучение культурных основ протестов, не уточняя их влияния на социальные отношения.

³⁴ Выводы Маркоффа расходятся с классовым анализом Бреннера и моделями региональной экологии, которые представляют крестьянские общины идеального типа как реальность.

Действия во время Старого режима и революции проводились в диалоге с объектами протестов³⁵. Крестьяне реагировали на раздоры в среде элит и ее слабость, увеличивая их. Протесты до и после Фронды отражали противоречивые требования и пересекающиеся полномочия конфликтующих элит. Городские и крестьянские мятежи были направлены на сборщиков налогов, потому что власть и привилегии их должностей также были объектом конфликта элит. Народные силы восставали против подрывного гнета налогов при возможности, открывающейся при расколе элит.

Народная Фронда вызвала неожиданный эффект, вынудив конкурирующие элиты подчиниться правовому арбитражу короны. Элитные конфликты за контроль над «государственными» доходами резко сократились после Фронды. У крестьян стало меньше пространства для сопротивления государственным чиновникам, даже когда рост налогов возобновился в XVIII в.

Новые элитные конфликты разгорались уже за контроль над пахотной землей и сельским трудом. Крестьяне весь последний век старого режима были подавлены притязаниями, которые выдвигали разные манипуляторы на рынках земли, труда и зерна. Данные Лемаршана, Вовеля и Маркоффа показывают связь между рынками и протестами. Антирыночные протесты могли и в действительности принимали разные формы: голодных бунтов, направленных на торговцев зерном и караваны с зерном, отказов работать, вспышек паники, земельных конфликтов, и антифеодальных действий.

Почему сеньоры стали главным объектом крестьянских протестов во время революции? Потому что сеньоры и их привилегии были в фокусе элитных конфликтов. Бретань и Прованс стали первыми местами мобилизации крестьян с антифеодальной направленностью в 1789 г. «Политика элит в [этих провинциях] была одной из самых поляризованных во Франции, возможно, самой поляризованной» (Markoff, 1996, с. 358–359). Конфликты среди знати и с буржуа из третьего сословия подсказали крестьянам, что антифеодальные протесты могут принести свои плоды. Собрания, на которых составлялись *Cahiers de Doleances* (списки жалоб. — Прим. перев.), дали крестьянам беспрецедентную возможность узнать о раздорах между сословиями, и внутри духовенства, знати и буржуазии — раздорах, наиболее острые из которых касались сеньориальных привилегий. «Вряд ли покажется удивительным, что доля восстаний, направленных на сеньориальный режим, весной [1789 г.] увеличилась вдвое. Селяне обна-

³⁵ Это основной вывод и главное открытие прекрасной книги Маркоффа.

ружили, что если они давят сильно, то, по крайней мере, могут получить поддержку от значительной части третьего сословия и важной части духовенства, и они, вероятно, поняли, что знать была так разделена, что не могла защищать себя эффективно» (с. 495).

Структура элитных отношений и природа элитных конфликтов изменилась во Франции в XVII–XVIII вв. Все отношения между элитами изменились так же, как и способность каждой элиты контролировать и эксплуатировать крестьян и отражать крестьянское противодействие. Крестьяне смогли различить разделение элит и их слабость и ответить на них очень скоро. Отмена сеньориальных привилегий была плодом слабости элит и инициативы крестьян во время революции. Ниже будут рассмотрены последствия этой отмены для французского капитализма.

Сравнения

Аграрные конфликты в Англии и во Франции фундаментальным образом отличались. Английским землевладельцам удалось разделить крестьянство, наладив сотрудничество с фригольдерами и обезглавив копигольдеров, коттеров и батраков. Победы на поле боя и в меньших столкновениях позволили землевладельцам прибегнуть к тем стратегиям — удостоверение, огораживание, бойкот манориальных судов и регулирование труда и проживания через законы о бедных, — которые дополнительно ослабили крестьянские общины и подорвали основы для позднейшей аграрной мобилизации. В результате крестьяне вели себя пассивно и не играли важной роли в революции и гражданской войне. Светские землевладельцы твердо держали в своих руках контроль над землей и трудом и обеспечивали себе надежную основу для столкновений с конкурирующими элитами. Джентри смогли противостоять королю и его союзникам во время гражданской войны, не отвлекаясь на борьбу со своими батраками и арендаторами на втором фронте. Слабость крестьянских восстаний в Англии XVI–XVII вв. продемонстрировала, что джентри подавили классовые конфликты в процессе смещения конкурирующих элит, королевской и церковной, с главных ролей в регулировании аграрного производства и извлечения из него прибыли.

Французские же сеньоры так никогда и не получили монополии на контроль над аграрными производственными отношениями. Поэтому они не смогли прибегнуть к стратегиям, которые бы привлекли мятежных крестьян к сотрудничеству или подавили бы их сопротивление. Феодалы в каждый критический момент элитного

конфликта были стеснены крестьянскими восстаниями. Фрондеры-аристократы были вынуждены сдаться королю, когда на них обрушились крестьянские мятежи и разорительные отказы платить ренту. «Великий страх» и последующие волны протеста подорвали силы и короля, и знати в их конфликтах с третьим сословием, позволив Национальному собранию отменить права земельного дохода знати в то время, как Революция смела все должности, ренты, налоговые откупы и облигации, которые были другой основой власти и богатства аристократии.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В АНГЛИИ И ВО ФРАНЦИИ

Теперь, рассмотрев течение и итоги элитных и классовых конфликтов в Англии и во Франции, мы можем понять влияние этих конфликтов на аграрное производство и на распределение плодов земли и труда в аграрном секторе в этих двух странах. Изменения в управлении землепользованием совпали с аграрной революцией, которая удвоила урожай по всей северо-западной Европе в XIII–XVIII вв.

Фермеры использовали ряд новшеств — улучшенные посевные площади, новые зерновые культуры, более эффективный севооборот, лучшие породы скота, большие стада (что давало больше удобрений для дальнейшего повышения урожайности) и инвестиции в осушение и ирригацию — в попытках повысить продуктивность. Знания об улучшенных посевных землях и новых технологиях быстро распространились и становились доступными фермерам по всей северо-западной Европе в течение нескольких десятилетий³⁶.

Новые техники привели к росту урожая, беспрецедентному по своему распространению в истории человечества³⁷. Соотноше-

³⁶ Уайт (White, 1962, с. 39–78) представляет хронологию изобретения новых агрикультурных техник в Европе. Но и Аллен (Allen, 1992, с. 107–149), и Хоффман (Hoffman, 1996, с. 165–166, 202) предупреждают, что большая часть повышения урожайности объяснялась ранними, относительно дешевыми инновациями, в то время как более дорогие улучшения, такие как осушение, ирригация и огораживание, отвечали максимум за одну пятую от всего повышения урожайности.

³⁷ Аллен (Allen, 1992, с. 131–133) отмечает, что фермеры в Норфолке, некоторые производители Франции и Фландрии, а также всего бассейна Нила уже получали 20 бушелей с акра в XIII в. (что касается Нила, «возможно, также было и в древности» — с. 133). Эти исключения объясняются чрезвычайным обилием почв, которые обрабатывали интенсивно с использованием труда необычайно высокого уровня. И в самом деле урожайность в Норфолке, Франции и Фландрии

ние к посевной площади удвоилось в Англии с 10 бушелей пшеницы с акра в XIII–XV вв. до 20 бушелей с акра в конце XVIII в. (Allen, 1992, с. 131)³⁸. Фермеры в северо-восточной Франции, Ирландии, Нидерландах и Бельгии также получали урожай в 20 бушелей с акра уже в начале XIX в. (Allen, 1992, с. 131; Hoffman, 1996, с. 132–142, 161).

Знание о новых зерновых культурах, севообороте и техниках объединения интенсивного животноводства с земледелием было повсеместным в Англии, а также в северо-восточной Франции и других странах, достигших увеличения урожайности³⁹. Большая часть северо-западной Европы отличалась от остального мира, пережив удвоение аграрной производительности за 300 лет — с 1500 по 1800 г.

Чем можно объяснить аграрную революцию, которая затронула страны и регионы, разные виды почвы и полей? Демографические модели не помогают, так как восстановление численности населения после чумы и его быстрый рост совпали с аграрной стагнацией в южной и восточной Европе и аграрной революцией в северо-восточной Европе⁴⁰. Различиями типов почвы и средневековых систем полей в рамках одной или нескольких стран нельзя объяснить единообразное и массовое улучшение продуктивности на всей территории субконтинента⁴¹. Тип почвы имел значение и для коммерческих

сократилась после чумы в связи с переходом на менее интенсивную обработку из-за потерь в рабочей силе.

³⁸ Урожайность для других культур тоже удвоилась. «Урожайность ячменя и бобов была такой же, как для пшеницы; овса производили 15 бушелей с акра» (Allen, 1992, с. 131), а «урожайность ржи примерно удвоилась» (с. 208).

³⁹ См. данные по распространению и усвоению новых агрикультурных техник во Франции у Хоффмана (Hoffman, 1996), в Англии у Аллена (Allen, 1992), и у Дефриса по Нидерландам (de Vries, 1974).

⁴⁰ Я рассматриваю модели демографических детерминистов и их критиков, особенно Роберта Бреннера, во второй главе.

⁴¹ Читателей может удивить, что в этой главе не придается особого значения региональным различиям в данных двух странах. Некоторые исследователи продолжают подчеркивать различия между пахотными и пастбищными регионами Англии. Тирск (Thirsk, 1967, 1984) и Голдстоун (Goldstone, 1988) — в числе тех, кого наиболее часто цитируют социологи. Бейкер, Батлин (Baker, Butlin, 1973) и Аллен (Allen, 1992), которые различают «три природные области» — сильнопахотные (heavy arable), слабопахотные (light arable) и пастбищные, — дают детальный анализ вместо более простого и менее точного двойного деления, предлагаемого Тирском и Голдстоуном.

Тирск и Голдстоун утверждают, что условия феодального земледержания и позже развитие капитализма или его отсутствие были результатами усилий повысить урожайность и прибыльность земледелия на разных типах почв в контексте демографических циклов. Я даю свой анализ и критику анализа региональной

фермеров, и для йоменов в том смысле, что они отбирали одни техники и отвергали другие, чтобы максимально улучшить свои поля в особых экологических условиях.

Регионы северо-западной Европы отличались по тому, сколько фермеров в них проводили улучшения. Урожайность удвоилась в тех местах, где фермеры инвестировали в улучшения; урожайность оставалась той же, где этих улучшений не было. Теперь ответим на вопросы, которые нельзя адресовать к сравнению по регионам Англии и Франции: почему фермеры в большей части северо-западной Европы вкладывали свои труд и деньги в новые сельскохозяйственные техники, которые удваивали их урожай, в то время как земледельцы в других частях Европы, где нововведения также приводили к впечатляющему увеличению сельскохозяйственной производительности, таких как Испания и Италия, этого не делали?⁴² Кто обогатился в результате повышения производительности? Я отвечу на эти вопросы чуть ниже.

Новые техники вводились в течение десятилетий с момента их разработки там, где европейские фермеры надежно контроли-

экологии Джека Голдстоуна (Goldstone, 1988) во второй главе. Важно отметить, что Голдстоун избирателен в своем отношении к трансформациям, которые он признает за таковые, и поэтому неспособен объяснить, почему джентри и крупные коммерческие фермеры разбогатели, а столь многие крестьяне лишились земли и обнищали в XVI в. и последующих столетиях, хотя новые агрикультурные техники повысили продуктивность как на крупных, так и на мелких фермах (Allen, 1992, с. 191–231).

⁴² Безусловно, некоторые почвы были лучше других. Тем не менее по всей Европе была возможность резко повысить урожайность, поднявшись далеко над средневековым уровнем. В 1997 г. урожайность зерновых в Англии и Франции, соответственно 101,9 и 101,1 бушеля с акра, превышала средневековый уровень в 10 раз. Само равенство урожайности в Англии и Франции опровергает утверждение Голдстоуна (Goldstone, 1988) о том, что только в части Франции были условия, которые позволили всей Англии сделать такой шаг вперед. Другие европейские страны, никогда не инвестировавшие столько в сельскохозяйственные улучшения, как Англия и Франция, тоже смогли поднять урожайность далеко над средневековым уровнем: в Италии — 69,6 бушелей с акра, в Испании и Польше — 42,0 и 43,4 соответственно (урожай 1997 г. из справочника «Производство зерновых и риса в намолом эквиваленте, в тоннах» («Cereals, rice milled equivalent, metric tons produced»), Статистическая база данных Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН [<http://www.fao.org>]).

Таким образом, все почвы Европы способны дать урожай выше средневекового уровня в 10 бушелей с акра. И тогда возникает вопрос: почему жители северо-западной Европы смогли использовать имевшиеся в раннее Новое время технологии, чтобы сделать шаг вперед, а другие европейцы не смогли?

ровали землю, свой труд и доступ к ресурсам наемного труда. Надежное землевладение было первым и необходимым условием, так как земледержатели или арендаторы могли инвестироваться в улучшения, только если они были уверены, что будут получать достаточно большую выгоду от повышения продуктивности на протяжении достаточно долгого времени, что оправдывает расходы на новые зерновые культуры, большие стада или осушение. Только землевладельцы и арендующие землю на долгий срок на неизменных условиях чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы строить долгосрочные планы и вкладываться в улучшения.

Наличие заинтересованных работников было вторым необходимым условием, так как новые техники были достаточно сложными и их введение можно было поручить только заинтересованным работникам, способным понять, что более высокие урожаи оправдывают необходимые инвестиции. Семейные фермеры и наемные батраки — тот идеальный случай. Сервы, или арендаторы, которые выполняли трудовые повинности, не смогли соответствовать требованиям сложных новых техник⁴³.

⁴³ Валлерстайн (Wallerstein, 1983) переводит этот момент на теоретический уровень. Анализ и различные case-study организации и продуктивности труда в аграрном секторе по Англии см. Howell (1975, 1983), Kussmal (1981), Spufford (1974), Thirsk (1957), Wrightson, Levine (1979) Yelling (1977). По Франции общий обзор дается в работе Neveux (1975). Ряд case-study, которые показывают ограниченность сельскохозяйственных инвестиций, инновации и улучшения во Франции, можно найти в трудах: Bois ([1976], 1984), Dontenwill (1973), Gruter (1977), Leon (1966) (особенно главы, написанные Sabatier и Guichard), Peret (1976), Venard (1957, с. 63–68 и далее).

Дефрис (de Vries, 1974) дает лучший обзор голландского сельского хозяйства. Он показывает, что инвестиции в улучшения делали семейные фермеры, владевшие своими фермами или арендовавшие их по надежным договорам, и работавшие на земле самостоятельно, используя наемный труд в ограниченной степени.

Италия и Испания представляют отрицательный пример. Вспомним, что в Италии Ренессанса в фермы мало инвестировали и их мало улучшали, за исключением Ломбардии, потому что там коммерческие фермеры смогли де-факто добиться бессрочной аренды церковных земель за фиксированную ренту. Такие бессрочные держания оправдывали инвестиции в ирригацию и новые культуры (в основном шелк). В Испании постоянный феодальный контроль и трудовые повинности также мешали инвестировать в улучшения (Davis, 1973, с. 143–156; Dupla, 1985, с. 44–126; Kamen, 1980, с. 226–259; Lynch, 1992, с. 1–16; Vilar, 1962).

Англия

В большинстве маноров большей части графств Англии в сельскохозяйственных и животноводческих регионах наличествовали оба условия, необходимые для аграрной революции. Отмена юрисдикции духовенства, слабость королевского правового надзора и прежде всего бойкотирование и упадок манориального суда оставили и владельцам (лордам и джентри), и большинству земледельцев (копигольдерам и фригольдерам) неоспоримые права на использование бывших манориальных земель.

Аллен (1992) демонстрирует, что фригольдеры и копигольдеры (которых он и многие другие историки называют йоменами) были изначальными инноваторами и улучшателями английского сельского хозяйства. Аллен провел самую полную оценку изменений в сельскохозяйственном производстве Англии и проверил связь между повышением урожайности, типом почвы, огораживанием и использованием труда семьи или батраков. Он обнаружил, что «фермеры-йомены совершили [в конце XVI — начале XVII в.] все улучшения урожайности пшеницы и половину улучшений ячменя из тех, которые совершили капиталистические фермеры на огороженных землях в XIX в.» (с. 208). Йомены XVII в. почти по всем показателям работали столь же продуктивно и обеспечивали свои фермы таким же капиталом, как и владельцы или коммерческие арендаторы крупных ферм в последующих столетиях. Аллен нашел, что «капитал, вкладываемый арендаторами, был почти такой же, как вкладываемый землевладельцами — около 3–4 фунтов стерлингов в акр ежегодно» (с. 191). Перепроверив данные Артура Янга, Аллен пишет:

Во-первых, пропорция капитал — акр снижается с величиной фермы (т. е. меньшие фермы были более капитализированы, чем крупные). Во-вторых, если денежные траты являются мерой капитала, то сельскохозяйственные фермы были более капиталоемкими, чем животноводческие. Это объясняется тем, что денежные траты включают в себя все авансы по выплате заработной платы, а сельскохозяйственные фермы были более трудоемкими, чем животноводческие. В-третьих, если капитал измерять как затраты основного капитала или как поголовье скота, то животноводческие фермы использовали больше капитала на акр, чем сельскохозяйственные. Примечательно, что данные Янга противоречат его убежденности в том, что крупномасштабные фермеры практиковали более капиталоемкое сельское хозяйство, чем мелкомасштабные фермеры (с. 195)⁴⁴.

⁴⁴ Ошибочное убеждение Артура Янга (см. A Six Month's Tour Through the North

Крупные фермы XVIII–XIX вв. были, скорее всего, недокапитализированными по сравнению с йоменскими фермами XVI–XVII вв. Йомены, которые платили стабильные ренты до удостоверения и огораживания, были способны самофинансировать сельскохозяйственные улучшения, «пока сельское хозяйство просто воспроизводит себя. В XVIII в., однако, за огораживанием последовали перевод пахотных земель в пастбищные и рост ферм в размерах, что требовало от всесокращающегося числа успешных фермеров быстро повышать свой капитал» (Allen, 1992, с. 199).

Землевладельцы, которые забрали себе йоменские фермы через удостоверение и огораживание, редко инвестировали необходимый новый капитал сами. Переключение с пахотных земель на пастбищные, взятие на вооружение нового севооборота в слабопахотных зонах и строительство дренажей в сильнопахотных зонах — все это скорее проводилось на огороженных землях, чем на открытых полях. Однако большая часть удвоения урожайности происходила до огораживания, и как на открытых полях, так и на огороженных. Аллен приходит к выводу, что «в средних фермах на открытых полях было разработано 86 % тех нововведений, которые использовались на огороженных фермах. Огораживание сыграло очень малую роль в увеличении урожайности» (1992, с. 134–135). Улучшения на огороженных землях были проведены долгосрочными арендаторами или сохранившимися копигольдерами и фригольдерами, а не землевладельцами, чьи имения были огорожены и которые обеспечивали себе политический рычаг для дальнейших огораживаний.

Даже если огораживание незначительно повысило сельскохозяйственную производительность Англии, оно вместе с ростом численности населения и цен на продовольствие при протекционистских тарифах позволило землевладельцам увеличить свою долю общенационального дохода в форме рент. Потребители не получали никаких выгод в виде снижения цен от удвоения производительности между 1400 и 1800 гг. Вместо этого цены выросли на 15 % в 1450–1550 гг. и оставались на этом уровне до 1750 г., а затем поднялись еще на 25–30 % в 1750–1800 гг. благодаря концентрации земель и протекционистской политике. «Повышение реальной стоимости продовольствия пало особенно тяжкой ношей на бедных, так

of England [London, 1771]) разделяет большинство историков и социологов, как марксистов, так и немарксистов, писавших об истоках английского аграрного капитализма. Вот почему труд Аллена (Allen, 1992) так важен и вот почему мне необходимо представить его открытия в деталях.

как они тратили большую часть своих доходов на еду, по сравнению с богатыми» (Allen, 1992, с. 284).

«Владельцы [сельскохозяйственного] труда и капитала также не получили особых выгод». Реальная цена аренды скота и орудий, которую Аллен используется как наилучший показатель прибыли с капитала в аграрном секторе после земли, «варьировалась в узких рамках» в 1450–1825 гг. (1992, с. 285). Реальная заработная плата сельскохозяйственных работников понизилась почти на 50% в 1450–1600 гг.⁴⁵, затем слегка поднялась в последующие два столетия так, что в 1825 г. она была все еще на треть ниже, чем в 1450 г. (с. 286). Таким образом, потребитель еды, инвестор в аграрные улучшения, а также арендатор и наемный батрак, обрабатывающий землю, не получили никаких выгод с аграрной революции в Англии.

Зарплаты снижались частично потому, что институты сплоченных элит в графствах, созданные для защиты их поместьев от королевских и церковных притязаний и подавления крестьянских волнений, контролировали и безземельных батраков. Самые могущественные землевладельцы каждого графства могли понизить зарплату до уровня, ниже рыночного, выпустив на работу в своих поместьях батраков, чьи средства к существованию оплачивались из налогов на бедных (эти налоги использовались для поддержки бедняков).

Законы, проведенные после крестьянских бунтов 1549 г., только увеличили контрольный аспект пособий. Светские парламентарии при поддержке правительства Уорвика передали благотворительные фонды и власть над крестьянами, кормящимися с пособий от приходских клириков, мировым судьям (Kelly, 1977, с. 165). Эти законы о бедных были частью общих усилий светских землевладельцев направленных на ослабление контроля духовенства над крестьянами и защиту крестьян. Начиная с 1556 г. мировые судьи получили права назначать попечителей над бедными в каждом приходе благодаря

⁴⁵ Демографические детерминисты тоже могут предсказать время и масштаб падения заработной платы, так как наиболее резкое падение было в период быстрого роста численности населения, а медленное повышение началось, когда рост численности замедлился. Демографическая модель неспособна объяснить, почему низкая стоимость производства продовольствия не обогатила ни потребителей, ни коммерческих арендаторов, которые вложили в улучшение земли капитал и которые применяли наемный труд. Только те модели, прослеживающие распределение и использование власти, могут объяснить, почему все эти выгоды попали в руки землевладельцев, у которых были политические рычаги, чтобы осуществлять контроль над землей, рентами и тарифами, а также определять мобильность и место проживания работников.

своей власти оценивать и собирать принудительный налог на бедных (Emmison, 1931, с. 102–116; Hampson, 1934, с. 1–12; Leonard, 1965, с. 57–58). Уровень состояния, начиная с которого взимались налоги на бедных, периодически повышался парламентом в течение последних десятилетий XVI в., и также умножалось число безземельных крестьян, зависимых от пособия (Leonard, 1965, с. 67–72). Наконец в 1597 г. мировые судьи стали взимать налог на бедных со всех жителей графства. Этот закон помог мировым содействовать правительству графства и подчинить себе те приходы, где у крестьян все еще сохранялись сильные земельные права, а так как бродяг было немного, то и находить средства на пособия в приходах, где лишение арендаторов имущества создавало большое количество безземельных крестьян (Hampson, 1934, с. 1–12; Leonard, 1965, с. 76).

Мировые судьи добились широких полномочий управлять и наказывать бродяг по 13 законам о бедных, которые парламент принял в 1495–1610 гг. Любой «непокорный мужчина» (или женщина, или ребенок) определялся как бродяга и мог быть посажен в тюрьму, осужден на принудительный труд в работном доме, оштрафован или бит кнутом (Beier, 1985, с. 8–13). Судьям была дана власть ограничивать мобильность крестьян законом 1556 г., который позволял возвращать безземельных крестьян в то графство, откуда они происходили (Hampson, 1934, с. 1–12). Судьи редко использовали свое право перевозить бродягу через всю Англию в его родное графство, чаще они вынуждали безземельных селиться вне приходов, где преобладали огороженные поместья (Beier, 1969, с. 172–173; Slack, 1974, с. 360–379). Полномочия по законам о бедных, которые судьи унаследовали от духовенства и которые были увеличены парламентом, стали основой их власти финансировать средства проживания безземельных крестьян и регулировать их мобильность внутри графств.

Мировые судьи и попечители, которых они назначали, воспринимали ограничение мобильности крестьян как свою первоочередную задачу (Beier, 1985; Willcox, 1946, с. 240–247). Деревни и приходы, которые были огорожены, «закрывали», там было маленькое население и отсутствовала работа для местных батраков. Бедных ограничивали «открытыми» деревнями, препятствуя их вторжению в огороженные поместья. Деление земли на открытые и закрытые зоны ограничивало налоги на бедных для землевладельцев, которые закрывали целые приходы, и таким образом в них не оказывалось ни одного бедного жителя. Открытые деревни платили большую часть налогов на бедных, необходимых, чтобы поддерживать безземельных работников, которые затем работали в поместьях закрытых деревень за нищенское жа-

лованье (Yelling, 1977, с. 214–232). Мировые судьи использовали общеграфские налоги на бедных, чтобы обложить приходы, в основном состоящие из фригольдов, т. е. с которых было согнано мало крестьян. Налогообложение по всему графству повышало бремя преуспевающих крестьян, в то время как владельцы огороженных поместий избегали повышенного обложения, так как они часто были влиятельными политиками, служили мировыми судьями и контролировали процесс оценки и обложения налогами (Hampson, 1934, с. 221; Leonard, 1965, с. 167).

Законы требовали, чтобы семьи, у которых имеется минимум в четыре акра земли, насильственно перемещались в закрытые деревни. Землевладельцы арендовали крошечные участки земли для хижин бедняков из своего поместья, которое находилось в открытой зоне. Записи о собраниях мировых судей и попечителей бедных показывают, как часто землевладельцам разрешали арендовать хижины с землей менее чем четыре акра для своих батраков. Затем на аренду такой хижины направлялось пособие для бедных, обеспечивая прямую субсидию землевладельцу. Землевладельцы, которые получали разрешение строить хижины на маленьких участках и большую часть субсидий на аренду от своих арендаторов, обычно были мировыми судьями, попечителями бедных или членами ведущих семей джентри (Barnes, 1961, с. 40–90; Fletcher, 1968, с. 157; Oxley, 1974, с. 107; Willcox, 1946, с. 256–257).

Попечители бедных отличали больных, пожилых и детей — объекты частной благотворительности (Beier, 1985, с. 3–13 и далее; Oxley, 1974, с. 51–60, 102–119) — от здоровых полноценных бедняков, которых направляли на работы, используя средства, собранные по налогу на бедных. Вдобавок к ренте за их хижины полноценные бедняки временами получали деньги или еду (Oxley, 1974, с. 107). Так как прожиточный минимум полноценных бедняков удовлетворялся пособием, работодатели не платили нанятым что-либо, кроме чисто символической платы. Пособия, таким образом, выполняли роль субсидий со стороны массовых налогоплательщиков тем, кто нанимал полноценных бедняков, получая почти бесплатную рабочую силу (Oxley, 1974, с. 14–33, 102–119). В результате работодатели сражались за право нанимать работников на пособия. Те же самые богатые и политически влиятельные землевладельцы, получавшие ренты за хижины, так же использовали и батраков с их субсидиями (Leonard, 1965, с. 167; Oxley, 1974, с. 107).

Хотя налоги на бедных были меньшим бременем для фермеров, плативших большую часть налогов, нежели ренты и десятины (по некоторым источникам, налоги на бедных были равны пятой части десятины [Gibbons, 1959, с. 93–95]), они все же добавляли ноши, которая делала малые земельные держания неприбыльными в эконо-

мически трудные годы, и тем самым ускорили упадок этих малых держаний. Концентрация пособий для бедных для оплаты труда батраков нескольких землевладельцев в каждом графстве была сильным стимулом для этих землевладельцев использовать субсидированный труд и повышать прибыльность своих коммерческих ферм. Одновременно субсидированный труд побуждал землевладельцев выселять из своих поместий арендаторов и огораживать их, еще больше увеличивая ряды безземельных бедняков.

Землевладельцы присваивали себе практически все прибыли с сельскохозяйственного производства в Англии в XVI–XVII вв. Арендная плата с акра, контролируемая инфляцией, слегка упала в 1450–1550 гг., а затем выросла вчетверо в 1550–1600 гг. — в первые десятилетия массового удостоверения и обезземеливания крестьян. Затем ренты утроились снова в 1600–1825 гг. (Allen, 1992, с. 286).

Аллен утверждает, что огораживание имело какое-то отношение к плодам сельскохозяйственных инноваций, уже введенных йоменами. Исходя из вышерассмотренных стратегий землевладельцев, можно прибавить, что удостоверения, бойкоты манориальных судов и атаки на полномочия королевского и церковного судов тоже были попытками землевладельцев получить выгоды с повышения продуктивности, порожденной йоменами. Однако надо помнить, что джен-три разработали эти стратегии, чтобы парировать нападки со стороны конкурентных элит.

Аллен (1994) показывает, что он не осознает продолжающихся ограничений элитных конфликтов и напрямую не разбирает политические истоки стратегий землевладельцев. Он рассматривает власть землевладельцев над землей и трудом как само собой разумеющуюся. Однако, показывая, что землевладельцы практически ничего не прибавили к продуктивности английского сельского хозяйства, Аллен навсегда покончил с тем, что он называет «аграрным фундаментализмом». Тори и марксисты являются аграрными фундаменталистами, разделяя убежденность в том, что «огораживание и крупные фермы продвигали рост производительности... Тори верят, что крупные фермы и огораживание поддерживали или повышали занятость, одновременно еще больше увеличивая производство; результатом был рост и урожайности, и производительности труда⁴⁶. Марксисты, на-

⁴⁶ Тирск (Thirsk, 1967, 1984) и Голдстоун (Goldstone, 1988) также разделяют взгляд тори, хотя и с оговоркой, что занятость увеличилась лишь на пахотных землях, а в пастбищных регионах бывшие сельскохозяйственные работники стали торговцами.

против, настаивают на том, что новые институции сокращали занятость на фермах, тем самым повышая производительность» (с. 4). Аллен показывает, что «в английской истории было две аграрные революции — революция йоменов и землевладельцев» (с. 21). Революция йоменов вызвала повышение производительности; революция землевладельцев перевела и сконцентрировала плоды революционного повышения в производительности.

Эти две революции стали возможны благодаря взаимодействию элитных и классовых конфликтов. Элитные конфликты эпохи Реформации Генриха дали йоменам надежность земельного держания (хотя и временную), которая позволила внести инвестиции, удвоившие урожайность. Более поздние элитные конфликты сконцентрировали власть в руках джентри, позволив землевладельцам провести свою революцию, отняв земли у арендаторов и забрав себе через продолжающиеся повышения арендной платы все прибыли от повышения продуктивности, за которые йомены заплатили своими деньгами и потом.

Усилия землевладельцев получить еще больше от повышения продуктивности (через удостоверения и огораживания) не понизили этой продуктивности. Здесь — ключевое отличие Англии от Франции. В Англии землевладельцы перевели доходы крестьян себе без понижения производительности (хотя Аллен показывает, что производительность и не росла, когда землевладельцы проводили огораживания). Во Франции сеньориальная реакция подорвала производительность французских аналогов йоменов.

Франция

В XVI–XVII вв. аграрная продуктивность во Франции росла гораздо медленнее, чем в Англии. «Производительность труда на французских фермах повысилась, вероятно, на 27% в 1500–1800 гг., в то время как в Англии... она почти удвоилась. К концу XVIII в. 40 английских фермеров могли накормить 100 человек. Во Франции требовалось 60 фермеров» (Hoffman, 1996, с. 136, 139–140).

Цифры столь унылых суммарных достижений Франции скрывают широкие вариации во времени и месте. Некоторые регионы, такие как Нормандия, практически не испытывали экономического роста в 1520–1785 гг., в то время как выпуск продукции на западе, а еще больше на юге в действительности существенно упал за XVII–XVIII вв. (Hoffman, 1996, с. 130). «В Парижском бассейне... темпы роста [сельскохозяйственной продуктивности] по стандартам раннего Нового

времени просто взмывали вверх: 0,3–0,4% в год в XVI в., 0,3% в год или больше — на самом пике, в конце XVIII в.» (с. 133). Схожие долгосрочные темпы роста были достигнуты в 1550–1789 гг. в Лотарингии и, возможно, других частях северо-восточной Франции. Юго-восток, который начинал XVI в. более низкой урожайностью, чем Парижский бассейн, догнал его со своими первыми фермами на севере в XVIII в., поддерживая высочайшие долгосрочные темпы роста из всех регионов Франции (с. 130). Урожайность — «тотальный фактор производительности» труда и инвестирования капитала в сельском хозяйстве — в этих прогрессивных регионах Франции была столь же высока, как и в наиболее продуктивных графствах Англии (с. 140–142).

Широкая вариативность французских регионов подрывает модели, при помощи которых пытались объяснить сельскохозяйственные изменения во Франции как следствия демографических циклов⁴⁷. Региональные различия во Франции важны, хотя и не по тем причинам, которые указывает большинство исследователей французской географии. Не существует связи между тенденциями продуктивности при старом режиме и типом почвы. Зоны, которые Голдстоун (1988, с. 100, карта) классифицирует как имеющие хорошие почвы схожего типа, пережили подъем продуктивности (Парижский бассейн и Лотарингия), стагнацию (Нормандия) и абсолютный спад (северо-запад), в то время как регионы с бедной почвой (юго-восток) наслаждались самыми высокими темпами роста продуктивности во всей Франции.

Если демография и типы почвы не объясняют различий в судьбах сельского хозяйства при старом режиме, то какие факторы могут это сделать? Контроль над землей и трудом и доступ к капиталу, рынкам и транспортным сетям значили во Франции не меньше, чем в Англии. Сельскохозяйственные рынки и транспортные сети были сконцентрированы в Париже из-за королевской политики концентрации населения и богатства в столице, а также потому, что большинство дорог и каналов шло именно из Парижа по страте-

⁴⁷ Здесь прослеживается параллель с моделью демографического детерминизма, о которой говорилось выше: демографические циклы масштаба континента не могут быть привлечены в качестве объяснения изменений в сельском хозяйстве, которые произошли в одной части этого континента и не произошли в другой. Роберт Бреннер очень красноречиво это показал, хотя его собственная модель неадекватна по причинам, которые я специально обсуждал во второй главе и которые в более общем виде постоянно всплывают на страницах этой книги.

гическим соображениям. Поступая так, королевская власть создавала центр спроса, который стимулировал сельскохозяйственные инновации и улучшения в Парижском бассейне и других регионах, связанных со столицей.

Большая часть роста сельскохозяйственной производительности при старом режиме проходила в расширяющемся круге регионов, которые обслуживали растущий парижский рынок. С ростом городского населения повышался и спрос на корм для городского скота, что, в свою очередь, стимулировало фермеров инвестироваться в искусственные луга. Фермеры поставляли в Париж продовольствие, а возвращались с навозом, который повышал урожайность. Парижане, когда их число и богатство стали расти, требовали все больше качественного зерна, винограда и скота (Gruter, 1977). Купцы организовывали транспортные сети, сокращавшие стоимость сделки и перевозки, а позже форсировавшие парижский рынок специализированных сельскохозяйственных товаров. Дороги и каналы, которые шли от Парижа, связали Парижский бассейн, Нормандию и северо-восток с рынком столицы, одновременно лишая всех преимуществ запад и юг Франции (Hoffman, 1996, с. 170–184)⁴⁸.

⁴⁸ Милитаристская политика абсолютистской монархии соединилась со стремлением купцов организовать и тенденцией парижского рынка реорганизовать французскую транспортную сеть. Географическая близость к Парижу или торговым сетям стала важнее, чем доступ к водным путям. Границы «другой Франции» Фокса (Fox, 1971) сместились, когда деятельность государства и купцов втянули некоторые регионы во французское ядро, оставив другие, которые некогда использовали водные пути для создания коммерческих сетей с центрами в провинциальных городах, изолированными островками.

Хечтер и Брустайн (Hechter, Brustein, 1980) нарисовали более комплексную карту трех региональных способов производства. Они заявляют, что социальная структура каждого региона была сформирована уже в XII в. Они также утверждают, что государства образовались в феодальных регионах потому, что знать в этих регионах научилась извлекать больше прибавочного продукта, чем землевладельцы в регионах с оседлым животноводством и мелким сырьевым производством. Теория Хечтера и Брустайна эссенциалистская: она анализирует образование государства (или развитие капитализма) как следствие фиксированного набора причин. Их модель не оправдывает ожиданий, потому что не учитывает, как на протяжении столетий элитные и классовые конфликты изменяли аграрный строй каждого региона. Капиталистическое развитие и образование государства — это процессы, а не следствия чего-либо. Их нельзя предсказать исходя из набора причин, наблюдаемых за несколько веков ранее. Вот почему наиболее развитые французские регионы в XVIII в. были не все теми самыми регионами с наиболее благоприятными природными условиями или наиболее прогрессивной социальной структурой Средневековья.

В то время как Париж стимулировал сельскохозяйственные инновации и инвестиции в некоторых регионах, французская корона и созданный ею вертикальный абсолютизм подрывали сельскохозяйственное развитие во всех других аспектах. Налоги, своевольные захваты, мародерство и конфискации в военное время раз за разом лишали французских фермеров денег, скота и других форм капитала для инвестиций в сельское хозяйство. Каждый такой случай экспроприации или опустошения отбрасывал сельскохозяйственную производительность назад. «Экспроприации середины XVII в. превратили процветающих крестьянских предпринимателей в умирающих от голода издолщников» (Fitch, 1978, с. 204–205). Война и государственные финансовые кризисы, которые за ней следовали, «разорjali сельскую экономику и заставляли резко падать продуктивность» (Hoffman, 1996, с. 202). На восстановление требовались десятилетия – повторяющиеся войны в конце XVII в. превратили большую часть Франции в менее продуктивную страну по сравнению с началом столетия. Некоторые французские фермерские регионы в 1789 г. были беднее, чем в 1500 г. (Dontenwill, 1973; Fitch, 1978; Hoffman, 1996; Jacqart, 1975).

Постоянный конфликт элит и пересекающиеся полномочия, порожденные вертикальным абсолютизмом, сделали так, что большинство сельхозугодий при старом режиме так и не стало частной собственностью, когда один владелец полностью контролирует землю и ее плоды, как это случилось в Англии в XVII в. Коронные стратегии, разделяющие элиты и обеспечивающие доступ сборщиков налогов к крестьянскому производству, также увековечивали законные права, ставшие непреодолимым барьером для тех, кто пытался огородить свою собственность.

Французские фермеры были ограничены в своей власти над землей на протяжении всего старого режима. Ни одна из элит монополично не контролировала земли и потому не способствовала капиталовложениям в улучшения, способные привести к значительному росту урожайности. Огораживание во Франции требовало единогласного решения всех земледержателей в деревне. Французские землевладельцы так и не смогли добиться законов, позволяющих им огораживание большинством голосов, как в Англии. Любой земледержатель в каждой деревне мог, если у него хватало средств, воспрепятствовать огораживанию через суд. Огораживания во Франции ограничивались редкими деревнями, где землевладелец соглашался платить всем земледержателям за согласие или где все другие земледержатели были слишком бедны, чтобы препятствовать этому (Hoffman, 1996, с. 33–34; Jacqart, 1974; Neveux, 1975, 1980; Venard, 1957, с. 51–55).

Даже там, где землевладельцы смогли добиться соглашений об обмене земельными участками с меньшими земледержателями или вынудить их к этому через огораживание, фермерская «консолидация не смогла повысить урожай зерновых» (Hoffman, 1996, с. 160). «Ликвидация политических помех огораживанию мало бы что дала продуктивности», так как крупномасштабные проекты по осушению, возможные при огораживании, подняли бы продуктивность «не более, чем на 3 %» (с. 170)⁴⁹.

Рост размеров ферм повлиял на общий подъем производительности, прибавив 1% к суммарному производству в Парижском бассейне и до 7% в Нормандии в конце XVI–XVIII в. «Практически ни один [из подъемов производительности] не был результатом... капитальных улучшений, [таких как] осушение, строительство или мелиорация почвы» (Hoffman, 1996, с. 149). Большая часть преимуществ размера объяснялась повышением коэффициента полезного действия в использовании животных и орудий труда и от улучшения производительности труда. Фермеры повышали КПД независимо от того, владели ли они одной крупной фермой или же арендовали некоторое число мелких и отделенных друг от друга участков у нескольких владельцев (с. 143–170).

Французы, которые вкладывали капитал в сельскохозяйственные улучшения и продвигали аграрные инновации, в основном были мелкими товарными и семейными фермерами. Богатейшие регионы Франции старого режима, как и подобные им в Англии, пережили революцию йоменов. Франция отличалась от Англии тем, что французские сельскохозяйственные улучшения не распространялись по всем регионам дальше столицы, и тем, что за революцией йоменов не последовало создание крупномасштабных капиталистических ферм до самого XIX в., т. е. 200 лет спустя после того, как это произошло в Англии.

Элитные конфликты и вертикальный абсолютизм заставили прогресс во французском сельском хозяйстве оставаться географически и социально ограниченным при старом режиме. Французские землевладельцы из знати и буржуа, в отличие от своих английских коллег, уехали из сельской местности в XVIII в., привлеченные должностями в общенациональных и провинциальных столицах. Землевладельцы почти повсеместно забрасывали товарное фермерство, переселяясь в города в поисках должностей и придворной жизни. Коммерческое

⁴⁹ В этом выводы Хоффмана по Франции почти повторяют выводы Аллена по Англии.

фермерство требовало постоянного надзора и было несовместимо с более прибыльным и престижным поиском должностей и почестей⁵⁰.

Землевладельцы, которые хотели, чтобы их хозяйство велось в их отсутствие, должны были искать пути сокращения необходимого надзора в своих поместьях. Все стратегии, применявшиеся такими отсутствующими землевладельцами для компенсации дефицита надзора — наем управляющих, сдача земли в аренду и издольщина — сокращали их прибыль с земли, ниже уровня рантье, которые оставались в своих поместьях во Франции и Англии. Эти отсутствующие пытались нанять управляющих, чтобы вести дела в поместье. Компетентные управляющие стоили дорого, их было сложно найти, и все управляющие поместьями были склонны к коррупции. Зарплаты управляющих, их комиссионные и взятки могли поглотить значительную часть доходов с поместья.

Поэтому землевладельцы часто действовали без управляющих или нанимали менее умелых и более дешевых клерков, которые присылали им отчеты в их городские резиденции. Землевладельцы время от времени посещали свои поместья, чтобы собрать ренту или часть урожая, а также старались добиться того, чтобы арендаторы не расхищали их фермы. Когда арендаторы разоряли, грабили или вредили собственности, землевладельцы часто набирали новых.

Землевладельцы явно хотели минимизировать эти разрушительные потери. Они желали уменьшить риск того, что неурожай или разорение арендаторов могут пресечь поток доходов, которые они использовали для поддержания городского стиля жизни. Землевладельцы лучше могли удовлетворить обоим требованиям, если сдавали свои земли в аренду большими порциями хорошо капитализированным товарными фермерам (*табл. 6.2*).

Крупные, хорошо капитализированные коммерческие фермы исключали почти все расходы на надзор и риски для отсутствующего землевладельца. Однако немногие арендаторы имели достаточно капитала, чтобы снять крупную ферму и одновременно платить за зерно, инструменты, рабочий скот, а также выдавать зарплату в месяцы, предшествующие сбору урожая. Такие богатые арендаторы хорошо вознаграждались, землевладельцы брали с них меньше арендной платы за акр, чем с мелких, менее надежных. Эта экономически целе-

⁵⁰ Рассмотрение стратегий землевладельцев в этом и следующих десяти абзацах основано на работах: Hoffman (1996), Le Roy Ladurie (1975, [1977], 1987), Venard (1957), Jacquart (1974), Neveux (1975), Dontenwill (1973), Gruter (1977), Meyer (1966), Mireaux (1958), Peret (1976), Saint-Jacob (1960), Vovelle, Roche (1965), Wood (1980).

ТАБЛИЦА 6.2. Относительные риски и стоимость стратегий французских землевладельцев

Риск неплатежа	Необходимость надзора		
	Низкая	Средняя	Высокая
Высокий	—	Сдача в аренду мелким фермерам	—
Низкий	Сдача в аренду коммерческим фермерам	Издольщина	Наемный труд

рациональная практика (Hoffman, 1996, с. 49–69) поощряла крупных арендаторов, тем самым концентрируя землю в руках коммерческих фермеров с наибольшими ресурсами. «Для фермера с необходимыми навыками и капиталом... не было никаких помех на пути» объединения купленных или взятых в аренду земель в большую, эффективную и прибыльную коммерческую ферму (с. 149).

Богатые арендаторы могли выбирать землю, которую они хотели взять в аренду. Неудивительно, что они выбирали высококачественную землю, связанную транспортными маршрутами с Парижем, так, чтобы производить дорогой урожай и продавать его только на тот рынок, где достаточно спроса, оправдывая высокую ренту, капиталовложения и улучшения, проведенные коммерческими фермерами.

Во французском сельском хозяйстве в этих привилегированных регионах около Парижа, на первый взгляд, кажется, приняли трехпольную систему культивирования, схожую с той, что была в Англии. Землевладельцы, однако, жили в своих поместьях и могли надзирать за коммерческими фермерами, которым они сдавали землю в аренду. Английские землевладельцы замечали, когда арендаторы что-то улучшали, и, следовательно, могли быстро включить увеличение продуктивности и повысить ренты. Французские землевладельцы, не жившие в поместьях весь год или большую его часть, не могли отследить изменения продуктивности своей земли или прибыльности своих арендаторов. В результате повышения ренты отставали от улучшений производительности — часто на десятилетия. Ренты не поспевали за инфляцией, которую было легче отследить даже издали⁵¹.

⁵¹ У Леруа Ладюри (Le Roy Ladurie [1977], 1987), Невё (Neveux, 1975), Морино (Mori-

Крупные арендаторы пользовались своей привлекательностью для отсутствующих землевладельцев, которые были готовы поменять потенциальный доход на низкий уровень надзора и низкие риски неплатежа. Такие арендаторы требовали и получали долгосрочную аренду. Продолжительность аренды на крупных фермах увеличилась за XVIII в. с нескольких лет до десятилетия или более (Dontenwill, 1973, с. 135–214; Meyer, 1966, с. 544–556; Morineau, 1977; Neveux, 1975, с. 126–138; Venard, 1957, с. 70–75).

Землевладельцы часто были готовы предоставить исключительно долгосрочную аренду в обмен на высокий начальный взнос. Хорошо капитализированные арендаторы могли принять такие условия и тем самым оказаться в положении, позволяющем получать прибыль с повышения продуктивности и инфляции за десятилетия аренды. Землевладельцы предлагали долгосрочную аренду по ряду причин. Дворяне, жившие в долгах, не имели другого выбора, кроме закладывания будущего дохода в обмен на немедленное получение денег. Клирики и светские чиновники, контролировавшие собственную землю, но не владевшие ей, имели мощный стимул предлагать долгосрочную аренду, лишавшую их институции и преемников будущих прибылей в обмен на начальные взносы, которые клали себе в карман⁵².

Там, где арендаторы были богаты, а землевладельцы не жили в поместьях, равновесие власти нарушилось⁵³. Арендаторы в некоторых

пеау, 1977), Донтенвилла (Dontenwill, 1973) и Пере (Peret, 1976) приводятся разные данные о повышении ренты, что отражает различия в регионах, которые они исследовали. Однако они все согласны в том, что ренты повышались, чтобы учесть инфляцию при каждом возобновлении арендного договора, в то время как повышение продуктивности не всегда отражалось в новых арендных договорах. Хоффман (Hoffman, 1996) уверен, что землевладельцы могли отслеживать улучшение продуктивности, что, как он утверждает, отражалось на повышении рыночных цен за аренду земли при краткосрочных договорах, на один-два года. Неважно, насколько бдительны были землевладельцы в отношении улучшений продуктивности, они были вынуждены отказываться от таких доходов в пользу длительной аренды. Арендаторы, которые с большей вероятностью проводили улучшения, были крупными арендаторами, способными потребовать себе долгосрочных договоров, и тем самым отложить тот момент, когда им приходилось делиться выигрышами в продуктивности с землевладельцами.

⁵² Английское духовенство тоже проворачивало дела за счет своих институций. Эта коррупция прекратилась, когда церковные земли, захваченные во время Реформации, были проданы светским владельцам. То, что во Франции подобных экспроприаций и продаж не проводилось, позволило коррупции духовенства продолжаться до самой революции.

⁵³ Этот паттерн крестьянских восстаний сходен с английским, рассмотренным

областях северо-востока и северо-запада смогли настоять на праве возобновлять аренду на старых условиях (Hoffman, 1996, с. 53, 113–114). Арендаторы в таких областях прикарманивали всю выручку с улучшения продуктивности и инфляции, хотя на большей части северо-запада увеличение продуктивности было слишком мало, чтобы с него обогатиться.

Землевладельцы повсюду во Франции были вынуждены соглашаться на менее капитализированных арендаторов, снимавших меньшие фермы или в областях, удаленных от Парижа, даже на издольщиков. Хотя договорные ренты с маленьких участков и прибыли с издольщины были выше, чем ренты, получаемые с крупных арендаторов, обе эти стратегии имели свои издержки, сокращавшие прибыли землевладельцев. Землевладельцам приходилось обеспечивать инструментами и семенами обнищавших крестьян, составлявших большинство издольщиков. Землевладельцам не нужно было повышать эксплуатационные расходы. Тем не менее у мелких арендаторов обычно оставалось мало или совсем не оставалось денег после покупки инструментов, семян и небольшого поголовья скота. Один-единственный плохой урожай мог обанкротить мелкого арендатора, лишив его возможности выплачивать ренту. Землевладельцы не могли получать прибыль с такой фермы, пока он не находил нового арендатора на следующий год. Землевладельцы могли, и это случалось, потерять все доходы со своей земли, когда мелкие арендаторы разорялись из года в год. Землевладельцы также должны были обеспечивать большой надзор либо собственными силами, либо через платных агентов за мелкими арендаторами и издольщиками, чем за крупными и коммерческими фермерами.

У мелких арендаторов и издольщиков почти никогда не случалось хороших урожаев подряд, без перерыва, вызванного войной или над-

ранее в данной главе. Там, где джентри оставались неорганизованными в XVII в., что частично объясняется отсутствием в поместьях и уничтожением магнатов, способность землевладельцев повышать ренту или бороться с традиционными крестьянскими правами на землю была ограничена. Схожим образом во Франции богатые крестьяне и коммерческие фермеры (эквивалент фригольдеров и копигольдеров с надежными договорами) смогли утвердить свое *droit de marche* (право занимать землю по традиционным рентам) или практиковать *mauvais gre* (коллективные действия против повышения землевладельцем рента или борьба новых арендаторов за свои фермы), там, где они сталкивались с неорганизованными или не живущими в поместьях землевладельцами. Ренты застывали на традиционном уровне в тех регионах Франции и Англии, где сталкивались сильные крестьяне и слабые землевладельцы.

бавкой налогов, в течение времени, достаточно долгого, чтобы накопить капитал и перейти в ранг среднего или крупного арендатора. Часто, когда мелкие арендаторы делали свои фермы прибыльными, землевладельцы из корыстолюбия восстанавливали свои феодальные права, чтобы присвоить эту прибыль. Эта стратегия сеньориальной реакции жертвовала весьма ненадежными долгосрочными выигрышами в продуктивности, чтобы максимизировать краткосрочные доходы землевладельцев. Такая стратегия была более разумной для землевладельцев в тех областях, где большое расстояние до парижского рынка или бедные почвы для крупных и мелких фермеров давали мало возможностей продемонстрировать возможные прибыли от постоянных улучшений в производстве и сбыте.

Растущая доля французских крестьян становилась безземельной, или их фермы сокращались до размеров, меньших, чем требовалось, чтобы полностью занять работой и обеспечить семью после выплаты налогов и других расходов. К 1700 г. 3/4 семей сельской Франции не могли обеспечивать себя семейными фермами. Эти семьи жили на заработки, которые они получали в качестве ремесленников и поденщиков⁵⁴. Батраки редко работали на коммерческих фермах, управляемых землевладельцами. Но в силу того, что платный труд требовал большего надзора, отсутствующие в своих поместьях землевладельцы почти никогда не устраивали ферм, которые бы зависели от труда батраков. Платных работников обычно нанимали преуспевающие фермеры из крестьян, которые всегда присутствовали на месте для необходимого присмотра, или когда они работали в сельской индустрии. Многие семьи подкрепляли свои заработки доходами с маленьких арендованных наделов. Такие арендаторы, однако, находились под постоянным риском разорения и не могли вложить время или деньги в улучшения.

Таким образом, риски отсутствующего в поместье землевладельца и стратегии минимизации надзора привели к дальнейшей концентрации капитала, точно так же, как и предпринимательских и сель-

⁵⁴ «Наиболее тщательное рассмотрение вопросов... показывает, что надо было иметь 10 га (или примерно 25 акров), чтобы поддерживать семью, кормить скот и платить все требуемые налоги, даже на самых плодородных почвах Парижского бассейна» (Hoffman, 1996, с. 36). Хоффман (с. 40) и Жакар (Jacquart, 1974, с. 165–166) оба делают вывод, что большая часть дохода у 3/4 всех семей зависела от того, что они получали от наемного труда. Невё (Neveux, 1980), Дюпакье, Жакар (Dupaquier, Jacquart, 1973), Сабатье (Sabatier, 1966) и Гишар (Guichard, 1966) обнаружили, что от 2/3 до 90% семей в тех регионах, которые они изучали, стали зависеть от своего наемного труда к XVIII в.

скохозийственных знаний в наиболее успешные коммерческие фермы в немногих регионах Франции. Более бедные и менее знающие фермеры-крестьяне были вытянуты на мелкие фермы, отдаленные от прибыльных городских рынков. В этом смысле незначительные экологические различия между французскими областями стали усугубляться из-за вывода капитала отсутствующих землевладельцев и избирательными решениями относительно немногочисленных арендаторов с капиталом, необходимым для производства сельскохозяйственной революции.

Факторы, ограничившие полномасштабную сельскохозяйственную революцию в областях, связанных с парижским рынком, были плодами вертикального абсолютизма, который был выкован в элитных конфликтах XVII–XVIII вв. (*схема б.1*).

Корона развивала вертикальный абсолютизм как лучший ответ на власть множественных элит (см. четвертую главу). Вертикальный абсолютизм позволил финансировать частые войны налогами, которые переходили в экспроприацию, и продажей должностей. Вертикальный абсолютизм также являлся рассадником должностей, которые поглощали растущую долю сельского (и городского) избыточного продукта, одновременно создавая множественные полномочия, делившие контроль над землей. Землевладельцы стали покидать свои поместья и концентрировали свое время и деньги в столице, когда озаботились синекурами. Париж стал рынком высокоприбыльных сельскохозяйственных товаров. Корона также выстроила относительно эффективные транспортные сети, которые по военным соображениям были центрированы только на Париже. Таким образом, области внутри парижской сферы влияния получили все необходимые факторы для сельскохозяйственных инвестиций и инноваций. Остальная часть Франции была поражена потерями капитала от войн, налогов и выводом капитала. Абсентеизм землевладельцев вывел из этих областей капитал, необходимый для установления системы капиталистической эксплуатации и инвестиций. Вместо этого землевладельцы были вынуждены благодаря обстоятельствам, в которых они оказались, создавать режимы аренды и издольщины, которые только осложнили результаты вертикального абсолютизма в других сферах, «переопределив» недоразвитость⁵⁵ остальной Фран-

⁵⁵ Альтюссер и Балибар (Althusser, Balibar [1968] 1970, с. 106) вывели этот вопрос на абстрактный теоретический уровень. «Только в рамках специфической целостности сложной структуры мы можем осмыслить так называемое запаздывание, ранний старт, устойчивость и неравномерность развития, которые сосуществуют

ции. Старый режим во Франции окончательно разошелся от английского пути развития по структуре элит и политическому устройству. У французских землевладельцев так никогда и не появилось возможности контролировать землю и регулировать платный труд, что подстегнуло аграрный капитализм в Англии.

ОТ АГРАРНОГО К ИНДУСТРИАЛЬНОМУ КАПИТАЛИЗМУ

Английские йомены и их эквиваленты, мелкие собственники во Франции, Нидерландах и повсюду в северо-западной Европе, совершили аграрную революцию, когда применили технологические инновации, вызвавшие беспрецедентное повышение урожайности. Элиты повлияли на аграрную продуктивность только однажды, когда революция уже шла, после того, как она принесла большую часть своих плодов⁵⁶. Элиты вмешивались в сельское хозяйство по тем же причинам, что и всегда: чтобы защитить свой контроль над землей и ее продуктами от конкурирующих элит и классов.

Заинтересованность каждой элиты и ее возможности по вмешательству менялись на протяжении веков согласно особым траекториям конфликтов в их политиях. Английские и французские, голландские, испанские и итальянские элиты — каждая получали со временем некоторые возможности вмешиваться в работу крестьян и других земледельцев. При этом элиты каждой страны обуславливали способы производства, которые отличались по продуктивности, и те способы, которыми распределялись плоды земли и труда. Эти различия, в свою очередь, обуславливали последующее развитие индустриального капитализма в каждой стране и во всем мире в целом.

Голландские элиты были менее способны регулировать и присваивать себе прибавочный продукт у земледельцев, чем элиты Англии и Франции. Таким образом, Нидерланды можно рассматривать

в структуре реального исторического настоящего». Я привел эту цитату, чтобы показать, что любое частное развитие капитализма или государства, или любого другого социального явления можно понять, только рассматривая его как продукт продолжающейся социальной борьбы, которая определяет и перестраивает социальные структуры в никогда не заканчивающемся процессе исторического изменения.

⁵⁶ Внедрение новшеств индустриальной революции: машин, удобрений, пестицидов и семян вызвало второй крупный скачок урожайности, одновременно драматическим образом сократив трудозатраты в конце XIX — начале XX в. Эта вторая аграрная революция выходит за рамки рассмотрения данной книги.

иллюстрация 6.1. Причинно-следственная модель региональных различий во Франции при старом режиме

как отрицательный пример, указание на то, как могла бы пройти революция йоменов и сельском хозяйстве Англии и Франции, если бы ее не прерывали и если бы ее плоды не присваивали элиты этих стран.

Голландские коммерческие фермеры, как их английские и французские собратья, добились процветания для самих себя, удовлетворяя спрос горожан на высокоприбыльную продовольственную продукцию и индустриальные товары. Состояние коммерческих фер-

меров росло и уменьшалось вместе с экономикой этих городов. Голландские фермеры хорошо справлялись и были способны вкладываться в сельскохозяйственные улучшения, пока голландские горожане процветали от международной торговли и колониализма. Когда Голландия уступила британцам свои колонии и торговые сети, упал городской спрос, и голландские фермеры потеряли доход и капитал.

Революции йоменов в сельском хозяйстве зависели от преуспевания городских рынков. Мы видели это на примере подъема и падения аграрного процветания в Нидерландах и в том, что ареал аграрного улучшения во Франции ограничивался областями, кормившими Париж. Йомены не представляли достаточно большого рынка, чтобы поддержать нововведения в своем собственном аграрном секторе, и не могли вызвать развитие мануфактурного производства.

Йоменов, возможно, хватило на аграрную революцию, но они были вторичным источником капитала и рыночного спроса, необходимого, чтобы подтолкнуть индустриальный капитализм. Эрик Хобсбаум утверждает:

Если бы хлопковая промышленность в 1760 г. целиком зависела от фактического спроса на штучные товары, который тогда существовал, железные дороги — от фактического спроса в 1850 г., автомобильная промышленность — от этого же в 1900 г., то ни одна из этих индустрий не произвела бы технической революции... Капиталистическое производство, следовательно, должно было найти способы создать свои собственные, расширяющиеся рынки, исключая редкие и изолированные случаи, это было невозможно в феодальных рамках... Кроме того, совсем не ясно, были ли эти ранние стадии социальной трансформации достаточно быстрыми и обширными, чтобы произвести такую стремительную экспансию спроса, или перспектива такой дальнейшей экспансии — столь соблазнительной и надежной, чтобы подтолкнуть мануфактурщиков к технической революции. Частично это потому, что создание «развитых областей» в XVII — начале XVIII в. было относительно незначительным и рассеянным. Если индустриальная революция все же произошла, то некоторое число стран или индустрий должно было действовать на некоей «искусственной тяге», которая поддувала алчность предпринимателей, пока не нагнала их до момента самовозгорания ([1954], 1965, с. 43–44).

Хобсбаум определил три источника «искусственной тяги»: 1) «торговля всех стран была в основном сконцентрирована в руках самых индустриально развитых, прямо или косвенно»; 2) «Англия в особен-

ности породила крупный и расширяющийся... внутренний рынок» и 3) «новая колониальная система, в основном основанная на экономике рабовладельческих плантаций, произвела специальную, собственную «искусственную тягу» (1965, с. 44)⁵⁷.

Все три элемента были необходимы для поддержания инноваций и инвестиций, которые привели к индустриальной революции. В Нидерландах «золотой век» процветания не продлился так долго, чтобы превратить голландских фермеров и городских рабочих в класс потребителей, который мог стать источником необходимого спроса и подстегнуть мануфактурное производство. Голландские фермеры стали покупателями готовой продукции. Но они занимали третье место в списке потребителей после горожан-соотечественников и иностранцев. Когда иностранные рынки уступили конкурентам и городской спрос упал, сельский сектор был слишком слаб, чтобы поддержать значительное мануфактурное производство в любом секторе.

Французские фермеры процветали, если у них был доступ в Париж. Инвестиции в аграрный сектор оправдывались и были возможны только для тех фермеров, которые обслуживали растущий парижский рынок. Потребительский спрос Парижа, в свою очередь, зависел от доходов абсолютистского режима.

Французские фермеры пережили несколько циклов процветания и нищеты. Гражданские и затянувшиеся заграничные войны, невзирая на их результаты, вызывали финансовые кризисы монархии. Держатели должностей и инвесторы в государственные долги испытывали упадок доходов во время каждого финансового кризиса, что, в свою очередь, сокращало спрос на высокоприбыльные сельскохозяйственные товары, так же как и на городских промышленников. Коммерческие фермеры дважды страдали в такие периоды: от повышения налогов, военные захваты и мародерство лишали фермеров капитала, а сократившийся спрос снижал способность фермеров накапливать и восстанавливать свой капитал.

Фермеры-йомены и в Нидерландах, и во Франции были временными получателями богатства, которые были порождены в других (колониальных или государственных) секторах. Тем не менее элиты, которые построили голландскую торговую империю и французское

⁵⁷ Исследование миросистем Иммануила Валлерстайна (Wallerstein, 1974–1989) зиждется на основном открытии Хобсбаума и особо касается динамики третьего источника спроса и его влияния на развитие капитализма в ядре его зарождения, а также по всей миросистеме.

государство, присваивали все более растущую долю доходов, накапливавшихся в их секторах. Когда элиты в обеих странах трансформировали себя в функциональный эквивалент пенсионеров (занимая позиции, которые Макс Вебер обозначал как патримониальные), они высосали из своих колониальных и коммерческих институций ресурсы и гибкость, необходимые для конкуренции с британцами.

Резервуар капитала, доступный сельским и городским инвесторам в Нидерландах и Франции в XVII–XVIII вв., осушался с двух сторон. Сужающийся корпус голландских и французских элит, которым было позволено вкладываться в государственные должности и долги, направлял туда свой капитал, потому что ему нужны были более прибыльные доходы. Когда британцы стали контролировать все большую долю иностранных рынков и прибыли с колониализма, французские и голландские фермеры и промышленники испытали колебания и спад спроса. В таких обстоятельствах владельцы капитала, запертые на государственных должностях (или привилегированные элиты, которые не могли вкладывать свой капитал в государственные инструменты), не хотели ставить на ненадежные прибыли от улучшения местных ферм или поощрения внутренней индустрии. Вместо этого французский и голландский капиталы направлялись за границу, в том числе и в Британию. Капитал стал доступен и британскому государству, и британским акционерным компаниям (Carruthers, 1996, с. 53–114 и далее).

Британскому сельскому хозяйству и промышленности содействовало удачное сочетание внутренних структурных отношений, вследствие которых капитал направлялся в производительные предприятия, и слабости конкурентов, которые вкладывали капитал в паразитические элитные режимы. Слабость иностранцев позволила Британии главенствовать в международном военном и коммерческом соперничестве и привлекать капитал со всей Европы.

Английское сельское хозяйство прямо и косвенно поощряло британский индустриальный капитализм. Английский аграрный капитализм освободил капитал и труд, который можно было сначала направить в протокапиталистическое домашнее и сельское мануфактурное производство, а потом в крупномасштабный индустриальный капитализм⁵⁸. Косвенно английский аграрный капитализм действо-

⁵⁸ Аллен (Allen, 1992, с. 211–262) проследивает упадок занятости в сельском хозяйстве в XVII–XVIII вв. в абсолютных значениях, а также увеличение суммарной продукции. Аллен показывает, что землевладельцам доставалась целиком вся прибыль от улучшения продуктивности. Продовольственные цены не снижались, а зара-

вал как структурный бастион против растраты капитала на политические конфликты.

Английские фермеры были уникальными в том смысле, что плоды аграрной революции были присвоены джентри, которым не нужно было инвестироваться в политику, чтобы удержать свое землевладение. Для таких политических инвестиций практически не осталось возможностей после английской гражданской войны. Не элитные конфликты и политические возможности, истощающие инвестиции (как это случилось в ренессансной Италии, Испанской империи, Нидерландах и Франции старого режима), а элитная структура стабилизировалась на местном уровне в эпоху Елизаветы и на общенациональном уровне после гражданской войны.

Абсолютное владение землей английскими джентри обеспечило то, что прибыли с сельского хозяйства не присваивались паразитической государственной элитой. Кроме того, плоды аграрной революции не поглощались растущим населением, как это случилось в большинстве областей Франции, где обеспеченные крестьяне вкладывали свои прибыли в воспитание детей, которых впоследствии можно было использовать для увеличения денежных доходов семьи путем получения заработной платы⁵⁹.

ботная плата не повышалась. Аллен утверждает (с. 263–280), что прибыль в сельском хозяйстве выбрасывалась на ветер, так как землевладельцы направляли ее на роскошь и вкладывали в улучшения, особенно в перевод пахотной земли в пастбища, что не давало поступлений, сравнимых с такими крупными затратами. Каррутерс (Carruthers, 1996) показывает, что прибыли землевладельцев также инвестировались в государственные долги и доли в акционерных компаниях, что косвенным образом снижало стоимость капитала для предпринимателей, которые создавали продуктивную индустрию, а также поддерживало военные кампании, что вело к завоеванию иностранных рынков для этих отраслей индустрии.

⁵⁹ Аллен (Allen, 1992, с. 303–311) предполагает, что если бы джентри не присвоили себе земельных прав йоменов, то заработки в сельском хозяйстве в XVIII в. могли бы повыситься на 67–100%. Если бы заработки выросли так высоко или если бы у йоменов было больше земли, то тогда фермеры и батраки смогли бы получить больше плодов с аграрной революции. Хауэлл (Howell, 1975, 1983) показывает, что йомены с частной собственностью на землю стали бы ограничивать рождаемость, так, чтобы землю можно было бы передавать, не деля на части, единственному наследнику, а денежные накопления переходили бы ко второму наследнику (в виде приданого для дочери или инвестиций в ремесло для второго сына). В некоторых частях Англии, где у крестьян было больше доступа к земле, хотя и на менее надежной основе, коэффициент рождаемости был выше, как и во Франции и по всей Европе. В Британии наибольший коэффициент рождаемости был у безземельных, чье растущее число держало их на зарплатах, близ-

Джентри, за редкими исключениями, сами не становились индустриальными капиталистами. Джентри порождали и защищали беспрецедентную сверхприбыль от непроизводительных государственных элит выше и воспроизводящихся крестьян и ниже уровнем. Джентри произвели аграрную революцию как нечаянный побочный продукт реализации стратегий по защите земли от конкурирующих элит и крестьян. Частная собственность на землю и связанные с ней структуры аграрного капитализма, а также местное правление джентри защищали растущие прибыли доминирующего сектора экономики Англии раннего Нового времени от государства и других конкурирующих элит, от потребителей, которые продолжали платить большую цену за продовольствие, и от йоменов и сельскохозяйственных работников, которые и способствовали аграрной революции. Джентри, воспользовавшиеся революцией йоменов для защиты своих структурных позиций от посягательств сверху и снизу, накопили капитал, протеларизировали рабочую силу и сформировали государство, которое лучше всего подходило для охраны внутренней экономики и одновременного захвата иностранных рынков. Именно так феодальные элитные и классовые конфликты сформировали английское государство и аграрный способ производства, которые обеспечили необходимые предпосылки для того, чтобы Британия первой создала индустриальный капитализм.

ких к прожиточному минимуму. Победа джентри над йоменами и их контроль над безземельными способствовал «первичному накоплению», необходимому для последующего промышленного капитализма.

РЕЛИГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Религия в первых главах этой книги затрагивалась в первую очередь в ее институциональных аспектах. Церковь была ареной конфликтов, потому что представляла резервуар богатства и власти. В то же время церкви были местом, где люди присягали на верность религиозным лидерам и идеям, и, по мнению Макса Вебера, были критически важны для развития капиталистических практик.

Объяснять происхождение капитализма без ссылки на духовные мотивации протестантизма Вебер считал невозможным. Я хочу показать, что европейцы Средних веков и раннего Нового времени были рациональными в том смысле, что они прекрасно знали о своих непосредственных и локальных интересах и могли определить союзников и противников в борьбе за поддержание и улучшение своих социальных позиций. В то же время индивидуумы и группы обычно были не способны предсказать ни долгосрочный эффект своих стратегий, ни последствия локальных событий, например, трансформацию крупномасштабных социальных структур.

В этой главе анализируется утверждение Вебера в ответ на марксистские и другие структурные объяснения социального действия, которое можно сформулировать так: усилия людей воспроизвести или повысить свое социальное положение мотивируются, а порой и трансформируются религиозными интересами и идеями. Вебер полагал, что религиозные нововведения—особенно относящиеся к кальвинизму и теологически равным сектам—преобразовывали идеальные интересы верующих, заставив их принять новые практики, которые, будучи примененными к светской деятельности, революционизировали экономическое и интеллектуальное производство и отправление власти. Вот почему Вебер говорил о невозможности предсказания места зарождения и траекторий раннего капиталистического развития, исходя из анализа дореформационных социальных структур.

Причинная роль протестантской этики в модели Вебера краткосрочна. Как только люди в одном обществе начали заниматься рационально экономической (или политической, или научной) деятельно-

стью, их соседи и противники в ответ вынуждены были сделать то же самое, чтобы защитить свои материальные интересы. Вот почему Вебер рассматривает рациональное действие как «железную клетку».

Осторожное и расчетливое навязывание Вебером протестантской этике роли причинно-следственного пускового механизма не решает две проблемы. Во-первых, он не может объяснить, почему только некоторые европейцы, а не все, были привлечены протестантской доктриной. Во-вторых, со времени опубликования «Протестантской этики и духа капитализма» несколько историков обнаружили, что ранние протестанты придерживались самых разных взглядов по отношению к политике и экономике, не все из них вели к рациональной экономической деятельности.

Эти две проблемы бросают тень сомнения на всю критику Вебером структурных объяснений развития капитализма. В данной главе предпринята попытка разбить эту позицию и утвердить превосходство структурной модели, показав, как матрица социальных отношений, развитая в предыдущих главах, может быть использована для решения двух проблем веберовского тезиса, объясняя шаблоны религиозной верности и некоторые особые политико-экономические доктрины и практики протестантской и католической церквей в Англии и Франции. Эта структурная матрица позволяет увидеть различные практики и верования протестантизма и реформированного, посттридентского католицизма не как реакцию «традиционного» социального порядка на идеологический удар, а как способы, при помощи которых социальные акторы могли осмыслить и отстаивать свои изменяющиеся светские интересы, примиряя их со столь же реальными и насущными духовными потребностями.

Эта матрица также поможет нам понять различные и не пройденные до конца пути, какими европейцы двигались к рациональному действию в раннее Новое время. Недавние открытия историков, показывающие, с какой легкостью европейцы носили «железную клетку» рациональности в XVI–XVIII вв. и даже в другие эпохи, наносят теоретический и исторический удар по тезису Вебера. Политизированный и неодинаково трактуемый в различных ситуациях характер рациональности, примером чему может служить борьба за подчинение магии и подавление колдовства, заставляет предположить, что фрагментированные элиты и классы, действовавшие в многослойных социальных структурах, прибегали к разным формам действия. Эти формы действия не объясняются веберовскими идеальными типами рациональности и даже игнорируются эволюционными схемами многих поздних последователей Вебера. В данной главе

показывается, что та же структурная динамика, которая установила параметры религиозных верований и действий, оформила и сами исторически различные усилия элиты контролировать народную религию и магию, и создала различные схемы частичного упадка магических верований и практик в Англии и Франции.

Начнем с обзора предшествующей критики и попыток пересмотра тезиса Вебера о протестантской этике. Для исторического анализа почти бесполезны те из них, которые игнорируют особое воздействие протестантской этики, описанное Вебером, на более широкое развитие в сторону современности (*modernity*) и национализма. Весьма полезны те многочисленные исторически обоснованные исследования, показывающие связь между социальным положением тех или иных верующих и содержанием их верований¹. Ниже сравниваются институциональные и идеологические аспекты Реформации и контрреформации в Англии и Франции. Я показываю, что предшествующие попытки анализа более точно предсказывают лояльность участников этих двух движений, а также их последствия в двух странах, когда они фокусируются (хотя бы имплицитно или используя язык других теоретических направлений) на структуре элитных отношений. Я обнаружил, что аналитическое превосходство разбора элитных отношений придает убедительность и тем исследованиям (часто оформленным в терминах классового анализа), которые посвящены усилиям элит трансформировать народные верования и пресечь практику магии. В заключение рациональность будет заново представлена как набор не обязательно накапливающих рационализаций, к каждой из которых прибегали элиты, чьи перспективы ограничивала специфическая историческая и структурная ситуация.

ВОЗРАЖЕНИЯ ВЕБЕРУ

Модернизация и рационализм без кальвинизма

Толкотт Парсонс (Parsons, 1937), открывая труды Вебера и представляя его американской читающей публике, одновременно пытался

¹ Вебер никогда не объяснял, почему социальные группы выбирали, остаться ли им католиками или присоединиться к той или иной протестантской церкви, хотя в «Древнем иудаизме», «Религии Китая» и «Религии Индии» он формулирует структурные объяснения различий в групповой приверженности какой-либо конфессии.

так переиначить аргументы Вебера, чтобы усилить свою собственную «теорию социального действия». В процессе этого Парсонс искал и сильно ослабил веберовскую концепцию рациональности и тезис о протестантской этике. Парсонсу (см. его последние формулировки в работах 1966 и 1971 гг.) протестантская этика не нужна, просто она одна из многих подходящих причин, которые лишь в совокупности способны привести к современному целерациональному действию.

С. Н. Эйзенштадт вслед за Парсонсом выступает за «поиск эквивалентов протестантской этики в незападных странах» (1968, с. 17). Имплицитная гипотеза Эйзенштадта — что все люди хотят материальных благ и им нужно только увидеть, как другие получают больше, чтобы скопировать их — игнорирует тот факт, что в XVI в. почти все люди не имели того, что в ретроспективе кажется очевидным для получения больших благ, и даже в последующие столетия, после того как некоторые центры рационального капитализма уже возникли, большинство людей не бросились их имитировать. Несмотря на множество ссылок на исторические источники, Эйзенштадт не пошел дальше трюизма, что протестантизм или его функциональный эквивалент «институализируется» в плюралистических или децентрализованных обществах с «автономией в социальных, культурных и политических группах» (с. 14). В результате он не смог объяснить, почему некоторые европейские протестантские страны трансформировались, а другие изменились иначе или так же, но гораздо медленнее.

Теоретики этого направления пытаются минимизировать проблему синхронности и форм изменения, представляя модернизацию как «вид универсального социального решения», так что рано или поздно «структуры относительно немодернизированного общества начинают передавать из рук в руки то изменение, которое всегда направлено на структуры относительно модернизированного общества» (Levy, 1966, с. 742, 744). Марион Дж. Леви сравнивает «первых» и «припозднившихся» в модернизации, утверждая, что каждая группа обществ имела разные преимущества и сталкивалась с различными проблемами на пути перехода от одного типа общества к другому. Леви, как и Эйзенштадт, уверена, что структуры модернизированных обществ будут «рассеяны» по всему миру, потому что большинство людей «в той или иной степени заинтересованы в материальном улучшении своей жизни, а некоторые из них всегда будут пытаться удовлетворить это желание при подходящей возможности» (с. 746) и вступят на путь модернизации независимо от того, как это будет

трудно и какую социальную цену придется заплатить за то, чтобы оставить немодернизированные практики².

Чарльз Тилли указывает на ограниченность такого подхода в своей критике концепций политического развития у теоретиков модернизации (1975). Такие модели, пишет Тилли, рисуют «политический процесс, который становится заметен лишь в XIX в. [а именно — непрерывная планомерная эволюция]... Такая литература вряд ли сумеет сформулировать условия, при которых некая конкретная политическая структура [или, я бы добавил, идеологическая практика] распадется, застынет, объединится с другими или трансформируется в другую, прежде невиданную» (с. 615).

Джеймс Б. Коллинз в своей самой новой и наиболее продуманной теории модернизации утверждает, что «протестантизм — всего лишь крайнее напряжение одного из звеньев множества факторов, ведущих к рациональному капитализму. Более того, его воздействие сейчас признается скорее негативным, в том смысле, что он удалил последнюю институциональную помеху, отводящую мотивацию христианства в сторону от экономического рационализма» (1980, с. 934)³.

В то время как Вебер представлял свой тезис о протестантской этике как объяснение для изначального появления первых проблесков капиталистических практик, Коллинз трактует протестантизм как один из нескольких факторов, которые, объединившись, приводят к желанию и стремлению к рациональности, которое может быть задействовано там, где национальное государство уже создало условия для экономической возможности предсказания. Модель Коллинза тем не менее не дает основы для предсказания того, какие государства станут проводить один из видов политики, благоприятной для капитализма. Коллинз определяет капитализм как практику, а не набор социальных отношений и не обращает внимание на то, какие совершенно разные «капиталистические» общественные отношения сформировались и трансформировались в каждом национальном государстве⁴.

² Мои доводы расходятся по основным вопросам с теорией модернизации, в правильности которой я сомневаюсь, и, как я полагаю, мне удалось продемонстрировать, что очень редко предоставляется возможность действия в направлении модернизации или каком-либо еще направлении. Леви, Эйзенштадт, Парсонс и их последователи исходят из принципа, что если есть стремление, то есть и путь, и они видят стремление модернизироваться и, соответственно, модернизацию в большей части мира.

³ Критику позиции Коллинза я представил в третьей главе.

⁴ Розмари Хопкрофт (Rosemary Hopcroft, 1997) представляет другую причинно-

Католическая рациональность

Универсальный уклон в сторону рациональности, отстаиваемый теоретиками модернизации, имплицитно поддерживается некоторыми историками Франции в случае с католической Западной Европой. Бернар Гройтюйсен (Groethuysen, 1968) и Жан Делюмо (Delumeau [1971], 1977) обнаружили, что французская церковь была способна перетолковать католическую доктрину так, чтобы легитимировать предпринимательские практики своих верующих-буржуа. Эти ученые не оспаривают тезис Вебера напрямую, выдвигая альтернативную теорию происхождения капитализма или рациональности. Вместо этого они утверждают, что религия не играет роли, так как капитализм развивался в католической Франции точно так же, как и в протестантской Англии, и что капиталисты использовали свои религии, чтобы легитимировать собственные действия.

Их выводы основаны на том, что религиозные интересы духовенства не конфликтовали со светскими экономическими интересами. В действительности Делюмо анализирует контрреформацию как многостороннюю программу, которую католическое духовенство использовало для обращения в свою веру заграничных врагов Франции и успокоения своих мятежных подданных дома. Рисую католическую доктрину и институции столь эластичными, Делюмо смягчает конфликты внутри церкви и между духовенством и мирянами в посттридентской Франции, разгоревшиеся за право диктовать католическую доктрину, а также присваивать церковные богатства.

Упадок магии

Живучесть суеверий и магических практик в столетия, последовавшие за Реформацией, бросает вызов теориям, разбиравшимся выше.

следственную связь. Она утверждает, что «рационалистические религии обычно получали поддержку в областях, характеризующихся наличием прав собственности на землю и несильным общинным контролем над агрикультурой» (с. 158). Опыт ответственности за собственную судьбу, испытанный в сельском хозяйстве, как полагает Хопкрофт, подготовил фермеров к аскетизму и рациональности протестантизма. Заслужой работы Хопкрофт является то, что она поместила религиозное изменение в контекст более широких изменений в социальных отношениях аграрного сектора. К сожалению, Хопкрофт не занималась вариациями внутри протестантизма и католицизма и не объясняет, как люди использовали новое религиозное мировоззрение для осмысления своих социальных интересов и разработки планов действия.

Вопреки утверждениям современных теоретиков модернизации все люди не без внутреннего сопротивления обращались к рациональным практикам. Постреформационные протестантские священники и посттридентское католическое духовенство потратили много труда, приучая массы к преимуществам рациональных научных изысканий и капитализма.

Кит Томас в своей «Религии и упадке магии» (Thomas, 1971) представляет комплексную картину взаимодействия между магией, религией и наукой. Обращаясь в основном к английским источникам, Томас показывает, что до XVII в. религия — протестантизм и католичество — была интеллектуально сравнима с магией и что духовенство соперничало с мирянами-колдунами, знахарями и ведьмами за клиентуру и верность населения. «[Католическая] церковь не отрицала возможность сверхъестественного действия, но указывала, что оно может исходить только из двух источников: от Бога или от дьявола» (с. 255).

Томас показывает, как постоянное использование католиками молитв и святынь для ежедневных нужд давало интеллектуальную основу колдунам, утверждающим, что магические силы присутствуют вне церкви и могут быть вызваны чародеем для удовлетворения потребностей клиентов лучшим образом, чем при помощи тех немногочисленных методов, разрешенных церковью (с. 25–50, 253–263). Хотя англиканская церковь часто, а пуритане почти всегда отрицали реальность и эффективность магии, практикуемой священниками или мирянами, протестантизм, акцентируя веру в имманентность дьявола, усиливал идею, что в мире действуют магические силы. В действительности, отрицая важность ритуального экзорцизма и утверждая, что только вера и честный труд способны спасти от дьявола, англиканские и пуританские пасторы подталкивали запуганных мирян к оставшимся католическим священникам, к белым ведьмам и тем священнослужителям из радикальных сект, которые по-прежнему практиковали экзорцизм в том или ином виде (с. 469–497).

Если утеря католической церковью фактической монополии на магические практики открыла возможности для конкурентов-колдунов в первое столетие после Реформации, то, как утверждает Томас, продолжительная приверженность протестантов к рационализму и поборничество эффективности человеческого труда создали интеллектуальный климат, подорвавший веру в магию. Сначала протестантская элита в XVII в., а потом и все больше простых людей стали отвергать существование магических сил (с. 641–668).

То, что Томас упирает на первичность интеллектуальных, а не институциональных факторов при объяснении упадка магии, обосновывается его открытием, что в Англии большинство людей оставили веру в магические силы до развития более эффективных научных и медицинских техник контролирования природы и облегчения страданий. «Таким образом, перемена, произошедшая в XVII в., была более ментальной, чем технологической. Во многих различных сферах жизни [в попытках обуздать бедность, улучшить сельское хозяйство, реформировать государство и, что важнее всего, получить научное объяснение] эта эпоха видела пробуждение новой веры в возможности человеческой природы» (с. 661).

Неравномерный и слишком растянутый во времени отказ от магии наносит удар по тезису Вебера о немедленном влиянии протестантизма, сразу вызывающем рациональное мышление и действие. Кроме того, он противоречит заключениям современных теоретиков модернизации о том, что люди меняют свои практики в ответ на видимые достижения в других, более технологически развитых секторах. Рассматривая магию всерьез, как интеллектуальное предприятие, Томас сумел показать «тавтологический характер утверждения [Бронислава] Малиновского о том, что магия занимает вакуум, оставленный наукой» (с. 667). Каждая система вербовала своих сторонников, прежде всего благодаря своим предположениям об отношениях между человеком, Богом и духовным миром, а только потом благодаря своим действенным достижениям. Магия пришла в упадок, по мнению Томаса, потому что сначала элита, а потом и большинство населения стали все меньше и меньше принимать ее интеллектуальные предположения.

Наука привлекла некоторые группы раньше других, а отказ от магии не убедил всех скептиков в необходимости введения государственных санкций против тех, кто продолжал ее практиковать. Томас часто описывает, но не называет причины и различия в отношении к магии и практикующими ее в Англии. И что особенно важно, Томас не объясняет расхождения между интеллектуальным отказом от магии и желанием преследовать колдунов. Пуритане первыми в Англии отрицали возможность манипулирования магическими силами в этом мире, однако они очень неохотно поддерживали, а порой и противодействовали повторяющимся попыткам чиновников англиканской церкви преследовать колдунов из народа, при том что сами англикане не были готовы оставить магические практики. Между тем равно хорошо образованные священники и миряне — члены радикальных сект приветствовали магию, даже когда они пыта-

лись отделить свои практики от практик католиков или частных колдунов. Кроме того, Томас не может объяснить, почему атаки на ведьм в Англии усиливались 1580–1590-х гг. и ненадолго — в 1645–1647 гг. (с. 256–261, 449–451).

Классы и рациональность

Исследователи магии на континенте, в отличие от Томаса, фокусировали свое внимание на социальных различиях между колдунами и их сторонниками, с одной стороны, и инквизиторами и скептиками — с другой. Образцовым в этом смысле можно считать эссе Карло Гинзбурга «Верх и низ» (Ginzburg, 1976). Он утверждает, что в католической церкви на протяжении всего Средневековья и Ренессанса слова святого Павла против нравственной гордыни, «*noli altum sapere*» («не высокоумствуй»), стали «пониматься как предостережение против умственного любопытства еретиков в вопросах религии... как слова, совершенно явно направленные против любых попыток преступить границы, положенные человеческому интеллекту... то есть „не стремись познать высокие вещи“» (с. 30).

Гинзбург утверждает, что религиозные и светские элиты Европы осуждали религиозную ересь, политические перевороты и свободомыслящую науку как равно опасные угрозы власти церкви и государства, которые поддерживают «почтенную картину космоса» (с. 33). Элиты атаковали колдовство и науку из-за «возможности провести губительные аналогии между „новой наукой“ [и народной системой магии] и религиозными и политическими вопросами» (с. 35). Гинзбург предполагает, что индивидуалы-атеисты и вожди радикальных политических движений также были осведомлены о подрывном потенциале науки и магии.

Будоражащее мысль эссе Гинзбурга находит подтверждение в работах нескольких французских ученых⁵. Робер Мушембле (Muchembled, 1978, 1979, 1981) исследовал суды над ведьмами во Франции и Нидерландах. Он утверждает, что и светские феодалы и клирики связывали колдовство с опасностью со стороны народа для абсолютистского государства и католической церкви. Ведьм разыскивали, когда крестьяне мобилизовались, сопротивляясь королевским налогам и займам на войну. Такая мобилизация масс и преследования ведьм были рас-

⁵ Другие исследования, в которых магия увязывается с народным радикализмом и обнаруживается классовый интерес в подавлении колдовства, это: Delumeau ([1971], 1977, с. 161–174), Joutard (1976, с. 59–90), Julia (1974) и Mandrou (1968).

пространены в тех областях, где феодалы наиболее сильно эксплуатировали крестьян (и у крестьян не оставалось излишков, чтобы платить повышенные налоги) и где клирики были бедны и не слишком уважаемы (и скорее прибегали к помощи инквизиции извне, чтобы упрочить свое положение). Судам над ведьмами способствовало и разделение крестьянских общин (бывшее результатом повышения государственных налогов и сеньориальных рент). Крошечное меньшинство обеспеченных крестьян боялось черной магии больше бедного населения и помогало инквизиторам, представляя им списки наиболее бедных крестьянок как ведьм⁶.

Мнение Гинзбурга, Мушембле и других о рационализации как о проекте правящего класса разделяли Делюмо и Гройтюсен в своем изображении католицизма как рациональной прокапиталистической религии. Оба направления научной мысли на первое место ставили желание класса капиталистов или государственной элиты прибавить себе власти через контроль мыслей и поведения подчиненных групп. Тем не менее все эти исследователи преувеличивали легкость и масштабы того, как правящие группировки достигали согласия в вопросах веры и переоценивали возможности элит менять народную религию.

⁶ Нахман Бен-Йехуда (Nachman Ben-Yehuda, 1980) следует за Гинзбургом и Мушембле, видя в судах над ведьмами медиатор глубоких социальных конфликтов, но отличается от них в том, что описывает эти суды как проявление «социальной тревоги», а не классового конфликта. Бен-Йехуда утверждает, что основными преследователями ведьм были католические инквизиторы, которые таким образом реагировали на ослабление авторитета церкви и видели в кампании против ведьм средство продвинуть свои специфически институциональные интересы, а не общеклассовые. Инквизиторов поддерживало население, которое тревожилось из-за разрушения средневекового общинного уклада. Крестьяне, разозленные нарушениями традиционных обычаев, обратили свой гнев на одиноких женщин, чья сексуальная свобода и занятость в наемном труде делали их символом вызова деревенскому укладу, основанному на семье, и легкой жертвой для объявления ведьмой. Схожим образом Алан Макфарлейн (Alan Macfarlane, 1970) видит в ведьмах нарушительниц традиционных стандартов благотворительности, гостеприимства и социального достоинства в крестьянских общинах, а не представительниц классовых интересов народа. Работу и Бен-Йехуды, и Макфарлейна можно считать критикой теории модернизации, так как оба выдвигают гипотезу, что модернизация вызывает тревогу, которая выражается в возобновлении веры в магию и готовности сражаться с ведьмами через традиционные социальные механизмы, а не в отвержении подобных иррациональных верований, как это предписывают теории рационализма.

Структурная позиция и политическая теология

В наиболее значимых работах по политическим и экономическим последствиям Реформации признается, что различный политический статус протестантов определяли особые структурные условия, при которых люди пытались практиковать реформированную религию. Майкл Уолцер (Walzer, 1965) возражает Веберу, указывая, что ранние пуритане рассматривали революционную политическую активность как определяющую часть своего религиозного призвания.

Уолцер представляет экономическое влияние пуританства как зависимое от особой смеси побед и поражений, которые оно претерпело в Англии XVII в. Он утверждает, что пуритане были достаточно могущественны, чтобы подорвать традиционные практики, психологически подготовив людей к самопожертвованию и систематическому напряжению своих сил. Однако пуританская дисциплина и тревожность «привели к страшному требованию экономических ограничений (и политического контроля), а не к предпринимательской деятельности, как описывал Вебер» (1965, с. 304). Пуританские некапиталистические экономические планы не осуществились потому, что они не смогли удержать государственную власть после гражданской войны. Тем не менее пуритане, сокрушив средневековые привилегии, создали благоприятный климат для нового, уверенного либерализма. «Вот в чем, по-видимому, состоит связь пуританства с либеральным миром: это историческая подготовка, а не вклад в теоретическую разработку» (с. 303). Тем не менее Уолцер не смог идентифицировать набор политических и институциональных факторов, ответственных за сочетание психологических удач и политических провалов пуритан.

Мэру Фулбрук (Fulbrook, 1983) следует критике Вебера, предложенной Уолцером, в своем утверждении, что воздействие пуританских представлений на экономические практики проходило через политические конфликты между верующими и государственными чиновниками. Ее характеристика протестантизма резко противоречит утверждению Уолцера о том, что все пуритане были революционерами. Фулбрук говорит, что английский пуританизм и немецкий пиетизм, два самых «пуристских» варианта протестантизма, не произвели необходимого воздействия на экономические практики, потому что их учениям не была присуща какая-либо экономическая идеология. Она рассматривает оба религиозных движения как автономные, привлекавшие сторонников из разных классов, в основ-

ном по религиозным соображениям. Пуритане и пиетисты бросались в политику только тогда и до тех пор, пока государство покушалось на их институциональную свободу.

Фулбрук полагает, что различные политические доктрины пуритан Англии и пиетистов Пруссии и Вюртемберга везде зависели от особенностей институциональных отношений между церковью и государством. Фулбрук определяет базис религиозного конфликта как институциональный. Однако она не показывает, как какое-то особое пуритское содержание пуританизма и пиетизма сказывалось на борьбе за контроль над церковными должностями. В результате она не может объяснить, почему конфликты между церковью и государством в Англии и протестантской Германии имели иные структурные последствия, чем религиозная борьба в католической Германии и Франции.

Имплицитный ответ на недостатки в критике Вебера Уолцером и Фулбрук содержится в исследовании Кристофера Хилла (Hill, 1972) протестантской идеологии в Англии за полтора столетия с Реформации Генриха до Реставрации. Хилл отвергает однозначную интерпретацию пуританской политики Вебером и Уолцером, замечая, что протестантизм породил и либертарианскую коммунистическую, и политически репрессивную, и дотошно навязчивую капиталистическую идеологии. Хилл утверждает, что окончательный политический статус пуританизма сформировался в ответ на конфликты, которые каждая секта испытывала в первые годы своего существования. В то время как Фулбрук ставит акцент на конфликте между пуритскими сектами и государством, Хилл подчеркивает борьбу между многочисленными протестантскими группами с разной базой поддержки внутри монархии и церкви Англии, среди джентри или «простых людей», особенно ремесленников и работников.

Хилл утверждает, что религиозные конфликты разрешались на уровне не идей, а возможностей каждой группы отстаивать свое видение в борьбе с конкурирующими предписаниями в политической и экономической деятельности. Победа буржуа в гражданской войне превратила пуританизм в модель для действия в реально существующем английском обществе, в то время как радикальные секты потеряли популярность, когда стали предаваться утопическим мечтаниям. Различные «протестантизмы» Хилла в конечном итоге соперничают как представления о гегемонии различных классов. Институциональный базис каждой секты в церквях, в противоположность их базису в классовой борьбе, имеет мало значения для Хилла в борьбе за привлечение сторонников.

Структурные основы Реформации

Уолцер, Фулбрук и особенно Хилл наиболее убедительно критикуют Вебера, показывая, что экономический статус и воздействие протестантизма зависели от множества классовых и государственных сил. Тем не менее в работах всех трех ученых есть элемент тавтологии. Уолцер утверждает, что пуританизм пытался произвести революционное политическое воздействие, но в конце концов поддержал капитализм, изначально одобряемый не всеми пуританами. Фулбрук утверждает, что протестанты-пуристы не имели ни политической, ни экономической программы, однако в Англии под воздействием обстоятельств были вынуждены противостоять абсолютизму и из-за этого поддержали идею либерального государства и капитализма. Тем не менее ни Уолцер, ни Фулбрук не рассматривают возможность того, что если бы люди повсюду в католической Европе приняли пуританские или пуристские учения, это могло бы вызвать цепь непредвиденных событий, которые независимо друг от друга породили бы либеральное государство и капитализм в других странах в течение XVII в. Схожим образом Хилл не пытается продумать, какое бы воздействие произвели на государство и производственные отношения повсюду в Европе конфликты между классами, вооруженными протокапиталистической и протокоммунистической идеологией.

Предыдущий параграф не претендует на критику книг Уолцера, Фулбрук и Хилла как исторических исследований. Однако поскольку меня интересует, насколько сильны их возражения Веберу, для меня важно определить их ограниченность в этом отношении. В то время как все три автора внесли важный вклад в демонстрацию того, что связи между протестантизмом и капитализмом структурно возможны при определенных обстоятельствах, полная критика Вебера требует дополнений. Такая критика должна объяснить, почему эти европейцы, а не другие, приняли какой-либо вариант протестантской идеологии, что стало необходимой причиной развития капитализма, или имело тот эффект, что возникшие классы и элиты смогли выразить свои интересы как противоположные интересам своих конкурентов.

Роберт Вутноу (Wuthnow, 1989) — единственный современный исследователь, работающий в этой области, который полностью принимает на себя бремя доказательства неправильности тезиса Вебера о протестантской этике. Он сознательно выдвигает структуралистскую альтернативу модели Вебера. Вутноу утверждает, что горожане

были более восприимчивы к религиозной реформе по трем причинам: во-первых, высшие чины церкви обитали в городах и провоцировали негодование мирян своим демонстративным потреблением и социальным дистанцированием от прихожан. Сельские клирики, в отличие от своих городских коллег, были бедны и близки к крестьянам. Во-вторых, неспособность католической церкви удовлетворить нужды растущего населения городской бедноты в XV–XVI вв. выявила незаконное присвоение фондов церковниками ради роскоши, а не ради благотворительности, подорвав одно из принципиальных оснований для церковной собственности и десятины. И снова Вутноу утверждает, что все еще малому числу сельской бедноты клирики явно были способны помочь в первое столетие после Реформации, а церковная роскошь была менее заметна жителям деревень. В-третьих, в городах было больше возможностей, чтобы направить в нужную сторону негодование, созданное первыми двумя факторами, потому что их жители были более грамотны и имели доступ к книгам и проповедникам, благодаря которым они узнавали о теологически спорных вопросах (Wuthnow, 1989, с. 38–45).

Вутноу правильно замечает, что жители многих городов Франции и Восточной Европы были изначально более восприимчивы к протестантизму, в то время как в Англии протестантизм набрал достаточно последователей только после того, как Генрих VIII вынудил Парламент одобрить «институциональную реформацию» (1989, с. 71–102). Вутноу заключает, что одной привлекательности протестантских идей было недостаточно для триумфа Реформации, в дополнение к этому протестантским городам была необходима поддержка государства с относительной автономией от процерковного «верхнего слоя землевладельцев» (с. 46–48). Согласно Вутноу, Генрих VIII мог атаковать церковную автономию и поддерживать институциональную реформацию потому, что не был финансово зависим или политически подчинен землевладельцам. Напротив, корона была способна набрать парламент, «в котором доминировала коалиция торговцев текстилем, жителей независимых городов и королевских чиновников, достаточно близких союзников короны, чтобы одобрить Реформацию» (с. 78). Вутноу полагает, что Реформация во Франции провалилась потому, что корона была финансово и политически подчинена землевладельцам, которые были верны католической церкви, частично потому, что «они, а не король, больше других нажились на конкордате 1516 г.», который взял контроль над церковными постами у папы и передал в руки французского короля (с. 102).

Вутноу, акцентируя интересы землевладельцев и возможности отбить атаки городских протестантов на католическое духовенство, лучше, чем любой из предшествующих социологов, объясняет национальные образцы религиозной верности в Европе раннего Нового времени. Модель Вутноу, однако, несовершенна по двум соображениям. Во-первых, его изображение целей и возможностей землевладельцев и королей в Англии и Франции не всегда исторически верно. Он сбрасывает со счетов поддержку землевладельцами Реформации Генриха и упускает из виду решающую роль, которую сыграли элиты в институциональном и идеологическом оформлении Реформации в Англии. Он игнорирует и то, каким образом конкордат 1516 г. в сочетании с другими факторами отнял контроль над французской церковью у землевладельцев и передал короне в XVI в., даже когда исход религиозных войн и масштабы власти протестантов были такими неопределенными.

И во-вторых, более серьезным упущением Вутноу является его стремление объяснять только то, почему та или другая страна стала официально католической или протестантской. Как указывали Уолцер, Фулбрук, Хилл и другие, отношение и протестантов и католиков, а также следствия этого отношения к экономической и политической деятельности широко варьировались по времени и месту и зависели от многих факторов. Эти факторы нельзя свести только к одной переменной, то есть независимости государства от землевладельцев, как предлагает Вутноу.

ЭЛИТЫ, ЦЕРКОВНАЯ АВТОНОМИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ РЕФОРМА

Во второй главе духовенство представлено как полноценная элита и в Англии, и во Франции с автономным институциональным механизмом извлечения ресурсов из крестьян и регулирования прав манориального землевладения. В четвертой и шестой главах показано, как расходящиеся структуры элитных отношений, в которых оказались клирики Англии и Франции, задействовали различные каузальные последовательности, породившие особые классовые и государственные структуры в обеих странах. Оставшаяся часть этой главы будет посвящена обсуждению соответствующих тезисов этих глав, чтобы объяснить, как перемена структурного положения клириков и их сторонников изменила схемы религиозной приверженности и особенно политико-экономические доктрины протестантов и католиков в обеих

странах. Я попытаюсь найти вариативные возможности моей модели элитных конфликтов по сравнению с теориями религиозных изменений, кратко обрисованными выше, для объяснения выбора времени и целей элитами для своих кампаний по изменению народных верований, а также для понимания конкретных успехов и провалов подобных попыток, предпринятых приверженцами некоторых доктрин вынудить остальных согласиться с верой и практиками их церкви.

Духовенство средневековой католической церкви выдвигало взаимно подкрепляющие друг друга институциональные и идеологические притязания. Католические клирики использовали свои признанные способности общаться с Богом ради блага мирян на этом свете и на том, чтобы вытребовать себе десятину и другие права на феодальную продукцию. В то же время ритуальная компетенция клириков удостоверялась их назначением на церковные должности, которые, в свою очередь, определялись по их правам на десятину в конкретной местности. Теоретически католическая церковь была самообеспечивающимся органом. Новых клириков назначал и подтверждал их духовную власть существующий корпус клириков. Высшие выбирали кандидатов на низшие церковные должности. Церковная доктрина, объявляемая папами и повторяемая клириками повсюду в английской и французской католических церквях, говорила о совершенной идентичности институциональной и духовной власти церкви и ее служителей.

На самом деле существующие корпуса католических церквей Англии и Франции были вынуждены поделиться контролем над церковными назначениями и доходами с монархами и аристократами этих стран. То, насколько короли и аристократы смогли присвоить себе церковные посты и доходы, повлияло и на способность церкви претендовать на магическо-религиозный авторитет. Английские и французские короли использовали свое институциональное положение как глав католических церквей этих стран, чтобы наделить и свои светские должности магической силой, позволявшей им стать *rois thaumaturges* (королями-чудотворцами. — Прим. перев.). Короли в обеих странах присвоили себе магические силы церкви, исцеляя больных, используя ритуальные объекты для своего светского управления настолько же, насколько священники использовали свои таинства для удовлетворения мирских нужд своих подданных (Bloch, 1973; Thomas, 1971, с. 194–204).

Мелкие английские дворяне, потеряв контроль над институциональными пунктами в рамках церкви, не могли выдвигать магические

притязания. Однако многие французские аристократы и корпорации городских нобилей смогли присвоить себе и духовные ресурсы церкви наравне с экономическими и политическими. Французские дворяне контролировали богатства духовенства и жреческие обязанности через мирские религиозные братства, которые сами же и возглавляли. Таким образом, французские аристократы часто были способны обратиться в посредников между духовенством и мирянами, направляя магические силы церкви на достижение духовных и светских целей по своему выбору. Хотя немногие представители французской знати могли лично претендовать на магические способности, сравнимые с теми, которые имелись у королей, мирские братства под их руководством стали той силой, к которой обращался народ для магическо-религиозной помощи в делах на этом и том свете (Bordeaux, 1969, с. 66–68; Bossy, 1970; Hoffman, 1984).

Дореформационное католическое духовенство столкнулось с вызовом другого вида от народных целителей и колдунов. Если судить по записям судов над ведьмами, в столетия до Реформации католическим священникам или их высшим чинам, состоявшим в Инквизиции и других судебных органах, в рамках английской и французской церквей угрожало немного конкурентов. Так как народные колдуны и их приверженцы не оставили по себе записей, историки никогда не смогут до конца определить, насколько подобные практики были распространены до Реформации, ни абсолютно, ни относительно, по сравнению с гораздо более преследуемой и поэтому более задокументированной магией постреформационной эпохи. Для данного исследования важен контраст между относительным равнодушием английских и французских приверженцев магии из кругов духовенства, аристократии и королевской семьи к вызову со стороны конкурентов из народа до Реформации и более интенсивными, хотя и не совсем последовательными и успешными усилиями этих же слоев уничтожить неофициальную магию после Реформации.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ

Реформация бросала и институциональный, и идеологический вызов монопольным претензиям католического духовенства на церковные должности и богатства, и на их способность понимать и использовать божественную силу. Критика католицизма в устах Мартина Лютера и Жана Кальвина отличалась от предшествующих попыток мирян узурпировать привилегии духовенства тем, что они отрицали

права любых индивидуумов и институций монополизировать магическо-религиозную власть и знание. Они утверждали, что все люди имеют прямой доступ к божественной благодати. Кроме того, Лютер и Кальвин отрицали, что эту благодать можно применить для накопления магических сил, действенных в этом мире, и тем самым отвергали все претензии как католических священников, так и их королевских и аристократических соперников.

Короли, аристократы и другие миряне воспринимали идеи Лютера и Кальвина в контексте возможностей использовать и присваивать ресурсы католической церкви. Эти возможности, в свою очередь, определялись дореформационной структурой взаимоотношений между короной, аристократией и духовенством в Англии и Франции. Причинно-следственная связь, которую я здесь предлагаю, отличается от той, о которой говорила Фулбрук (1983), потому, что она не смогла объяснить принятие «пуристской» религии в некоторых частях Западной Европы и утверждала, что позже политическое значение этих «протестантизмов» определялось действиями государства. На самом деле оба религиозных течения и их политическое содержание в то время определялись правящими элитами Англии и Франции XVI–XVII вв.

Минимальные основания, которые разделяли все протестанты в Англии, Франции и повсюду в Европе — отрицание верховенства папы и поддержка государственного и местного приходского контроля над церковными постами. При трактовке Реформации таким образом огромное большинство землевладельцев Англии были протестантами, а во Франции протестантизм никогда бы не получил значительной поддержки, так как там можно учитывать лишь меньшинство знати.

Протестантизм был принят в Англии иначе, чем во Франции. Вопреки Вутноу, землевладельцы обычно не противодействовали протестантизму и в Англии, и во Франции. Напротив, английские землевладельцы были самыми важными союзниками Генриха VIII в его Реформации. Скорее они, а не маленькая и политически слабая городская элита, были распорядителями большей части национализированной церковной собственности и обеспечили принятие реформационных законов в наиболее могущественной Палате лордов. Более важно, что крупные светские магнаты развернули независимые армии, которые они по-прежнему контролировали в первой половине XVI в., чтобы подавить, а не поддержать прокатолические восстания, которые последовали за упразднением монастырей (Davies, 1968, с. 54–76; Fletcher, 1968, с. 21–47; Harrison, 1981; James, 1970, с. 3–78; Smith, 1984, с. 18–35).

Критическое различие между Англией и Францией состояло не в степени королевской автономии от знати, которая, вопреки утверждениям Вутноу, была невелика в обеих странах. Все дело было в общей структуре элит: в Англии большая степень независимости от светской элиты землевладельцев духовенства делала его привычной мишенью как для короны, так и для манориальных лордов. Во Франции крепкие связи между духовенством и аристократами привели к тому, что большинство светских землевладельцев, включая аристократов-протестантов, поддержали сопротивление духовенства королевским притязаниям на их доходы, при условии, что они сами назначали священников на их должности (Blet, 1959; Parker, 1978, с. 22–23). Французские монархи XVI в. смогли присвоить себе церковную собственность только там, где духовенство ранее избежало подчинения знати (Cloulas, 1958).

Идеологическое содержание английского протестантизма определилось тем компромиссным способом, каким установилась некаатолическая церковь Англии. Продажа Генрихом VIII церковного имущества и прав на десятину, чтобы создать опору своей Реформации и финансировать заграничные походы, поделила институциональную власть и ресурсы прежде автономной английской церкви между джентри и короной. Его преемники пытались, но не сумели захватить церковное имущество под предлогом оживления национальной церкви. Хилл (1963) показывает, как эти попытки короны пробудили у собственников церковного имущества из числа джентри интерес к поддержке более радикальных, пуританских версий протестантизма, которые отрицали королей и епископов, равно как римских пап и вообще любой особый религиозный авторитет.

Экономическую доктрину пуритан, которая старалась защищать частную собственность и предпринимательство против двойной угрозы присвоения королем и народных восстаний, нельзя отделять от их политического противодействия королевским усилиям захватить контроль над священниками и диктовать им религиозные практики. Замечание Уолцера, что пуританизм начался как политическое движение и обратился к экономической деятельности только после гражданской войны, игнорирует то, что ставками в борьбе за контроль над институциями духовенства были религиозная легитимация, государственная власть и права собственности. Если бы Стюарты преуспели в своих усилиях контролировать назначение на церковные должности, то монархия смогла бы регулировать и религиозные практики джентри, и их владение бывшими церковными землями, и права дохода. Схожим образом и Фулбрук игнорирует то,

что пуританская экономика, политика и теология выковались вместе во время борьбы против Генриха VIII и его преемников, пытавшихся получить главенство королей над англиканской церковью. Пуритане были вынуждены принять положение, оппозиционное королю с его притязаниями по итогам Реформации потому, что церковное имущество и теологические полномочия, необходимые для религии, все еще распределялись по политическим каналам.

Протестантизм имел другое значение во Франции, где католическая и гугенотская знать уже контролировала церковные доходы и посты и имела все основания защищать формальную автономию клириков под своим контролем от королевских притязаний. Большинство французских аристократов не приняли институциональные перемены, предлагавшиеся как королевской властью, так и протестантами, в отношении церковных должностей, над которыми они доминировали и которые использовали для достижения своих целей. Причинно-следственная связь между провалом институциональных и идеологических аспектов Реформации во Франции выявляется при рассмотрении примеров от обратного: тех областей, где протестантизм (как коллективная оппозиция французской католической церкви, а не просто личный выбор каждого изолированного знатного семейства) получил сильнейшую поддержку аристократии. Эти области были теми самыми, где корона успешно присвоила себе церковную собственность за отсутствием контроля аристократов над церковными должностями (Cloulas, 1958).

На первый взгляд, изначальная концентрация протестантизма в этих французских областях с сильнейшим контролем короны над духовенством и автономией от аристократии подтверждает тезис Вутноу о том, что протестантам была нужна поддержка автономной короны для защиты их религиозных реформ от католического духовенства и его союзников из знати. Однако динамика элитного конфликта по поводу религии была гораздо сложнее, чем описывает Вутноу. По одним оценкам, половина французских аристократов приняли протестантизм к 1560 г. (Parker, 1980, с. 96). Для некоторых из них протестантизм был среди прочего основанием для притязаний на контроль над клерикальными постами в этих областях, который перешел к короне. Для многих французских гугенотов религиозная реформа была личным выбором, на основе которого они рассчитывали управлять священниками в своих местностях благодаря давним претензиям аристократии на некоторые церковные должности. Подобные претензии требовали от дворян-протестантов уважать контроль их католических коллег над другими церковными по-

стами и препятствовать вмешательству короны в местные религиозные споры (Parker, 1978, с. 21–25 и далее).

Французские монархи XVI в. стратегически использовали религиозные разногласия между католиками и протестантами из среды аристократов и городских чиновников. Корона принимала плату от протестантов за признание их контроля над церковными должностями, ранее контролировавшимися католиками. Корона, следовательно, получила новые доходы и спровоцировала конфликт между прежде крепко спаянными блоками провинциальной знати в тех областях, где существовали религиозные разногласия.

Возможности, предлагаемые короной, соблазнили многих знатных протестантов покинуть общий аристократический фронт противодействия претензиям короны и национальной иерархии французской католической церкви. Этот фронт основывался на уважении контроля аристократов над церковными должностями. Знатные протестанты и их единоверцы, владевшие древними городскими должностями (*corps de ville*), со все большим и большим успехом в середине XVI в. добивались королевской поддержки своих притязаний на контроль над церковными постами и там, где раньше корона назначала на духовные должности, и в тех областях и городах, где католические аристократы и чиновники де-факто получили власть над духовенством (Parker, 1980, с. 96–150; 1978).

Стратегию короны нарушила Католическая лига, которая была сформирована, чтобы помешать дальнейшему расширению власти протестантов и забрать обратно земли, попавшие под их контроль, вызвав религиозные войны во второй половине XVI в. Лига понизила степень контроля над католической церковью, который корона получила по конкордату 1516 г. от римского папы. Епископы, боясь, что протестанты в союзе с короной отнимут у них собственность, обратились к лиге за защитой (Hoffman, 1984, с. 7–44; Tait, 1977). Корона, таким образом, потеряла власть над церковью на большей части территории Франции, которая осталась католической. Вопреки утверждениям Вутноу, протестанты, как и католики, вновь обнаружили в последние десятилетия XVI в. и дополнительно убедились в XVII в., что они могут лучше защищать свои интересы, сплотившись в партии под покровительством провинциальных магнатов, а не пытаясь по отдельности конкурировать друг с другом за королевские милости.

Французские гугеноты по идеологии и смешению политических и экономических интересов больше напоминали феодальную фракцию, стремящуюся к монополюльной привилегии на свои местные крепости, чем секту, ищущую свободы от ига государства. Менталь-

ность гугенотов иллюстрирует Нантский эдикт 1598 г. Эдикт загнал гугенотов в оборону, в XVII в. они посвятили всю энергию защите своих корпоративных привилегий в протестантских областях, признанных эдиктом, и соблюдали суровые ограничения, наложенные на протестантские практики в остальной части Франции. Протестантская знать, принимая условия Нантского эдикта, копировала своих католических коллег в их попытках удержать за собой меньший слой локальных и провинциальных должностей. Гугеноты согласились на статус постоянного меньшинства, когда их вожди старались защитить особые местные привилегии в антикоролевском альянсе с католическими элитами. Гугеноты тем самым перекрыли себе возможности прозелитизма по всей Франции или возрождения союза с землевладельцами и средними классами, что позволило бы протестантам создать себе общенациональную политическую базу в XVI в. (Parker, 1978, с. 16–21)⁷.

Структура элитных отношений начала меняться в конце XVI в., меняя и контекст, в котором французская знать осмысляла свои религиозные интересы. Способность короны использовать продажу должностей, патронат и окончание религиозных войн для ограничения независимости провинциальных блоков, вынудила большинство дворян избегать протестантизма как базы для вызова монарху. Большинство французских дворян вернулись в лоно католической церкви к 1610-м гг. и (по крайней мере временно) использовали клиентские отношения с короной, а не политическую и религиозную оппозицию как основной способ сбора доходов с церковных и светских должностей. Контроль над епископскими постами перешел от семейств крупной знати к клиентам короны, по большей части *noblesse de robe*, в десятилетия, предшествующие Фронде (Bergin, 1992).

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И СТРУКТУРА

Изначальное решение членов различных английских и французских элит стать протестантами или остаться католиками не имело немедленных социально-психологических последствий, описанных Вебером. Элитные структуры, созданные для контроля над духов-

⁷ Стратегия гугенотов, институализация протестантизма через отстаивание местных привилегий — это то, что противоречит предсказаниям модели Вутноу, который видит в монархах необходимых защитников протестантов от католических землевладельцев.

ной властью и собственностью, не напрямую определяли отношение к рациональности. Как показали Уолцер, Фулбрук и Хилл, позиция протестантов (и католиков) по отношению к монархам, подчиненным и другим классам и их преследование цели «рациональными» средствами – все было частичными и случайными результатами борьбы за власть и религиозную свободу. В оставшейся части этой главы разбирается особая форма «нерационального» поведения, к которой европейцы активно прибегали в раннее Новое время – колдовство и практика магии.

Преследования ведьм и колдунов

Европейцы XVI–XVII вв. много спорили о том, где проходят границы между законной религией и незаконным колдовством, или о том, как вписываются магия и наука в такую схему, а также как лучше противостоять ведьмам. Как показал Томас (1971), большая часть англичан раннего Нового времени рассматривала эти границы как нечто разделяющее белые сверхъестественные силы, исходящие от Бога, и черные, исходящие от дьявола и его прислужников. Робер Мандру (Mandrou, 1968, с. 75–94) заметил сходное отношение к магии и колдовству во французских текстах.

Только в конце XVI в. в Англии, а также в XVII в. во Франции самые просвещенные люди начали считать, что многие ведьмы могут быть скорее обманщицами, чем орудием дьявола. Только в самом конце XVII в. английским и французским интеллектуалам стало приходиться в голову, что все колдуны и ведьмы могут быть жуликами. Как интеллектуалы и люди, стоящие ниже них на социальной лестнице, могли прийти к таким выводам и почему эпизодические и локальные кампании против ведьм случались в этих странах прежде – вот вопросы, на которые должна ответить адекватная теория рационализации.

Сложность с теориями рационализации широкого применения (Вебера, теории модернизации или, в другом ключе, Томаса) или с теми, которые считают суды над ведьмами проявлением классовой борьбы (Гинзбург, Мандру, Мушембле, Делюмо), состоит в том, что им не хватает деталей, чтобы разобраться с относительно немногочисленными и локальными эпизодами судов в этих двух странах или с отсутствием синхронности в начале кампаний против ведьм по всей Европе. Весь XV и начало XVI вв. были пиком охоты на ведьм в Испании и северных районах Италии. «Официальная цель уничтожения ведьм по большей части была забыта в Испании и Италии еще до того, как она начала проявляться в некоторых других зем-

лях», таких как Англия и Франция, в то время как суды над ведьмами в Венгрии, Польше и Швеции усилились только после 1650 г. (Scarie, 1987, с. 20–22).

Во Франции до 1500 г. и после 1670 г. прошло очень мало судов над ведьмами. Например, в обзоре Мушембле (1979, с. 131) показывается драматический рост числа судов за колдовство, достигающий своего пика в конце XVI–XVII в., в том месте, где сейчас располагается департамент Севера и малая часть Бельгии (*табл. 7.1*).

В Англии колдовство считалось преступлением только в 1542–1543 и 1563–1735 гг., а почти все преследования случились между 1580 и 1647 г. (Thomas, 1971, с. 449–451; Macfarlane, 1970, с. 28). Для последнего периода зафиксировано не менее 1000 случаев казни, хотя 300 — более вероятная цифра. Преследования в географическом смысле концентрировались в Эссексе и немногих других графствах Англии (Larner, 1984, с. 71–72; Macfarlane, 1970, с. 62), так же, как в большей части Франции суды над ведьмами ограничивались конкретными деревнями и городами (Mandrou, 1968; Muchembled, 1987).

Число судов и казней в Англии и во Франции едва ли сопоставимо с гораздо более кровавыми событиями во времена паники по поводу ведьм и инквизиционных судов в Швейцарии, Австрии и Германии в 1561–1670 гг. В самые страшные времена преследований и казней только 15% из всех обвиняемых в Англии на судах против ведьм осуждались на казнь по сравнению с 49%, по данным Мушембле, по департаменту Севера и более 90% в немецко-язычных регионах Европы (Scarie, 1987, с. 30)⁸.

Религиозные интересы и магическая сила

Отношение элит к магии было связано с более широкой сетью интересов вокруг религиозных должностей и имущества. Это не значит, что элиты определяли свои взгляды на магию после тщательного подсчета своих политических интересов. В любой случае такие

⁸ Масштабы казней в Восточной Европе сравнимы с французскими, хотя Женева приближалась по этому показателю к Англии. Конечно, эти данные не отражают мнения тех, кто был обвинен в ведовстве, но они на это и не претендуют. Из ограниченного количества доступных источников следует, что освобождения еще до вынесения приговора случались в Англии чаще, чем на континенте, и были очень редки в немецкоязычных областях, наводя на мысль, что число проведенных казней было даже меньше, чем 15% в Англии, и, возможно больше, чем указывают формальные данные в немецкоязычной Европе. Франция снова оказывается между этими двумя крайними случаями.

ТАБЛИЦА 7.1. Суды над колдунами в северо-восточной Франции, 1351–1790 гг.

	Годы							
	1351– 1400	1401– 1450	1451– 1500	1501– 1550	1551– 1600	1601– 1650	1651– 1700	1701– 1790
Число обвинений	2	7	11	23	68	110	67	6

источники: Muchembled, 1979.

подсчеты часто осложнялись идеологической сумятицей той эпохи: изобилием религиозных сект, соперничеством между практикующими магию и растущим скептицизмом относительно способностей человека управлять сверхъестественными силами в этом мире, вместе с оптимизмом относительно возможностей открытия и использования сил природы. Люди пытались выйти из этой неразберихи, сравнивая характер претендентов на овладение магическими искусствами с содержанием их претензий. Другими словами, люди Ренессанса решали, верить или нет, частично исходя из того, о ком конкретно идет речь.

Духовная верность священникам, пасторам и колдунам имела политические и экономические наравне с духовными последствия. В результате, миряне доверяли тем чародеям, которых они могли контролировать (или которые подчинялись тому же авторитету, что и они сами), и опасались тех колдунов, которые были вне их власти. Люди, которые обнаруживали, что все претенденты на магическую силу были за пределами их влияния, или входили в союз с их врагами, склонялись к скептицизму по отношению к самой возможности подчинить себе сверхъестественные силы на этом свете при помощи магии.

Эту гипотезу о сродстве институциональных интересов с верой, страхом или скептицизмом по отношению к колдунам и к самой возможности магии можно опробовать путем сравнения с другими моделями в качестве объяснения различий между целями и достижениями антиколдовских кампаний в Англии и во Франции. Для иерархии англиканской церкви и ее королевских покровителей все колдуны были претендентами на самопровозглашенную англиканскую монополию доступа к божественной силе. Англиканские обвинения XVI в. колдунов-конкурентов во многом совпадали с утверждениями

их современников из числа служителей французской католической церкви.

Позиции официальных церквей этих двух стран по отношению к магии различались в двух важных аспектах: во-первых, французская католическая церковь в XVII в. сама возглавила процесс приучения мирян к той мысли, что большинство неофициальных колдунов скорее мошенники, чем подлинные орудия сатаны, в то время как англиканские пасторы были последними из числа элит, кто усомнился в повсеместности белой и черной магии. Во-вторых, французские клирики пользовались сильной поддержкой короны и светских элит в своих антиколдовских кампаниях, в то время как в Англии джентри успешно пытались подорвать англиканское преследование ведьм почти во всех инстанциях и очень редко устраивали собственные светские суды над ведьмами. Эти различия по источникам интеллектуального лидерства для проявления скептицизма в отношении магии (клирики во Франции, миряне в Англии) и по степени светской поддержки атак церковников на колдовство (сильная во Франции, негативная в Англии) вызвали и различия в постреформационной практике магии: французские католические священники были первыми, применявшими магические решения для решения будничных проблем, в то время как в Англии большую часть спроса в таких услугах удовлетворяли платные колдуны-одиночки. В Англии политическое использование магии было успешно подавлено к концу гражданской войны, даже когда платных колдунов оставили в покое и церковь, и государство, а во Франции и государство, и церковь сражались с ограниченным успехом против и политического и коммерческого применения магии до самого конца старого режима.

Англия

В Англии только епископы и священники англиканской церкви, к которым в конце XVI в. присоединились их королевские покровители, пытались восстановить единую иерархию религиозной власти в стране. С их точки зрения, священники-конкуренты и колдуны в лучшем случае были введены в заблуждение, а скорее всего стали орудием в руках сатаны. Англиканские мечты о восстановлении монополии на религиозную власть для своего исполнения требовали бросить вызов духовной и институциональной легитимности конкурентов и доказать единственную правильность своего собственного божественного авторитета. Эта двойная задача казалась более праведной и насущной, когда враги англиканства рассматривались

как орудие дьявола (Cross, 1977). Тем не менее способность англиканской церкви подавить конкурентов, практикующих магию, — будь то католики, диссентеры или коммерческие колдуны — была серьезно стеснена рядом постреформационных парламентских статутов и правлением светских судей, которые ограничивали юрисдикцию церковных судов (Houlbrook, 1976; 1979, с. 7–20, 214–260 и далее).

Церковная иерархия была единственной английской элитой, четко и постоянно противодействующей народной магии от Реформации Генриха до гражданской войны. Три другие элиты — корона, магнаты и джентри — напротив, временами меняли свои взгляды на магию, а магнаты и джентри переживали внутренние расколы по этому поводу. Такие разногласия мешали этим элитам противостоять магии. Интересы джентри в подавлении или снисхождении к народной религии диктовались их позицией в отношении плюрализма, что отвечало, в свою очередь, политике короны в отношении контроля джентри над церковной собственностью. Способности джентри блюсти свои интересы повышались, когда понижались способности короны и магнатов.

Снисходительность короны к плюрализму элиты и народной религии претерпела трансформацию к концу правления Елизаветы I. После Реформации Генрих VIII, Эдуард VI и их советники терпели религиозные разногласия (за исключением движений в поддержку католического духовенства, которые они сокрушали (Fletcher, 1968, с. 21–47; Harrison, 1981) ради того, чтобы ослабить церковную автономию. Эта политика на короткое время в правление Марии была обращена вспять, однако ее чистки были направлены против протестантов в целом и не концентрировались на колдунах (Smith, 1984, с. 80–82). В последние два десятилетия XVI в., «когда протестантизм духовенства был под большим сомнением, политическое подчинение церкви [англиканской] все еще заботило правительство», и поэтому корона по-прежнему поддерживала притязания джентри на власть над церковными постами и имуществом (Hill, 1963, с. 33). Таким образом, в конце XVI в. джентри все еще могли удовлетворять свое желание подавлять народные религиозные и магические движения, не опасаясь, что из-за этого откроется возможность для союза короны с англиканским духовенством для принуждения к ортодоксии, в том числе и самих джентри.

Корона закрепила свой контроль над англиканским духовенством к концу правления Елизаветы I. В результате политика короны начала изменяться со все большим ускорением при Якове I и Карле I в сторону помощи усилиям англикан получить церковную власть.

Слияние интересов короны и духовенства в борьбе с расколом в конце XVI в. повлияло и на отношение джентри к народной религии и магии. До этого джентри могли противостоять народной магии и радикальным сектам, не опасаясь, что корона поддержит атаку англиканской церкви на их религиозную независимость. Как только Елизавета I обратилась к союзу с епископатом, первичным религиозным интересом джентри стала защита своего направления, даже если это и означало снисходительность к магии и религии низшего класса. Когда при Якове I и Карле I власть джентри в графствах укрепилась, пуритане «еще более уверились в способности богатства одержать победу в системе свободной конкуренции и приготовились принять конфессиональную независимость как цену альянса с сектами» (Hill, 1963, с. 345).

Англиканский епископат и выжившее католическое священничество предъявляли сильные, хотя и противоречивые, претензии на обладание волшебными силами, это подтолкнуло диссентеров, которые уже не доверяли обеим группам, к скептицизму по отношению ко всем магическим претензиям. Многие диссентеры зашли еще дальше и отвергали любые утверждения англикан и короны по поводу божественной силы (Hill, 1963, с. 39–45; Bossy, 1975, с. 52, 278–280; Fullbrook, 1983, с. 102–129). Этот «рационализм» среди элиты диссентеров усугублялся, в свою очередь, страхом перед последствиями, которые могут быть в случае успеха англикан и получения ими монополии на легитимное пользование магией.

Отрицание магии в целом диссентерами не привело их к идее заменить кампанию англиканской церкви против народной магии независимыми усилиями подавить ведьм и колдунов. Институциональный плюрализм, которого диссентерские священники и их покровители требовали для обеспечения собственных позиций, был связан с необходимостью терпеть раскольничьи взгляды других священнослужителей, народных проповедников и волшебников. Институциональное положение диссентерских священников и их светских покровителей заставляло их противиться попыткам англикан навязать ортодоксию любой ценой.

Как же тогда можно объяснить две волны преследований ведьм в Англии, которые были подняты мирянами и проходили через суды, где доминировали джентри? Эти преследования происходили в два периода, в 1580–1590-е и 1645–1647-е гг. (Thomas, 1971, с. 449–451; Macfarlane, 1970, с. 28). В то время как были суды и, по крайней мере, одна казнь в каждом английском графстве, Эссекс оставался местом наибольшей концентрации казней в оба периода. В первый из них

ТАБЛИЦА 7.2. Заинтересованность и возможности элит подавлять колдовство, 1536–1648 гг.

	1536	1547	1553	1558	1603	1623	1640	1648
	Рефор- мация Генриха	Правле- ние Эду- арда I	Прав- ление Мариин I	Правле- ние Ели- заветы I	Правле- ние Якова I	Правле- ние Карла I	Револю- ция/ Гражд. война	
<i>Корона</i>								
Заинтересованность	—	—	—	—...+	+	+		+
Возможности	—	—	—	—	—	—		—
<i>Англиканская церковь</i>								
Заинтересованность	+	+	+	+	+	+		+
Возможности	—	—	—	—	—	—		—
<i>Магнаты</i>								
Заинтересованность	±	±	±	±	±	±		±
Возможности	Б	Б	Б	—	—	—		—
<i>Джентри</i>								
Заинтересованность	±	±	±	±	—	—		±
Возможности	—	—	—	±	±	±		+
				Эссекс, Кент				Эссекс, Нор- фолк, Суффолк

ПРИМЕЧАНИЯ:

Заинтересованность:

- + Элита заинтересована в подавлении колдовства
- Элита не заинтересована в подавлении колдовства
- ± Элита разделена по своему отношению к подавлению колдовства
- ...+ Корона поменяла свое отношение с отрицательного на положительное в этот период

Возможности:

- + У элиты есть возможности подавить колдовство
- У элиты нет возможности подавить колдовство
- Б Возможности элиты заблокированы короной
- ± Элита разделена по своим возможностям подавить колдовство

в Кенте также проходило казней больше среднего. Во второй период Норфолк и Суффолк присоединились к Эссексу как центры кампаний, направленных против ведьм (Macfarlane, 1970, с. 61–63; Thomas, 1971, с. 450–452). Оба периода, хотя и по-разному, характерны необычайным стечением обстоятельств, когда джентри (по крайней мере, в тех графствах, где происходило больше всего судов над ведьмами) имели и заинтересованность, и возможность атаковать народную магию.

В *табл. 7.2* предлагается резюме интересов и возможностей четырех принципиальных английских элит в каждый период, начиная с Реформации Генриха и заканчивая гражданской войной. Интересы короны переходили от противодействия до поддержки постоянного желания англиканской Церкви подавить раскол. Тем не менее иногда ни одна из этих элит не обладала возможностями удовлетворить подобные интересы в одиночку или совместно. Независимый юридический аппарат англиканской церкви был сломлен совместными усилиями короны и светскими элитами в графствах в первые десятилетия после Реформации. Таким образом, насаждение религиозной ортодоксии зависело от сотрудничества между магнатами и джентри.

На протяжении большей части периода от Реформации Генриха до 1600 г. джентри, несмотря на заинтересованность, страдали от отсутствия организационных возможностей поднять кампанию по подавлению народной религии. Вся машина управления в графствах оставалась в руках магнатов, причем некоторые из них оставались католиками на практике или в своих симпатиях, и они не видели в народном вызове власти джентри-пуритан какой-либо угрозы своим собственным интересам (Stone, 1965, с. 257–270, 725–745).

Политический пат сил в графствах в 1536–1558 гг. отражен в *табл. 7.2* самыми разными отношений. Светские землевладельцы относились по своим симпатиям к католикам, пуританам или англиканам. Ни в одном из графств не было достаточно доминирующего союза среди магнатов или джентри, чтобы сломить сопротивление элиты, относящейся к сектантскому меньшинству, и навязать совместными усилиями ортодоксию. Там, где за магнатами-пуританами и католиками следовали джентри, пытаясь навязать в графстве именно эту конфессию, вмешивалась корона, рассматривавшая подобные действия как угрозу королевскому главенству в церковных делах (Stone, 1965, с. 257–270, 725–745). В отличие от французской схемы, в Англии корона мирилась с плюрализмом, но не с локальными попытками установить религиозные монополии какого-либо меньшинства. Хотя и у короны, и у джентри недоставало возможностей навязать свою веру, у них были институциональные способы нало-

жить вето на попытки противников утвердить ортодоксию, которую они не одобряли.

Там, где корона устранила магнатов от власти, графства страдали от политического вакуума несколько десятилетий, пока корона старалась помешать образованию новых автономных политических сил. К тому времени, когда джентри достигли гегемонии в большинстве графств — изменившаяся политика короны по отношению к англиканской церкви — у джентри пропал интерес обращать свою новую местную власть против народного религиозного раскола и магических практик. Только в Эссексе и Кенте джентри сплотились в «плотные» блоки⁹ до перемены отношения короны к церкви и, следовательно, отношения джентри к плюрализму. Таким образом, только в этих двух графствах джентри получили возможность односторонних действий против народной магии в то время, когда они были еще заинтересованы их осуществлять.

Вторая волна судов над ведьмами в тех же графствах в 1645–1647 гг. прошла, когда вновь совпали интересы и возможности элит. Гражданская война раздробила политические блоки джентри почти во всех графствах. Только там, где фракционные разногласия были разрешены, джентри восстановили способность преследовать своих религиозных противников из низших классов. Только после окончательной победы над Карлом I в 1645 г. у джентри появился интерес искать

⁹ Джентри добивались «плотного» политического господства в графствах, когда: 1) происходило резкое повышение доли маноров, которые контролировали джентри, а не король, духовенство и магнаты; 2) доминирующий магнат или магнаты больше не были способны использовать вооруженную силу или свой патронат, чтобы запугать мелких землевладельцев и включить их политическую машину, которую они вели; и 3) общее число членов в графских коллегиях мировых судей увеличивалось, и большинство становилось локально, а не общенационально или смешанно ориентированным.

Контроль над манорами в большинстве графств перешел к джентри ко второй половине XVI в. (Stone, 1984, с. 181–210). Эссекс и Кент выделялись по второму и третьему критерию. Эти два графства вместе с Норфолком и Суффолком были в числе первых, где Елизавете I удалось уничтожить власть магнатов. Однако в Норфолке и Суффолке джентри не образовали спаянного блока до начала XVII в., в то время как в Эссексе и Кенте джентри с местной базой и несильной связью с королевским судом начали доминировать в коллегиях мировых судей в 1560–1570-х гг. (по Эссексу, см. Hunt, 1983; Chalkin, 1965; Clark, 1977; по Кенту — Everitt, 1969; по Норфолку и Суффолку — MacCulloch, 1977 предлагается лучший анализ хаоса XVI в. и объединения джентри в XVII в. в этих двух графствах. Предшествующую дискуссию по поводу «плотности» джентри см. Lachmann, 1987, с. 84–100, 128–134).

союзников-антироялистов среди низших классов. Как только угроза сверху была ликвидирована, джентри стали атаковать книзу, пытаясь вычистить радикальные элементы из армии нового типа, атакуя другие радикальные политические силы и проводя суды над ведьмами, чтобы парировать притязания народа на владение магически-религиозной силой (Hill, 1972).

Сочетание тенденций в 1645–1647 гг., надвигающийся разгром роялистов и повысившаяся радикальная угроза возродили интерес джентри к ограничению плюрализма с тем, чтобы ударить по народной магии. Только в Эссексе, Суффолке и Норфолке были воссозданы объединенные правительства графств, способные начать суды над ведьмами для удовлетворения минутных политических интересов джентри (Hunt, 1983; MacCulloch, 1977). После решительной победы джентри и над роялистами, и над радикалами народная магия перестала представлять собой политическую угрозу. К аполитичным колдунам относились терпимо, потому что отсутствие конкурентных радикальных политических движений лишило магию ее милленаристского содержания, сократив ее до будничных услуг суеверным людям. Джентри больше не интересовало преследование ведьм.

Франция

Католический скептицизм по отношению к магии был впервые заявлен на Тридентском соборе в 1564 г., когда самозванные колдуны были обособлены от предававшихся черной магии. В начале XVII в. светские судьи Парижского парламента начали карать самозванных колдунов как уголовных преступников, в отличие от настоящих ведьм? как более опасных и заслуживающих смертной казни (Mandrou, 1968, с. 313–363). Несмотря на эти концептуальные новшества, ни светские, ни церковные судьи не имели институциональной возможности преследовать много ведьм или обучать население отличать редких подлинных ведьм, которые действительно совершили пакт с дьяволом, от более распространенных поддельных ведьм. Как уже отмечалось выше, в начале XVI в. институциональным и духовным полномочиям католической церкви все еще угрожали корона, аристократы и корпоративные органы. Ни одна французская элита не была готова уступить другой полномочия управлять магической властью, так как каждая элита продолжала требовать для себя рычаги управления духовными силами и церковными должностями.

Когда духовенство было включено в абсолютистское государство и борьба за церковное имущество разрешилась его распределени-

ем внутри провинциальной, а потом и общенациональной иерархии, французская католическая церковь получила институциональные ресурсы и поддержку от светских элит и судебных чиновников в осуществлении посттридентской атаки на настоящих и фальшивых ведьм и в реформировании народных практик. Причинно-следственная первичность институциональных над идеологическими факторами в развязывании антимагической кампании демонстрирует географическая локализация, равно как и локализация во времени (более века спустя после Тридентского собора) начала попыток реформ католической иерархией. Тридентские реформы наиболее успешно прошли в тех провинциях, где епископы назначались королевскими губернаторами, осуществлявшими контроль над низшей знатью и светскими судами, особенно парламентами, а также пользовавшимися поддержкой короны (Delumeau [1971], 1977; Dent, 1975; Mauzaize, 1978).

Как только французские элиты, протестанты и католики, были включены в абсолютистское государство, наличие магической силы перестало быть критерием или отражением распределения церковных доходов. Магия больше не была основанием для конкуренции элит. Аристократия и городские элиты, и католические и протестантские, оставили свои притязания на обладание магическими силами в конце XVI–XVII в. и перешли к подавлению таких практик внутри религиозных братств и во время праздников, которые ими контролировались. Реформистские епископы и священники переняли тактику братств, стараясь навязать катехизис, который был принят после Тридентского собора, но не получил широкого распространения во Франции до XVII в. Светские элиты принимали визиты от реформировавшихся епископов и растущее присутствие священников из новых евангелических миссий. Число иезуитов во Франции выросло с 1000 в 1556 г. до 15 000 в 1600 г. Такой же рост испытывали и другие ордена — капуцины, урсулинки, визитандинки, дочери милосердия, траписты и доминиканцы. К 1700 г. каждый диоцез во Франции имел, по крайней мере, несколько монастырей, что часто удваивало число священников в этом диоцезе (Delumeau [1971], 1977, с. 75–83)¹⁰.

¹⁰ Источники для обзора в этом и трех следующих абзацах отношения светских элит к реформам католической церкви и усилий духовенства преобразовать религиозные верования и практики мирян следующие: Julia, 1973; Delumeau [1971], 1977, с. 65–83; Hoffman, 1984, с. 71–97 и далее; Dhotel, 1967; Perouas, 1964, с. 222–286; Ferte, 1962, с. 201–369; Shaer, 1966, с. 134–180; Croix, 1981, с. 1155–1246.

Окончательное поражение в 1653 г. аристократической Фронды в борьбе с монархией принесло мир французским элитам больше, чем на столетие. Занятия магией никогда не давали элитам преимущества в контроле над церковным имуществом и не угрожали положению других элит. Элиты воспринимали магию как угрозу, только когда она исходила от народных колдунов, вдохновлявших или возглавлявших крестьянские мятежи (Castan, 1979, с. 175–242). Таким образом, магия оставалась источником опасности для французского правящего класса, не будучи источником силы ни для одной элиты в классовой борьбе друг с другом. В таких условиях провинциальные светские элиты и приходские священники стали более восприимчивы к давнишним утверждениям католических интеллектуалов и судей Парижского парламента о том, что большинство колдунов скорее жулики, чем настоящие чародеи, заключившие пакт с дьяволом.

Новый скептицизм по отношению к ведьмам отразился и на восприятии, которое проявилось в *Traite des superstitions*, написанном парижским доктором теологии Жан-Батистом Тьером. Впервые опубликованный в 1679 г. четырехтомный труд Тьера подробно и дотошно разрабатывал различие столетней давности, Тридентского собора ведьм, которые используют настоящую черную магию и шарлатанов, которые используют суеверия, чтобы убедить массы в своих ложных притязаниях на сверхъестественные силы.

Нельзя отрицать, что существуют колдуны или волшебники... не впадая в противоречие с каноническим и гражданским правом, а также опытами всех столетий и не отвергая бесстыдным образом неоспоримый и непогрешимый авторитет церкви, которая столь часто обрушивала громы отлучения на них в своих проповедях.

То, что колдуны существуют, неоспоримо; но тот факт, что [они] действительно колдуны, часто очень сомнителен, потому что часто обвиняют людей в том, что они колдуны, когда на самом деле они ими не являются (Thiers, 1741, I, с. 132, 137)¹¹.

Труд Тьера получил широкий отклик от клириков и образованных мирян. Сам труд и многочисленные конспекты выводов в виде памфлетов печатались епископами для распространения среди священников и образованных прихожан. Работа Тьера и имитирующие его произведения в последние десятилетия XVII в. оправдывали уси-

¹¹ Перевод с французского на английский принадлежит самому Ричарду Лахману. — Прим. перев.

ление преследования тех практикующих магию людей, которых по большей части теперь считали мошенниками, а не черными колдунами (Mandrou, 1968).

Скептицизм элит настолько усилился в XVIII в., что преследования ведьм прекратились, уступив место попыткам подавить народные религиозные практики через образование и церковный надзор. К судебным преследователям обращались только во времена крестьянских мятежей, и тогда радикальные чародеи и ведьмы судились обычно за подстрекательство к бунту, а не за колдовство (Verse, 1974; Delumeau [1971], 1977; Joutard, 1976). Главным учебником в эту пору был *Traite de la police*, написанный в 1722 г. Николя Деламаром, основателем национальной полиции. Деламар объяснял, что полиция должна отслеживать тех, кто устраивает шаривари, праздники дураков, демонстрации своего мастерства колдунами и все прочие «профанные» мероприятия, и не навязывать религиозную ортодоксию, которую он считает общим местом, а заранее обезглавливать политические бунты. Все колдуны, по мнению Деламара, являются мошенниками, и поэтому их деятельность проходит по ведомству полиции, а не церкви (1722, книга 1). Резкое снижение числа судов над колдунами в конце XVII в. (Muchembled, 1979, с. 131) и последующий резкий рост сил национальной полиции в XVIII в. указывают на то, что французские элиты — светские и духовные — разделяли воззрения Деламара (Delumeau [1971], 1977, с. 308–322).

ВИДЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ

Следуя Парсонсу (1937) и, кажется, полностью игнорируя новейшие исторические исследования Европы раннего Нового времени, некоторые социологи писали по поводу причин «подъема Запада», как будто окончательно решили этот вопрос. Даниэль Широ (Chirot, 1985) описывает «рационализацию права и религии» как длительные процессы, начавшиеся до Реформации, но поддержанные протестантизмом. Признавая, что лишь немногие европейцы в 1500 г. «думали и вели себя как рациональные буржуа», Широ подчеркивает, что те, «у которых был такой способ мышления... были способны воспользоваться небольшим материальным преимуществом, накопленным Европой, [и] произвести революционное изменение, которое обращало Западную Европу в несколько успешных капиталистических обществ [в течение последующих] четырех столетий» (с. 190). Коллинз описывает, как протестантизм был «лишь последним шагом

в цепи факторов, ведущих к рациональному капитализму» (Collins, 1980, с. 934).

Как модели очень долговременного развития и расхождения между Европой и Азией, статьи Широ и Коллинза допустимы и до какой-то степени значимы¹². Тем не менее доказательства, приведенные в этой главе, должны внушить нам скептицизм к доводам, которые описывают протестантизм как «такой способ мышления» или которые помещают Реформацию в причинно-следственную «цепь факторов, ведущих к рациональному капитализму». Мы видели, что протестантизм и католицизм имели множество разных значений в постреформационную эпоху. Уолцер и Фулбрук считают, что политическое и экономическое значение протестантизма было связано с конфликтами между верующими буржуа (и другими) с одной стороны и государством — с другой. Хилл описывает разные протестантизмы, ожидающие итогов классового конфликта перед тем, как стать моделью для действий в новом капиталистическом обществе.

Уолцер, Фулбрук и Хилл с большой проницательностью изображают сродства между протестантскими доктринами и созвездиями политических интересов. Однако их работы менее полезны в том, что касается определения механизмов, отвечающих за действия протестантов в защиту своих религиозных и светских интересов. В результате их модели нельзя применить для объяснения различия стратегий и достижений английских и французских протестантов. Вутноу признает проблему объяснения французского протестантизма как частности и в более широком смысле принятия или отвержения протестантизма в Европе. Тем не менее его сравнение отношений внутри государства, аристократии и буржуазии не может объяснить постреформационной истории Англии и Франции, а также различий в понимании французскими и английскими протестантами своей религии.

Сила структурного подхода к Реформации — продемонстрированного в работах Уолцера, Фулбрук, Хилла и Вутноу — возрастает при использовании модели элитного конфликта, разработанной в данной книге. В этой главе были показаны различия в структурах элит, при помощи которых можно лучше объяснить как решение стать протестантом, так и значение, приписывавшееся протестан-

¹² Трудность оценки капитализма как общеевропейского явления, которое предшествует Реформации в некоторых существенных аспектах, рассматривается во второй главе.

тизму в Англии и Франции, нежели при помощи анализа социальных групп, на котором делался акцент в прежних исследованиях.

Элитные структуры и элитные и классовые конфликты, которые они порождали, также дают социальные контексты, в рамках которых происходило в различном и ограниченном объеме рациональное действие в Англии и Франции раннего Нового времени. В этой главе рассматривался рационализм в его наиболее острой форме: рост скептицизма элит по отношению к магии и усилиям светских и церковных элит подавить магические практики среди неэлит. К середине XVII в. в Англии, а в начале XVIII и во Франции элиты были убеждены как в том, что ведьмы — это мошенники, а не орудие в руках дьявола, так и в том, что магия в качестве серьезной угрозы их владению церковными институциями и социальной иерархии, которую они возглавляют, исчезла.

Хотя элиты по большей части успешно избавились от магически-религиозной угрозы своей власти, существуют многочисленные свидетельства того, что в народе продолжалась вера в бытовую магию и что в Англии существовал спрос на коммерческих колдунов в XVIII, XIX и даже XX вв. (Obelkevich, 1976, с. 259–312; Thomas, 1971, с. 663–668). Перед лицом продолжающейся популярности магии и мощного возрождения магических практик и языческих ритуалов на празднествах французской революции (Ozouf, 1988) трудно придерживаться более широких теорий рационализации и даже Широ, точка зрения которого представлена в данных выше цитатах, не пытается этого делать. Тем не менее неоднозначное отношение элит к магии в постреформационный период, рассмотренный в этой главе, вынуждает нас задаться вопросом о самом существовании рационального протестантского «способа» мышления даже в среде элиты.

Элиты и до некоторой степени другие жители Англии и Франции были более скептически настроены по отношению к колдунам и их притязаниям еще в эпоху Возрождения. Исторический анализ, проведенный в этой главе, показывает, что элиты потеряли интерес к манипулированию сверхъестественными силами, так как возможности увеличить их контроль над церковными институциями были потеряны. Время и причины того, что некоторые специфические элиты потеряли возможность конкурировать за церковное имущество, разнятся в этих двух странах, и в результате последовательность, с которой английские и французские элиты отвергали магию, тоже разная. Кроме того, то, до какой степени светские и церковные скептики старались навязать единообразие своих взглядов остальным,

зависело от их восприятия угрозы их интересам со стороны колдунов и их последователей.

Сравнение, проведенное в этой главе, антимагических кампаний Англии и Франции показывает, что элиты оценивали эту угрозу прежде всего в смысле контроля над церковным имуществом и властью. Такой контроль, в свою очередь, определялся структурами отношений среди элит, а они, в свою очередь, определяли, кто может преследовать ведьм, и, следовательно, время, географическое и социальное положение, цели (белые ведьмы или шарлатаны) и стратегии (встречная магия, суды над ведьмами или образование), использованные элитами для снятия угрозы, которую неконтролируемая магия могла представлять их социальному миру.

Европейцы раннего Нового времени были рациональны в отношении своих духовных интересов в этом и том мирах точно так же, как в отношении своих экономических и политических интересов. Элиты и другие были способны определить свои непосредственные и местные интересы, а также то, какие союзники — мирские или духовные — и какие, магические или рациональные, модусы поведения помогут им сохранить свое положение при натиске врагов. Европейцы приближались к идеальному типу рациональности, по Веберу, только тогда и только до той степени, когда социальные ситуации создавали возможности для заинтересованности в подобных мыслях и действиях. Мы видели, в этой главе и предыдущих, что такие рациональные идеологии и стратегии развивались в ответ на непредсказуемые структурные изменения, которые порождались элитными и классовыми конфликтами.

Элитные конфликты консолидировали сословия и классы и сокращали число вариаций элитных интересов и возможностей. Элиты разделяли одинаковые «рациональные» ориентации до той только степени, до какой они слились в единые классы, проживая в национальных государствах в рамках консолидирующейся транснациональной капиталистической экономики. Элитные конфликты подталкивали структурные изменения, которые, в свою очередь, изменяли контекст, в котором все социальные акторы понимали и преследовали свои материальные и духовные интересы.

ГЛАВА 8

ВЫВОДЫ

Капитализм и национальные государства были созданы не визионерами, не великими стратегами, не навязчиво-маниакальными протестантами. Элиты и неэлиты были одинаково рациональны в том, что понимали свои интересы, знали, какую угрозу им представляют их враги, могли аккуратно оценить относительные возможности каждой стороны и выбрать союзников в своей борьбе, основываясь на хладнокровном расчете, а не на сентиментальных побуждениях или традиции. Новые социальные отношения и политические институты Европы раннего Нового времени развивались шаг за шагом, когда осторожные элиты пытались сохранить те привилегии и полномочия, которыми они уже пользовались. Те немногие элиты, чьи серии по большей части оборонительных маневров произвели гигантские и непредсказуемые изменения в их обществах, никогда не намеревались создавать новые социальные отношения или новые способы производства. Они в действительности были капиталистами поневоле.

Большинство европейских элит в эпоху Средневековья знало, что воспроизводить свои социальные позиции очень легко. Война, голод, демографический кризис могли убить каких-то конкретных представителей элиты или целые семьи, но их позиции как правителей, магнатов, сеньоров, клириков или буржуа продолжали существовать и наследовались другими членами либо старых элит, либо тех, что недавно образовались. Частная и семейная мобильность практически не оказывала влияния на социальные структуры средневековой Европы. Исследования социальной стратификации и демографии дают нам понять, каков был характер будничной жизни, и показывают основы социального воспроизводства. Причины социальной трансформации нужно искать в другом месте¹.

¹ Рональд Берг имеет в виду примерно то же самое в своих «Структурных дырах» (Robert Burt, *Structural holes*, 1992), когда утверждает, что социальные акторы определяются по их структурной позиции в сети, а не по их атрибутам. «Про-

Ни сами города, ни социальные группы и те разные виды образа жизни, которые развились в «городском воздухе», не вызвали к жизни те экономические и политические институции, которые со временем воцарились в Европе, а затем и во всем мире. Большинство городов развивалось в согласии с хартиями, которые им выдавали короли или знать, и оставалось зависимым от них. Города поставляли предметы роскоши сельским аристократам и духовенству и были вынуждены делиться богатством со своими спонсорами и покровителями. Североитальянские города отличались от всех прочих тем, что на них притязало сразу несколько крупных сил, и поэтому в них не доминировал какой-нибудь один правитель. Города в этом регионе действительно добились автономии, а постепенно и суверенитета, создав новый тип европейской политики.

Элитный конфликт развернулся в иную сторону в Северной Италии, когда конкуренты-аристократы «опустились», обратились вниз в поисках союзников для своих сражений друг с другом и с крупными силами, которые пытались восстановить свою власть над городами-государствами. Единичные элиты постепенно установили гегемонию над большинством городов-государств. Эти возникшие правящие элиты, такие как вельфы Медичи «новые люди» Флоренции, были ограничены теми уступками, которые они сделали неэлитным союзникам (преимущественно членам гильдий) во время своего восхождения к власти. Эти уступки в сочетании с небольшими размерами потребительских рынков в экономически отсталой и бедной Европе Ренессанса ограничили итальянское сельское хозяйство и мануфактуры производством высокоприбыльных предметов роскоши. Итальянские элиты максимизировали свою политическую безопасность и экономическое преуспевание, рефеодализировав зем-

блема в том, что связь между атрибутами и социальным меняется в зависимости от того, о какой группе населения идет речь, и с течением времени. Как часто меняется эта связь и насколько она меняется — это эмпирический вопрос. Главное то, что эта связь не причинно-следственная. Это корреляция... идиосинкразическая к тому, когда и где были проведены наблюдения для анализа» (с. 189).

Берт идет дальше, заявляя: «Чтобы избавиться от атрибутов, нужны концептуальные и исследовательские инструменты, дающие возможность смотреть мимо того, как атрибуты участника ассоциируются со значительными структурными формами, и тогда увидеть сами формы. Результатом будет более сильная, более кумулятивная теория и исследование. Аргумент структурной дыры [который Берт и разрабатывает в своей книге] нагляден» (с. 193). Я утверждаю, что теория элитного конфликта, представленная в этой книге, — это еще один способ избавиться от чрезмерной концентрации на атрибутах.

ли, должности, долговые обязательства и рынки, которые они контролировали. Ренессансные города-государства не стали столицами транснациональных империй и основателями аграрного и индустриального капитализма.

Западная Европа за пределами Северной Италии была дестабилизирована конфликтом между множественными элитами, следствием Реформации. Реформация стала критической точкой перехода в европейской истории, хотя и не по тем причинам, которые выдвигал Вебер в своей «Протестантской этике и духе капитализма». Протестантизм не привел к единому набору психологических и идеологических императивов и, следовательно, сам по себе не открыл новые направления и модусы действия. Реформация разрушила существовавшие структуры элитных и классовых отношений и заронила сомнения в старые системы верований, открыв возможности для состязания разных конфессий. Элиты сражались друг с другом за контроль над церковной собственностью и полномочиями, а перед европейцами из всех слоев общества объявилось множество вариантов того, кому и во что верить.

Европейцы раннего Нового времени ответили на эту конкуренцию больше страхом, чем противодействием. Элиты почти всегда были реакционны и пытались сохранить свои земельные права, юридические полномочия и должности. Неэлиты тоже активно реагировали на изменения, покушавшиеся на их средства существования и их общины. Хотя неэлиты могли стремиться к радикальным или утопическим целям, они действовали осторожно, бросая вызов привилегиям правящих классов только, когда элиты казались им разделенными или слишком занятыми борьбой с конкурентными элитами на родине или за границей².

Раздоры элит не обязательно заканчивались созданием капиталистических производственных отношений или национальных госу-

² Чарльз Кёрзман (Charles Kurzman, 1996) утверждает, что участники социального действия часто воспринимают возможности для революционного изменения, которых на самом деле там нет, если основываться на анализе Токвиля структурных возможностей. Он приводит в пример иранскую революцию 1979 г. и говорит, что в таких случаях революционеры достигают успеха, потому что много людей действуют исходя из их восприятия. Я обнаружил, рассматривая революционные ситуации, о которых идет речь в данной книге, что неэлитам не нужно определять границы силы «государства», пока они могут держаться в союзе с элитами. Структура, которая анализировалась здесь, связанная с Европой раннего Нового времени, и та, которую Кёрзман и другие анализировали в Иране и других случаях современности, — это совокупность элитных отношений, а не только государство.

дарств, как показывают траектории развития североитальянских городов-государств. Я постулировал во введении, что власть, которую порождают элитные конфликты, остается эфемерной, если ее не заключают в рамки производственных отношений. Наше исследование итальянских городов-государств, Испании, Нидерландов, Франции и Англии подтверждает эту первоначальную гипотезу и предлагает следующий вывод: те стратегии, к которым прибегали успешные элиты, чтобы парировать непосредственные угрозы со стороны конкурирующих элит и неэлит, вели к долгосрочным последствиям, которые сказывались на производственных отношениях.

Никто не мог предугадать или контролировать конечный эффект своих действий, хотя бы потому, что цепи конфликтов и структурных изменений тянулись очень долго. Трансформации в Англии и Голландии произошли относительно быстро. Конфликт в Англии начался с Реформации Генриха VIII, а разрешен был во время гражданской войны; все продолжалось не более века, как и период, в продолжение которого голландские элиты восстали против испанского правления и укрепили свою гегемонию на родине. В то время как Генрих VIII, английские джентри и олигархи каждого голландского города строили свои планы и достигали поставленных целей, ни одна из этих групп не могла предвидеть, какие последствия их действий скажутся на них самих или на их наследниках через десятилетия и столетия. Никто не мог предсказать экономических результатов своих политически мотивированных поступков.

Конфликт голландских элит создал жесткую структуру социальных отношений, позволив голландским купцам завоевать и колонизировать часть Америки и Азии, которые были свободны от конкурентов. Единство элит и социальное затишье в Голландии XVIII в. привели к тому, что голландская социальная структура не изменилась в ответ на геополитические и экономические вызовы со стороны британцев. Каждая голландская элита оказалась настолько окопавшейся на своих институциональных позициях, что смогла блокировать реформы, даже когда в XVIII в. стало более чем ясно, что хваленая голландская система не может противостоять ни в международной торговле, ни в мануфактурном производстве восходящей Британии.

Английские джентри создали систему аграрных производственных отношений, которые ретроспективно были признаны капиталистическими. Джентри атаковали земельные права крестьян и создали целую армию платных работников, чтобы получить преимущества в борьбе с короной и духовенством. Джентри не имели никакого представления о том, что новая система производства будет более

прибыльной, чем старая. На самом деле не джентри, а йомены и товарные арендаторы выступали почти со всеми нововведениями, которые улучшили сельскохозяйственную производительность. Однако почти все плоды усилий и дальновидности культиваторов пожали землевладельцы, потому что элиты графств добились неоспоримой власти на землю в тот момент, когда реагировали на все угрозы и возможности, появившиеся в результате элитного конфликта, который, в свою очередь, был следствием ломки феодальной структуры Реформацией Генриха.

Испания и Франция оказываются в самом центре рассматриваемых пяти случаев, правда, только на определенное время. Период, начавшийся с религиозных войн, вспыхнувших во Франции из-за Реформации, и закончившийся завершением революции в правление Наполеона, продолжался 300 лет, точно так же, как и эпоха, во время которой местные элиты были абсорбированы сначала испанской, а потом и европейско-американской империей Габсбургов. Итальянские войны, начавшиеся с борьбы за независимость, возможной благодаря зазору, открывшемуся из-за соперничества крупных сил, и закончившиеся институализацией власти патрициев в основных городах-государствах, длились пять столетий, и это самый продолжительный случай, разбираемый в данной книге.

Возможности для экономической трансформации были рано перекрыты и в итальянском, и в испанском вариантах элитных конфликтов. Продолжительные конфликты итальянского Ренессанса ограничились воздействием на экономические институты потому, что патриции с самого начала пошли на слишком много уступок цеховикам и после этого никогда не могли оспорить привилегий цехов, не подвергая риску собственную гегемонию. Испанская экономика трансформировалась столь мало потому, что правящая элита получила свою империю на Иберийском полуострове и в Европе, не тревожа существовавших систем, при помощи которых местные элиты присваивали ресурсы. Каждая местная элита только усилила свой контроль над землей и трудом, когда ее поглотила Габсбургская империя. Испанское завоевание Америки оказало глубокое влияние на живших там индейцев, а также африканцев и европейцев, которых туда завезли, но очень мало повлияло на политику и экономику самой Испании.

Франция представляет собой наиболее сложный и переменчивый случай из всех. Феодальные конфликты среди множественных элит уступили место соперничеству среди членов расширяющейся организации, которая стала королевским государством. В отличие от империи Габсбургов, где элиты и классы были включены неизменными

в завоевательную политику, французские элиты вошли в государство частями, обрывками, когда они получали новые должности и концессии. Французские должности и привилегии варьировались в зависимости от времени их получения. Каждый новый «призыв» чиновников получал в чем-то новый набор обязательств и преимуществ, отличный от тех, что имели предшествующие когорты занимавших схожие с ними должности раньше. Более важно, что сам процесс включения новых чиновников и владельцев контрактов во французское государство оказывал трансформирующее воздействие на все прежде существующие позиции и делал это таким способом, который был неосуществим, например, в парцеллизованной империи Габсбургов. Французские чиновники не могли защитить все свои привилегии и полномочия от новой когорты и конкурирующих элит так, как элиты и цеховики защищали свои права, зафиксировав их навечно, в ренессансной Флоренции. Также французские чиновники не могли помешать созданию новых постов или дополнительному набору на уже существующие, как это удавалось делать голландским олигархам и их семействам в XVII–XVIII вв. при помощи договоров о соответствии.

Отношения между элитами при старом режиме во Франции были такими изменчивыми потому, что немногие элиты могли разместиться со своими королевскими должностями и синекурами непосредственно там, где находилось производство. Аграрные и мануфактурные производственные отношения не настолько окаменели во Франции XVIII в., как во Флоренции Медичи. Тем не менее немногие элиты могли контролировать землю и извлекать значительные прибыли из труда крестьян или из мануфактурного производства, коммерции или финансовых спекуляций, не опираясь на полномочия, которые они получали вместе с государственными должностями или на привилегии, гарантированные им короной. Доступ элит к доходам и их контроль над средствами производства оспаривались тогда, когда их должности и привилегии менялись при развитии государства.

Французская революция оказала огромное влияние на элитные и классовые отношения именно потому, что элиты старого режима потеряли свою способность напрямую присваивать прибавочный продукт от аграрного и индустриального производства. Большинство французских элит к XVIII в. дошло до настоящей давки за долю доходов, которые все элиты коллективно присваивали через государство. Как только на государство ополчились крестьяне, санкюлоты и буржуа во время революции, старые элиты больше не могли

сами поддерживать или воссоздавать механизмы извлечения прибыли. Эти элиты потеряли свою элитарность.

Французская революция, сокрушив одни элиты и выдвинув вперед другие в процессе создания нового государства, оказала драматическое воздействие на классовые отношения, хотя не столь глубокое, как драматический переход к аграрному капитализму в Англии в столетие от Реформации Генриха до гражданской войны. Наше сравнение Англии и Франции показывает сложность отношений структуры и действенности (*agency*). Наиболее гибкая структура (Франция) не обязательно производила самую мощную трансформацию. Более простая английская структура и более ясное течение элитных и классовых конфликтов произвели самую мощную трансформацию из всех, рассматриваемых в этой книге.

История социальных изменений в Европе раннего Нового времени — это история разрыва между первоначальными стремлениями и результатами. Актеры почти всегда намеревались быть консервативными, просто сохранять или, может быть, улучшать свои существующие позиции. Действие обычно приносило малый эффект. Планы оставались невыполненными. Соперники оказывались способными парировать большую часть атак на свои позиции. Элиты и неэлиты редко достигали тех конкретных и краткосрочных целей, к которым стремились. Еще более редко актеры запускали продолжительную серию элитных и классовых конфликтов, которые трансформировали социальную структуру и приводили к новым и неожиданным формам производства.

Элитный конфликт — это четкая нить действий, которая тянет за собой структурные изменения во всех ситуациях. Причинно-следственная первичность элитного конфликта позволяет нам сделать некоторые более широкие социологические выводы о социальных изменениях, выходящих за рамки той специфической, хотя и глубокой трансформации, которой посвящена эта книга. Я закончу обобщениями, касающимися исследования социального изменения в четырех областях: 1) действия (*agency*) неэлит и революция; 2) геополитика и мировая система; 3) идеология и культура и 4) социальное пространство для действия.

Действия неэлит и революции

Элитные конфликты поощряют мобилизацию неэлит и решающим образом формируют структурные последствия революционных действий масс. Неэлиты, как и элиты, не стремятся к самоубийству и пы-

таются прочесть социальные структуры и конфликты для того, чтобы определить, когда и где мобилизация будет эффективной. Неэлиты, как элиты, могут неправильно прочесть социальную структуру, увидев широкий зазор в необычайно узких, локальных условиях. Все акторы, элитные и неэлитные, часто упускают из виду, что переплетающиеся элитные и классовые конфликты в комплексных социальных структурах могут вызвать неожиданные и нежелательные (или случайно предсказанные, хотя и чудесные) последствия.

Неэлиты лучше всего способны поддерживать свою борьбу и достигать своих целей, когда они находят элиту на сильной структурной позиции, с которой могут заключить союз. Когда покровительствующая элита слаба (как духовенство после Реформации Генриха), тогда мятежи их неэлитных союзников бывают интенсивными, но изолированными и, следовательно, легко подавляются (как благодатное паломничество в Англии в 1536 г.), или же мятежи бывают слабо организованными и, следовательно, неэффективными даже при широкой базе поддержки (как в случаях с различными восстаниями *popolo* в Италии эпохи Ренессанса).

Элиты становятся эффективными союзниками и помогают действиям масс, пока конкретная элита в союзе с народными силами едина и способна распоряжаться ресурсами на протяжении долгого времени. Английская и французская революции случились в такой момент, когда элитам (джентри и буржуазия) грозило уничтожение, и у них были ресурсы мобилизовать неэлитные силы и поддерживать революционный конфликт на протяжении нескольких лет. Восстание чомпи и Фронда — примеры того, как элиты, хотя и чувствуя опасность для себя, одной мобилизацией народных сил подрывают свою способность сохранять единство и управлять ресурсами для революционного подъема; таким образом, и чомпи, и фрондеры потеряли единство и были подавлены восстановившимися альянсами множественных элит.

Уничтожение или трансформация государства — не обязательно первичная цель или результат революции. Все английские конфликты, рассмотренные в четвертой главе, велись из-за локального контроля за организацией доминирования и извлечения прибыли. Две революции (1640 и 1689 гг.), но не Реформация привели к перемене властителей, но практически не оказали воздействия на структуру национального правления, которую определили прежние конфликты элит. Трансформацию английских элит с самым мощным, немедленным и долгосрочным воздействием на национальное устройство произвела Реформация Генриха, которая свергла параллельную на-

циональную администрацию в виде церкви, тот элемент, о котором не говорит ни одно из определений государства, предлагаемых социологами революций.

Бунт флорентийских чомпи, переворот Медичи, французские Фронды и революция 1789 г. (в том, что касалось и аристократов, и буржуа) велись ради улучшения позиции революционеров в рамках уже существующих государств. Революция 1789 г. уничтожила старое государство, не желая того, только благодаря особой комбинации действий элит и народа³.

Долгосрочные последствия революций отстоят даже еще дальше от идеального понятия трансформации государства, чем изначальные планы и события каждого революционного момента. Каждая революция в долгосрочной перспективе имеет значение в зависимости от того, насколько элиты и неэлиты оказались способны сокрушить или захватить государствовподобные механизмы доминирования и присвоения, ранее контролировавшиеся ныне побежденной элитой. Бунт чомпи ненадолго, а переворот Медичи навсегда передали механизмы сбора налогов, займов и военной мобилизации от одних элит другим. Это случаи циркуляции элит практически по Парето, без воздействия на общую форму того, как правят неэлитами и как их эксплуатируют комбинированные организационные способности элит.

Только первый английский конфликт, Реформация Генриха, серьезно и навсегда повлиял на структуру правления элит. Английские конфликты 1640 и 1689 гг. (а один из них даже иногда называется революцией) просто ратифицировали изменения в элитных и классовых отношениях, запущенные Реформацией. Французская революция отличалась от других революций вплоть до XX в. тем, что она инициировала трансформации элитных и классовых отношений в процессе низвержения государственного режима.

Французская революция отличалась от всех других революций раннего Нового времени (и поэтому она единственная из обсуждаемых в этой книге наиболее близка к идеальному типу Чарльза Тилли (1978)) потому, что она ополчилась на первый в истории человечества режим, в котором все организации элит были инкорпориро-

³ Революции XX в. (русские, китайские, никарагуанские, антиколониальные и в Восточной Европе 1980-х гг.) отличаются от своих аналогов в прошлых столетиях тем, что они начинались, имея перед собой ясную цель уничтожить или сменить государство. Однако они все равно были побеждены союзом элит и неэлит, и их результаты определил двойной эффект элитной и классовой борьбы.

ваны или регулировались национальным государством. Революции имеют структурное значение только тогда, когда они уничтожают, объединяют или сокрушают способности элит, заключавшиеся в государстве, но которые исторически более часто можно обнаружить в похожих на государства образованиях и других организациях элит и которые не вписываются в большинство определений конечных целей революции.

Сравнительное изучение революций будет буксовать (и продолжать неправильно интерпретировать структурные данные новейших исторических исследований конкретных революций), пока с марксистским пугалом революции как классовой войны будут бороться только государственно-центрированные теоретики, которые выдвигают концепцию пяти с лишним веков европейской истории как борьбы между государством и гражданским обществом, рассматривая революции как победы или поражения в этой борьбе одной или другой стороны. Правящие классы и «государственные элиты» нужно рассматривать более тонко, учитывая множественность элит и их организаций (что может быть государством или государственноподобным образованием). Тогда мы сможем ответить на такие вопросы сравнительного анализа, как элиты зависят от государственных или государственноподобных механизмов по извлечению ресурсов и доминированию над неэлитами? И какие интересы имеют элиты в сохранении, модификации или низвержении государств и государственноподобных образований? Ответы на эти вопросы дадут необходимую базу для анализа конечных результатов революций. Мы также сможем определить, будет ли нынешнее ослабление национальных государств снова направлять революционеров на цели, не связанные с государством.

Наконец, концентрация внимания на элитных и классовых структурах позволяет оценить непредвиденные эффекты революции. Карл Маркс сам сделал это в своем «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», тщательно отслеживая союзы и конфликты между множественными классовыми фракциями, которые он выделял на разных стадиях получения ими элитоподобного контроля над организациями, равно как и их специфические производственные отношения. Переплетение элитных и неэлитных конфликтов — то, что отличает революционную эпоху от предшествующих элитных конфликтов. Именно поэтому революционные эпохи столь тяжелы как для тех, кто в них живет, так и для ученых, которые пытаются реконструировать исторические события в их рамках и проанализировать их значение.

Геополитика и мировая система

Межгосударственные военные конфликты и международные торговые обмены оказывали весьма ограниченное воздействие на элитные и классовые отношения в европейских обществах раннего Нового времени. На североитальянские города внешние силы повлияли больше, чем на любое другое общество, анализировавшееся в этой книге. Однако даже в Италии иностранные акторы играли крайне специфические роли в структурном изменении, которое было узко сфокусировано во времени. Соперничество крупных сил позволило городам стать автономными, а затем и независимыми. Континентальные и региональные конфликты мешали олигархиям консолидировать власть в пределах каждого города-государства на протяжении нескольких критически важных столетий, когда враждебные фракции «опускались» вниз за поддержкой. За эти века фракционных конфликтов «новые люди», которые сколотили состояния, расширяя и перемещая мировую экономику, добились доступа на старые и новые элитные позиции в своих городах-государствах.

Элитные и классовые отношения фиксировались в каждом городе, когда какая-либо одна элита консолидировала власть. Как только фракционный конфликт разрешался в пределах одного города-государства, соперничество крупных сил прекращало воздействовать на элитные и классовые отношения в этой политике. «Новые люди» больше не могли транслировать свое экономическое положение в мировой экономике в элитное положение в родном городе. На самом деле города-государства под управлением олигархов стали помехой для «новых людей» в их экономических предприятиях, заставляя их переводить капитал и часто свою политическую лояльность куда-то еще в процессе преследования возможностей в мировой экономике.

Классовые отношения и организация производства оставались неизменными в рамках каждого города-государства в отсутствие фракционных конфликтов, даже когда город получал или терял контроль над европейскими рынками. Медичи поддерживали свою гегемонию над Флоренцией, и гильдии сохраняли свои привилегии, даже когда они потеряли доминирующее положение на рынках шерсти и шелка, а контроль над папскими и трансевропейскими финансами перешел в руки конкурентов. Генуэзская политика равным образом была не затронута подъемом на финансовую вершину Европы и падением отсюда этого города-государства. Венецианская элита и классовые отношения не изменились, когда этот город стал державой регионального уровня и уступил свое военное превосходство Османской империи.

Голландские структурные изменения под иностранным влиянием представляют собой параллель тому, что происходило в итальянских городах-государствах. Элитные отношения в Голландии, как и в Северной Италии, сформировались в борьбе против иноземного правления. Когда Голландская республика, точно как итальянские города-государства, освободилась от иностранной власти, социальные отношения затвердели. Структура отношений внутри голландских элит, их политические институты и организация аграрного и мануфактурного производства — все оставалось фиксированным, когда Голландия возглавила европейскую и мировую торговлю в XVII в. и уступила это ведущее положение Англии в следующем столетии.

Голландские и итальянские элиты получили организационные преимущества для завоевания иностранных рынков в качестве наследства своей борьбы против иноземного правления. Голландские и итальянские олигархии не смогли адаптироваться к последующим переменам в международной экономической и военной конкуренции, не подрывая своей гегемонии дома. Неудивительно, что индивидуумы и семейства, которые составляли каждую олигархию, никогда не рисковали своим положением локальной элиты ради надежды на большее богатство, геополитическую власть или престиж за рубежом.

Геополитика и мировая система не были фактором выживания уже утвердившихся европейских элит. Подобные внешние факторы не влияли и на финансовое вознаграждение, которое получала каждая элита за свой контроль над организацией извлечения прибавочного продукта в рамках города-государства, национального государства или империи. Организационные возможности, которые итальянские и голландские элиты привнесли в международную торговлю и производство, давали большой выигрыш в некоторые моменты истории и относительно малый позже, когда геополитические условия и структура мировой экономики менялись.

Испанская социальная структура стала более жесткой, когда она инкорпорировала новые политии в свою империю. Возможности для действий (*agency*) элит и классов на самих завоеванных европейских территориях тоже парализовались, когда они были абсорбированы Габсбургами. Часть Нидерландов, которой удалось освободиться от Габсбургов, трансформировалась в процессе борьбы за свою независимость. Испанские элиты были агентами трансформации, только когда они завоевывали Америку, которая была вдали, на периферии миросистемы.

Франция и Англия развивали различные варианты аграрного капитализма еще до того, как они начали играть важную роль в международной торговле. Купцы, занятые в иностранной коммерции, оставались статистами во французских элитных конфликтах старого режима и в годы революции. Действия английских купцов были чуть более влиятельны с точки зрения итогов гражданской войны, так как именно они помогли мобилизовать лондонских радикалов и направить их на парламент. Тем не менее «колониальные купцы — нарушители конвенций», которые были наиболее важны для гражданской войны в Лондоне, являлись самыми маргинальными из всех английских купцов, как по масштабам, так и по результатам своей внешней торговли. Их ключевая роль в гражданской войне объяснялась их особым географическим, темпоральным и структурным положением в цепи событий, которые взбаламутили британскую политику в 1640-х гг. Колониальные купцы — нарушители конвенций добились в награду за свои труды новой британской внешней политики при республике, которая была продолжена при Реставрации монархии, и это подвигло государственную власть передавать им все более растущие и доминирующие позиции в мировой экономике.

Элитные и классовые конфликты 1640-х гг. трансформировали организационный капитал, который британские купцы получили от своего преследования рыночных позиций и геополитической власти в мировой системе. В результате колониальные торговцы сами преобразились из маргинальных акторов в политике и экономике, тоже маргинальной для миросистемы, в доминирующих акторов в расширяющейся части мировой экономики. Колониальные купцы не искали мирового господства, когда вовлекались в революцию и гражданскую войну. Они просто хотели защитить свою существующую торговлю от притязаний короны, лицензированных купцов и иностранных конкурентов. Внутренний английский конфликт определил ту долю, которую каждая элита и каждый класс стали получать от производства на родине, а также от иностранной торговли и колониализма в последующих столетиях.

Англия и Франция вышли из своих революций с фундаментально отличными социальными структурами, которые привели к тому, что Англия стала гораздо более искушенным конкурентом в XVIII и XIX вв., чем Франция (или была ранее Голландская республика, Испания и любая другая европейская держава). При этом преимущества Британии, так же как Голландской республики, Испании и итальянских городов-государств, возникли в результате внутренних конфликтов. Развитие событий и динамики миросистемы определили,

как долго специфические структуры каждого конкурента оставались выигрышными и приносили различную компенсацию каждым политикой, элите и семейству, вовлеченному прямо или косвенно в мировую экономику. Миросистема значила очень много, хотя и в более четко определенных рамках, чем ей приписывают Иммануил Валлерстайн и его последователи.

С другой стороны, западноевропейские конфликты элит оказали значительное влияние на обширные части остального мира. Южная и Северная Америка, Ирландия и другие слабые части Европы, Азия и постепенно Африка – все определенным образом были подвергнуты трансформации, потому что из конфликтов с каждой европейской державой возникли особые элиты со своими интересами и способностями, которые они привносили в борьбу за доминирование над народами и землями остального мира. Колониальные купцы повлияли на гражданскую войну в основном благодаря своим внутренним, а не международным отношениям; тем не менее как только они были вознаграждены за исполнение своей роли в гражданской войне новой внешней политикой, они заняли позиции, которые глубоко трансформировали британскую Америку и другие части света. Односторонняя природа причинно-следственной зависимости между европейскими элитами и мировой экономикой наиболее ярко демонстрируется на примере Испании. Испанские конкистадоры уничтожили индейские общества, ввели рабство и другие формы принудительного труда и переделали экологию и экономику Латинской Америки. Однако социальные отношения внутри самой Испании едва ли были затронуты завоеванием и последующей потерей американской части империи.

Точно так же как элитарность дает стратегические преимущества, которые элита имеет над неэлитами в изначальных конфликтах, так же и сердцевинность (центральное положение. – *Прим. перев.*) в мировой системе дает тем элитам, которые находятся в сердцевинных политиках, возможность грабить и подчинять земли и народы остальных частей света, не подгачивая своих собственных элитных позиций дома. Итальянские, испанские и голландские элиты потеряли свою сердцевинность, сохранив элитарность. Участие каждой недавно поднявшейся державы в мировой экономике имело непредсказуемые последствия для структуры и динамики самой миросистемы. Среди этих последствий было открытие возможностей для других, более новых элит захватить сердцевинные позиции за счет прежде доминировавших игроков. Тем не менее когда старосердцевинная элита теряла большую часть вознаграждения, собранного во-

вне, внутри она оставалась защищенной от ударов. Элиты в угасающих сердцевинных политиях теряли свои позиции в результате внутренних элитных и классовых конфликтов, которые были отделены по времени и причинно-следственным связям от изменяющейся динамики миросистемы⁴.

Так же и войны оказывают специфический и ограниченный эффект на европейские государства и на состояния элит, соперничающих за политическую власть. Заграничные походы влияют на наступление и итоги революций и меньших элитных и классовых конфликтов, хотя и в более узком и специфическом смысле, чем это показано в моделях Теды Скопкола и Чарльза Тилли⁵. У элит возникают разногласия по поводу того, следует ли их нации вести войну, потому что элиты различаются по выгоде, которую они получают от войны, и по доле в военных расходах, которую им придется взять на себя. Монарх или «государственная элита» не всегда настроены милитаристски. Короли Карл I (Англия) и Людовик XVI (Франция) гораздо менее жаждали объявить войну своим иностранным противникам, чем наиболее радикальные члены парламента и Национального собрания.

Каждая элита в ренессансной Флоренции и Голландской республике проводила собственную внешнюю политику, образовывала альянсы и обещала участие своего города-государства в войне, часто на стороне, противоположной той, которую поддерживала конкурирующая с ней элита. Элиты в европейской и американской частях Испанской империи намечали и преследовали разные военные цели, что сильно повлияло на борьбу за независимость в испанской

⁴ В этом слабость модели миросистем, разработанной Валлерстайном и его последователями. Они не признают, что центральные социальные структуры могут порождать и поддерживать барьеры перед внешним влиянием на внутренние элитные и классовые отношения, которые не зависят от сдвижек в динамике самой миросистемы и даже могут их пережить. Валлерстайн признает, что периферийным странам может не хватать такой структурной изоляции от внешней динамики. Справедливо ли это для полупериферийных стран и стали ли центральные страны менее изолированы в XX в. или станут в следующем столетии, остается открытым вопросом, на который не отвечает ни эта книга, ни труд какого-либо из ныне действующих исследователей миросистем.

⁵ Скопкол (Skorcol, 1979) видит во внешних войнах дестабилизирующий элемент при старом режиме. По Тилли (Tilly, 1978, 1990, 1993), войны имеют долгосрочный эффект усиления государства против гражданского общества, и одновременно они ведут к упадку наций и режимов, неспособных постоянно наращивать людские, финансовые и технологические ресурсы, необходимые для победы в европейских (а позже и всемирных) столкновениях.

Америке. Флорентийские и английские элиты разрабатывали внешнюю политику для защиты своей торговли и религиозных интересов. И Людовик XVI, и Национальное собрание видели в войне совершенно разный способ мобилизовать внутренние и внешние силы против своих оппонентов.

Войны могут усиливать или ослаблять различные элиты, так же как монарх или «государственная элита». Флорентийские военные расходы, которые правящая элита взваливала на конкурентные элиты за пределами своего государства, приблизили олигархический переворот 1378 г. и подтолкнули «новых людей» к союзу с Медичи в 1430-х гг. Карл I был вынужден созвать парламент, который организовал оппозицию его правлению, чтобы оплатить войну с Ирландией. Габсбургов фатально ослабили траты на войну, которая должна была консолидировать их империю и расширить ее границы.

И напротив, провинциальная война ослабила фрондеров и дала относительное преимущество короне. Национальное собрание успешно использовало иностранные войны, которые побудили мобилизовать финансовые и человеческие ресурсы против внутренних врагов и построить революционное государство. Иностранные войны были жизненно важны для консолидации французского революционного режима и поддержания долгосрочной власти элит, служивших этому новому государству.

Войны, в отличие от передвижек в миросистеме, оказывают прямое воздействие на внутренние элиты. Влияние войн зависит от специфической структуры элитных отношений и характера организации финансового присвоения у каждой элиты. Широкие обобщения относительно влияния войн на образование и развитие государства или происхождение и особенно результаты революций и других конфликтов рассыпаются на глазах при учете множества причинно-следственных цепочек, рассмотренных в этой книге.

Идеология и культура

Социологи продолжают обсуждать, действуют ли люди рационально, чтобы получить максимальное количество желанных благ, или же их обуславливают культурные нормы, которые побуждают к обычному поведению. И Макс Вебер, и Карл Маркс — оба верили (хотя указывали разные тому причины), что локальные и традиционные культурные предпочтения вымирают тем сильнее, чем больше капитализм проникает в социальные ситуации. Веру Маркса и Вебера, хотя и не их отвращение к такой перспективе, в окончательную и пол-

ную победу капиталистических общественных отношений и инструментально рационального действия над всеми традиционными формами поведения и всеми докапиталистическими общественными отношениями сегодня разделяют теоретики рационального выбора⁶.

Мы видели в каждой главе этой книги, что социальные акторы обычно способны максимизировать свои интересы, используя культурно развившиеся нормы восприятия и поведения. Люди во все рассматриваемые периоды и во всех этих странах могли опираться на традицию и привычку, потому что у них было слишком мало возможностей эффективно действовать для улучшения или трансформации социальной ситуации. Традиция и культура были и остаются эффективным «инструментарием» (Swidler, 1986), потому что большую часть времени людям ничего другого не остается, как поддерживать союзы с теми, кто разделяет их интересы, ради сохранения своих существующих позиций.

Нормальная инертность общества мешает определить, насколько индивидуальные и групповые решения мотивированы рациональным выбором, а насколько — культурной привычкой. Когда мы обращаемся к тем редким моментам истории, когда социальные акторы могли улучшить свои социальные и материальные обстоятельства, то обнаруживаем, что для того, чтобы быть эффективными, им приходилось инструментально сочетать рациональное действие с культурно произведенными соображениями. Мы видели, что средневековые и ренессансные итальянские, испанские элиты в Европе и Америке, голландские, французские и английские элиты — все были инструментально рациональными в достаточной степени, чтобы оценить краткосрочный выигрыш при различном ходе действий, и при выборе максимально выигрышного курса их почти никогда не обременяли привычка и культура⁷.

Элиты и классы не могли опираться на один лишь рациональный расчет при заключении союзов, которые им были нужны, чтобы воспользоваться открывшимися возможностями для эффектив-

⁶ Капитализм прославляется во псевдоакадемических публикациях и СМИ простодушными объявлениями «конца истории» и утверждениями о том, что все нации, организации и частные лица должны подчиниться диктату мирового рынка, который в конце концов создаст крупнейшее материальное благо для максимального числа людей.

⁷ Усилия испанцев подчинить себе протестантские Нидерланды, даже хотя бы ценой непредсказуемых материальных затрат, являются наиболее прозрачным примером идеологии, возвещающей рациональный расчет, из всех, рассмотренных в этой книге.

ного действия. Такие возможности возникали внезапно, непредсказуемо и очень редко. Возможности осуществить эффективное действие или выстроить достаточную защиту порой были упущены еще до того, как какой-либо актер успевал определить материальные интересы каждого своего потенциального союзника. Так как конечные итоги подобных преобразующих конфликтов были непредсказуемы, каждый актер не мог знать, разойдутся или нет его общие с союзниками интересы в ходе конфликта и дезертирует или нет изначально самый верный товарищ из коалиции, когда обстоятельства переменятся.

Культура и идеология помогали быстрее и надежнее, чем рациональные расчеты, в поиске союзников и поддержании сообществ по интересам. Гвельфы и гибеллины средневековой Италии поддерживали союзы между городами, связанными клятвой верности либо друг другу, либо папе, либо императору на протяжении долгого времени. Те, кто присоединялся к подобным альянсам, не отбрасывали рациональные расчеты ради привычной верности идеологии. Скорее эти кросс-политийные союзы позволяли своим членам сигнализировать друг другу, что они желают связать свое личное, семейное, клановое, партийное или правительственное будущее с судьбой всего союза в целом. Эти варианты общего будущего связывали гораздо сильнее, чем разделяемые по культурным или идеологическим соображениям проявления верности. Члены альянсов и внутри партий, и поверх их границ, женили своих отпрысков друг на друге, вливали свой капитал в совместные предприятия, сажали у себя в конторах своих протеже и шли вместе в бой, ставя собственную жизнь в зависимость от союзников.

Каждая элита в альянсе гвельфов или гибеллинов признавала, что ей нужны союзники в собственном городе-государстве и за его пределами, чтобы парировать инициативы реальных или потенциальных элитных и классовых врагов. В средневековой Италии было опасно, как почти всегда и везде, оказаться без достаточного числа союзников. Семейства съезжались вместе жить на укрепленных участках с дозорными башнями для защиты от других кланов, смешивались через браки, объединяли свой труд и состояние, чтобы обеспечить сохранение единства клана в кризисный момент. Клановые объединения в партии, которые образовывали большие альянсы и контролировали целые города и более крупные политические образования. Элиты на каждом этапе слияния искали союзников сверху, снизу и сбоку. Союзники подавали друг другу знаки при помощи гвельфской и гибеллинской идеологий. Как только средневековые

итальянцы попадали в объятия альянса, они тут же образовывали семейные, деловые и политические совместные предприятия ради обеспечения того, чтобы никто не смог выйти из коалиции и предать общее дело.

Элиты в каждом обществе Европы раннего Нового времени создавали структуры по укоренению своих союзов на своеобразных идеологических и институциональных швартовых, которые были параллельны системам, усовершенствованным в Италии эпохи Возрождения. Религия стала главным базисом для строительства альянсов между семьями, городами и областями после Реформации. Протестантизм, католицизм и более мелкие разделения и доктринальные различия стали идеологическими основами для создания обоюдности интересов в Голландской республике, Франции или Британии. Когда голландцы, перешедшие в протестантизм, сохраняли свою веру и перед лицом испанской инквизиции, они давали сигнал другим о своей желаниии вложить всё в борьбу за религиозную свободу и политическую независимость. Голландские протестанты выстроили сообщество интересов, географически сконцентрировавшись в Северных Нидерландах и подчинившись новым политическим властям, когда те поднимали налоги для удовлетворения военных нужд, то есть для обороны от испанцев. Местная религиозная солидарность базировалась на прежнем сотрудничестве при строительстве плотин и систем ирригации в сельской местности и на совместных деловых инвестициях в городах. Протестанты еще более усилили свое единство перекрестными браками, продолжением слияния капиталов в совместных предприятиях и вкладами в государственные облигации, которые могли оплачиваться только при том условии, что протестанты оставались единными и могли защищаться от испанцев.

Единство, выкованное в борьбе за религиозную и политическую свободу, создавало институциональные связи между элитными семьями, которые держались столетиями после того, как независимость была завоевана. Акционерные компании и договоры о соответствии обеспечили каждому семейству максимальное достижение его интересов только в рамках существующих родовых сетей, инвестиционных фирм и политических институций. Религиозная, гражданская и классовая культура выражалась через практику строительства и поддержания социальных альянсов.

Идеология и интересы неразличимы порознь при анализе, когда они сливаются в практике элиты. Это истинно для голландских олигархий, как и для протестантов и Католической лиги во Франции XVIII в., для католиков и различных протестантских групп в Ан-

глии в столетие после Реформации Генриха и для разных партий в периоды революций как в Англии, так и во Франции. Как в Италии и Нидерландах, французские и английские элитные семейства перемешивались через браки со своими союзниками по вере и политике. Семейства вкладывали свой политический и финансовый капитал в религиозные должности, связывая безопасное будущее своих наследников с установлением религиозной свободы по желанному образцу. Союзники Фронды во Франции, гражданской войны и революции 1789 г. в Англии были уверены в лояльности друг друга по большей части потому, что они были связаны узами патроната через религиозные должности.

Союзы не разрывались во времена гражданских войн, революций и других смертельных опасностей, потому что они строились на основании общих интересов, которые выражались в терминах культуры, а также на основании общих идеологических догм, которые проводились в жизнь, когда единоверцы и члены одной фракции или партии соединялись браками, делами или политикой, так же, как молитвой, ритуалами и обетами. Культура и идеология не подменяли собой интересы и не просто их отражали. Они были программами для построения системы общих интересов, достаточно крепкой, чтобы не дать союзникам предать друг друга, и достаточно жесткой, чтобы вынудить их вкладывать в общее дело свой материальный и человеческий капитал.

Социальное пространство для действенности

Индивидуумы рациональны, когда играют по высшим ставкам. Они хотят сохранить или, если это возможно, улучшить свои условия жизни. Люди, как общественные животные, в своих способностях находить рациональные пути и следовать им ограничены комплексностью паутины социальных отношений, внутри которой они живут. Эта комплексность затрудняет видение, не дает разглядеть до конца, как лучше всего удовлетворить свои интересы. Комплексность также ограничивает возможности по улучшению социальной ситуации.

У неэлит, как мы видели на протяжении всей этой книги, возможности для эффективной действенности гораздо более узкие и редкие, чем у элит. Действенность элит была строго ограничена в феодальной Европе до Реформации. Возможности для эффективной действенности расширились с Реформацией, хотя они оставались весьма специфическими и сильно зависели от создания сети союзников, в число которых часто входили и элиты, и неэлиты.

Когда элиты принимались действовать, они запускали цепь событий, которые производили изменения, непредсказуемые и незапланированные. Социальные ресурсы элит одной эпохи имели ограниченное значение, когда она завершалась, во время и после гигантских и неожиданных социальных изменений. Идеологические и культурные ресурсы всегда помогали удержать союзников, но часто бывали бесполезны, когда требовалось проложить стратегический курс через революцию⁸.

Переход от феодализма к капитализму — важная тема для исследования потому, что очень многое в нынешней социальной реальности было выковано во время этой великой трансформации. Мы никогда не сможем понять наши собственные возможности для совершения перемен и не сможем определить оптимальное место и время для социального действия, не зная, как фундаментальные изменения происходили в прошлом. Мы должны признать, что элиты в Европе раннего Нового времени, а сейчас и по всему капиталистическому миру почти всегда были адептами сохранения социальных институций, необходимых для защиты их интересов. Изменения начинались, когда обострялись элитные конфликты. Фундаментальная трансформация случалась тогда, когда неэлиты были способны войти в союз с элитными фракциями и добиться уступок, которые давали долгосрочные права всем победителям.

Сегодня мы все еще боремся с институциями, которые флорентийские патриции, голландские олигархи, испанские конкистадоры, французские и английские землевладельцы, купцы и бюрократы создали для сохранения тех привилегий, которых они добились в результате элитных конфликтов. Мы поймем нашу собственную социальную реальность и опознаем возможности переделать наш собственный мир, когда осознаем процессы, при помощи которых элиты и классы преодолели старые ограничения и создали новые, которые и сделали их самих и делают нас капиталистами поневоле.

⁸ Эта истина находит свое отражение в словах Артура Стинчкомба (Arthur Stinchcombe, 1965) о том, что социологи должны ограничиваться объяснением революционных ситуаций, а не результатов революций, так как слишком многие переменные влияют на то, кто получит власть в конечном итоге. По этой причине результаты слишком случайны, ненадежны и непредсказуемы, в то время как революционные ситуации более просты и проистекают из определяемых причин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Aalbers, J. 1977. «Holland's Financial Problems (1713–1733) and the Wars against Louis XIV». P. 79–93 in *Britain and the Netherlands*, vol 6, edited by A. C. Duke and C. A. Tamse. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Abel, Wilhelm. 1980. *Agricultural Fluctuations in Europe from the Thirteenth to the Twentieth Centuries*. New York: Methuen.
- Abulafia, David. 1981. «Southern Italy and the Florentine Economy». *Economic view* 34, no. 3: 377–388.
- Abu-Lughod, Janet L. 1989. *Before European Hegemony: The World System, A. D. 1250–1350*. New York: Oxford.
- Adams, Julia. 19943. «The Familial State: Elite Family Practices and State-Making in the Early Modern Netherlands». *Theory and Society* 23: 505–539.
- Adams, Julia. 1994b. «Trading States, Trading Places: The Role of Patrimonialism in Early Modern Dutch Development». *Comparative Studies in Society and History* 36: 319–355.
- Adams, Julia. 1996. «Principals and Agents, Colonialists and Company Men: the Decay of Colonial Control in the Dutch East Indies». *American Sociological Review* 61: 12–28.
- Allen, Robert C. 1992. *Enclosure and the Yeoman: The Agricultural Development of the South Midlands, 1450–1850*. Oxford: Clarendon.
- Althusser, Louis, and Etienne Balibar. [1968] 1970. *Reading Capital*. London: New Left Books.
- Anderson, Perry. 1974. *Lineages of the Absolutist State*. London: Verso.
- Appleby, Andrew. 1975. «Agrarian Capitalism or Seigneurial Reaction? The Northwest of England, 1500–1700». *American Historical Review* 20.3: 574–594.
- Arrighi, Giovanni. 1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London: Verso. (Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги и власть в происхождении нашей эпохи. М.: Территория будущего, 2007).
- Asher, Eugene. 1960. *The Resistance of the Maritime Classes: The Survival of Feudalism in the France of Colbert*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Aston, Trevor, ed. 1965. *Crisis in Europe, 1560–1660*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Aymard, Maurice. 1982. «From Feudalism to Capitalism in Italy: The Case that Doesn't Fit». *Review* 6.2: 131–208.
- Babeau, Albert. 1894. *La Province sous l'ancien régime*. 2 vols. Paris: Fermin Didot.
- Baechler, Jean. 1988. «The Origins of Modernity: Caste and Feudality (India, Europe, and Japan)». P. 39–65 in *Europe and the Rise of Capitalism*, ed. by Jean Baechler et al. Oxford: Blackwell.

- Bairoch, Paul. 1988. *Cities and Economic Development*. Chicago: University of Chicago Press.
- Baker, Alan, and Robin Butlin. 1973. *Studies of Field Systems in the British Isles*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Barnes, Thomas. 1961. *Somerset*. Cambridge: Harvard University Press.
- Bastier, Jean. 1975. *La Féodalité au siècle des lumières dans la région de Toulouse (1730–1790)*. Paris: Bibliothèque Nationale.
- Baulant, Micheline. 1968. «Le Prix des grains à Paris de 1431 à 1788». *Annales E. S. C.* 23.3: 520–540.
- Baxter, Douglas Clark. 1976. *Servants of the Sword: French Intendants of the Army, 1630–1670*. Urbana: University of Illinois Press.
- Bean, J. M. W. 1991. «Landlords». P. 526–586 in *The Agrarian History of England and Wales*. Vol. 3, 1348–1500, ed. by Edward Miller. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bearman, Peter. 1993. *Relations into Rhetorics: Local Elite Social Structure in Norfolk, England. 1540–1640*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Beaulieu, Eugène-Pierre. 1903. *Les Gabelles sous Louis XIV*. Paris: Berger-Laurault.
- Becker, Marvin B. 1959. «Some Economic Implications of the Conflict between Church and State in „Trecento“ Florence». *Medieval Studies* 21: 1–16.
- Becker, Marvin B. 1966. «Economic Change and the Emerging Florentine Territorial State». *Studies in the Renaissance* 13: 7–39.
- Becker, Marvin B. 1967. *Florence in Transition*. Vol. 1. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Becker, Marvin B. 1968a. *Florence in Transition*. Vol. 2. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Becker, Marvin B. 1968b. «The Florentine Territorial State and Civic Humanism in the Early Renaissance». P. 109–139 in Rubenstein 1968.
- Behrens, Betty. 1963. «Nobles, Privileges, and Taxes in France at the End of the Ancien Régime». *Economic History Review*, 2d ser., 15: 451–475.
- Beier, A. L. 1969. «Studies in Poverty and Poor Relief in Warwickshire, 1540–1680». Ph. D. diss., Princeton University.
- Beier, A. L. 1985. *Masterless Men: The Vagrancy Problem in England, 1560–1640*. London: Methuen.
- Beik, William. 1985. *Absolutism and Society in Seventeenth-Century France: State Power and Provincial Aristocracy in Languedoc*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Belfanti, Carlo Mareo. 1993. «Rural Manufactures and Rural Proto-Industries in the „Italy of the Cities“ from the Sixteenth through the Eighteenth Century». *Continuity and Change*. 18.2: 253–280.
- Ben-Yehuda, Nachman. 1980. «The European Witch Craze of the 14th to 17th Centuries: A Sociological Perspective». *American Journal of Sociology* 86: 1–31.
- Berce, Yves-Marie. 1974. *Croquants et nu-pieds: Les soulèvements paysans en France, du XVIIe au XIXe siècle*. Paris: Gallimard.
- Bergier, Jean-François. 1979. «From the Fifteenth Century in Italy to the Sixteenth Century in Germany: A New Banking Concept?» P. 105–129 in *The Dawn of Modern Banking*, ed. by Center for Medieval and Renaissance Studies, UCLA. New Haven: Yale University Press.
- Bergin, J. A. 1982. «The Decline and Fall of the House of Guise as an Ecclesiastical Dynasty». *The Historical Journal* 25: 781–803.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bergin, J. A. 1992. «Richelieu and His Bishops? Ministerial Power and Episcopal Patronage under Louis XIII». P. 175–202 in *Richelieu and His Age*, edited by Bergin and Laurence Bockliss. Oxford: Clarendon.
- Berktay, Halil. 1987. «The Feudalism Debate: The Turkish End: Is „Tax-vs.-Rent“ Necessarily the Production and Sign of a Modal Difference». *Journal of Peasant Studies* 14.3: 291–333.
- Bernard, Léon. 1964. «French Society and Popular uprising under Louis XIV». *French Historical Studies* 3: 454–474
- Berner, Samuel. 1971. «Florentine Society in the Late Sixteenth and Early Seventeenth Centuries». *Studies in the Renaissance* 18: 203–246.
- Biddick, Kathleen. 1987. «Missing Links: Taxable Wealth, Markets, and Stratification among Medieval Peasants». *Journal of Interdisciplinary History* 18.2: 277–298.
- Blanchard, I. S. W. 1971. *The Duchy of Lancaster's Estates in Derbyshire, 1485–1540*. Derby: Derbyshire Archaeological Society.
- Blet, Pierre. 1959. *Le Clergé de France et la monarchie*. 2 vols. Rome: Université Gregorienne.
- Blet, Pierre. 1972. *Les Assemblées du clergé et Louis XIV de 1670 à 1693*. Rome: Université Grégorienne.
- Bloch, Marc. 1973. *The Royal Touch: Sacred Monarchy and Scrofula in England and France*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Blockmans, W. P. 1978. «A Typology of Representative Institutions in Late Medieval Europe». *Journal of Medieval History* 4: 189–215.
- Bois, Guy. [1976] 1984. *The Crisis of Feudalism: Economy and Society in Eastern Normandy c. 1300–1550*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bonney, Richard. 1978. *Political Change under Richelieu and Mazarin, 1624–1661*. Oxford: Oxford University Press.
- Bonney, Richard. 1981. *The King's Debts: Finance and Politics in France, 1589–1661*. Oxford: Oxford University Press.
- Bordeaux, Michèle. 1969. *Aspects économiques de la vie de l'église aux XIVe et XVe siècle*. Paris: Librairie Générale de Droit et de Jurisprudence.
- Bordes, Maurice. 1960. «Les Intendants de Louis XV». *Revue Historique* 223: 45–62.
- Bordes, Maurice. 1972. *L'Administration provinciale et municipale en France au 18ème siècle*. Paris: Société d'Édition d'Enseignement Supérieur.
- Bosher, J. F. 1970. *French Finances, 1770–1795: From Business to Bureaucracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bossy, John. 1970. «The Counter-Reformation and the People of Catholic Europe». *Past and Present* 47: 51–70.
- Bossy, John. 1975. *The English Catholic Community, 1570–1850*. London: Damton, Long and Todd.
- Bourdieu, Pierre. [1972] 1977. *Outline of a Theory of Practice*. New York: Cambridge University Press.
- Braddick, M. J. 1994. *Parliamentary Taxation in Seventeenth-Century England: Local Administration and Response*. Woodbridge: Royal Historical Society.
- Braudel, Fernand. [1966] 1972. *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*. 2 vols. New York: Harper & Row. (Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Пер. М. А. Юсима. В 3 ч. М. «Языки славянской культуры», 2002–2004).

- Braudel, Fernand. 1977. *Afterthoughts on Material Civilization and Capitalism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Braudel, Fernand. [1979] 1982. *Civilization and Capitalism. 15th – 18th Century*. Vol. 2, *Wheels of Commerce*. London: Collins. (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII в.; пер. Л. Я. Кугель, М.: Весь мир, 2006)
- Braudel, Fernand. [1979] 1984. *Civilization and Capitalism, 15th – 18th Century*. Vol. 3, *Perspective of the World*. New York: Harper & Row.
- Braudel, Fernand, and Frank Spooner. 1967. «Prices in Europe from 1450 to 1750». P. 378–459 in *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. 4, *The Economy of Expanding Europe in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Ed. by E. E. Rich and C. H. Wilson. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brenner, Robert. 1976. «Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe». *Past and Present* 70: 30–75.
- Brenner, Robert. 1982. «The Agrarian Roots of European Capitalism». *Past and Present* 97: 16–113.
- Brenner, Robert. 1993. *Merchants and Revolution: Commercial Change, Political Conflict, and London «s Overseas Traders, 1550–1653*. Princeton: Princeton University Press.
- Brown, Judith. 1982. *In the Shadow of Florence: Provincial Society in Renaissance Peseta*. New York: Oxford University Press.
- Brucker, Gène. 1962. *Florentine Politics and Society, 1343–1378*. Princeton: Princeton University Press.
- Brucker, Gène. 1969. *Renaissance Florence*. New York: John Wiley.
- Brucker, Gène. 1977. *The Civic World of Early Renaissance Florence*. Princeton: Princeton University Press.
- Buisseret, David. 1968. *Sully and the Growth of Centralized Government in France, 1598–1610*. London: Eyre and Spottiswoode.
- Bullard, Melissa Meriam. 1980. *Filippo Strozzi and the Medici*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Burke, Peter. 1972. *Culture and Society in Renaissance Italy, 1420–1540*. New York: Scribner's.
- Burke, Peter. 1974. *Venice and Amsterdam: A Study of Seventeenth-Century Elites*. London: Temple Smith.
- Burke, Peter. 1986. *The Historical Anthropology of Early Modern Italy: Essays on Perception and Communication*. New York: Cambridge University Press.
- Burt, Ronald S. 1992. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge: Harvard University Press.
- Bush, M. L. 1967. *Renaissance, Reformation, and the Outer World*. London: Blandford.
- Bush, M. L. 1983. *Noble Privilege*. New York: Holmes and Meier.
- Butters, H. C. 1985. *Governors and Government in Early Sixteenth-Century Florence, 1502–1519*. Oxford: Clarendon.
- Byres, T. J. and Harbans Mukhia. 1985. „Feudalism and Non-European Societies“. Special issue of *The Journal of Peasant Studies* 12, no. 2–3.
- Canon, Marie-Thérèse. 1977. *La Société en France à la fin du moyen âge*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Carrière, Victor. 1936. *Les Epreuves de l'église de France au XVIIe siècle*. Paris: Letouzey.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Carruthers, Bruce. 1996. *City of Capital: Politics and Markets in the English Financial Revolution*. Princeton: Princeton University Press.
- Castan, Yves. 1974. *Honnêteté et relations sociale en Languedoc, 1715–1780*. Paris: Pion.
- Castan, Yves. 1979. *Magie et sorcellerie à l'époque moderne*. Paris: Albin Michel.
- Chalkin, C. W. 1965. *Seventeenth-Century Kent*. London: Longman.
- Chandler, Tertius. 1987. *Four Thousand Years of Urban Growth*. Lewiston. N. Y.: Edwin Mellen.
- Charlesworth, Andrew. 1983. *An Atlas of Rural Protest in Britain, 1548–1900*. Philadelphie: University of Pennsylvania Press.
- Chaussinand-Nogaret, Guy. 1970. *Les Financiers de Languedoc au 18e siècle*. Paris: SEVPEN.
- Chibnall, A. C. 1965. *Sherington*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chirot, Daniel. 1985. «The Rise of the West». *American Sociological Review* 50: 181–195.
- Cipolla, Carlo M. 1947. «Une Crise ignorée: Comment s'est perdue la propriété ecclésiastique dans l'Italie du nord entre le XIe et le XVIe siècle». *Annales E. S. C.* 2: 317–327.
- Cipolla, Carlo M. 1952. «The Economic Decline of Italy: The Case of a Fully Matured Economy». *Economic History Review* 2: 178–187.
- Cipolla, Carlo M. 1965. *Guns and Sails in the Early Phase of European Expansion, 1400–1700*. London: Collins.
- Cipolla, Carlo M. 1974. «L'échec italien». P. 7–9 in *Transition du féodalisme à la société industrielle: L'Échec de l'Italie de la Renaissance et des Pays-Bas du XVIIe siècle*, édité by Paul M. Hochenberg and Frederick Krantz. Montréal: Centre Interuniversitaire d'Etudes Européennes.
- Cipolla, Carlo M. 1982. *The Monetary Policy of Fourteenth-Century Florence*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Clark, Peter. 1977. *English Provincial Life*. Sussex: Harvester.
- Cliffe, John Trevor. 1969. *The Yorkshire Gentry from the Reformation to the Civil War*. London: Athlone.
- Cloulas, Ivan. 1958. «Les Aliénations de temporel ecclésiastique sous Charles IX et Henry III (1563–1587)». *Revue d'histoire de l'église de France* 44: 5–56.
- Cochrane, Eric. 1965. «The End of the Renaissance in Florence». *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance* 27: 7–29.
- Cohen, Jere. 1980. «Rational Capitalism in Renaissance Italy». *American Journal of Sociology* 85: 1340–1354.
- Cohn, Samuel Kline. 1980. *The Laboring Classes in Renaissance Florence*. New York: Academic Press.
- Collins, James B. 1988. *Fiscal Limits of Absolutism*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Collins, Randall. 1980. «Weber's Last Theory of Capitalism: A Systemization». *American Sociological Review* 45: 925–942.
- Collins, Randall. 1986. *Weberian Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Collins, Randall. 1997. «An Asian Route to Capitalism: Religious Economy and the Origins of Self-Transforming Growth in Japan». *American Sociological Review* 62: 843–865.

- Comninel, George C. 1987. *Rethinking the French Revolution: Marxism and the Revisionist Challenge*. London: Verso.
- Cooper, J. P. 1967. «The Social Distribution of Land and Men in England, 1436–1700». *Economic History Review*, 2d ser., 20.3: 419–440.
- Cooper, J. P. 1978. «In Search of Agrarian Capitalism». *Past and Present* 80: 20–65.
- Cornwall, Julian. 1977. *The Revolt of the Peasantry, 1549*. London: Routledge and Kegan.
- Corrigan, Philip, and Derek Sayer. 1985. *The Great Arch: English State Formation as Cultural Revolution*. Oxford: Blackwell.
- Croix, Alain. 1981. *La Bretagne aux 16eme et 17eme siècles*. Paris: Maloine.
- Cross, Claire. 1977. «Churchmen and the Royal Supremacy». P. 15–34 in *Church and Society in England: Henry VIII to James I*, edited by Felicity Heal and Rosemary O'Day. Hamden, Conn.: Archon.
- Darnton, Robert. 1991. «History of Reading». P. 140–167 in *New Perspectives on Historical Writing*, edited by Peter Burke. University Park: Pennsylvania State University Press.
- Davies, C. S. L. 1968. «The Pilgrimage of Grace Reconsidered». in *Past and Present*, no 41.
- Davis, Ralph. 1973. *The Rise of the Atlantic Economies*. London: Weidenfield and Niche.
- Delamare, Nicolas. 1722. *Traité de la police*. 2 vols. Paris: Michel Brunet.
- de la Ronciere, Charles. 1968. «Indirect Taxes or „Gabelles“ at Florence in the Fourteenth Century: The Evolution of Tariffs and Problems of Collection». P. 140–192 in Rubinstein 1968.
- Delumeau, Jean. [1971] 1977. *Catholicism between Luther and Voltaire*. London: Burns and Oates.
- Dent, Cynthia. 1975. «Changes in the Episcopal Structure of the Church of France in Seventeenth Century as an Aspect of Bourbon State-Building». *Bulletin of the Institute of Historical Research* 48: 214–229.
- Dent, Juliun. 1967. «An Aspect of the Crisis of the Seventeenth Century: The Collapse of the Financial Administration of the French Monarchy (1653–1661)». *Economic History Review* 2d ser., 20: 241–256.
- de Roover, Raymond. 1963. *The Rise and Decline of the Medici Bank, 1397–1494*. New York: Norton.
- Dessert, Daniel. 1984. *Argent, pouvoir et société au Grand Siècle*. Paris: Fayard.
- de Vries, Jan. 1974. *The Dutch Rural Economy in the Golden Age, 1500–1700*. New Haven: Yale University Press.
- de Vries, Jan. 1984. *European Urbanization, 1500–1800*. Cambridge: Harvard University Press.
- Dewald, Jonathan. 1980. *The Formation of a Provincial Nobility: The Magistrates of the Parlement of Rouen, 1499–1610*. Princeton: Princeton University Press.
- Dhôtel, Jean-Claude. 1967. *Les Origins du catéchisme moderne*. Paris: Aubier.
- Diaz, Furio. 1978. «Recent Studies on Medician Tuscany». *Journal of Italian History* 1, no. 1: 95–110.
- Dibble, Vernon K. 1965. «The Organization of Traditional Authority: English County Government, 1558 to 1640». P. 879–909 in *Handbook of Organisations*, edited by James G. March. Chicago: Rand McNally.
- Dietz, Frederick. 1964. *English Public Finance, 1558–1641*. London: Frank Cass.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Dobb, Maurice. 1947. *Studies in the Development of Capitalism*. New York: International Publishers.
- Dontenwill, Serge. 1973. *Une Seigneurie sous l'ancien régime: LEtole en Bionnais der16èmeau 18ème siècle (1575–1778)*. Roanne: Horvath.
- Dowd, Douglas. 1961. «The Economic Expansion of Lombardy, 1300–1500: A Study in Political Stimuli to Economic Change». *Journal of Economic History* 21.2: 143–160.
- Downing, Brian. 1992. *The Military Revolution and Political Change*. Princeton: Princeton University Press.
- DuBoulay, F. R. H. 1965. «Who Were Farming the English Demesne at the End of the Middle Ages?» *Economic History Review*. 2d ser., 17.3: 443–455.
- DuBoulay, F. R. H. 1966. *The Lordship of Canterbury*. London: Nelson.
- DuBoulay, F. R. H. 1970. *An Age of Ambition: English Society in the Late Middle Ages*. London: Nelson.
- Duby, Georges. 1978. *Atlas historique Larousse*. Paris: Librairie Larousse.
- Dupâquier, Jacques. 1979. *La Population française aux XVIIe et XVIIIe siècles*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Dupâquier, Jacques, and Jean Jacquart. 1973. «Les Rappports sociaux dans les campagnes françaises au 18e siècle: Quelques exemples». P.167–179 in *Ordres et Classes*, edited by Daniel Roche. Paris: Mouton.
- Dupla, Tomas. 1985. «State Intervention in Agriculture: Capitalist Accumulation and Class Struggle in Franco's Spain». Ph. D. diss., University of Wisconsin, Madison.
- Durand, Yves. 1971. *Les fermiers généraux au XVIIIe siècle*. Paris: PUF.
- Dyer, Christopher. 1980. *Lords and Peasants in a Changing Society: The Estates of the Bishopric of Worcester, 680–1540*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Edgerton, Samuel Y., Jr. 1985. *Pictures and Punishment: Art and Criminal Prosecution during the Florentine Renaissance*. Ithaca: Cornell University Press.
- Eisenstadt, S. N. 1963. *The Political Systems of Empires: The Rise and Fall of Historical Bureaucratic Societies*. New York: Free Press.
- Eisenstadt, S. N. 1968. «Introduction». P.IX–LVI in *Max Weber on Charisma and Institution Building*. Chicago: University of Chicago Press.
- Eisenstadt, S. N. 1996. *Japanese Civilization: A Comparative View*. Chicago: University of Chicago Press.
- Eisenstein, Elizabeth L. 1969. «The Advent of Printing and the Problem of the Renaissance». In *Past and Present*. 45: 19–89.
- Emigh, Rebecca Jean. 1996. «Loans and Livestock: Comparing Landlord's and Tenant's Declarations from the Catasto of 1427». *Journal of European Economic History* 25.3: 705–723.
- Emigh, Rebecca Jean. 1997. «The Spread of Sharecropping in Tuscany: The Political Economy of Transaction Costs». *American Sociological Review* 62: 423–442.
- Emmanuelli, François-Xavier. 1981. *Un Mythe de l'absolutisme bourgonien: L'Intendance, du milieu du 17ème siècle à la fin du 18ème siècle*. Aix: Université de Provence.
- Emmison, F. G. 1931. «Poor Relief Accounts of Two Rural Parishes in Bedfordshire, 1563–1598». *Economic History Review* 3. i: 102–110.
- Engels, Frederick. [1884] 1972. *The Origin of the Family, Private Property, and the State*. New York International Publishers. (Энгельс Фр. Происхождение семьи, частной собственности и государства).

- Epstein, S. R. 1991. «Cities, Regions, and the Late Medieval Crisis: Sicily and Tuscany Compared». *Past and Present*, no. 130: 3–5.
- Epstein, Steven A. 1996. *Genoa and the Genoese, 958–1528*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Ertman, Thomas. 1997. *Birth of the Leviathan: Building States and Regimes in Medieval and Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Everitt, Alan. 1966. *The Community of Kent and the Great Rebellion*. Leicester: Leicester University Press.
- Everitt, Alan. 1969. *Change in the Provinces*. Leicester University, Department of English Local History Occasional Paper, 2d ser., no. 1. Leicester: Leicester University Press.
- Farmer, David L. 1991. «Prices and Wages, 1350–1500» P.431–525 in *The Agrarian History of England and Wales*. vol. 3, 1348–1500, edited by Edward Miller. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fenoaltea, Stefano. 1988. «Transaction Costs, Whig History, and the Common Fields». *Politics and Society* 16.2–3: 171–240.
- Ferté, Jeanne. 1962. *La Vie religieuse dans les campagnes parisiennes, 1622–1695*. Paris: Vrin.
- Finch, Mary. 1956. *The Wealth of Five Nonhamptonshire Families, 1540–1640*. Northampton: Northamptonshire Record Society.
- Fitch, Nancy. 1978. «The Demographic and Economic Effects of Seventeenth Century Wars: The Case of Bourbonnais, France». *Review* 2.2: 181–206.
- Fletcher, Anthony. 1968. *Tudor Rebellions*. London: Longman.
- Fletcher, Anthony. 1975. *A County Community in Peace and War: Sussex, 1600–1660*. London: Longmans.
- Fletcher, Anthony. 1983. «National and Local Awareness in the County Communities». P.151–174 in *Before the English Civil War*, edited by Howard Tomligner. London: Macmillan.
- Fliche, Augustin. 1957. «L'État Toulousian». P.71–99 in *Lot and Fawtier 1957*.
- Flynn, Dennis O. 1982. «Fiscal Crisis and the Decline of Spain (Castille)». *Journal of Economic History* 42.1: 139–147.
- Forster, G. C. F. 1973. *The East Riding Justices of the Peace in the Seventeenth Century*. East Yorkshire Historical Society, no. 30.
- Fourquin, Guy. [1970] 1976. *Lordship and Feudalism in the Middle Ages*. London: George Allen and Unwin.
- Fox, Edward Whiting. 1971. *History in Geographic Perspective: The Other France*. New York: Norton.
- Fréville, Henri. 1953. *L'Intendance de Bretagne (1689–1790)*. Rennes: Plihon.
- Friedrichs, Christopher R., 1981. «The Swiss and Germany City-States». P.109–142 in *The City-State in Five Cultures*. Ed. by Robert Griffith and Carol G. Thomas. Santa Barbara Calif., ABC–Clio.
- Fryde, K. B. and Fryde M. M. 1965. «Public Credit, with Special Reference to North-Western Europe». P.430–553 in the *Cambridge Economic History of Europe*, Vol. 3. *Economic Organization and Policies in the Middle Ages*, ed. by M. M. Postan, E. E. Rich, and Edward Miller. Cambridge: Cambridge University Press.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Fryde E. B. and Fryde M. M. 1991. «Peasant Rebellion and Peasant Discontents». P. 744–819 in *The Agrarian History of England and Wales*. Vol. 3, 1348–1500, ed. by Edward Miller. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fulbrook, Mary. 1983. *Piety and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gascon, Richard. 1971. *Grand Commerce et vie urbaine au 16ème Siècle: Lyon et ses marchands*. Paris: SEVPEN.
- Geertz, Clifford. 1963. *Agrarian Involution: The Processes of Ecological Change in Indonesia*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Geyl, Pieter. 1958. *The Revolt of the Netherlands (1559–1609)*. New York: Borne and Noble.
- Gibbons, Jane. 1959. «Chiddingstone Early Poor Law Accounts». *Archaeologia Cantiana* 73: 193–195.
- Ginzburg, Carlo. 1976. «High and Low». *Past and Present* 73: 28–41. (Гинзбург К. Верх и низ // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. Пер. С. Козлов. М.: Новое издательство, 2004).
- Giordanengo, Gérard. 1988. *Le Droit féodal dans les pays de droite écrite: L'Exemple de la Provence et du Dauphiné, XIIe-début XIVE siècle*. Rome: École Française de Rome.
- Given, James. 1990. *State and Society in Medieval Europe: Gwynedd and Languedoc under Outside Rule*. Ithaca: Cornell University Press.
- Given-Wilson, Chris. 1987. *The English Nobility in the Late Middle Ages: The Fourteenth Century Political Community*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Gleason, John Howes. 1969. *The Justices of Peace in England, 1558–1640*. Oxford: Clarendon Press.
- Goldstone, Jack. 1988. «Regional Ecology and Agrarian Development in England and France». *Politics and Society* 16.2–3: 287–334.
- Goldstone, Jack. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.
- Goldthwaite, Richard A. 1968. *Private Wealth in Renaissance Florence: A Study of Four Families*. Princeton: Princeton University Press.
- Goldthwaite, Richard A. 1980. *The Building of Renaissance Florence: An Economic and Social History*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Goldthwaite, Richard A. 1987. «The Medici Bank and the World of Florentine Capitalism». *Past and Present* 114: 3–31.
- Goodman, Jordan. 1981. «Financing Pre-Modern European Industry: An Example from Florence, 1580–1660». *Journal of European Economic History* 10: 415–435.
- Gorski, Philip. 1998. «Review of Thomas Ertman's *Birth of the Leviathan*». *Contemporary Sociology* 27.2: 186–188.
- Goubert, Pierre. 1969–73. *L'Ancien Régime*. 2 vols. Paris: A. Colin.
- Gray, Charles Montgomery. 1963. *Copyhold, Equity, and the Common Law*. Cambridge: Harvard University Press.
- Groethuysen, Bernard. 1968. *The Bourgeois: Catholicism vs. Capitalism in Eighteenth-Century France*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Gruder, Vivian R. 1968. *The Royal Provincial Intendants*. Ithaca: Cornell University Prêts.
- Gruter, Edouard. 1977. *La Naissance d'un grand vignoble*. Lyon: Presses Universitaires de Lyon.

- Guéry, Louis. 1981. *Mouchamps: Histoire d'une paroisse vendéenne*. Fontenay-le-Compte. Luissaud.
- Guichard, Pierre. 1966. «D'une société repliée a une société ouverte: l'évolution socio-économique de la région d'andance, de la fin du 17e siècle, a la révolution». P. 141–218 in Pierre Léon, éd. *Structures Économiques et Problèmes Sociaux du Monde Rural dont la France du Sud-Est*. Paris: CNRS.
- Habakkuk, H. J. 1958. «The Market for Monastic Property, 1539–1603». *Economic History Review* 10.3: 362–380.
- Hale, J. R. 1977. *Florence and the Medici*. New York: Thames and Hudson.
- Hall, John A. 1985. *Powers and Liberties*. Oxford: Blackwell. Hall, John A. 1988. «States and Societies: The Miracle in Comparative Perspective». P. 20–38 in *Europe and the Rise of Capitalism*, edited by Jean Beachler et al. Oxford: Blackwell.
- Hamilton, Earl J. 1969. «The Political Economy of France in the Time of John Law». *History of Political Economy* 1: 123–249.
- Hampson, E. M. 1934. *The Treatment of Poverty in Cambridgeshire, 1597–1834*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Harding, Robert R. 1978. *Anatomy of a Power Elite: The Provincial Governors of Early Modern France*. New Haven: Yale University Press.
- Harrison, Scott M. 1981. *The Pilgrimage of Grace in the Lake Counties, 1536–1537*. London: Royal Historical Society.
- Harsin, Paul 1970. «La Finance et l'état jusqu'au système de Law (1660–1726)». P. 267–321 in *Histoire économique et sociale de la France*, vol. 2, *Des derniers temp de l'age seigneurral aux préludes de l'age industriel (1660-1789)*, edited by Ernest Labrousse et al. Paris: PUF.
- Harvey, P. D. A. 1965. *A Medieval Oxfordshire Village: Cuxham, 1240 to 1400*. Oxford: Oxford University Press.
- Hatcher, John. 1970. *Rural Economy and Society in the Duchy of Cornwall, 1300–1500*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hayden, J. Michael. 1974. *France and the Estates General of 1614*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heal, Felicity. 1976. «Clérical Tax Collection under the Tudors». P. 97–122 in *Continuity and Change*, edited by Rosemary O'Day and Felicity Heal. Leicester: Leicester University Press.
- Heal, Felicity. 1977. «Economic Problems of the Clergy». P. 99–118 in *Church and Society in England: Henry VIII to James I*, ed. by Heal and Rosemary O'Day. Hamden, Conn.: Archon.
- Hechter, Michael, and William Brustein. 1980. «Regional Modes of Production and Patterns of State Formation in Europe». *American Journal of Sociology* 85: 1061–1094.
- Heers, Jacques. [1974] 1977. *Family Clans in the Middle Ages: A Study of Political and Social Structures in Urban Areas*. Amsterdam: North Holland Publishing.
- Herlihy, David. 1957. «Treasure Hoards in the Italian Economy, 960–1139». *Economic History Review* 10: 1–14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Herlihy, David. 1961. «Church Property on the European Continent, 701–1200». *Spéculum* 81–105.
- Herlihy, David. 1967. *Medieval and Renaissance Pistoia: The Social History of an Italian Town, 1200–1430*. New Haven: Yale University Press.
- Hill, Christopher. 1963. *Economic Problems of the Church*. Oxford: Oxford University Press.
- Hill, Christopher. 1972. *The World Turned Upside Down*. London: Penguin.
- Hilton, Rodney. 1947. *The Economic Development of Some Leicestershire Estates in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. London: Oxford University Press.
- Hilton, Rodney, 1975. *The English Peasantry in the Later Middle Ages*. Oxford: Clarendon Press.
- Hilton, Rodney, éd. [1976] 1978. *The Transition From Feudalism to Capitalism*. London: Verso.
- Hintze, Otto. [1902–1906] 1975. *The Historical Essays of Otto Hintze*, edited by Félix Gilbert. New York: Oxford University Press.
- Hirst, Derek. 1975. *The Representative of the People? Voters and Voting in England under the Early Stuarts*, New York: Cambridge University Press.
- Hobsbawm, Eric. [1954] 1965. «The Crisis of the Seventeenth Century». P. 5–58 in *Crisis in Europe, 1560–1660*, edited by Trevor Aston. London: Routledge and Kegan Paul.
- Hoffman, Philip T. 1984. *Church and Community in the Diocese of Lyon, 1500–1789*. New Haven: Yale University Press.
- Hoffman, Philip T. 1994. «Early Modern France, 1450–1700». P. 226–52 in *Fiscal Crises, Liberty, and Representative Government, 1450–1789*, edited by Hoffman and Kathryn Norberg. Stanford: Stanford University Press.
- Hoffman, Philip T. 1996. *Growth in a Traditional Society: The French Countryside, 1450–1815*. Princeton: Princeton University Press.
- Hohenberg, Paul M. and Lynn Hollen Lees. 1985. *The Making of Urban Europe, 1000–1950*. Cambridge: Harvard University Press.
- Holmes, George. 1986. *Florence, Rome, and the Origins of the Renaissance*. Oxford: Clarendon.
- Holton, R.J. 1983. «Max Weber, „Rational Capitalism, and Renaissance Italy: A Critique of Cohen“». *American Journal of Sociology* 89: 166–187.
- Holton, R.J. 1986. *Cities, Capitalism, and Civilisation*. London: Allen and Unwin.
- Hopcroft, Rosemary. 1997. «Rural Organization and Receptivity to Protestantism in Sixteenth-Century Europe». *Journal for the Scientific Study of Religion* 36.2: 158–181.
- Hoshino, Hidetoshi. 1983. «The Rise of the Florentine Woolen Industry in the Fourteenth Century». P. 184–204 in *Cloth and Clothing in Medieval Europe*, ed. by N.B. Harte and K. G. Ponting. London: Heinemann.
- Houlbrooke, Ralph. 1976. «The Decline of Ecclesiastical Jurisdiction under the Tudors». P. 230–257 in *Continuity and Change*, edited by Rosemary O'Day and Felicity Heal. Leicester: Leicester University Press.

- Houlbrooke, Ralph. 1979. *Church Courts and the People during the English Reformation, 1520–1570*. Oxford: Oxford University Press.
- Housley, Norman. 1982. *The Italian Crusades: The Papal-Angevin Alliance and the Crusades against Christian Lay Powers, 1254–1343*. Oxford: Clarendon.
- Howell, Cicely. 1975. «The Economic and Social Conditions of the Peasantry in South East Leicestershire, a. d. 1300–1700». *Journal of Peasant Studies* 2.4: 468–482.
- Howell, Cicely. 1983. *Land, Family, and Inheritance in Transition: Kibworth Harcourt, 1280–1700*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hoyle, R. W. 1990. «Tenure and the Land Market in Early Modern England; or A Late Contribution to the Brenner Debate». *Economic History Review*, 2d ser., 43.1: 1–20.
- Hughes, Ann. 1987. P. 87–113 in *Politics, Society and Civil War in Warwickshire, 1620–1660*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hunt, William. 1983. *The Puritan Moment*. Cambridge: Harvard University Press.
- Hurt, John J. 1976. «Les Offices au Parlement de Bretagne sous le règne de Louis XIV: Aspects financiers». *Revue d'histoire moderne et contemporaine* 23: 3–31.
- Hyde, J. K. 1973. *Society and Politics in Medieval Italy: The Evolution of Civil Life, 1000–1350*. London: Macmillan.
- Ikegami, Eiko. 1995. *The Taming of the Samurai: Honorific Individualism and the Making of Modern Japan*. Cambridge: Harvard University Press.
- Israël, Jonathan. 1989. *Dutch Primacy in World Trade, 1585–1740*. Oxford: Clarendon Press.
- Israël, Jonathan. 1995. *The Dutch Republic: Its Rise, Greatness, and Fall, 1477–1806*. Oxford: Clarendon Press.
- Jacquart, Jean. 1974. «French Agriculture in the Seventeenth Century». P. 165–184 in *Essays in European Economic History 1500–1800*, edited by Peter Earle. Oxford: Oxford University Press.
- Jacquart, Jean. 1975. «Immobilisme et catastrophes, 1560–1690». P. 175–353 in *Histoire de la France rurale*. Vol. 1. 1340–1789, ed. by Emmanuel Le Roy Ladurie. Paris: Seuil.
- James, M. E. 1970. «Obediance and Dissent in Henrician England: The Lincolnshire Rebellion of 1536». *Past and Present*, 48: 3–78.
- James, M. E. 1974. *Family, Lineage, and Civil Society: A Study of Society, Politics, and Mentality in the Durham Region, 1500–1640*. Oxford: Oxford University Press.
- Johnson, Arthur H. 1909. *The Disappearance of the Small Landowner*. Oxford: Clarendon.
- Jones, P. J. 1965. «Communes and Despots: The City State in Late-Medieval Italy». *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., 15: 71–95.
- Jones, P. J. 1966. «Medieval Agrarian Society in Its Prime: Italy». P. 340–430 in *The Cambridge Economic History of Europe*, vol. i, edited by M. M. Postan. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jones, P. J. 1968. «From Manor to Mezzadria: A Tuscan Case-Study in the Medieval Origins of Modern Agrarian Society». P. 193–239 in Rubinstein 1968.
- Jones, P. M. 1988. *The Peasantry in the French Revolution*. New York: Cambridge University Press.
- Joutard, Philippe. 1976. *Les Camisards*. Paris: Gallimard.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Julia, Dominique. 1973. «La Reforme posttridentine en France d'après les procès-verbaux de visites pastorales: Ordre et résistances». P. 311–415 in *La Società religiosa nell'età moderna*. Naples: Guida Editori.
- Julia, Dominique. 1974. «La Religion: Histoire religieuse». P. 137–67 in *Faire d'histoire, nouvelles approches*. Paris: Gallimard.
- Kaeuper, Richard W. 1988. *War, Justice, and Public Order: England and France in the Later Middle Ages*. Oxford: Clarendon.
- Kamen, Henry. 1969. *The War of Spanish Succession in Spain, 1700–1715*. Bloomington: Indiana University Press.
- Kamen, Henry. 1978. «The Decline of Spain: A Historical Myth». *Past and Present*, 81: 24–50.
- Kamen, Henry. 1980. *Spain in the Later Seventeenth Century, 1665–1700*. London: Longman.
- Kamen, Henry. 1991. *Spain 1469–1714: A Society of Conflict*. London: Longman.
- Kelly, J. Thomas. 1977. *Thorns on the Tudor Rose*. Jackson: Mississippi University Press.
- Kent, Dale. 1978. *The Rise of the Medici: Faction in Florence 1426–1434*. Oxford: Oxford University Press.
- Kerridge, Eric. 1969. *Agrarian Problems of the Sixteenth Century*. London: Allen and Unwin.
- Kettering, Sharon. 1978. *Judicial Politics and Urban Revolt in Seventeenth – Century France: The Parlement of Aix, 1629–1659*. Princeton: Princeton University Press.
- Kettering, Sharon. 1982. «The Causes of the Judicial Frondes». *Canadian Journal of History* 17: 275–306.
- Kettering, Sharon. 1986. *Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*. New York: Oxford University Press.
- Kosminsky, E. A. 1956. *Studies in the Agrarian History of England in the Thirteenth Century*. Oxford: Basil Blackwell. (Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.: АН СССР, 1947).
- Kriedte, Peter. 1983. *Peasants, Landlords and Merchant Capitalists: Europe and the World Economy, 1500–1800*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kriedte, P., Medick, H., Schlumbohm, J. 1981. *Industrialization before Industrialization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kurzman, Charles. 1996. «Structural Opportunity and Perceived Opportunity in Social Movement Theory: The Iranian Revolution of 1979». *American Sociological Review* 61: 153–170.
- Kussmal, Ann. 19X1. *Servant in Husbandry in Early Modern England*. New York: Cambridge University Press.
- Lachmann, Richard. 1987. *From Manor to Market: Structural Change in England. 1536–1640*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Lachmann, Richard. 1989. «Origins of Capitalism in Western Europe: Economic and Political Aspects». *Annual Review of Sociology* 15: 47–72.
- Land, Stephen K. 1977. *Kett's Rebellion: The Norfolk Rising of 1549*. Ipswich: Rowman and Littlefield.

- Lane, Frederic C. 1958. «Economic Consequences of Organized Violence». *Journal of Economic History* 18: 401–417.
- Lane, Frederic C. 1973. *Venice, a Maritime Republic*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Lane, Frédéric C. 1979. *Profits from Power*. Albany: SUNY Press.
- Larner, Christina. 1984. *Witchcraft and Religion*. Oxford: Basil Blackwell.
- Lamer, John. 1980. *Italy in the Age of Dante and Petrarch, 1216–1380*. London: Longman.
- Laurent, Jeanne. 1972. *Un Monde rural en Bretagne au 15e siècle: La Queveaise*. Paris: SEVPEN.
- Lefebvre, Georges. [1932] 1973. *The Great Fear of 1789*. New York: Vintage. (Лефевр Ж. Гигантский лживый слух: Великий страх 1789 г. // Лефевр Ж. Бои за историю. М., 1991)
- Lefebvre, Georges. [1947] 1967. *The Coming of the French Revolution*. Princeton: Princeton University Press.
- Lemarchand, Guy. 1990. «Troubles populaires au XVIIIe siècle et conscience de classe: Une Préface à la Révolution française». *Annales historiques de la Révolution française* 279: 32–48.
- Léon, Pierre. 1966. *Structures Économiques et Problèmes Sociaux du Monde Rural dans la France du Sud-Est*. Paris: CNRS.
- Léon, Pierre. 1970. «L'Élan industriel et commercial». P. 499–528 in *Histoire économique et sociale de la France*. Vol. 2, *Des derniers temps de l'âge seigneurial aux préludes de l'âge industriel (1660–1789)*, edited by E. Labrousse et al. Paris: Presses Universitaires de France.
- Léonard, E. M. 1965. *The Early History of English Poor Relief*. London: Frank Cass.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel. 1966. *Les Paysans de Languedoc*. Paris.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel. 1975. «Un „Modèle septentrional“: Les Campagnes parisiennes (XVI–XVIIe siècles)». *Annales: E. S. C.* 30.6: 1397–413.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel. [1977] 1987. *The French Peasantry, 1450–1660*. Aldershot, England: Scolar.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel, éd. 1978. «A Reply to Professor Brenner». *Past and Present* 97: 55–59.
- Levi, Margaret. 1988. *Of Rule and Revenue*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Levy, Marion J. Jr. 1966. *Modernization and the Structure of Societies*. Princeton: Princeton University Press.
- Levy, Marion J. Jr. 1972. *Modernization: Latecomers and Survivors*. New York: Basic.
- Litchfield, R. Burr. 1986. *Emergence of a Bureaucracy: The Florentine Patricians, 1530–1790*. Princeton: Princeton University Press.
- Loirette, François. 1975. «„The Defense of the Allodium in Seventeenth-Century Agenais“: An Episode in Local Resistance to Encroaching Royal Power». P. 180–197 in *State and Society in Seventeenth-Century France*, ed. by Raymond F. Kierstead. New York: Franklin Watts.
- Lopez, Robert S. 1979. «The Dawn of Medieval Banking». P. 1–23 in *The Dawn of Modern Banking*, ed. by Center for Medieval and Renaissance Studies, UCLA. New Haven. Yale University Press.
- Lopez, Robert S. and Harry Miskimin. 1962. «The Economic Depression of the Renaissance». *Economic History Review*, 2d ser., 14: 408–426.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Lot, Ferdinand, and Robert Fawtier, eds. 1957. *Histoire des institutions françaises au moyen âge*. Vol. I, *Institutions seigneuriales*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Lublinskaya, A. D. 1968. *French Absolutism: The Crucial Phase, 1620–1629*. Cambridge: Cambridge University Press. (Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. М.; Л., 1965).
- Lukacs, George. [1922] 1971. *History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics*. Cambridge: MIT Press. (Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтерра, 2003).
- Luthy, Herbert. 1959. *La Banque protestante en France de la révocation de l'édit de Nantes à la Révolution*. 2 vols. Paris: SEVPEN.
- Luzzatto, Gino. 1961. *An Economic History of Italy*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Lynch, John. 1989. *Bourbon Spain, 1700–1808*. Oxford: Blackwell.
- Lynch, John. 1991. *Spain 1516–1598: From Nation State to World Empire*. Oxford: Blackwell.
- Lynch, John. 1992. *The Hispanic World in Crisis and Change, 1598–1700*. Oxford: Blackwell.
- MacCulloch, Diarmaid. 1977. *Power, Privilege and the Country Community: Politics in Elizabethan Suffolk*. Ph. D. diss., Cambridge University.
- MacCulloch, Diarmaid. 1979. «Kett's Rebellion in Context». *Past and Present* 184: 36–59.
- Macfarlane, Alan. 1970. *Witchcraft in Tudor and Stuart England*. New York: Harper & Row.
- Macfarlane, Alan. 1978. *The Origins of English Individualism*. New York: Cambridge University Press.
- Major, J. Russell. 1964. «The Crown and the Aristocracy in Renaissance France». *American Historical Review* 69: 631–645.
- Major, J. Russell. 1966. «Henry IV and Guyenne: A Study Concerning Origins of French Absolutism». *French Historical Studies* 4: 363–383.
- Major, J. Russell. 1980. *Representative Government in Early Modern France*. New Haven: Yale University Press.
- Mandrou, Robert. 1965. *Classes et luttes des classes en France au début du XVIIe siècle*. Messina: Anna.
- Mandrou, Robert. 1968. *Magistrats et sorciers en France au XVIIe siècle: Une analyse de psychologie historique*. Paris: Pion.
- Mandrou, Robert. 1979. *From Humanism to Science, 1480 to 1700*. Hassocks, England: Harvester Press.
- Mandrou, Robert. 1980. *Magistrats et sorciers en France au XVIIe siècle: Une Analyse de psychologie historique*. Paris: Seuil.
- Mann, Michael. 1980. «State and Society, 1130–1815: An Analysis of English State Finances». P. 165–208 in *Political Power and Social Theory*, vol. I, edited by Maurice Zeitlin. Greenwich, Conn.: JAI Press.
- Mann, Michael. 1986. *The Sources of Social Power*. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press.
- Manning, Brian. 1975. «The Peasantry and the English Révolution». *Journal of Peasant Studies* 2.2: 133–58.
- Manning, Roger B. 1974. «Patterns of Violence in Early Tudor Enclosure Riots». *Albion* 6.2: 120–133.
- Marion, Marcel. 1974. *Les Impôts directs sous l'ancien régime*. Geneva: Slatkine.

- Markoff, John. 1996. *The Abolition of Feudalism: Peasants, Lords, and Legislators in the French Revolution*. University Park: Pennsylvania State University Press.
- Martin, John E. 1983. *Feudalism to Capitalism: Peasant and Landlord in English Agrarian Development*. London: Macmillan.
- Martines, Lauro. 1963. *The Social World of the Florentine Humanists, 1390–1460*. Princeton: Princeton University Press.
- Martines, Lauro. 1979. *Power and Imagination: City-States in Renaissance Italy*. New York: Vintage.
- Marx, Karl. [1846] 1970. *The German Ideology*. New York: International Publishers. (Маркс К. Немецкая идеология).
- Marx, Karl. [1852] 1963. *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte*. New York: International Publishers. (Маркс К. Восемнадцатое Брумера Луи Бонапарта).
- Marx, Karl. [1857–1858] 1973. *Grundrisse*. New York: International Publishers. (Маркс К. Экономическая рукопись).
- Marx, Karl. [1859] 1970. *A Contribution to the Critique of Political Economy*. New York: International Publishers. (Маркс К. К критике политической экономии).
- Marx, Karl. [1867–1894] 1967. *Capital*, vols. 1–3. New York: International Publishers. (Маркс К. Капитал).
- Matthews, George Tennyson. 1958. *The Royal General Farms in Eighteenth-Century France*. New York: Columbia University Press.
- Mauro, Frédéric. 1990. «Merchant Communities, 1350–1750». P. 255–286 in *The Rise of Merchant Empires: Long-Distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750*, edited by James D. Tracy. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mauzaize, Jean. 1978. *Le Rôle et l'action des Capucins de la Province de Paris dans la France religieuse du 17e siècle*. Lille: Université de Lille III.
- Mazzaoui, Maureen Fennell. 1981. *The Italian Cotton Industry in the Later Middle Ages, 1100–1600*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mazzei, Rita. 1979. «The Decline of the City Economies of Central and Northern Italy in the Seventeenth Century». *Journal of Italian History* 2.2: 197–208.
- McArdle, Frank. 1978. *Altopascio: A Study in Tuscan Rural Society, 1587–1784*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McLennan, Gregor. 1981. *Marxism and the Methodologies of History*. London: Verso.
- McNeil, William H. 1974. *Venice: The Hinge of Europe, 1081–1797*. Chicago: University of Chicago Press.
- Meyer, Jean. 1966. *La Noblesse bretonne au 18e siècle*. Paris: SEVPEN.
- Mireaux, Emile. 1958. *Une Province française au temps du grand roi: La Brie*. Paris: Hachette.
- Mohlo, Anthony. 1968. «The Florentine Oligarchy and the *Balie* of the Late Trecento». *Speculum* 43: 23–51.
- Mohlo, Anthony. 1971. *Florentine Public Finances in the Early Renaissance, 1400–1433*. Cambridge: Harvard University Press.
- Moir, Esther. 1969. *The Justice of the Peace*. Hammondsworth: Penguin.
- Moote, A. Lloyd. 1971. *The Revolt of the Judges: The Parlement of Paris and the Fronde, 1643–1652*. Princeton: Princeton University Press.
- Morineau, Michel. 1977. «La Conjuncture ou les cernes de la croissance». In *Histoire économique et sociale de la France*, vol. I, pt. 2, edited Fernand Braudel et al. Paris: PUF.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Morrill, J. S. 1974. *Cheshire 1630–1660: County Government and Society during the English Revolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Morrill, J. S. 1978. «French Absolutism as Limited Monarchy». *Historical Journal* 21: 961–972.
- Morrill, John. 1993. *The Nature of the English Revolution*. London: Longman.
- Moulder, Frances V. 1977. *Japan, China, and the Modern World Economy: Toward a Reinterpretation of East Asian Development, ca. 1600 to ca. 1918*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mousnier, Roland. 1959. «Recherches sur les syndicats d'officiers pendant la Fronde: Trésoriers généraux de France et élus dans la révolution». *XVIIème siècle* 42–43: 76–117.
- Mousnier, Roland. 1970. *La Plume, la faucille et le marteau: Institutions et société en France*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Mousnier, Roland. 1979. *The Institutions of France under the Absolute Monarchy, 1598–1789*. Vol. 1. Chicago: University of Chicago Press.
- Mousnier, Roland. 1984. *The Institutions of France under Absolute Monarchy, 1598–1789*. Vol. 1. Chicago: University of Chicago Press.
- Muchembled, Robert. 1978. *Culture populaire et culture des élites dans la France moderne*. Paris: Flammarion.
- Muchembled, Robert. 1979. *La Sorcière au village*. Paris: Gallimard.
- Muchembled, Robert. 1981. *Les Derniers Bûchers: Un Village de Flandre et ses sorcières sous Louis XIV*. Paris: Ramsay.
- Muchembled, Robert. 1987. *Sorcières: Justice et société aux 16e et 17e siècles*. Paris: Édition Imago.
- Mukhia, Harbans. 1981. «Was There Feudalism in Indian History?». *Journal of Peasant Studies* 8: 273–310.
- Muto, Giovanni. 1995. «The Spanish System: Centre and Periphery». P. 231–259 in *Economic Systems and State Finance*, edited by Richard Bonney. Oxford: Clarendon.
- Nabholz, Hans. 1944. «Medieval Agrarian Society in Transition». P. 493–561 in *Cambridge Economic History of Europe*, vol. 1, ed. by J. H. Clapham and Eileen Power. Cambridge: Cambridge University Press.
- Najemy, John M. 1979. «Guild Republicanism in Trecento Florence: The Successes and Ultimate Failure of Corporate Politics». *American Historical Review* 84: 1153–1171.
- Najemy, John M. 1982. *Corporatism and Consensus in Florentine Electoral Politics, 1280–1400*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Neveux, Hugues. 1975. «Déclin et reprise: La Fluctuation biseculaire». P. 11–173 in *Histoire de la France rurale*. Vol. 2, *L'âge classique des paysans, 1340–1789*, ed. by Emmanuelle Le Roy Ladurie. Paris: Seuil.
- Neveux, Hugues. 1980. *Vie et déclin d'une structure économique: Les grains du Cambresis*. Paris: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales.
- Obelkevich, James. 1976. *Religion and Rural Society: South Lindsay, 1825–1875*. Oxford: Clarendon Press.
- O'Day, Rosemary. 1977. «Ecclesiastical Patronage: Who Controlled the Church?». P. 137–155 in *Church and Society in England: Henry VIII to James I*, edited by Felicity Heal and Rosemary O'Day. Hamden, Conn.: Archon.
- Oxley, Geoffrey. 1974. *Poor Relief in England and Wales*. Newton Abbot: David and Charles.

- Ozouf, Mona. 1988. *Festivals and the French Revolution*. Cambridge: Harvard University Press.
- Padgett, John F., and Christopher K. Ansell. 1993. «Robust Action and the Rise of the Medici 1400–1434». *American Journal of Sociology* 98.6: 1259–1319.
- Parker, David. 1978. «The Huguenots in Seventeenth-Century France». P. 11–30 in *Minorities ties in History*, ed. by A. C. Hepburn. London: Edward Arnold.
- Parker, David. 1980. *La Rochelle and the French Monarchy: Conflict and Order in Seventeenth Century France*. London: Royal Historical Society.
- Parker, David. 1983. *The Making of French Absolutism*. London: Edward Arnold.
- Parsons, Talcott. 1937. *The Structure of Social Action*. New York: McGraw Hill. Parsons, Talcott. 1966. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall. (Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000).
- Parsons, Talcott. 1971. *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall. (Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-пресс, 1997).
- Partner, Peter. 1965. «Florence and the Papacy, 1300–1375». P. 76–121 in *Europe in the Late Middle Ages*, edited by John Rigby Haie et al. Evanston: Northwestern University Press.
- Partner, Peter. 1968. «Florence and the Papacy in the Earlier Fifteenth Century». P. 381–384 in Rubinstein 1968.
- Partner, Peter. 1972. *The lands of St. Peter*. London: Methuen.
- Payne, Stanley G. 1973. *A History of Spain and Portugal*. 2 vols. Madison: University of Wisconsin Press.
- Peret, Jacques 1976. *Seigneurs et seigneuries en Gatine Poitevine*. Poitiers: La Société des Antiquaires de l'Ouest.
- Peronnet, Michel C. 1977. *Les Eveques de l'ancienne France*. Lille: Université de Lille.
- Pérouas, Louis. 1964. *Le Diocèse de la Rochelle de 1648 à 1724*. Paris: SEVPEN.
- Phillips, Caria Rahn. 1979. *Ciudad Real, 1500–1750: Growth, Crisis, and Readjustment in the Spanish Economy*. Cambridge: Harvard University Press.
- Phytilis, Jacques. 1965. «Une Commission extraordinaire du Conseil du Roi: La Commission des Postes et Messageries et le Contentieux des Messageries». P. 1–153 in *Questions administratives dans la France du XVIIIe siècle*. Paris: PUF.
- Pirenne, Henri. 1925. *Medieval Cities: Their Origins and the Revival of Trade*. Princeton: Princeton University Press.
- Pollack, Frederick, and Frédéric Maitland. 1968. *The History of English Law before the Time of Edward I*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Porchnev, Boris. 1963. *Les Soulèvements populaires en France de 1623 à 1648*. Paris: Flammarion. (Поршнев Б. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1643–1648). М., 1948).
- Porter, Bruce. 1994. *War and the Rise of the State: The Military Foundations of Modern Politics*. New York: Free Press.
- Postan, M. M. 1954. «The Famulus». *Economic History Review*, no. 2.
- Postan, M. M. 1966. «Medieval Agrarian Society in Its Prime: England». P. 548–632 in *The Cambridge Economic History of Europe*, 2d éd., vol. I, ed. by M. M. Postan. Cambridge: Cambridge University Press.
- Postan, M. M. 1972. *The Medieval Economy and Society*. Harmondsworth: Penguin.
- Poulantzas, Nicos. 1975. *Political Power and Social Classes*. London: Verso.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Prestwich, Michael. 1979. «Italian Merchants in Late Thirteenth- and Early Fourteenth-Century England». P. 77–104 in *The Dawn of Modern Banking*, edited by Michael Prestwich. New Haven: Yale University Press.
- Previté-Orton, C. W. 1964. «The Italian Cities till c. 1200». P. 208–241 in *The Cambridge Medieval History*, vol. 5, edited by J. R. Tanner et al. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pullan, Brian. 1972. *A History of Early Renaissance Italy: From the Mid-Thirteenth to the Mid-Fifteenth Century*. New York: St. Martin's.
- Putnam, Bertha Haven. 1908. *The Enforcement of the Statute of Laborers during the First Decade after the Black Death, 1349–1359*. Columbia University Studies in History, Economics, and Public Law. New York: Columbia University Press.
- Raftis, J. Ambrose. 1957. *The Estates of Ramsey Abbey*. Studies and Texts no. 3. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies.
- Raftis, J. Ambrose. 1964. *Tenure and Mobility*. Studies and Texts no. 8. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies.
- Razi, Zvi. 1981. «Family, Land, and the Village Community in Later Medieval England». *Past and Present*, 93: 3–36.
- Reeves, Eileen. 1997. *Painting the Heavens: Art and Science in the Age of Galileo*. Princeton: Princeton University Press.
- Renouard, Yves. 1941. *Les Relations des papes d'Avignon et des compagnies commerciales et bancaires de 1316 à 1378*. Paris: Boccard.
- Renouard, Yves. 1949. *Les Hommes d'affaires italiens du Moyen Âge*. Paris: Colin.
- Robin, Régine. 1970. *La Société française en 1789: Semur-en-Auxois*. Paris: Pion.
- Romano, Ruggiero. 1964. «Encore la crise de 1619–1622». *Annales E. S. C.* 19: 31–37.
- Rozman, Gilbert. 1976. *Urban Networks in Russia 1750–1800 and Premodern Periodization*. Princeton: Princeton University Press.
- Rubinstein, Nicolai, éd. 1968. *Florentine Studies: Politics and Society in Renaissance Florence*. Evanston: Northwestern University Press.
- Russell, Conrad. 1979. *Parliaments and English Politics. 1621–1629*. Oxford: Clarendon Press.
- Russell, Josiah Cox. 1972. *Medieval Regions and Their Cities*. Bloomington: Indiana University Press.
- Sabatier, Gérard. 1966. «Une économie et une société en crise: l'emblavés au début du 18ème siècle: 1695–1735». P. 331–40 in *Structures Économiques et Problèmes Sociaux du Monde Rural dans la France du Sud-est*, ed. by Pierre Léon. Paris: CNRS.
- Saint-Jacob, Pierre de. 1960. *Paysans de la Bourgogne du Nord au dernière siècle de l'Ancien Régime*. Paris: Société des Belles Lettres.
- Salmon, J. H. M. 1975. *Society in Crisis: France in the Sixteenth Century*. London: Ernest Benn.
- Savine, Alexander. 1909. *English Monasteries on the Eve of Dissolution*. Oxford Studies in Social and Legal History, vol. 1. Oxford: Oxford University Press.
- Sayer, Derek. 1992. «A Notable Administration: English State Formation and the Rise of Capitalism». *American Journal of Sociology* 97: 1382–1415.
- Scarie, Geoffrey. 1987. *Witchcraft and Magic in Sixteenth and Seventeenth Century Europe*. Houndmills: Macmillan.
- Scarisbrick, J. J. 1960. «Clerical Taxation in England, 1485 to 1547». *Journal of Ecclesiastical History* 11: 41–54.

- Schaer, André. 1966. *Le Clergé paroissial catholique en Haute Alsace sous l'ancien régime, 1648–1789*. Paris: Sirey.
- Schevill, Ferdinand. 1961. *Medieval and Renaissance Florence*. New York: Harper & Row.
- Schofield, R. S. 1963. «Parliamentary Lay Taxation, 1485–1547». Ph. d. diss., Claire Collège, Cambridge University.
- Scott, James C. 1976. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in South-east Asia*. New Haven: Yale University Press.
- Scott, James C. 1985. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press.
- Sella, Domenico. 1974. «The Two Faces of the Lombard Economy in the Seventeenth Century». P. 10–14 in *Transition du féodalisme à la société industrielle: L'Échec de l'Italie de la Renaissance et des Pays-Bas du XVIIe siècle*, edited by Paul M. Hohenberg and Frederick Krantz. Montréal: Centre Interuniversitaire d'Études Européennes.
- Shanin, Teodor. 1972. *The Awkward Class*. Oxford: Clarendon.
- Sharp, Buchanan. 1980. In *Contempt of All Authority: Rural Artisans and Riot in the West of England, 1586–1660*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Shennan, J. H. 1969. *Government and Society in France, 1461–1661*. London: George Allen & Unwin.
- Skinner, G. William. 1977. *The City in Late Imperial China*. Palo Alto: Stanford University Press.
- Skocpol, Theda. 1979. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Slack, Paul. 1974. «Vagrants and Vagrancy in England, 1598–1664». *Economic History Review* 27: 360–379.
- Smith, A. Hassell. 1974. *County and Court: Government and Politics in Norfolk, 1558–1603*. Oxford: Clarendon Press.
- Smith, Alan G. R. 1984. *The Emergence of a Nation State: The Commonwealth of England, 1529–1660*. London: Longman.
- Soboul, Albert. [1962] 1974. *The French Revolution, 1787–1769*. 2 vols. London: New Left Books. (Отрывки см.: Собыль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789–1794 гг. и революции 1848 г. во Франции. М., 1960)
- Sommers, Margaret. 1993. «Citizenship and the Place of the Public Sphere: Law, Community and Political Culture in the Transition to Democracy». *American Sociological Review* 58: 587–620.
- Sommerville, C. John, 1979. *The Secularization of Early Modern England*. New York: Oxford.
- Spini, Giorgio. 1979. «The Medici Principality and the Organization of the States of Europe in the Sixteenth Century». *Journal of Italian History* 2.3: 420–447.
- Spufford, Margaret. 1974. *Contrasting Communities*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stephens, J. N. 1983. *The Fall of the Florentine Republic, 1512–1530*. Oxford: Clarendon Press.
- Stinchcombe, Arthur L. 1965. «Social Structure and Organizations» P. 142–193 in *Handbook of Organizations*, edited by James G. March. Chicago: Rand McNally.
- Stone, Lawrence. 1965. *The Crisis of the Aristocracy*. Oxford: Clarendon Press.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Stone, Lawrence. 1970. «The English Revolution». P. 55–108 in *Preconditions of Revolution in Early Modern Europe*, edited by Robert Postler and Jack P. Greene. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Stone, Lawrence. 1979. «Goodbye to Nearly Ail That». *New York Review of Books* 26: 40–41.
- Stone, Lawrence, and Jeanne C. Fawtier Stone. 1984. *An Open Elite? 1540–1830*. Oxford: Oxford University Press.
- Swales, T. H. 1969. «The Redistribution of Monastic Lands in Norfolk at the Dissolution». *Norfolk Archaeology* 34: 14–44.
- Swanson, Robert N. 1989. *Church and Society in Late Medieval England*. Oxford: Blackwell.
- Sweezy, Paul. [1950] 1976. «A Critique». P. 33–56 in Rodney Hilton, éd., *The Transition From Feudalism to Capitalism* (London: Verso).
- Swidler, Ann. 1986. «Culture in Action: Symbols and Strategies». *American Sociological Review* 51: 273–286.
- Szelenyi, Sonia, Ivan Szelenyi, and Imre Kovach. 1995. «The Making of the Hungarian Postcommunist Elite: Circulation in Politics, Reproduction in the Economy». *Theory and Society* 24.5: 697–722.
- Tackett, Timothy. 1977. *Priest and Parish in Eighteenth-Century France: A Social and Political Study of the Cures in a Diocese of Dauphins*. Princeton: Princeton University Press.
- Tackett, Timothy. 1979. «L'Histoire sociale du clergé diocésain dans la France au 18e siècle». *Revue d'histoire moderne et contemporaine* 26: 198–234.
- Tait, Richard. 1977. «The King's Lieutenants in Guyenne, 1580–1610: A Study in the Relations between the Crown and the Great Nobility». Ph. D. diss., Oxford University.
- Tate, W. E. 1967. *The English Village Community and the Enclosure Movement*. London: Gollancz.
- Tawney, R. H. 1912. *The Agrarian Problem in the Sixteenth Century*. New York: Franklin.
- Tawney, R. H. 1954. «The Rise of the Gentry: A Postscript». *Economic History Review* 7.1: 91–97.
- Taylor, Mary Margaret. 1950. «The Justices of Assize». P. 219–258 in *The English Government at Work, 1327–1336*, vol. 3, edited by James Willard, William Morris, and William Dunham Jr. Cambridge, Mass: Medieval Academy of America.
- Temple, Nora. 1966. «The Control and Exploitation of French Towns during the Ancien Régime». *History* 51: 21–32.
- TePaske, John J., and Herbert S. Klein. 1981. «The Seventeenth-Century Crisis in New Spain: Myth or Reality?» *Past and Present* 90: 116–135.
- T'Hart, Marjolein C. 1993. *The Making of a Bourgeois State: War, Politics, and Finance during the Dutch Revolt*. Manchester: Manchester University Press.
- Thiers, Jean-Baptiste. [1679] 1741. *Traite des superstitions*. 4 volumes. Paris: Compagnie des Librairies.
- Thirsk, Joan. 1957. *English Peasant Farming: The Agrarian History of Lincolnshire from Tudor to Recent Times*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Thirsk, Joan, éd. 1967. *The Agrarian History of England and Wales IV, 1500–1640*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thirsk, Joan, éd. 1984. *The Agrarian History of England and Wales*. Vol. 5, pt. 1, 1640–1750: *Régional Farming Systems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thomas, Keith. 1971. *Religion and the Decline of Magic*. New York: Scribner's.

- Thompson, I. A. A. 1976. *War and Government in Habsburg Spain, 1560–1620*. London: Athlone Press.
- Thompson, I. A. A. 1982. «Crown and Cortes in Castile, 1590–1665». *Parliaments, Estates, and Representation* 2.1: 29–45.
- Thompson, I. A. A. 1984. «The End of the Cortes of Castile». *Parliaments, Estates, and Representation* 4.2: 125–133.
- Thompson, I. A. A. 1994. «Castile: Polity, Fiscality, and Fiscal Crisis». P. 140–180 in *Fiscal Crises, Liberty, and Representative Government, 1450–1789*, ed. by Philip T. Hoffman and Kathryn Norborg. Stanford: Stanford University Press.
- Tilly, Charles. 1975. *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press.
- Tilly, Charles. 1978. *From Mobilization to Revolution*. Reading, Mass.: Addison – Wesley.
- Tilly, Charles. 1981. *As Sociology Meets History*. New York: Academic Press.
- Tilly, Charles. 1985. «War Making and State Making as Organized Crime». P. 169–191 in *Bringing the State Back In*, edited by Peter Evans, Theda Skocpol, Dietrich Ruckmeyer. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tilly, Charles. 1986. *The Contentious French*. Cambridge: Harvard University Press.
- Tilly, Charles. 1987. «Cities and States in Europe, 1000–1800». Center for Studies of Social Change, working paper no. 51.
- Tilly, Charles. 1990. *Coercion, Capital, and European States, a. d. 990–1990*. Cambridge, Mass: Basil Blackwell. (Тилли Ч. Принуждение и капитал в эволюции европейских государств, 990–1990. М.: Территория будущего, 2009).
- Tilly, Charles. 1993. *European Revolutions, 1492–1992*. Oxford: Blackwell.
- Traugott, Mark. 1995. «Capital Cities and Revolution». *Social Science History* 19.1: 147–168.
- Treasure, Geoffrey. 1967. *Seventeenth-Century France*. New York: Anchor.
- Trevor-Roper, H. R. [1959] 1965. «The General Crisis of the Seventeenth Century». P. 59–95 in Aston 1965.
- Trexler, Richard C. 1974. *The Spiritual Power: Republican Florence under Interdict*. London: Brill.
- Trexler, Richard C. 1980. *Public Life in Renaissance Florence*. New York: Academic.
- van der Wee, Herman. 1993. *The Low Countries in the Early Modern World*. Aldershot, England: Variorum.
- van Hoboken, W. J. 1960. «The Dutch West India Company: The Political Background of its Rise and Decline». P. 41–61 in *Britain and the Netherlands*, ed. by J. S. Bromley and E. H. Kossmann. London: Chatto and Windus.
- van Houtte, J. A. 1977. *An Economic History of the Low Countries*. New York: St. Martin's.
- Varine, Béatrice. 1979. *Villages de la vallée de l'Ouche aux 17e et 18e siècles*. Roanne: Horvath.
- Veenendaal, Jr., Augustus J. 1994. «Fiscal Crises and Constitutional Freedom in the Netherlands». P. 96–139 in *Fiscal Crises, Liberty, and Representative Government, 1450–1789*, ed. by Philip T. Hoffman and Kathryn Norborg. Stanford: Stanford University Press.
- Venard, Marc. 1957. *Bourgeois et paysans au 17e siècle*. Paris: SEVPEN.
- Vilar, Pierre. 1962. *La Catalogne dans l'Espagne moderne: Recherches sur les fondements économiques des structures nationales*, 2 vols. Paris: SEVPEN.
- Villain, Jean. 1952. *Le Recouvrement des impôts directs sous l'Ancien Régime*. Paris: Marcel Rivière et Cie.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Vovelle, Michel. 1993. *La Découverte de la politique: Géopolitique de la Révolution française*. Paris: Ediltons de la Découverte.
- Vovelle, Michel, ami Daniel Roche. 1965. «Bourgeois, Rentiers, and Property Owners: Elements for Defining a Social Category at the End of the Eighteenth Century». P. 25–46 in *New Perspectives on the French Revolution*, edited by Jeffrey Kaplow. New York: John Wiley and Sons.
- Waley, Daniel. 1969. *The Italian City-Republics*. London: Weidenfield and Nicholson.
- Wallerstein, Immanuel. 1974–89. *The Modern World System*. Vol. 1–3. New York: Academic Press. (Краткое изложение: Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение / Пер. Н. Тюкина. М.: Территория будущего, 2006).
- Walzer, Michael. 1965. *Revolution of the Saints*. Cambridge: Harvard University Press.
- Weber, Max. 1889. *Zur Geschichte der Handlungsgesellschaften im Mittelalter* (On the history of medieval trading companies). Stuttgart: Enke.
- Weber, Max. [1916] 1964. *The Religion of China: Confucianism and Taoism*. New York: Free Press.
- Weber, Max. [1916–1917] 1958. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Scribner's. (Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. Сост. Ю. Давыдова. М.: Прогресс, 1990).
- Weber, Max. [1916–1917] 1958. *The Religion of India: The Sociology of Hinduism and Buddhism*. New York: Free Press.
- Weber, Max. [1922] 1978. *Economy and Society*. Edited by Guenther Roth and Claus Wittich. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Weber, Max. [1923] 1961. *General Economic History*. New York: Collier. (Вебер М. История хозяйства. Очерки всеобщей социальной экономической истории. Пет-роград: Наука и школа, 1923).
- Westrich, Sal Alexander. 1972. *The Orme of Bordeaux*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- White, Harrison C. 1970. *Chains of Opportunity: System Models of Mobility in Organizations*. Cambridge: Harvard University Press.
- White, Harrison C. 1992. *Identity and Control: A Structural Theory of Social Action*. Princeton: Princeton University Press.
- White, Lynn, Jr. 1962. *Medieval Technology and Social Change*. London: Oxford University Press.
- Wickham, Chris. 1981. *Early Medieval Italy: Central Power and Local Society, 400–1000*. Totowa, N.J.: Barnes and Noble.
- Willcox, William. 1946. *Gloucestershire: A Study in Local Government, 1590–1640*. New Haven: Yale University Press.
- Wittfogel, Karl August. 1957. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press.
- Wood, James B. 1980. *The Nobility of the Election of Bayeux, 1463–1666: Continuity through Change*. Princeton: Princeton University Press.
- Woodward, G. W. O. 1966. *The Dissolution of the Monasteries*. London: Blandford.
- Wolf, S. J. 1968. «Venice and the Terraferma: Problems of the Change from Commercial to Landed Activity». P. 175–200 in *Crisis and Change in the Venetian Economy*, edited by Brian Pullan. London: Methuen.
- Wordie, J. R. 1983. «The Chronology of English Enclosure, 1500–1914». *Economic History Review*, 2d ser., 26.4: 483–505.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Wrightson, Keith, and David Levine. 1979. *Poverty and Piety in an English Village: Terling, 1525–1700*. New York: Academic Press.
- Wrigley, E. A., and R. S. Schofield. 1981. *The Population History of England, 1541–1871*. Cambridge: Harvard University Press.
- Wuthnow, Robert. 1985. «State Structures and Ideological Outcomes». *American Sociological Review* 50: 799–821.
- Wuthnow, Robert. 1989. *Communities of Discourse*. Cambridge: Harvard University Press.
- Yelling, J. A. 1977. *Common Field and Enclosure in England, 1450–1850*. New Haven: Archon.
- Zeitlin, Maurice, and Richard Earl Ratcliff. 1988. *Landlords and Capitalists: The Dominant Class of Chile*. Princeton: Princeton University Press.

РИЧАРД ЛАХМАН

КАПИТАЛИСТЫ ПОНЕВОЛЕ

Конфликт элит и экономические преобразования
в Европе раннего Нового времени

Выпускающий редактор серии *Е. Попова*

Корректор *Е. Макеева*

Оформление серии *В. Коршунов*

Верстка *С. Зиновьев*

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 36,8. Уч.-изд. л. 40,6. Тираж 2000 экз.

Заказ №

Издательский дом «Территория будущего»
125009, Москва, ул. Б. Дмитровка, 12/1, стр. 1

Отпечатано в ГУП ППП «Типография „Наука“»
121099 Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-91129-061-0

9 785911 129061 0